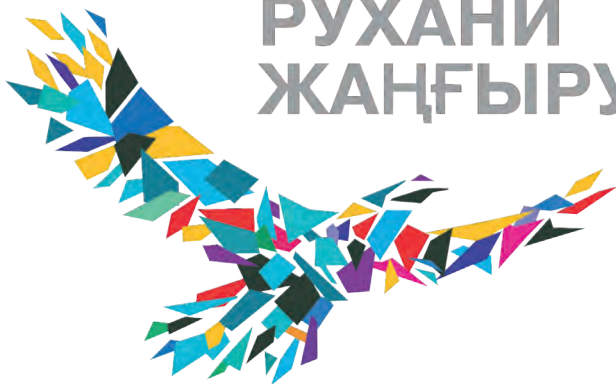

РУХАНИ ЖАҢҒЫРУ

*«Ұлы Дала тарихы мен мәдениеті»
ғылыми бағдарламасы*

**«Ұлы Дала тарихы мен мәдениеті» ғылыми бағдарламасын іске
асыру жөніндегі қоғамдық кеңестің құрамы**

М.Қ. Әбусейітова
Б.Ә. Байтанаев
Ғ.Т. Бексеитов
Ә.Б. Дербісәлі
Л.Б. Жансүгірова
К.Т. Жұмағұлов
З.Е. Қабылдинов
М.К. Қойгелдиев
Д. Масимханұлы
Т.О. Омарбеков
А. Саипов

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ
ҒЫЛЫМ КОМИТЕТІ
Ә. Х. МАРҒҰЛАН АТЫНДАҒЫ АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТЫ

МАРҒҰЛАН ОҚУЛАРЫ – 2020:

«Ұлы Дала археологиялық және пәнаралық зерттеулер
аясында» атты халықаралық ғылыми-тәжірибелік
конференция материалдары
(Алматы қ., 17–18 қыркүйек 2020 ж.)

1 том

Алматы
2020

ӘОЖ 902/904
КБЖ 63.4
М 25

Жинақ Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі
Ғылым комитетінің нысаналы қаржыландыру бағдарламасы аясында шығарылды,
жобаның ЖТН BR05233709, тақырыбы: «Ұлы даланың тарихы мен мәдениеті»

Баспаға Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитеті
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының
Ғылыми кеңесі ұсынған

Бас редактор:

Б.Ә. Байтанаев, тарих ғылымдарының докторы,
Қазақстан Республикасы Ұлттық ғылым академиясының академигі

Рецензенттер:

А. Г. Ситдиқов, тарих ғылымдарының докторы, Татарстан Республикасы Ұлттық
ғылым академиясының корреспондент-мүшесі
М. Қ. Хабдулина, тарих ғылымдарының кандидаты, доцент

Редакциялық алқа:

Ә.М. Манапова, тарих ғылымдарының кандидаты; Т.Б. Мамиров, тарих
ғылымдарының кандидаты; Ж. Құрманқұлов, тарих ғылымдарының кандидаты;
А.Ә. Нұржанов, тарих ғылымдарының кандидаты; Г.С. Жұмабекова, тарих
ғылымдарының кандидаты; Ж.Қ. Мықтыбаева, тарих ғылымдарының кандидаты;
Ғ.А. Базарбаева, тарих ғылымдарының кандидаты; Т.Н. Лошакова,
Е.Ш. Ақымбек, PhD докторы; Ж.Р. Утубаев, тарих ғылымдарының кандидаты,
М.Қ. Сүйіндікова, М.С. Шағырбаев

М 25 Марғұлан оқулары – 2020: «Ұлы Дала археологиялық және пәнаралық зерттеулер
аясында» атты халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары
(Алматы қ., 17–18 қыркүйек 2020 ж.). Алматы: Ә.Х. Марғұлан ат. Археология
институты, 2020. 1 том. 504 б.

ISBN 978-601-7106-43-0

ISBN 978-601-7106-44-7

Жинақтың бірінші томында археология ғылымының тарихы, Еуразия
аумағындағы археологиялық ескерткіштерді зерттеу барысында алынған пәнаралық
зерттеу нәтижелері бойынша мақалалар, сонымен қатар, ауқымды хронологиялық
кезеңмен мерзімделетін материалдарға жүргізілген сараптамалық ізденістердің
нәтижелері жинақталған.

Басылым отандық және шетелдік археологияның өзекті мәселелерін зерттеумен
айналысатын мамандардың барлығының қызығушылығын тудырады.

ISBN 978-601-7106-43-0

ISBN 978-601-7106-44-7

ӘОЖ 902/904

КБЖ 63.4

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
КОМИТЕТ НАУКИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ ИМЕНИ А. Х. МАРГУЛАНА

МАРГУЛАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2020:

материалы международной
научно-практической конференции
«Великая Степь в свете археологических
и междисциплинарных исследований»
(г. Алматы, 17–18 сентября 2020 г.)

Том 1

Алматы
2020

УДК 902/904
ББК 63.4
М 25

Сборник издается в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, ИРН проекта BR05233709, тема: «История и культура Великой степи»

Рекомендовано к печати Ученым советом Института археологии им. А. Х. Маргулана Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

Главный редактор:

Б. А. Байтанаев, доктор исторических наук,
академик Национальной академии наук Республики Казахстан

Рецензенты:

А. Г. Ситдииков, доктор исторических наук,
член-корреспондент Академии наук Татарстана
М. К. Хабдулина, кандидат исторических наук, доцент

Редакционная коллегия:

А.М. Манапова, кандидат исторических наук; Т.Б. Мамиров, кандидат исторических наук; Ж. Курманкулов, кандидат исторических наук; Н.А. Нуржанов, кандидат исторических наук; Г.С. Джумабекова, кандидат исторических наук; Ж.К. Мыктыбаева, кандидат исторических наук; Г.А. Базарбаева, кандидат исторических наук; Т.Н. Лошакова, Е.Ш. Акымбек, доктор PhD; Ж.Р. Утубаев, кандидат исторических наук; М.К. Суиндикова, М.С. Шагирбаев

М 25 Маргулановские чтения – 2020: материалы международной научно-практической конференции «Великая Степь в свете археологических и междисциплинарных исследований» (г. Алматы, 17–18 сентября 2020 г.). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2020. Т. 1. 504 с.

ISBN 978-601-7106-43-0
ISBN 978-601-7106-44-7

В первом томе сборника сосредоточены статьи по истории археологической науки, результатам междисциплинарных исследований, полученных в ходе изучения археологических памятников на территории Евразии, а также итоги аналитических изысканий материалов, датируемых широким хронологическим диапазоном.

Издание будет интересно всем, кто занимается изучением актуальных вопросов отечественной и зарубежной археологии.

ISBN 978-601-7106-43-0
ISBN 978-601-7106-44-7

УДК 902/904
ББК 63.4

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN
COMMITTEE OF SCIENCE
A. Kh. MARGULAN INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

MARGULAN READINGS – 2020:

Proceedings of the International scientific
and practical conference
“Great Steppe in light of archaeological
and interdisciplinary research”
(Almaty, September 17–18, 2020)

Volume 1

Almaty
2020

UDC 902/904
LBC 63.4
M 25

The is published within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, IRN of the project is BR05233709, theme: “History and culture of the Great Steppe”

Recommended for press by the Scientific Council of the A.Kh. Margulan Institute of Archaeology of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

Editor-in-chief:

B. A. Baitanayev, Doctor of Historical Sciences,
Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan

Reviewers:

A.G. Sitdikov, Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
M.K. Khabdulina, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Editorial board:

A.M. Manapova, Candidate of Historical Sciences; T.B. Mamirov, Candidate of Historical Sciences; J. Kurmankulov, Candidate of Historical Sciences; N.A. Nurzhanov, Candidate of Historical Sciences; G.S. Jumabekova, Candidate of Historical Sciences; Zh.K. Myktybayeva, Candidate of Historical Sciences; G.A. Bazarbayeva, Candidate of Historical Sciences; T.N. Loshakova, E.Sh. Akymbek, PhD; Zh.R. Utubayev, Candidate of Historical Sciences; M.K. Suindikova, M.S. Shagirbayev

M 25 Margulan readings – 2020: proceedings of the international scientific and practical conference “Great Steppe in the light of archaeological and interdisciplinary research” (Almaty, September 17–18, 2020). Almaty: A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, 2020. Vol. 1. 504 p.

ISBN 978-601-7106-43-0
ISBN 978-601-7106-44-7

The first volume of the proceedings is focused on the history of archaeological science, results of interdisciplinary research into the archaeological sites in the territory of Eurasia, as well as results of analytical surveys of materials dating to a wide chronological range.

The volume will appeal to the researchers working on topical issues of national and foreign archaeology.

ISBN 978-601-7106-43-0
ISBN 978-601-7106-44-7

UDC 902/904
LBC 63.4

**К. М. Байпақовты еске алуға арналады
(1940–2018)**

*Посвящается памяти К. М. Байпакова
(1940–2018)*

*Dedicated to the memory of K. M. Baipakov
(1940–2018)*

***

Карл Молдахметұлы Байпақов 1940 жылы 17 қарашада Талғар қаласында дүниеге келген. 1958 жылы № 1 орта мектепті алтын белгімен бітіріп, М. И. Артамонов, М. П. Грязнов, Б. Б. Пиотровский, В. М. Массон секілді белгілі ғалымдар білім алған А. А. Жданов атындағы Ленинград мемлекеттік университетінің тарих факультетіне оқуға түседі.

К. М. Байпақовтың Оңтүстік Қазақстан мен Жетісу өңірінің ортағасырлық қала мәдениетін зерттеуге бағыт алып, ғалым ретінде қалыптасуы ҚазКСР ҒА Ш. Ш. Уәлиханов атындағы Тарих, археология және этнология институтының қабырғасында орын алды. 1963 ж. бастап Карл Молдахметұлы Қазақстан территориясындағы археологиялық зерттеулерге қатысып келеді, оның ішінде 1989 жылдан бастап – Оңтүстік Қазақстан кешенді археологиялық экспедициясының жетекшісі ретінде қызмет етті. 1966 ж. қараша айында К. М. Байпақов ҚазКСР ҒА Тарих археология және этнология институтына кіші ғылыми қызметкер болып қабылданады. Карл Молдахметұлы – 1991 ж. бастап Ә. Х. Марғұлан атындағы Археология институтының алғашқы директоры болды және бұл қызметті 2010 ж. мамыр айына дейін үздіксіз басқарды. 1994 ж. конкурс бойынша Қазақстан Республикасы Ұлттық Ғылым Академиясының (ҚР ҰҒА) мүше-корреспонденті болып сайланды. 1995 ж. – профессор атағына ие болды. 2003 ж. – ҚР ҰҒА академигі болып сайланды, отандық археологиядағы алғашқылардың бірі.

Карл Молдахметұлы көптеген марапаттарға ие, оның ғылымға сіңірген еңбегі жоғары бағаланып, үкімет тарапынан – ҚР еңбек сіңірген ғылым және техника қайраткері, «Парасат» және III дәрежелі «Барыс» орденімен, ЮНЕСКО-ның «Орталық Азия өркениеттерінің тарихын зерттеу және жариялаудағы – «Әлемдік ғылымға қосқан үлесі үшін» орденімен, «Тарих, мәдениет, әдебиет және бейнелеу өнері» номинациясы

бойынша «Экономикалық достастықтағы мұсылман елдерінің рухани дамуына қосқан үлесі үшін» дипломы мен естелік белгісімен және т.б. марапатталды.

Біз «Марғұлан оқулары – 2020» конференциясының материалдарын Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының алғашқы директоры Карл Молдахметұлы Байпақовты еске алу құрметіне арнаймыз.

Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институтының ұжымы

***

Карл Молдахметович Байпаков родился 17 ноября 1940 года в г. Талгар. В 1958 г. окончил среднюю школу № 1 с золотой медалью и поступил на исторический факультет Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова, где учился у ведущих специалистов М. И. Артамонова, М. П. Грязнова, Б. Б. Пиотровского, В. М. Массона.

Становление К. М. Байпакова как ученого, выбравшего основным направлением исследований средневековую городскую культуру Южного Казахстана и Жетысу, происходило в стенах Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН КазССР. С 1963 года Карл Молдахметович участвует в археологических исследованиях на территории Казахстана, в том числе с 1989 г. – в качестве начальника Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции. В ноябре 1966 г. К. М. Байпаков был принят в штат ИИАЭ АН КазССР младшим научным сотрудником. Карл Молдахметович – первый директор Института археологии им. А. Х. Маргулана, который он возглавил в 1991 году и бессменно руководил до мая 2010 г. В 1994 г. по конкурсу был избран членом-корреспондентом Национальной Академии наук Республики Казахстан (НАН РК). В 1995 г. – удостоен ученого звания профессора. В 2003 г. – избран академиком НАН РК, одним из первых в отечественной археологии.

Карл Молдахметович имеет много наград, его заслуги признаны государством, правительством – заслуженный деятель науки и техники РК, награжден орденами «Парасат» и «Барыс» III степени, медалью ЮНЕСКО «За вклад в мировую науку – изучение и публикацию “Истории цивилизаций Центральной Азии”», дипломом и памятным знаком «За вклад в изучение духовного развития мусульманских Стран Экономического Содружества» в номинации «История, культура, литература и изобразительное искусство» и др.

Мы отдаем дань памяти и посвящаем материалы конференции «Маргулановские чтения – 2020» первому директору Института археологии им. А. Х. Маргулана Карлу Молдахметовичу Байпакову.

Коллектив Института археологии им. А. Х. Маргулана

***

Karl M. Baipakov was born on November 17, 1940 in the city of Talgar. In 1958 he graduated from high school no. 1 with a gold medal and entered the history department of A. A. Zhdanov Leningrad State University, where he learned from leading specialists M. I. Artamonov, M. P. Gryaznov, B. B. Piotrovsky, V. M. Masson.

The formation of K. M. Baipakov as a scientist who chose the medieval urban culture of South Kazakhstan and Jetysu as the main area of research took place within the walls of the Ch. Ch. Walikhanov Institute of History, Archeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Since 1963, Karl M. Baipakov participated in archaeological research in Kazakhstan, including since 1989, as the head of the South Kazakhstan Integrated Archaeological Expedition. In November 1966, K. M. Baipakov was accepted into the staff of the IHAE of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR as a junior researcher. Karl M. Baipakov was the first director of the A. Kh. Margulan Institute of Archeology, which he headed in 1991 and continuously led until May of 2010. In 1994, he was elected as a corresponding member of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan (NAS RK). In

1995, he awarded the academic title of Professor. In 2003, he was elected as an Academician of the NAS RK, one of the first in national archaeology.

Karl M. Baipakov had many awards, his merits are recognized by the state, the government, he was an honored worker of science and technology of the Republic of Kazakhstan, awarded the Parasat and Barys orders of the III degree, the UNESCO medal «For Contribution to World Science – Study and Publication of the History of Civilizations of Central Asia», diploma and commemorative sign «For contribution to the study of the spiritual development of the Muslim countries of the Economic Commonwealth» in the nomination «History, culture, literature and fine arts», etc.

We pay tribute and dedicate the materials of the «Margulan Readings – 2020» Conference to the first director of the A. Kh. Margulan Institute of Archeology Karl M. Baipakov.

Staff of the A. Kh. Margulan Institute of Archeology

Бас редактордан

Археологтардың дәстүрлі конференциясы «Марғұлан оқулары» араға біраз уақыт салып Іле Алатауының бөктеріндегі көркем қаламыз – Алматыда қайта өткізіліп отыр. Бұл форум Ә. Х. Марғұлан атындағы Археология институтының бірінші директоры К. М. Байпақовтың бастамасымен ұйымдастырылған форум 30 жылдан астам уақыт бойы өткізіліп келеді.

Биыл Карл Молдахметұлының туғанына 80 жыл толады. Ой-өрісі кең ғалым тас дәуірінен бастап кейінгі ортағасырларға дейін тарих және археологияның мәселелерімен айналысты, Институттың іргелі ғылыми зерттеулеріне жетекшілік етті, сонымен қатар Оңтүстік Қазақстан және Жетісудың урбанизациясы, Қазақстандағы дала өркениеті, Ұлы Жібек жолы және дала мен қала мәдениетінің өзара байланысын жан-жақты зерттеді.

К. М. Байпақовтың өмір бойғы қызметі – Отырар оазисіндегі ескерткіштерді, Оңтүстік Қазақстан және Жетісудың қала мәдениетін зерттеуден тұрады. Сырдария бойындағы Отырар, Құйрық-төбе, Көк-Мардан, Мардан-Күйік; Талас өңіріндегі Тараз, Қостөбе, Өрнек; Шу өңіріндегі Құлан жән Қызылөзен; Солтүстік-Шығыс Жетісудағы – Қойлық және Талғар қалаларының археологиялық зерттелуі Карл Молдахметұлының есімімен байланысты. Әрине К. М. Байпақовтың басты зерттеулерінің бірі – Алматы қаласының жасы, пайда болуы және қалыптасу кезеңі болатын. К. М. Байпақов ЮНЕСКО-мен тығыз байланыста белсенді жұмыс істеді. 2001–2004 жж. Карл Молдахметұлы халықаралық Қазақстан–Жапония–ЮНЕСКО арасындағы «Ежелгі Отырар қаласын сақтау» бағдарламасының жетекшілерінің бірі болды.

Карл Молдахметұлы – көптеген монографиялардың, альбомдардың, каталогтардың, ғылыми және ғылыми-көпшілік мақалалар, мектеп оқушылары және жоғарғы оқу орындарының студенттеріне арналған оқулықтар мен оқу құралдарының авторы. К. М. Байпақов Қазақстан және алыс-жақын шет елдерде 60-тан астам авторлық және ұжымдық монографиялар, 15 альбом, каталог және 12 оқулық пен оқу құралын, 500-ден астам ғылыми мақалаларын жариялаған. К. М. Байпақов жас мамандардың қалыптасуына көп көңіл бөлді.

Конференция тарихына қайта оралсақ, сонау 1989 жылы алғаш рет «Марғұлан оқулары» Ш. Ш. Уәлиханов атындағы Тарих, археология және этнология институтының қабырғасында өткізілгенін айтқымыз келеді. Конференцияны қайтадан Алматыда өткізу 2019 ж. Нұр-Сұлтан қаласында өткен Марғұлан оқуларында көпшілік алдында жария болды.

Алматыдағы академия қабырғасында пайда болған конференция біршама жылдар ішінде Қазақстанның Астана/Нұр-Сұлтан, Павлодар, Көкшетау, Петропавл, Шымкент, Қарағанды және Ақтөбе қалаларындағы

ғылыми орталықтарда өткізілді. «Марғұлан оқулары» Қазақстан, ТМД елдері және алыс шетелдердің мамандары үшін, археологиялық қазба жұмыстары мен жаңалықтары және теориялық әзірлемелерінің нәтижелері туралы есептік баяндамаларын біріктіретін көп қырлы іс шара ретінде белгілі болды.

«Ұлы Дала археологиялық және пәнаралық зерттеулер аясында» тақырыбындағы конференция нысаналы қаржыландыру бағдарламасы аясындағы кең ауқымды «Ұлы даланың тарихы мен мәдениеті» атты жобаның міндеттерін жүзеге асыру шеңберінде Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігінің бірқатар ғылыми бөлімдері: Ә. Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Р. Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институты, Ш. Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті және т.б. өкілдерін бір арнада тоғыстыру арқылы өткізіліп отыр.

Аталған жобамен жұмыс барысында Елбасы Нұрсұлтан Назарбаевтың жариялаған «Болашаққа бағдар: рухани жаңғыру» және «Ұлы Даланың жеті қыры» атты бағдарламалық мақалаларындағы негізгі міндеттер жүзеге асырылуда. Елбасы жаңа тарихи кезеңде: рухани және мәдени құндылықтарды сақтау және көбейту, әлемнің дамыған 30 елінің қатарына кіру мақсатын алға қойғаны белгілі. «Жаңа тұрпатты жаңғырудың ең басты шарты – сол ұлттық кодынды сақтай білу» [Назарбаев, 2017]. Қазақстан тұрғындарының тарихы мен мәдениетін зерттеу, қазақстандықтардың рухани құндылықтарын жаңғырту, ұлттық бірегейлікті сақтауға ұмтылу, сіңірген білімін жариялау – тарих және археология ғылымдарының заманауи талаптарына жауап беретін негізгі міндеттер. Қоғамдық сананы жаңғырту саяси және экономикалық жаңғыртудың «өзегі» іспеттес. Қазақстан археологтарының ғылыми ізденістері ұлттық дүниетанымның іргелі негіздерін құрудағы күрделі үдерістің ажырамас бөлігі болып табылады.

Ә. Х. Марғұлан атындағы Археология институтының ұжымы ғылыми ізденістердің бағыттарын айқындауда заманауи талаптарға жауап беріп қана қоймай, отандық ғылымның дәстүрлерін дамытуда. Институтта 2018 ж. кезінде белгілі ғалым М. Қ. Қадырбаев басқарған Қаз КСР ҒА Ш. Ш. Уәлиханов атындағы Тарих, археология және этнология институтындағы Археологиялық технология зертханасы (жет. Е. Ш. Ақымбек) бүгінгі заман талабына сәйкес қайта ұйымдастырылды.

М. Қ. Қадырбаев 1972 ж. құрылған зертхананың ұйымдастырушысы және жетекшісі болды. Сол жылдары қазақстандық археологияның мэтрі зертхананы қолданбалы сипатта ғана емес, теориялық тарихи-мәдени реконструкциялау орталығына да айналуын көздеген. Спектрлік талдау, керамика технологиясы және палеозоологиялық зерттеулер Қазақстанның ежелгі және орта ғасырлардағы тұрғындарының тау-кен және металургия өндірісін, шаруашылығы мен көзе ісі технологиясын талдаумен айналысты [Хабдулина, 2007, с. 181]. 1983–1990 жылдары зертхананы С. М. Ақынжанов, одан кейін 1990 ж. бастап Ж. Құрманқұлов басқарып, зерттеу жұмыстарын ғылыми-жаратылыстану әдістеріне негізделген зерттеулер және археологиялық

материалдарды реставрациялау бағыттарымен ұштастырды. ҚазКСР ҒА Ш. Ш. Уәлиханов атындағы Тарих, археология және этнология институтының археология бөлімінде кешенді зерттеулермен Т. Н. Нурумов, Л. А. Макарова, Э. Ф. Кузнецова, Т. М. Тепловодская секілді ғалымдар айналысты.

Ә. Х. Марғұлан атындағы Археология институтының құрамында қайта құрылған зертхананың жұмыстары археозоологиялық және керамиканы технико-типологиялық зерттеу, сонымен қатар тас және сүйек құралдарды трасологиялық зерттеуге бағытталып отыр. Зертхананың жас қызметкерлері ғылыми тәжірибе жинақтап, кәсіби дағдыларын жетілдіру үстінде, сонымен қатар, әлемнің жетекші ғылыми орталықтарының ғалымдарымен: ҚР БҒМ Қ. И. Сәтпаев атындағы Геология ғылымдары институты – Б. У. Байшашов, С. А. Нигматова; РФА ОБ Өсімдіктер және жануарлар экологиясы институты – П. А. Косинцев, Д. О. Гимранов; А. Х. Халиков атындағы Археология институты – М. Ш. Галимова; Қазан федералдық университеті – Е. Ф. Шайхутдинова; Поволжье мемлекеттік әлеуметтік-гуманитарлық академиясы – И. Н. Васильева; Самара мемлекеттік университеті – Н. П. Салугина; «ВолгоНИИгипрозем» АҚ (Самара қ.) – И. П. Горащук; Украина ҰҒА Археология институты – В. Б. Панковский және т.б. тығыз ынтымақтастықта жұмыс істеп келеді.

Институттың дамуындағы маңызды кезеңнің бірі тағы бір зерттеу құрылымын қалыптастыру болып табылады. 01.07.2015 жылы Ғылыми кеңестің отырысында Ә. Х. Марғұлан ат. Археология институтының құрамында Қазақстандағы палеоантропологиялық зерттеу зертханасын (жет. Е. П. Китов) құру шешімі қабылданды. Бүгінде зертханада расо- және этногенез мәселелерін пәнаралық зерттеу бағытында ізденістер жүргізіліп келеді. Қазақстан территориясындағы тас, қола, ерте темір ғасырларындағы халықтардың қоныстану мәселесіне ерекше назар аударылуда. Қазіргі таңда Самар мемлекеттік әлеуметтік-педагогикалық университетінде Ә. Отар және Р. Жанұзақ «Этнография, этнология және антропология» бағыты бойынша А. А. Хохловтың жетекшілігімен аспирантурада білім алуда.

«Ұлы Даланың тарихы және мәдениеті» бағдарламасы аясында Ә. Х. Марғұлан ат. Археология институты Популяциялық генетика зертханасымен (ҚР БҒМ ҒК Цитология және жалпы генетика институты) тығыз байланыста жұмыс жасуда. Популяциялық генетика зертханасында (жет. Л. Б. Жансугүрова) қазақтардың этногенезі бойынша талдаулар жасалынып, Ұлы Даланың ерте кезеңдегі тарихын айғақтайтын палеогенетикалық зерттеу нысандары анықталды.

2019 жылы Ә. Х. Марғұлан ат. Археология институтында жас ғалымдардың «Ақынжанов оқулары» конференциясы қайта жалғасын тапты [Ақынжанов оқулары – 2019]. Аталған іс-шара аясында жас буын зерттеушілер өздерінің зерттеу бағыттары бойынша нәтижелерін жариялап, ғылыми талқыға салады. Археология институтының жас мамандарының Қазақстандағы университеттердің, ғылыми орталықтардың ғана емес, басқа да шет елдік жас мамандармен пікір алмасуы жақсы үрдіс.

«Марғұлан оқулары – 2020» конференциясының жинағына Қазақстанның 15 қаласынан: Нұр-Сұлтан (20 қатысушы), Алматы (57), Ақтөбе (5), Есік (3), Жезқазған (1), Зайсан (1), Қарағанды (6), Қостанай (3), Қызылорда (4), Павлодар (3), Семей (1), Тараз (1), Түркістан (3), Орал (2), Шымкент (2); жақын шетелдер бойынша 16 қаладан – Қырғызстаннан: Бішкек (2); Өзбекстаннан: Самарқанд (1); Ресейден: Мәскеу (9), Санкт-Петербург (2), Барнауыл (2), Екатеринбург (4), Иркутск (1), Қазан (3), Новосібір (9), Орынбор (3), Самара (2), Уфа (2), Челябинск (2); Украинадан: Киев (2), Донецк (1), Харьков (1), сонымен қатар алыс шетелдер бойынша бес қаладан – Түркиядан: Измир (1); Германиядан: Тюбинген (5) және АҚШ: Нью-Йорк (1), Питтсбург (1), Сент-Луис (1) әріптестер қатысып отыр. Жарияланымға жалпы – 87 мақала, оның ішінде 53 – отандық археологтар, 19 – шетелдік мамандар және 15 – Қазақстан зерттеушілерінің жақын және алыс шетелдік әріптестермен бірігіп дайындаған мақалалары еніп отыр.

Конференция материалдарының жинағы екі томнан тұрады. 1 томның бірінші бөлімі Қазақстанның археологиялық зерттеулер тарихына арналған материалдармен және Д. Ә. Марғұланның Ә. Х. Марғұланға арналған мақаласымен басталады; екінші бөлім пәнаралық зерттеулердің нәтижелерімен таныстырады; үшінші бөлім талдау мақалаларынан тұрады.

Екінші томда тас дәуірінен бастап Жаңа заманға дейінгі хронологиялық кезеңге сәйкес далалық зерттеу жұмыстарының нәтижелері беріледі. Жинақ беттерінде талқыланатын тақырыптар археологияның өзекті мәселелеріне қызығушылық танытатын мамандардың назарын аударады деп үміттенеміз.

Конференцияға қатысушы әріптестерге Ә. Х. Марғұлан ат. Археология институтының ұжымы атынан шын жүректен алғыс айтамын!

Әдебиет

«Ақынжанов оқулары – 2019» атты көрнекті археолог С.М. Ақынжановтың 80 жылдығына арналған жас ғалымдардың халықар. археол. конф. жинағы (Алматы қ., 16-17 қазан 2019 ж.). Алматы: Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, 2019. 192 б.

Назарбаев Н.А. Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания. 12 апреля 2017 г. URL: https://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/press_conferences/statya-glavy-gosudarstva-vzglyad-v-budushchee-modernizaciya-obshchestvennogo-soznaniya (дата обращения: 03.04.2020).

Хабдулина М.К. Тасмолинская археологическая культура: современное состояние // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2007. № 2. С. 181–194.

*Құрметпен
Б. Ә. Байтанаев*

От главного редактора

Впервые после длительного перерыва традиционная конференция археологов «Маргулановские чтения» проводится в живописном городе, расположенном у подножия гор Иле Алатау – Алматы. На протяжении более чем 30 лет существует форум, инициированный первым директором Института археологии им. А. Х. Маргулана К. М. Байпаковым.

В этом году исполняется 80 лет со дня рождения Карла Молдахметовича. Человек широкой эрудиции, он прекрасно разбирался в вопросах археологии и истории от каменного века до эпохи позднего средневековья, осуществляя руководство фундаментальными научными исследованиями Института, в том числе по вопросам урбанизации Южного Казахстана и Жетысу, проблем степной цивилизации Казахстана, взаимодействия города и степи, исследованиями Великого Шелкового пути.

Дело всей жизни К. М. Байпакова – изучение памятников Отрарского оазиса, городской культуры Южного Казахстана и Жетысу. С именем Карла Молдахметовича связаны раскопки городищ Отрара, Куйрык-тобе, Кок-Мардана, Мардан-Куика на Сырдарье; Тараза, Костобе, Орнека в Таласской долине; Лугового и Краснореченского городищ в Шуской долине; Каялыка и Тальхира – в Северо-Восточном Жетысу. Конечно, один из главных интересов К. М. Байпакова – изучение периода возникновения, развития и возраста города Алматы. К. М. Байпаков активно работал в сотрудничестве с ЮНЕСКО. Так, в 2001–2004 гг. Карл Молдахметович – соруководитель международной Программы Казахстан–Япония–ЮНЕСКО «Сохранение древнего городища Отрар».

Карл Молдахметович – автор многочисленных монографий, альбомов, каталогов, научных и научно-популярных статей, учебников и учебных пособий для средних школ и студентов вузов. К. М. Байпаковым опубликовано более 60 авторских и коллективных монографий, 15 альбомов, каталогов и 12 учебников и учебных пособий, свыше 500 научных статей, как в Казахстане, так и в странах ближнего и дальнего зарубежья. Большое значение К. М. Байпаков придавал воспитанию молодых специалистов.

Возвращаясь к истории конференции, отметим, что именно в далеком 1989 г., в стенах Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова впервые были проведены Маргулановские чтения. Возвращение конференции в Алматы стало моим решением и было публично озвучено на Маргулановских чтениях в г. Нур-Султан в 2019 г.

Возникнув в академических стенах Алма-Аты, конференция охватила научные центры Казахстана в городах Астана/Нур-Султан, Кокшетау, Павлодар, Петропавловск, Шымкент, Караганды, Актобе. Специалистам

Казахстана, стран СНГ и дальнего зарубежья «Маргулановские чтения» известны как многоплановое мероприятие, сочетающее отчетные доклады о проведенных археологических работах, открытиях и результатах теоретических разработок.

Нынешняя конференция на тему «Великая Степь в свете археологических и междисциплинарных исследований» проводится в рамках реализации задач масштабного проекта программно-целевого финансирования «История и культура Великой степи», собравшего в одну команду представителей ряда научных подразделений Министерства образования и науки Республики Казахстан: Института археологии им. А. Х. Маргулана, Института востоковедения им. Р. Б. Сулейменова, Института истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова, Казахского национального университета им. аль-Фараби и др.

В ходе работы над данным проектом реализуются также задачи, озвученные Елбасы Нурсултаном Назарбаевым в программных статьях «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания» и «Семь граней Великой степи». Елбасы поставлена цель в новый исторический период: сохранить и приумножить духовные и культурные ценности, войти в 30 развитых государств мира. «Первое условие модернизации нового типа – это сохранение своей культуры, собственного национального кода» [Назарбаев, 2017]. Изучение культуры и истории населения Казахстана, возрождение духовных ценностей казахстанцев, стремление сохранить национальную идентичность, популяризация полученного знания – задачи, отвечающие современным требованиям исторической науки, археологии. Это обусловлено тем, что модернизация общественного сознания выступает «сердцевинной» политической и экономической модернизации. Научные изыскания археологов Казахстана являются неотъемлемой частью сложного процесса созидания фундаментальных основ национального мировоззрения.

Коллектив Института археологии им. А. Х. Маргулана, определяя направления научных поисков, не только отвечает требованиям современной науки, но и развивает традиции отечественной науки. В Институте в 2018 г. была организована Лаборатория археологических технологий (рук. Е. Ш. Акымбек), являющаяся преемницей Лаборатории археологических технологий Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова Академии наук КазССР, возглавляемой известным ученым М. К. Кадырбаевым.

М. К. Кадырбаев стал организатором и руководителем Лаборатории в 1972 г. Важно, что уже в те годы мэтр казахстанской археологии предполагал не только прикладной характер лаборатории, но рассматривал ее как центр теоретических историко-культурных реконструкций. Отделы спектрального анализа, гончарных технологий и палеозоологических исследований занимались анализом технологии гончарного дела, изучением хозяйства древнего и средневекового населения Казахстана, горного и металлургического производства [Хабдулина, 2007, с. 181]. В 1983–1990 гг. лабораторию возглавил С. М. Ахинжанов, а затем, в 1990 г. - Ж. Курманкулов, уделив

основное внимание двум направлениям: естественно-научным методам исследований археологических источников и реставрации археологических материалов. Комплексными исследованиями в отделе археологии ИИАЭ им. Ч.Ч. Валиханова занимались Т. Н. Нурумов, Л. А. Макарова, Э. Ф. Кузнецова, Т. М. Тепловодская.

Деятельность вновь созданной лаборатории в составе Института археологии им. А.Х. Маргулана направлена на археозоологические и технико-типологические исследования керамики, а также начато изучение трасологии изделий из камня и кости. Молодые исследователи, сотрудники лаборатории учатся, совершенствуют профессиональные навыки, работают в постоянном сотрудничестве с учеными из ведущих научных центров мира: Институт геологических наук им. К. И. Сатпаева МОН РК – Б. У. Байшашов, С. А. Нигматова; лаборатория палеоэкологии Института экологии растений и животных УрО РАН - П. А. Косинцев, Д. О. Гимранов; Институт археологии им. А. Х. Халикова – М. Ш. Галимова, Казанский Федеральный университет –Е. Ф. Шайхутдинова; Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, г. Самара - И. Н. Васильева; Самарский государственный университет - Н. П. Салугина; АО «ВолгоНИИгипрозем», г. Самара – И. П. Горашук; Институт археологии НАН Украины – В. Б. Панковский и др.

Важной вехой в развитии Института стало образование еще одной структурной единицы. На заседании Ученого совета 01.07.2015 г. было принято решение о создании на базе Института археологии им. А. Х. Маргулана целевой научно-исследовательской Лаборатории палеоантропологического изучения Казахстана (рук. Е. П. Китов). Сегодня усилиями лаборатории ведутся исследования, ориентированные на междисциплинарные исследования в области расо- и этногенеза населения. Особое внимание уделяется древнейшим периодам заселения территории Казахстана – эпохе камня, бронзы, раннему железному веку. В настоящее время в аспирантуре Самарского государственного социально-педагогического университета проходят обучение А. Отар и Р. Жанузак под руководством А. А. Хохлова по направлению «Этнография, этнология и антропология».

В рамках Программы «История и культура Великой степи» Институт археологии им. А. Х. Маргулана работает в тесном взаимодействии с Лабораторией популяционной генетики (Институт общей генетики и цитологии КН МОН РК). В Лаборатории популяционной генетики (рук. Л. Б. Джансугурова) проведены аналитические исследования по этногенезу казахов, определены объекты для палеогенетических исследований, характеризующие раннюю историю Великой Степи.

В 2019 г. в Институте археологии им. А. Х. Маргулана возобновлена конференция молодых ученых «Ахинжановские чтения» [Ақынжанов оқулары – 2019]. В рамках данного мероприятия новое поколение исследователей апробирует результаты своих разработок, совершенствует приобретенные навыки. Это хорошая традиция собираться и обсуждать насущные вопросы

археологии молодыми специалистами Института археологии, университетов, научных центров не только Казахстана, но и других стран.

В сборнике конференции «Маргулановские чтения – 2020» приняли участие коллеги из 15 городов Казахстана: Нур-Султана (20 участников), Алматы (57), Актобе (5), Есика (3), Жезказгана (1), Зайсана (1), Караганды (6), Костаная (3), Кызылорды (4), Павлодара (3), Семей (1), Тараза (1), Туркестана (3), Уральска (2), Шымкента (2); из 16 городов ближнего зарубежья – Кыргызстана: Бишкека (2); Узбекистана: Самарканда (1); России: Москвы (9), Санкт-Петербурга (2), Барнаула (2), Екатеринбурга (4), Иркутска (1), Казани (3), Новосибирска (9), Оренбурга (3), Самары (2), Уфы (2), Челябинска (2); Украины: Киева (2), Донецка (1), Харькова (1), а также пяти городов дальнего зарубежья Турции: Измира (1); Германии: Тюбингена (5) и США: Нью-Йорка (1), Питтсбурга (1), Сент-Луиса (1). Всего к публикации принято 87 статей, в том числе 53 – отечественных археологов, 19 – иностранных специалистов и 15 статей подготовлено исследователями Казахстана совместно с коллегами из ближнего и дальнего зарубежья.

Сборник материалов конференции состоит из двух томов. Первый раздел тома 1 посвящен истории археологического изучения Казахстана, и венчает его статья Д. А. Маргулан, посвященная А. Х. Маргулану; второй раздел знакомит с результатами междисциплинарных исследований; третий раздел содержит аналитические статьи. Второй том знакомит с итогами полевых работ и изложение материала в нем организовано по хронологическому принципу от эпохи камня до Нового времени. Надеемся, что вопросы, обсуждаемые на страницах сборника, найдут отклик у специалистов, интересующихся актуальными вопросами археологии.

От имени коллектива Института археологии им. А.Х. Маргулана искренне благодарю коллег, принявших участие в конференции!

Литература

«Ақынжанов оқулары – 2019» атты көрнекті археолог С.М. Ақынжановтың 80 жылдығына арналған жас ғалымдардың халықар. археол. конф. жинағы (Алматы қ., 16-17 қазан 2019 ж.). Алматы: Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, 2019. 192 б.

Назарбаев Н.А. Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания. 12 апреля 2017 г. URL: https://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/press_conferences/statya-glavy-gosudarstva-vzglyad-v-budushchee-modernizaciya-obshchestvennogo-soznaniya (дата обращения: 03.04.2020).

Хабдулина М.К. Тасмолинская археологическая культура: современное состояние // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2007. № 2. С. 181–194.

*С уважением,
Б. А. Байтанаев*

From Chief editor

For the first time after a long break, the traditional conference of archaeologists «Margulan Readings» is held in a picturesque city at the foot of the Ile Alatau Mountains – Almaty. For more than 30 years, there has been a forum initiated by the first director of the A.Kh. Margulan Institute of Archaeology K. M. Baipakov.

This year marks the 80th anniversary of the birth of Karl M. Baipakov. A man of wide erudition, he was well versed in archeology and history from the Stone Age to the late Middle Ages, directing fundamental scientific research of the Institute, including on the urbanization of South Kazakhstan and Jetysu, the problems of steppe civilization of Kazakhstan, the interaction of the city and the steppe, research of the Great Silk Road.

The whole life of K. M. Baipakov is the study of monuments of the Otrar oasis, urban culture of South Kazakhstan and Jetysu. Excavations of the fortifications of Otrar, Kuiryk-tobe, Kok-Mardan, Mardan-Kuik on Syr-Darya; Taraz, Kostobe, Ornek in the Talas Valley; Lugovoe and Krasnorechenskoe settlements in the Shu Valley; Kayalyk and Talhir – in Northeast Jetysu are associated with the name of Karl M. Baipakov. Of course, one of the main interests of K. M. Baipakov is the study of the period of emergence, development and age of the city of Almaty. K. M. Baipakov actively worked in cooperation with UNESCO. So, in 2001–2004 Karl M. Baipakov was a co-head of the international program Kazakhstan–Japan–UNESCO “Preservation of the ancient settlement Otrar”.

Karl M. Baipakov is the author of numerous monographs, albums, catalogs, scientific and popular science articles, textbooks and teaching aids for secondary schools and university students. K. M. Baipakov published more than 60 individual and collective monographs, 15 albums, catalogs and 12 textbooks and teaching aids, over 500 scientific articles, both in Kazakhstan and in countries near and far abroad. K. M. Baipakov attached great importance to the education of young specialists.

Returning to the history of the conference, we shall note that in far 1989 the Readings were held in the walls of the Ch.Ch. Walikhanov Institute of History, Archaeology and Ethnography. The returning of the conference to Almaty was my personal decision and it was publicly announced at the Margulan Readings in Nur-Sultan in 2019.

Having emerged in the academic walls of Alma-Ata, the conference embraced scientific centers of Kazakhstan in the cities of Astana/Nur-Sultan, Kokshetau, Pavlodar, Petropavlovsk, Shymkent, Karagandy and Aktobe. “Margulan Readings” are renowned to specialists of Kazakhstan, CIS countries and far beyond as a multifaceted event, comprising reports on ongoing archaeological work, discoveries, and findings of theoretical developments.

Today's conference "Great Steppe in the light of archaeological and interdisciplinary research" is carried under the implementation of the major project of program-targeted funding "History and culture of the Great Steppe", which gathered together representatives of several scientific departments of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan: A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies, Ch.Ch. Walikhanov Institute of History and Ethnology, al-Farabi Kazakh National University, etc.

The project pursues the objectives outlined by Elbasy Nursultan Nazarbayev in the program articles "Vision for the Future: Modernization of Public Mind" and "Seven Dimensions of the Great Steppe". Elbasy set a target for the new historical period: to preserve and multiply spiritual and cultural values, to join the top 30 most developed countries of the world. "The first condition for the modernization of a new type is preservation of own culture, own national code" [Nazarbayev, 2017]. Exploration of the culture and history of the Kazakhstan population, revitalizing of spiritual values of Kazakhstanis, commitment to preservation of the national identity, popularization of the acquired knowledge – these are the goals that meet modern requirements of historical science, archaeology. This stems from the fact that modernization of public mentality is the "core" of political and economic modernization. Scientific research of Kazakhstan archeologists is an integral part of the complex process of building the foundations of the national worldview.

When determining the directions of scientific search, members of the A.Kh. Margulan Institute of Archaeology not only conform modern requirements, but also develop traditions of national science. In 2018, the Institute organized the Laboratory of Archaeological Technologies (the head is A. Eraly), which became a successor of the Laboratory of Archaeological Technologies of the Ch.Ch. Walikhanov Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Academy of Sciences of KazSSR, headed by the renowned scientist M. K. Kadyrbayev.

M. K. Kadyrbayev became the organizer and the head of the Laboratory in 1972. Importantly, in those years, this master of Kazakh archaeology envisioned not only the applied character of the laboratory, but considered it as a center of theoretical, historical, and cultural reconstructions. Departments of spectral analysis, pottery technologies and paleozoological research were engaged in analysis of pottery technology, study of the economy of ancient and medieval population of Kazakhstan, mining and metallurgical production [Khabdulina, 2007, p. 181]. In 1983–1990, the laboratory was headed by S. M. Akhynjanov, and later, in 1990, by J. Kurmankulov, who focused on two directions: natural-scientific methods of analysis of archaeological sources and restoration of archaeological materials. Complex research in the Department of Archaeology of the Ch.Ch. Walikhanov Institute of History, Archaeology and Ethnography was carried out by T. N. Nurumov, L. A. Makarova, E. F. Kuznetsova, T. M. Teplovodskaya.

The research of the newly created laboratory within the A.Kh. Margulan Institute of Archaeology is focused on archeozoological and techno-typological analysis of ceramics; trace evidence analysis on stone and bone artefacts has also been initiated. Young researchers, laboratory staff learn and improve professional

skills working in continuous collaboration with leading scientific centers around the world: K. I. Satpayev Institute of Geological Sciences MES RK – B. U. Baishashov, S. A. Nigmatova; Laboratory of Paleoecology of the Institute of Plant and Animal Ecology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences P. A. Kosintsev, D. O. Gimranov; Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov – M. Sh. Galimova; Kazan Federal University – E. F. Shaikhutdinova; Volga State Social and Humanitarian Academy – I. N. Vasilyeva; Samara State University – N. P. Salugina; JSC “VolgoNIIgiprosem” (Samara) – I. P. Gorashchuk; Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine – V. B. Pankowski et al.

An important milestone in the development of the Institute was the formation of another structural unit. At a meeting of the Scientific Council of 01.07.2015, it was decided to create on the basis of the A. Kh. Margulan Institute of Archeology a targeted research laboratory of paleoanthropological study of Kazakhstan (the head is E. P. Kitov). Today, the laboratory is conducting research focused on interdisciplinary research in the field of racial and ethnogenesis of the population. Particular attention is paid to the oldest periods of settlement of the territory of Kazakhstan – the Era of Stone, Bronze, the Early Iron Age. Currently, A. Otar and R. Januzak are studying at the graduate school of Samara State Socio-Pedagogical University under the direction of A. A. Khokhlov in the direction “Ethnography, Ethnology and Anthropology”.

Within the framework of the Program “History and Culture of the Great Steppe”, the A. Kh. Margulan Institute of Archaeology works in close cooperation with the Laboratory of Population Genetics (Institute of General Genetics and Cytology of the CS MES RK). In the Laboratory of Population Genetics (the head is L. B. Jansugurova) were conducted analytical studies on the ethnogenesis of Kazakhs, identified objects for palaeogenetic research that characterize the early history of the Great Steppe.

In 2019, the conference of young scientists “Akhyndanov Readings” [Aqynjanov oqylary – 2019] was resumed at the A. Kh. Margulan Institute of Archaeology. As part of this event, a new generation of researchers will test the results of their developments and improve their acquired skills. This is a good tradition to gather and discuss pressing issues of archaeology by young specialists of the Institute of Archaeology, universities, scientific centers not only of Kazakhstan, but also of other countries.

Colleagues who contributed to the proceedings of the “Margulan Readings 2020” conference come from 15 cities of Kazakhstan: Nur-Sultan (20 participants), Almaty (57), Aktobe (5), Esik (3), Jezkazgan (1), Zaysan (1), Karagandy (6), Kostanay (3), Kyzylorda (4), Pavlodar (3), Semey (1), Taraz (1), Turkestan (3), Uralsk (2), Shymkent (2); 16 cities of the near abroad – Kyrgyzstan: Bishkek (2); Uzbekistan: Samarkand (1); Russia: Moscow (9), St. Petersburg (2), Barnaul (2), Yekaterinburg (4), Irkutsk (1), Kazan (3), Novosibirsk (9), Orenburg (3), Samara (2), Ufa (2), Chelyabinsk (2); Ukraine: Kiev (2), Donetsk (1), Kharkov (1), and five cities of far abroad: Turkey: Izmir (1); Germany: Tübingen (5) and USA: New York (1), Pittsburgh (1), St. Louis (1). In total, 87 articles were accepted for publication,

including 53 from national archeologists, 19 from foreign specialists, and 15 articles were prepared jointly by researchers of Kazakhstan and colleagues from near and far abroad.

The conference material collection consists of two volumes. Within the volume, the papers are divided into several sections. The first block of Volume 1 includes materials concerned with the history of archaeological study of Kazakhstan and it is crowned by the article of D. A. Margulan dedicated to A. Kh. Margulan. The next block introduces the results of interdisciplinary research. The second volume introduces the results of fieldwork and the presentation of the material there is organized according to the chronological principle from the Era of the Stone to the New Age. Fieldwork materials are gathered in five sections organized chronologically: Stone Age, Bronze Age, Early Iron Age, Middle Ages, and modern period. Articles covering a wide range of different disciplines – cultural studies, theology, ethnology, folklore, etc. – constitute a separate block. We hope that the matters discussed on the pages of this volume will find a response among the specialists interested in topical issues of archaeology.

On behalf of the staff of the A. Kh. Margulan Institute of Archaeology, I sincerely thank our colleagues who participated in the conference!

References

«Akynjanov okulary – 2019» atty kornekti arheolog S.M. Akynjanovtyn 80 jyldygyna arnalgan jas galymdardyn halykar. arheol. konf. jinagy (Almaty k., 16–17 kasan 2019). Almaty: A.Kh. Margulan atyndagy Arheologiya instituty, 2019. 192 b.

Nazarbayev N.A. Course towards the future: modernization of Kazakhstan's identity. 12.04.2017. URL: https://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/press_conferences/statya-glavy-gosudarstva-vzglyad-v-budushchee-modernizaciya-obshchestvennogo-soznaniya

Khabdulina M.K. Tasmolinskaya arheologicheskaya kultura: sovremennoe sostoyanie // Voprosy istorii i arheologii Zapadnogo Kazahstana. 2007. № 2. P. 181-194.

*Sincerely,
B. A. Baitanayev*

АРХЕОЛОГИЯ ҒЫЛЫМЫ ТАРИХЫНАН

ИЗ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

Д. А. Маргулан

А. Х. МАРГУЛАН И ЕГО ВКЛАД В ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ УЛЫТАУ-ЖЕЗКАЗГАНСКОГО РЕГИОНА

В статье кратко охарактеризованы основные объекты, исследовавшиеся Центрально-Казахстанской археологической экспедицией (ЦКАЭ) под руководством А. Х. Маргулана в Улытау – регионе, имеющем особое значение в истории сложения Казахского ханства.

Ключевые слова: А.Х. Маргулан, ЦКАЭ, Улытау, Жезказган, исследования

Ә. Х. Марғұлан және оның Ұлытау-Жезқазған аймағы ескерткіштерін зерттеуге қосқан үлесі

Мақалада Ә. Х. Марғұлан жетекшілік еткен Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясының (ОҚАЭ) Қазақ хандығының құрылу тарихында маңызды орын алатын Ұлытау өңіріндегі зерттелінген нысандары сипатталады.

Түйін сөздер: Ә. Х. Марғұлан, ОҚАЭ, Ұлытау, Жезқазған, зерттеулер

A. Kh. Margulan and his contribution to the study of monuments of Ulytau-Zhezkazgan region

The article briefly describes the main objects investigated by the Central Kazakhstan Archaeological Expedition (CKAE) under the leadership of A. Kh. Margulan in Ulytau, a region of particular importance in the history of the Kazakh Khanate.

Keywords: A. Kh. Margulan, CKAE, Ulytau, Zhezkazgan, research

Академик А. Х. Маргулан в 1946 г. возглавил ЦКАЭ, осуществлявшей исследования археологических памятников в Центральном Казахстане. Объектом его особого интереса были древние памятники Улытау-Жезказганского региона.

Улытау для казахов священная земля. Первый Президент РК, Елбасы Н. А. Назарбаев, посетивший Улытау в 2014 г., писал: «Улытау – өте қасиетті жер. Ұлытау деп аталуының өзінің тарихи мәні бар. Қазақтың кең даласының қай жеріне барсаң да осындай қасиетті жерлер табылады. Дегенмен, Ұлытаудың орны бір басқа».

Памятники оседлой культуры Центрального Казахстана принадлежат жителям этой страны кыпчакам. Кыпчаки и родственные им огузы, карлуки, канглы появляются на исторической арене после распада древнегуннского

союза в V–VI вв. н.э., играют ведущую роль в сложении Западно-тюркского каганата – первого раннефеодального государства на территории Средней Азии и Казахстана. После распада Тюркского каганата (VIII в.) кыпчаки обособляются и в X в. создают политическое объединение Дешт-и Кыпчак. По арабским и персидским источникам, Дешт-и Кыпчак делился на западную и восточную части. В период арабского завоевания Средней Азии кыпчаки обитали на территории от Тургая до Иртыша.

На протяжении ряда столетий культурно-экономическая жизнь государства кыпчаков Дешт-и Кыпчака, основанная на скотоводстве, горном деле и металлургии, а также земледелии была сосредоточена в районе гор Улытау, в бассейнах рек Сарысу, Тургай, Жыланшык, Кенгир, Жезды. В этой культурной полосе особенное историческое значение принадлежит Улытау и Жезказгану – кузнице Дешт-и Кыпчака как крупнейшим центрам древней металлургии, население которых, наряду со скотоводством, занималось добычей и плавкой руды. Медь, железо, золото, серебро, а также цветные камни были предметами торговли Дешт-и Кыпчака с Римом, Хорасаном, Арменией, Китаем, т.е. со всем культурным миром того времени. Впервые эти вопросы были освещены в трудах аль-Идриси.

Основную часть Дешт-и Кыпчака составлял современный Центральный Казахстан, широко известный под названием Сарыарка. В арабских и персидских источниках Дешт-и Кыпчак представлен одним из культурных центров раннего средневековья.

Улытау, бассейны рек Тургай, Жыланшык, Кенгир, Жезды, Сарысу с их превосходными пастбищами для скота были благоприятны для появления здесь крупных очагов оседлой культуры – укрепленных поселений Болган-Ана, Ногербек-Дарасы, Орда-Базар, Хан-Ордасы, Аяккамыр, Баскамыр.

Руины крепости Хан-Ордасы находятся в устье р. Аксай, впадающей в р. Каракенгир, в 65 км выше мавзолея Жошы-хана. Это укрепление больших размеров обнесено глубоким рвом. По углам и по периметру мощные фланкирующие башни. Стены крепости сооружены из обожженного кирпича, крепость имеет форму квадрата. Вокруг холма сохранились оборонительные рвы шириной 5 м, глубиной 2–3 м. В северо-восточной половине укрепления возведена мощная цитадель с башнями. К сожалению, раскопки на этом важном объекте еще не проводились

В Улытау расположены следы укреплений в виде валов Жер-Корган, крепостные стены Айбас-Дарасы, Ногербек-Дарасы, остатки укрепленных замков из жженного кирпича Алтыншоқы, Каратон; по р. Каракенгир расположены грандиозные холмы Хан-Ордасы – ставки Жошы-хана и замка Ескижурт. На р. Жезды расположены руины крепостных сооружений Баскамыр, Аяккамыр, Талдысай, Жезказган, Топрак-Корган. В 1 км от Топрак-Коргана обнаружены следы древнего медеплавильного центра.

У западного подножья горы Кишитау, в 28 км на СВ от рудника Актас, находятся руины крепостного сооружения, развалины крепостной стены из камня расположены руины на р. Шыгырлы, в урочище Бодык, на р. Жыланшык

обнаружены руины укрепленного кыстака со следами оросительной системы. Следы укрепленных поселений были обнаружены на восточном берегу р. Большой Тургай, а также в северных предгорьях Улытау (Каратал) и на Караагаше (р. Сарысу).

Вниз по течению р. Сарысу расположены следы укрепленных поселений Жубан-Ана, Аманбай-дуал, Каражарское укрепление (Жер-Корган), Торткулак-Корган (Кызылжангыл), Жаманкала.

Вблизи от оседлых поселений находились погребения преимущественно в виде курганных насыпей. Курганы наиболее многочисленные памятники древности. Они встречаются по всей территории Казахстана. Особенно много курганов в Жетысу, в Центральном и Восточном Казахстане. Традиция возведения курганов была чрезвычайно устойчивой. Возникнув в конце средней бронзы, она просуществовала до V в. н.э.

Курганные насыпи представляют собой надгробные сооружения племенным вождям, представителям знати, выдающимся воинам. В некоторых курганах есть камеры с конским погребением.

Древние курганы относятся к истории племенных союзов саков, гуннов, усуней, кангуй. В курганную культуру свою значительную лепту внесли кыпчаки. Приверженность этих народов курганной культуре свидетельствует об общности их ритуалов, традиций и быта.

Наиболее ранние надгробия представляли каменные выкладки в форме круга, в центре которого находился большой каменный ящик, перекрытый плоскими плитами (дольмен).

Курганы с катакомбами, обнаруженные в Центральном Казахстане, свидетельствуют об обитании в этих краях гуннов. Гуннские курганы занимают горные и речные долины, они тянутся широкой полосой от Улытау, верховьев рек Тургай и Терсаккан на восток до Каркаралы и Шынгыстау. Особенностью гуннских погребений являются деформированные черепа погребенных.

К кыпчакской культуре относятся многочисленные каменные изваяния, встречающиеся по всей территории Центрального Казахстана: в горах Улытау, Арганаты, в горных долинах, примыкающих к бассейнам рек Атасу, Нура, Ишим. О сооружениях кыпчаков писал Рубрук: «Команы насыпают большой холм над усопшим и воздвигают ему статую, обращенную лицом к востоку и держащую в руке перед пупком чашу».

Памятники древнего искусства – наскальные гравюры встречаются по всей территории Казахстана. Их необычайно много в местности Байконур, в горах Улытау, на скалах по берегам р. Буланты. Удивительно, как древние художники создавали картинные галереи под открытым небом. Поражает мастерство художников, которые творили у малодоступных скал, горных вершин. Творения древних художников сравнимы с поэтическими мифами и являются своеобразным проявлением мироощущения древних жителей Сарыарки. На юго-западных склонах Улытау, на отвесных гранитных скалах находится серия петроглифов, нанесенных точечной техникой, изображающих кочевой быт, караваны верблюдов, табуны пасущихся лошадей. Обширная

группа наскальных гравюр на скалах по берегу р. Буланты. Галерея петроглифов протянулась на несколько километров и состоит из множества рисунков животных, сцен охоты, скачущих коней, караванов верблюдов. Петроглифы выполнены большими мастерами, передавшими совершенные формы коней, их динамизм, экспрессию верблюдов. Большая часть петроглифов расположена в недоступных в наше время местах, на отвесных скалах на высоте до 200 м.

С наступлением мирных дней после нашествия монгольских завоевателей кыпчаки составили основное население Ак-Орды или Восточного Дешт-и Кыпчака.

Памятниками культуры доисламской эпохи древних обитателей Сарыарки кыпчаков являются дынги, дынгеки и уйтасы. Уйтасы разной степени сохранности, нередко в комплексе с каменными изваяниями, встречаются в долинах рек Атасу, Сарысу, Жезды, Терсаккан, в предгорьях Улытау, в верховьях рек Кенгир и Тургай. Из преданий известно, что в уйтасах в древности поддерживался огонь. Известно также, что в условиях суровых зим XVII–XVIII вв. уйтасы для чабанов были спасительным убежищем. Доисламские памятники архитектуры несут в себе черты зодчества древних эпох и совершенно отличаются от среднеазиатских. Дынги, дынгеки, уйтасы представляют собой конические сооружения, по своей форме напоминающие юрту, отличаются простотой конструкции и отсутствием декора. В этих памятниках реализована идея «ложного» свода как результат закономерного сочетания композиций пирамидально-ступенчатого перекрытия эпохи поздней бронзы и свода «шанырак» войлочной юрты. В сооружениях дынг, дынгек, уйтас свод со стенами толщиной до 3 м предстает монолитом, без выраженной границы перехода от основания к куполу. Монолитные конструкции создавались из горизонтальных рядов камней, нависающих один над другим. Для этого использовались сланцевые плиты, дающие четкую композицию круглого или конического свода.

Дынги – конические сооружения в виде башен, в некоторых случаях высотой до 20 м. Они бывают круглой, квадратной и многогранной композиций. Переход от основания к куполу осуществляется с помощью «ложного» свода как в уйтасе, т.е. путем постепенного сужения и закругления кверху. У дынгов двойной купол, внутренний и верхний. Пол, как правило, выстлан плитками, при этом края плит заделаны в кладку стен. Внутренний купол закреплен деревянными балками, несущими на себе груз верхнего купола.

Дынги различной степени сохранности расположены в долине р. Тургай, в предгорьях Улытау, в горах Итмурынды, в северной долине р. Уленты, в горах Аулие Кызылтау, в урочище Жанай вблизи Жезказгана.

Каменные сооружения «дынгек» сооружались перед свадебными торжествами ханских дочерей или знатных особ для того, чтобы они имели возможность окидывать взором собравшихся джигитов-претендентов и выбирать себе жениха.

Одним из самых значительных памятников доисламской архитектуры является Домбаул. Это величественное сооружение расположено на левом

возвышенном берегу р. Кенгир, в 45 км к северу от Жезказгана и в 4 км от мавзолея Жошы-хана. Хорошо сохранившийся до наших дней памятник имеет квадратное основание с размерами сторон 8,9×7,9 м, сложен из хорошо отесанных крупных сланцевых плит, скрепленных ганчевым раствором (смесь глины и гипса). Высота сооружения 5,5 м. Стены, имеющие толщину 1,5–2,0 м, постепенно переходят в двойной купол. Вход в виде овального проема традиционно расположен на восточной стороне сооружения. Основание высотой до 1 м выстлано плоскими плитами. В верхней части сооружения с северной и южной сторон находятся отверстия, через которые внутрь проникает свет. Памятник возведен в честь героя древности Домбаула, о котором у казахов сохранились предания и легенды.

Уйтасы по объемно-композиционному решению представляют собой однокамерные центрические сооружения с круглым основанием, от которого поднимаются стены, сложенные ступенчатой кладкой и переходящие в сферический купол.

В верховьях р. Каракенгир находятся уйтас 1 и уйтас 2. На правом высоком берегу р. Каратургай, у места слияния с р. Сарытургай расположено около 10, в разной степени разрушенных, уйтасов. В 2 км к ЮЗ от предыдущего на правом возвышенном берегу р. Сарытургай расположен еще один уйтас. Уйтасы находятся также в Улытауском районена горе Мык, на р. Жезды в урочище Жанай, еще один на р. Буланты.

С X–XII вв. в Казахстане основным строительным материалом при сооружении мавзолеев становится жженный кирпич. В мемориальных архитектурных памятниках появляются элементы декоративного оформления: способ фигурной кладки кирпича в виде квадратов, треугольников, ромбов, елочного орнамента, используются кирпичи с фигурной резьбой, а также резная терракота.

Для этого времени характерно появление двухярусных сооружений с галереями и полусферическими куполами, поверхность которых облицовывалась рядами плиток на ганчевом растворе и которые опирались на многогранные или иной формы барабаны. Эта конструкция была завершающей частью в гармонии формы.

Значительный архитектурный памятник – мавзолей Жошы-хана расположен в 45 км от Жезказгана, на левом возвышенном берегу р. Кенгир, с которого открывается обширная панорама на долину р. Кенгир. Как пишут Джувейни и Рашид-Аддин, это место было избрано Джучи-ханом для своего пребывания. Джучи нашел, что «во всем мире не может быть земли приятней этой, воздух лучше этого, воды слаще этой, лугов и пастбищ обширнее этих».

Мавзолей Джучи-хана (Жошы) сооружен из обожженного кирпича, хорошо сохранился и представляет прямоугольную в плане постройку. С юго-западной стороны возвышается прямоугольный портал со стрельчатой аркой и невысокий купол на многогранном барабане. Судя по остаткам декоративных плиток, портал мавзолея был отделан бирюзовой глазурью и орнаментом из резной терракоты. Об этом свидетельствуют следы орнаментального пояса

вокруг порталной арки и фриз парапета. По преданиям на порталном поясе была надпись и дата постройки.

К древнейшим поселениям Центрального Казахстана относится укрепление Алаша-хана, который расположен в северной долине Улытау, на левом берегу р. Каратал. Возникновение этого укрепления, несомненно, связано с именем Алаша-хана. Мавзолей Алаша-хана сооружен из обожженного кирпича. Мавзолей находится в 60 км к востоку от г. Сатпаев, на правом берегу р. Каракенгир. Построен в XI в. Своеобразие этого мавзолея заключается в том, что он двухярусный, имеет галерею, по которой можно пройти на второй ярус. Мавзолей Алаша-хана, его стены декорированы ковровым орнаментом, что делает мавзолей необычайно красивым.

В завершении можно сказать, что сакральность Улытау подтверждается еще одним событием в годы образования Казахского ханства. В долине р. Сарысу, на ее левом берегу, в районе, где расположены развалины древних крепостей Белен-ана и Алатеге, по легендам, связанным с именем Алаша-хана, находится историческое для казахов место. Здесь в 1467 г. у Тамгалы-таса состоялся синклит, в котором приняли участие представители трех жузов. От Старшего жуза – усуни, от Среднего – аргыны, каракесеки, кыпчаки и найманы, от Младшего – алшыны и табыны. Представителями трех жузов на скале Тамгалы-тас была высечена надпись на кыпчакском языке арабским шрифтом об объединении казахских племен в единый казахский народ. Это место официального провозглашения народа по имени «казах». Надпись об объединении казахских племен в единый народ гласит: «Кипчаки, найманы, алшыны, аргыны (каракесеки), усуни и табыны, о, дай благоденствие этим шестерым». Против каждого рода была выбита тамга. В народе это место называют «Қазақтың ұран шақырып, Қазақ біріккен жері».

ЦКАЭ во главе с А. Х. Маргуланом обследовано и описано множество памятников в Улытау-Жезказганском регионе. Многие памятники были открыты и описаны впервые. Открытие древних памятников и описание их истории явилось бесценным вкладом для понимания сакрального мира этого региона и его роли в истории казахов.

Рекомендуемая литература

Маргулан А.Х. Собрание сочинений в 14 томах. Т. 2. Сарыарка. Горное дело и металлургия в эпоху бронзы. Джекказган - древний и средневековый металлургический центр (городище Милыкудук). Алматы: «Дайк-пресс», 2001. 144 с., рис.

Маргулан А.Х. Собрание сочинений в 14 томах. Т. 3–4. Петроглифы Сарыарки. Каменные изваяния Улытау. Алматы: «Атамұра», 2003. Т. 3–4. 50 с., с вкл. 246 с.

Маргулан А.Х. Собрание сочинений в 14 томах. Алматы, 1998-2012.

М. В. Бедельбаева

ОБРАЗЫ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА КАЗАХСТАНА В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ А. Х. МАРГУЛАНА

Образы наскального изобразительного искусства древних и средневековых народов, населяющих территорию Казахстана, А. Х. Маргулан воспринимал как исторический источник с колоссальным информационным потенциалом. Эволюция и трансформация петроглифов рассматривается в его научном наследии через призму уникального по полноте устного народного творчества и национального прикладного искусства. В ходе многолетних археологических исследований территории Центрального Казахстана, академик фиксировал местонахождения петроглифов и основные сюжеты, чтобы представить их как иллюстративный материал, подтверждающий непрерывную линию развития материальной и духовной культуры населения. В статье проанализированы результаты работ ЦКАЭ по выявлению и фиксации памятников наскального искусства на протяжении 40–70-х гг. XX в. и рассмотрены основные тезисы ученого о петроглифах, публикуемые в статьях и книгах, изданных уже после смерти А. Х. Маргулана. Громадный диапазон научных интересов в области истории и археологии, этнографии и фольклоре позволил исследователю плодотворно воссоздать широкую по исторической ретроспективе, уникальную по содержательности и глубине подборку образцов древнего изобразительного творчества.

Ключевые слова: А. Х. Маргулан, петроглифы, искусство, материальная культура, археологические памятники, изображения

Ә. Х. Марғұланның ғылыми мұрасындағы Қазақстанның жартаc өнеріндегі бейнелер

Ә. Х. Марғұлан ежелгі және ортағасырлардағы халықтардың жартастағы бейнелеу өнерінің суреттерін орасан зор ақпараттық потенциалы бар тарихи дерек ретінде қабылдады. Петроглифтердің эволюциясы мен өзгеруі оның ғылыми мұрасында өзінің халық ауыз шығармашылығы мен ұлттық қолданбалы өнерінің бірегейлігі тұрғысынан қарастырылады. Орталық Қазақстан территориясындағы көпжылдық археологиялық зерттеулер барысында академик петроглифтердің орналасқан жерін және негізгі сюжеттерді, оларды халықтың материалдық және рухани мәдениетінің үздіксіз дамуын растайтын иллюстрациялық материал ретінде көрсету үшін анықтайды. Мақалада XX ғ. 40–70 жылдары жартастағы өнер ескерткіштерін анықтау және бекіту бойынша ОҚАЭ жұмыстарының нәтижелері талданып, Ә. Х. Марғұлан өмірден өткеннен кейін басылып шыққан мақалалар мен кітаптарда жарияланатын петроглифтер туралы ғалымның негізгі тезистері қарастырылады. Тарих және археология, этнография және фольклор саласындағы ғылыми қызығушылықтардың кең ауқымы зерттеушіге мазмұндылығы мен тереңдігімен ерекшеленетін тарихи ретроспективаның кең жинағын, ежелгі бейнелеу өнерінің үлгілерін таңдауға тиімді мүмкіндік берді.

Түйін сөздер: Ә. Х. Марғұлан, петроглифтер, өнер, материалдық мәдениет, археологиялық ескерткіштер, суреттер

Images of rock art of Kazakhstan in the scientific heritage of A. Kh. Margulan

A. Kh. Margulan perceived the images of rock art of the peoples who inhabited the territory of Kazakhstan in ancient times and the Middle Ages as a historical source with great informational potential. The evolution and transformation of petroglyphs is considered in his scientific heritage in context of unique in its completeness oral folk art and national applied art. During many years of archaeological research on the territory of Central Kazakhstan, the academician recorded the location of petroglyphs and the main plots to present them as illustrative material, confirming the continuous line of development of the material and spiritual culture of the population. In the article the author analyzed the results of the SKAE's work on identifying and fixing rock art monuments during the 40s and 70s of XX century and examined the main theses of the scientist about petroglyphs which are represented in articles and books published after the death of A.Kh. Margulan. A huge range of scientific interests in the field of history and archeology, ethnography and folklore allowed the researcher to recreate a wide collection of historical retrospective, unique in its content and depth a selection of samples of ancient fine art.

Keywords: A.Kh. Margulan, petroglyphs, art, material culture, archaeological sites, images

Выдающийся казахский ученый-археолог, востоковед, историк, литературовед и искусствовед, доктор филологических наук, академик АН Казахской ССР, заслуженный деятель науки, основоположник отечественной школы археологии и этнографии Алькей Хаканович Маргулан оставил представительное научное наследие, часть которого составляет уникальная по содержательности и глубине подборка образцов древнего изобразительного искусства, представленного фотографиями и прорисовками петроглифов из различных регионов Казахстана.

Его дочь Д. А. Маргулан, работая над публикацией собрания сочинений академика, в одном из публичных выступлений сказала: «Драматичность судьбы А. Х. Маргулана в том, что при его жизни мало что издавалось. Он работал “в стол”, не думал о том, чтобы что-то выходило и не занимался вопросами своего возвеличивания. У него была одна задача – сделать как можно больше, чтобы оставить наследие, а потом у него была вера в то, что его дело продолжат потомки» [В ПГУ состоялась..., Интернет-ресурс].

Содержательная статья, посвященная петроглифам Казахстана, действительно была опубликована уже после смерти А. Х. Маргулана. Первая ее редакция напечатана в книге «Мир казаха» [Маргулан, 1997, с. 5–15], несколько измененный вариант с другим названием «Петроглифы Сарыарки. Гравюры с изображением волчьего тотема» издан позднее и помещен в третий–четвертый том собрания сочинений [Маргулан, 2003, с. 14–20]. Несомненный интерес представляют взгляды ученого на древнейшие памятники искусства – наскальные гравюры. Его работам присуще двойное значение: источниковедческое (выявление и документирование петроглифов производилось масштабно и целенаправленно) и научное (документальность,

подтвержденная многочисленными и качественными фотографиями, сдержанность в описании, последовательность в обобщении).

А. Х. Маргулан последовательно разрабатывает методологический подход к дешифровке семантики петроглифов как отражения мифологического восприятия окружающего мира людьми: «Творения древних художников сравнимы с поэтическими мифами и являются своеобразным проявлением мироощущения, мировосприятия древнего человека, населявшего территорию Казахстана» [Маргулан, 1997, с. 5].

Обратил внимание А. Х. Маргулан на особенности мифологического мышления в период создания основного массива петроглифов Казахстана (бронзовый век). Дешифруя многие изображения как следствие широкого распространения тотемизма, учёный, с одной стороны, относил тотемистические представления к наиболее архаичным, фундаментальным мифам, с другой стороны, характеризовал тотемный стиль мышления как первоначальный, «предпосылочный» по отношению к развитому мифологическому мышлению, обращённому к исторической ретроспективе [Маргулан, 2003, с. 14].

В этой статье на основе сравнительно-исторического изучения фольклора, образцов древнего искусства, изображающих волка, и петроглифов академик А. Х. Маргулан приходит к выводу о возникновении культа волка в древности, когда охота играла ведущую роль, в связи с чем и возникают сюжеты с его участием, которые из мифологии проникают в изобразительное искусство. Истоки легенд о волке, по его мнению, выходят далеко за пределы тюркско-монгольского периода и связываются в творчестве многих племен и народов с первобытной мифологией [Маргулан, 1997, с. 10–11].

Данная итоговая статья обобщает значительный материал многолетних полевых исследований академика. До работ ЦКАЭ под руководством А. Х. Маргулана (период с 1946 по 1974 гг.) петроглифы степной части Казахстана оставались неизвестны науке. О них знали только по отрывочным сообщениям путешественников и исследователей XVIII – нач. XX в. (Ф.-И. Стралленберг, Х. Ледебур, А. И. Шренк, В. П. Никитин, Н. Коншин, П. С. Паллас, Г. И. Спасский, Н. Н. Пантусов, И. А. Кастанье, Н. С. Воронец) чаще без точного указания месторасположения.

Например, Ф.-И. Стралленберг сообщал: «Русские в Сибири рассказывали мне, что на горе Итик (*Berge Itick*), лежащей между реками Ишимом и Иртышом, находится пирамида (*Pyramide*), на которой будто бы и теперь еще видны письма, но они мне ничего не могли сообщить о свойстве этих писем; было бы весьма любопытно, если бы время и обстоятельства позволили посетить это место, но ехать туда одному и без конвоя было бы опасно, так как это место находится в дикой степи, где беспрестанно снует казацкая орда. Одним словом, в этих местах и на конце р. Тобола находятся древности и редкости, которые вполне заслуживают быть срисованными» [Strahlenberg, 1975, с. 371].

Данное указание Ф.-И. Стралленберга было интерпретировано в археологической науке как свидетельство того, что он первым из учёных указал на расположение надписи Тимура в Улытау, в районе горы Итик (Итык),

которую было принято отождествлять с одной из вершин Улытау – Едыге [Маргулан и др., 1966, с. 15]. Обнаруженная К. И. Сатпаевым в 1935 г. плита с надписью Тимура поставила казахстанских археологов перед необходимостью объяснить возникавшее при этом противоречие с расположением горы Итик к востоку от Ишима. В результате А. Х. Маргуланом был сделан вывод о том, что «географическое представление Ф.-И. Страленберга и Г. Ф. Миллера о расположении горы Итик между Иртышом и Ишимом было неверно, оно отражало лишь уровень развития науки того времени» [Маргулан и др., 1966, с. 18].

Аргументация автора этой статьи относительно месторасположения гор(ы) Итик (Итык) – предположительным местом её локализации, возможно, является одна из гор (горы) Кокшетауской возвышенности – изложена в одном из номеров Вестника КИГИ РАН [Бедельбаева, 2019а, с. 367–377].

Детальная работа А. Х. Маргулана в архивах позволила с учетом сообщений ранних исследователей и путешественников обобщить все известные к тому времени данные и использовать их в своей работе. Огромный объем архивных материалов и документов, имеющих отношение к истории Казахстана, скрупулезно выявлены, изучены им в архивах Ленинграда, а впоследствии представлены в его научных работах, подтвержденные новыми исследовательскими данными и материалами раскопок ЦКАЭ.

Так, весной 1949 г. А. Х. Маргулан изучил рукописное наследие А. И. Шренка (ныне Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, ф. 317, оп. 1, 54 дела). Часть архивных листов, имеющих непосредственное отношение к историческим памятникам Центрального Казахстана, была скопирована для исследователя, о чем есть указание в материалах этого фонда. В частности, его заинтересовал дневник А. И. Шренка о поездке «въ Киргизской степи» весной-летом 1843 г., где есть информация об архитектурных памятниках в долине реки Кенгир, древних поселениях и рисунках (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, ф. 317, оп. 1, ед. хр. 7, л. 307). В 1946–1948 гг. А. Х. Маргулан исследовал археологические памятники VIII–XIV вв., расположенные в этом районе, в частности мавзолеем Болган Ана, и информация столетней давности, представленная в дневниковых записях А. И. Шренка, была интересна ученому.

В монографии «Древняя культура Центрального Казахстана» он, оценивая значимость этого архива, пишет: «Большинство рукописей А. И. Шренка снабжено хорошими рисунками с древних надписей, наскальных изображений» [Маргулан и др., 1966, с. 27]. Как полагал А. Х. Маргулан, именно А. И. Шренк первым «... дал научное описание знаменитой писаницы Тамгалытас», делая ссылку на ф. 317, оп. 1, д. 7, л. 389 [Маргулан и др., 1966, с. 27]. Однако, материалы путешествий А. И. Шренка по Казахстану в 1840–1843 гг. до сих пор не опубликованы, не переведены (часть записей сделана на старонемецком языке, основная масса дневников написана карандашом и с учетом бисерного почерка автора с трудом читается) и не введены в научный оборот. По листам использования дел в архиве восстанавливаются имена казахстанских

археологов, которые когда-либо обращались к архиву А. И. Шренка в процессе своих научных исследований – это А. Х. Маргулан (1949 г.), Е. И. Агеева (1952 г.) и автор этой статьи (2016 г.).

Понимая какой научный интерес представляет собрание родовых знаков–тамг в урочище Тамгалытас в Бетпакдале, А. Х. Маргулан осмотрел, сфотографировал и изучил их лично [Маргулан, 1948а, с. 127; 1997, с. 36; 2003, рис. 361]. Исследователь, используя сообщения Х. Бекхожина, Л. Кузнецова, К. И. Сатпаева, провел типологическое сопоставление серии знаков с известными тамгами средневековых кочевников и интерпретировал историческое значение этого памятника на основании казахских преданий и народной поэзии как эпиграфическое свидетельство важного исторического события (подробнее история исследования этого памятника, включая современный период, блестяще изложена А.Е. Рогожинским [2017, с. 297–307]).

В статье «О значении эпиграфических памятников Казахстана» А. Х. Маргулан указывал, что они составляют подлинное культурное наследие Казахстана и их изучение как первоисточников по истории расселения племен является важной научной задачей [Маргулан, 1997, с. 31–38]. Целый раздел с фотографиями древних и средневековых надписей, нанесенных на скалы, помещен в его книге [Маргулан, 2003, рис. 355–365].

Ученый осмотрел сарматские тамги в местности Айгыр–Ушкан в урочище Карашоқы [Маргулан, 2003, рис. 359]. Впервые сообщение о них и рисунок находим у краеведа Л. Ф. Семенова, который, отправляя отчет о работах Акмолинского уездного музея в 1927 г., просит определить эти знаки и о результатах сообщить* (*Автор выражает благодарность родственникам Л. Ф. Семенова за возможность ознакомиться с копией этого архива: Архив ИИМК РАН, № 223, ф. 2, д. 57, л. 10).

Таким образом, академик А. Х. Маргулан сформулировал такие важные и принципиальные вопросы современных исторических исследований, как генеалогия казахских родов (шежире), происхождение знаков–тамг как этнических и имущественных маркеров, переведя их изучение из плоскости мифологии и устной традиции в строго научное русло.

Широкомасштабные работы ЦКАЭ и размах археологических исследований на всей территории Казахстана привели к открытиям десятков местонахождений с петроглифами.

Д. А. Байтлеу, проведя статистический подсчет и содержательный анализ публикаций в области истории изучения петроглифов Казахстана, выделяет 50–60 гг. XX в. как пик фиксации и документирования, носящий более выраженный информационный характер, тогда как наиболее высокая позиция в теоретическом осмыслении и интерпретации наскальных изображений приходится на 1990-е гг. и современность [2010, табл. XXV, с. 171]. В этом видится немалая заслуга А. Х. Маргулана.

Краткие сведения о петроглифах, которые были открыты в ходе работ ЦКАЭ, встречаются и в ранних работах А. Х. Маргулана, но без полной характеристики памятников. Вслед за К. И. Сатпаевым, он осмотрел наскальные

рисунки в долинах рек Байконур, Талды-Эспе, Жетыкыз. Так, в 1946 г. были изучены изображения на метафорических сланцах, расположенные близ Байконурских угольных копий [Маргулан, Агеева, 1948, с. 131].

В 1947 г. ЦКАЭ провела широкомасштабную разведку, следуя по маршруту древнего кочевого пути с юга на север (по восточным границам пустыни Бетпақдала, через западное побережье озера Балхаш, от реки Моинты в верховья реки Сарысу, через водоразделы Актау, Ортау, Моинты, Нуры, Токрауын до Жезказгана и в местность Теректы), обследовав глубинные территории в современных границах Улытауского, Жанааркинского, Шетского, Актогайского и Каркаралинского районов Карагандинской области. В результате было обнаружено множество интересных археологических памятников, в том числе и наскальные изображения. В статье 1948 г. А. Х. Маргулан сообщает о «четырех группах наскальных изображений, выполненных точечной техникой на гладких каменных обнажениях и представляющих собой силуэты животных и людей. Обширная группа петроглифов, изображающих сцену охоты, караван верблюдов (двугорбый верблюд, марал, тау–теке и изображения охотников), обнаружена, в частности, в местечке Кара–Жартас, близ горы Калмак–Кырган, составляющей отроги системы горного хребта Актау и Ортау Жанааркинского района. Изображения эти нанесены на отвесной скале гранитной стены, обращенной к юго-востоку, у подножья которой протекает небольшая речка с берегами сильно поросшими травой» [Маргулан, 1948б, с. 58–59, рис. 3]. Позднее в коллективной монографии был опубликован рисунок сцены, найденной в горах Калмак–кырган, где изображен человек, вооруженный палицей, «хвостатый» лучник, стреляющий в дикого быка [Маргулан и др., 1966, с. 11], а впоследствии помещен и в научно–популярном издании «Сокровища древнего Казахстана» [Агапов, Кадырбаев, 1979, с. 138].

Во второй половине 1940-х гг. А. Х. Маргулан впервые исследовал «монументальную картину в гроте Тесиктас Шетского района», на которой с использованием красной охры изображены первобытные быки–туры и соляные знаки [Маргулан, 2003, с. 14].

В ходе разведки археологических памятников района р. Сарысу и Улытау он фиксирует группу наскальных изображений, расположенных в урочище Теректы и предгорьях Улытау, на берегу р. Сарылык, а также петроглифы, локализованные на правом р. Буланты и р. Тамды при впадении в нее р. Коксай. Характеризуя петроглифы Теректы (Теректы аулие), выбитые «на верхушке гранитного холма», он выделяет их из общего числа обнаруженных наскальных рисунков Улытауского района. Основным сюжетом, по мнению А. Х. Маргулана, является изображение человека и лошади. Большую часть силуэтов животных он относит к диким куланам. Особый интерес ученого вызывает изображение быка, который показан «более рельефно» и не теряется в общей массе наскальных рисунков, что служит весомым аргументом в пользу определения его как тотемного животного. Блестящая эрудиция и глубина научных знаний позволили А. Х. Маргулану выдвинуть предположения по хронологическому определению древних изображений и увязке их с

ближайшими археологическими памятниками, которые были зафиксированы в местности Теректы, как и культовые архитектурные сооружения XIX–XX вв. [Маргулан, 1948б, с. 58–59; 1979, рис. 3–4].

В 1948 году в северо-восточной части пустыни Бетпакдала в 5 км к юго-западу от урочища Сарыбулак в горах Джамбул на отвесной скале была обнаружена большая группа петроглифов. В отчете за полевой сезон А. Х. Маргулан отмечает, что наскальные изображения высечены острым инструментом, способом точечной техники. Осознавая важность найденных петроглифов для интерпретации и датировки, в статье, опубликованной в 2003 г., представлено их подробное описание и характеристика, датировка – эпоха ранних кочевников [Маргулан, 2003, с. 15–16], что подтверждает и анализ Л. Р. Кызласова [1950, с. 139–144, рис. 47]. В настоящее время эта группа не выявлена и сохранились только рисунки, сделанные А. Х. Маргуланом и Л. Р. Кызласовым.

Исследователь чаще приводит краткие данные по каждому местонахождению с рисунками, но не дает развернутое описание каждой плоскости, ссылаясь на небольшой объем статей. В итоговой статье, опубликованной в 1997 г., представлен более детальный анализ собранного материала и представлена информация о топографических особенностях местности, геологическом материале, технике нанесения петроглифов, основных хронологических этапах [Маргулан, 1997, с. 5–6].

Интересны воспоминания художника А. Мусатаева о его первой случайной встрече с академиком А. Х. Маргуланом возле скал с древними рисунками, которая произошла летом 1955 г. в местности Туетас (Шетский р-н, Карагандинская обл.), опубликованные в газете «Индустриальная Караганда». Академик показал художнику петроглифы, которые относятся к сакскому времени. «И чем больше он рассказывал, тем ярче загорались искорки в его глазах...», – пишет А. Мусатаев [Шалова, 2004, с. 5]. Эта встреча стала началом тридцатилетней дружбы и А. Мусатаев неоднократно был участником ЦКАЭ. В частности, вспоминает он, при раскопках древних памятников всегда осматривались окрестные горы, где фиксировали целые галереи наскальных рисунков – в одном только Кошкартау были найдены более 200 изображений. Эти фотографии впервые были опубликованы в 2003 г. [Маргулан, 2003, рис. 271–280].

Древние «полотна» невозможно полноценно воспринимать вне природной среды и археологического окружения. Очень жаль, что одна из скальных плоскостей Кошкартау с сюжетом, названным А. Х. Маргуланом «Древний скотовод» (рис. 1), к настоящему времени вывезена с памятника и выставлена в экспозиции Актогайского историко-краеведческого районного музея, но без указания названия и месторасположения памятника: ответа на эти вопросы не знают и сотрудники музея. Вполне понятно желание пополнить фонды музеев подлинными экспонатами. Однако, мировая практика в отношении культурного наследия требует сохранения плит с петроглифами на местах их исконного расположения без нарушения исторически сложившихся

ландшафтов, пусть даже в труднодоступных районах и под открытым небом. В музеях вполне приемлемо выставлять качественные копии петроглифов или объемные макеты скал, с использованием новых технологий, например, в сопровождении виртуальных фото–туров, что было продемонстрировано на примере известной сцены с солнцеголовыми божествами со святища Танбалытас на международной выставке «ЭКСПО-2017» [Амиров, Сейткалиев, 2017, с. 72–75].

Петроглифы в местности Тайткан-Шунак впервые обнаружил академик А. Х. Маргулан. По итогам работы ЦКАЭ петроглифы Шунак были зафиксиро-

Рис. 1 «Древний скотовод» – сюжет петроглифов местонахождения Кошкартау (по: [Маргулан, 2003, рис. 280])

ваны и опубликованы позднее под названием «Батпаксу» [Маргулан, 2003, рис. 88–147]. Исследователь интерпретировал ряд изображений Шунака как мифологические сюжеты, увидев в них сцены жертвоприношения и поклонения небесным светилам, и даже дал им соответствующие названия – «Небесные светила», «Символ единения», «Поклонение солнцу», «Баксы, обряд жертвоприношения небесным светилам», «Радость бытия» и др.

В публикации А. Х. Маргулана одна из самых впечатляющих сцен названа «Таинственный ритуал шаманов» [Маргулан, 2003, рис. 106–107]. Для ее размещения была выбрана наибольшая скальная горизонтальная плоскость в пределах всего обнажения, которая не требовала выравнивания естественной поверхности. Расположение близ берега реки было удобно для обозрения как в непосредственной близости, так и на удалении – с возвышенности левого берега. Все персона-

нажи (более 70) представлены во взаимодействии друг с другом – в единой сцене. Они располагаются по принципу линейного построения композиции на плоскости и в соответствии с характером присоединительной связи, который отражает повествовательный характер изобразительного текста [Килуновская, 1996, с. 19–20]. Эффект достоверности достигается с помощью переданных в относительно реалистической манере людей, зверей и птиц. Совокупность

фигур связана между собой не только ограниченным пространством скалы, но и неким сюжетом, включающим отображение верхнего, среднего и нижнего миров. Акценты в композиции расставлены с помощью приема уменьшения-увеличения размера фигуры или помещением главной фигуры (антропоморфное божество) в самом верху изобразительного поля. Все антропоморфные в композиции (15) обращены вправо (за исключением одного из парных палиценосцев и «поверженного»); все животные (кроме двух) – влево [Бедельбаева, 2019б, с. 624–634].

Способы осмысления и интерпретации петроглифов с момента документации этой сцены А. Х. Маргуланом за прошедшие полвека практически не менялись и вполне укладываются в выбранное академиком название.

Желание видеть в сюжетах петроглифов прямое изображение или зарисовки с натуры выглядят неоправданными. Осмысление реальных событий обычно преломлялось в наскальном искусстве через мифопоэтическое восприятие мира и эпическое сравнение. Приведем в качестве примера одну из сцен в урочище Ойджайляу/Ойжайлау (горы Кендиктас/Киндыктас), прорисовка которой помещена в трехтомнике А. Х. Маргулана «Казахское народное прикладное искусство» и названа «Тюркские воины со знаменами в виде волчьей головы» (рис. 2). Анализирует ее А. Х. Маргулан и в своей статье, посвященной формированию культа волка: «Петроглифы с изображением конных воинов с длинным копьем в руке, острый конец которой увенчан волчьей головой, приобретают значение исторических документов эпохи древних тюрков» [Маргулан, 2003, с. 18].

Прорисовка справа выполнена А. Н. Марьяшевым и опубликована в издании сочинений А. Х. Маргулана [Маргулан, 2003, рис. 381]. Прорисовка слева опубликована в книге «Казахское народное прикладное искусство»

Рис. 2 «Тюркские воины со знаменами в виде волчьей головы» – сцена петроглифов с местонахождения Ойджайляу. 1, 2 – по: [Маргулан, 1986, с. 33; 2003, рис. 381]

[Маргулан, 1986, с. 33] без указания автора иллюстрации (интернет называет автором художника А. Горбатова, рисунки которого были использованы в монографии А. Г. Медоева «Гравюры на скалах» [Медоев, 1979, табл. 62]).

Отличия видны, что называется, невооруженным глазом. Выполнить абсолютно корректную прорисовку петроглифов с многофигурными композициями и небанальным сюжетом сложно. Фотографии также фиксируют реальное изображение со вполне заметным искажением, на что влияют выбранные ракурс, освещение, фокусировка и профессионализм автора. Вероятно, именно поэтому А. Х. Маргулан ограничивается формулировкой названия сцены, имеющей прямые параллели в изображении. А. Г. Медоев называет эту сцену «Слава древних тюрков» и в разделе «Плоскость и организация пространства» своей монографии пишет об этом рисунке: «Помещение фигур друг над другом не всегда продиктовано задачей сделать картину, в которой они мысленно удаляются, перестраиваясь одна за другой в картинное пространство.... В результате проецирования составляющих на предметную плоскость возникает плотная масса сбившихся в беспорядке зверей и людей» [Медоев, 1979, с. 15].

Интерпретация содержания этой сцены современным журналистом выглядит следующим образом: основой сюжета названы переговоры представителей древних тюрков (на лошадях, один спешился) с представителями какого-то неизвестного племени (пешие). «Первые представлены со знаменами в руках и другими атрибутами, четко характеризующими социальную и политическую принадлежность. Это высокие остроконечные шапки с длинными шлыками, длинные кавалерийские штаны, резко расширяющиеся книзу, гривы коней, убранные в три зубца, налобные султаны коней и конские подвески – обереги, называемые в специальной литературе «кутас» или «науз». Полотнища знамен имеют фигурные очертания, напоминающие голову волка с раскрытой пастью. Эта деталь перекликается с информацией древнекитайских источников относительно волчьего знамени кагана древних тюрков. Пешие персонажи, выстроенные в линию напротив всадников, имеют свой штандарт с квадратным полотнищем, в центре которого изображение диска (солярного знака). При этом пеший знаменосец изображен вставшим на одно колено, а два его ассистента стоят с поднятой вверх правой рукой, что, безусловно, свидетельствует о заверении в преданности или покорности» [Нуриева, 2020]. Данное детальное словесное описание и произвольная трактовка не учитывает, например, прорисовку этой сцены А. Н. Марьяшевым, где показаны три горных козла, ориентированных вправо и находящихся за спинами пеших людей. Такой смелостью и креативностью в интерпретации сюжетов петроглифов не обладали даже корифеи казахстанской петроглифистики: ни А. Г. Медоев, ни А. Х. Маргулан, ни А. Н. Марьяшев, открывший этот памятник и документировавший плоскость.

Еще один аспект, требующий внимания к наследию А. Х. Маргулана – это составленные им карты и названия пунктов с петроглифами. На карте расположения памятников эпохи бронзы в долине верховьев реки Нуры,

опубликованной в коллективной монографии 1966 г., А. Х. Маргулан указывает два местонахождения наскальных изображений [Маргулан и др., 1966, с. 45, рис. 5]. Интересен факт, что условным обозначением для петроглифов на этой карте является схематичное изображение человека, тогда как в «легенде» к набору карт АКК, изданной в 1960 г. [АКК, 1960], и в монографии «Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана» [Маргулан, 1979] таким символом стал общепринятый и ныне рисунок горного козла. Возможно, это надо рассматривать как прямое указание на наличие антропоморфных изображений в составе петроглифов. К сожалению, к настоящему времени мониторинг этих групп петроглифов не осуществлен, а на археологической карте Нуринского района Карагандинской области местонахождения петроглифов не указаны [Кукушкин и др., 2016].

На карте памятников эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана, представленной в его классической монографии, указан 51 (40%) пункт с петроглифами среди 126 археологических объектов региона [Маргулан, 1979, с. 66]. Ни один из современных исследователей (З. Самашев, В. А. Новоженков, М. В. Бедельбаева, И. Н. Швец, Д. А. Байтлеу) не указывает такого количества изобразительных памятников в регионе. В каталоге фотографий и прорисовок собрания сочинений академика представлены 58 местонахождений петроглифов из различных регионов Казахстана.

Вероятно, одной из причин количественного несовпадения может являться несоответствие названий памятников. Топонимы «Тамгалы» и «Тамгалытас» («Таңбалы», «Таңбалытас») в Казахстане довольно широко распространены и потому при документировании местонахождений с петроглифами А. Х. Маргулан применял географические названия основных природных объектов, расположенных поблизости. Именно поэтому петроглифы с самой высокой степенью концентрации в регионе, расположенные в долине реки Байконур и включающие на настоящий момент 14 групп (Байконур I–IV, А-И, Н) [Бедельбаева и др., 2015, с. 23, табл. 4], именуются в каталоге фотографий с использованием пяти названий «Блеуты», «Буланты», «Уйтас», «Акжар», «Кишитау». Петроглифы «Шунак» академик называл «Батпаксу»; местонахождение рисунков «Желтау» – «зимовка Касыма»; «Сарыбулакская писаница» – «Бетпакдала. Урочище Акчи», а в статье эта группа упоминается как наскальные изображения, расположенные «недалеко от родника Шойбектын Сорбулагы». И эти примеры можно продолжить. Предстоит продолжение работ по полномасштабному документированию всех изобразительных памятников и это единственная возможность сохранить эти уникальные источники.

Угол зрения А. Х. Маргулана на образы наскального искусства гораздо шире, чем у его современников. Великолепно зная историю и мифологию, особенности быта, язык, фольклор, он представил непрерывную линию развития национального искусства: от великолепных образцов материальной культуры бронзового века до традиций современного художественного творчества. Памятники наскального искусства рассматриваются им в контексте общеисторического развития общества. В главе «Истоки казахского народного

искусства» трехтомного издания «Казахское народное прикладное искусство» А. Х. Маргулан показал глубинные корни, к которым восходит национальное прикладное искусство. Он ищет корни определенных тем «...в бронзовом и даже, по отдельным моментам, в каменном веке, проходит через периоды племенных объединений степных кочевников и их первых государств, а завершает в современности», как справедливо указал в предисловии к книге В. Е. Ларичев. Как знаток древних культур Казахстана, он представил дальнюю по истокам историческую ретроспективу. «А. Х. Маргулану при его историко-археологических экскурсах и аналогиях удалось проследить, как далеко вглубь времен уходит зарождение определяющих тенденций в развитии народного искусства. Подобный ретроспективный естественный для историка и археолога угол зрения заставляет задуматься над тем, что, в конечном счете, обуславливает сохранение непрерывности традиций художественного творчества» [Ларичев, 1986, с. 6–7].

Таким образом, научное наследие А. Х. Маргулана продолжает оставаться актуальным для современной петроглифистики как представительный по количественному объему источниковый материал. Наряду с масштабным поиском наскальных изображений, в работах академика возрастает тенденция к обобщению материала: делается акцент на общие проблемы первобытного творчества, рассматриваются проблемы эволюции наскального искусства, изучаются мотивы анималистического искусства в контексте общеисторического развития общества.

Литература

Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. 450 с.

Аганов П., Кадырбаев М. Сокровища древнего Казахстана. Алма-Ата: Жалын, 1979. 252 с.

Амиров Е.Ш., Сейткалиев М.К. Опыт создания портативной экспозиции в рамках международной выставки Астана ЭКСПО 2017 // Музеи XXI века: современные тенденции в развитии музеев и перспективы: матер. республ. науч.-практ. конф., посвящ. 85-летию Карагандинского областного краеведческого музея (г. Караганды, 21 ноября 2017 г.). Караганды: Карагандинский обл. краеведч. музей, 2017. С. 72-75.

Байтлеу Д.А. Памятники наскального искусства Казахстана. Актобе: б/и, 2010. 180 с.: ил.

Бедельбаева М.В. Сведения о надписи Тимура 1391 г. в картографических и исторических исследованиях первой половины XVIII в. // Oriental Studies. Вестник КИГИ РАН. 2019а. № 3. С. 367-377.

Бедельбаева М.В. Образы сакрального пространства: изучение, историческая реальность, современная мифологизация (на примере памятников местности Тайаткан-Шунак) // Маргулановские чтения – 2019: матер. Междунар. археол. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева (г. Нур-Султан, 19–20 апреля 2019 г.). Нур-Султан: НИИ им. К.А. Акишева при ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2019б. С. 624–635.

Бедельбаева М.В., Новоженев В.А., Новоженева Н.А. Изобразительные памятники Казахского мелкосопочника. Караганды: САИ, 2015. 252 с.

В ПГУ состоялась творческая встреча с Д. Маргулан // URL: http://psu.kz/index.php?Itemid=163&catid=106&id=5323:danel-margulan-visited-psu&lang=rus&option=com_content&view=article (дата обращения 01.02.2020)

Килуновская М.Е. Скифо-сибирский звериный стиль в культуре ранних кочевников Центральной Азии (основные сюжеты и вопросы семантики) // Животные и растения в мифоритуальных системах: матер. науч. конф. (г. СПб., октябрь 1996 г.). СПб: ГМИР; РЭМ, 1996. С. 19-20.

Кукушкин И.А., Шашенов Д.Т., Кукушкин А.И., Елибаев Т.А., Дмитриев Е.А. Археологическая карта Нуринаского района Карагандинской области. Караганды: б/и, 2016. 141 с.

Кызласов Л.Р. Сарыбулакская писаница в Бетпакдале // КСИИМК. 1950. Вып. 35. С. 139-144.

Ларичев В.Е. Предисловие к трехтомному изданию «Казахское народное прикладное искусство». Алма-Ата: Өнер, 1986. Т. 1. С. 5-7.

Маргулан А.Х. Археологические разведки в Центральном Казахстане (1946 г.) // Известия АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1948а. Вып. 4. С. 119-145.

Маргулан А.Х. К изучению памятников района р. Сарысу и Улугау // Вестник АН КазССР. 1948б. № 2 (35). С. 53-60.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1979. 336 с.: ил.

Маргулан А.Х. Казахское народное прикладное искусство. Алма-Ата: Өнер, 1986. Т. 1. 280 с.

Маргулан А.Х. Мир казаха. Алматы: Институт развития Казахстана, Международный фонд им. академика Алькея Маргулана, 1997. 57 с.

Маргулан А.Х. Петроглифы Сарыарки. Гравюры с изображением волчьего тотема. Каменные изваяния Улугау. Алматы: Дайк-Пресс, 2003. Т. 3-4. 50 с., с вкл. 246 с.

Маргулан А.Х., Агеева Е.И. Археологические работы и находки на территории Казахской ССР (с 1926 по 1946) // Известия АН КазССР. Сер. арх. 1948. № 1. С. 125-135.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. 436 с.

Медоев А.Г. Гравюры на скалах. Сары-Арка, Мангышлак. Алма-Ата: Жалын, 1979. Ч. 1. 174 с.

Нуриева А. Петроглифы Казахстана. 12 февраля 2020 г. // URL: https://caa-network.org/archives/19187?fbclid=IwAR2nMycrAlyUfYE_gXvtyvDVFjwqVQxawKWuR5vfDZrZX8lYcLMX5BBs1k (дата обращения 14.02.2020)

Рогожинский А.Е. Знаки и надписи «камня Тамгалытас» на окраине Бетпакдалы // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Сб. науч. ст., посвящ. 70-летию организации ЦКАЭ АН Казахстана. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. Т. 2. С. 297-307.

Шалова Б. Алькей Маргулан был моим учителем: воспоминания Аманкула Мусатаева // Индустиальная Караганда. 2004. № 23. 20 марта. С. 5.

Strahlenberg Ph.J. Das Nord und ostliche Theil von Europa und Asia // Studia uralo-altaica. Szeged, 1975. № 8. URL: <http://altaica.ru/LIBRARY/Strahlenberg.pdf> (дата обращения: 25.02.2020).

Қ. Ж. Әуезов

**ҰЛЫТАУ-ЖЕЗҚАЗҒАН ӨЛКЕСІНІҢ ЕЖЕЛГІ МЕТАЛЛУРГИЯ
МЕН ТАУ-КЕН ІСІНІҢ ЗЕРТТЕЛУ ТАРИХЫ
(XX ғасырдың 30-50 жылдардағы материалдары бойынша)**

Ұлытау-Жезқазған аймағындағы кен орындарының ошақтары мен ежелгі металлургиялық қоныстарының орындары XX ғ. 30–50 жж геологтар И. С. Яговкин, Ф. В. Чухров, Қ. И. Сапаевтардың еңбектерінде толық әрі нақтырақ көрсетілген. Жезқазған көне өндіріс орталығы екендігі жайындағы пікірлерді екінші дүниежүзілік соғыстан кейін өңірде қазба жұмыстарын жүргізген академик Ә. Х. Марғұлан мен әуесқой археолог Н. В. Валукинский дәлелдеді.

Түйін сөздер: Ұлытау, Жезқазған, Милықудық, Айнакөл, Сорқудық.

**История изучения древней металлургии
и горного дела Улытау-Жезказганского региона
(по материалам 30–50-х годов XX в.)**

Месторождения Улытау-Жезказганского региона и месторождения древних металлургических поселений подробно отражены в 30–50 гг. XX в. в работах геологов И. С. Яговкина, Ф. В. Чухрова, К. И. Сапаева. Мнение о том, что Жезказған является центром древнего производства, доказали академик А. Х. Марғұлан и археолог Н. В. Валукинский, которые после Второй мировой войны вели раскопки в регионе.

Ключевые слова: Улытау, Жезказған, Милықудук, Айнакол, Сорқудук.

**History of the study of ancient metallurgy and mining
in the Ulytau-Zhezkazgan region
(based on materials from the 30-50s of the XX century)**

The deposits of Ulytau-Zhezkazgan region and deposits of ancient metallurgical settlements are reflected in detail in the 30th–50th of the XX century in the works of geologists I. S. Yagovkin, F. V. Chukhrov, and K. I. Satpayev. The opinion that Zhezkazgan is the center of ancient production was proved by academician A. Kh. Margulan and amateur archaeologist N. V. Valukinsky, who conducted excavations in the region after the Second world war.

Keywords: Ulytau, Zhezkazgan, Milykuduk, Ainakol, Sorkuduk

Көшпелі халықтардың ежелгі тарихында металлургия Ұлы Дала кеңістігіндегі барлық мәдениеттердің технократтық жеңісінің басты көрсеткіштеріне айналды. Ежелгі металлургияның жылдам дамуының негізі мыс еді. Бұл металл қазақ жерін әлемдегі тау-кен, металлургия орталықтарының

(ТКМО) біріне айналдырды. Еуразия аумағында ежелгі металлургия өндірісінің пайда болып, дамуы барысындағы ірі орталықтардың бірегейі – Орталық Қазақстан болып табылады. Археология мен топонимика деректері бұл жердің мұрасы ежелден-ақ тау-кен орындары және металлургия өндірісімен тығыз байланысты екендігін куәландырады.

Қазақстан археологиясының тарихнамасында ірі аймақ – Сарыарқадағы (Орталық Қазақстан) қола және ерте темір дәуірінің металлургиясы мен қыш құмыра ісіне арналған іргелі еңбектер кешенді түрде жүзеге асырылып келеді. Осы заманғы талдау әдістерін пайдалану ертедегі металлургия өнімінің химиялық және минералдық құрамын анықтауға, мыстан, қоладан, алтын мен күмістен бұйымдар жасап шығару үрдісінің технологиялық ерекшеліктерін анықтауға мүмкіндік берді.

Ертедегі металлургиягердің мүмкіндігі жөнінде маңызды бақылау жасалды, ол Еуразиядағы жетекші металлургиялық орталықтардың озық технологияларынан кем түспеген. Шикізат базасын металлургиялық өндіріспен және нақты объектілерін байланыстыру мәселелері шешілген. Ерте (б.д.д. VII–III ғғ.) көшпелілер дәуіріндегі металлургияның дамуында прогресшіл белгілер байқалды. Бұл ең алдымен металл сапасынан көрінді. Металлургия мен кен ісін үстемелердің технологиялық ерекшеліктері мен құрамын кешенді зерттеу нәтижесінде Қазақстанның кен-металлургия аймағында жеті металлургия орталығы анықталды [Қазақстан тарихы, 1996, 26 б.]

Орталық Қазақстандағы, нақтырақ Жезқазған жері мен Ұлытау тауларындағы табиғи мыстың кен орындарын зерттеу ертеден басталған. Бұған негізгі себеп, осы өңірдің жер қойнауының қазба байлыққа молдығы, әсіресе мыс металын ежелгі тұрғындардың өте көне дәуірде игеріп одан бұйым жасай алуында жатыр.

Ұлытау-Жезқазған аймағындағы кен орындарының ошақтары мен көне металлургиялық қоныстарының орындарын барлаушы геологтар мен кен инженерлері байқап картаға түсіріп, қысқаша мәлімет қалдырған. XX ғ. 30–50 жж. геологтар И. С. Яговкин, Ф. В. Чухров, Қ. И. Сатпаевтардың еңбектерінде табиғи металдардың көне кен орындары толық әрі нақтырақ көрсетілген. Барлаушы геолог И. С. Яговкин «Геологический очерк Джекказгано-Улутавского района» атты мақаласында: «Километрах в 3 к юго-юго-востоку от калмыцких ям на Никольском отводе имеется большой естественный карьер, составленный из нескольких вымоин с торчащими гребнями более устойчивых пород. Породы сильно разрыхлены и представлены белыми светлосерыми и желтыми глинами, бурыми, вишнево-красными песчаниками с пластами яшмовидных кварцевых песчаников. Сверху наблюдается осыпь конгломерата, причем среди гальки наблюдается кремнистый известняк с фауной. Под микроскопом яшмовидные песчаники состоят из мелкораспыленного кварцевого материала, среди которого имеются более крупные зерна того же кварца. Мелкая пыльца гематита придает породе красный цвет. Развалы опокового песчаника наблюдаются также километрах в 15 к северу от Джекказгана по левую сторону лога Соркудук-сай» деген дерегінен [Яговкин, 1935, 98 б.] жер қойнауындағы кеннің сан алуан сипатын көреміз. Тау-кен инженері Иван Степанович Яговкин он бес жыл бойы

қазақ елінің жер қойнауын зерттеген білікті маман. Ал, геология-минералогия ғылымдарының докторы, академик Ф.В. Чухров «Рудные месторождения Джезказган-Улытауского района в Казахстане» деген еңбегінде «Среди месторождений меди имеющих выходы на поверхности весьма мало таких, которые были бы неизвестны древним рудоискателям. К месторождениям, на которых имеются древние выработки, относятся крупные рудные объекты, как например, Джезказган и многие мелкие месторождения... Наиболее крупные золоторудные месторождения казахских степей, как Майкаин, Джолумбет, Алексеевское, Степняк, Бестюбе (Бестобе) разрабатывались рудакопами древности» [Чухров, 1940, 4 б.].

Қазақтың алғашқы геологы Қ. И. Сәтбаевтың 1935 жылы жазылған әрі тұңғыш рет жарияланған «Историко-археологические данные о Джезказганском районе» атты мақаласында: «Кроме указанных каменных памятников доисторического периода значительное место в районе занимают памятники, связанные с добычей и плавкой медных руд в медно-бронзовый период развития человечества. Ярким проявлением памятников этого рода является Джезказган, где добыча окисленных медных руд в древности достигала огромных масштабов. Так, отдельные древние выработки (разносы) в Джезказгане достигают 750 м в длину, 50 м в ширину и 6–8 м в глубину. Самые скромные подсчеты свидетельствуют о том, что из джезказганских разносов было добыто в древности не менее 1 млн богатых медных руд. Опробование стенок древних разносов показало, что древние рудокоп добывали лишь руду с содержанием меди выше 5%. [Сатпаев, 2000, 49 б.] деген мәліметтерден көне заманда тау кен жұмыстары қандай көлемде және қаншалықты жүргізілгендігін анықтаймыз. 1941 жылы жарық көрген «Доисторические памятники в Джезказганском районе» мақаласында «Все эти факты свидетельствуют о том, что Джезказганский район в доисторическом прошлом пережил период своеобразной индустриальной культуры, когда технология добычи и переработки окисленных медных руд была на высоком уровне, включая даже способы мокрого их обогащения. Несомненно, что эта древняя культура имела прекрасную разведочную службу, так как подавляющее большинство известных в районе медных месторождений носит следы пребывания на них древних рудокопов. Последнее положение, впрочем, справедливо не только для Джезказганского района, но и в целом для всего Казахстана и Сибири.» [Сатпаев, 2000а, 108 б.] деген тұжырымынан Ұлытау-Жезқазған өңірінде эволюциялық жолмен дамыған металлургия өндірісі және тау-кен ісі Қазақстан мен Сібір жеріне дейін жеткендігін көреміз.

Жезқазғанның металлургиялық және кен ісінің ежелгі ескерткіштерінің тарихы мәселелерін қарастыру тарих ғылымында көкейкесті тақырыптардың бірі болып табылады. XX ғасырдың 30 жылдарында тұңғыш рет академик Қ. И. Сәтбаев бірқатар мақалаларында Жезқазған ежелгі және орта ғасырларда металлургия мен кен ісінің ірі орталықтарының бірі болғандығын атап өтті. Оның Жезқазған көне өндіріс орталығы екендігі жайындағы пікірлерін екінші дүниежүзілік соғыстан кейін өңірде қазба жұмыстарын жүргізген академик Ә. Х. Марғұлан [Марғұлан, 1947, с. 8–9] мен әуесқой археолог Н. В. Валукинский дәлелдеді.

Жезқазғанның ежелгі кеніш орыны Қарағанды облысы Жезқазған қаласынан батысқа қарай отыз шақырым жерде орналасқан ірі кешен болған. Өткен ғасырдың 30 жылдарының басына дейін Жезқазғанның төрт жүздей ежелгі кеніштері және ежелгі кен қазушылар мен металлургтар қоныстарының орындары сол қалпында сақталып келген. [Маргулан, 1948, с. 10–11] Мұның барлығы кейінгі жылдары карьерлерде жүргізілген жұмыстар нәтижесінде жойылды. Біз мақаламызда осы кешеннің ең ірі ескерткіштері *Милықұдық*, *Сорқұдық*, *Айнакөл* тұрақтарына тоқталамыз.

Милықұдық тұрағы – қола дәуірі мен орта ғасырда пайдаланылған мыс кенін өндіріп оны қайта өңдеудегі негізгі орын, қалашық болған. Ертеден оны «Елукұдық» деп атаған. Ескерткіш Жезқазған кенішінен оңтүстікке қарай 1 шақырым жерде орналасқан. Милықұдық тұрағының көлемі өте үлкен, батыстан шығысқа қарай 800 м, солтүстіктен оңтүстікке қарай 600 м жерді алып жатыр, жалпы аумағы академик Қ. И. Сәтбаевтың есептеуінше 10 гектар [Валукинский, 1948, с. 33–34] Милықұдық ең алғаш 1939 ж. Қ. И. Сәтбаевтың назарына ілігіп, ғалым ежелгі өндірілген кеннің көлемін анықтау үшін зерттеулер жүргізген. Ұлы Отан соғысынан кейін тұраққа әуесқой археолог Н. В. Валукинский зерттеулер жүргізген. Зерттеушілердің пікірінше Милықұдық төменгі, орта және жоғарғы қабаттардан тұрады, олар қола дәуірін, ерте және кейінгі орта ғасырларды қамтиды. Милықұдықта жартылай жеркепелердің орындары сақталған. Кіретін есіктері солтүстік-шығысқа қарайды. Ірі жеркепелер № 1 8×9 м, № 2 8×7 м, ең кішілері № 3 5×6 м. Жеркепелердің тереңдігі 0,8-ден 1,2 м дейін [Валукинский, 1949, с. 122–123]. Милықұдықтың төменгі қабаты Орталық Қазақстандағы Беғазы-Дәндібай дәуіріне жатады. Ежелгі металлургтердің әр үйінде тас ошақтар орын тепкен. Кенді ұнтақтаудың ежелгі әдістері назар аударуға лайық. Милықұдықтан қола дәуірінің 15 мың балқыту пештері табылды. Пештері дөңгелек пішіндес, диаметрі 3–4 м, тереңдігі 1-ден 2 м дейін. Қазба жұмыстары кезінде салмағы 10 кг болатын тас қайлалар табылған. Н. В. Валукинский 30 аса сына тәрізді тас қайлаларды тапқан. Сол сияқты Милықұдықтың тұрағында кенді өндіруге арналған қайла, балға, сына, қолбалталар, көптеп кездеседі. Тастан жасалған еңбек құралдарынан руданы ұнтақтап балқытуға даярлайтын келілер, келсаптар, балғалар, құйылған металл заттарды өңдейтін тас қайрақтар, мүйізден, сүйектен жасалған заттардан, бұғының маралдың мүйіздерінен жасалған жеңіл балғаларды, руданы пешке салатын, пештің күлін алатын үлкен малдардың жауырын сүйегінен жасалған күректерді, қыш ыдыстарды жасауда пайдаланылған сүйек пышақтар табылды. 1946–1949 жылдары Ә. Х. Марғұланның және Н. В. Валукинскийдің басшылығымен көпқабатты Милықұдық қонысы қазылды, қоныс үш мәдени қабаттан тұрады, төменгі мәдени қабаттан, жартылай жертөлелердің орындары, жан-жағынан әртүрлі шаруашылық шұңқырлары, қола дәуіріне тән қыш ыдыстардың сынықтары кездеседі. *Екінші мәдени қабаттан* темірді балқытқан пеш орындары, қорытылған темір қалдықтары, темір шлактар шыққан. Қоныс үйлерінің арасынан ұстаның төрт шеберханасы қазылды, онда темірді ыстық күйінде өңдегендігін дәлелдейтін, еңбек құралдары табылған. Ол тотыққан темір рудасын Милықұдық қонысының маңындағы Кресто-Центр руднигінен

алған. Үйлердің ішінен табылған темір шлактарға, тас құралдарға және қыш ыдыстарға қарап, қоныс Х–ХІІ ғасырларда өмір сүргендігі анықталды.

Үшінші мәдени қабат Х–ХV ғасырларға жатады, бұл мәдени қабаттан да қола және темір рудаларын қорытқан пештердің орындары, руданы жуған құдықтар, қыш ыдыстарды күйдірген, ағаш көмірлерді даярлаған орындар кездеседі. Жалпы Милықұдық, Сарықұдық және Айнакөл қоныстарынан мысты қорытқан қарапайым пештермен қатар, темір балқытқан күрделі пештерді, қорыту процесіне пайдаланған тигелдердің сынықтарын, мыстың, темірдің сынықтары көптеп кездеседі.

Тастан жасалған еңбек құралдарынан руданы ұнтақтап балқытуға даярлайтын келілер, келсаптар, балғалар, құйылған металл заттарды өңдейтін тас қайрақтар, мүйізден, сүйектен жасалған заттардан, бұғының маралдың мүйіздерінен жасалған жеңіл балғаларды, руданы пешке салатын, пештің күлін алатын үлкен малдардың жауырын сүйегінен жасалған күректерді, қыш ыдыстарды жасауда пайдаланылған сүйек пышақтар табылды.

Сорқұдық тұрағы – Жезқазған аумағындағы көлемі жағынан Милықұдық тұрағынан кейінгі ең ірі қола дәуірінің металлургиялық орталығы. Жезқазған қаласынан 15 км қашықтықта Жезқазған руднигінің солтүстігінде, екі төбенің ортасында орналасқан. Сорқұдықты алғаш рет А. В. Кузнецов пен Н. В. Валукинский 1945 ж ашып зерттеді. Тұрақ көптеген тұрғын жай және шаруашылық құрылыстардың материалдық өндірістің орындарынан тұрады. Жартылай жеркепе тұрғын жайлардың көлемі 6×8-ден 8×12 м дейін, тереңдігі 1,3 м, 18 тұрғын үй ошақтарының орны сақталған. Үйдің қабырғалары жалпақ тақта тастардан салынған. Тұрғын жайлардың қасында кен алған орын орналасқан. Кен өндіретін жерге өзеннен ені 6–8 м, ұзындығы 60–80 м болатын арық тартылған және арықтың соңынан диаметрі 6–8 м, тереңдігі 1,5 м дейін болатын алты су сақтайтын орлар қазылған. Тұрақтар орналасқан ауданнан сегіз балқыту пештерінің орны, тұрақтардың мәдени қабатынан өрнексіз керамикалардың сынықтары табылған [Валукинский, 1948, с. 33–36].

Айнакөл тұрағы – Жезқазғандағы қола дәуіріндегі, кең балқыту орталығы болған мекендердің бірі. Айнакөл тұрағы қазіргі Жезқазған қаласының шетінде Кресто – Центр мыс қазған кен орнынан 5 км шығысқа қарай Кеңгір өзенінің бойында орналасқан. Айнакөл тұрағынан көлемі шамамен 2 га. Тұрақ екі қабаттан тұрады. Жоғарғы қабаты қола дәуірінің мәдениетіне, төменгі қабаты – кейінгі неолит немесе энеолит дәуіріне жатады. Төменгі қабаттан нуклеустер, шақпақ тастан жасалған найза мен жебенің ұштары, пышақ пішіндес тас қалақшалар, тас балғалар, мыс кенінің түйіршіктері табылған. Ал жоғарғы қабатта сегіз жартылай жертөле үйлердің орны бар. А. В. Кузнецов және Н. В. Валукинскийдің деректерінше, Айнакөл мәдениеті Милықұдықтың мәдениетімен өте ұқсас. Сонымен қатар жертөлелердің қасынан су жинайтын ор, ор-қойма, құдық, кенді балқытатын пештердің орны кездеседі. Жоғарғы қабаттың ерекшелігі мұнда тау-кен ісіне қажетті құрал-саймандардың молдығы. Табылған керамикалар ою-өрнексіз, Беғазы-Дәндібай керамикасына ұқсас [Валукинский, 1949, с. 20–24].

Жезқазғанның ежелгі кенішінің бойындағы ескі құдықтар оңтүстіктен солтүстікке қарай, солтүстік-шығысқа қарай сәл ауытқымалы түрде орналасқан. Жолдың оң жағында Тасқұдық, Қауқам-құдық, Сорқұдық, жол бойынан шығысқа қарай Дәйімбай-құдық, Үншібай Кәдеге-құдық, Кедел-құдық, Аққошқар-құдық, жол бойынан батысқа қарай Айнакөл, Бел-құдық, Қоңырбай-құдық, жол бойынан оңтүстік-батысқа қарай Қамыс-құдық, және Ақши, оңтүстікке қарай Милықұдық, Қос-құдық, Шиелі-құдық, Тон-құдық орналасқан [Валукинский, 1948, с. 13–15].

Ұлы Даланы мекендеген халықтардың көне тарихында археологиялық қазба жұмыстарының нәтижесіне сүйенсек, энеолит дәуірінде, яғни біздің дәуірімізге дейінгі IV мыңжылдықтың соңы – III мыңжылдық бас кезінде кен өндіру жұмыстары басталған. Қазақ жерінде тау-кен ісі мен металлургия қола дәуірінен бастап дамыды. Ал Жезқазған-Ұлытау өңірінде ерте заманынан бастап, орта ғасыр аралығындағы өндірістік, археология ескерткіштері өте көп. Оларды зерттеу нәтижесінде, Отандық тарихтың өзекті мәселелерін объективті түрде қайта жазып, қазақ даласындағы ежелгі индустрияландырудың кешенді дамуына бойлауға болады. Бұл зерттеулер сонымен қатар өлке тарихының «ақтаңдақ беттерін» толтырады анық.

Әдебиет

Валукинский Н.В. Древнее производство меди в районе Джезказгана // Известия АН КазССР. Сер. археол. 1948. № 46. Вып. 1. С. 33-39.

Валукинский Н.В. Материалы к археологической карте Джезказгана. 1948 // Архив Института археологии им. А. Х. Маргулана. Ф. 11, оп. 2, д. 107, л. 57.

Валукинский Н.В. Раскопки в урочище Милыкудук в южной части рудника Джезказгана // Изв. АН КазССР. Сер. археол. 1949. Вып. 2. С. 122-125.

Валукинский Н.В. Обследование места переработки руды и плавки в урочищах Соркудукской и Айнакуль. 1949 // Архив Института археологии им. А. Х. Маргулана. Ф. 11, оп. 2, д. 145, 46 л.

Қазақстан тарихы (Көне заманнан бүгінге дейін) төрт томдық. Алматы: Атамұра, 1996. I-ші том. 544 б.

Маргулан А.Х. Археологические разведки в бассейне р. Сарысу // Вестник АН КазССР. 1947. № 7. С. 17-22.

Маргулан А.Х. Археологические разведки в Центральном Казахстане (1946 год) // Изв. АН КазССР. Сер. историч. 1948. Вып. 4. С. 119-145.

Сатпаев К.И. Доисторические памятники в Джезказганском районе // Собрание трудов. В 8-ми томах. Т. 7. Научно-популярные и общественно-политические статьи, выступления. Алматы: РИО ВАК РК, 2000а. С. 107-112.

Сатпаев К.И. Историко-археологические данные о Джезказганском районе // Собрание трудов. В 8-ми томах. Т. 7. Научно-популярные и общественно-политические статьи, выступления. Алматы: РИО ВАК РК, 2000б. С. 48-56

Чухров Ф.В. Рудные месторождения Джезказган-Улытауского района в Казахстане. М.: изд-во АН СССР, 1940. 120 с.

Яковкин И.С. Геологический очерк Джезказган-Улытауского района // Большой Джезказган. М.; Л.: изд. АН СССР, 1935. С. 85-173.

Н. Ю. Смирнов

**ЭКСПЕДИЦИЯ ПРОФЕССОРА П. С. РЫКОВА
В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КАЗАХСТАН
В 1933 г. ПРИЧИНЫ И ИСТОРИЯ ОРГАНИЗАЦИИ**

В статье описываются причины и излагается история организации первой советской «новостроечной» (спасательной) экспедиции на территории Центрального Казахстана. Исследование основывается на архивных данных, большинство из которых впервые вводится в научный оборот. Экспедиция, получившая название Нуринской, была организована ГАИМК НКП по специальному договору с ГУЛАГ ОГПУ в 1933 г. Она работала под руководством профессора П. С. Рыкова и при участии целого ряда молодых советских археологов — М. П. Грязнова, М. Н. Комаровой, М. И. Артамонова, И. В. Сеницына, Н. К. Арзютова и А. Н. Рогачёва. Полевые исследования проводились на территории так называемого «Совхоза “Гигант”» — Карагандинского ИТЛ (Карлага) и были связаны с изучением археологических памятников, которым угрожало уничтожение в результате активной хозяйственной деятельности, нацеленной на создание обширных сельскохозяйственных угодий ГУЛАГа. В ходе работ Нуринской экспедиции были открыты памятники широкого временного диапазона — от эпохи камня до позднего средневековья. В том числе, М. П. Грязновым был исследован первый памятник будущей бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана — сооружение № 11 на могильнике Дандыбай в долине р. Шерубайнура.

Ключевые слова: Н. К. Арзютов, М. И. Артамонов, М. П. Грязнов, М. Н. Комарова, А. Н. Рогачёв, П. С. Рыков, И. В. Сеницын, бегазы-дандыбаевская археологическая культура, ГАИМК НКП, ГУЛАГ ОГПУ, история археологии Казахстана, Караганда, Карагандинский ИТЛ, Комитет по работам ГАИМК на новостройках, Нуринская экспедиция ГАИМК НКП, совхоз «Гигант», Центральный Казахстан

**1933 ж. профессор П. С. Рыковтың Орталық Қазақстандағы
экспедициясы. Ұйымдастыру тарихы мен себептері**

Мақалада Орталық Қазақстан аумағында алғашқы кеңестік «жаңа құрылыс» (құтқару) экспедициясын ұйымдастыру себептері сипатталып, тарихы баяндалады. Зерттеу мұрағаттық деректерге негізделеді, олардың көпшілігі ғылыми айналымға алғаш рет енгізіліп отыр.

Нұра деп аталған экспедицияны 1933 ж. КСРО Халық Комиссарлары Кеңесі жанындағы Біріккен Мемлекеттік саяси басқару лагерлерінің бас басқармасының арнайы келісім-шарты бойынша халық ағарту комиссариатының материалдық мәдениет тарихының мемлекеттік академиясы ұйымдастырады. Оның жетекшісі профессор

© **Николай Ю. Смирнов**, *Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург, Россия; kolaksais@yandex.ru*

Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН РФ по теме государственного задания № 0184-2019-0004 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н. э. – I тыс. до н. э.)».

П. С. Рыков болды және экспедицияның құрамында кеңестік жас археологтар – М. П. Грязнов, М. Н. Комарова, М. И. Артамонов, И. В. Сеницын, Н. К. Арзютов және А. Н. Рогачёв қатысады.

Зерттеу жұмыстары «Гигант» кеңшары» деп аталатын – Қарағанды еңбекпен түзеу лагерінде (Карлаг) жүргізілді және ауыл шаруашылық алқаптарын құруға бағытталған жұмыстардың нәтижесінде жойылып кету қаупі бар археологиялық ескерткіштермен байланысты болды.

Нұра экспедициясының жұмыстары барысында тас дәуірінен бастап кейінгі орта ғасырларға дейінгі ескерткіштер ашылды. Соның ішінде М. П. Грязнов Орталық Қазақстандағы Беғазы-Дәндібай мәдениетінің алғашқы ескерткіші – Шерубайнұра өзені бойындағы Дәндібай қорымының № 11-ші құрылысын зерттеді.

Түйін сөздер: Н. К. Арзютов, М. И. Артамонов, М. П. Грязнов, М. Н. Комарова, А. Н. Рогачёв, П. С. Рыков, И. В. Сеницын, Беғазы-Дәндібай археологиялық мәдениеті ММТМА ХАК, ЛАГББ БМСБ, Қазақстан археологиясының тарихы, Қарағанды, Қарағандылық ЕТЛ, ММТМА ХАК Нұра экспедициясы, «Гигант» кеңшары, Орталық Қазақстан

Expedition of Prof. P. S. Rykov to Central Kazakhstan in 1933.

The background and history of organization

This paper describes the background and history of organization of the first Soviet ‘development-led’ (rescue) expedition in the territory of Central Kazakhstan. This study is based on archive data, which mostly are here first published. The archaeological expedition, which was called the Nura (Nurinskaya) Expedition, was organized in 1933 by the State Academy of the History of Material Culture of the People’s Commissariat of Education (GAIMK NKP) according to a special agreement with the Main Administration of Camps (GULAG) of the Unified State Political Directorate (OGPU) under the Council of People’s Commissars of the USSR. This expedition was directed by Prof. Pavel S. Rykov with the participation of quite a number of young Soviet archaeologists — M. P. Gryaznov, M. N. Komarova, M. I. Artamonov, I. V. Sinitsyn, N. K. Arzyutov and A. N. Rogachyov. The field investigations were conducted at the territory of the so-called *Sovkhoz ‘Gigant’* (state farm ‘Giant’) at the Karaganda Corrective Labour Camp (Karlag) and were concerned with studies of archaeological sites threatened by intensive economic activities aimed at the development of vast agricultural grounds managed by the GULAG. In the course of the works of the Nura Expedition, sites dated to a wide chronological range from the Stone Age to the late Middle Ages have been discovered. Inter alia, Mikhail P. Gryaznov excavated the first site of what was later called Begazy-Dandybay archaeological culture of Central Kazakhstan — structure no. 11 at the cemetery of Dandybay in the Sherubaynur River valley.

Keywords: M. I. Artamonov, N. K. Arzyutov, M. P. Gryaznov, M. N. Komarova, A. N. Rogachyov, P. S. Rykov, I. V. Sinitsyn, Begazy-Dandybay archaeological culture, GAIMK NKP, GULAG of OGPU, history of archaeology of Kazakhstan, Karaganda, Karaganda Corrective Labour Camp (Karlag), Committee of GAIMK for investigations at development areas, Nura Expedition of GAIMK NKP, sovkhoz ‘Gigant’, Central Kazakhstan.

*Памяти Павла Сергеевича Рыкова
и Николая Константиновича Арзютова*

В 1933 г. в Карагандинскую область Казакской АССР была отправлена археологическая экспедиция Государственной академии истории материальной культуры Народного комиссариата просвещения (далее — ГАИМК НКП, ГАИМК, академия), позднее получившая название — Нурина, в задачи которой входило обследование (разведки и раскопки) обширного и ранее

неизученного района Центрального Казахстана. На этой территории в самом начале 1930-х гг. было организовано огромное сельскохозяйственное предприятие, получившее официальное наименование «совхоз “Гигант”». Поэтому по внутренней документации ГАИМК первоначально это обследование и проходило под соответствующим названием — «экспедиция в совхоз “Гигант”». В действительности, «совхоз» не являлся обычным советским хозяйством, а был организован, в начале, как колония спецпереселенцев, а затем уже как полноценный исправительно-трудовой лагерь, входивший в систему ГУЛАГ ОГПУ — Карагандинский ИТЛ (далее — Карлаг). В его задачи входило обеспечение продовольствием рабочего «населения» нового индустриального района, осваивавшего рудные залежи и угольные копи [Система..., 1998. Карагандинский ИТЛ; Система..., 1998. Казакстанский ИТЛ; Материалы к очеркам..., л. 235–235 об., 277].

Руководителем экспедиции был назначен профессор Саратовского университета, действительный член ГАИМК П. С. Рыков, а в состав участников вошли молодые сотрудники ГАИМК — М. И. Артамонов и М. П. Грязнов, а также аспирант ГАИМК — А. Н. Рогачёв. Участниками экспедиции, не имевшими отношения к ГАИМК, были ещё три человека — сотрудница Лаборатории химического анализа Северо-Западного геологоразведочного треста М. Н. Комарова (жена М. П. Грязнова) и два саратовца — ученики П. С. Рыкова — Н. К. Арзютов и И. В. Сеницын. М. П. Грязнов исполнял обязанности заместителя начальника экспедиции, М. И. Артамонов, Н. К. Арзютов и И. В. Сеницын замещали должности старших научных сотрудников, а М. Н. Комарова и А. Н. Рогачёв — младшего и научно-технического [Переписка по организации работ..., л. 58].

Первая информация о ходе работ и результатах полевых исследований экспедиции была опубликована в кратком виде в одном из изданий ГАИМК, в том же 1933 г. [Рыков, 1933, с. 57–58]. В более полном виде отчёт о работе экспедиции в совхозе «Гигант» был представлен научной общественности спустя два года — в специальном томе Известий ГАИМК, посвящённом работе академии на новостройках [Рыков, 1935, с. 40–68].

Во время работы в Нуринской экспедиции М. П. Грязновым был исследован первый памятник будущей бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана — сооружение № 11 на могильнике Дандыбай в долине р. Шерубайнура.

Нуринская экспедиция ГАИМК работала в течение только одного полевого сезона 1933 г. и продолжения не имела. Материалы из исследованных памятников были доставлены в Ленинград для реставрации в Русском музее и научной обработки в ГАИМК НКП [Переписка по организации работ..., л. 84], а впоследствии, двумя партиями, в 1934 и 1950 гг., переданы из ГАИМК на постоянное хранение в Государственный Эрмитаж, где сейчас и находятся (Гос. Эрмитаж, ОАВЕС, кол. 379; оп. хр. 33-1).

Полевая документация экспедиции оказалась разделена между двумя архивами: большая часть сосредоточилась в НА ИИМК РАН, а меньшая,

сохранявшаяся в личном архиве М. П. Грязнова, после его смерти попала в Омск, где вошла в фонды МАЭ ОмГУ [Тихонов, 2009].

Административная документация, связанная с процессом организации экспедиции, в полном объёме сохранилась в соответствующих фондах НА ИИМК РАН.

После выхода большой отчётной статьи [Рыков, 1935] наступил длительный перерыв в осмыслении открытых экспедицией памятников. Лишь через 17 лет, в 1952 г., М. П. Грязнов опубликовал программную статью, в которой обосновал свою интерпретацию погребения, совершённого в сооружении № 11 могильника Дандыбай, и заново, и на ином уровне, проанализировал находки из этого комплекса [Грязнов, 1952].

В первом приближении ясно, что выход статьи М. П. Грязнова был обусловлен появлением незадолго до этого совместной публикации Л. Р. Кызласова и А. Х. Маргулана, подводившей определённые итоги изучения могильника Бегазы и напрямую затрагивавшей материалы сооружения № 11 могильника Дандыбай [Кызласов, Маргулан, 1950]. Однако длительный перерыв в работе с этим памятником был связан с совершенно иными, печальными событиями: арестом М. П. Грязнова 29 ноября 1933 г. по сфабрикованному ОГПУ делу о «фашистской контрреволюционной организации украинских националистов» и последующей ссылкой в Вятку на срок с весны 1934 г. по конец 1936 г. [Ашнин, Алпатов, 1994, с. 34, 40, 203; Заявление..., 2002, с. 86], а также с арестом в 1937–1938 гг. П. С. Рыкова и Н. К. Арзютова и последующей их гибелью во время заключения в лагерях в 1942 г. [Максимов, 1994, с. 3–5].

Позднее, к комплексу сооружения № 11 могильника Дандыбай неоднократно обращались археологи, занимавшиеся бегазы-дандыбаевскими древностями Центрального Казахстана, причём, за редкими исключениями, привлекался лишь археологический материал и обсуждались исследовательские интерпретации (в качестве примера приведу только обобщающие монографии: [Маргулан, 1979, с. 11, 147–153; Бейсенов и др., 2014, с. 9–10, 76–79]).

История же раскопок памятника, как и история создания самой Нуринской экспедиции ГАИМК, долгое время не привлекала внимания археологического сообщества России и Казахстана. Лишь около 10 лет назад к этой теме впервые обратился С. С. Тихонов, опубликовав две небольшие заметки, в основе которых лежали материалы омской части архива М. П. Грязнова, публикации П. С. Рыкова и данные открытых источников [Тихонов, 2009; 2010, с. 29–30].

Из всего сказанного о Нуринской экспедиции в этих двух заметках мне представляется наиболее важным то, что С. С. Тихонов впервые в печати высказал мнение о том, что экспедиция профессора П. С. Рыкова в 1933 г. работала на территориях, подведомственных ГУЛАГу, и могла использовать в процессе полевых исследований труд заключённых [Тихонов, 2009, с. 188; 2010, с. 30]. Несмотря на умозрительный и предположительный характер выводов, изложенных в заметках, следует отдать должное интуиции автора, позволившей ему верно обозначить канву сюжета, связанного с организацией одной из любопытнейших новостроечных экспедиций ГАИМК.

В последние годы мне удалось выявить в НА ИИМК РАН весь массив документов, относящихся к истории организации Нуринской экспедиции ГАИМК НКП, описать их, перевести в электронный формат и подготовить к публикации. В том числе удалось найти ряд неизвестных и обойдённых вниманием исследователей документов (как официальной переписки учреждений, так и личных записей), касающихся начальных этапов организации экспедиции и периода проведения разведочных работ. Наряду с НА ИИМК РАН поиск документальных свидетельств велся в фондах СПбФ АРАН (фонд Секретной части АН СССР) и ГА РФ (фонд ГУЛАГа). При этом особенно важный документ, описывающий результаты работы экспедиции, обнаружился фонде Секретной части АН СССР [Докладная записка...].

По объективным причинам недоступной для меня осталась омская часть личного архива М. П. Грязнова, в силу чего я мог привлечь лишь сведения, опубликованные С. С. Тихоновым, которые, к сожалению, имеют чисто ознакомительный характер (например, неясен общий объём документов, касающихся Нуринской экспедиции, не говоря уже об их перечне).

Не удалось пока ознакомиться и с архивами Карлага, хранящимися в составе государственного архивного фонда Республики Казахстан.

И всё же собранные и проанализированные документальные архивные и опубликованные свидетельства, а также данные открытых источников вполне достаточны для достоверной реконструкции всех этапов истории Нуринской экспедиции ГАИМК НКП 1933 г. — от момента её создания до окончания камеральной обработки археологических находок и их публикации и дальнейшей судьбы участников работ. Именно первому этапу и будет посвящена настоящая статья.

В 1933 г. в СССР полным ходом шла индустриализация. Только что с опережением был воплощён в жизнь первый пятилетний план развития народного хозяйства. Наступала вторая пятилетка, так называемая «пятилетка коллективизации». Её план подразумевал окончательную ликвидацию классов и капиталистических элементов, завершение коллективизации крестьянских хозяйств... и ещё много чего другого, в связи с полной перестройкой народного хозяйства «с превращением всего трудящегося населения страны в активных и сознательных строителей социалистического общества», обернувшейся для населения Советского Союза страшными испытаниями. Параллельно ставились задачи создания и освоения новых энергетических баз для подъёма промышленности в регионах [XVII Съезд...]. При этом «создание на Востоке второго основного угольно-металлургического центра СССР» и «форсированное развитие в восточных районах (Урал, Сибирь, Казакстан, Средняя Азия) и других отраслей промышленности, опирающихся на местные сырьевые ресурсы...» в качестве основных задач были поставлены еще XVI Съездом ВКП(б) летом 1930 г. [XVI Съезд..., 1930, с. 727].

В 1934 г. руководитель научно-исследовательской работы Карлага, заведующий НИС Н. К. Магницкий, писал: «...волею XVI Партийного Съезда и гениального вождя партии т[оварища] СТАЛИНА на удаленнейшей

окраине СССР в Центральном Казахстане {широко поставлена} работа по использованию местных природных богатств: каменного угля, железных и медных руд и др[угих] ценнейших металлов (свинца, серебра, золота). <...> Совхозы Карлага, по заданию ОГПУ, тов[арища] ЯГОДЫ и Начальника ГУЛАГ'а тов[арища] БЕРМАНА, разместились как раз в центре этого индустриального района, в узле железнодорожных линий...» [Материалы к очеркам..., л. 277].

Именно таким совхозом, а в реальности отдельным исправительно-трудовым лагерем № 9 по списку лагерей ГУЛАГа на тот момент [Приказы начальника..., л. 55 об.], и был в 1933 г. «совхоз “Гигант”». В чём же заключалась роль этого «Гиганта»?

И снова процитирую красноречивое свидетельство Н. К. Магницкого: «Проблема построения интенсивных пригородных хозяйств в условиях полупустыни Казахстана ставится впервые. Отсюда исходит тот, огромной важности и сложности, социальный заказ, который получил Карлаг в 1931 г[оду] от партии, Правительства и ОГПУ по построению в кратчайший срок в Центральном Казахстане интенсивных овощных, молочных и мясных хозяйств. <...> И самое главное, нужно было переделать самого человека, выкорчевать из его сознания наследие капитализма, превратить вчерашнего собственника сегодня в человека, защищающего и борющегося за социалистическую священную собственность» [Материалы к очеркам..., л. 235–235 об.].

В течение 1933 г. численность граждан Советского Союза, отправленных «на переделку» в Карлаг выросла более чем в два раза и почти достигла отметки в 25 000 человек [Сводный квартальный обзор..., л. 146; Система... 1998. Карагандинский ИТЛ].

Вот, что представляла собой территория, отведённая для осуществления гигантского социалистического эксперимента, куда в 1933 г., казалось бы, неожиданно ГАИМК НКП снарядила экспедицию под руководством профессора П. С. Рыкова.

На самом деле никакой неожиданности в этом не было. ГАИМК, в целом ориентируясь на декрет ВЦИК СНК РСФСР «О специальных средствах для обеспечения государственной охраны культурных ценностей» от 19 апреля 1923 г. и пункт 2 декрета ВЦИК СНК РСФСР об «Учёте и охране памятников искусства, старины и природы» от 07 января 1924 г. [Декреты и инструкция... 1924, с. 4, п. 2, с. 10, п. 8 и далее], уже несколько лет как разворачивала работу на новостройках — «великих стройках социализма» эпохи индустриализации, которая позволяла получить дополнительное финансирование для исследования новых, ещё неизученных территорий, а ГУЛАГ ОГПУ было одним из ряда государственных структур, как бы мы сейчас сказали, осовременивая ситуацию, «застройщиков», которые имели отношение к финансированию строительства и его непосредственному ведению.

С октября 1932 г. в ГАИМК существовал «Комитет для организации и руководства работами по учету, охране и всестороннему исследованию памятников истории материальной культуры в зонах капитального строительства на новостройках» (далее — Комитет по новостройкам, Комитет),

созданный по инициативе академии и одобренный СНК СССР [Академическая археология..., 2013, с. 244–245; Смирнов, 2015, с. 103].

Непосредственно деятельностью Комитета руководил академик И. И. Мещанинов. Изначально в Бюро Комитета входили С. Н. Быковский (заместитель Н. Я. Марра), В. В. Гольмстен, Ф. В. Кипарисов (заместитель Н. Я. Марра), Б. А. Латынин и А. А. Миллер. С 7 апреля 1933 г. в состав Бюро был включён ещё один заместитель Н. Я. Марра — А. Г. Пригожин [Протоколы Бюро..., л. 1, 9 и др.; Академическая археология..., 2013, с. 122]. А. Г. Пригожин, а ещё в большей степени Б. А. Латынин, вели с различными государственными промышленными и строительными учреждениями переговоры, связанные с организацией новых спасательных археологических исследований.

Археологические работы в новых условиях академия проводила достаточно обширные, в чём можно убедиться, взглянув на опубликованные в соответствующем выпуске ИГАИМК карты [Археологические работы..., 1935].

Архипелаг ГУЛАГ, раскинувшийся своими островками по всей территории СССР, обладал огромными человеческими ресурсами, которые неминуемо, во исполнение завета трудового перевоспитания недостаточно советских граждан, бросались на выполнение первоочередных задач советского ударного строительства. А там, где начиналось строительство, неизбежным было и уничтожение археологических памятников, спасение которых для науки и общества уже входило в ведение ГАИМК.

Подобный, громадный, по масштабам капиталовложений, объёму занятых человеческих ресурсов и предполагаемым полезным результатам проект, в начале 1930-х гг. созрел и у администрации ГУЛАГа, а точнее, в одном из его подразделений — Карлаге. Было решено соорудить на р. Шерубайнура (в те годы название реки писалось как Чурубай-нура), нижнее течение которой целиком охватывала территория Карлага, масштабное водохранилище, чтобы аккумулируемые в нём запасы воды могли бы обеспечить регулярный и лиманный поливы значительной площади полей «совхоза “Гигант”». Планировалось и начать строительство связанной с будущим водохранилищем ирригационной системы [Материалы к очеркам..., л. 241, 244–250 об.]. Так возникла знаменитая «Чурубай-Нуринаская проблема», которую ГУЛАГ вынужден был решать до самого момента своего упразднения [Переписка о «Чурубай-Нуринаской проблеме»...].

В феврале 1933 г. ГАИМК обратилась в ГУЛАГ с предложением о сотрудничестве, а ответственным за дальнейшее ведение переговоров с ГУЛАГом был назначен заместитель председателя академии — А. Г. Пригожин [Переписка по организации работ..., л. 33; Академическая археология..., 2013, с. 121–122]. В марте к ведению переговоров с ГУЛАГом был подключён и Б. А. Латынин [Переписка Комитета новостроек..., л. 171–174].

Руководство ГАИМК чётко указывало, что в случае заключения договора именно на Главное управление лагерями, как на учреждение, ведущее масштабное строительство, ложится бремя обеспечения сотруди-

академии «материальной базой» на время археологических исследований, финансирование полевых работ и, более того, «расходы, связанные с предварительной научной обработкой новых ценных материалов, полученных экспедицией» [Переписка по организации работ..., л. 33]. Всё это — типичные приметы договора о внебюджетной деятельности, знакомые большинству современных археологов. Перед нами, пожалуй, впервые, разворачивается классическая картина «хоздоговорных» спасательных работ, которая в дальнейшем будет так характерна для советской археологии второй половины XX в. и для российской археологии конца XX – начала XXI в.

При этом начальнику ГУЛАГа предлагалось «...обеспечить материальную базу для научных работников Академии занятых в обслуживании новостроек по линии Управления Лагерями, соответствующую тем условиям, в которых работают у Вас специалисты...» [Переписка по организации работ..., л. 33]. Понимая, каковы в реальности условия труда и содержания подневольных обитателей лагерей, руководство ГАИМК специально подчёркивает, что материальное обеспечение (речь, конечно, идёт, прежде всего, об условиях проживания и питания) её сотрудников, направляемых на территории, подведомственные ГУЛАГу, должно быть приравнено к тому, которое получают вольнонаёмные работники-специалисты.

Договор был подписан только в апреле 1933 г., переговоры шли более месяца и об их ходе в настоящее время мы имеем очень смутное представление. Учитывая большое количество пунктов, сформулированных предельно жёстко, а также значительный объём и характер сопроводительной переписки, относящейся ко времени после заключения договора, можно предположить, что они были сложными и интенсивными, а сам договор, хотя и был заключён сроком менее чем на один год (до 1 января 1934 г.), рассматривался как первый шаг в сторону длительного сотрудничества.

Исходя из пункта 1 договора, следовало, что «ГУЛАГ поручает, а ГАИМК принимает на себя организацию и ведение учета, изучения и охраны памятников древности и искусства в зонах работ ГУЛАГА по <...> совхозу “Гигант” Казакстанских Лагерей О.Г.П.У.». Пункт 2 задавал жёсткие рамки сотрудничества, устанавливая, что «общий порядок проведения как этих, так и всех перечисленных ниже работ, личный состав экспедиций, опубликование отчетов, инструкций, плакатов и пр[очего] устанавливается ГАИМК по указанию и по согласованию с ГУЛАГОМ, и с назначением лиц, персонально ответственных по ГАИМК за соблюдение установленного распорядка в каждой части работы /при полевых исследованиях, обработке материалов, подготовке их к изданию, хранении документов и пр[очее]/». Пункт 3 оговаривал условия предоставления информации о территориях работ, планируемых ГУЛАГОм, которую академия должна была проанализировать на предмет присутствия в зонах строительства памятников истории и культуры. Эта информация предоставлялась в виде «титального списка /плана/ работ», а также в виде «картографических и иных дополнительных материалов». Причём в случае с запланированными на 1933 г. экспедициями, в том числе, в Центральный

Казахстан топографические карты и прочие необходимые данные могли быть предоставлены строго начальнику экспедиции и только в месте её проведения. В нашем случае — в момент прибытия экспедиции в совхоз «Гигант» и после обращения в его дирекцию, т. е. в лагерное управление в с. Долинском [Договоры 1933 г..., л. 17].

Наконец пункт 13 договора прямо гласил, что «в 1933 г[оду] ГАИМК обязуется организовать и провести камеральный и полевой учет, изучение и охранные мероприятия памятников в зонах работ ГУЛАГА на: <...> б/ территории Совхоза “Гигант” в Казакстане» [Договоры 1933 г..., л. 20].

Остальные пункты договора описывали общие условия проведения работ, квартирования членов экспедиций, дополнительные обязанности сотрудников академии по отношению к работникам и администрации ГУЛАГА, а также особенности перечисления денег (авансы и расчёт за выполненные работы) на полевые и камеральные расходы. Из них наиболее важным представляется пункт 12, в котором было сказано, что «научные работники ГАИМК на то время, которое они заняты на работах, ведущихся по настоящему договору приравниваются по снабжению и прочим видам довольствия к специалистам — сотрудникам, а рабочие, занятые на раскопках и разведках, — к рабочим строительств ГУЛАГА» [Договоры 1933 г..., л. 20], таким образом, соблюдалось пожелание академии, отражённое в сопроводительном письме к проекту договора с ГУЛАГОм, о чём шла речь выше.

В целом настоящий договор вполне может претендовать на прообраз современных внебюджетных договоров о превентивном исследовании территорий, попадающих в зону хозяйственного освоения. В нём, конечно в формулировках того времени и с точки зрения той методологической ситуации, оговорены такие хорошо известные формы археологических работ как написание исторических справок, подготовка предложений по выделению охранных зон, разведки, раскопки и наблюдения (пункты 4, 8, 9) [Договоры 1933 г..., л. 18–19]. Наиболее показательные дополнительные обязательства академии отражены в пунктах 10 и 11 договора. Они демонстрируют заинтересованность ГУЛАГА, во-первых, в «культурном просвещении» сотрудников Управления лагерями и проведении с ними «разъяснительной работы по охране памятников» в виде «лекций, бесед, консультаций, выставок, экскурсий, выпуска и распространения среди них специальных брошюр, листовок, плакатов...», а, во-вторых, в «разработке на основе материалов и методики истории материальной культуры специальных тем, которые могут иметь кроме их обще-научного и непосредственное практически-полезное значение для ведущегося ГУЛАГОМ строительства» [Договоры 1933 г..., л. 19–20]. Эти два пункта не случайно попали в договор и, на самом деле, отражают специфику внутренней, ведомственной политики ГУЛАГ ОГПУ и, в частности руководства Карлага, в отношении своих сотрудников и повышения их уровня квалификации, а также заинтересованность в проведении научно-исследовательских работ [Материалы к очеркам..., л. 229–231 и др.].

На расходы, связанные с организацией и проведением экспедиции в совхозе «Гигант», выделялось, в соответствии с пунктом 6 общей сметы и

отдельной сметой расходов экспедиции, — 13 100 р. [Договоры 1933 г..., л. 22, 28].

Из отдельной сметы и пояснительного приложения к ней понятно, что экспедиция ГАИМК, направлявшаяся в совхоз «Гигант», была рассчитана изначально на три месяца полевой работы, с возможностью её перерыва (видимо, для проведения весеннего разведочного и осеннего раскопочного циклов работ), а состав её участников планировался более скромным — всего четыре человека, — чем это оказалось на самом деле. При этом выезд был запланирован на май месяц [Договоры 1933 г..., л. 26, 28].

Стремясь решить за счёт работ экспедиции и свои собственные проблемы, связанные с ведением культурно-просветительской деятельности в рядах как заключённых, так и администрации, Карлаг настойчиво добивался содействия академии и её сотрудников в организации музея или хотя бы временной экспозиции, а также проведения лекций и инструктажа по важному делу охраны памятников [Договоры 1933 г..., л. 27].

По условиям договора ГАИМК должна была не позднее 25 апреля известить ГУЛАГ о дате выезда экспедиции, намеченного на май месяц. С этим извещением был напрямую связан очередной этап финансирования [Договоры 1933 г..., л. 21]. Однако всё затянулось и следующий этап подготовки экспедиции, судя по датам переписки с ГУЛАГом, стартовал только в начале мая.

5 мая 1933 г. П. С. Рыков был назначен начальником экспедиции в совхозе «Гигант». Кроме того, на него были возложены обязанности ведения переговоров с ГУЛАГом по поводу связанных с экспедицией организационных забот. И чуть ли не в тот же день он был направлен в командировку в Москву и Саратов для решения всех этих задач. В Москву, на переговоры с представителями ГУЛАГа, П. С. Рыков повёз комплект документов, а также счета, выставленные академией за сделанные этапы работ [Переписка по организации работ..., л. 34, 55, 90–93].

Программа работ была составлена в тот же период времени и представляла собой трёхстраничный документ [Переписка по организации работ..., л. 92–93], в котором обстоятельно описывался ход предстоящих исследований от постановки задачи до этапа камеральной обработки материала. Обращают на себя внимание некоторые не совсем обычные задачи, которые, в ряду прочих, ставила перед собой экспедиция: «выявление и учет <...> остатков древних оросительных и др[угих] сооружений, следов древних горных выработок...». Более того, отдельным пунктом (пункт «I в»), в качестве одной из важнейших задач экспедиции оговаривалось «изучение следов древней хозяйственной деятельности человека на территории совхоза с основным упором на исследование древней техники земледелия /выявление районов, искусственно орошавшихся в древности и изучение техники ирригации» [Переписка по организации работ..., л. 92]. Это была необходимая «увязка» археологических исследований ГАИМК с «актуальными задачами социалистического строительства», о которой в том же году писал заместитель Н. Я. Марра по научной работе в ГАИМК — С. Н. Быковский [1933, с. 9]. Не будь эти задачи

приняты к выполнению экспедицией, ещё неизвестно, смогла бы она получить доступ на территорию Карлага...

Включала программа и упомянутые уже в общем договоре с ГУЛАГом «пропагандистские» и «политико-просветительные работы» по истории древнего общества среди «сотрудников совхоза», а также организацию «музея» или «временной выставки» — ещё один аспект сотрудничества, прежде всего, важный для ГУЛАГа, хотя и имеющий большое значение для сохранения материального наследия в зонах новостроек.

В программе оговаривались достаточно жёсткие сроки окончания камеральной обработки, подачи отчёта и организации музея или выставки — всё должно было быть закончено не позднее конца декабря 1933 г., то есть до окончания срока действия общего договора с ГУЛАГом. Последний пункт программы: «Проработка научно-исследовательских тем по материалам экспедиции» (пункт III. 8) — своего рода маленькая зацепка на будущее — намёк на то, что ГАИМК намерена продолжать научные исследования на территории Центрального Казахстана в 1934 г. и заинтересована в продлении общего договора с ГУЛАГом [Переписка по организации работ..., л. 92 об.–93].

Видимо, к периоду командировки П. С. Рыкова в Москву и Саратов относится и обновлённая смета экспедиции. Общая сумма осталась прежней — 13 100 р., но за счёт исчезновения некоторых разделов, сокращения других и перераспределения средств внутри сметы возросло количество участников экспедиции — вместо запланированных вначале четырёх сотрудников их теперь оказалось семеро (рис. 1). А вот время полевой работы, судя по смете, сократилось до двух месяцев [Переписка по организации работ..., л. 56–57, 58, 101].

Состав экспедиции.

Т. Нуримская	Нач. экспедиции	Рыков П.С. 550р.
Совхоз "Гигант"	Зам. нач.	Урашев А.К. 500р.
	Ст. нар. сотр.	Артыканов М.К. 500р.
	" " "	Симонкин А.В. 500р.
	" " "	Арзыбаев М.К. 500р.
	Мл. нар. сотр.	Канаров М.К. 450р.
	Нар. тех. сотр.	Поразев А.А. 350р.

Рис. 1. Фрагмент записи в рабочей тетради Б. А. Латынина о личном составе экспедиции ГАИМК в совхоз ГУЛАГа «Гигант» с указанием ставок сотрудников (по: НА ИИМК РАН. РО, ф. 2, оп. 1933 г., д. 84, л. 101).

Интересен состав участников экспедиции. Из перечисленных выше семи человек в 1933 г. к ГАИМК непосредственное отношение имели четверо: П. С. Рыков, действительный член академии, М. П. Грязнов, заведующий разрядом антропологии во II Технологическом отделении, М. И. Артамонов, сотрудник группы «Истории кочевого скотоводства» и руководитель группы «Архаического земледелия», начальник Манычской экспедиции ГАИМК и А. Н. Рогачёв, аспирант академии [Малов, 2006, с. 19; Академическая археология..., 2013, с. 25, 111, 113, 379]. При этом первые трое параллельно были сотрудниками других организаций: П. С. Рыков — профессор Саратовского университета и директор Саратовского Института краеведения; М. П. Грязнов — старший научный сотрудник Этнографического отдела Русского музея; М. И. Артамонов — научный сотрудник Сектора доклассового общества Государственного Эрмитажа [Малов, 2006, с. 19; Академическая археология..., 2013, с. 117; Артамонов Михаил Илларионович].

Для М. П. Грязнова Русский музей в тот период был основным местом работы. М. Н. Комарова, жена М. П. Грязнова, в эти годы работала техническим руководителем лаборатории механического анализа в составе Лаборатории химического анализа в Северо-Западном геологоразведочном тресте. По основному месту работы каждого из них ГАИМК отправила просьбы об откомандировании их в состав казахстанской экспедиции. Примечательно, что в случае с Русским музеем академия пообещала заведующему Этнографическим отделением «преимущественное право» на получение коллекций, «добытых экспедицией» [Переписка по организации работ..., л. 60].

М. И. Артамонов был включён в состав этой экспедиции ГАИМК и ряда других, по договорённости с Государственным Эрмитажем. В настоящем случае Эрмитажу обещаны были «коллекционные материалы» Нуринской экспедиции, но с учётом приоритетных требований Русского музея и ГУЛАГа [Договоры 1933 г...., л. 41–45].

Саратовцы Н. К. Арзютов и И. В. Синицын — единственные из состава экспедиции не имели ни прямого, ни косвенного отношения к ГАИМК, но их прекрасно знал П. С. Рыков, учениками которого оба являлись.

Остаётся понять, почему именно П. С. Рыкова академия назначила начальником этой весьма специальной экспедиции? К этому моменту, за исключением аспиранта А. Н. Рогачёва и М. Н. Комаровой, которая, впрочем, имела хорошую полевую подготовку, работая с М. П. Грязновым и С. И. Руденко на Алтае, все остальные участники были опытными археологами, вели самостоятельные исследования, а М. И. Артамонов, который был на четыре года старше М. П. Грязнова, и вовсе имел навыки руководства новостроечной экспедицией. Однако были у них и очевидные недостатки: молодые кадры академии, имевшиеся в 1933 г. уже в некотором избытке, не были столь представительны и известны как профессор П. С. Рыков и не были столь искусны в обращении с советскими и партийными органами. Не исключено, что старая гвардия ГАИМК и вовсе не захотела «марать руки», а скорее всего, была признана коммунистическим руководством неблагонадёжной. Да и

предварительные переговоры нужно было вести не с рядовыми советскими начальниками, а с начальником ГУЛАГ ОГПУ. Дело было слишком серьёзным, чтобы его могли поручить случайному человеку. Недаром и первый раунд переговоров с ГУЛАГом вёл лично А. Г. Пригожин, заместитель председателя академии и человек не только изнутри советской системы, но ещё и поднаторевший в партийных баталиях.

М. П. Грязнов стал заместителем начальника экспедиции также неслучайно. Во-первых, П. С. Рыков был с ним знаком, как минимум по переписке, ещё с 1927 г. [Рыков Павел Сергеевич... (письма), л. 5–5 об.], во-вторых, у М. П. Грязнова был уже хороший опыт полевых работ на Алтае и в Казахстане. Думаю, что не последнюю роль сыграли также и личные качества последнего.

Переговоры в Москве П. С. Рыков провёл успешно. Об этом свидетельствует дальнейшее развитие событий. 11 мая ГАИМК отправила заявку в Наркомпрос на выдачу пяти Открытых листов (на всех участников экспедиции, кроме М. Н. Комаровой и А. Н. Рогачёва) [Переписка Комитета новостроек..., л. 192]. Уже 15 мая 1933 г. П. С. Рыков получил Открытый лист № 3 «на раскопки в совхозе “Гигант” в Казахстане (район Караганды и р[еки] Нура)». Аналогичный лист, только под № 6, получил в тот же день И. В. Синицын [Отчёты и переписка..., л. 1, 3]. То, что такие же листы получили М. И. Артамонов и М. П. Грязнов сейчас сказать можно лишь предположительно — в деле они отсутствуют. Но, очевидно, выданы они были. Н. К. Арзютов лист также получил, но в деле его нет. Имеется только сопроводительное письмо об отправке его Открытого листа и отчёта о работах в Казахстане «в качестве участника Нуринской экспедиции Г.А.И.М.К.» от 27 декабря 1933 г. [Отчёты и переписка..., л. 23]. Странно, что отсутствуют отчёт и Открытый лист М. П. Грязнова, который был заместителем начальника экспедиции, но для этого могут быть свои основания. 29 ноября 1933 г. М. П. Грязнов был арестован [Заявление..., 2002, с. 86] и, видимо, поэтому не успел представить в ГАИМК требуемые документы.

В последней декаде мая П. С. Рыков находился уже в Саратове, вероятно, занимаясь делами организуемой экспедиции. 21 мая он отправил М. П. Грязнову пространное письмо, в котором излагал свои мысли относительно дня встречи членов экспедиции в Москве и предлагал согласовать сроки выезда [Рыков Павел Сергеевич... (письма), л. 1–1 об.].

К 25 мая дата выезда была определена и П. С. Рыков ждал только денег для выезда в поле, о чём он сообщил телеграммой, отправленной в ГАИМК на имя М. П. Грязнова [Переписка по организации работ..., л. 88].

Тем временем, в Ленинграде, в ГАИМК, своим чередом продолжались приготовления к отъезду. Академия забронировала «6 жестких спальных мест в скором поезде от Москвы до ст[анции] Караганда». 2 июня для шести (в эту группу не попал М. И. Артамонов, который присоединился к экспедиции позднее) участников экспедиции были оформлены командировочные удостоверения [Переписка по организации работ..., л. 61, 62].

П. С. Рыков 1 июня снова приехал в Москву и два дня вёл «необходимые переговоры в ГУЛАГ ОГПУ относительно поездки в «совхоз», получил командировочное удостоверение (видимо, уже от ГУЛАГ ОГПУ, так как удостоверение от академии ему должен был привезти М. П. Грязнов — *Н.С.*) и карту Совхоза» [Переписка по организации работ..., л. 81]. Судя по двум телеграммам П. С. Рыкова в ГАИМК, адресованным М. П. Грязнову, и его заключительному отчёту, посланному в конце экспедиции в академию, они должны были выехать из Москвы 4 или 5 июня, но выезд отложился из-за отсутствия билетов на поезд.

Выехать к месту работ участникам экспедиции удалось только 7 июня 1933 г. [Переписка по организации работ..., л. 63, 64, 81].

Так, 87 лет назад, началась история Нуринской экспедиции ГАИМК НКП, на короткое время объединившей в своём составе целую плеяду ленинградских и саратовских учёных, волею судьбы спасавших от уничтожения памятники археологии на территории сталинских лагерей. Всего несколько лет спустя двое из них — Павел Сергеевич Рыков и его ученик, Николай Константинович Арзютов, сами будут обречены на уничтожение, став лагерной пылью по прихоти советского государства.

Литература

Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.) / Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 416 с.

Артамонов Михаил Илларионович // Биографика СПбГУ / Отв. ред. Е.А. Ростовцев. [Электронный ресурс]. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/14-artamonov-mikhail-illarionovich.html> (дата обращения: 15.05.2019).

Археологические работы Академии на новостройках в 1932–33 гг. / Отв. ред. И.И. Мещанинов. Т. II. М.-Л.: ОГИЗ, 1935. 252 с. (ИГАИМК. Вып. 110).

Ашнин Ф.Д., Алтаов В.М. «Дело славистов»: 30-е годы. М.: Наследие, 1994. 286 с.

Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В., Касеналин А.Е. Памятники бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. 192 с.

Быковский С.Н. Классовая сущность буржуазной археологии // М.Г. Худяков Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов. Л.: Изд-во ГАИМК, 1933. С. 3–22.

Грязнов М.П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане // СА. 1952. Вып. XVI. С. 129–162.

Декреты и инструкция об учете и охране памятников искусства, старины и природы. М.: Тип. Главнауки Наркомпроса, 1924. 31 с.

Договоры 1933 г., заключённые с представителями новостроек // НА ИИМК РАН. РО, ф. 2, оп. 1933 г., д. 77.

Докладная записка начальника Археологической экспедиции о своей работе // СПБФ АРАН, ф. 4, оп. 28, д. 19, л. 49–53.

Заявление административно-высланного Грязнова Михаила Петровича, проживающего в г. Вятке по Хлыновской улице дом 42 // Степи Евразии древности и раннем средневековье: матер. Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. Кн. I. С. 86.

Кызыласов Л.Р., Маргулан А.Х. Плиточные ограды могильника Бегазы // КСИИМК. 1950. Вып. XXXII. С. 126–136.

Максимов Е.К. Неизвестное в биографиях П.С. Рыкова и Н.К. Арзютова // Срубная культурно-историческая область: матер. III Рыковских чтений (г. Саратов, октябрь 1994 г.). Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1994. С. 3–5.

Малов Н.М. Советская археология в Саратовском государственном университете (1918–1940): организационное становление, развитие и репрессии // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов: Научная книга, 2006. Вып. 4. С. 4–28.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1979. 360 с.

Материалы к очеркам по истории Карлага НКВД СССР. 1934 г. // ГА РФ, ф. Р-9414, оп. 2, д. 108.

Отчёты и переписка о раскопках в Совхозе «Гигант» в Казакстане (район Караганды и р. Нура) // НА ИИМК РАН. РО, ф. 2, оп. 1933, д. 206.

Переписка Комитета новостроек об организации экспедиций на новостройках // НА ИИМК РАН. РО, ф. 2, оп. 1933 г., д. 74.

Переписка о «Чурубай-Нуринской проблеме» Карагандинского ИТЛ. 1934 г. // ГА РФ, ф. Р-9414, оп. 2, д. 115.

Переписка по организации работ и охране памятников древности и искусства в зонах строительства Управления Лагерями ОГПУ «ГУЛАГ». 1933 г. // НА ИИМК РАН. РО, ф. 2, оп. 1933 г., д. 84.

Приказы начальника Главного управления ИТЛ ОГПУ по основной деятельности (1931–1932 гг.) // ГА РФ, ф. Р-9414, оп. 1, д. 2.

Протоколы Бюро Комитета по работам Академии на Новостройках и материалы к ним // НА ИИМК РАН. РО, ф. 2, оп. 1933 г., д. 75.

Рыков П.С. Нурильская экспедиция 1933 г. // ПИМК. 1933. № 9–10. С. 57–58.

Рыков П.С. Работы в совхозе «Гигант» (Караганда) // Археологические работы Академии на новостройках в 1932–33 гг. / Отв. ред. И.И. Мещанинов. Т. II. М.–Л.: ОГИЗ, 1935. С. 40–68 (ИГАИМК. Вып. 110).

Рыков Павел Сергеевич из Саратова в Ленинград (3 письма, 2 конверта) // НА ИИМК РАН, ф. 91, оп. 3, д. 164.

Сводный квартальный обзор по производственной деятельности ИТЛ. 1931–1932 гг. // ГА РФ, ф. Р-9414, оп. 1, д. 2920.

Система исправительно-трудовых лагерей в СССР / Отв. ред. Н.Г. Охотин, А.Б. Рогинский. М.: Звенья, 1998. [Электронный ресурс]. URL: <http://old.memo.ru/history/nkvd/gulag/> (дата обращения: 15.05.2019).

Смирнов А.С. Охранная археология до и после 1917 года (вторая половина XIX – первая треть XX века). Утраченный опыт организации работ // Очерки истории отечественной археологии. М.: ИА РАН, 2015. Вып. IV. С. 97–104.

Тихонов С.С. Могильник Дандыбай и его исследования Нуринской археологической экспедицией Института истории материальной культуры в 1933 году // Изучение историко-культурного наследия Центральной Евразии: сб. матер. Междунар. науч. конф. «Маргулановские чтения – 2008» (г. Караганда, 25–27 марта 2008 г.). Караганда: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2009. С. 187–193.

Тихонов С.С. История культуры Южной Сибири и Казахстана в материалах М.П. Грязнова // Андроновский мир. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2010. С. 26–36.

XVI Съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчёт. М.–Л.: ГИЗ, 1930. 782 с.

XVII Съезд ВКП(б). 26 января – 10 февраля 1934 г. Стенографический отчёт. Приложение 1. Резолюции и постановления XVII съезда ВКП(б). [Электронный ресурс]. URL: http://hrono.info/dokum/1934vkrpb17/pril_1.php (дата обращения: 15.05.2019).

И. А. Аржанцева

**НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП РАБОТ ХОРЕЗМСКОЙ АРХЕОЛОГО-
ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В КАЗАХСТАНЕ
(архивные материалы 1946–1951 гг.)**

Архив Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, хранящийся в Институте этнологии и антропологии РАН (Москва), содержит уникальные материалы (фотографии, рисунки, чертежи, полевые дневники), связанные с деятельностью этой экспедиции в советское время на территории трех среднеазиатских республик, включая Казахстан. Работы в Казахстане начались после окончания второй мировой войны – в 1946 г. Впервые в советской археологии была применена широкомасштабная аэрофотосъемка, и первые полеты были проведены над территорией Казахстана (Кызылординская область). В 1946 г. были сделаны уникальные съемки Джетыасарского урочища, Чирик-рабата и «болотных городищ» в дельте Сырдарьи. Низовья Сырдарьи всегда привлекали руководителя экспедиции С. П. Толстова как регион, исторически неразрывно связанный с Хорезмом, как контактная зона между степными номадами и земледельцами оазисов Трансоксианы. В 1946–1951 годах была проделана огромная работа, сделана аэрофотосъемка большой территории в Кызылординской области, проведены разведки на «болотных городищах». Начаты масштабные раскопки на нескольких памятниках (Алтын-асар, Джеты-асар № 9) в Джетыасарском урочище. За короткий начальный период очень интенсивной работы ХАЭЭ фактически были намечены направления важнейших археологических работ, проводившихся в последующие годы в Восточном Приаралье.

Ключевые слова: Казахстан, С. П. Толстов, Хорезмская экспедиция, Джетыасарское урочище, архив, аэрофотосъемка

**Хорезм археологиялық-этнографиялық экспедициясының
Қазақстандағы жұмыстарының бастапқы кезеңі
(1946-1951 жж. архив материалдары)**

РҒА Этнология және антропология институтының (Мәскеу) архивінде Хорезм археологиялық-этнографиялық экспедициясының кенестік уақытта Қазақстанды қоса алғанда үш ортаазиялық республика аумағында жүргізген зерттеу жұмыстарына байланысты бірегей материалдар (фотосуреттер, суреттер, сызбалар, далалық күнделіктер) сақталған. Қазақстандағы алғашқы зерттеу жұмыстары 1946 ж., екінші дүниежүзілік соғыс аяқталғаннан кейін басталады. Кеңес археологиясында алғаш кең көлемді аэрофото түсірілімдер жасау және Қазақстан аймағында, атап айтсақ Қызылорда облысында алғаш рет ұшақ арқылы суретке түсіру қолданылды. 1946 ж. Сырдарияның төменгі ағысындағы Жетіасар жерінде, Шірік Рабат және «Батпақты қалашықтарында» бірегей фото түсірілімдер жасалады. Сырдарияның төменгі ағысы экспедиция жетекшісі С. П. Толстовты Хорезммен тығыз байланысы бар, далалық

көшпенділер мен Трансоксиан оазисінің диқаншылар арасындағы тарихи байланыс аймағы ретінде қызықтырады. 1946–1951 жылдары Қызылорда облысында үлкен аумақта аэрофотоға түсіру, «Батпақты қалашықтарға» барлау жасау секілді үлкен жұмыстар атқарылады. Жетіасар жерінде бірнеше ескерткіштерге (Алтын-асар, Жеті-асар № 9) ауқымды қазба жұмыстары жүргізіледі. ХАЭЭ-нің қысқа мерзімдегі қарқынды жұмыстарының нәтижелері соңғы кездері Шығыс Арал маңына жүргізілген археологиялық қазбаларға маңызды дерек көзі болып келеді.

Түйін сөздер: Қазақстан, С. П. Толстов, Хорезм экспедициясы, Жетіасар жері, архив, аэрофото түсірілім

The initial phase of the work of the Khorezm archaeological and ethnographic expedition in Kazakhstan (archives 1946–1951)

The archive of the Khorezm Archaeological and Ethnographic Expedition which is kept in the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow) contains unique materials (photographs, drawings, plans, field diaries) related to the activities of this expedition in Soviet times on the territory of three Central Asian republics, including Kazakhstan. Work in Kazakhstan began after the end of World War II, in 1946. For the first time in Soviet archeology, aerial photography was used on a large-scale, and the first flights were done over the territory of Kazakhstan (Kyzylorda region). In 1946, unique photographs were taken of the Jetyasar landscape, the Chirik-rabat settlement and the ‘marsh settlements’ in the Syrdarya delta. The lower Syrdarya always attracted S. P. Tolstov, the head of the expedition, as a region historically inextricably linked with Khorezm, as a contact zone between the steppe nomads and the farmers of the oases of Transoxiana. Much work was done in 1946–1951 – aerial photographs were taken of large areas in the Kyzylorda region, surveys were carried out in the ‘marsh settlements’. Large-scale excavations started at a number of sites (Altyn-asar, Jety-asar No. 9) in the Jetyasar stow. In fact, the directions of the most important archaeological work that was carried out in subsequent years in the eastern Aral Sea region were outlined during this short initial period of very intensive work of the Khorezm archaeological-ethnographic expedition.

Keywords: Kazakhstan, S. P. Tolstov, Khorezm expedition, Jetyasar, archive, aerial photography

Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Института этнографии АН СССР (1937–1997 гг.) являлась крупнейшей и наиболее протяженной во времени экспедицией не только в Советском Союзе, но и в мировой археологической практике. По территориальному охвату, количеству исследованных памятников и опубликованных материалов, по сложности организации и комплексному подходу к археологическим и этнографическим изысканиям эта экспедиция до сих пор не имеет аналогов. Работы Хорезмской экспедиции проходили на территории трех республик – Узбекистана, Казахстана и Туркменистана, охватив площадь в несколько сотен тысяч кв. километров (а с учетом проведенной аэрофотосъемки площадь исследованных территорий расширяется до 5 млн. га). Географически – это южные Кызылкумы и северные Каракумы, Прикаспийский регион, Восточное Приаралье, низовья Сырдарьи и Амударьи. Трудно переоценить ту роль, которую сыграла Хорезмская экспедиция и С. П. Толстов в формировании современной исторической науки в этих регионах, в создании археологических и этнографических школ среднеазиатского направления. Изначальным и основным интересом

и местом наиболее масштабных исследований на протяжении всей работы экспедиции был, конечно, Хорезм – древний исторический регион Средней Азии, расположенный в оазисе в нижнем течении Амударьи (Окса) на территории современного Узбекистана (и автономной Каракалпакии) и Туркменистана. Тем не менее, низовья Сырдарьи всегда привлекали руководителя экспедиции С. П. Толстова как регион, исторически неразрывно связанный с Хорезмом, как контактная зона между степными номадами и земледельцами оазисов Трансоксианы, т.е. междуречья Амударьи и Сырдарьи. После полной эвакуации Института этнографии из Ташкента, где он находился во время войны, в Москву в 1945 году С. П. Толстов возобновил археологические работы в Хорезме, а затем распространил зону работ и на Восточное Приаралье. В послевоенные годы работы Хорезмской экспедиции развернулись на новой методологической основе и приняли большой размах. Хорезмская экспедиция стала одной из самых крупных и наиболее современно технически оснащенных археологических экспедиций Советского Союза. Как писала М. А. Итина, ученица и соратник С. П. Толстова: «...он добился в те трудные времена огромной поддержки для своей экспедиции, как от центрального правительства, так и от местных властей. Одновременно в разных районах Средней Азии работало по несколько отрядов. В их распоряжении были самолеты, портативные электростанции, целые караваны специальных автомобилей» [Итина, 1997, с. 191]. Пешие, автомобильные и авиамаршруты охватили всю территорию пустынных земель древнего орошения в низовьях Амударьи и Сырдарьи. Комплексность экспедиции

Рис. 1. Группа участников разведки. На маршруте. В центре С.П. (в папахе) и Н.П. (в соломенной шляпе) Толстовы

подразумевала не только работы этнографов. В полевых условиях научный коллектив включал представителей многих смежных профессий – рядом с археологами работали географы и геоморфологи, геодезисты и почвоведы, поскольку особое внимание уделялось изучению древних оросительных систем, старым руслу Амурь и Сырдарьи, палеоклиматическим реконструкциям. Полевая документация работ экспедиции составила обширнейший архив, который насчитывает несколько десятков тысяч единиц хранения и в настоящий момент хранится в Институте этнологии и антропологии РАН. Полученные в результате многолетних работ экспедиции материалы, содержащие помимо археологических, антропологических и нумизматических коллекций немало художественных предметов, образцов скульптуры и росписи, ювелирного искусства, древних арамейских, тюркских, арабских надписей и т.п., насчитывали свыше 3,5 миллионов единиц хранения. После научно-технической обработки подавляющая масса коллекции, в том числе и находки, происходящие с территории Казахстана, была передана в музеи России и стран СНГ (в Государственный Эрмитаж, Государственный исторический музей, Государственный музей искусства народов Востока, Центральный государственный музей Республики Казахстан, в музеи городов Кызыл-Орда (Кызылорда), Лисаковск, Ленинск (Байконур) Казахстана). Документация, связанная с вышеуказанными передачами, хранится как в Институте этнологии и антропологии РАН, так и в соответствующих музеях. Архивные материалы включают полевые дневники исследователей, экспедиционные отчеты, стенограммы совещаний, чертежи, а также обширный иллюстративный материал: зарисовки, копии настенных росписей и рисунки находок, выполненных экспедиционными художниками и архитекторами, в том числе И. В. Савицким, Н. П. Толстовым, М. А. Орловым, В. И. Пентманом, Г. М. Баевым. В состав архива входит отдельной структурой и фотоархив экспедиции, включающий негативы (плёночные и на стеклянных пластинах), позитивы (слайды), отпечатки, а также несколько тысяч кадров аэрофотосъемки. Далеко не все эти материалы были опубликованы или же они были опубликованы в плохом разрешении. Некоторые из рисунков, записей и зарисовок обнаружены лишь в ходе недавних работ по архиву. Архив начал формироваться с первых же дней работ Хорезмской экспедиции, т.е. с 1937 г. Самые ранние архивные материалы, связанные с работами в Казахстане, относятся к концу 40-х годов прошлого столетия. С Казахстаном же связаны и самые поздние работы Хорезмской экспедиции – вплоть до начала 1990-х гг. в Джетысарском урочище велись крупномасштабные раскопки под руководством Л. М. Левиной.

После войны, когда возобновились работы экспедиции, ведение полевой и камеральной документации было достаточно строго регламентировано, и вся документация, полученная в ходе полевых работ, включая фотографии, в обязательном порядке сдавалась в архив. В архив сдавались даже так называемые личные фото (бытовые, жанровые сцены, пейзажные съемки и т.д.), сделанные в ходе экспедиции, и многочисленные фотопортреты

участников экспедиций, включая рабочих. В архиве также находятся и описи и копии отчетов, написанных уже в Москве по результатам полевого сезона. Архив неоднороден по своему составу по разным критериям. Так, наименее документирован начальный этап экспедиции – 1937–1940 гг. Послевоенный период (и вплоть до конца 60-х гг. прошлого века) документирован наиболее полно, представлены практически все виды документов. Эта часть архива наиболее систематизирована и упорядочена. Это, скорее всего, объясняется тем, что был задействован мощный административный ресурс – С. П. Толстов был в это время не только руководителем ХАЭЭ, но и директором Института этнографии АН СССР, таким образом, архивом занимались в течение всего года несколько человек. Сказывались организаторские таланты Сергея Павловича: жесткие требования к сдаче и публикации отчетов и трудов экспедиции. Документация, связанная с работами экспедиции в 1970–1980 гг., хотя и становится меньшей по объему, также достаточно хорошо организована: в архиве находятся все дневники, чертежи и отчеты. Меньшее количество архивного материала объясняется сокращением объема проводимых полевых исследований. Самый крупный массив архивных документов 1970–1990 гг. связан с широкомасштабными работами, проводившимися Л. М. Левиной в урочище Джеты-асар (Казахстан).

Работы в низовьях Сырдарьи начались только после войны – в 1946 г. На Общем собрании Академии наук СССР 4 июля 1946 г., где были подведены итоги работ Хорезмской экспедиции за первые пять полевых сезонов (1937–1940 и 1945 гг.), Толстовым были сформулированы задачи экспедиции на предстоящие годы. «Перед нами сейчас стоят два цикла обширных задач: 1) Во-первых – организация капитальных раскопок гигантских памятников античного Хорезма <...>; 2) Во-вторых – дальнейшее продолжение разведок на сотни километров в глубь пустыни, где особую роль должно сыграть широкое применение авиации. На очереди разведки по древним руслу Жаны-дарьи и Куван-дарьи в Кызыл-куме, по Узбою в Кара-куме и на плоскогорье Устюрт – на важнейшем древнем пути из стран Востока через Хорезм в Восточную Европу.» [Толстов, 1952, с. 9]. Такой интерес к низовьям Сырдарьи сам Толстов объяснял необходимостью «в основных чертах восстановить картину истории культуры степных племен этой обширной страны – предков нынешних туркмен, каракалпаков и казахов, от середины I тысячелетия до н.э. до позднего средневековья <...>. В результате работ экспедиции оказалось возможным решительно пересмотреть традиционные представления о хозяйственном быте средневековых тюркских племен Приаралья и по-новому поставить проблемы их происхождения...» [Толстов, 1952, с. 12]. В ходе работ в Казахстане были исследованы такие знаменитые памятники, как комплексы Чирик-рабат и Бабиш-мулла, городище Дженд, могильники Тагискен и Уйгарак, Джеты-асарские городища-крепости, «болотные городища» др. И начались эти работы масштабными авиа- и авторазведками. Бесспорная заслуга С.П. Толстова – применение аэрометодов, беспрецедентное по своим масштабам в это время не только для нашей

страны, но и для мировой археологии. Тысячи километров земель Сыра были покрыты аэрофотосъемкой, которая проводилась здесь с 1946 г. и до начала 70-х гг. прошлого века. Начиная с 1946 года и более 15 лет подряд вместе с ХАЭЭ работало несколько небольших самолетов системы ПО-2 гражданской авиации, приписанные к Нукусскому аэродрому. Созданный архив аэрофотосъемки (более 5000 снимков) до сих пор не имеет аналогов в мировой археологической практике, научная ценность его колоссальна, т.к. с тех пор (т.е. с конца 40-х гг. прошлого столетия) большинство ландшафтов этого региона необратимо изменились. Все полеты тщательно планировались, также тщательно продумывались наземные маршруты в сочетании с авиамаршрутами. Сначала предполагаемый маршрут прорабатывался по крупномасштабной карте, после чего совершался полет на небольшой высоте для визуального обследования предстоящего пути. И только после этого проводился наземный маршрут, сопровождавшийся сбором подъемного материала, подробной фиксацией памятников, а иногда и разведочными раскопками. В том случае, если на пути машин вставали непроходимые пески, использовались верблюды, но только для транспортировки воды, продуктов и поклажи [Итина, 1997, с. 191]. Важным было то, что авиаработы осуществлялись теми же лицами, которые в течение многих лет вели наземные разведки, раскопки и архитектурные обмеры памятников, хорошо ориентировались в их хронологии и поэтому могли в процессе авиаработ ставить и разрешать разнообразные, вполне конкретные исследовательские задачи. В этот же период была разработана и особая методика съемки археологических памятников с воздуха с учетом опыта проведенных комплексных работ 1946–1947 гг. Методика аэрофотосъемок была изложена в нескольких программных статьях [Толстов, 1948; Толстов, Орлов, 1948; Игонин, 1968].

Первые авиаразведки на территории Казахстана были проведены в 1946 г. вдоль древних русел Жанадарьи и Кувандарьи, т.к. встала задача дальнейшего выяснения исторического окружения Хорезма, его связей с сырдарьинскими областями, бассейном Зеравшана, Восточной Европой, прикаспийскими странами, а для этого необходимо было охватить обследованием памятники, заброшенные в пустыню на сотни километров от теперешних культурных земель [Толстов, Орлов, 1948, с. 55]. Толстова интересовал этот район старых русел Сырдарьи – Жанадарьи и Кувандарьи, по которым еще в первой половине XIX в. и даже позднее текла вода. На картах и в отчетах путешественников – офицеров царской армии времен завоевания Средней Азии и позднейших авторов географических описаний этой части Средней Азии – были показаны многочисленные развалины. Однако научному исследованию они не подвергались, и даже время их существования оставалось неизвестным [Толстов, 1948, с. 53–55]. Первые авиаразведки в сочетании с наземными маршрутами на территории Казахстана в Кзыл-Ординской области начались 3 октября 1946 г. В этой разведке участвовали: сам С. П. Толстов, М. А. Орлов (заместитель начальника) и В. И. Пентман

Рис. 2. Полет над Сырдарьей. 1946. Нижняя Сырдарья. Фото М.А. Орлова

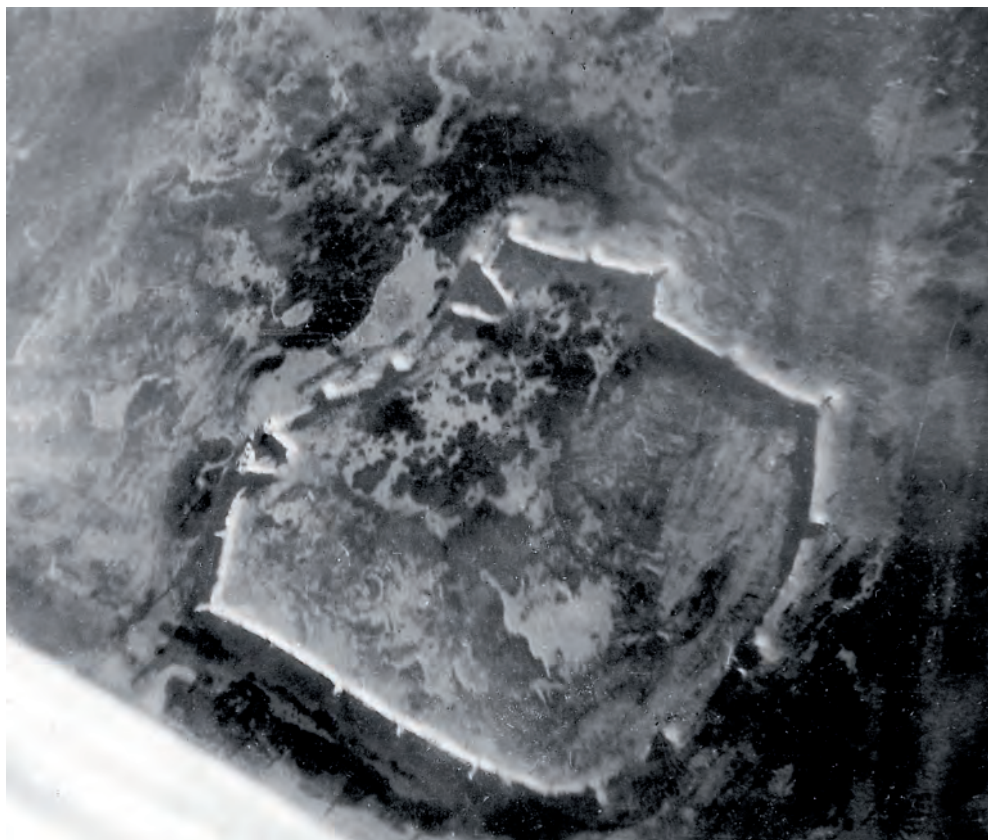
(архитектор), Н. П. Толстов (художник), пилоты И. И. Яловкин, Н.Д. Губарев, авиамеханик П. Кокорин. Подвижную базу экспедиции обслуживали водители автомашин И. Н. Иванов, Н. С. Горин и Д. Лиманов. Первая разведка в северных Кызылкумах продолжалась всего 18 дней, но за это время был проделан огромный объем работ, пройдено несколько тысяч километров воздушных полетов, открыто и обследовано более сотни новых памятников, среди которых укрепленная усадьба Каракалпак-кала (Орунбай-кала), многочисленные следы каракалпакских поселений, и ирригаций, мазары Иркибай, Сарлы-там, Шотпай, крепость Чирик-рабат, крепость Бештам, крепость Чагырлы, крепость и замок Бабиш-мулла, крепость Кум-кала, крепость Джан-кала (Дженд), крепости Джетыясарского урочища, группа «болотных городищ» (Джанкент (Янгикент), Кескен-куюк-кала, Куюк-кала), крепость Мулды-Мурат, крепость Сенгир-там и др. [Вактурская, Воробьева, 1952, с. 633]. За короткий период очень интенсивной работы фактически были намечены направления важнейших археологических работ, проводившихся в последующие годы в Восточном Приаралье.

В период разведывательных работ по дальнему маршруту работа строилась на комбинированном взаимодействии подвижного (авто-мото) отряда экспедиции с самолетной группой. Автогруппа разведывательного отряда выезжает в район работ по маршруту к месту первой базы. В ее обязанности входит организация лагеря и посадочной площадки к точно намеченному сроку прибытия самолетов и прием последних на старте. С этой базы проводится ряд вылетов самолетов в кольцевые маршруты с параллельной работой над памятником, у которого расположена база. При этом автогруппа остается

Рис. 3. Городище на берегу. 1946. Нижняя Сырдарья. Фото М.А. Орлова

ся на месте (в случае продолжительных работ) или выезжает к следующему пункту маршрутной базы и готовится здесь к приему самолетов. Такая организация позволяет соединять длительные наземные работы на основных памятниках маршрута с их авиаобследованием и значительно увеличивает радиус действия самолетов, что при избранном экспедицией типе самолетов (ПО-2), обладающих ограниченным запасом горючего, имело решающее значение [Толстов, Орлов, 1948, с. 57]. Именно так были организованы работы на кызылкумском маршруте в 1946 году с базами у Чирик-рабата и Кум-калы, недалеко от развалин Дженда (Джан-кала). Обустройством лагеря, как и «аэродромов» - импровизированных посадочных площадок – занимались сами участники отряда, включая Толстова и его зама Марка Орлова. Впервые отрабатывалась методика таких разведок, посадок на памятниках по сигналу ракетницы, в темноте, все было в первый раз, рискованно и опасно. Из дневника М. А. Орлова: «Идем строить аэродром. Такыр и саксаул. Возвращаемся на метеостанцию. <...>... «Летят, летят!» И в самом деле, в разрывах серых туч прямо на нас идет знакомый «ПО-2», немного южнее скользит второй, хватаю ракетницу. Белый, сверкающий клубок описывает кривую в сторону крепости, за которой намечена площадка. Сигнал не поняли. Идут на посадку к большому такыру км. в 5 от крепости. Машина ушла сразу к площадке, а я на мотоцикле мчу к самолетам. Мотоцикл прыгает на кочках дороги. Поворот вправо – огромный сверкающий такыр, две серо-зеленых машины. И трое, толстые от комбинезонов. В ушах свистит от скорости. Тормоз. Привет. Условились перелететь. Разворот. Я мчусь обратно, чтобы дать сигнал ракетой со старта.

*Рис. 4. Рабенсай-асар (Асар № 4). Аэрофото. Урочище Джеты-асар. 1946.
Фото М.А. Орлова*

Сократил дорогу. Прогалины в саксауле. Поворот. Удар. Я завяз между двумя огромными кустами саксаула. Рука правая в крови. Заросли. Возвращаюсь на дорогу. Ив. Ив. (Яловкин, пилот Нукусского отряда Узбекского управления ГВФ, в 1946 г. участник авиаотряда экспедиции – И.А.) уже в воздухе. Площадку нашел. Садитесь» [Аржанцева и др., 2018, с. 50]. Несколько раз самолёты производили аварийную или очень жесткую посадку, так что следующий день начинался с ремонта крыльев ПО-2. Во всех этих небезопасных перелётах принимал участие и сам С. П. Толстов, а самые первые аэрофотографии памятников и ландшафтов были сделаны М. А. Орловым. Имея временную базу возле Чирик-рабата, авиаотряд совершил несколько вылетов и обследовал окрестные памятники, фотографируя их, измеряя расстояния, описывая и делая наброски. Так буквально за несколько дней в районе Чирик-рабата было обследовано, несколько интереснейших памятников, включая и сам Чирик-рабат. Практически все эти памятники в дальнейшем подверглись более подробному исследованию и раскопкам. Разведочные работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции показали, что обширный комплекс средневековых памятников на Жанадарье (Джан-кала, Сарлы-

там и др.) относится к хорезмшахской и хорезмийско-джучидской культурам. Их хронологически сменяют памятники каракалпакской культуры, представленные ирригационной сетью, широко раскинувшейся по Кувандарье и Жанадарье, и остатками укрепленных усадеб и поселений [Андрианов, 1952, с. 569; Толстов, 1947]. Так впервые была описана и зарисована Каракалпак-кала (Орунбай-кала) – каракалпакское укрепление XVIII–XIX вв. Материалы обследований этих укреплений и ирригационных систем впоследствии использовались в работах Т. А. Жданко по исторической этнографии каракалпаков [Жданко, 1950; 1952] и Б. В. Андриановым, написавшим несколько работ, связанных с формированием этнической территории каракалпаков [Андрианов, 1952] и в особенности с созданием каракалпакских ирригационных сетей в низовьях Сырдарьи [Андрианов, 1991, с. 101–122]. Тогда же был обследован и находящийся недалеко от Чирик-рабата мазар Сарлы-там (Жанадарьинский). Его впервые сняли сверху при облете территории, а при наземном осмотре удалось сделать фотографии, замеры и изящную зарисовку. Но для Толстова гораздо больший интерес представляли такие комплексы, как Чирик-рабат-кала и Бабиш-мулла, открытые и впервые обследованные также в ходе разведки 1946. Эти памятники для Толстова были несомненным и ярким свидетельством продвижения хорезмийского влияния на север, в среду кочевников и скотоводов. И на Чирик-рабате, и на Бабиш-мулле впоследствии будут проводиться многолетние стационарные раскопки, давшие богатейший материал по истории Восточного Приаралья. Следующая передвижная база устраивается уже у Джана-калы, откуда совершаются авиа- и авторазведки, прежде всего, на само городище Джана-кала, которое С. П. Толстов отождествлял со средневековым Джендом. С этой же временной

Рис. 5. Самолет над лагерем. 1949. Алтын-асар. Фото Г.А. Аргиропуло

экспедиционной базы у Джан-калы была совершена и авиаразведка на СЗ в направлении Аральского моря, тогда находившегося в совершенно иных границах, к группе памятников, названными впоследствии С. П. Толстовым «болотными городищами». Толстов отождествлял находившуюся в 30 км на запад от г. Казалинска Джанкент-калу, вслед за своими предшественниками, со средневековым городом Янгикентом, неоднократно упоминавшемся в арабоязычных письменных источниках. Так же как и город Дженд, Янгикент представлялся С. П. Толстову чрезвычайно важным памятником в истории тюрок-огузов, расселившихся в низовьях Сырдарьи в IX–X вв.,

Рис. 6. Мавзолей Сарлы-там (жаныдарьинский). 1946. Жанадарья. Фото М.А. Орлова

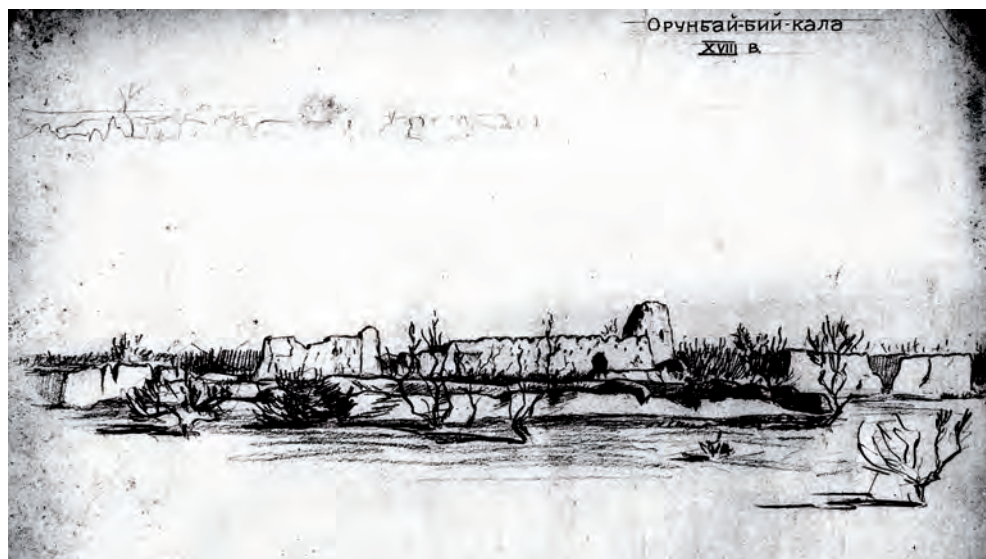

Рис. 7. Орунбай-кала. Каракалпакское укрепление XVIII–XIX вв. Жанадарья. 1946 г. Рисунок Н.П. Толстова

Рис. 8. Комплекс городища Алтын-асар. Общий вид. 1948. Фото Т.А. Жданко

сыгравших немаловажную роль в сложении крупных кочевых объединений в контактной зоне Трансоксианы и имевших сложные взаимоотношения с Хорезмом. Несмотря на большое значение, которое Толстов придавал этой группе памятников, на разведку было отведено всего лишь неполных два дня. Результаты, однако, были впечатляющими. Уже в 1947 г. была опубликована статья С. П. Толстова «Города Гузов» [Толстов, 1947], где впервые была затронута проблематика «болотных городищ», оказавшаяся в последнее время в центре интенсивной дискуссии о процессе урбанизации в Низовьях Сырдарьи в раннем средневековье [Arzhantseva, Gorshenina, 2018].

И, конечно, одним из главных результатов авиа- и авторазведки 1946 г. в низовьях Сырдарьи стало открытие в бассейне древних протоков Сырдарьи – Кувандарьи и Пракувандарьи (Эскидарьялыка) – своеобразной и яркой культуры I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. – джетыасарской. Памятники этой культуры – мощные, укрепленные поселения и окружающие их богатые некрополи – затем на многие годы стали объектами детального исследования и стационарных раскопок нескольких отрядов Хорезмской экспедиции. За время разведок 1946 г., всего за несколько октябрьских дней, было открыто и обследовано 17 асарских городищ. Стационарных работ в 1946 г. здесь не проводилось, но когда появилась возможность начать стационарные раскопки в этом регионе, они были начаты в 1948 г. именно в Джетыасарском урочище. Экспедиция была организована Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР совместно с Институтом истории материальной культуры

АН СССР (Московское отделение) при участии истфака МГУ и Академии наук Казахской ССР. Толстов в своих отчетах и публикациях подчеркивал, что в послевоенное время активизировалась деятельность республиканских институтов истории, археологии и этнографии, которые не только приняли участие в работах ХАЭЭ, но и начали проводить свои большие самостоятельные археологические работы [Толстов, 1962, с. 8]. В составе экспедиции именно в послевоенное время появились аспиранты Института этнографии из Узбекистана и Казахстана. Стационарные раскопки в Джетысарском урочище проводились экспедицией в 1948, 1949 и 1952 гг. Работы в 1948 г. начались в первую очередь на крупнейшем объекте Джетысарского урочища, открытом еще в 1946 г., – городище Алтын-асар. Первая аэрофотосъемка Алтын-асара была сделана в 1946, и уже тогда памятник привлек внимание исследователей своими размерами и сложным планом. В 1949 и в 1951 годах к раскопкам на Алтын-Асаре добавились работы на окрестных курганных группах и на Джеты-Асаре № 9.

Практически все работы ХАЭЭ на территории Казахстана проходили в Кызылординской области и небольшая часть – на территориях Гурьевской (Атырауской) и Актюбинской областях. Экспедиция работала в Гурьевской области только в 1950 г., когда отряд экспедиции выехал на машинах из Москвы в Каракалпакию на памятник Топрак-кала, где тогда работали основные силы экспедиции. Во время этого автомаршрута были обследованы, описаны, зарисованы и сфотографированы памятники, расположенные в Гурьевской (Атырауской) области – городище Сарайчик, многочисленные средневековые и поздние (XIX–XX вв.) мазары и некрополи. Кроме того, были запечатлены портреты и быт казахов, кочевавшие со своими стадами в этом районе в 50-е годы прошлого столетия. В архиве хранятся уникальные фотографии этой разведки, многие из которых не публиковались ранее [Аржанцева, 2016, с. 100–125]. До сих пор эти материалы ждут своего исследователя.

Литература

Андреанов Б.В. Ак-джагыз (К истории формирования современной этнической территории каракалпаков в низовье Аму-дарьи) // Труды ХАЭЭ. М.: изд-во АН СССР, 1952. Т. I. С. 567-584.

Андреанов Б.В. Из истории орошения в бассейне Аральского моря // Аральский кризис (историко-географическая ретроспектива). М.: «Эвтетика», 1991. С. 101-122.

Аржанцева И.А. Хорезм: история открытий и исследований. Ульяновск: изд-во «Артишок», 2016. 237 с.

Аржанцева И.А., Болелов С.Б., Тажекеев А.А. История исследований Хорезмской экспедиции на землях Сыра. Кызылорда; М.: «Олеабук», 2018. 310 с.

Вактурская Н.Н., Воробьева М.Г. Хроника работ Хорезмской экспедиции Академии наук СССР // Труды ХАЭЭ. М.: изд-во АН СССР, 1952. Т. I. С. 611-643.

Жданко Т.А. Очерки исторической этнографии каракалпаков. Родо-племенная структура и расселение в XIX – начале XX вв. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1950. 172 с.

Жданко Т.А. Каракалпаки Хорезмского оазиса // Труды ХАЭЭ. М.: изд-во АН СССР, 1952. Т. I. С. 461-566.

Игонин Н.И. Исследование археологических памятников по материалам крупномасштабной аэрофотосъемки // История, археология и этнография Средней Азии: К 60-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР, доктора исторических наук, профессора С.П. Толстова. М.: Наука, 1968. С. 257-267.

Итина М.А. К 90-летию С.П. Толстова и 60-летию Хорезмской археолого-этнографической экспедиции // РА. 1997. № 4. С. 189-199.

Толстов С.П. Города гузов // СЭ. 1947. № 3. С. 57-102.

Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.: изд-во АН СССР, 1948. 328 с.

Толстов С.П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945–1948 гг.) // Труды ХАЭЭ. М.: изд-во АН СССР, 1952. Т. I. С. 7-46.

Толстов С.П., Орлов М.А. Опыт применения авиации в археологических работах Хорезмской экспедиции // Вестник Академии наук СССР. 1948. № 6. С. 55-62.

Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: изд-во Восточной литературы, 1962. 324 с.

Arzhantseva I., Gorshenina S. The patrimonial project of Dzhankent: constructing a national symbol in the longue du-rée // Ancient Cultures from Scythia to Siberia. 2018. № 24. P. 467-532.

АРХЕОЛОГИЯДАҒЫ ПӘНАРАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В АРХЕОЛОГИИ

Д. Б. Аяпова

АРХЕОЛОГИЯДАҒЫ ЭКСПЕРИМЕНТ ЖӘНЕ ОНЫҢ ТҮРЛЕРІ

Археологиядағы эксперимент өткен тарих туралы білудің жалғыз жолы емес. Алайда, бұл болжам, идея, мүмкіндік және гипотезалар шеңберінен шығудың ең жақсы әдісі. Нақты мақала бүгінгі эксперименттік зерттеулердің жағдайын және эксперимент жіктемелерінің басты қағидаттарын анықтауға бағытталған. Зерттеу барысында археологиядағы эксперименттерге арналған ХІХ ғ. ортасы – ХХІ ғ. басындағы шетел авторларының жұмыстары тарихи талдау мен материалдарды баяндау әдістері арқылы өңделді. Зерттеу нәтижесінде қазіргі эксперименттерді ұйымдастырудағы түрлі орталықтардың мүмкіндіктеріне тоқталамыз.

Түйін сөздер: эксперименттік археология, эксперимент түрлері, археологиядағы әдістер

Эксперимент и его типы в археологии

Эксперимент в археологии далеко не единственный способ узнать больше о прошлом, но это лучший метод выйти за рамки предположений, идей, возможностей и гипотез. Так, в статье предлагается обзор современного состояния экспериментов, а также проводится анализ классификации экспериментов, где особое внимание уделяется принципам деления. В ходе исследования нами были рассмотрены работы зарубежных авторов середины ХІХ – начала ХХІ века с помощью метода исторического анализа и изложения материала. В заключении мы остановились на возможностях различных центров в организации экспериментов.

Ключевые слова: экспериментальная археология, виды экспериментов, методы в археологии

Experiment and its types in archaeology

The experiment in archeology is not the only way to learn more about the past, but this is the best method to go beyond assumptions, ideas, possibilities and hypotheses. Thus, the article offers an overview of the current state of experiments, and also analyzes the basic classification of experiments, where special attention is paid to the principles of division. In the course of the study, we examined the works of foreign authors of the mid-19th – early 21st centuries using the method of historical analysis and presentation of the material. In conclusion, we focused on the capabilities of various centers in organizing experiments.

Keywords: experimental archaeology, types of experiments, methods in archaeology

Кіріспе

Археологиядағы эксперимент – тарихшылар мен археологтардың тарихи тұжырымдамалар, түрлі теориялар мен болжамдар жасау кезінде пайда болатын дауларды шешудің тиімді әдістерінің бірі. Себебі, эксперимент барысында гипотеза тәжірибелік тұрғыдан тексеріледі. Өз кезегінде, бұл табылған заттардың қолданыстағы маңыздылығы мен мақсатын анықтауға көмектеседі. Алайда, осыдан бірнеше жүз жыл бұрын адамдар қазба кезінде табылған заттардың қайдан пайда болғанын және не үшін қажет екендігін білмей, түрлі қиял-ғажайып анықтамалар ұсынған болатын. Жалпы, археологиядағы алғашқы ғылыми экспериментті неміс ғалымы Андреас Альберт Роде (1682–1724 ж.ж.) жасаған [Малинова, Малина, 1988, 13 с.]. Ол тас құралдарды адамның жасағанын дәлелдеу үшін өзі қолдан тас балта жасайды.

Кейін зерттеушілер қыш ыдыс өндірісіне (әр түрлі өндіріс әдістері, ою-өрнектер), тоқыма ісіне, темір өңдеуге, зергерлік бұйымдар жасауға байланысты эксперименттер өткізеді. Біз, аталған зерттеулердің кейбіреулеріне эксперимент жіктемелерін саралау барысында тоқталатын боламыз. Ал, ғылыми бағыт ретінде эксперименттік археология XIX ғасырдың екінші жартысында Р. Эшер, Дж. Коулз, С.А. Семеновтардың зерттеулері нәтижесінде қалыптасып, XX ғасырдың 70-жылдарында алғашқы академиялық курстар пайда болады. Бұл кезең ағылшын-американ және Батыс Еуропа археологиясында эксперименттік қайта құрулардың «шыңы» болып есептелінеді.

Археологияны тереңірек түсіну үшін эксперименттік археологияның рөлі өте жоғары екендігі баршамызға мәлім. Дегенмен де, отандық археология ғылымында бұл бағыт тек соңғы жылдары ғана тәжірибеге еніп жатыр. Бұған университеттерде мамандарды даярлауда арнайы курс пен материалдық-техникалық жабдықтардың болмауы да себепкер. Одан бөлек, ежелгі қолөнер түрлерін игеруге, ұмыт қалған технологияларды қалпына келтіруге және т.б. зерттеулерге арналған эксперименттерді өткізу едәуір қаражат пен уақытты қажет етеді. Ғылымда жалпыға бірдей қолданылатын эксперимент түрлері мен оларды іске асыру тәртібі мен бағдарламасының болмауы да эксперимент мүмкіншіліктерін толыққанды игеруге кері әсерін тигізуде.

Осы орайда, зерттеудің мақсаты ғылымдағы эксперименттің қазіргі жағдайын көрсету және эксперименттердің қандай принциптер бойынша бөлінетінін анықтау болып табылады.

Негізгі бөлім

Эксперименттік археология тарихы жайлы жазылған біршама еңбектер бар. Әдетте, мұндай кітаптар мен мақалалардың кіріспе бөлімінде эксперимент маңыздылығы жайлы ақпарат қысқаша түрде беріледі. Мысал ретінде соңғы жылдары жарыққа шыққан Мэтью [Mathieu, 2002] мен Фергюсонның [Ferguson, 2010] еңбектерін алуға болады. Алайда, осы тақырыптағы әдебиеттердің ішіндегі ең танымалы – Джон Коулздың «Археология эксперимент арқылы» (1973) және «Эксперименттік археология» (1979) еңбектері. Бұл кітаптардың әлі де маңызды рөл атқаруының негізгі себебі – Дж. Коулздың сол кездегі

эксперименттік зерттеулермен айналысатын көптеген ғалымдармен тығыз байланыста болғандығынан. Сондай-ақ, оның эксперименттерді қолданылатын материалдың шығу тегіне қарап емес, әлеуметтік аспектілеріне байланысты түрлерге бөлетіндіктен. Өз кезегінде, бұған XIX ғасырдың ортасындағы ғылыми жетістіктер және антиквариатшылар мен археологтардың табылған заттардың қалай өндіріліп, пайдаланылғандығы жайлы қызығушылытары да әсер етті.

КСРО-да эксперименттік зерттеулер 1950 жылдары қолданыла бастайды. Оған ленинградтық археология мектебінің өкілі, тас құралдарының функцияларын зерттеудің трасологиялық әдісінің негізін қалаушы С.А. Семеновтың зерттеулері негіз болды. Оның жетекшілігімен эксперименттік бағдарламасы бар алғашқы экспедициялар ұйымдастырылды. Бұл бағыттағы зерттеулерді Ресей ғылым академиясы Материалдық мәдениет тарихы институтының эксперименттік-трасологиялық зертханасы ары қарай жалғастыруда. Қазіргі таңда зертхана қызметкерлері Еуразияның палеолит және қола дәуірлерімен мерзімделетін маңызды тұрақтар мен қоныстардан табылған тастан, сүйектен, мүйізден, ағаштан және керамикадан жасалған бұйымдарды зерттеудің эксперименттік-трасологиялық әдісін одан әрі дамытып, жетілдіруде. Мысалы, зертхана басшысы В.Е. Щелинскийдің жетекшілігімен Кавказдың батысындағы Родники 1 ерте палеолиттік тұрағынан табылған тас еңбек құралдары трасологиялық, технологиялық және эксперименттік әдістер арқылы талданды [Щелинский 2007; 2010; 2013]. Өз кезегінде, бұл зерттеулер ежелгі технологиялардың дамуының көптеген зерттелмеген жақтарын егжей-тегжейлі түсіндіруге, демек, ежелгі тарихтың әртүрлі кезеңдеріндегі экономикалық даму ерекшеліктерін неғұрлым нақты сипаттауға мүмкіндік береді.

Сонымен қатар, зертхана қызметкерлерінің ұйымдастыруымен жыл сайын эксперименттік-трасологиялық мектеп-семинарлар өткізіледі. Мұнда қатысушылар эксперименттік-трасологиялық зерттеулер кезінде суретті сандық өңдеуге арналған арнайы компьютерлік бағдарламаларды қолдану ерекшеліктерімен, микро- және макробақылауға арналған оптикалық құралдармен танысып, артефактілер бетіндегі іздердің рельефін бөлудің әр түрлі әдістерінің кемшіліктері мен артықшылықтарын талқылайды [Экспериментально-трасологическая лаборатория ИИМК РАН, Интернет-ресурс]. Осылайша, аталған зертхана зерттеулері ежелгі құралдардың өндірістік қызметі мен алғашқы қоғам экономикасы жайлы тың ақпарат беруде.

Одан басқа, эксперимент маңыздылығы жайлы И. Г. Глушков «археолог ставит опыты (эксперименты) с вещью в первую очередь ради приобретения опыта общения с ней, выявления серии признаков, помогающих почувствовать вещь» - деп жазады [Глушков, 1996, 12 с.]. Сондай-ақ, И. В. Васильева мен Н. П. Салугиналардың анықтамасы бойынша «эксперимент можно определить как специальный метод научного исследования, который должен быть особым образом организован» делінген [Васильева, Салугина, 1999, 182 с.]. Біз, бұл орайда археологиядағы эксперимент физика немесе химия

экспериментінен өзгеше екендігін ерекше атап өткенді жөн көрдік. Себебі, археологиядағы барлық эксперименттерде археологиялық заттың, объектінің бір бөлігі, қалдығы, ізі әр кезең сайын қайта қалпына келтірілетіндіктен эксперименттік модельдеу табиғаты бар. Яғни, эксперимент кезінде археолог негізінен физикалық модельдермен жұмыс жасайды.

Отандық ғалымдар арасында эксперименттік және трасологиялық әдістерді А. М. Кисленко Ботай тұрғын үйлерін қайта қалпына келтіру кезінде [Кисленко, 1993, с. 117–137], Б. А. Сиражева Берел обасынан табылған мүйіз бұйымдар кешеніне сараптама жүргізу барысында [Сиражева, 2018], А. Е. Ержанова Орталық Қазақстан аймағындағы қола дәуіріндегі металлургия қоныстарынан табылған тас құралдарды зерттеу кезінде [Ержанова, 2015] және И. В. Шевнина неолит дәуіріндегі Мақанжар қыш ыдыстарын эксперименттік жолмен үлгілеу барысында [Шевнина, 2014, 61-63 б.] қолданған болатын. Аталған әдістер зерттеушілерге тың нәтижелер мен өз салаларындағы көкейкесті мәселелерді жаңа қырынан талдауға мүмкіндік берді. Біз, бұл орайда шетелдік және Қазақстандық ғалымдардың зерттеулерін негізге ала отырып, Шығыс Қазақстан аумағындағы сақ мәдениетіне қатысты бірнеше эксперименттерді өткізуді жоспарлаудамыз.

Нақты зерттеу жұмысының жоғарыда аталған авторлардың зерттеулерінен өзгешелігі мұнда біз археологиялық эксперименттің бүгінгі таңдағы ахуалы мен маңыздылығына тоқталып, эксперимент түрлеріне қатысты зерттеулердегі жіктемелердің қандай қағидатқа сүйене отырып жасалғандығын анықтайтындығымызда.

Біз атап өткен мәселелерден бөлек, қазіргі эксперименттік археология атауының өзі көптеген ғылыми тұрғыда дәйегі жоқ іс-шаралар мен қызметтерде қатысты қолданылып жатыр. Еуропалық ғалым Роланд Паардекупердің пікірінше, бұны өзгерту мүмкін емес [Paardekooper, 2008, 1346 p.]. Алайда, нақты зерттеу аясында шынайы эксперименттік археология аясына не кіретінін анықтауымызға болады. Біріншіден, бұл кез келген түрдегі демонстрациялар. Себебі олар арқылы кітаптарда берілген ақпараттың шынайылығын көре аламыз. Екіншіден, отбасыларға арналған жазғы «өмірлік эксперименттер» лагерьлері. Үшіншіден, ғылыми негізделген «дұрыс» эксперименттер. Өйткені, олар ашық аспан астындағы археологиялық музейлерде немесе арнайы іс-шараларда ұсынылады.

Аталған іс-шаралардан басқа, бірнеше елдерде мүдделі мамандар қауымдастықтары ашылған. Мысалы, 2002 жылы EXARC - эксперименталдық археология және ашық аспан астындағы археологиялық музейлердің халықаралық қауымдастығы құрылған, оның мақсаты-әр түрлі шикізат пен кезеңдерге байланысты зерттеулермен айналысатын әлем археологтары мен ғалымдарын біріктіру. Бүгінде аталған қауымдастықтың әлемнің 40 елінен жиналған 300-ден астам мүшесі бар. Жыл сайын EXARC халықаралық әріптестікті одан әрі дамыту үшін түрлі семинарлар, фестивальдар мен конференциялар өткізеді. Мақала авторы да осы қауымдастыққа мүшелікке

қабылданды. Болашақта, шетелдік мамандармен тәжірибе алмасу жоспарланған.

Эксперименттердің жіктемелеріне толығырақ тоқталсақ, американдық археолог Роберт Эшер алғашқылардың бірі болып эксперименттік зерттеу процедурасын нақты мысалдарды қолдана отырып талдайды [Ascher, 1961]. Сонымен қатар, ол мақсат қоюдың өзіндік сызбасын әзірлейді. Өз кезегінде, сызбадағы шарттарды орындау, эксперименттік зерттеулердің дәйектілігі мен прогрессивтілігін қамтамасыз етеді. Р. Эшер эксперименттерді бірнеше түрлерге бөледі (кесте 1).

Кесте 1 – Роберт Эшер анықтаған эксперименттің төрт түрі

Еліктеме (имитирующий) – эксперименттік археология іргетасы	материяға пішін беріліп, ол өткенді модельдеу үшін қолданылатын операциялар
Ойша (мысленный)	эксперименттің кез-келген түрі ойдағы идеалды үлгіні салудан басталады
Бағалау	белгілі бір объектілердің адам немесе табиғат әрекеттерінің өнімдеріне қатыстылығын анықтау үшін қолданылады.
Салыстырмалы	қазба әдістерінің тиімділігін анықтау үшін пайдаланылады.

Осы тұста Р. Эшер эксперименттерді әдіснамалық тұрғыда негізделген жіктемесін жасағандығын атап өткен жөн. Себебі, зерттеуші ұсынған эксперимент түрлері белгілі бір мақсатты көздейді және әдетте алдыңғы мақсатқа бағынады. Аталған жіктеу түрлі техникалар арқылы заттың көшірмесін жасау мен тестілеу қағидатына негізделген [Ascher, 1961, 793 p.].

Өз кезегінде, С. А. Семенов ағаш өңдеу барысында қолданылатын тас балта мен басқа құралдардың қызметі мен мүмкіншіліктерін жүздеген эксперименттер барысында тексерді. Соның нәтижесінде, Сергей Аристархович тастан жасалған жебе ұштары мен қол балта жасау техникасын қайта қалпына келтіреді. Зерттеу жұмысына сүйене отырып, С. А. Семенов эксперименттерді келесі түрлерге бөледі:

- өңделген материалдың түрі бойынша;
- құралдар жасалған материалдың түрі бойынша;
- жұмыс тиімділігін анықтауға арналған эксперименттер [Семенов, 1957, 6 с.].

Бұл жіктеу, ең алдымен, тас құралдарды өндіруге байланысты эксперименттерге бағытталған. Басқа дәуір эксперименттеріне аталған классификацияның қатысы жоқ.

Археологиядағы кейбір эксперименттер өндіріс кезеңіне қатысты болса, басқалары функционалдылық мәселелерін немесе шикізат әлеуетін

талдайды. Осы орайда, Дж. Коулз барлық археологиялық эксперименттерді үш түрге бөледі:

- тамақ өнімдерін өндіру;
- ауыр өнеркәсіп, құрылыс жұмыстарын қосқанда;
- жеңіл өнеркәсіп [Coles, 1973, 18 p.].

Нақты жіктеу өндіріс түріне қарай түрлерге бөлінген. Дж. Коулздың зерттеуі тас, қола және темір дәуірі технологияларын қайта қалпына келтіруге бағытталған эксперимент мысалдарымен дәйектелген. Біз бұл орайда, Ежелгі Мысырдағы алып тастардан жасалған Джебхутихотеп патша мүсінің тасымалдау барысы бейнеленген фресканы зерттеуге арналған экспериментке тоқталғанды жөн көрдік. Себебі, суреттегі сюжетке байланысты түрлі гипотезалар болған. Нақты эксперименттер барысында бұл алып мүсіннің шынымен де шана жүретін жолға су құю арқылы тасымалданғандығы дәлелденді [Coles, 1973, 84–88 p.]. Осылайша, ежелгі технологияларды зерттеудегі эксперимент әдісінің рөлі жоғары екендігі көрсетілді.

Өз кезегінде, эксперименттік археологияның практикалық қолданыстағы мүмкіндіктерін зерттеушілердің бірі, Ұлыбританияның оңтүстігінде орналасқан Butser Ancient farm (Ежелгі Батсер фермасы) – ашық аспан астындағы археологиялық музей жобасының жетекшісі П. Рейнольдс [Reynolds, 1999, 161 p.] эксперименттерді бес негізгі класқа бөледі (кесте 2).

Кесте 2 – П. Рейнольдс анықтаған эксперименттің бес класы

Құрастыру	Археологиялық эксперимент нәтижелерін тестілеу үшін гипотетикалық құрылыс дизайның масштабы 1:1 болуы керек.
Функционалды эксперименттер мен үдерістер	Алғашында заттар қалай жасалғанын, тас құралдарды қандай мақсатта қолданғанын, басқа да технологиялық үдерістердегі жетістіктерге қалай қол жеткізгенін зерттейді.
Модельдеу	Археологиялық жазбалар мен топонимиялардың қалыптасу үдерісін эксперименттік зерттеулер арқылы зерттеу.
Тестілеу (Сынақтар)	Жоғарыда аталған үш категориялардың қасиеттерін ұштастырады. Үлкен көлемді, ұзақ уақытқа жоспарланған кешенді зерттеулер.
Технологиялық инновациялар	Заманауи археологиялық әдістерді эксперименттік зерттеу барысында қолдану. Бұған геофизикалық құрылғылар арқылы археологиялық модельдерді сынау жатады.

Біз, бұл орайда сынақ класы арқылы алдын-ала жоспарланған эксперимент нәтижесі мен оны бірнеше рет қайтала орындау арқылы алынған нәтижені салыстыру арқылы дұрыс қорытындылар шығаруға болатындығын алға тартамыз. Сондай-ақ аталған бес категория зерттеудің алға қойған мақсатына байланысты қағидатқа негізделген. Мысалы, Батсер ашық аспан

астындағы археологиялық музейі темір дәуірі адамдарының өмір салты мен тұрмысын қайта қалпына келтіруге бағытталған зерттеулермен айналысады.

Ал, Джеймс Мэтью болса эксперименттерді масштаб принципі бойынша жіктейді [Mathieu, 2002, 5 p.]. Ең кішкентай масштабтағы экспериментке – объектінің визуалды және толық көшірмесін жасау жатса, орташа масштабтағы экспериментке – объектінің жасалу жолы мен қолданыстағы қызметін зерттеу кіреді. Келесі санатқа объектінің қалай өндірілгені және қандай өзгерістерге ұшырағандығын бақылау жатса, соңғысын кең ауқымды қайта құрулар құрайды.

Жоғарыда аталған жіктемелерден басқа, эксперименттік зерттеулердің ерекше категориясына этноархеологиялық эксперименттерді жатқызуға болады. Бұл эксперимент түрін ХХ ғасырдың 70 жылдарында ағылшын зерттеушісі Рут Трингхэм ғылымға енгізген. Этноархеологиялық эксперимент мінез-құлық және бағалау эксперименттерінен тұрады [Tringham, 1978, 182 p.]. Бағалау эксперименті арқылы белгілі бір заттың адамға немесе табиғатқа қатыстылығы анықталады. Мінез-құлық эксперименті арқылы материалдық заттар мен адам іс-әрекеттері арасындағы байланыс орнатылады. Осы деңгейдегі эксперимент функцияларына «тиімділік» пен «өнімділікті» анықтау жатады. Жалпы, аталған эксперимент түрі материалдық зат пен адам арасындағы қатынас пен байланысты анықтау қағидатынан тұрады.

Нәтиже

Зерттеудің кіріспесінде көптеген эксперименттердің қаржылық қолдауды қажет ететінін атап өткен болатынбыз. Осы мәселені шешуде ашық аспан астындағы археологиялық музейлердің рөлі жоғары. Себебі мұнда қажетті материалдар мен ресурстар бар. Сондай-ақ аталған орталықтарда – ғылыми зерттеулерден бөлек, музей жұмыстары қолға алынған, зерттеу нәтижелерін бұқаралық ақпарат құралдары арқылы насихаттау, мектеп пен университет білім алушыларына арнайы курстар жүргізу мүмкіншіліктері де бар.

Бұл музейлердегі эксперименттік археология үй құрылысынан бастап ашық аспан астындағы ғылыми зертханалық сынақтарға қатысуға дейінгі түрлі қызмет түрлерін қамтуы мүмкін. Өз кезінде бұл келушілерге адамдардың бұрын қалай өмір сүргендігі және қалай әрекет еткендігі жөнінде визуалды түсінік бере алады. Мысалы, Даниядағы Лейредегі Эксперименттік Орталық жазғы маусымдағы музейде өтетін зерттеулерді қаржыландырып қана қоймай, келушілерге зерттеу процесіне тікелей қатысуға мүмкіндік береді [Paardekooper, 2010, 67 p.]. Аталған бағыт әлемнің бірнеше елдерінде көпшіліктің мойындауы мен жан-жақты қолдауына ие. Осы орайда, біз, ашық аспан астындағы археологиялық музейлердің Қазақстанда ары қарай дамуына өз үлесімізді алдағы жоспарланған зерттеулер нәтижесінде қосамыз деген сенімдеміз.

Археологиядағы эксперименттің көпшілігі археологтар ұсынған интерпретацияның заңдылығын анықтауды мақсат етеді. Кейбір эксперименттер барысында өндіріс қалдықтарын зерттеуге арналған

артефактілер дайындалса, басқалары түрлі операциялардың тиімділігін анықтауға бағытталады. Осы уақытқа дейін белгілі эксперимент түрлерін жіктеуге арналған зерттеулерді талдау барысында, біз, эксперименттердің үш негізгі қағидат бойынша жіктелетінін анықтадық. Олар:

1) ежелгі заттың немесе процестің нұсқасын қайта жасау (физикалық эксперименттер);

2) оңтайлы әдістемені анықтауға арналған эксперименттер (мысалы, белгілі бір құралдарды өндіретін эксперименттер);

3) материалдық зат пен адам арасындағы байланысты анықтау (этноархеологиялық эксперименттер).

Қорытынды

Осылайша, эксперименттік археологияның қалыптасу тарихы жүз жылдан астам уақытқа созылды. Ғалымдардың археологиядағы эксперимент маңыздылығын түсіну процесі негізінде эксперимент зерттеушінің басты зерттеу құралына айналды. Заманауи технологиялар ғалымдарға жана мүмкіндіктер ашатындықтан, эксперимент түрлерінің саны да технологиялық прогреске байланысты едәуір артуды. Өз кезегінде бұл эксперименттен алынған нәтижелердің ғылымда алатын рөлінің жоғары екендігін көрсетеді. Зерттеу нәтижесі эксперимент жасауға қызығушылық танытатын археологтар үшін бастапқы нұсқаулық ретінде қызмет етеді. Сондай-ақ, болашақта осы жұмысты археология мамандығында білім алушы студенттерге оқу құралын дайындауда қолдануға болады.

Әдебиет

Васильева И.Н., Салугина Н.П. Экспериментальный метод в изучении древнего гончарства (к проблеме разработки структуры научного исследования с использованием физического моделирования) // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара:Изд-во СамГПУ, 1999. С. 185-198.

Глушков И.Г. Реконструкция и моделирование неолитического жилища (по материалам поселения Чилимка V) // Экспериментальная археология. Тобольск: Изд. ТГПИ, 1992. Вып. 2. С. 18-34.

Ержанова А.Е. Орталық Қазақстан аймағындағы қола дәуіріндегі металлургтер қоныстары мен тас құралдары // Ежелгі Торғай – Ұлы дала төсіндегі асыл алқа: В.Н. Логвинның 70 жылдық мерейтойына арналған ғылыми мақалалар жинағы. Қостанай; Алматы: Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, 2015. 406-413 бб.

Кисленко А.М. Опыт реконструкции энеолитического жилища // Проблемы реконструкции хозяйства и технологий по данным археологии: сб. науч. трудов /отв. ред. В.Ф. Зайберт. Петропавловск: [б./и.], 1993. С. 117-137.

Малинова Р., Малина Я. Прыжок в прошлое. Эксперимент раскрывает тайну древних эпох. М.: Мысль, 1988. 271 с.

Семенов С.А. Первобытная техника. МИА. 1957. № 54. 240 с.

Сиражева Б.А. Электронный научный журнал «edu.e-history.kz» № 4 (16) 2018.

Шевнина И.В. Неолит дәуіріндегі Торғай тайпаларының қыш өндірісі. Қазақстан археологиясы. Деректер мен зерттеулер. Т. IV. Жалпы редакциясын басқарушысы З. Самашев. Астана: Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының Астана қаласындағы филиалының баспа тобы, 2014. 236 б. (Қазақша, орысша, ағылшынша).

Щелинский В.Е. Палеолит Черноморского побережья Северо-Западного Кавказа (памятники открытого типа). СПб.: Европейский Дом, 2007. 189 с.

Щелинский В.Е. Памятники раннего палеолита Приазовья // Человек и древности: Памяти А.А. Формозова (1928–2009) / отв. ред. И.С. Каменецкий, А.Н. Сорокин. М.: Гриф и К., 2010. С. 57-77.

Щелинский В.Е. Пики раннепалеолитической стоянки Родники 1 на Таманском полуострове // Записки ИИМК РАН. 2013. № 8. С. 7-25.

Экспериментально-трасологическая лаборатория ИИМК РАН [Электронный ресурс]. URL: <http://www.archeo.ru/struktura-1/eksperimentalno-trasologicheskaya-laboratoriya> (карастырған күні 5.02.2020).

Ascher R. Experimental archeology // *American Anthropologist*. 1961. 63 (4). P. 793-816.

Coles J. *Archaeology by experiment*. London: Hutchinson University Library, 1973. 182 p.

Coles J. *Experimental Archaeology*. London: Academic Press, 1979. 274 p.

Ferguson J.R. *Designing Experimental Research in Archaeology, Examining Technology through Production and Use*, Boulder. Colorado: University Press of Colorado, 2010. 262 p.

Mathieu J.R. (ed.). *Introduction – Experimental Archaeology: Replicating Past Objects, Behaviors, and Processes*. BAR International Series. Oxford: Archaeopress, 2002. 1035 p.

Paardekooper R.P. *Experimental Archaeology* // *Encyclopedia of Archaeology* / Deborah M. Pearsall (ed.). Oxford: Academic Press. 2008. P. 1345-1358.

Paardekooper R.P. *Archaeological Open Air Museums as Time Travel Centres* // *Lund Archaeological Review* (2009–2010). 2010. 15. P. 61-69.

Reynolds P.J. *The nature of experiment in archaeology* // *Experiment and design: archaeological studies in honour of John Coles* / A.F. Harding (ed.). Oxford: Oxbow Books, 1999. P. 156-162.

Tringham R. *Experimentation, ethnoarchaeology and the leapfrogs in archaeological methodology* // *Exploration in ethnoarchaeology*. Santa Fe: School of American Research, 1978. P. 169-200.

И. В. Горашук

РОЛЬ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ В ПОСТРОЕНИИ КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ СХЕМ

Работа посвящена обзору наиболее значимых, по мнению автора, разработок по технологическому методу исследования каменных индустрий за 23 года его существования. Особое внимание уделяется работам, вносящим вклад в разработку хронологических и культурных аспектов на основе применения технологического метода. В работе рассмотрены проблемы хронологической периодизации техники скола. Так, на основании работ П. Е. Нехорошева исследовалась проблема понимания сути леваллуазской индустрии. На основании работ Е. Ю. Гири и собственных разработок – проблемы изготовления тонких бифасов. На основании работ Е. Ю. Гири, Г. Н. Поплевко и собственных исследований – проблемы взаимосвязанности техники-функции и морфологии каменных орудий. Кроме того, на основе собственных разработок по мезолиту-раннему неолиту Северного Прикаспия показано как технологические данные, полученные в ходе исследования, могут использоваться в качестве дополнительных критериев при выделении культурных традиций групп древнего населения.

Ключевые слова: технологический метод, техника скола, бифас, леваллуа

Мәдени-хронологиялық схемаларды құрудағы тас құралдарды технологиялық зерттеудің рөлі

Жұмыс автордың пікірінше 23 жыл ішінде тас индустриясын зерттеудің технологиялық әдісі бойынша жасалған айтарлықтай маңызды шолуларға арналады. Технологиялық әдісті қолдану негізінде хронологиялық және мәдени аспектілерді зерттеуге үлес қосатын жұмыстарға ерекше көңіл бөлінеді. Жұмыста жарықшақтау техникасын хронологиялық кезеңдеу мәселелері қарастырылады. П. Е. Нехорошевтің жұмысының негізінде леваллуа индустриясы мәселесінің мәні түсіндіріледі. Е. Ю. Гиридің жұмысының негізінде жұқа бифастарды дайындау мәселесі қарастырылады. Е. Ю. Гири мен Г. Н. Поплевконың жұмыстарының және өз зерттеулерінің негізінде техниканың өзара байланысы – тас құралдардың функциялары мен морфологиясы мәселесі баяндалады. Сонымен қатар автордың өз зерттеулеріндегі тұжырымдар мезолит-ерте неолит кезеңдеріндегі Солтүстік Каспий маңы бойынша технологиялық мәліметтер, зерттеу барысында алынған деректер ежелгі халықтардың мәдени дәстүр топтарын ерекшелеуде қосымша критерий ретінде пайдаланылуы мүмкін.

Түйін сөздер: технологиялық әдіс, жарықтау техникасы, бифас, леваллуа

The role of technological research of stone tools in the construction of cultural-chronological schemes

The work is devoted to a review of the most significant developments on the technological method for the study of stone industries over 23 years of its existence (according to the author). Particular attention is paid to works that contribute to the development of chronological and cultural aspects through the application of the technological method. The paper considers the problems of chronological periodization of the cleavage technique. So,

based on the work of P. E. Nekhoroshev investigated the problem of understanding the essence of the Levallois industry. Based on the works of E. Yu. Giryа and own developments are the problems of manufacturing thin bifaces. Based on the works of E. Yu. Giryа, G. N. Poplevko and his own research – the problems of the interconnectedness of the technique-function and the morphology of stone tools. In addition, based on our own developments on the Mesolithic-Early Neolithic of the Northern Caspian, it is shown how the technological data obtained during the study can be used as additional criteria for highlighting the cultural traditions of the ancient population groups.

Keywords: technological method, cleavage technique, biface, levallois.

Типологический метод, сформировавшийся к концу XIX – началу XX в. как основной метод изучения материалов доисторического периода, имел как своих приверженцев, так и яростных оппонентов. Последние на деле показывали, что «вещеведческий, формально–типологический подход введенный в догму» делает материал мертвым [Бонч-Осмоловский, 1931, с. 27]. Следует отметить и попытки экспериментального и теоретического осмысления каменного инвентаря как в СССР, так и в Европе [Pfeiffer, 1912; 1920; Городцов, 1930].

В итоге к концу прошлого века оформился сначала экспериментально-трассологический [Семенов, 1957; Keeley, 1980], а затем и технологический [Гиря, 1997; Нехорошев, 1999] методы обработки каменных артефактов. Причем, технологический подход за рубежом используется в конкретных исследованиях даже шире, чем в России, но официально методом не назван. И, тем не менее, с появлением этих методов в рамках единого подхода, встал вопрос о взаимоотношениях «новорожденных» с основным формально-типологическим способом классификации каменных индустрий. Не то чтобы «младенцы» или лица их представляющие вели себя слишком агрессивно по отношению к типологии, но определенное противостояние ощущается. Что очевидно. С моей точки зрения, это отражение антиномии познавательного процесса вообще. Поясню. С одной стороны, каменные орудия отражают жизнь первобытного человека со всей возможной вариабельностью и непредсказуемостью. С другой, поскольку изучение происходит в рамках науки, создание неких абстрактных схем и типологий попросту неизбежно. Говоря проще, жизнь сложнее схемы, но ее изучение без схемы невозможно. Вопрос о соотношении методов предложено решать в плоскости комплексного исследования [Коробкова, 1994; Поплевко, 2007]. А тем временем «дитя» выросло. С момента появления первой монографии по технологическому методу прошло 23 года. Предлагаю рассмотреть наиболее значимые направления и разработки и их роль в современной археологии каменного века.

Первые разработки технологического подхода были посвящены насущным проблемам – определению технологических критериев археологической периодизации каменных индустрий и дали весьма интересные результаты [Гиря, Нехорошев, 1993а, б]. Более развернуто эти проблемы освещены в монографиях авторов метода. По уровню погружения в тему, проработке источников, как письменных, так и археологических, а также пониманию и

значимости исследования среди работ по технологии расщепления камня нет равной статье, а в дальнейшем отдельной главе в монографии П. Е. Нехорошева о проблеме леваллуа [Нехорошев, 1993; 1999, с. 23–40].

Из хаоса различных мнений, реконструкций и публикаций автор кристаллизует само понимание сути процесса расщепления мустьерской эпохи. Крайне запутанную ситуацию с пониманием того, что такое леваллуа П. Е. Нехорошев комментирует так: «Поскольку при изучении каменных индустрий до недавнего времени существовал единый «технотипологический» анализ, то и понятия технологии и типологии не разделялись... Это ведет к постоянным и безрезультатным попыткам вложить ... в типологическое ... определение технологическое содержание, но приводит только лишь к беспредметным, схоластическим спорам» [Нехорошев, 1999, с. 25]. По мнению автора, происходит путаница трех фундаментальных понятий. Суть метода, понятие философское. Как мы наглядно убеждаемся из мастерски приводимых цитат ведущих технологов от Ф. Борда, до В. Е. Щелинского, суть метода – получение широких сколов с относительно равным углом заострения, нуждающихся лишь в незначительной доработке [Нехорошев, 1999, с. 25–26].

Второе понятие – скол леваллуа типологическое или морфологическое [Нехорошев, 1999, с. 26–27]. Согласно автору, «скол леваллуа – это симметричный в плане, уплощенный прямопрофильный скол с ровным режущим краем максимальной протяженности и примерно одинаковым или плавно меняющимся углом заострения краев, полученный ниже- или среднепалеолитической техникой скола... Такие требования к сколу неизбежно приводят к его правильной геометрической форме: остроконечник – треугольный скол, пластина – вытянутый прямоугольник, отщеп – круг, овал, укороченный прямоугольник» [Нехорошев, 1999, с. 27].

Третье понятие, по мысли автора, технологическое. Это нуклеусы или вообще, технология леваллуа. Потому важны не столько формы нуклеусов, сколько подготовительные операции и последовательность действий при расщеплении. П. Е. Нехорошев дает такое определение: «Леваллуа – это ряд технологий расщепления камня, применявшихся при плоскостном и протопризматическом расщеплении ниже- и среднепалеолитической технике скола, состоящей из совокупности технических приемов, употреблявшихся в определенной последовательности, направленных на получение симметричных, уплощенных и прямопрофильных сколов с ровным режущим краем максимальной протяженности и примерно одинаковым или плавно меняющимся углом заострения краев» [Нехорошев, 1999, с. 36].

Условия для перехода к технике леваллуа сформулированы следующим образом: «Надо осознать, что 1) возможен контроль плоскости расщепления, что 2) плоскость расщепления снимает выступающую часть рельефа поверхности расщепления, что 3) этот рельеф можно а) создать искусственно, б) подобрать на естественном камне, или в) увидеть в процессе расщепления, 4) должна возникнуть потребность в сколах, называемых леваллуа, 5) необходимы обильные и легкодоступные источники крупного качественного сырья» [Нехорошев, 1999, с. 37].

Вторым фундаментальным вкладом П. Е. Нехорошева в теорию технологического метода следует считать выявление особенностей и классификацию техники скола. Что это такое? Под техникой скола П. Е. Нехорошев понимает «совокупность приемов средств и навыков приложения силового импульса к определенным образом подготовленной (или нет) поверхности камня с целью отделения скола» [Нехорошев, 1999, с. 12].

Автор выделяет четыре основных составляющих технику скола. Первый – выбор или подготовка места приложения усилия (зона расщепления). Второй – угол приложения силового воздействия. Третий и четвертый – величина и длительность силового воздействия соответственно [Нехорошев, 1999, с. 12].

Суть классификации состоит в том, что на протяжении всей эпохи каменного века техника скола совершенствовалась путем контроля за этими факторами [Нехорошев, 1999, с. 12]. Для палеолита выделяется три основных техники скола. Нижне-, средне- и верхнепалеолитические техники [Нехорошев, 1999, с. 13]. В ашельскую эпоху появился прием подготовки площадки, а также «мягкий» отбойник [Нехорошев, 1999, с. 13]. Первое достижение – первый шаг на пути контроля над зоной расщепления. Второй – на длительность силового воздействия, поскольку мягкий отбойник дает более упругий удар, следовательно, более длительный импульс силы. Следует добавить, что под мягким отбойником понимается отбойник из органических материалов.

При среднепалеолитической технике, по мысли исследователя, площадка нуклеуса готовилась серией небольших сколов, поперечно площадке скалывания, так, чтобы в профиле и плане появилось возвышение рельефа. Это позволило чуть более точно наносить скалывающий удар. Но на практике такой прием весьма слабо отличается от нижнепалеолитической подготовки площадки, поскольку место удара так и оставалось весьма произвольным, и успех скалывания всецело зависел от опыта мастера [Нехорошев, 1999, с. 14]. Также весьма значительное достижение – придание площадке необходимого угла скалывания, равного 80–85 градусов.

Верхнепалеолитическая техника подготовки зоны расщепления – редуцирование края площадки, отодвигание зоны расщепления от края вглубь конкреции. Удар, грубо говоря, и наносился в этот край. Почти в ребро, между площадкой и поверхностью скадывания. Таким образом, контроль над зоной расщепления значительно возрос [Нехорошев, 1999, с. 14–16]. По мнению автора, это позволило получать стандартно более тонкие дорсальные поверхности проксимальных частей пластин. Возросла доля т.н. «точечных» площадок [Нехорошев, 1999, с. 16].

Кроме того, потерял былую значимость угол расщепления и как следствие – длительное выравнивание площадки скалывания под оптимальный угол в 80–85 градусов, как в среднем палеолите [Нехорошев, 1999, с. 16]. Все это касается и изготовления бифасов. На отщепах бифасиальной оббивки зафиксированы следы редуцирования с помощью абразива [Нехорошев, 1999, с. 19]. Редуцирование зоны расщепления, по мысли автора, не оставляло практического смысла в применении посредника. Поскольку контроль

приложения силового воздействия возрос многократно. Тем более, что на тот момент находок посредников не было известно [Нехорошев, 1999, с. 15–17]. И, тем не менее, посредники были обнаружены [Жилин, 2004, с. 136, рис. 48].

Отметим, что обнаружение посредников в слоях финала плейстоцена и голоцена не ставит под сомнение классификацию техники скола П. Е. Нехорошева. Скорее дополняют ее. Просто еще более четкий контроль над местом приложения усилия делает результаты расщепления еще более предсказуемым. И, следовательно, количество пластин, полученных с одного ядрища, возрастает.

Таким образом, теоретический вклад П. Е. Нехорошева в разработку технологических критериев для хронологии палеолитических комплексов трудно переоценить. Не скрою, мне очень приятно было цитировать его работы. Подкупает простота и отточенность определений, сравнимых с математическими формулами.

Работы Е. Ю. Гири, в первую очередь, сильны своими конкретными наблюдениями и разработками. Пожалуй, именно он впервые показал, что даже внутри одной археологической эпохи при идентичном способе приложения скальвающих усилий технологические приемы обработки камня конкретных палеоиндустрий значительно разнятся. Следовательно, отличия здесь можно расценивать как наличие определенных канонов. Или традиций камнеобработки. Откуда напрашивается закономерный вывод о том, что наряду с формально-типологическими признаками, технологические могут служить основанием к выделению на основе этих признаков культур и локально – хронологических этапов культур. Впрочем, по каким-то причинам, этот вывод так и не прозвучал в его монографии [Гиря, 1997].

Еще одно направление деятельности Е. Ю. Гири заключается в том, что он неплохой компилятор, великолепно знает и переносит модные западные идеи в российскую археологию. Так, в частности, весьма удачно он провел серию экспериментов по тепловой обработке кремня перед расщеплением, повторив опыты Д. Е. Кребтри [Гиря, 1997, с. 52–56]. Суть, вкратце, состоит в равномерном пропекании заготовок. Производится это не напрямую, а посредством передачи тепла через нагретый песок. Проще говоря, заготовки укладываются в емкость или яму, которая засыпается песком. При этом песок в опытах Е. Ю. Гири покрывал заготовки на 5–10 см. И уже над песком разводится огонь. [Гиря, 1994, с. 171]. Оптимальное время прокаливания – 24 часа. Область применения тепловой обработки весьма ограничена. После пропекания заготовка легче поддается вторичной обработке с помощью отжимного ретуширования [Гиря, 1997, с. 55].

Справедливости ради следует отметить, что не все идеи, высказанные западными теоретиками, работают в действительности. Например, так обстоит с идеей, высказанной Е. Кэллаханом [Callahan, 1979]. Исследуя палеоиндейские наконечники, обработанные с двух сторон, он делает вывод о невозможности их изготовления простой оббивкой, выделяя специальную стадильную преформу.

Е. Ю. Гиря перенес эту идею. В его монографии он делит бифасы на «толстые» и «тонкие». Различия между ними определяются пропорциями: максимальная ширина тонкого бифаса, как минимум в 5 раз превышает его толщину. Технологические различия между тонкими и толстыми формами лежат, по мнению автора, в технологии. «Толстые» бифасы среднего и нижнего палеолита можно изготовить простой оббивкой, или, по Е. Ю. Гире, «конкретно-ситуационным способом», «тонкие» - нет.

Тонкие бифасы требуют при изготовлении специальной стадиальной формы с линзовидным сечением, без выпуклостей и западин на поверхности. Способ изготовления такой формы безразличен. Далее, уплощением преформы, получается «тонкий» бифас. При вторичном уплощении используются как абразивная обработка зоны расщепления, так и специальные приемы подготовки площадки, которые Е. Ю. Гиря называет «освобождением» и «изоляцией». Так выглядит процесс производства тонкой формы по Е. Ю. Гире [Гиря, 1997]. Свои теоретические разработки он попытался немедленно воплотить в жизнь. На стоянках и мастерских костенковско-стрелецкой культуры в соавторстве с Б. Бредли и М. В. Аниковичем был предпринят поиск преформ. Надо отдать должное авторам. Им не удалось обнаружить черную кошку в темной комнате, о чем они честно написали. Эта статья, впервые увидевшая свет на английском, вынесена в приложение 1 к монографии Е. Ю. Гири в русском, надо полагать авторском, переводе [Аникович и др., 1997, с. 152–161].

Я, не читавший Е. Кэлахлена, но уже умевший делать тонкие бифасы, был поражен. Поскольку делал их как неандерталец – простой оббивкой, и да, применяя абразив при подготовке площадки на стадии отделки орудия. Не то, чтобы досадить лично Е. Ю. Гире или опровергнуть положения Е. Кэллахана, а просто из любви к истине я, не имеющий отношения к изучению костенковско-стрелецкой культуры, все же провел серию экспериментов и написал статью по их изготовлению. Она долго пролежала «в столе» пока не представился случай ее опубликовать [Горашук, 2015]. Суть этой работы в том, что мне удалось изготовить контрольную серию тонких бифасов, повторяющих по формам, размерам и пропорциям стрелецкие наконечники [Горашук, 2015, с. 337–338]. Изготовлены они были простой оббивкой, без стадиальных форм, однако с применением верхнепалеолитической техники скола – применяя абразивную обработку [Горашук, 2015, с. 338].

Получается, что Е. Кэллахен ошибался? Отнюдь! Стадиальные формы действительно нужны для тщательной плоско-параллельной отделки сторон палеоиндейских наконечников и необязательны для уплощения. Относительно российских авторов, хочется заметить, что простой слепой механический перенос наблюдений и выводов, сделанных на материалах иного континента и иных исторических реалий, недопустим, о чем всегда надо помнить, выдвигая теоретические гипотезы.

Соотношение теории и практики в науке, по моему мнению, должно быть сбалансировано. Попросту говоря, без теории практика невозможна по определению, но и оторванное от реалий теоретизирование, но обоснованное

практической надобностью, рискует стать обычным витанием в облаках. В этом отношении нельзя не отметить колоссальный вклад в разработку экспериментально-трасологического и технологических методов Г. Н. Поплевко. Одним из ее достижений стало обоснование комплексного метода изучения камня с помощью изучения артефактов методом трасологии, анализ технологии их изготовления с привязкой этих исследований к типологии, изложенного в монографии [Поплевко, 1999].

В беседах с различными специалистами мне доводилось слышать, что эта идея витала в воздухе и ничего нового не предложено. На мой взгляд, это не так. От идеи до конкретной методики применения, как говорил классик, «дистанции огромного размера». И именно Г. Н. Поплевко удалось ее преодолеть. Дело даже не в том, что отдельные положения спорны или не разработаны в полной мере. Например, так до конца и не понятны критерии определения способа приложения скальвующего усилия – отжим, удар или посредник, поскольку один человек не способен в настоящее время создать безупречно работающий метод. По моему убеждению, заслуга Г. Н. Поплевко в том, что ей удалось собрать в одно целое мировоззрения сторонников «новых методов» и соединить с насущными потребностями типологического изучения камня.

Касается это, прежде всего, ее разработок в области формы и функции, на примере классификации скребков с Константиновского поселения. Под скребками здесь понимаются различные орудия для обработки не только кожи, но и дерева, кости/рога, а также минеральной краски. Важен не материал, а кинематика движения, делающая скобление и скребущие движения принципиально разными операциями [Поплевко, 2007, с. 62].

Надо, сказать, что впервые связь морфологии-типологии-функции исследовал А. К. Филиппов, который наглядно вскрыл взаимосвязь формы и функции на ряде верхнепалеолитических артефактов [Филиппов, 1983]. Весьма интересно в этом направлении работал Е. Ю. Гирия. На примере крупных пластин и ножей костенковского типа он попытался показать, что в одну группу могут быть объединены предметы различной морфологии, изготовленные из сходных заготовок, но участвующие в одной операции. Орудия эти могли быть звеньями одной и той же цепи, но различаться временем использования и способами возобновления притупленной кромки. Интересна и попытка сформулировать цель применения комплексного метода. По его мнению, эта цель не создание классификации функциональной или типологической или их примирение, но «установление связи конкретных форм изделий с конкретным поведением их создателей и определение таким образом типов, которые могли бы отражать культурные нормы древней человеческой деятельности» [Гирия и др., 2002, с. 178]. Что и говорить! Сказано красиво, но... Здесь, как в капле воды, отражена суть теоретических разработок Е. Ю. Гири. Изящно сформулировано, но неточно и недостижимо по определению. Для начала хочется узнать у заинтересованного читателя: как он себе представляет нашу науку без схем и классификаций? Правильно, как пустой набор мнений по одному и тому же вопросу различных специалистов. И чем тогда наша наука будет принципиально

отличаться от журналистики? Правильно, ничем. Связать вещи с «конкретным поведением их создателей», а тем более определить типы, «которые могли бы отражать культурные нормы древней человеческой деятельности» - заветная мечта любого исследователя. Вопрос лишь заключается в малом: как это сделать? Или еще точнее: как сделать это доказательно?

Пусть заинтересованный читатель не примет мои слова как издевательства над ищущим путь ученым. Пишу это как специалист, испытавший разочарование на этой стезе. Суть моих исследований заключалась в построении классификации орудий елшанской культуры. Дело в том, что типология здесь явно буксовала, что признают специалисты [Ластовский, 2006, с. 112]. Изучив материалы стоянки Ильинка, я сделал вывод о том, что в этой палеотехнологии заготовки получались ударом, поэтому их форма и размеры были весьма переменчивы. Поэтому носители этой культурной традиции исповедовали принцип подбора морфологии лезвия, а также изготовление его различными типами ретуши и резцовым сколом. В качестве основы для классификации я предложил форму лезвия орудия и угол заострения. То есть, говоря проще, одинаковые в функциональном отношении орудия могли быть либо подобраны путем выбора заготовки, либо изготовлены. При этом морфология изделия была одинакова, менялся лишь способ обработки. Приняв эту схему, я показал, что все орудия елшанской культуры на всех без исключения стоянках можно свести к 15 типам с морфологически идентичными показателями и одинаковым углом заострения. Однако, ни критики, ни признания специалистов эта схема так и не получила [Горащук, 2010].

Таким образом, связь между технологией изготовления – формой и функцией, вне всякого сомнения, существует, но поиск доказательного выявления этой связи пока не предложен. Хотелось бы упомянуть об исследованиях конкретных палеоиндустрий. Это, пожалуй, наиболее разработанное направление исследований. Технологические разработки Е. Ю. Гири, П. Е. Нехорошева и Г. Н. Поплевко хорошо известны. Это – классика метода. Однако хочу обратиться к своим разработкам. Исключительно потому, что территориально сфера моих исследований прилегает к территории Казахстана. Куда, по моему мнению, ведут и культурные связи. Поэтому суммарное изложение результатов собственных исследований может быть небезынтересным коллегам из Казахстана.

Итак, перенесемся на территорию Рын-песков, в Северный Прикаспий. После регрессии Каспия приблизительно 10 тыс. лет назад здесь обитали три группы населения. Беда этих людей заключалась в том, что на данных территориях отсутствовало каменное сырье. Да и вообще, голая степь была мало пригодна для обитания в холодное время года. Скорее всего, коллективы мезолитических охотников стекались сюда, кочуя за стадами копытных (кулан и уральская плейстоценовая лошадь) в летнее время года. Зимой возвращались в родные места, где есть защита от ветра. Все орудия этим людям приходилось изготавливать из сырья принесенного. Поэтому основной критерий различия этих микропластинчатых индустрий – сырьевой.

Первая группа населения раскалывала камень желтовато-серого цвета, который близок к кремню Среднего Поволжья и вообще – Волжского бассейна. Мастера скалывали пластины с одноплощадочных нуклеусов с уплощенным фронтом. Охотники оснащали головные части своих метательных снарядов геометрическими микролитами типа «параллелограмм». В ходу были вкладышевые ножи, скребки как боковые, так и концевые. Для обработки твердых органических материалов они использовали резчики в виде геометрических микролитов типа сегмент с односторонней обработкой дуги, скобели и пилки. Эта группа населения связана своим происхождением с Предкавказьем.

Вторая группа населения приносила с выходов Мангышлака большие куски черного полупрозрачного халцедона. Эти куски раскалывались, по мере надобности, из отщепов и осколков производились дву- и одноплощадочные призматические микронуклеусы. Охотились стрелами, которые на раннем этапе оснащались пластинчатыми наконечниками зарзийского и хаймского типов. Потом, глядя на соседей, перешли к вкладышевым стрелам и наконечникам типа параллелограмм. В быту были в ходу концевые скребки и вкладышевые ножи. Характерным орудием для обработки твердых материалов были резчики, выполненные в виде сегментов с двусторонней обработкой дуги. Кроме того использовали скобели, пилки, стамески.

Третья группа населения приносила с собой мелкие гальки халцедона и, изредка, яшму. Из этих галек и производились одноплощадочные нуклеусы с круговой огранкой. Отщепов было мало. Поэтому для орудий, испытывавших значительную силовую нагрузку, в работе использовали либо технологические реберчатые сколы – для пилок, скобелей и стамесок, либо единичные отщепы – для скребков. Специальных резчиков не было, поэтому широко применялись резцы на углу сломанной заготовки. В ходу были стрелы, оснащенные асимметричными трапециями. Судя по сырью, эта группа населения происходит откуда-то с Мугалжар, где есть сочетание халцедона и яшмы.

7 тысяч лет назад наступила засуха. Как следствие – сокращение пастбищ копытных. Выходцы с Мугалжар перестали посещать эти пески, а две оставшихся группы стали сотрудничать и выжили в это непростое время, став новым образованием. Новшество, возможно как раз и связанное с этими климатическими изменениями – появление первой керамики. Собственно, это все, что мне удалось установить. Как это видно, технологические выкладки были использованы как дополнительные критерии выделения культурных традиций групп населения. Все это в той или иной форме изложено в статьях, в концентрированном виде – в диссертационном исследовании [Горашук, 2006]. В плане продолжения исследований очень важным является изучение выходов галечников в районе Мугалжар и на Мангышлаке. Там, где должны быть зимники мезолитического населения Северного Прикаспия. Неожиданно для меня самого некоторые положения этой моей работы приобрели уродливые очертания. Это касается, прежде всего, сырьевого критерия. Некоторые коллеги

посчитали, что главное – сырьевая база. А вариабельностью техник и прочими показателями можно вообще пренебречь. Все мои утверждения о том, что Северный Прикаспий место уникальное и там, где камня много, работают иные законы, остались без внимания. Посмотрим, что получилось у представителей этого направления. Вот описание сырья комплекса: «В качестве сырья на памятнике использовался в основном цветной кремь низкого качества, меньшее количество орудий изготовлено из серого хорошего кремня» [Андреев, 2015, с. 67]. И далее: «В целом можно констатировать, что раннеолитическим населением использовался кремь различных сортов, который был объединен в две группы: цветной (красный, желтый, коричневый и др.) плохого качества и серый (различных оттенков) высококачественный» [Андреев, 2015, с. 74]. Обратим внимание, что цвет кремня автоматически приравнен к качеству. Следует обратить внимание, что не указаны цели расщепления, а так же критерии оценки качества сырья. Почему один хороший, а другой низкого качества? Для каких целей? Если для расщепления – то для какого из способов расщепления? Кто доказал эти качественные характеристики? Далее утверждения автора приобретают гротескный вид: «Учитывая пришлый характер раннеолитического населения в регионе, о чем подробнее будет сказано в третьей главе работы, незнакомого с выходами качественного сырья, на начальных этапах им для изготовления орудий использовался легкодоступный цветной галечный кремь. Со временем сырьевая база расширяется и начинает использоваться серый желвачный кремь хорошего качества наиболее подходящий для расщепления и получения правильных заготовок» [Андреев, 2015, с. 67]. По мнению К. М. Андреева, у пришлого населения полностью отсутствовали какие бы то ни было технологические традиции. Если бы они были, то неподходящий кремь расщеплять бы мастера камнеобработки не стали, предпочитая обменивать его у автохтонов, которые, судя по мезолитическим стоянкам, прекрасно знали и использовали выходы качественного сырья. Такая ситуация отмечается повсеместно и, практически, во все эпохи от палеолита, до энеолита. По словам К. М. Андреева получается, что вновь прибывшие обретались в культурном вакууме. Еще один немаловажный аспект в целеполагании расщепления камня. Если камень расщепляется для производства орудий, то с легкостью менять способ расщепления, переходя с отщепов на пластины, невозможно без коренного изменения всей индустрии. И как следствие – всего типологического ряда изделий. По всей вероятности, «елшанцы», по мнению К. М. Андреева, расщепляли камень не с целью изготовления орудий, а по иным непонятным в настоящее время причинам.

Мои работы по этой теме К. М. Андреев упоминает, но не рассматривает: «Учитывая различия в методологических подходах к анализу кремневых комплексов, в данной работе по отдельным моментам наблюдаются определенные расхождения с представленными выше гипотезами» [Андреев, 2015, с. 66]. Вот здесь К. М. Андреев не погрешил против истины. Методологические подходы у нас и впрямь разные. Мне, в единичных пока еще экспериментах, удавалось

получать пластины из «низкокачественного», по мнению К. М. Андреева, сырья. Более того, и в конкретных археологических материалах раннего неолита известны пластины и микронуклеусы из аналогичного сырья. Я также убежден в том, что елшанцы были людьми весьма скучными и прагматичными. И камень расщепляли для того, чтобы орудия производить. Причем, культурные и технологические традиции все же имели. Микропластинчатые технологии в Средней Азии, как и микропластинчатые технологии вообще, нужны были для того, чтоб делать вкладышевые орудия. Ни на что другое микропластина не годится. Отщепы же, которые получались из «низкокачественного», по словам К. М. Андреева, кремня, в роли вкладышей непригодны. Отщепы со времен мустье использовались в аналогичных функциях, но в иной технологической традиции – без вкладышей, как монолезвийные инструменты. Усвоив получение отщепов и изготовление монолезвийных инструментов, уже нет нужды вновь переходить на пластинчатую, вкладышевую технологию. Различия между этими технологиями такие же, как, к примеру, между паровой машиной и двигателем внутреннего сгорания. Поэтому переход с отщепов на пластины, без внешних культурных влияний, выглядит так же нелепо, как попытки засыпать уголь в бензобак автомобиля. Поэтому автор совершает явное сознательное насилие над материалом, с целью подогнать факты под нужную ему концепцию. У нас разные не только методологические и методические подходы, но и мировоззрение. По моему убеждению, наука существует для того, чтобы изучать факты, а не подгонять их под нужную гипотезу.

Печально, что, несмотря на усилия блестящей плеяды технологов, качество обработки камня в защищаемых диссертациях остается на столь низком уровне. Последнее привел только для того, чтобы показать гигантскую пропасть, которая пока еще разделяет представителей технологического и формально-типологического методов. То есть, по сути, мы вернулись к началу статьи. С момента начала противостояния формального типологического и иных методов прошло больше столетия и как будто ничего не изменилось. И, тем не менее, это не так. На последнем примере мы видим, что исследователь, который пренебрегает технологическими или трасологическими разработками, сознательно снижает качество собственной работы. То есть за это столетие были созданы не только новые методы – трасологический и технологический, но и произошла коренная революция в восприятии материала, переворот в умах исследователей. И технологическому методу принадлежит в этих переменах главная роль.

Литература

Андреев К.М. Ранний неолит лесостепного Поволжья: дис. ... канд. ист. наук. Самара: ПГСГА, 2015. 280 с.

Аникович М.В., Бредли Б.А., Гиря Е.Ю. Технологический анализ стрелецких наконечников // Гиря Е.Ю. Технологический анализ каменных индустрий. Приложение 1. СПб.: ИИМК РАН, 1997. С. 152-161.

Бонч-Осмоловский Г.А. О нарезках на палеолитических костях // Сообщ. ГАИМК. 1931. № 8. С. 26-28.

Гиря Е.Ю., Нехорошев П.Е. Некоторые технологические критерии археологической периодизации каменных индустрий // РА. 1993а. № 4. С. 5-24.

Гиря Е.Ю., Нехорошев П.Е. Технологическая периодизация каменных индустрий // Проблемы культуругенеза и культурного наследия. Ч. 2. Археология и изучение культурных процессов и явлений СПб.: ИИМК РАН 1993б. С. 23-26.

Гиря Е.Ю. Технологический анализ каменных индустрий. СПб.: ИИМК РАН, 1997. 198 с.

Гиря Е.Ю., Леон А.Р., Семенов С.А. Костенки, палеолитоведение // Археологические вести. 2002. № 9. С. 173–190.

Горащук И.В. Каменные орудия мезолита-раннего неолита Северного Прикаспия: дис. ... канд. ист. Самара: СамГПУ, 2006. 211 с.

Горащук И.В. Классификация каменных орудий елшанской культуры // 40 лет Средневожской археологической экспедиции. Краеведческие записки. 2010. Вып. XV. С. 168-183.

Горащук И.В. Технология изготовления тонких двустороннеобработанных стрелецких форм (по данным эксперимента) // Древний Тургай и Великая Степь: часть и целое: сб. науч. ст., посвящ. 70-летию В.Н. Логвина. Костанай; Алматы, 2015. С. 335-349.

Городцов В.А. Значение изучения древней техники в археологии. Техника обработки камня и металла // РАНИОН. Труды секции археологии. 1930. Вып. V. С. 9-14.

Жилин М.Г. Природная среда и хозяйство мезолитического населения центра и северо-запада лесной зоны Восточной Европы. М.: ИА РАН, 2004. 141 с.

Коробкова Г.Ф. Экспериментально-трасологические разработки как комплексное исследование в археологии // Экспериментально-трасологические исследования в археологии. СПб.: Наука, 1994. С. 3-21.

Ластовский А.А. О культурном статусе керамики елшанского типа // Вопросы археологии Поволжья. 2006. Вып. 4. С. 107-112.

Нехорошев П.Е. Технологический подход к проблеме леваллуа // Археологические вести. Саратов: Изд. Саратовского у-та, 1993. С. 21-47.

Нехорошев П.Е. Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. СПб.: ИИМК РАН, 1999. 171 с.

Поплевко Г.Н. Методика комплексного исследования каменных индустрий. СПб.: ИИМК РАН, 2007. 388 с.

Филиппов А.К. Проблемы технического формообразования орудий труда в палеолите // Технология производства в эпоху палеолита / Под ред. А.Н. Рогачева. Л.: Наука, 1983. С. 9-71.

Callahan E. The basics of biface knapping in the eastern fluted point tradition a manual for flintknappers and lithic analysis // Archaeology of Eastern North America. 1979. 7 (1). P. 1-180.

Keeley L.H. Experimental determination of stone tool uses: A microwear analysis. Chicago: University Chicago Press, 1980. 226 p.

Pfeiffer L. Die steinzeitliche Technik und ihre Beziehungen zur Gegenwart. Ein Beitrag zur Geschichte der Arbeit. Jena, G. Fischer. 1912. VII. P. 340-345.

Pfeiffer L. Die Werkzeuge der Steinzeitmenschen. Aus der technologischen Abteilung des Städtischen Museums in Weimar, Jena, G. Fischer, 1920, X, P. 394-405.

Е. С. Яковлева, С. Ж. Рахимжанова, М. К. Лачкова

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ КЕРАМИКА ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИТОБОЛЬЯ: НЕКОТОРЫЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

Статья посвящена некоторым результатам технологического анализа неолитической керамики Притоболья разных культурных типов: раннеолитических козловского и кошкинского, позднеолитических боборыкинского и полуденского. Полученные результаты рассматриваются в рамках историко-культурного, а также географического контекста – с учетом ландшафтной и географической приуроченности выбранных памятников. Выявлено, что в целом во всех обозначенных группах керамики использовались ожелезненные илистые глины – слабо-, средне- и сильнозапесоченные; в качестве искусственно введенных примесей во всех образцах зафиксированы шамот и органический раствор. В некоторых случаях образцы содержали тальковую примесь в шамоте. В качестве предварительных итогов обозначены, во-первых, однородность гончарной традиции во всех культурно-хронологических группах, во-вторых, некоторая ее вариабельность в зависимости от расположения памятника и внутренней хронологии керамических комплексов.

Ключевые слова: лесостепное Притоболье, неолит, технологический анализ керамики

Притобольдық орманды даланың неолиттік керамикасы: тарихи-мәдени контекстегі кейбір технологиялық аспектілер

Мақала Притобольдық әртүрлі мәдени типтерге: ерте неолиттік козлов және кошкин, кейінгі неолиттік боборыкин және полуденге жататын неолиттік керамикаларға жүргізген технологиялық талдаулардың нәтижелеріне арналады. Алынған нәтижелер тарихи-мәдени шеңберде, сонымен қатар географиялық контексте – таңдалған ескерткіштердің географиялық және ландшафтты орналасуы ескеріле отырып қаралады. Жалпы барлық қарастырылған керамикалардың түріне темір құрылымды саз балшықтың аз, орташа және көп қосылғаны, барлық үлгіге қолдан жасалған қоспа ретінде шамот пен органикалық ерітінді қосылғандығы анықталды. Кейбір жағдайда үлгілердің шамотында тальк қоспасы кездеседі. Алдын-ала нәтижелер ретінде: біріншіден, барлық мәдени-хронологиялық топтарда көзе дәстүрінің біртектілігі, екіншіден, ескерткіштің орналасуына және керамика кешенінің ішкі хронологиясына байланысты оның түрленетіндігі белгіленіп отыр.

Түйін сөздер: Притоболдық орманды дала, неолит, керамикаларды технологиялық талдау

© Екатерина С. Яковлева, ФССКН «Общественный Фонд Южный Урал»; ИИиА УрО РАН, Южно-Уральский филиал, г. Челябинск, Россия; lugsamildanah@yandex.ru
Сауле Ж. Рахимжанова, Национальный музей Республики Казахстан, г. Нур-Султан, Казахстан; saule-rahim@inbox.ru;
Марина К. Лачкова, Национальный музей Республики Казахстан, г. Нур-Султан, Казахстан; Lachkova.marina@mail.ru

Neolithic ceramics of the forest-steppe Tobol region: some technological aspects in the historical and culture context

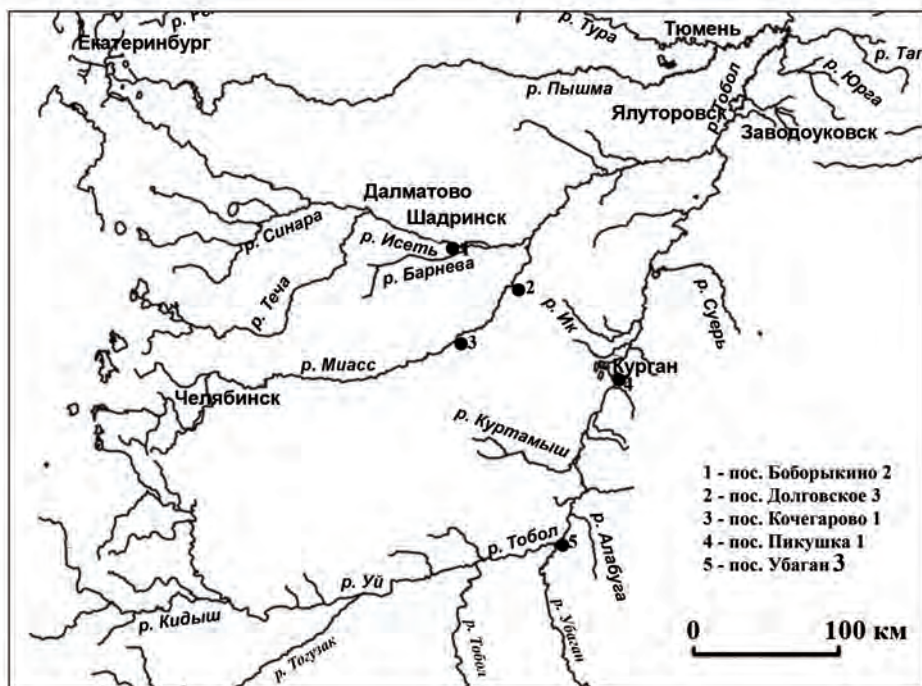
The article is devoted to some results of technological analysis of Neolithic ceramics of the Tobol region of different culture types: the early-neolithic Kozlovsky and Koshkinsky types, the late-neolithic Boborykinsky and Poludensky types. The results obtained are presented in the framework of the historical and cultural, as well as the geographical context of the selected monuments. In all designated ceramic groups, ferruginous silty clays were used - weakly, medium, and strongly sandy; chamotte and organic solution were recorded in all samples. In some cases, the samples contained talc impurities in chamotte. As preliminary results, firstly, the homogeneity of the pottery tradition in all cultural and chronological groups is indicated, and secondly, some variability of this tradition depending on the location of the monument and the internal chronology of ceramic complexes.

Keywords: forest-steppe Tobol region, Neolithic, technological analysis of ceramics

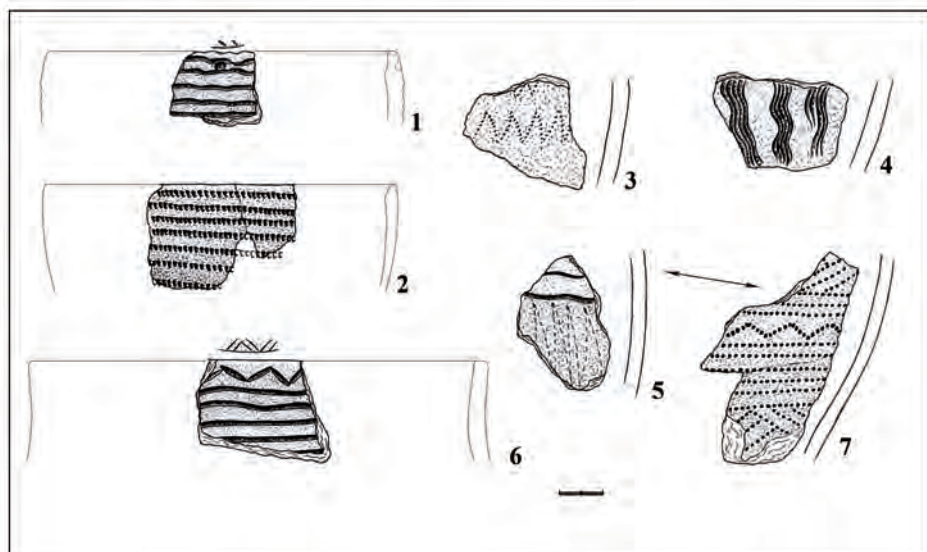
Лесостепное Притоболье является пограничной территорией для нескольких зон: горно-лесного Зауралья, Западной Сибири и урало-казахстанских степей. Это наложило отпечаток на характер материальных комплексов, отражая сложные исторические процессы культурных взаимодействий в эпоху камня. Активным контактам в это время способствовала речная сеть притоков Тобола, соединяющая основное русло с сопредельными территориями. Наиболее значимым источником в исследовании древних культурных взаимодействий является керамика и технологический аспект ее изучения для исследуемого региона представляется одним из перспективных источников реконструкции. Так как технико-технологический анализ древнего гончарства в данном регионе является *tabula rasa*, для работы были выбраны точечные образцы с керамики разных памятников и культурно-хронологических групп с целью получить наиболее общее представление о перспективах исследований в данном направлении. Памятники, выбранные для анализа, приурочены к четырем речным руслам, имеющим важное «транспортное» значение в распространении культурных традиций и установлении социальных связей в регионе: р. Исеть берет свои истоки в Среднем Зауралье и является естественной границей лесной и лесостепной зон; р. Миасс течет из Южного Зауралья, «собирая» водотоком притоки, связанные со степной зоной; р. Тобол имеет меридиональную направленность и течет на север, соединяя зоны степи и леса.

В рамках аналитической работы были использованы 14 образцов с пяти поселений (рис. 1а – нумерация памятников на карте и в тексте совпадают). Целью данной работы явилась реконструкция гончарных традиций населения памятников эпохи неолита Притоболья на подготовительной стадии технологического процесса. В ходе исследования решались следующие задачи:

- выявление навыков отбора и обработки основного исходного пластичного сырья,
- выяснение навыков составления формовочной массы керамики,
- реконструкция культурных традиций в этих областях гончарной технологии и выяснение на этой основе степени культурной однородности

а

б

Рис. 1. Неолитическая керамика лесостепного Притоболя: а – карта неолитических памятников лесостепного Притоболя, материалы которых использованы в работе; б – пос. Боборыкино 2: 1–7 – сосуды образцов № 1–7

их носителей. Исследование проводилось по методике, разработанной А. А. Бобринским [Бобринский, 1978, 1999] и его последователями [Волкова, 1996; Салугина, Васильева, 1999; Степанова, 2010, Цетлин, 2012] в рамках историко-культурного подхода. Наблюдения велись по свежим изломам черепков с помощью микроскопа МБС-10. Для определения степени ожелезненности исходного пластичного сырья применялся повторный обжиг небольших обломков каждого сосуда в муфельной печи при температуре 800°C. После обжига черепки сравнивались по цвету с экспериментальной шкалой ожелезненности глин [Цетлин, 2006]. В связи с сильной фрагментированностью керамики анализ проводился только по ступеням гончарной технологии, относящимся к подготовительной стадии производства: 1) отбор исходного сырья, 2) обработка исходного сырья и 3) составление формовочной массы.

1. Поселение Боборыкино 2 расположено на р. Исеть (Шадринский р-н, Курганская обл.). Открытие и исследование принадлежат К. В. Сальникову в 1957–1958 гг.; раскопки были продолжены В. Е. Стояновым в 1966 г., Л. Я. Крижевской в 1968 г. Образцы отобраны с фрагментов керамики из раскопа Л. Я. Крижевской в количестве 7 экз. Материалы представлены разновременными и разнокультурными группами: козловскими – № 1, 2 (рис. 1б, 1, 2), полуденскими – № 3, 4, 5, 7 (рис. 1б, 3–5, 7), боборыкинским – № 6 (рис. 1б, б).

Анализ исходного сырья. При изучении навыков отбора и подготовки исходного сырья было зафиксировано использование гончарами поселения Боборыкино 2 ожелезненной и листовой глины (далее ИГ) (100%): слабозапесоченной (ИГ 1) – один сосуд (№ 6), среднезапесоченной (ИГ 2) – пять сосудов (№ 1, 2, 4, 5) и сильнозапесоченной (ИГ 3) – один сосуд (№ 3). Наиболее массово использовалось среднезапесоченное исходное пластичное сырье (пять из семи сосудов). Для определения степени запесоченности листовой глины нами были использованы критерии размерности и концентрации примеси естественного песка, предложенные Е. В. Волковой [1996, с. 33]. Среди естественных примесей в этих глинах зафиксированы: обломочный и оолитовый бурый железняк 0,6–1,2 мм в небольшом количестве; окатанный песок мелкого размера и пылевидного; слюда пылевидная; комочки нерастворившейся глины овальной и остроугольной формы, плотные, белого и светло-коричневого цвета; кости рыб в незначительном количестве; растительные отпечатки толщиной 0,3 мм, длиной до 6 мм, бороздчатые, нитевидные.

Илистые глины как вид древнейшего пластичного сырья выделен И.Н. Васильевой [Васильева, 1999; 2002; 2005]. Этот вид исходного пластичного сырья характеризуется незначительной концентрацией растительных остатков и их измельченностью, а также почти полным отсутствием органики животного характера (кости рыб и чешуя) и целых мелких раковин моллюсков, которые присутствуют в илах.

Выявленные по степени запесоченности и составу естественных примесей особенности илистых глин (ИГ) позволяют предположить, что

местные гончары использовали шесть условных «мест» добычи (или вариантов) исходного пластичного сырья:

I. ИГ 1 + песок (0,5-1,2 мм) 1:6 + глина нежелезненная + бурый железняк + кость (рыбы) + органика (растительные отпечатки) – один сосуд (№ 6);

II. ИГ 2 + песок (0,1-1,2 мм) 1:4 + бурый железняк + сухая глина + органика (растительные отпечатки) – один сосуд (№ 1);

III. ИГ 2 + песок (0,1-3,2 мм) 1:4 + кость (рыбы) + органика (растительные отпечатки) – один сосуд (№ 2);

IV. ИГ 2 + песок (0,3-1,5 мм) 1:4 + бурый железняк (0,6-1,0 мм) + кость (рыбы) + органика (растительные отпечатки) – один сосуд (№ 4);

V. ИГ 2 + песок (0,5-1,2 мм) 1:5 + кость (рыбы) + органика (растительные отпечатки) – два сосуда (№№ 5 и 7);

VI. ИГ 3 + песок (0,05-0,6 мм) 1:3 + глина нежелезненная + органика (растительные отпечатки) – один сосуд (№ 3).

При анализе состава формовочных масс выделялись минеральные и органические искусственно введенные примеси. В качестве искусственных минеральных примесей использовался шамот из ожезненной глины размерностью от 0,9 до 3,5 мм в концентрации 1:4. В шамоте сосудов № 1–4, 6 встречается в большом количестве примесь дресвы из талька (присутствие талька в исходном сырье, вероятно, связано с отделением его от шамота в процессе промешивания) [Краева, 2010, с. 58]. Так как сосудов с добавлением тальковой дресвы в изученной коллекции не обнаружено, возможно предположить неместное происхождение сосудов, из которых изготавливался шамот (с примесью тальковой дресвы), что, соответственно, может указывать на инфильтрацию носителей тальковой традиции из прилежащих регионов (горно-лесной зоны Зауралья) в рамках социокультурных взаимодействий.

Из органических искусственных компонентов вносился органический раствор, который определяется по черному «жирному» блеску на поверхности минеральных включений и аморфным пустотам, стенки которых также покрыты маслянистым черным блеском.

Таким образом, в результате проведенного технологического изучения обломков от семи разных сосудов с поселения Боборыкино 2 было выявлено:

1) Для изготовления посуды, гончары, обитавшие на поселении, использовали ожезненные илистые глины разной запесоченности: среднезапесоченной (ИГ 2), сильнозапесоченной (ИГ 3) – по три сосуда, редко слабозапесоченной (ИГ 1) – один сосуд.

2) На основании изучения степени запесоченности илистой глины и состава естественных минеральных примесей было выделено шесть разных «мест» добычи исходного пластичного сырья. Это может указывать на бытование здесь нескольких гончаров, использовавших разные источники этого сырья. Массовых залежей не обнаружено, что, вероятнее всего, связано с недостаточной по количеству выборкой сосудов.

3) Обобщая полученную информацию о составе искусственных примесей, использовавшихся гончарами поселения Боборыкино 2, представляется

возможным выделить одну традицию составления формовочной массы керамики «илистая глина + шамот + органический раствор», но если учесть, что этот рецепт сочетался с разными вариантами основного пластичного сырья, то их число возрастает до шести.

Боборыкино 2 является недатированным памятником, и, в отсутствии абсолютных дат, относительная хронология материалов может выстраиваться только с определенной осторожностью. По мнению Е. С. Яковлевой, заслуживает внимания совпадение исходного сырья для сосудов № 5 и 7 (обозначено стрелкой на рис. 1б), а также отсутствие тальковой примеси в рецептуре, что может являться косвенным аргументом в пользу их одновременности, а также «местного» происхождения гончаров. При этом затруднительно судить, являются ли они синхронными материалами на поселении вместе с носителями боборыкинской традиции (№ 6), хотя в целом, вместе с образцами № 3 и 4 являются поздненеолитическими.

2. Поселение Долговское 3 приурочено к старичному руслу р. Миасс (Каргапольский р-н, Курганская обл.). Исследования проводились в 2005 г. под руководством С. Н. Шилова [Шилов, Новиков, 2006]; в настоящий момент материалы готовятся к полной публикации И. К. Новиковым совместно с одним из соавторов настоящей работы. Для анализа выбраны три образца: кошкинского – № 20 (рис. 2а, 1), полуденского – № 22 (рис. 2а, 2) и козловского – № 25 (рис. 2а, 3) типов.

Анализ исходного сырья. Гончары, изготавливавшие сосуды на поселении Долговское 3, использовали в качестве исходного пластичного сырья ожелезненную илистую глину: слабозапесоченную (ИГ 1) – один сосуд (№ 20) и среднезапесоченную (ИГ 2) – два сосуда (№ 22, 25). Среди естественных примесей в этих глинах обнаружены: бурый железняк 0,6-0,9 мм (единичные фракции); песок 0,05-1,2 мм в концентрации 1:4, 1:5, 1:6; слюда пылевидная; сухая глина овальной и остроугольной формы, белого и светло-коричневого цвета; растительные отпечатки (бороздчатые, нитевидные).

Судя по степени запесоченности и составу естественных примесей, особенностям илистых глин, предположительно, гончары использовали три условных «места» добычи исходного пластичного сырья:

I. ИГ 1 + песок (0,1-1,2 мм) 1:6 + слюда пылевидная + сухая глина ожелезненная + органика (растительные отпечатки) – один сосуд (№ 20);

II. ИГ 2 + песок (0,05-0,6 мм) 1:5 + бурый железняк мелкий + слюда пылевидная + сухая глина ожелезненная + органика (растительные отпечатки) – один сосуд (№ 22);

III. ИГ 2 + песок (0,1-0,6 мм) 1:4 + слюда пылевидная + глина неожелезненная (0,8-1,8 мм) 1:6 + органика (растительные отпечатки) – один сосуд (№ 25).

Анализ состава формовочных масс показал использование минеральной и органической искусственно введенной примеси. Из искусственных минеральных примесей использовался шамот из ожелезненной глины размерностью 1,0–2,5 мм в концентрации 1:4. В шамоте сосуда № 20 отмечена

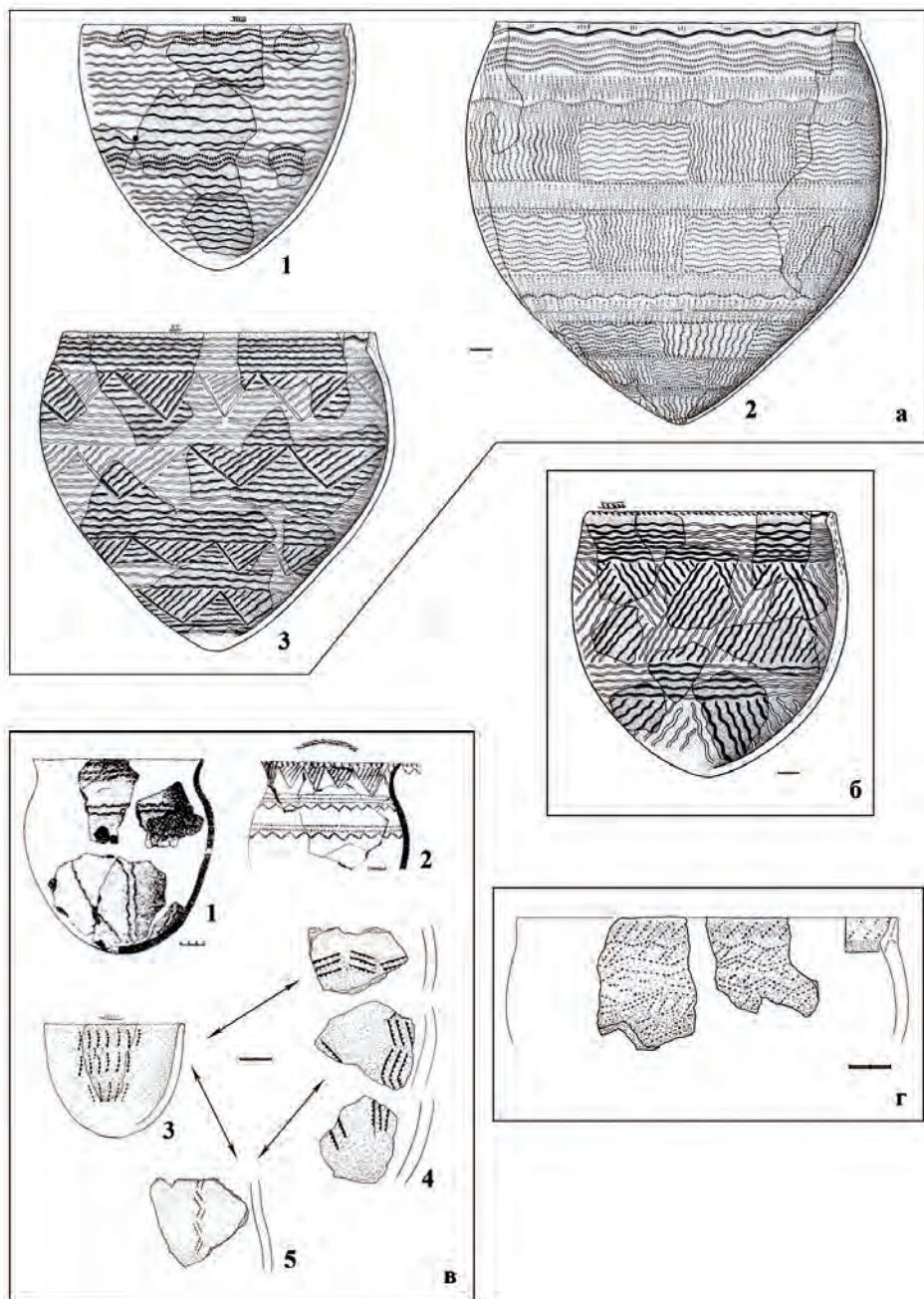

Рис. 2. Неолитическая керамика лесостепного Притоболья: а – пос. Долговское 3: 1–3 – сосуды № 20, 22, 25; б – пос. Кочегарово 1; в – пос. Пикушка 1: 1–5 – сосуды образцов № 1–5; сосуды 1–2 (по: [Шилов и др., 2002, с. 95, рис. 4, 1]); г – пос. Убаган 3

в незначительной концентрации примесь талька. В качестве органических искусственных компонентов вносился органический раствор, зафиксированный в виде черного «жирного» блеска на поверхности минеральных включений, цилиндрическим и аморфным пустотам, стенки которых также покрыты маслянистым черным блеском.

Таким образом, в результате проведенного технологического изучения обломков от трех разных сосудов с поселения Долговское 3 было выявлено:

1) Гончары, изготавливавшие данную посуду, применяли ожелезненные илистые глины среднезапесоченной (ИГ 2) – два сосуда и слабозапесоченной (ИГ 1) – один сосуд.

2) По степени запесоченности илистой глины и состава естественных минеральных примесей было выделено три разных «места» добычи исходного пластичного сырья.

3) Состав искусственных примесей поселения Долговское 3 позволяет, по имеющимся сосудам, выделить одну традицию составления формовочных масс керамики «илистая глина + шамот + органический раствор», однако, в сочетании с разными вариантами основного пластичного сырья, их число возрастает до трех вариантов.

Для пос. Долговское 3 имеется только одна дата, связанная с ранним неолитом - 6910 ± 70 л.н. (SPb-2153), однако сосуды № 20 и 25 типологически выглядят несколько более поздними; стратиграфические наблюдения в данном случае недостаточны. По имеющимся данным абсолютного датирования [Выборнов и др., 2014], для всех этих образцов возможно как одновременное, так и одновременное существование на рубеже раннего и позднего неолита; однако результаты технологического анализа в данном случае не дали косвенных свидетельств «за» или «против». Е. С. Яковлева предполагает, что использование среднезапесоченных глин для сосудов № 22 и 25 и отсутствие в них тальковой примеси в шамоте может указывать на сосуществование на поселении гончаров козловской и полуденской культурных традиций в рамках единого социума; специфика сосуда № 20 может быть объяснена как принадлежностью к более ранней хронологической группе керамики, так и территориальным влиянием (контакты с горно-лесной зоной) родственных связей группы, оставившей данный керамический комплекс.

3. Поселение Кочегарово 1 расположено на берегу старичного русла р. Миасс (Мишкинский р-н, Курганская обл.). Исследования проводились в 1992, 2007–2012, 2015 гг. под руководством М. П. Вохменцева, затем В. С. Мосина. Для анализа был выбран один образец козловского сосуда (рис. 26), по результатам абсолютного датирования относящий к концу раннего неолита [Выборнов и др., 2014, с. 38].

Анализ исходного сырья. Изучение навыков отбора и подготовки исходного сырья показало, что изучаемый сосуд поселения Кочегарово 1 изготовлен из ожелезненной илистой глины средней запесоченности. Из естественных примесей в ней зафиксированы: бурый железняк 0,9-1,0 мм в концентрации 1:6; песок 0,05-1,0 мм в концентрации 1:4; слюда пылевидная; растительные отпечатки (бороздчатые, нитевидные).

Изучение состава формовочных масс выявило использование шамота из ожелезненной глины, размерностью 1,2–4 мм в концентрации 1:5 (в качестве минеральной искусственно введенной примеси), и органического раствора (в качестве органической примеси).

Таким образом, было выявлено, что сосуд из поселения Кочегарово 1 изготовлен по рецепту «илистая глина + шамот + органический раствор».

4. **Поселение Пикушка 1** расположено на правом берегу р. Пикушки, в 5 км к востоку от основного русла р. Тобол (Кетовский р-н, Курганская обл.). Памятник исследовался С. Н. Шиловым; боборыкинский комплекс опубликован коллективом авторов [Шилов и др., 2002]. Однако в коллекции также присутствовали фрагменты от четырех сосудов с гребенчатой орнаментацией, по визуальным признакам являющихся неолитическими. Типологическую принадлежность данных сосудов в настоящий момент установить не представляется возможным, так как они не являются полуденскими или маханджарскими, характерными (или встречающимися) для данной территории. Для проверки неолитического статуса данных сосудов были отобраны пять образцов: боборыкинского типа – № 1, 2 (рис. 2в, 1, 2), «гребенчатые» - № 3–5 (рис. 2в, 3–5).

Анализ исходного сырья. Изучение навыков отбора и подготовки исходного сырья выявило, что гончары поселения Пикушка 1 использовали для изготовления сосудов ожелезненную илистую глину двух видов: слабозапесоченную (ИГ 1) – три сосуда (№ 2, 3, 5) и среднезапесоченную (ИГ 2) – два сосуда (№ 1, 4). Из естественных примесей в этих глинах зафиксированы: бурый железняк 0,7–1,5 мм (единичные включения); окатанный песок 0,1–0,9 мм в концентрации 1:4, 1:5, 1:6; слюда пылевидная; глина неожелезненная; растительные отпечатки (бороздчатые, нитевидные).

Учитывая степень запесоченности и состав естественных примесей илистых глин, вероятно, гончары, жившие на этом поселении, использовали три условных «места» добычи (или вариантов) исходного пластичного сырья:

I. ИГ 1 + песок (0,1–0,2 мм) 1:6 + слюда пылевидная + бурый железняк + глина неожелезненная + органика (растительные отпечатки) – один сосуд (№ 2);

II. ИГ 1 + песок (0,1–0,9 мм) 1:5 + слюда пылевидная + органика (растительные отпечатки) – три сосуда (№ 3, 4, 5);

III. ИГ 2 + песок (0,1–0,9 мм) 1:4 + слюда пылевидная + бурый железняк (0,7 мм) + органика (растительные отпечатки) – один сосуд (№ 1).

При анализе состава формовочных масс выделена минеральная и органическая искусственно введенные примеси. В качестве искусственной минеральной примеси использован шамот из ожелезненной глины размерностью 0,5–3,3 мм в концентрации 1:4. Из органических искусственных компонентов вносился органический раствор, в виде цилиндрических и аморфных пустот, стенки которых также покрыты маслянистым черным, сухим блестящим и молочно-белым налетом.

Таким образом, в результате изучения обломков от пяти разных сосудов с поселения Пикушка 1 было зафиксировано:

1) Гончары, обитавшие на поселении, для изготовления сосудов использовали ожелезненные илестые глины, наиболее массово применялась слабозапесоченная (ИГ 1) – четыре сосуда, реже среднезапесоченной (ИГ 2) – один сосуд.

2) По степени запесоченности илестой глины и составу естественных минеральных примесей было отмечено три разных «места» добычи исходного пластичного сырья.

3) Состав искусственных примесей, используемый гончарами поселения Пикушка 1, по имеющимся сосудам позволяет выделить две традиции составления формовочных масс керамики «илистая глина + шамот + органический раствор 1» (образцы № 1, 3–5) и «илистая глина + шамот + органический раствор 2» (№ 2), в сочетании с разными вариантами пластичного сырья их число увеличивается до трех вариантов.

Таким образом, для изученных образцов характерно использование общего шамотного рецепта. Для энеолитической керамики лесостепного Притоболья, судя по визуальным признакам соответствующих коллекций, а также предварительному заключению И.Н. Васильевой по материалам поселений Ташково 1 и Кочегарово 1, по-видимому, не характерна шамотная примесь. Это, а также отсутствие в коллекции пос. Пикушка 1 энеолитических сосудов других типов, позволяет достаточно уверенно связать проанализированные образцы с технологической традицией неолита. Для боборыкинской керамики памятника имеются три абсолютные даты: 6120 ± 120 л.н. [Мосин, 2016, с. 78], 4410 ± 130 л.н. и 4410 ± 160 л.н. [Выборнов и др., 2014, с. 39], первая из которых в рамках периодизации зауральского неолита относится к концу раннего неолита и маркирует наиболее ранние боборыкинские материалы в данном регионе. Две другие представляются завышенными, так как сильно – более чем на полтысячелетия – отпадают от основной совокупности дат. Так как сосуды с гребенчатой орнаментацией в данной коллекции немногочисленны и представлены очень фрагментарно, не имеют очевидных аналогов в смежных комплексах, делать прямые выводы о возможности их культурной и хронологической связи с боборыкинской традицией невозможно, но такое предположение небезосновательно.

5. Поселение Убаган 3. Группа поселений Убаган 2, 3, 5 расположена у впадения Убагана в Тобол (Звериноголовский р-н, Курганская обл.) [Вохменцев, 2016, с. 11, 75]. Исследования проводились в разные годы с 1977 по 1988 гг. Н. Н. Куминовым, Т. М. Потемкиной, М. П. Вохменцевым. Большая часть керамики представлена маханджарской посудой, но встречена и посуда других типов – кошкинского и полуденского. Ниже приведены результаты анализа для полуденского сосуда (рис. 2г) с пос. Убаган 3.

Анализ исходного сырья. Изученный сосуд поселения Убаган 3 изготовлен из ожелезненной илестой глины средней запесоченности. Из естественных примесей в ней зафиксированы: бурый железняк 0,9-1,0 мм в концентрации

1:6; песок 0,05-1,0 мм в концентрации 1:4; слюда пылевидная; растительные отпечатки (бороздчатые, нитевидные).

Изучение состава формовочных масс выявило использование шамота из ожелезненной глины, размерностью 1,2–4 мм в концентрации 1:5, и органического раствора.

Итак, было выявлено, что сосуд из поселения Убаган 3 изготовлен по рецепту «илистая глина + шамот + органический раствор».

Памятник не датирован, но по типологическому облику сосуда, а также общему составу коллекций его можно считать поздненеолитическим.

Результаты. Технологический анализ 14 образцов керамики четырех культурных типов раннего и позднего неолита из коллекций пяти памятников лесостепной зоны Притоболья выявил устойчивую технологическую традицию рецепта «илистая глина + шамот + органический раствор» во всех группах. В целом, данный рецепт является достаточно распространенным на значительно более широкой территории Западной Сибири, чем исследованная в статье территория [Илюшина, Еньшин, 2015; Васильев и др., 1998; Волков, 2013; Стефанов и др., 2005]. Кроме того, в нескольких образцах была зафиксирована тальковая примесь в шамоте, что является маркером контактов с обитателями горно-лесной зоны Зауралья, где данный вид отошителя известен вплоть до этнографической современности. Тезис о социокультурных взаимодействиях населения рассматриваемого региона ранее неоднократно рассмотрен в работах В.С. Мосина [Мосин, 2010], поэтому здесь мы остановимся только на конкретно-фактологических данных. Характерно, что, при общей однообразности рецепта, тальковая дресва в шамоте была зафиксирована на двух памятниках из пяти – на пос. Боборыкино 2 и пос. Долговское 3. Визуально тальк фиксировался также и в керамике пос. Кочегарово 1, но нерегулярно, поэтому в исследованном образце не зафиксирован. Данные памятники привязаны течению рек, текущих из Среднего и Южного Зауралья, где в рамках тех же культурных групп часто используются тальковая дресва или тальковые глины. Использование талькового шамота в гончарстве памятников, приуроченных к этим рекам, выглядит логичным; вызывает вопрос, связано ли отсутствие талька в памятниках, приуроченных к течению Тобола, с незначительностью выборки (6 образцов) или территориальной спецификой памятников и иными направлениями социальных связей их обитателей. Так, о тальковой примеси не упоминается в публикации пос. Ук VI [Васильев и др, 1998, с. 254], она не была визуально определена в коллекции пос. Усть-Суерка 4 одним из соавторов данной работы. В керамике пос. Двухозерное 1, расположенном недалеко от слияния рек Исеть и Тобол, а также пос. Курья 1, расположенного к юго-востоку от Тюмени, на одноименном озере на водоразделе Туры и Пышмы, по наблюдениям Е.Н. Волкова, все керамические типы коллекции – козловский, полуденский и боборыкинский – содержат в качестве примеси песок (возможно, естественная примесь), шамот и органику [Волков, 2001, с. 15; 2013, с. 11, 14, 15]. Безусловно, в случае с коллекциями, не подвергшимися специальному технологическому анализу, нельзя утверждать об отсутствии тальковой

примеси в шамоте, но можно обозначить одно из перспективных направлений в данном аспекте.

Кроме того, хотя в лесостепном Притоболье известны материалы маханджарской культуры [Яковлева, 2019], можно отметить, что среди проанализированных образцов не было ни одного, указывающего на связи со степной зоной. Так, для гончарства Торгайского прогиба характерен, в общем смысле, такой яркий признак, как примесь шерсти в тесте [Шевнина, 2012, с. 22]. Безусловно, это связано с отсутствием в данной выборке образцов данного типа; возможно, это так же связано с некими механизмами культурных взаимодействий в приграничной зоне, которые исключили контакты со степной зоной в рамках использования гончарных традиций на изучаемых первых трех ступенях первой стадии технологического процесса. За отсутствием позитивных фактов, мы оставим данный сюжет без подробного рассмотрения.

Также можно предположить, что при сплошном анализе всего керамического комплекса памятника (или большей его части) технологические признаки, такие, как совпадение рецепта и источника добычи сырья, могут быть дополнительным методом для уточнения хронологической позиции разнотипных материалов относительно друг друга, что является существенной проблемой и важной задачей для многокомпонентных неолитических комплексов лесостепного Притоболья, а также Зауралья в целом, с объективно ограниченными возможностями абсолютного и относительного датирования.

Литература

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: «Наука», 1978. 272 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: коллективная монография. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5-109.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., Глущенко С.А. Поселение Ук VI в Тюменском Притоболье // Исторические исследования. 1998. Вып. 2. С. 254-267.

Васильева И.Н. Гончарство населения Северного Прикаспия в эпоху неолита // Вопросы археологии Поволжья. Самара: изд-во СамГПУ, 1999. С. 72-96.

Васильева И.Н. Сравнительный анализ технологии керамики Съезженского и I–II Хвалыньских могильников // РА. 2005. № 3. С. 76-84.

Волков Е.Н. Боборыкинский комплекс поселения Двухозерное 1 // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень: Изд-во ИПОС РАН, 2001. С. 12-25.

Волков Е.Н. Неолитический комплекс поселения Курья 1 // ВААЭ. 2013. № 2 (21). С. 11-19.

Волкова Е.В. Гончарство фатьяновских племен. М.: Наука, 1996. 121 с.

Вохменцев М.П. Памятники неолита, энеолита и ранней бронзы в лесостепном Притоболье / науч. ред. В.С. Мосин. Челябинск: ЦИКР “Рифей”, 2016. 137 с.

Выборнов А.А., Мосин В.С., Епимахов А.В. Хронология уральского неолита // АЭАЕ. 2014. № 1 (57). С. 33-48.

Илюшина В.В., Еньшин Д.Н. Гончарное производство козловской культуры по материалам поселения Мергень 7 // ВААЭ. 2015. № 3 (30). С. 4-14.

Краева Л.А. К вопросу о примеси талька в сарматской керамике Южного Приуралья // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. М.: ИА РАН, 2010. С. 58.

Мосин В.С. Экосоциальная адаптация населения центра Северной Евразии в конце плейстоцена – начале голоцена (опыт археологического моделирования) // УИВ. 2010. Вып. 2 (27). С. 4-12.

Мосин В.С. Хронология неолита Зауралья: новые даты, старые проблемы // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX УАС): матер. Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. Ижевск: Ижевский институт компьютерных исследований, 2016. С. 78-79.

Степанова Н.Ф. Особенности исходного сырья и формовочных масс керамики эпохи неолита и бронзы Горного Алтая и его северных предгорий // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. М.: ИА РАН, 2010. С. 117-125.

Стефанов В.И., Косинская Л.Л., Погодин А.А., Дубовцева Е.Н., Беспрозванный Е.М. Поселение Еныя 12 (к вопросу о культурно-хронологической стратиграфии неолита-энеолита верховьев Конды) // Археология Урала и Западной Сибири (К 80-летию со дня рождения В.Ф. Генинга). Екатеринбург: УрГУ, 2005. С. 48-86.

Цетлин Ю.Б. Об определении степени ожелезненности исходного сырья для производства глиняной посуды // Вопросы археологии Поволжья. Самара: изд-во «Научно-технический центр», 2006. Вып. 4. С. 421-425.

Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. 384 с.: ил.

Шевнина И.В. Гончарство маханджарской культуры // ВААЭ. 2012. № 2 (17). С. 21-28.

Шилов С.Н., Зырянова С.Ю., Шаманаев А.В. Комплекс боборыкинской культуры поселения Пикущка I // ВАУ. 2002. Вып. 24. С. 90-118.

Шилов С.Н., Новиков И.К. Неолитическое жилище на поселении Долговское-3 // Емельяновские чтения: матер. I межрегиональной науч.-практ. конф. (г. Курган, 19–20 апреля 2006 г.). Курган: изд-во Курганского гос. ун-та, 2006. С. 17-19.

Яковлева Е.С. Следы маханджарской культуры в лесостепном Притоболье // СНВ. 2019. Т. 8. № 3 (28). С. 158-166.

Д. А. Гаврилов, Т. Б. Мамиров

ПЕДОСТРАТИГРАФИЯ ЭНЕОЛИТИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА ДЕРКУЛ 1

В работе приводятся первые результаты изучения сложного строения гумусово-аллювиальной толщи энеолитического памятника Деркул 1, расположенного в центральной пойме одноименной реки (ЗКО). При комплексном изучении литологических слоев и педогенных признаков были реконструированы последовательность этапов аллювиального седиментогенеза и относительно продолжительных периодов почвообразования, которые соответствуют времени освоения поймы реки человеком в голоцене.

Ключевые слова: Западный Казахстан, геoarхеология, стратиграфия, энеолит, аллювий, пойма

Деркул 1 энеолиттік ескерткіштің педостратиграфиясы

Жұмыста Деркул өзенінің орта жайылмасында орналасқан (Батыс Қазақстан облысы) Деркул 1 энеолиттік ескерткішінің гумус-аллювиальді қабатының күрделі құрылысын зерттеудің алғашқы нәтижелері келтіріледі. Литологиялық қабаттарды және педогендік белгілерді кешенді түрде зерттеу барысында аллювиальді седиментогенездің бірізділік сатылары және топырақ түзілудің салыстырмалы ұзақ кезендері қалпына келтірілді, ал олар голоцендегі адамның өзен жайылмасын игеру уақытына сәйкес келеді.

Түйін сөздер: Батыс Қазақстан, геoarхеология, стратиграфия, энеолит, аллювий, жайылма

Pedostratigraphy of eneolithic site Derkul 1

The article presents the first results of investigating the complex structure of the humus-alluvial layer at the Eneolithic site Derkul 1, located in the central floodplain of the River Derkul in the West Kazakhstan. The combined studies of lithologic layers and pedogenic features allowed reconstructing the sequence of the alluvial sedimentation stages alternating with relatively prolonged soil formation stages, which corresponded to the time of the floodplain development by humans.

Keywords: West Kazakhstan, geoarchaeology, stratigraphy, Eneolithic, alluvium, floodplain

Введение

Пойма реки в условиях аридного климата всегда являлась наиболее притягательным местом для проживания человека. Здесь он находил постоянный

© Денис А. Гаврилов, Институт почвоведения и агрохимии СО РАН, г. Новосибирск, Россия; gavrilov@issa-siberia.ru

Талгат Б. Мамиров, Филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана, г. Нур-Султан, Казахстан; tmamirov@mail.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, ИРН проекта AP05134087.

источник пресной воды, богатую сырьевую базу для охоты и рыболовства. Кроме того, в пойме, благодаря постоянному аллювиальному седиментогенезу, создаются условия для стратиграфической записи последовательности этапов природных событий и этапов освоения территории. Поэтому пойменные памятники представляют собой особую категорию археологических объектов, где имеется обширная информация о деятельности человека в хроностратиграфической последовательности [Александровский и др., 1987; Александровский, 2004; Кренке и др., 2014; Величко и др., 2014; и др.].

На реке Деркул (Таскалинский р-н, ЗКО) в 1986 г. был обнаружен памятник, получивший одноименное название с рекой – Деркул I. При изучении толщи отложений, слагающих территорию памятника, было отмечено их сложное строение, что потребовало более подробного исследования методами естественных наук (почвоведение, литология, радиоуглеродное датирование).

Целью работы является реконструкция педолитологической последовательности формирований отложений поймы реки Деркул и соотнесения их с этапами проживания человека в пойме.

1 Объекты исследования и современные условия почвообразования

Стоянка Деркул I (51°07'32.4" с.ш., 50°13'12.4" в.д.) находится на левом берегу центральной поймы реки Деркул в 80 км к западу от г. Уральска (рис. 1). Пойма имеет ровный рельеф с небольшим уклоном от коренного берега к руслу реки и приподнята над меженным урезом реки на 4 м (высокая пойма). В средней части поймы проходят хорошо заметные бывшие палеоруслу реки, идущие параллельно современному руслу и придающие этому участку поймы вытянутый западинный рельеф. Остатки первого палеоруслу реки Деркул прослеживаются от границ п. Бирлик вдоль коренного берега до резкого поворота современного русла реки на север. Остатки второго палеоруслу начинаются ниже п. Бирлик и проходят между первым палеоруслем и современным руслом реки.

Климат в регионе умеренный континентальный сухой. Средняя температура января в районе разреза -10,6°C (метеостанция Таскала) (Агроклиматические ресурсы..., 2017); длительность залегания снежного покрова 142 дня. Средняя температура июля составляет +24°C. Среднегодовая температура – +5,8°C, сумма активных температур выше 10°C – 2938°C·год. В среднемноголетнем за год выпадает осадков более 300 мм в год. В целом в теплый период времени (VI–X мес.) выпадает около 200 мм с максимумом в июнь–июле и октябре.

Растительность в районе представлена типчаково-ковыльными степями на уровне высокой поймы и коренного берега, мезофитными лугами в районе узкой полосы низкой поймы современного русла реки и болотными травяными сообществами в местах западинного рельефа (палеоруслу).

2 Методология и методы изучения

2.1 Методология и методы исследования

Методологической основой проведения исследования послужила концепция «памяти почв», под которой понимается комбинация устойчивых

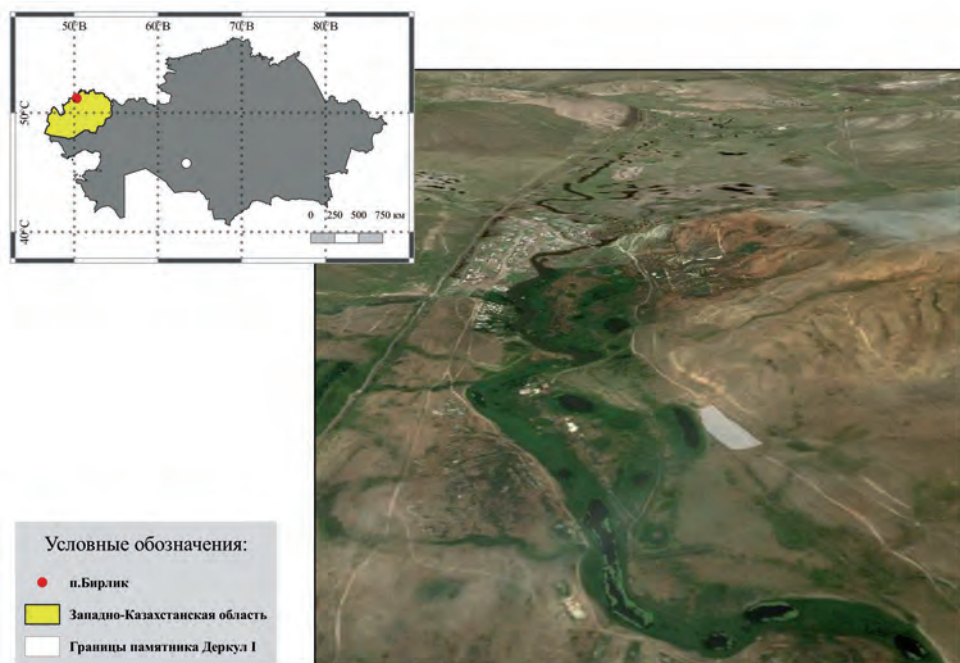

Рис. 1. Карта расположения стоянки Деркул I

консервативных свойств почвы (в основном характеризующих твердую фазу), отражающих инситное взаимодействие «потоковых» факторов (климат и биота) с «неподвижными» факторами (материнские породы и рельеф) почвообразования на протяжении довольно длительного времени [Память почв..., 2008; Таргульян, 2005; Таргульян, Бронникова, 2019]. Такое инситное атмо-гидро-био-лито-взаимодействие постепенно изменяет почвообразующую породу, придавая ей новые педогенные свойства, которые обладают устойчивостью и отражают разные по времени слои памяти: литогенная память – признаки почв, унаследованные от породы, эволюционная память – реликтовые признаки, унаследованные от былых условий почвообразования и современная память – признаки почв, сформированные в наблюдаемый период исследования, комбинацией факторов и процессов почвообразования (табл. 1). В дополнение к данным слоям памяти почв в твердой фазе почвы могут содержаться признаки антропогенного воздействия на ландшафт в прошлом.

Каждый из слоев памяти образует свои блоки, которые несут в себе разнообразную информацию о динамике экосистем во времени и воздействия человека на окружающую среду. Благодаря особенности активности «потоковых» факторов, которая ослабевает с глубиной, блоки почвенной памяти несут хронологически дифференцированную информацию и «подчиняются» принципу Стено – глуболежащие слои древнее вышележащих. Наиболее ярко это проявляется в синлитогенных почвах, где процесс почвообразования

идет параллельно с седиментацией. Поэтому изучение почвенной памяти можно изучать в хроно-стратиграфической последовательности.

Таблица 1 – Схема слоев педогенной памяти

Педогенная память		
Слой памяти		
Литогенная память	Эволюционная память	Современная память
<ul style="list-style-type: none"> - установление особенности осадконакопления; - установление условий перемещения породы (делювий, пролювий, аллювий, коллювий и т.д.) 	<ul style="list-style-type: none"> - установление реликтовых признаков, не отвечающих современным условиям почвообразования; - реконструкция условий, при которых сформированы реликтовые свойства 	<ul style="list-style-type: none"> - описание и установление свойств почвы, обладающих малым характерным временем формирования и отражающих современные условия педогенеза.

2.1.1 Методы изучения литостратиграфии

Диагностика генезиса почвообразующей породы и характер осадконакопления традиционно производится на основе определения размерности частиц (гранулометрический состав) и профильного их распределения.

Постоянные флювиальные потоки, обладая транспортирующей и сегрегационной способностью, которые определяются количеством воды и твердого стока, турбулентностью потока и скоростью течения формируют особый генетический тип отложений – аллювий. Так, при скорости течения 0,162 м/с начинает передвигаться по дну мелкий песок, при скорости 0,216 м/с – крупный песок, при скорости 0,975 м/с – мелкая галька [Кизевальтор и др., 1981]. По мере удаления от русла реки полые воды теряют скорость и тем самым сепарируют частицы, откладывая более мелкие частицы в притеррасных участках, а более крупные – вблизи русла реки. Таким образом, профильное распределение разных по размерам частиц позволяет представить особенности условий формирования аллювия.

2.1.2 Методы изучения педостратиграфии

Диагностика почвенных горизонтов и слоев была произведена в соответствии с Классификацией почв России [2004].

В лабораторных условиях были изучены следующие консервативные свойства почв, обладающие разной относительной устойчивостью во времени: характеристики гумусового профиля почв (содержание общего углерода, качественный состав гумусовых веществ), состав обменных оснований (по Пфефферу), рН водной суспензии, содержание солей [Химический ..., 2004].

2.1.3 Методы изучения археостратиграфии

Для построения археологической стратиграфии были использованы полевые наблюдения положения в педо-аллювиальной толще артефактов по глубине и определение содержания фракций фосфора (валовой, органический и минеральный) в почве [Saunders, Williams, 1955]. При длительном

стационарном освоении территории человек искусственно обогащает почву труднорастворимыми соединениями фосфора в результате минерализации биоотходов жизнедеятельности, растительного и животного материала.

2.1.4 Радиоуглеродное датирование

Определение абсолютного возраста углерода коллагена костей животных было определено с помощью ультра масс-спектрометрии (УМС) на базе А. Е. Lalonde AMS Laboratory (Оттава, Канада) и ЦКП «Геоархеологии кайнозоя» (г. Новосибирск, Россия). Радиоуглеродная калибровка выполнена с использованием OxCal 4.2 [Bronk Ramsey, 2009] на калибровочной кривой [Reimer et al., 2013].

3 Результаты изучения

3.1 Морфологическое изучение

При полевом изучении строения гумусово-стратифицированной педоседимента была вскрыта почти двухметровая толща. Почвенный профиль представлен мощной гумусово-стратифицированной толщей, в основании которой лежит погребенная гумусово-квасиглеевая почва, сформированная на русловом аллювии. Результаты морфологического изучения представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Морфологическое описание

Горизонт, см	Описание
RJ ₁ aq, s (0-20)	Светло-серый, рыхлый, среднесуглинистый, пористый, с крупно-плитчатой и крупно-комковатой структурой, густо пронизан корнями, переход резкий, граница ровная
RJ ₂ aq, s (20-40)	Светло-серый, рыхлый, среднесуглинистый, пористый, с крупно-плитчатой и крупно-комковатой структурой, густо пронизан корнями, переход резкий, граница ровная
RJ ₃ aq, ca, s, ur (40-50)	Светло-серый, плотный, тяжелосуглинистый, пористый, с крупно-плитчатой и крупно-комковатой структурой, карбонатный с мучнистыми прожилками по ходам корней, переплетен корнями, с палеокротовинами, переход резкий, граница ровная. Встречаются единично артефакты (отщепы)
RJ ₄ aq, ca (50-60)	Светло-серый, плотный, тяжелосуглинистый, пористый, с крупно-плитчатой и мелко-комковатой структурой, карбонатный с редкими мучнистыми, переплетен единичными корнями, с включениями раковин улиток, переход резкий, граница ровная.
RJ ₅ sn, aq, ca, ur (60-65)	Светло-серый (имеет более светлый тон относительно вышележащего горизонта), плотный, легкосуглинистый, пористый, с плитчатой и ореховатой структурой, карбонатный с мучнистыми прожилками по ходам корней, переплетен корнями, переход резкий, граница ровная. Встречаются единично артефакты (отщепы)
RJ ₆ aq (65-100)	Светло-серый (имеет более темный тон относительно вышележащего горизонта), уплотненный, тяжелосуглинистый, пористый, мелкопризматический, карбонатный с единичными мучнистыми прожилками, переплетен единичными мелкими корнями, переход резкий, граница ровная. Встречаются палеокротовины (Ø10–25 см).

RJ ₁ aq, ca, ur (100-120)	Темно-серый, уплотненный, тяжелосуглинистый, пористый, мелкокомковатый (слабоструктурирован), карбонатный с мучнистыми прожилками, переплетен корнями, переход резкий (по локализации артефактов), граница ровная. Горизонт насыщен артефактами (кости, каменные орудия и отходы производства). В местах разложения костей почва прокрашивается в светло-серые оттенки. С включениями раковин улиток.
[AU]q, ca (120-160)	Темно-серый со стальным оттенком, уплотненный, тяжелосуглинистый, пористый, мелкокомковатый (слабоструктурирован), карбонатный с мучнистыми прожилками карбонатами по ходам корней (2–3 мм), переплетен мелкими единичными корнями, с включениями раковин ракушек (<i>Unio</i> sp.), переход постепенный, граница волнистая.
[Q]ca (160-180)	Серый со стальным оттенком с гумусовыми затеками, влажный, тяжелосуглинистый, икряной, карбонатный (мучнистые прожилки) с палеокротовинами, заполненными материалом из гумусового горизонта.

3.2 Литологический анализ гумусово-аллювиальной толщи

В гранулометрическом составе профиля почвы выявлено изменение с глубиной соотношений фракций крупной пыли и ила. Нижняя часть профиля (погребенная гумусово-квазиглеевая почва) имеет тяжелосуглинистый мелкопесчано-иловатый состав, который кверху резко сменяется преобладанием мелкопесчаной (20–26%) и крупнопылевой фракций (26–30%) с сохранением класса гранулометрического состава до глубины 40 см.

На глубине 0–40 см гумусово-стратифицированные слои имеют среднесуглинистый состав с сохранением содержания мелкопесчаной фракции (18–29%) и увеличением крупнопылевой (38–46%) относительно нижележащей толщи.

В распределении крупного и среднего песка выявлено относительно высокое содержание их в погребенной почве (5–6%), которое кверху снижается и колеблется в пределах от 1,5 до 2%.

Таблица 3 – Гранулометрический состав (%)

Горизонт, см	Образцы	1-0,25	0,25-0,05	0,05-0,01	0,01-0,005	0,005-0,001	<0,001	<0,01	Классы и разновидности
		Песок		Пыль			Ил	Физическая глина	
		крупный и средний	мелкий	крупная	средняя	мелкая			
RJ ₁ aq, s (0-20)	0–2	1.36	28.80	39.12	8.32	13.36	9.04	30.72	Сер ^{тип}
	2–10	1.30	17.98	45.64	8.16	14.24	12.68	35.08	
	10–20	1.44	17.64	40.20	9.44	15.56	15.72	40.72	
RJ ₂ aq, s (20-40)	20–30	1.57	20.07	42.00	8.12	12.12	16.12	36.36	
	30–40	1.64	23.68	37.88	8.36	14.88	13.56	36.80	

RJ ₃ aq, ca, s, ur (40- 50)	40–50	1.67	23.17	30.52	8.72	16.68	19.24	44.64	Ст ^{млп} круп
RJ ₄ aq, ca (50- 60)	50–60	1.86	20.86	28.36	9.64	16.92	22.36	48.92	
RJ ₅ sn, aq, ca, ur (60- 65)	60–65	1.96	20.12	29.44	8.80	14.80	24.88	48.48	
R ₆ aq (65- 100)	65–75	1.95	20.25	26.36	8.08	16.88	26.48	51.44	
	85–95	2.33	23.11	28.16	6.36	14.52	25.52	46.40	
RJ ₇ aq, ca, ur (100- 120)	100– 110	3.52	25.28	26.36	8.12	13.28	23.44	44.84	Ст ^{млп} и
[AU] q, ca (120- 160)	120– 130	4.79	31.97	17.56	5.68	14.16	25.84	45.68	
	130– 140	4.89	32.27	16.12	5.68	13.88	27.16	46.72	
	150– 160	5.57	25.87	18.16	6.12	14.44	29.84	50.40	
[Q]ca (170- 180)	170– 180	5.95	28.73	10.88	8.04	16.36	30.04	54.44	
Примечание: <i>классы</i> : Ср – суглинок средний, Ст – суглинок тяжелый; <i>разновидности</i> : ^{млп} _и – мелкопесчано-иловатый; ^{млп} _{круп} – мелкопесчано-крупнопылеватый									

Таким образом, литологическое строение гумусово-стратифицированной толщи позволяет выявить три этапа в изменении гидрологического режима реки Деркул: (1) русловой аллювий в условиях относительно высокой скорости седиментации с аккумуляцией песчаной и илистой фракций (120–180 см); (2) пойменный аллювий в условиях снижения скорости водного потока и аккумуляцией мелкого песка и ила (40–120 см) и (3) толща пойменного аллювия с преобладанием мелкого песка и пылеватой фракции (0–40 см).

Изменения в условиях седиментации следует связать с естественным развитием поймы, когда аллювиальная толща в условиях поемного режима растет «вверх» и постепенно все реже заливается в период половодья и проходит этапы развития низкой – средней и высокой поймы.

Сохранение в рельефе центральной поймы реки Деркул следов палеорусел позволяет соотнести выявленные литологические слои с этапами их функционирования: первый этап – палерусло, функционирующее вблизи современного левого коренного берега реки (энеолит); второй этап – палеорусло ниже п. Бирлик между первым палеоруслом и современным; третий этап – современное русло реки.

3.3 Признаки почвообразования в аллювиальной толще

Выявленные крупные этапы аллювиальной седиментации периодически прерывались периодами почвообразования, что находит свое отражение

морфологическом строении толщи (табл. 2) и её физико-химических свойствах.

В нижней части аллювиальной толщи находится погребенная *гумусово-квасиглеевая почва* ([AUq,ca - Q], 120–160 см), поверхность которой служила уровнем обживания для жителей поселения Деркул I.

Согласно данным литологического анализа почва сформирована на русловом аллювии в условия низкой поймы. Распределение $C_{орг}$ характеризуется аккумулятивным типом (рис. 2): [AUq, ca] – 0.6-0.9%; [Q]>0.4%. Соотношение групп гумусовых кислот имеет гуматный состав (1,5–1,7), что диагностирует относительно благоприятные условия для гумусообразования. рН водной суспензии щелочная (8,4–8,7). Причем максимальное значение рН приурочено к поверхности палеопочвы, а минимальное – минеральному горизонту, что коррелирует с распределением $CaCO_3$. Данный факт следует объяснить процессом подщелачивания почвы после погребения, т.к. из насыщенного костеносного культурного горизонта (RJ₇, 100–120 см) происходило высвобождение карбонатов кальция и обогащение ими палеогумусового горизонта.

При морфологическом обследовании палеопочвы были обнаружены палеокротовины в горизонте Q, заполненные материалом из гумусового горизонта, что позволяет выделить этап значительного снижения уровня грунтовых вод, время которого следует связать с периодом освоения человеком низкой поймы реки.

Результаты фракционного состава фосфора показали возрастание доли органического фосфора в костеносном культурном горизонте (58 мг/100 г почвы) и более высокое содержание валовой формы фосфора относительно вышележащей части толщи (441 мг/100 г почвы, в 1,4 раза) (рис. 2). Выявленные факты позволяют утверждать о довольно продолжительном проживании человека на данном участке и активной хозяйственной деятельности с

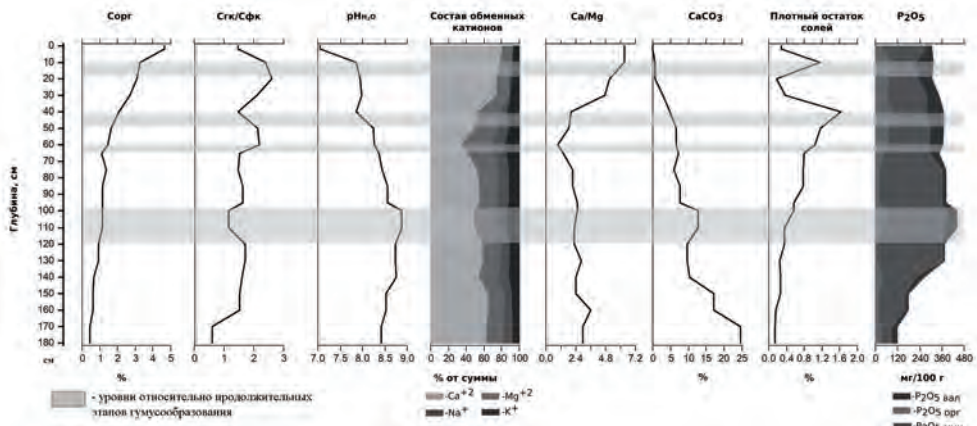

Рис. 2. Химические свойства почвы

накоплением органических отходов (разделывание туш животных, обработка кожи и т.д.).

Гумусовая толща (RJ_6) на глубине 60–100 см имеет довольно однородное морфологическое и физико-химическое строение (табл. 2–3; рис. 2), что говорит о продолжительных и стабильных условиях формирования педо-аллювиальной толщи в условиях преобладания аллювиального седиментогенеза над почвообразованием. Имеющиеся крупные кротовины животных связаны с более поздними и продолжительными этапами почвообразования, когда данный слой выступал «срединным» горизонтом для гумусовых вышележащих горизонтов.

На глубине 60–65 см гумусовый слой RJ_5 приобретает плитчато-ореховатую структуру, в составе обменных катионов доля магния и натрия увеличивается, а кальция - уменьшается (рис. 2). Выявленные признаки позволяют диагностировать этап относительно продолжительного капиллярно-гидромофного почвообразования, который характеризовался развитием осолонцевания и гидрогенной аккумуляцией солей в условиях аридного климата. На данной глубине были также обнаружены единичные находки отщепов. Результаты фосфорного анализа не показали относительного накопления фосфора на данной глубине, что позволяет утверждать о непродолжительном освоении человеком данного участка на рассматриваемом этапе эволюции педо-литогенной толщи.

Гумусированный слой RJ_5 в последующем был погребен аллювиальным наносом, что подтверждается находками скоплений раковин водных улиток на глубине 50–60 см.

Выделенный литологический слой 3 (RJ_{1-2}) формировался в условиях высокой поймы и лишь изредка заливался в период высоких половодий, поэтому процессы почвообразования здесь выражены более явно (гумусообразование, соленакопление, педогенное оструктурирование и т.д.). При морфологическом обследовании толща до глубины 40 см диагностирована была как однородный гумусовый горизонт, но изучение характеристики солевого профиля показали два пика в накоплении солей на глубине 0 и 30–40 см (рис. 2). Данные результаты позволяют высказать гипотезу возможного погребения гумусового-стаифицированного горизонта RJ_2 материалом этого же горизонта при делювиальном сносе с более высоких гипсометрических позиций коренного берега реки и образование в последующем горизонта RJ_1 .

4 Обсуждение результатов

При реконструкции последовательности формирования гумусово-стратифицированной толщи следует учитывать все факторы, которые принимали участие в ее формировании: длительность и скорость седиментогенеза (аллювиальный и делювиальный), характер и продолжительность периодов почвообразования, а также временной отрезок освоения человеком поймы реки.

Каждый из этих факторов имеет свою скорость действия и не исключает их синхронность.

Так период формирования пойменных уровней занимает более продолжительные этапы – $n 10^3$ – 10^4 , почвообразование более короткие периоды – $n 10^2$ – 10^3 , а период освоения человеком поверхности почвы – $n 10$ – 10^2 . Общая схема последовательности формирования гумусово-стратифицированной толщи памятника представлена в таблице 4.

Таблица 4 – Схема формирования гумусово-стратифицированной толщи памятника Деркул 1

Глубина, см	Литостратиграфия	Педостратиграфия		Археостратиграфия	Оценка возможности освоения человеком участка поймы
0–40	Пойменный аллювий с преобладанием мелкого песка и пылеватой фракции. Переход от средней к высокой пойме	RJ ₁ – RJ ₂ Гумусово-стратифицированные водно-аккумулятивные горизонты с признаками преобладания субэвального привноса материала			Ослабление аллювиального седиментогенеза и начало преобладания субэвального переноса вещества. Благоприятные условия для освоения территории.
40–50	Пойменный аллювий в условиях снижения скорости водного потока и аккумуляцией мелкого песка и ила. Средняя пойма	RJ ₃ Гумусово-стратифицированный водно-аккумулятивный горизонт		Находки отщепов. Местонахождение или край поселения	Усиление аллювиального седиментогенеза
50–60		RJ ₄ Гумусово-стратифицированный водно-аккумулятивный горизонт		Количество находок достаточно много, но они не образуют сплошные слои залегания, а распространены дисперсно по всей толще.	
60–65		RJ ₅ Гумусово-стратифицированный водно-аккумулятивный горизонт с признаками осолодцевания и гидротенной аккумуляцией солей			Этап относительного стабильного почвообразования и снижения аллювиального седиментации. Период благоприятный для проживания в пойме.
65–100		RJ ₆ Гумусово-стратифицированный водно-аккумулятивный горизонт со слабыми признаками почвообразования			Нестабильная поверхность в условиях повышенной обводненности. Неблагоприятные условия для стационарного освоения поймы реки
100–120		RJ ₇ Гумусово-стратифицированный водно-аккумулятивный горизонт представляет собой аллювий, которым был погребен культурный слой и строения поселения		Культурный слой 3809–3640 cal BC (NSKA 2386); 4336–4227 cal BC (UOC 9555); 4339–4232 cal BC (UOC 9556); 4689–4486 cal BC (UOC 9557)	Понижение уровня реки в воде. Благоприятные условия для освоения низкой поймы
120–180	Русловый аллювий в условиях относительно высокой скорости седиментации с аккумуляцией песчаной и илистой фракций	Гумусово-квасилгдеевая почва (AU-Q)	Период функционирования почвы в условиях понижения уровня грунтовых вод		Часто затопляемая поверхность с высоким уровнем стояния грунтовых вод. Возможно кратковременное сезонное освоение
			Период функционирования почвы в условиях низкой поймы		Аквальный этап формирования породы

Заключение

Гумусово-стратифицированная толща памятника Деркул 1 представляет собой «архив», в котором отражены основные события развития поймы реки Деркул, направленность и характер почвообразования, а также история освоения поймы человеком. Первое стационарное освоение поймы человеком приходится на этап энеолита (4700–3700 лет до н.э.), когда человек занял участок низкой поймы в условиях относительного понижения обводненности русла реки. Но в последующем, по-видимому, в связи с изменением гидрологического режима реки начался нестабильный этап (увеличилась частота паводков), приведший к тому, что участок низкой поймы стал малопригоден для стационарного освоения человеком. Человек осваивал в дальнейшем участок эпизодически, что фиксируется в дисперсном распределении находок по всей толще.

В результате естественного развития поймы (роста аллювиальных отложений «вверх») участки низкой поймы перешли функционировать в условиях средней, а затем и высокой поймы. Это привело к снижению роли водной седиментации в пойме и преобладанию субэвральная аккумуляции материала (эоловая и делювиальная), что сделало территорию памятника Деркул I более пригодной для обживания человеком.

Литература

Агроклиматические ресурсы Западно-Казахстанской области: научно-прикладной справочник / Под ред. С.С. Байшоланова. Астана: Институт географии МОН РК, 2017. 128 с.

Александровский А.Л. Этапы и скорость развития почв в поймах рек Центра Русской равнины // Почвоведение. 2004. № 11. С. 1285-1295.

Александровский А.Л., Гласко М.П., Фоломеев Б.А. Археолого-географические исследования пойменных почв как геохронологических уровней второй половины голоцена (на примере средней Оки) // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. 1987. № 56. С. 123-128.

Величко А.А., Борисова О.К., Морозова Т.Д., Тимирева С.Н. Новые данные об изменениях климата и ландшафтов в нижнедонской степной провинции в голоцене // Известия РАН. Сер. геогр. 2014. № 6. С. 75-90.

Кизевальтор Д.С., Раскатов Г.И., Рыжова А.А. Геоморфология и четвертичная геология. М.: Недра, 1981. 215 с.

Классификация и диагностика почв России / Авторы и составители: Л.Л. Шишов, В.Д. Тонконогов, И.И. Лебедева, М.И. Герасимова. Смоленск: Ойкумена, 2004. 342 с.

Кренке Н.А., Ершова Е.Г., Александровский А.Л. Природные и антропогенные ландшафты в долине Москвы-реки по материалам комплексного исследования 1-й Звенигородской неолитической стоянки // Известия РАН. Сер. геогр. 2014. № 5. С. 99-115.

Память почв: почва как память биосферно-геосферно-антропосферных взаимодействий / В.О. Таргульян, С.В. Горячкин, Н.А. Караваева и др. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 687 с.

Таргульян В.О. Концепция памяти почв: развитие фундаментальной базы генетического почвоведения // Многоликая география. Развитие идей Иннокентия

Петровича Герасимова (к 100-летию со дня рождения). М.: Институт географии РАН, 2005. С. 114-132.

Таргульян В.О., Бронникова М.А. Память почв: теоретические основы концепции, современное состояние и перспективы развития // Почвоведение. 2019. № 3. С. 259-275.

Теория и практика химического анализа почв / Под ред. Л.А. Воробьева М.: Изд-во ГЕОС, 2006. 400 с.

Bronk Ramsey, C. Dealing with outliers and offsets in radiocarbon dating // Radiocarbon, 2009. 51(3), 1023-1045.

Reimer P.J. et al. IntCal13 and Marine13 Radiocarbon Age Calibration Curves 0–50,000 Years cal BP // Radiocarbon, 2013. 55(4), 1869–1887.

Saunders W.M.H., Williams E.G. Observations on the determination of total organic phosphorus in soils // European Journal of Soil Science. 1955. Vol. 6. Iss. 2. P. 254-267.

Л. Н. Корякова

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ОБРАЗА ЖИЗНИ В АРХЕОЛОГИИ

В статье кратко излагаются подходы и методы исследования археологии образа жизни населения бассейна р. Карагайлы-Аят (Южное Зауралье) во II тыс. до н.э., дается краткое теоретическое обоснование этой темы и определяется ее место в археологии.

Ключевые слова: Южное Зауралье, эпоха бронзы, образ жизни, поселения, могильники, синташтинско-петровская культура, срубная культура, система местообитания, среда обитания, система жизнеобеспечения, люди эпохи бронзы

Археологиядағы тұрғындардың өмір салтын зерттеу ерекшеліктері

Мақалада б.д.д. II мыңжылдықтағы Қарағайлы-Аят өзені (Оңтүстік Орал маңы) бассейні халқының өмір сүру салтын археологиялық тұрғыдан зерттеудің әдістері мен тәсілдері қысқаша баяндалады. Сонымен қатар, тұжырымдаманың қысқаша теориялық негіздемесі мен оның археологиядағы орны анықталды.

Түйін сөздер: Оңтүстік Орал маңы, қола дәуірі, өмір салты, коньыстар, қорымдар, синташты-петровка мәдениеті, қима мәдениет, тіршілік ету жүйесі, өмір сүру ортасы, тіршілікті қамтамасыз ету жүйесі, қола дәуірі адамдары

Features of study a lifestyle in archeology

The article summarizes approaches and methods of studying the archaeology of the way of life of the population of the Karagayly-Ayat River basin (Southern Trans-Urals) in the second millennium BC, a brief theoretical justification of this concept is given and its place in archeology is determined.

Keywords: Southern Trans-Urals, Bronze Era, lifestyle, settlements, graves, Sintashta-Petrovka culture, Srubna culture, habitat system, habitat, life support system, people of Bronze Era

Задача настоящей статьи – кратко поделиться опытом комплексного изучения образа жизни древнего общества на примере исследований в долине р. Карагайлы-Аят в Южном Зауралье.

Понятие образа жизни нередко встречается в археологических публикациях, но чаще всего в контексте противопоставления «оседлый» или «кочевой». Современный уровень науки уже не ограничивается их простой

© Людмила Н. Корякова, *Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург, Россия; lunikkor@mail.ru*

Статья выполнена по гранту РФФ № 16-18-10332-П «Образ жизни населения Южного Зауралья в диахронной перспективе: от оседлых форм к подвижности (по материалам бассейна р. Карагайлы-Аят)».

констатацией, а требует более полной характеристики. Образ жизни изучается многим научными дисциплинами: социологией, психологией, этнографией, историей повседневности [Корякова и др., 2019]. Археология, конечно, по своей природе во многом ограничена неполным потенциалом своих источников. Но в ее арсенале огромный опыт изучения культуры, которая по определению включает образ жизни, а также быт (как его часть) того или иного населения, этноса или отдельной ископаемой популяции.

В 1970–1980-е годы археологи вместе с этнологами обращались к тематике образа жизни. В. М. Массон [1989] пользовался этим понятием в своей выдающейся книге «Первые цивилизации» Г. Е. Марков специально писал о структуре и исторических типах образа жизни, давая развернутый анализ этой общей, синтетической по своему характеру категории [Марков, 1978; 1985]. В его определении образ жизни это система форм и проявлений повседневной жизни людей, а также совокупность типичных условий, норм и форм жизнедеятельности, взаимодействие общества с окружающей средой [Марков 1978, с. 17]. Таким образом, исследование образа жизни предусматривает, по мнению автора, во-первых, приуроченность его к законам развития определенной исторической эпохи, а во-вторых, требует дифференцированного рассмотрения различных уровней жизнедеятельности. Он, кстати, обращал внимание на то, что археология является практически единственной дисциплиной, которая может изучать образы жизни разных групп населения доисторического времени, хотя и не без очевидных трудностей.

Анализ археологического материала в парадигме «образа жизни» меняет восприятие ископаемой действительности и смещает акценты в сторону человека и форм его деятельности. Это повышает требования к источнику, что, в свою очередь, стимулирует расширение междисциплинарности исследований и перечня решаемых проблем [Корякова и др., 2019]. Все это влечет за собой необходимость реконструкции отдельных сторон и составных компонентов этого явления с их последующим синтезом. В системном плане эта задача еще не ставилась, по крайней мере, применительно к эпохе бронзы Южного Зауралья.

Образ жизни – понятие синтетическое, многуровневое и многокомпонентное. Он определяется различными факторами, в списке которых следует назвать следующие: природные условия, социально-экономический уровень, культурная принадлежность того или иного общества, виды производственной деятельности, связанные с жизнеобеспечением, такие как строительство жилого помещения, обеспечение питанием, создание одежды и предметов повседневного пользования, энергоснабжение, поддержание гигиенических практик. Кроме того, образ жизни отражает устойчивые особенности жизни людей в рамках определенной культурной традиции, характеризующей ценности, убеждения, формы хозяйственной деятельности, условия труда и быта, религиозной и культурной жизни, окружающей среды и многое другое. Его неотъемлемая часть – такой культурный феномен, как еда (диета) и ее аранжировка. Это все составляет структуру образа жизни (рис. 1).

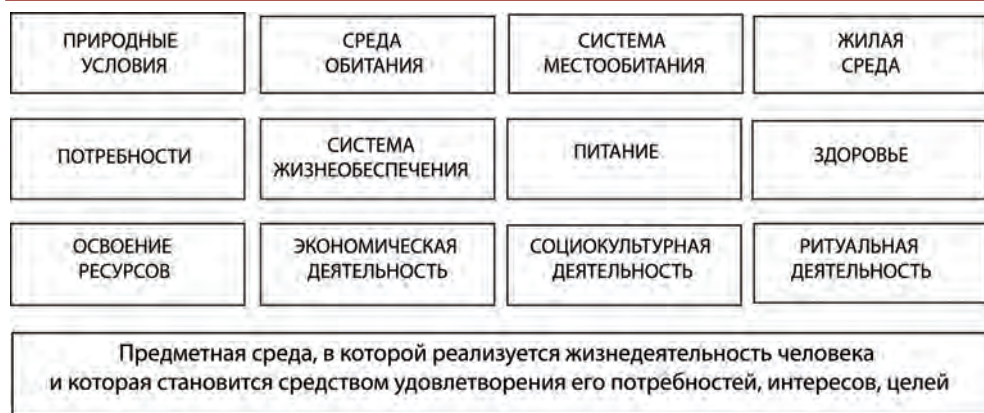

Рис. 1. Структура образа жизни

Опыт развития археологии показывает, что археологические памятники содержат обширную информацию для изучения образа жизни, поддерживающего функционирование всей культурной и общественной системы как мегакомплекса [Массон, 1989, с. 19].

Однако очевидно, что археология не может охватить все аспекты этого объемного явления. Тем не менее, отдельные компоненты и их комплексы могут и должны изучаться и, по возможности, реконструироваться на основе междисциплинарных исследований археологических памятников и истории природной среды на соответствующим им отрезках времени.

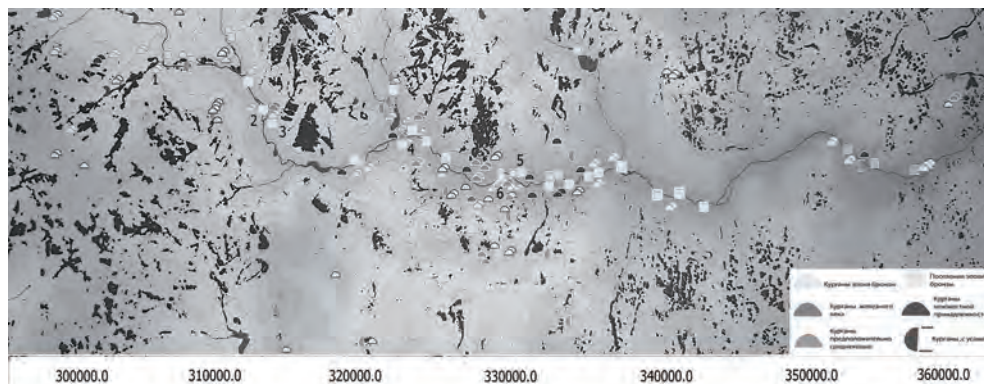
Более 10 лет научный коллектив Института истории и археологии УрО РАН в партнерстве с немецкими коллегами и ведет исследования в Южном Зауралье в бассейне р. Карагайлы-Аят (Карталинский р-н, Челябинская обл.). В первой фазе реализации проекта предусматривалось изучение памятников синташтинско-петровского времени, во второй - акцент сделан на постсинташтинское время. Проведены раскопки на укрепленных поселениях Каменный Амбар [Krause, Koryakova, 2013; Корякова и др., 2018] и Коноплянка-1 [Шарапова и др., 2014], на могильнике срубно-алакульского времени Неплюевский [Карапетян и др., 2019; Шарапова и др., 2017]. В настоящее время ведутся полевые работы на открытом поселении Коноплянка-2. При этом обязательным является исследование природной среды и способов ее освоения, систем местообитания и жизнеобеспечения, а также изучение людей и их культуры. Для получения по возможности полного знания используется стратегия широкого междисциплинарного сотрудничества при условии наличия бытовых и погребальных памятников.

В проекте принимают участие коллективы институтов УрО РАН: Геологии и Геохимии, Минералогии, Экологии растений и животных. Кроме того, привлекаются специалисты из научных центров Москвы, Тюмени.

Как уже отмечалось, исследования проводятся в партнерстве с коллегами из Университета им. Гете Франкфурта-на-Майне. На стадии полевых работ ведется сбор различного рода образцов.

Исследуемая территория входит в Урало-Тобольскую провинцию Зауральского пенеблена степной зоны [Прокаев, 1983], но в районе широко распространены островные сосновые боры, поэтому его ландшафт фактически является лесостепным. Река пересекает в этой зоне два огромных гранитных массива Зауралья: Варшавский и Неплюевский, что хорошо прослеживается в стратиграфии. Она питается 29 притоками. Наиболее крупные из них Журумбай, Саты-Балты, Сухая и Яндырка. В целом, в бассейне р. Карагайлы-Аят открыто более 120 археологических памятников [Зданович, Батанина, 2007; Batanina et al., 2014], и около половины из них - курганов, поселений, горных выработок, менгиров - зафиксировано в верхнем течении реки. Большая их часть относится к эпохе бронзы (рис. 2).

Главная цель проекта предусматривает реконструкцию основных компонентов образа жизни населения долины р. Карагайлы-Аят (Южное Зауралье) во II тыс. до н.э. При этом необходимо выделить отдельные составляющие образа жизни местного населения и понять траекторию, а также факторы его изменения. При этом используется стратегия широкого междисциплинарного подхода для изучения археологических памятников в их природном контексте.

Рис. 2. Карта распространения археологических памятников в долине р. Карагайлы-Аят: 1 – Неплюевский могильник; 2 – укрепленное поселение Коноплянка-1; 3 – поселение Коноплянка-2; 4 – укрепленное поселение Журумбай; 5 – укрепленное поселение Каменный Амбар; 6 – могильник Каменный Амбар-5

Изучение укрепленных поселений среднего течения р. Карагайлы-Аят: Журумбай, Коноплянка и Каменный Амбар показало, что благоприятные экологические условия в изучаемом районе сыграли ключевую роль в появлении долговременных укрепленных поселений [Stobbe, 2013; Stobbe et al., 2016]. Они строились в одинаковых ландшафтных условиях, в местах с хорошими пойменными пастбищами и близостью к воде. Однако поселения

имели разные размеры, планировку, материалы, что указывает на их различный статус. Однослойное поселение Коноплянка прямоугольной формы с простой уличной планировкой существовало, по-видимому, недолго [Шарапова и др., 2014]. Напротив, функционирование поселения Каменный Амбар было более длительным [Корякова и др., 2018].

В ходе раскопок поселения Каменный Амбар на площади 2800 кв. м. выявлено 16 построек различного возраста, а также изучено несколько участков оборонительной линии. В пределах построек обнаружено 34 колодца. В истории его «жизни» было два основных периода: «синташтинско-петровский» (2030–1870) (2050–1760) cal. BC и срубно-алакульский (1980–1780) (2040–1770) cal. BC [Erimakhov, Krause, 2013]. В первом из них было, как минимум, две строительные фазы, третья приходится на срубно-алакульский период. В первой фазе поселение было спланировано и заложено, построены его основные элементы: жилые сблокированные постройки, система ограждений, первые колодцы. Во второй фазе произошли изменения в планировке жилищ и самого поселения, которое сократилось наполовину [Корякова, Кузьмина, 2017]. Серьезные изменения произошли в третьей фазе. Планировка кардинально поменялась в соответствии со сменой культурной среды.

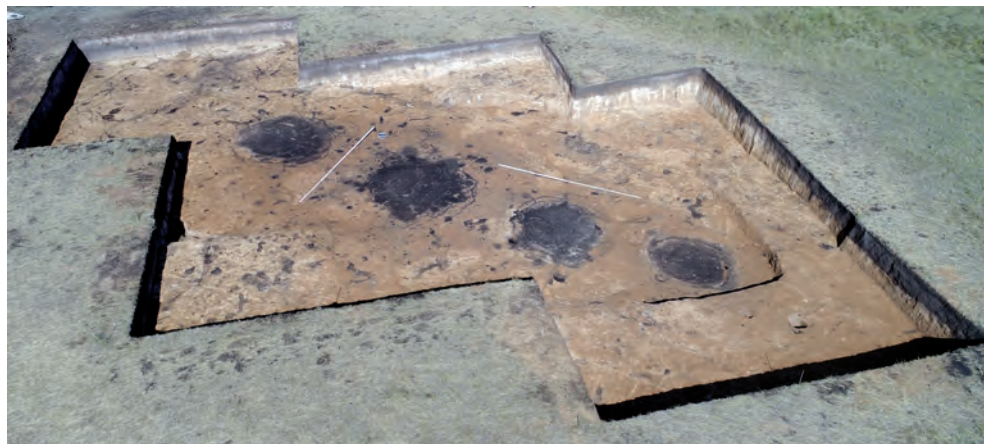
Археологические материалы свидетельствуют о большом разнообразии видов деятельности обитателей поселения, об их хорошем знании окружающей среды и сырьевых ресурсов, а также о способах их использования.

Конструктивно сложные постройки синташтинско-петровской традиции, требовавшие больших ресурсных затрат, свидетельствуют в пользу оседлости, реализованной в благоприятной ландшафтно-климатической обстановке. Колодцы как простые гидротехнические сооружения служили для получения воды. В этом значении они могут рассматриваться как часть среды обитания. С другой стороны, в эпоху бронзы они являются органическим элементом жилой среды, будучи включенными в архитектурную модель поселений [Корякова и др., 2019]. Естественно допустить, что планирование и реализация строительства не могли выполняться без надлежащей организации и коллективной ответственности жителей. Естественно допустить, что роль организующего агента могла выполнять элитная часть населения.

В срубно-алакульском периоде получила распространение другая модель, основными чертами которой были псевдо-регулярная планировка или хаотическая застройка. Хотя наследие синташтинской архитектурной традиции не исчезло совсем. Оно проявилось во фрагментарной кластерной планировке без фортификаций, когда постройки возводились вдоль берега водоема, образуя ряд со смежным соединением стоений. В частности, это хорошо иллюстрируется поселением Коноплянка-2.

На нем геофизическими методами выявлено не менее 10 (13) построек, расположенных в ряд вдоль слабо выраженной береговой террасы р. Акмулла. При этом воспроизводится принцип смежной связи жилищ и внутрижилищное использование колодцев [Федорова и др., 2018]. Скорее всего, поселение во время своего существования находилось в долине реки с полугидроморфной природной обстановкой в течение всего периода функционирования. В ходе

предварительного исследования под руководством С. Е. Пантелеевой была раскопана практически наземная постройка прямоугольной формы, в которой обнаружено четыре колодца, расположенных цепочкой вдоль длинной оси сооружения (рис. 3). Керамический комплекс в основном представлен обломками срубно-алакульской и черкаскульской посуды [Корякова и др., 2019].

Рис. 3. Поселение Коноплянка 2. Колодцы в постройке 1

Изучение образа жизни немыслимо без изучения населения. В долине р. Карагайлы-Аят В. П. Костюковым и А. В. Епимаховым исследован курганный могильник Каменный Амбар-5, содержащий многомогильные курганы синташтинско-петровского и срубно-алакульского времени. Материалы опубликованы и доступны для сравнительного анализа [Епимахов, 2005].

В рамках нашего проекта под руководством С. В. Шараповой проведены исследования трех курганов Неплюевского могильника, насчитывающего в целом 38 курганов и подтверждающего гипотезу об увеличении населения в постсинташтинское время. В течение трех полевых сезонов вскрыто три кургана: два малых и один большой, которые отнесены к срубно-алакульскому варианту срубной культуры. Вместе с результатами исследования Каменный Амбар-5 [Епимахов, 2005] полученные материалы стали основным источником для углубленного изучения людей, проживавших на этой территории в эпоху поздней бронзы.

Малые курганы 5 и 9 содержали только шесть детских погребений и четыре ямы с сосудами. Под насыпью кургана 1 обнаружено 34 могильных, 10 жертвенных ям и четыре кенотафа. Тщательный и грамотный анализ тафокомплекса позволил реконструировать его достаточно полно. Особенностью погребальной обрядности было использование массивных каменных плит, транспортированных из находившегося в 3 км месторождения для перекрытия захоронений. Людей погребали в основном индивидуально, скорченно на левом боку, с ориентировкой в северном секторе. Исключение составляют

пять парных/двойных захоронений. Какие-либо определенные символы ранга или богатства не выявлены, хотя трудоемкость доставки и разный вес плит перекрытия, предположительно, могли быть мерилем отношения живых к умершим родственникам [Корякова и др., 2019].

Исключительная сохранность и представительность останков обеспечила возможность разносторонне изучить материал раскопок могильника. Реализована полная программа антропологических исследований, в том числе находится в процессе завершения палеогенетический анализ.

В трех курганах были погребены минимум 50 индивидов, среди которых 34 – дети и подростки. Из 16 погребенных в кургане 1 взрослых (>18 лет) удалось отнести к мужскому полу шесть и пять – к женскому или, вероятно, женскому полу. Пик смертности в группе невзрослых приходился на возраст до 2 лет (54%), у взрослых – до 35 лет (60%). Наблюдается тенденция к более ранней смертности женщин в сравнении с мужчинами. В целом, кривая смертности соответствует U-образному профилю, характерному для популяций человека [Карапетян и др., 2019; Шарапова и др. 2015; Корякова и др., 2019].

В изучаемой группе выявлены патологии, среди которых наиболее частыми являются отложения зубного камня, гипоплазийные дефекты эмали зубов, дегенеративно-дистрофические изменения позвоночника на костях и суставах как результат специфической физической активности, воспаления надкостницы и *cribra orbitalia*. Отсутствует кариес, что свидетельствует о низком содержании углеводов в пищевом рационе и высоком – протеинов или крахмала. Не обнаружено проявлений детской цинги, кариеса [Луайе, Шарапова, 2017, с. 103–112]. Несмотря на присутствии некоторых бытовых травм, травматических поражений военного характера не обнаружено, что позволяет думать об относительно спокойных условиях жизни [Корякова и др., 2019].

Обитатели долины р. Карагайлы-Аят хорошо знали и умели использовать богатые минеральные ресурсы региона. Разработка залежей различных пород камня, используемого в строительстве и в изготовлении орудий труда и других изделий, была одним из основных и постоянных хозяйственных занятий. Уровень производства абразивных и полирующих орудий был достаточно высок. Добыча медной руды и металлургическая деятельность также относятся к традиционным отраслям экономики зауральского населения в эпоху бронзы, составляя существенную часть его образа жизни.

В металлургии Южного Зауралья в эпоху бронзы люди использовали два основных типа медных руд: малахит-азуритовые, связанные с массивами ультрабазитов, и сульфидные (ковеллин-халькозиновые) руды меднопорфировых или колчеданных месторождений. Окисленные малахитовые руды сульфидных месторождений в гипербазитах использовались преимущественно в раннем синташтинско-петровском периоде, а вторичные сульфидные руды меднопорфировых (с меньшей вероятностью, колчеданных месторождений) были более популярны в срубно-алакульском периоде [Анкушев и др., 2018].

Основой системы жизнеобеспечения населения бассейна р. Карагайлы-Аят было животноводство, скорее всего, придомного типа и относительно

высокого уровня. Главным домашним копытным у обитателей поселений был крупный рогатый скот, представленный коровами, быками и волами, которые, если судить по соответствующим патологиям на костях, использовались в качестве рабочих животных. От них же, в основном, население получало мясо и молоко. Скот содержался в удовлетворительных условиях, хотя иногда испытывал недостаток минеральных веществ, что проявлялось в явлении остеофагии [Рассадников, 2019].

Модель экономики может быть определена как многоресурсная, основанная на скотоводстве при небольшой роли охоты, рыболовства и собирательства. Следов земледелия не выявлено.

В коллекциях конца бронзового века наблюдается увеличение доли лошади и возраста ее забоя, что указывают на существенное возрастание ее роли и разнообразия применения в хозяйстве населения в это время. Вместе с ростом доли мелкого рогатого скота этот факт может отражать формирование предпосылок для большей мобильности скотоводства в Южном Зауралье в конце бронзового века [Rassadnikov et al., 2013]. Охота значительно уступала животноводству. Система питания, скорее всего, включала мясо домашних копытных, молочную продукцию крупного и мелкого рогатого скота, в значительно меньшей мере, рыбу [Рассадников, 2016]. Данные изотопного анализа не противоречат этому. Употреблялись в пищу также все съедобные растения.

Определен элементный и изотопный состав стронция в костных и зубных тканях человека и домашних животных из раскопок укрепленных поселений Каменный Амбар и Коноплянка, а также могильника Неплюевский. Изотопные отношения стронция $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ в эмали домашних животных близки к отношениям в окружающей геологической обстановке, что может свидетельствовать о происхождении исследованных животных из одной местности, а также об отсутствии их прижизненных перемещений на значительные расстояния с целью выпаса [Киселева и др., 2017].

Проведенный анализ также показывает, что только единичные индивидуумы человека из могильника Каменный Амбар 5 отличаются по содержанию микроэлементов от основной группы, что может косвенно указывать на сходство питания основной части жителей поселения Каменный Амбар в синташтинское время. Высокое содержание цинка в остатках указывает на преобладание мяса в питании населения в это время [Киселева и др., 2017].

Эти результаты в целом аналогичны распределениям изотопных подписей, полученных по костям домашних животных и людей из синташтинско-петровского могильника Бестамак и алакульского могильника Лисаковский в Казахстане [Miller et al., 2014].

Широкий спектр использованных методов различных дисциплин и их взаимодействие позволили получить информацию как о самих людях, их облике, состоянии здоровья, питании, происхождении, видах деятельности, так и среде обитания, формах ее организации, хозяйственной деятельности.

Обитатели долины р. Карагайлы-Аят имели необходимые знания об окружающей их природе и ее ресурсах (месторождений камня, медной

руды), обладали навыками в строительстве и архитектуре, владели разными видами производств. У них было особое отношение к воде, что выразилось в строительстве колодцев в жилищах, находившихся в пойме реки. Они обладали довольно развитыми навыками содержания и выпаса скота, Предварительные результаты изотопных исследований свидетельствуют о том, что в первой половине II тыс. до н.э. и люди, и животные (стада) не уходили из долины реки на далекие расстояния, ведя, в целом, оседлый образ жизни. Он был особенно характерен для обитателей сложных укрепленных поселений синташтинской культуры. Однако эти поселения просуществовали не слишком долго, поскольку их модель и устройство не способствовали длительному существованию в климатических условиях Зауралья. Синташтинская архитектурная традиция трансформировалась в привычную для этого региона модель поселка с условно регулярной или хаотической планировкой. Одной из характерных черт постсинташтинского времени в изучаемом регионе был рост численности населения, несмотря на естественно высокую смертность детей раннего возраста. Исследования продолжаются, но они уже показали возможность системного изучения образа жизни той или иной группы древнего населения.

Литература

Анкушев М.Н., Юминов А.М., Зайков В.В., Носкевич В.В. Медные рудники бронзового века в Южном Зауралье // Известия Иркутского университета. Сер.: Геоархеология. Этнология. Археология. 2018. Т. 23. С. 87-110. URL: <http://izvestiageoarh.isu.ru/ru/index.html>

Епимахов А.В. Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Челябинск: Челябинский дом печати, 2005. 191 с.

Зданович Г.Б., Батанина И.М. Аркаим – «Страна городов». Пространство и образы. Челябинск: Крокос, 2007. 260 с.

Карпетян М.К., Шарапова С.В., Якимов А.С. Материалы к характеристике населения эпохи бронзы Южного Зауралья // УИВ. 2019. № 1 (62). С. 28-37.

Киселева Д.В., Корякова Л.Н., Шарапова С.В., Косинцев П.А., Зайцева М.В., Стрелецкая М.В., Чередниченко Н.В., Фокина А.К., Шагалов Е.С. Определение микроэлементного и изотопного состава Sr в образцах костной и зубной ткани человека и животных из археологических памятников Южного Урала эпохи бронзы // Геоархеология и археологическая минералогия. 2017. № 4. С. 41-46.

Корякова Л.Н., Кузьмина С.А. Некоторые особенности архитектуры укрепленного поселения Каменный Амбар в контексте образа жизни населения Южного Зауралья начала II тыс. до н.э. // УИВ. 2017. № 1 (54). С. 92-102.

Корякова Л.Н., Краузе Р., Шарапова С.В., Федорова Н.В., Косинцев П.А., Зайков В.В., Анкушев М.Н. Укрепленные поселения бассейна р. Карагайлы-Аят сквозь призму междисциплинарного подхода // История науки и техники. 2018. № 1. С. 22-36.

Корякова Л.Н., Краузе Р., Шарапова С.В., Пантелева С.Е., Косинцев П.А. Археология образа жизни (по материалам исследований памятников эпохи бронзы Южного Зауралья) // УИВ. 2019. № 4 (65). С. 40-51.

Луайе Ж., Шарапова С.В. Палеопатологии детей из погребений бронзового века (на примере могильника Неплюевский) // УИВ. 2017. № 1 (54). С. 103-113.

Марков Г.Е. Функции этнической культуры в системе образа жизни и жизненных укладов // Методологические проблемы исследования этнических культур: матер. симпозиума (Ереван, 17–18 марта 1978 г.). Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1978. С. 17-22.

Марков Г.Е. Структура и исторические типы образа жизни // Этнографические исследования развития культуры: коллект. монография. М.: Наука, 1985. С. 244-261.

Массон В.М. Первые цивилизации. Л.: Наука, 1989. 268 с.

Прокаев В.И. Физико-географическое районирование. М.: Просвещение, 1983. 176 с.

Рассадников А.Ю. Система мясного питания древнего населения позднего бронзового века Южного Зауралья (по археозоологическим материалам) // Вестник ЮУрГУ. Сер. «Социально-гуманитарные науки». 2016. Т. 16. № 1. С. 110-115.

Рассадников А.Ю. Животноводство у населения Южного Зауралья в эпоху бронзы (по материалам поселений долины р. Карагайлы-Аят и Гумбейка): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2019. 31 с.

Шарапова С.В., Краузе Р., Молчанов И.В., Штоббе А., Солдаткин Н.В. Междисциплинарные исследования поселения Коноплянка в Южном Зауралье: предварительные результаты // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 3: Археология и этнография. С. 101-109.

Шарапова С. В., Корякова Л.Н., Краузе Р., Луайу Ж., Молчанов И.В., Солдаткин Н.В., Столярчик Э. Раскопки курганного могильника Неплюевский в Карталинском районе Челябинской области в 2015 г. // АО–2015. М.: ИА РАН, 2017. С. 405-407.

Шарапова С.В., Корякова Л.Н., Краузе Р., Луайу Ж., Молчанов И.В., Солдаткин Н.В., Столярчик Э. Раскопки курганного могильника Неплюевский в Карталинском районе Челябинской области в 2015 г. // АО–2015. М.: Наука, 2017. С. 405–407.

Федорова Н.В., Носкевич В.В., Молчанов И.В. Результаты геофизических исследований поселения бронзового века Коноплянка-2 (Южный Урал) // Уральский геофизический вестник. 2018. № 2. С. 61-67.

Batanina I., Batanina N., Levit N., Kaiser E. Archaologische Karte des Flusstals Karagajly-Ajat. Eine Region des Vorgeschichtlichen Euarsien aus der Vogelperspektive // R. Krause and L. Koryakova (eds.) Zwischen Tradition und Innovation. Studien zur Bronzezeit im Trans-Ural (Russische Föderation). Frankfurter Archaologische Schiften. 26. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2014. 430 p.

Epimakhov A., Krause R. Relative and absolute chronology of the settlement Kamennyi Ambar // Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia). Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2013. P. 129–147.

Krause R., Koryakova L. (eds.). Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia). Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2013. 390 с.

Miller A.V., Usmanova E, Logvin V., Kalieva S., Shevnina I., Logvin A., Kolbina A., Suslov A., Privat K., Haas K., Rosenmeier M. Subsistence and social change in Central Eurasia: stable isotope analysis of population spanning the Bronze Age transition // JAS. 2014. № 42. P. 525-538.

Rassadnikov A., Kosintsev P., Koryakova L. The osteological collection from the Kamennyi Ambar settlement // Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia). Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2013. P. 239-285.

Stobbe A. Long-term perspective on Holocene environmental changes in the steppe of the Trans-Urals (Russia): Implications for understanding the human activities in the Bronze Age indicated by palaeoecological studies // R. Krause and L. Koryakova (eds.). Multidisciplinary Investigations of the Bronze Age Settlements in the Southern Trans-Urals. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2013. P. 305-326.

Stobbe A., Gumnior M., Rühl and S.Heike. Bronze Age human–landscape interactions in the southern Transural steppe, Russia – Evidence from high-resolution palaeobotanical studies // The Holocen. 2016. Vol. 26. Issue 10. P. 1692-1710.

Р. А. Мимоход, О. Н. Загородняя

СВИДЕТЕЛЬСТВА РАНЕНИЙ И УБИЙСТВ В ПОСТКАТАКОМБНОМ МИРЕ (XXII–XVIII вв. до н.э.)

Статья посвящена анализу археологических свидетельств ранений и убийств на территории блока посткатакомбных культурных образований и реконструкции динамики и интенсивности военных конфликтов, связанных с масштабными миграциями, которые охватили весь Старый Свет в конце III тыс. до н.э. Они привели к образованию в рамках посткатакомбного блока культурного круга Бабино и культурного круга Лола. Следы свидетельств ранений и убийств, которые зафиксированы в бабинских и лолинских погребениях, можно разделить на две группы. В первую входят захоронения, в скелетах которых обнаружены наконечники стрел, которые являлись свидетельствами ранений или убийств. Заметная часть таких комплексов отражает межкультурные контакты, т.к. в костяках обнаружены чуждые в культурном отношении стрелы. Вторую группу составляют комплексы, где на костях людей обнаружены травматические повреждения, нанесенные ударным оружием ближнего боя. В результате для периода XXII–XVIII вв. до н.э. удалось выделить активные фазы военных конфликтов. Первая из них приходится на XXII–XXI вв. до н.э. Это время столкновений между мигрантами и местным населением, а также между разными культурами посткатакомбного блока. Второй пик военной активности пришелся на XX–XVIII вв. до н.э., когда на историческую арену выходят военизированные общества колесничных культур начала поздней бронзы, которые вступают в конфликт с носителями посткатакомбных традиций.

Ключевые слова: культурный круг Бабино, культурный круг Лола, военные конфликты, свидетельства ранений и убийств

Посткатакомба элементтегі жарақаттау мен өлтірушіліктің айғақтары (б.д.д. XXII–XVIII ғғ.)

Мақала посткатакомбалық мәдени құрылым блогы аумағындағы жарақаттау мен өлтірушілікті археологиялық дәлелдеудің талдауларына және б.д.д. III мыңжылдықтың аяғында ежелгі дәуірді толығымен қамтыған ауқымды көші-қонмен байланысты қарқынды әскери қақтығыстар мен барысын қалпына келтіруге арналады. Олар Бабино және Лола мәдени шеңбері аясында посткатакомбалық блоктың құрылуына алып келді. Бабиндік және Лолалық жерлеу орындарынан анықталған жарақаттау іздерін 2 топқа бөлуге болады. Бірінші топқа жерлеу орнындағы қаңқадан табылған жебе ұштары, жарақаттау немесе өлтірудің куәсі болып табылады. Мұндай кешеннің айтарлықтай бөлігінен мәдениетаралық байланыстың болғандығын бейнелейді, яғни сүйектерде басқа мәдениетке жататын жебелер де кездеседі. Екінші топ, жақыннан шайқасу қаруларының нәтижесінде келтірілген зақымдарға байланысты. Нәтижесінде б.д.д. XXII–XVIII ғғ. әскери қақтығыстардың кезеңдерін бөліп көрсетуге мүмкіндік туғызды. Олардың біріншісі, б.д.д. XXII–XXI ғғ. аралығында өтеді. Бұл, жергілікті

© Роман А. Мимоход, *Институт археологии РАН, г. Москва, Россия;*
mimokhod@gmail.com

Ольга Н. Загородняя, *свободный исследователь, г. Харьков, Украина;* olgaza@ukr.net

тұрғындар мен қоныс аударушылар, сонымен қатар посткатакомбалық блоктың әртүрлі мәдениеттері арасындағы қақтығыстар кезеңі. Ал екінші шыңы, б.д.д. XX–XVIII ғғ. кейінгі қоланың басында арбалар мәдениетінің әскериленген қоғамы тарихи аренаға шығып, посткатакомбалық дәстүрді тасымалдаушы халықтармен қақтығыстарға түседі.

Түйін сөздер: Бабино мәдени шеңбері, Лола мәдени шеңбері, әскери қақтығыстар, жарақаттау мен өлтірушіліктің айғақтары

Evidence of injuries and killings in the post-catacomb world (XXII–XVIII BC)

The article is devoted to the analysis of archaeological evidence of injuries and killings on the territory of the post-catacomb cultural circle and reconstruction of the dynamics and intensity of military conflicts associated with large-scale migrations that swept the whole old world at the end of the 3rd millennium BC. They led to the formation of the Babino cultural circle and the Lola cultural circle as part of the post-catacomb block. The traces of military conflicts fixed at the Babino and Lola burials can be divided into two groups. The first one includes arrowheads in burials. Their location clearly indicates that they were evidence of injuries or killings of buried people. Most of these complexes reflect intercultural contacts, as culturally foreign arrows were discovered in the bones. The second group combines burials where traces of traumatic injuries fixed on the skeleton bones are inflicted by melee striking weapons.

As a result, for the period of XXII–XVIII BC, it was possible to identify the active phases of military conflicts. The first of them falls on XXII–XXI BC. This is a time of clashes between migrants and the local population, as well as between different cultures of the post-catacomb block. The second peak of military activity occurred in the XX–XVIII BC, when paramilitary chariot societies of the early Late Bronze Age entered the historical arena, which came into conflict with the carriers of post-catacomb traditions.

Keywords: Babino cultural circle, Lola cultural circle, military conflicts, evidence of injuries and killings

В финале среднего бронзового века на территории степи-лесостепи от Днестра до Урала сформировался блок посткатакомбных культурных образований [Мимоход, 2005], в который входят культурный круг Бабино и культурный круг Лола [Мимоход, 2016; 2018]. Культурный круг Бабино состоит на данный момент из трех культур: волго-донской, днепро-донской и днепро-прутской бабинских культур [Литвиненко, 2011; 2014]. В культурный круг Лола входят лолинская культура, кубанская, архонская и волго-уральская культурные группы [Мимоход, 2016; 2018]. Лолинские и бабинские культурные образования занимают свои территориальные ниши с контактными зонами. Культурный круг Бабино занимает территорию от Прута до Нижней Волги, культурный круг Лола – территорию Предкавказья и Волго-Уралья (рис. 1). Разделение памятников посткатакомбного мира на два культурных круга – это не механическое разделение материала. За данными дефинициями стоят вполне конкретные различия между двумя массивами культурных образований посткатакомбного блока, которые, в свою очередь, были обусловлены разными механизмами их происхождения. Становление блока посткатакомбных культурных образований было связано с двумя миграционными импульсами. Культуры бабинского круга сформировались под воздействием импульса

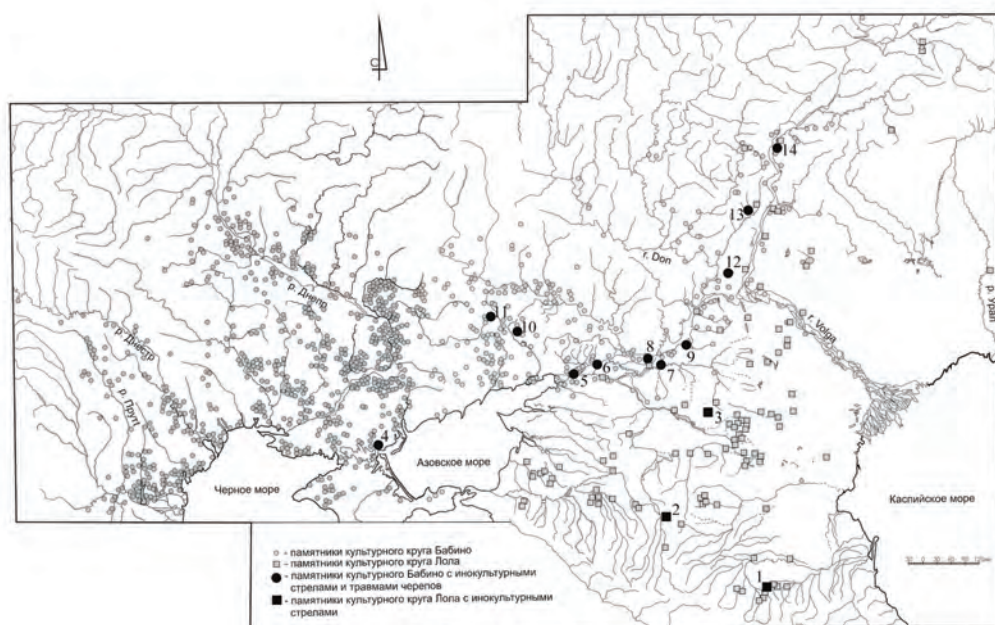

Рис. 1. Блок посткатакомбных культурных образований: культурный круг Бабино и культурный круг Лопа. Памятники с инокультурными стрелами и травмами черепов: 1 – Беслан А/703; 2 – Кунаковский-2 3/3; 3 – Песчаный V 4/3; 4 – Калиновка 1/4; 5 – Ливенцовская крепость; 6 – Елкинский I 1/6; 7 – Малая Мартыновка 1/3; 8 – Ясырев I 8/9; 9 – Нагавский II 4/1; 10 – Высокое 1/1; 11 – Попов Яр 6/3; 12 – Котлубань IV 1/4; 13 – Петрунино II 5/2; 14 – Селовка 2/3

из Центральной Европы и карпато-балканского региона [Lytvynenko, 2013; Мимоход, 2016; 2018]. Культурные образования лопинского круга являются результатом миграции восточнокавказского населения в степь [Мимоход, 2007; 2013]. Все эти эпохальные события произошли в условиях сильной аридизации, которые палеоэкологии назвали самой масштабной экологической катастрофой за последние 6000 лет [Борисов и др., 2011].

Масштабные миграции, которые приводят к становлению новых эпох, никогда не обходятся без военных конфликтов. Однако археологически их зафиксировать очень сложно, особенно на памятниках бронзового века восточноевропейской степи-лесостепи. Одним из самых информативных источников для выявления следов военных столкновений являются материалы погребальных памятников. Они могут предоставить свидетельства ранений и убийств, которые фиксируются как в вещевом комплексе, так и в скелетном материале. В материалах посткатакомбных культурных образований таких свидетельств немного. Однако количество следов военных конфликтов в археологических источниках нельзя напрямую связывать с масштабами боевых столкновений. Здесь работает другой принцип общего эпохального контекста. Если какой-то хронологический период стабильно демонстрирует

эти следы, а другие фактически нет, то мы можем говорить о серьезной военной напряженности именно в этот период. В эпоху бронзы в Восточной Европе именно посткатакомбный период, который датируется XXII–XVIII вв. до н.э., дает наибольшее количество по сравнению с остальными периодами свидетельств военных конфликтов. Как уже отмечалось, мы говорим о времени масштабных миграций, обусловленных экологическими причинами, которые можно образно назвать «первым великим переселением народов», которое фиксируется по комплексным археологическим исследованиям. Соответственно факт масштабных военных конфликтов в этот период будет еще очевиднее.

В связи с тематикой сборника главное внимание уделим одному из основных источников выявления военной конфронтации по данным археологии – погребениям. В посткатакомбных погребениях фиксируемые следы военных столкновений можно разделить на две группы. Это наконечники стрел в погребениях, местоположение которых недвусмысленно указывает на то, что они были свидетельствами ранений или убийств похороненных людей. Вторая группа объединяет погребения, в которых на костях умерших фиксируются следы травматических повреждений, связанные с боевыми столкновениями [Mimokhod, Zagorodnia, 2019].

Первая группа с наконечниками стрел. Методический вопрос, по каким критериям можно определить, является ли наконечник в погребении орудием ранения или смерти, а не сопровождающим инвентарем, который принадлежал умершему при жизни. Первый критерий – это расположение изделия в могиле. Как правило, наконечники, которые являются сопровождающим инвентарем, лежат отдельно от умершего и нередко представляют собой колчаные наборы, как например, в днепро-донской бабинской или лолинской культурах (рис. 2) [Братченко, 1989, рис. 5, 1, 2; Полидович, 1993, рис. 25; 26; Глебов, 2004, рис. 27; 28, 1–3; Ростунов, 2007, рис. 42, 5–12]. Кроме того, наборы в погребении могут сопровождаться и другими предметами вооружения. Например, в комплексе Николаевка 1/8, Чернаярская 3/10 вместе со стрелами обнаружен бронзовый нож (рис. 2, 2, 5), а в комплексах Близнецы 1/1 и Репный I 7/10 – каменные топоры (рис. 2, 3).

Наконечники, которыми были убиты или ранены умершие, всегда находятся среди костей скелета, причем зачастую в местах, в которых они не могут носиться при жизни. Второй важный момент, который хорошо прослеживается по посткатакомбным материалам, – наконечники стрел, которыми были убиты или ранены люди и соответственно находились среди костей, иногда по морфологии и технике производства являлись инокультурными по отношению к самому погребению.

В днепро-донской бабинской культуре погребений, в которых наконечники были орудиями ранения или убийствами, известно 18, в волго-донской бабинской – 1, в днепро-прутской бабинской – 11 [Литвиненко, 2019], в лолинской – 3.

Культурный круг Бабино. В большей части рассматриваемых погребений культурного круга Бабино кремневые наконечники стрел, скорее всего, были

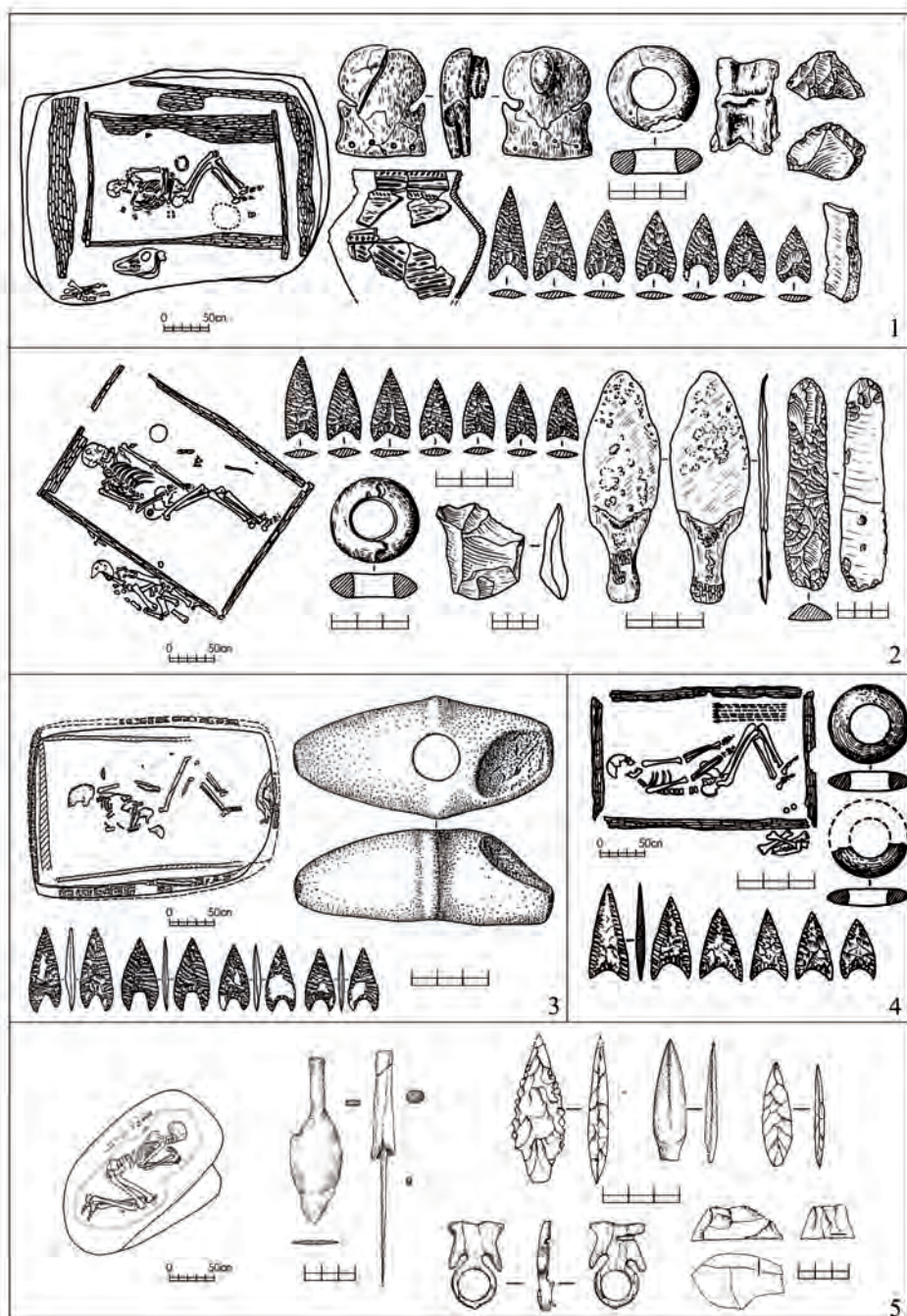

Рис. 2. Колчанные наборы в погребениях посткатакомбного периода:
 1 – днепро-донская бабинская культура; 2 – долинская культура.
 1 – Беева могила п. 3; 2 – Николаевка 1/8; 3 – Репный I 7/10;
 4 – Князево 1/5; 5 – Черноярская 3/10

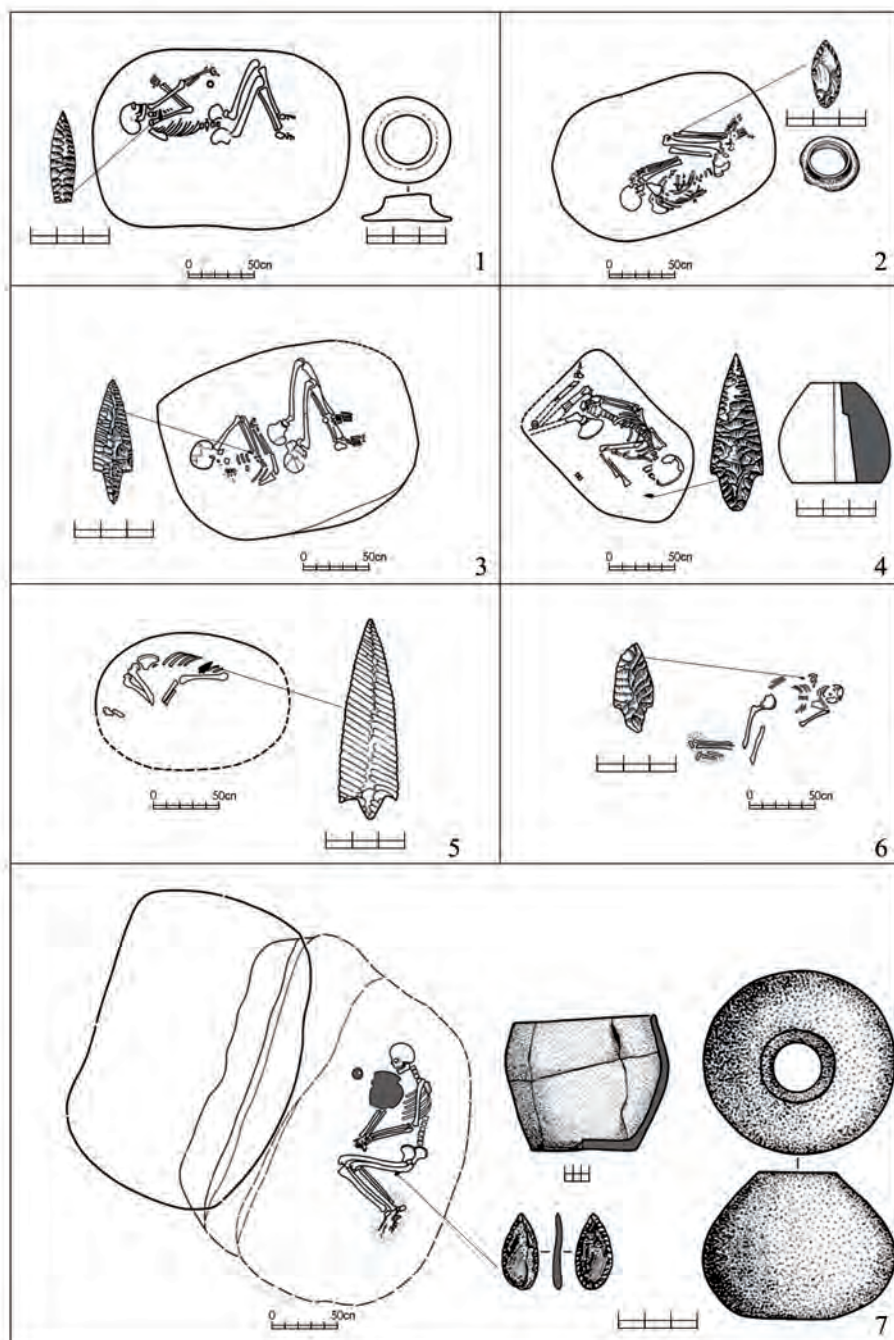

Рис. 3. Следы ранений и убийств стрелами в погребениях культурного круга Бабино:
 1 – Котлубань VI 1/4; 2 – Ясырев I 8/9; 3 – Попов Яр 6/3; 4 – Калиновка 1/4;
 5 – Нагавский II 4/1; 6 – Высокое 1/1; 7 – Малая Мартыновка 1/3

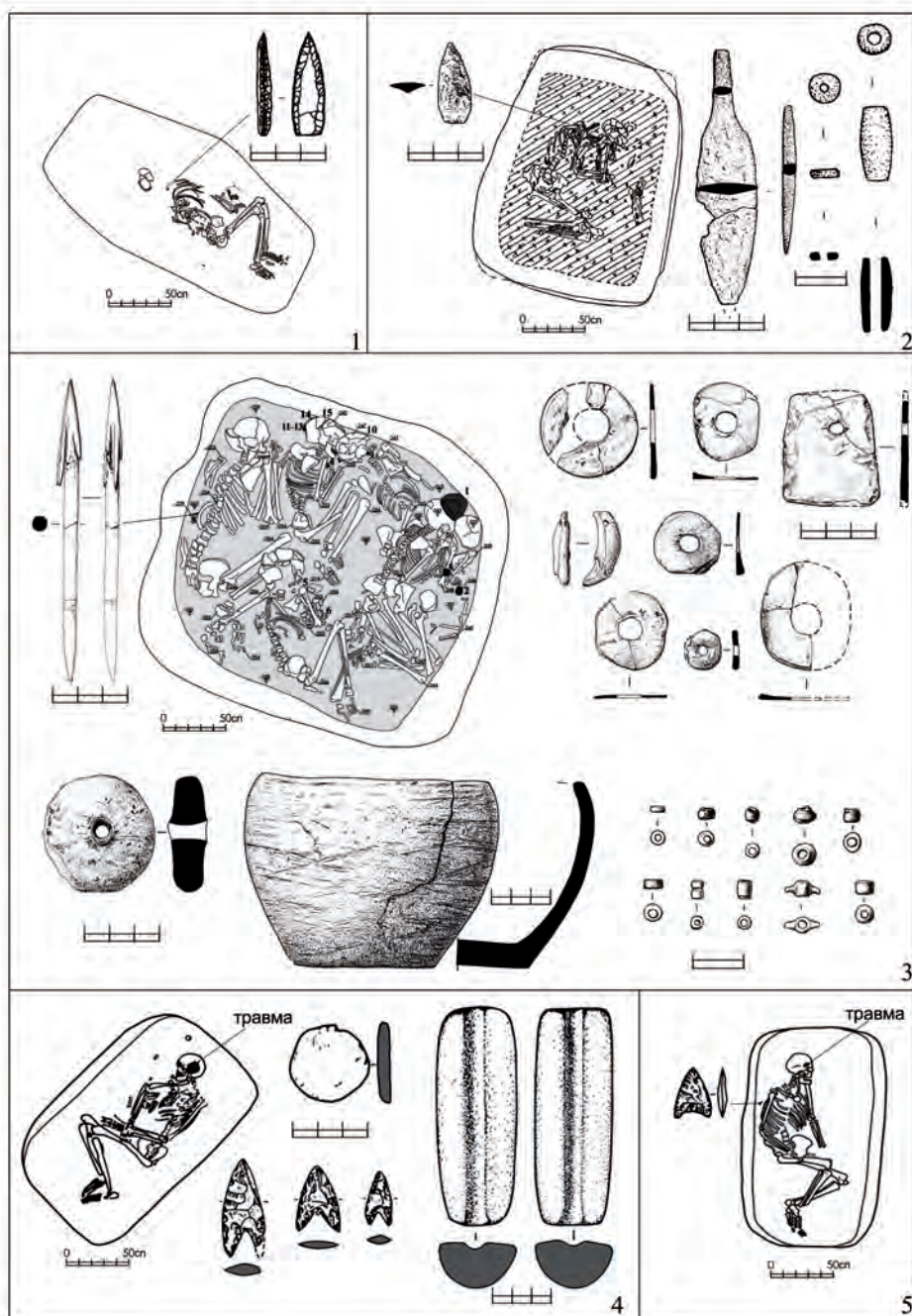

Рис. 4. Следы ранений и убийств стрелами и оружием ударного действия в погребениях посткатакомбного периода: 1–3 – культурный круг Лола; 4, 5 – культурный круг Бабино. 1 – Беслан А/703; 2 – Кунаковский-2 3/3; 3 – Песчаный V 4/3; 4 – Петрунино II 5/2; 5 – Смеловка 2/3

именно орудиями убийств. Они находятся в грудной клетке (рис. 3, 1, 3, 5; 4, 5). Причем, по ситуативному расположению изделий можно установить, как располагались по отношению друг к другу убийца и его жертва. Так, в погребении 3 кургана 6 мог. Попов Яр и в погребении 1 кургана 4 мог. Нагавский II умершие были убиты в грудную клетку выстрелом спереди (рис. 3, 3, 5) [Мыськов, 1991, рис. 3, 5, 22; Литвиненко, 2019, рис. 7, 7, 8], а в комплексах Смеловка 2/3 и Котлубань IV 1/4, наоборот, выстрелом сзади (3, 1; 4, 5) [Шарафутдинова, 1987, рис. 3, 9–11; Мимоход, 2013а, рис. 2, 16], причем, в последнем погребении стрела вошла достаточно глубоко, пронзив тело фактически насквозь.

В ряде случаев стрелы среди костей скелета были следами ранения, а не смерти, потому что находились в местах, где нет жизненно важных органов. В погребении 9 кургана 8 мог. Ясырев I индивид был ранен в колено (рис. 3, 2) [Мошкова, Федорова-Давыдова, 1974, табл. IV, 6, 7], в комплексе Высокое 1/1, по всей видимости, в плечо (рис. 3, 6) [Литвиненко, 2009, рис. 7, 9, 10], в комплексе Малая Мартыновка 1/3 в верхнюю часть ноги (рис. 3, 7) [Кияшко, 2002, рис. 66, 11–14]. Причем, очевидно, что индивиды после ранения были добиты, в противном случае стрелы в таком контексте не оказались бы в могилах.

Понять, между кем же были военные конфликты, помогает морфология и техника изготовления кремневых наконечников стрел, обнаруженных в скелетах индивидов культурного круга Бабино. Большинство наконечников в бабинских погребениях, которые являются свидетельствами убийства или ранения, принадлежат самим «бабинцам» и представлены изделиями с выемкой, которые встречаются в колчаных наборах (рис. 1, 1–4) [Литвиненко, 1998]. Это свидетельствует о внутренних конфликтах, без которых не обходится ни одно традиционное общество. Такие погребения достаточно равномерно распределены по ареалу культурного круга Бабино [Литвиненко, 2019, с. 325].

Особого внимания заслуживают наконечники, которые являются инокультурными по отношению к бабинским культурам. Они четко распадаются на две группы. В первую входят изделия из комплексов Ясырев I 8/9, Елкинский I 1/6 и Малая Мартыновка 1/3 (рис. 3, 2, 7). Это листовидные наконечники без выраженного черенка, оформленные довольно грубой ретушью. Такие наконечники стрел стояли на вооружении лолинской культуры, южного соседа днепро-донской и волго-донской бабинских культур. Соответственно, эти комплексы свидетельствуют о военном противостоянии внутри посткатакомбного блока между представителями культурного круга Бабино и культурного круга Лола в их контактной зоне. Причем, все рассматриваемые бабинские погребения, в которых обнаружены лолинские стрелы как свидетельства ранений или смерти, по культурно-диагностическим признакам обряда и вещам датируются первой и второй фазами развития посткатакомбного блока (XXII–XX вв. до н.э.). Это как раз время активных миграций.

Это важно с точки зрения анализа второй группы инокультурных стрел в бабинских захоронениях. Большая часть из них с четко выделенным черешком

с пером треугольной формы, обработанные тщательной трансмедиальной или билатеральной ретушью (рис. 3, 1, 3–6). Они принадлежат носителям традиций колесничных культур, которые вступили в военную конфронтацию с социумами культурного круга Бабино на третьей фазе развития посткатакомбного блока (XX–XVIII вв. до н.э.) [Литвиненко, 1995; 1998а; 2019, с. 328, 329; Мимоход, 2013, с. 335, 336]. В комплексе Калиновка 1/4 зафиксирована интересная ситуация. Погребение относится к позднему этапу днепро-прутской бабинской культуры. В нем обнаружен инокультурный классический черешковый наконечник колесничных культур (рис. 2, 4). Его расположение перед черепом прямо не свидетельствует о том, что погребенный был убит этой стрелой. Однако можно сделать предположение, что это было именно так. Дело в том, что он расположен довольно близко к юго-восточной стенке могильной ямы. Наконечник не мог иметь такого расположения, если бы у него было целое древко. Не исключено, что стрелу извлекли из тела, сломали древко и положили в могилу.

Культурный круг Лола. Здесь известно три погребения, в которых наконечники стали причиной смерти или ранения (рис. 4, 1–3). С точки зрения направления выстрела они одинаковы, выстрелы были произведены в спину. В двух случаях (Беслан А/703 и Кунаковский-2 3/3) можно предполагать, что мы имеем дело со смертельными ранениями. Наконечники располагались в грудной клетки в области легких и сердца (рис. 4, 1, 2). Особого внимания заслуживает уникальное погребение 3 кургана 4 мог. Песчаный V. Оно является «братской могилой», в которой погребены один взрослый мужчина и пятеро детей/подростков. В позвоночнике мужчины торчал роговой наконечник стрелы (рис. 4, 3) [Шишлина, 2013, с. 33, рис. I]. Он вряд ли мог стать причиной смерти, т.к. находился в нижней части грудной клетки, где нет жизненно важных органов, поражение которых могло бы привести к быстрой смерти. Как и в случае с бабинскими захоронениями, о которых речь шла выше, мужчина после ранения был, скорее всего, добит. Больше на костях травматических повреждений антропологи не обнаружили (удушение и т.д.). Детей и подростков, без сомнения, постигла та же участь. Их присутствие в могиле, скорее всего, говорит о том, что в результате конфликта была разорена стоянка лолинской культуры.

В отличие от культурного круга Бабино, все наконечники стрел в лолинских погребениях являются инокультурными по отношению к самой культуре. Это может свидетельствовать, что внутри культурного круга Лола взаимоотношения были более мирными, чем в бабинском мире, и конфликты происходили с инокультурным окружением. Как уже отмечалось, для Лолы характерны листовидные стрелы с овальным основанием и черешковые костяные и кремневые с пильчатой ретушью. Это подтверждается находками их в колчанах (рис. 2, 5) и наличии погребения мастера по изготовлению стрел (Манджикины 1 9/1), где обнаружены их заготовки [Мимоход, 2013, ил. 30, б]. В комплексах Беслан А/703 и Кунаковский-2 3/3 погребенные были убиты стрелами, оснащенными кремневыми наконечниками с усеченным основанием

(рис. 4, 1, 2). Ни разу такой тип наконечника не был обнаружен в колчанных наборах или достоверно в качестве сопровождающего инвентаря в лолинских захоронениях. Правда, ситуация с этими стрелами пока остается загадочной. На данный момент непонятно, кому они могли принадлежать. В соседних кавказских культурах они неизвестны. Не могли они принадлежать и носителям бабинских традиций. Близкий тип с усеченным основанием известен среди колесничных культур степной-лесостепной-лесной зон Восточной Европы, Зауралья и Сибири, но качество материала, техника ретуши и очень далекая территориальная отдаленность не позволяют рассматривать эти соответствия всерьез. Решение этого вопроса требует дальнейшего накопления материала.

Иначе дело обстоит с роговым наконечником из уникального коллективного погребения 3 кургана 4 мог. Песчаный V (рис. 3, 3). В культурном отношении он хорошо опознается. Подобные длинные роговые наконечники были в арсенале вооружения гинчинской культуры Северо-восточного Кавказа. В частности, серия таких наконечников происходит из склепа 5 мог. Ирганай 1 [Магомедов, 1998, рис. 108, 7–21]. Характерна хронология «братской могилы» из Песчаного. В его инвентаре присутствуют фаянсовые бусы с двумя выступами, которые уверенно позволяют отнести комплекс к ранней фазе развития культурного круга Лола. Его формирование было связано с миграцией в степь населения Северо-восточного Кавказа. Именно в этот период и происходили военные столкновения, что и подтверждает гинчинская стрела в костяке лолинского мужчины.

Группа 2 с травматическими повреждениями на костях умерших в посткатакомбных материалах насчитывает пока всего два комплекса волгодонской бабинской культуры, но они выразительны (рис. 4, 4, 5). В обоих случаях на черепах погребенных фиксируются травматические повреждения (проломы) черепа. Они интересны не только фактом смертельных ранений, нанесенных орудиями типа каменных топоров, которые хорошо известны во всех культурах бронзового века, но и тем, что в обоих захоронениях, кроме явно смертельных травм, находились и наконечники стрел. В первом комплексе Смеловка 2/3 при наличии смертельного травматического повреждения на черепе хорошо видно, что сначала погибший был ранен в спину, а потом был добит ударом тяжелого тупого орудия в голову (рис. 4, 5). В комплексе Петрунино II 5/2 ситуация отличается. При наличии явной смертельной черепной травмы в комплексе тоже присутствуют стрелы. Однако здесь они находятся в отдалении от скелета и связаны с производственными процессами, а именно, наборами мастеров-изготовителей стрел, поэтому в комплексе вместе с кремневыми наконечниками присутствуют и каменные выпрямители древков стрел (рис. 4, 4) [Мимоход, 2013а, рис. 2, 24].

Следы травматических повреждений от ударов по голове культурно идентифицировать, конечно, пока очень сложно. Чаще антропологами и археологами удается определить тип оружия, которым были нанесены удары, как в случае с «братской могилой» знаменитого Пепкинского кургана в Среднем Поволжье, где также фиксируются выстрелы из лука в спину и добивание раненых топорами,

в данном случае, металлическими [Халиков и др., 1966, с. 17; Медникова, Лебединская, 1999; Кузнецов, 2004]. Впрочем, сузить круг «подозреваемых» культур, в результате действий которых были убиты люди из Петрунино II и Смеловки, можно. Из него следует исключить лолинскую культуру вследствие удаленности этих комплексов от Предкавказья и колесничные культуры ввиду того, что на момент возникновения рассматриваемых комплексов они еще не существовали. Смеловское погребение находится в Заволжье (рис. 1). Вряд ли носители днепро-донской бабинской культуры смогли форсировать Волгу. Ее памятники на Правобережье единичны, а на левобережье отсутствуют вовсе. В посткатакомбный период в Волго-Уралье, кроме волго-донской бабинской культуры, существовала волго-уральская культурная группа лолинского круга [Мимоход, 2018а]. Таким образом, человек, исследованный в погребении 3 кургана 2 мог. Смеловка, был убит в результате конфликта либо внутри волго-донской бабинской культуры, либо между ней и волго-уральской культурной группой. Благодаря картографированию бабинских погребений со стрелами и наборов для их изготовления Р.А. Литвиненко выдвинул убедительную гипотезу, что люди из кургана 5 мог. Петрунино II погибли в результате конфликта носителей волго-донской и днепро-донской бабинских культур [Литвиненко, 2012, с. 63, 66; 2019, с. 326, 327].

Таким образом, в посткатакомбном мире мы имеем достоверные свидетельства наличия военных конфликтов. На заре его становления фиксируются следы военного противостояния разных потоков мигрантов и местного населения, затем конфликты продолжаются внутри сформировавшегося посткатакомбного блока (первая и вторая фазы – XXII–XX вв. до н.э.). Это неудивительно, потому что посткатакомбный мир возник в результате разновекторных миграций из Европы и с Кавказа. При наличии определенной общности в виде «блока посткатакомбных культурных образований» специфика разделения этой структуры на культурные круги Бабино и Лола обусловила наличие между ними военного противостояния. Картографирование свидетельств этих военных конфликтов иллюстрируют конкретную их локализацию в рамках посткатакомбной ойкумены. Зоны повышенной пассионарности располагаются в Предкавказье и волго-донском междуречье и связаны они с военными конфликтами на раннем этапе возникновения блока посткатакомбных культурных образований и далее на развитом (рис. 1). Кроме погребальных памятников, на этом этапе есть яркие свидетельства вооруженных конфликтов на Нижнем Дону, когда археологически достоверно фиксируются падение Ливенцовской и Каратевской крепостей. Оба памятника были усеянные кремневыми черешковыми стрелами [Братченко, 2006], прямые аналогии которым в этот период известны в южных районах Предкавказья.

Следует отметить, что война в посткатакомбном мире на ранней его фазе (XXII–XX вв. до н.э.) – это локальное степное проявление военных столкновений во всем Старом Свете, которые были связаны с масштабными миграциями. Их причиной стал пик аридизации, который пришелся на XXII в.

до н.э. В европейской литературе даже есть специальный термин для этого времени «4.2 ka BP», ему посвящены конференции и тематические сборники [Third Millenium BC..., 1997; 2200 BC – A climatic breakdown..., 2015]. Резкая аридизация климата, зафиксированная в Восточной Европе в конце III тыс. до н.э., была одним из проявлений глобального евразийского экологического катаклизма. Резко аридный климат установился на Ближнем Востоке. Около 2200 г. до н.э. климатические изменения привели к коллапсу Аккадской империи [Weiss at el., 1993, p. 135–137; 99–1002; Wossink, 2009, p. 21, tabl. 2.3; Weiss, 2012]. В это же время фиксируется упадок государственных и поселенческих структур в Египте, Греции, на Кикладах, Анатолии [Hassan, 1997; Crewe, 2015; Blum, Reihl, 2015; Мельник, 2015, с. 64, 65]. В Европе приходит в упадок общность культур колоколовидных кубков, и формируются новые локальные культуры.

Все эти события сопровождалось военными конфликтами, которые нашли отражение как в письменных источниках, так и в археологических. В качестве примера для бесписьменных культур, синхронных ранним фазам посткатакомбного блока, можно привести комплекс уже упоминавшегося Пепкинского кургана абашевской культуры в Среднем Поволжье, где в «братской могиле» были похоронены 27–29 мужчин с пробитыми черепами и кремневыми наконечниками в скелетах [Халиков и др., 1966]. Здесь важно отметить, что средневожская абашевская культура, которая по серии радиоуглеродных дат датируется в пределах XXII–XX вв. до н.э. [Кузьминых, Мимоход, 2016], была чужеродной для территории, на которой она существовала. Своим происхождением она связана с поздними культурами колоколовидных кубков, и ее появление было результатом дальне-дистанционной миграции на Среднюю Волгу из Центральной Европы и карпато-дунайского бассейна [Мимоход, 2018, с. 57, 58]. Трагические события, зафиксированные в Пепкинском кургане, вероятно, были прямым следствием такого передвижения. В это же время не менее драматично развиваются события и в самой Центральной Европе, которая также была охвачена большими миграциями, а, соответственно, и военными конфликтами. В качестве яркого примера можно привести коллективное погребение (трое взрослых и один ребенок) унетицкой культуры из Milejowice в Чехии, в котором похоронены четыре погибших индивида. В позвоночнике мужского костяка торчал наконечник стрелы [Pокkutta, 2013, p. 189, 190]. Здесь ситуация очень схожа с лолинским комплексом Песчаный V 4/3 (рис. 4, 3). По всей видимости, оба индивида убегали от преследователей, были ранены стрелами и впоследствии добыты. Приблизительно такая же история гибели реконструируется для большинства мужчин в Пепкинском кургане и волгодонском бабинском комплексе Смеловка 2/3 (рис. 4, 5).

Наконец, на третьей фазе развития блока посткатакомбных культурных образований на историческую арену выходят военизированные общества колесничных культур начала поздней бронзы (XX–XVIII вв. до н.э.), которые вступают в конфликт с носителями посткатакомбных традиций. Лолинские группы уходят из Нижнего Поволжья, оставаясь на своей исконной территории

полупустынных степей, занимаясь исключительно овцеводством. Эти территории не интересовали представителей блока колесничных культур, которые практиковали комплексное скотоводство. Зато конфликт с обществами культурного круга Бабино, эксплуатировавших те же экологические ниши и тот же вид хозяйства, привел сначала к серьезному сокращению их ареала в широтном направлении с востока на запад, а позже и к полному исчезновению культурного феномена Бабино.

Литература

Борисов А.В., Мимоход Р.А., Дёмкин В.А. Палеопочвы и природные условия южнорусских степей в посткатакомбное время // КСИА. 2011. Вып. 225. С. 144-154.

Братченко С.Н. Лук і стріли доби енеоліту – бронзи Півдня Східної Європи // Археологія. 1989. № 4. С. 70-81.

Братченко С.Н. Левенцовская крепость. Памятник культуры бронзового века // Матеріали та дослідження з археології Східної України. 2006. № 6. С. 32-310.

Кияшко А.В. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград: изд-во ВолГУ, 2002. 268 с.

Кузнецов П.Ф. Пепкинский курган как отражение конфронтации в начальный период формирования новой культурно-исторической эпохи бронзового века Европы // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара: изд-во «Самарский университет», 2004. Вып. 2. С. 146-154.

Кузьминых С.В., Мимоход Р.А. Радиоуглеродные даты Пепкинского кургана и некоторые вопросы хронологии средневожской абашевской культуры // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н.э.). Круглый стол, посвящ. 80-летию со дня рождения С.Н. Братченко (г. Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2016 г.). СПб. 2016. С. 39-44.

Литвиненко Р.А. Территориально-хронологические соотношения культур многоваликовой керамики и доно-вожской абашевской // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы: матер. конф. (г. Саратов, 21–25 августа 1995 г.). СПб.: ИИМК, 1995. С. 80-83.

Литвиненко Р.А. Наконечники стрел культуры многоваликовой керамики // Эпоха бронзы Доно-Донецкого региона: матер. 4-го Украинско-Российского полевого археол. семинара (13–14 липня 1998 р.). Киев–Воронеж, 1998. С. 46-52.

Литвиненко Р.А. Динамика расселения племен КМК в бассейне Нижнего Дона // VII Донская археологическая конференция «Проблемы археологии Юго-восточной Европы»: тез. докл. (г. Ростов-на-Дону, 22–26 ноября 1998 г.). Ростов-на-Дону, 1998а. С. 48-50.

Литвиненко Р.О. Генеза, розвиток та історична доля культурного кола Бабине // Матеріали та дослідження з археології Східної України. 2009. № 9. С. 44-89.

Литвиненко Р.А. Культурный круг Бабино: название, таксономия, структура // КСИА. 2011. Вып. 223. С. 108-123.

Литвиненко Р.О. Бабинське-криволуцьке порубіжжя // Донецький археологічний збірник. 2012. № 16. С. 47-76.

Литвиненко Р.А. Война в посткатакомбном мире // Stratum plus. 2019. № 2. С. 313-382.

Магомедов Р.Г. Гинчинская культура. Горы Дагестана и Чечни в эпоху средней бронзы. Махачкала: изд-во ДНЦ РАН, 1998. 378 с.

Медникова М.Б., Лебединская Г.В. Пепкинский курган: данные антропологии к интерпретации погребений // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений: сб. ст. М.: изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1999. С. 200-216.

Мельник В.И. Фазы перемен в культурах степей Восточной Европы и цивилизациях Ближнего Востока III–I тыс. до н.э. // КСИА. 2015. Вып. 239. С. 61-71.

Мимоход Р.А. Блок посткатакомбных культурных образований (постановка проблемы) // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України: матер. II-ї Луганської міжнар. Іст.-арх. конф., присвяч. 85-річчю Луганського обласного краєзнавчого музею (Луганськ, 2005 р.). 2005. С. 70-74.

Мимоход Р.А. Лолинская культура финала средней бронзы Северо-западного Прикаспия // РА. 2007. № 4. С. 143-154.

Мимоход Р.А. Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века // Материалы охранных археологических исследований. М.: ИА РАН, 2013. Т. 16. 568 с.

Мимоход Р.А. Посткатакомбный период в Нижнем Поволжье: содержание и дефиниции // Археология восточно-европейской степи. 2013а. Вып. 10. С. 167-179.

Мимоход Р.А. Посткатакомбный период в Нижнем Поволжье: от кривоукской культурной группы к волго-донской бабинской культуре // КСИА. 2014. Вып. 232. С. 100-119.

Мимоход Р.А. Блок посткатакомбных культурных образований в Восточной Европе: структура и содержание // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения: матер. Междунар. науч. конф. (г. Грозный, 18–21 апреля 2016 г.). Грозный: изд-во Чеченского гос. ун-та, 2016. С. 45-47.

Мимоход Р.А. Палеоклимат и культурогенез в Восточной Европе в конце III тыс. до н.э. // РА. 2018. № 2. С. 33-48.

Мимоход Р.А. Посткатакомбный период в Волго-Уральском регионе // XXI УАС, посвящ. 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева: матер. Всерос. науч. конф. с междунар. участием (г. Самара, 8–11 октября 2018 г.). Самара: Изд-во СГСПУ; ООО «Порто-Принт», 2018а. С. 140-144.

Мошкова М.Г., Федорова-Давыдова Э.А. Работы Цимлянской экспедиции 1970 года // Археологические памятники Нижнего Подонья. М.: Наука, 1974. Ч. I. С. 21-121.

Мыськов Е.П. К проблеме периодизации памятников срубной культуры Нижнего Поволжья и волго-донского междуречья // СА. 1991. № 4. С. 145-163.

Полидович Ю.Б. Новые погребальные памятники эпохи бронзы с территории Донецкой области // Археологический альманах. 1993. № 2. С. 35-97.

Ростунов В.Л. Эпоха энеолита – бронзы на территории Северной Осетии // Археология Северной Осетии. Владикавказ: Сев.-Осет. ин-т гум. и соц. иссл. им. В.И. Абаева, 2007. Ч. 1. С. 11-177.

Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимова М.М. Пепкинский курган (абашевский человек) // Труды Марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1966. 72 с.

Шарафутдинова Э.С. Погребения культуры многоваликовой керамики на Нижнем Дону (вопросы генезиса и периодизации) // Памятники бронзового века и раннего железного веков Поднепровья: межвуз. сб. науч. тр. Днепрпетровск: ДГУ, 1987. С. 27-47.

Шишлина Н.И., 2013. Интерпретация радиоуглеродных данных: абсолютная хронология лопинской культуры Прикаспия // КСИА. 2013. Вып. 230. С. 23-36.

2200 BC – A climatic breakdown as a cause for the collaps of the old world? Halle: Landesmuseum für Vorgeschichte, 2015.

Blum S.W.E, Reihl S. Troy in the 23rd century BC – environmental dynamics and cultural change // 2200 BC – A climatic breakdown as a cause for the collaps of the old world? Halle: Landesmuseum für Vorgeschichte, 2015. P. 181-203.

Crewe L. Expanding and shrinking network of ineration: Cyprus 2200 BC // 2200 BC – A climatic breakdown as a cause for the collaps of the old world? Halle: Landesmuseum für Vorgeschichte, 2015. P. 130-148.

Hassan F.A. Nile Floods and Political Discoder in Early Egypt // Third Millenium BC Climate Change and Old World Collaps. Berlin–Heidelberg: Springer, 1997. P. 1-23.

Lytvynenko R.O. Central European parallels to the Dnieper – Don center of Babyno culture // Baltic-Pontic studies. The Ingul-Donets Early Bronze civilization as springboard for transmission of Pontic cultural patterns to the Baltic Drainage Basin 3200 – 1750 BC. 2013. Vol. 18. P. 122-244.

Mimokhod R.A., Zagorodnia O.N. Evidenses of injuries and murders in the Postcatacomb World // Abstract book of the 25th EAA Annual Meeting (Bern, 4–7 septemder 2019). Bern, 2019. P. 170-171.

Pokkutta D.A. Population Dynamics, Diet and Migrations of the Únětice Culture in Poland. Gothenburg: House of Polish Academy of Science in Wrocław, 2013. 360 p.

Third Millenium BC Climate Change and Old World Collaps. Berlin–Heidelberg: Springer, 1997.

Weiss H. Quantifying Collapse: The Late Third Millennium Khabur Plain // Seven Generations Since the Fall of Akkad. Studia Chaburensia I / Ed. H. Weiss. Weisbaden: Harrassowitz Verlag, 2012. Vol. 3. P. 1-24.

Weiss H., Courty M.-A., Wetterstorm W., Guichard F., Senior L., Meadow R., Curnow A. The Genesis and Collapse of Third Millennium North Mesopotamian Civilization // Science. 1993. Vol. 261. P. 995-1003.

Wossink A. Challenging climate change. Competition and cooperation among pastoralists and agriculturalists in northern Mesopotamia (c. 3000–1600 BC). Leiden: Sidestone Press, 2009. 183 p.

М. А. Антонов, А. С. Ермолаева

ОПЫТ СОЗДАНИЯ ТРЕХМЕРНОЙ ГРАФИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ТЕПЛОТЕХНИЧЕСКИХ СООРУЖЕНИЙ ПОСЕЛЕНИЙ АТАСУ И ТАЛДЫСАЙ

В статье представлены трехмерные графические реконструкции двух теплотехнических сооружений поселений Атасу и Талдысай. За основу были взяты научно-технические реконструкции М. К. Кадырбаева, графически воспроизведенные архитектором Н. С. Гецевой, а также материалы эксперимента археометаллурга И. А. Русанова.

Ключевые слова: древняя металлургия, трехмерная реконструкция, теплотехнические сооружения, воздухопровод, дымоход

Атасу және Талдысай қоныстарының жылу жүйесін үш өлшемді графикалық реконструкциялау тәжірибесі

Мақалада Атасу және Талдысай қоныстарының екі жылу-техникалық құрылысының үш өлшемді графикалық қайта қалпына келтірілуі ұсынылған. Зертеу жұмысының негізін М. Қ. Қадырбаевтың ғылыми-техникалық реконструкциялау жұмыстары, сәулетші Н. С. Гецеваның графикалық сызбалары, сонымен қатар археометаллург И. А. Русановтың жүргізген тәжірибелері құрайды.

Түйін сөздер: ежелгі металлургия, үш өлшемді қайта қалпына келтіру, жылу-техникалық құрылыс, ауа жолы, түтіндік

Graphic reconstruction of the heat-engineering structures of Atasu and Taldysay settlements

The article presents three-dimensional graphic reconstructions of two heat-engineering structures of the Atasu and Taldysay settlements. The scientific and technical reconstructions of M. K. Kadyrbayev, graphically reproduced by the architect N. S. Getseva, as well as the materials of the experiment of the archaeometallurgist I. A. Rusanov were taken as the basis.

Keywords: ancient metallurgy, three-dimensional reconstruction, heat-engineering structures, air duct, chimney

Археологическими и геологическими исследованиями установлено, что в эпоху бронзы во II тыс. до н.э. металлургия и металлообработка стали определяющим родом занятий для племен, населявших в это время Центральный Казахстан. В 70-80-е годы прошлого столетия металлургические

© **Михаил А. Антонов, Антонина С. Ермолаева, Институт археологии им. А. Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан;** archaeology@live.ru; antonina4848@mail.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, ИРН проекта BR05233709

комплексы были выявлены на памятниках атасуского микрорайона в Северной Бетпакдале [Кадырбаев, 1983, с. 134–142; Кадырбаев, Курманкулов, 1992], а в 1990-е годы - и в Улытау-Жезказганском регионе на поселении Талдысай [Ермолаева, Ержанова, 2013, с. 135–172] (рис. 1)* (автор всех рисунков, публикуемых в данной статье, М. А. Антонов – прим. ред.).

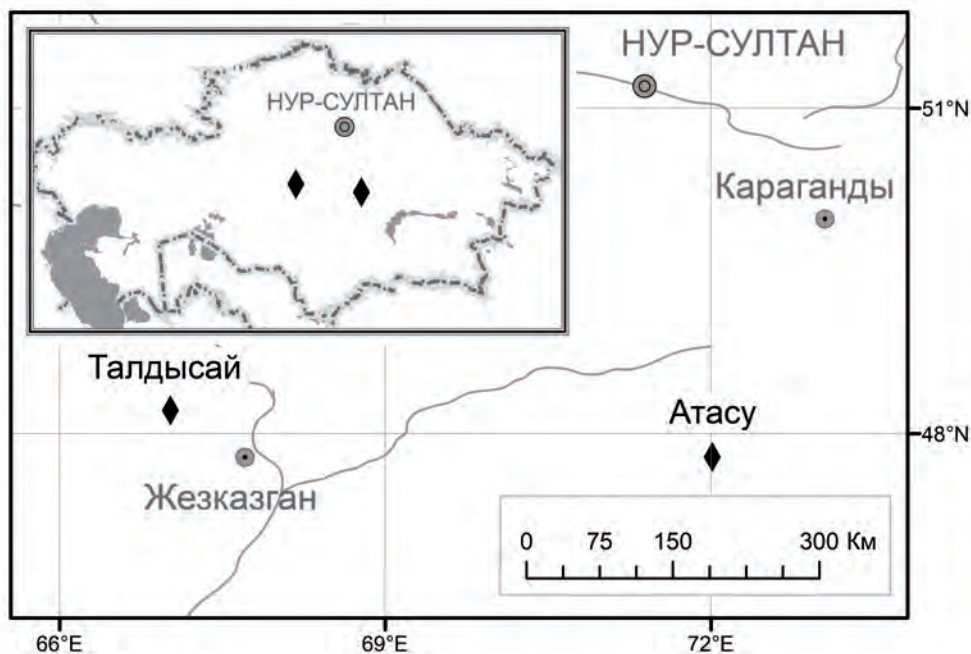
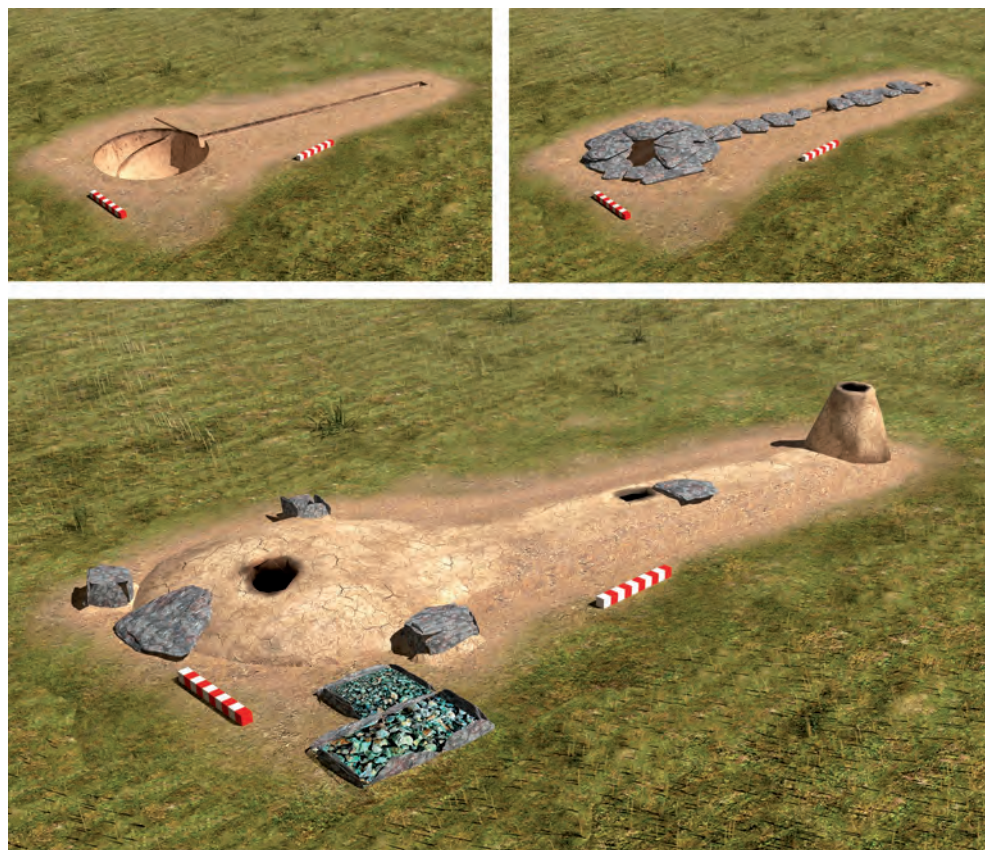

Рис. 1. Локализация поселений Атасу и Талдысай на карте Казахстана

На поселениях обоих регионов обнаружены и простые, и сложные тепловые агрегаты, в которых комплексно проводились все металлургические операции. Неплохо сохранившиеся остатки больших печей: шахтного типа использовались для обогащения и плавки сульфидной руды, а наземные печи, имевшие небольшие размеры, использовались для передела меди из окисленных руд. Плавильные печи разных типов соседствовали и находились непосредственно в помещениях древних металлургов, образуя производственно-жилищные комплексы, функционировавшие в первой половине II тыс. до н.э.

В статье представлены трехмерные графические реконструкции двух теплотехнических сооружений (ТТС) поселений - Атасу Северо-Бетпакдалинского (рис. 2; 3) и Талдысай Жезказган-Улытауского (рис. 4; 5) горно-металлургических центров (ГМЦ) эпохи поздней бронзы, входивших в состав Казахстанской горно-металлургической области (ГМО). Среди ГМЦ Казахстана комплексно исследованными были поселения атасуского микрорайона в Северной Бетпакдале и поселение Талдысай Жезказган-

Рис. 2. Трехмерные графические реконструкции теплотехнического сооружения шахтного типа на поселении Атасу

Улытауского региона. В позднебронзовую эпоху металлурги этих поселений использовали теплотехнические сооружения двух ведущих типов конструкций - шахтного и наземного и как переходный между ними - полушахтный тип [Ермолаева, Ержанова, 2013, с. 135–174; Ермолаева и др., 2017, с. 22–38]. Для создания модели ТТС шахтного типа за основу были взяты научно-технические реконструкции автора раскопок атасуских ям-печей шахтного типа Северо-Бетпақдалинского ГМЦ М. К. Кадырбаева, графически воспроизведенные архитектором Н. С. Гецевой (Ленинград) [Кадырбаев, 1983, с. 140, рис. 2; Курманкулов, Ержанова, 2013, с. 189, рис. 13; с. 190, рис. 14, 15; с. 191, рис. 16]. Для уточнения особенностей конструкции ТТС этого типа были использованы опубликованные материалы эксперимента, проведенного археометаллургом И. А. Русановым на территории поселения Талдысай [Русанов, Ермолаева, 2011, с. 321–329; Русанов, 2013, с. 364–388]. По заключению одного из авторов реконструкции (М. А. Антонов), проделанную работу можно считать не только трехмерной визуализацией, но и полноценной графической реконструкцией нового образца.

Рис. 3. Трехмерные графические реконструкции теплотехнического сооружения шахтного типа на поселении Атасу

Теплотехнические сооружения шахтного типа – это углублённые в землю до двух и более метров ямы-печи, имевшие длинные горизонтальные дымоходы и сложную систему подачи воздуха в виде воздухопроводящих каналов. Воздуховоды обеспечивали естественный приток воздуха без применения принудительного дутья мехами в печь в результате сильной тяги, возникавшей благодаря хорошо прогреваемым дымоходам перед началом проведения собственно металлургического процесса. У северо-бетпакадалинских ТТС шахтного типа поселений Атасу, Мыржык, Акмая, Акмустафа каналы подачи воздуха опускались спирально по стенке вниз ко дну [Кадырбаев, 1983, с. 140, рис. 2; Курманкулов, Ержанова, 2013, с. 190, рис. 14, 15; с. 191, рис. 16]. Археологически и экспериментально установлено, что каналы-воздуховоды в нижней своей части выходили на разном уровне приемной камеры, в которой происходил сбор отожженной сульфидной руды, меди, шлаков. Приёмная камера – это яма небольших размеров, впущенная в дно ямы-печи. В каменном куполе печи имелось загрузочное отверстие, расположенное над приёмной камерой (рис. 2; 3).

Талдысайские ТТС шахтного типа имели более сложную систему подачи воздуха, состоящую из радиальных и вертикальных каналов, а также устройство отверстий в каналах [Русанов, Ермолаева, 2011, с. 321–329; Ермолаева, Ержанова, 2013, с. 135–174; Русанов, 2013, с. 364–388; Ермолаева, 2016, с. 126–141; Ермолаева и др., 2018, с. 269–275].

За основу реконструкции талдысайской ТТС была взята яма-печь полушахтного типа глубиной около метра, расположенная в западной камере производственно-жилищного комплекса петровской культуры (нуртайский тип). ТТС имела короткий дымоход и вертикальные и горизонтальные каналы подачи воздуха. В ее конструкции есть элементы как шахтных, так и наземных печей (рис. 4; 5).

Рис. 4. Трехмерные графические реконструкции теплотехнического сооружения полушахтного типа на поселении Талдысай

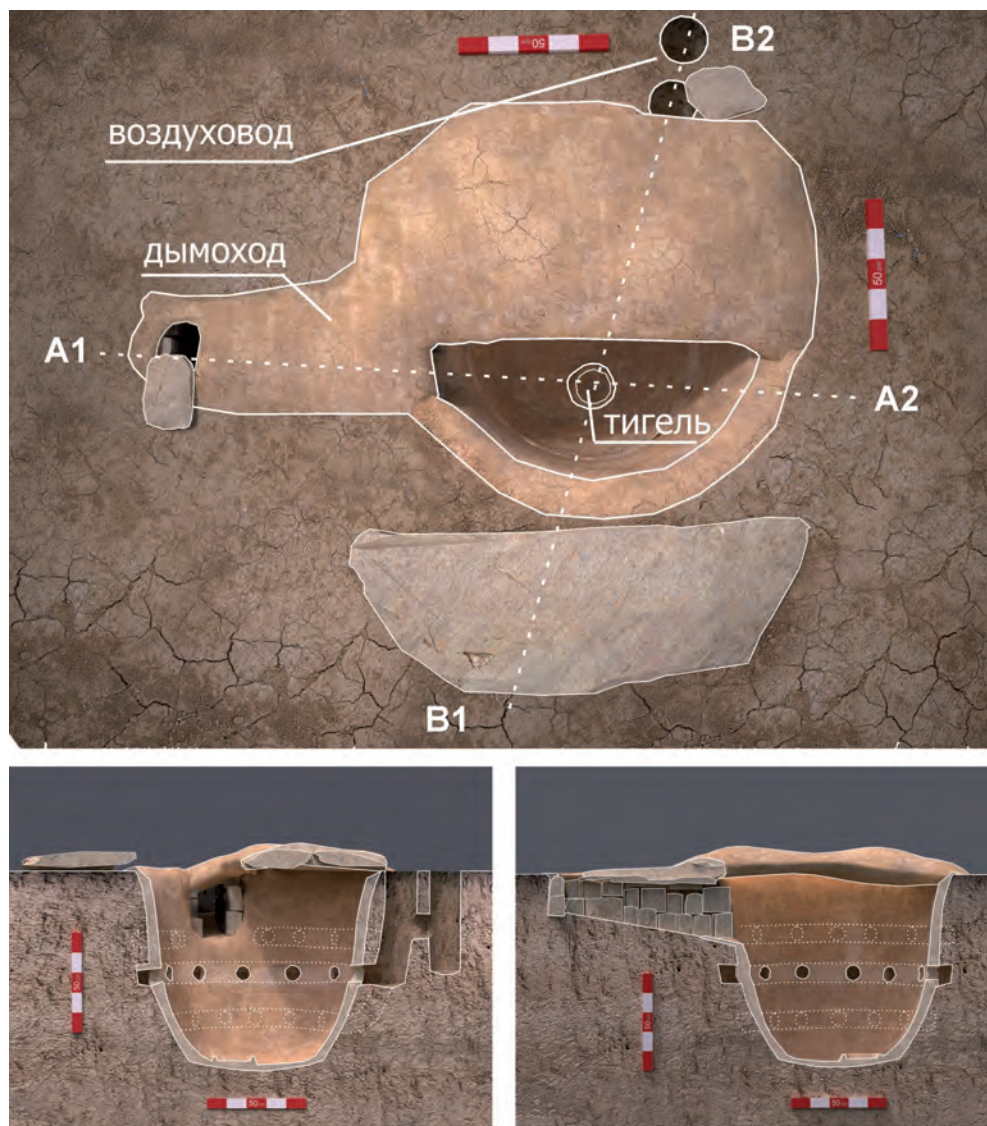

Рис. 5. Трехмерные графические реконструкции теплотехнического сооружения полушахтного типа на поселении Талдысай

В юго-западном секторе ямы-печи была устроена канавка-дымоход, поднимающаяся наклонно вверх по стене. Стенки канавки были выложены колотыми камнями средних размеров. В северо-западном секторе ямы в стене располагалась воздухопроводящая система, состоящая из системы вертикальных и горизонтальных каналов. Сверху в стене располагалась широкая канавка с неровными стенками, опускающаяся в яму. Перед соединением со стеной ямы в канавке имелось углубление-ямка, от которой продолжался узкий

желобок. На юго-восточном конце канавки, опускающейся в яму, в наклонном положении один над другим располагались три камня-плитки. Под верхними двумя камнями расчищен медный слиток. За камнями расчищена стена ямы-печи, в которой проявился воздухопроводный канал, опускающийся в яму.

Система воздухопроводящих вертикальных и горизонтальных каналов начиналась в 40–45 см от устья ямы с северной стороны. Необычной деталью печи является начало воздуховода в виде двух вертикальных цилиндрических ямок, соединенных горизонтальным коротким желобком. В процессе работ над трехмерной графической реконструкцией было сделано предположение, что эта часть конструкции играла роль своего рода воздушного фильтра, защищающего каналы воздуховода от засорения. Воздуховоды обеспечивали естественный приток воздуха без применения принудительного дутья мехами в печь в результате сильной тяги, возникавшей благодаря хорошо прогретому горизонтальному дымоходу и высокой температуре в полости печи во время металлургического процесса. Воздух, под тягой поступавший в воздуховод, мог нести в печь как пыль, так и другой мусор. Благодаря тому, что дно цилиндрических ямок находилось гораздо ниже линии воздуховода, идущего непосредственно в печь, пыль и мусор могли оседать, не засоряя систему воздуховода в целом.

Технологический процесс работы ТТС шахтного типа состоял из прогрева горизонтального дымохода с трубой и очагами в нем, прогрева полости печи для накопления горящего угля, укладки руды, помещенной в емкость из органического материала, добавления топлива, добавления руды. Процесс происходил до заполнения нижней ямы медью и шлаками и перекрытия воздухопроводов, выходявших к верхней части приёмной камеры, после чего прекращалось естественное поступление воздуха и, прекращалась загрузка руды и топлива [Русанов, 2013, с. 364–388].

Поселения металлургов Северо-Бетпакадалинского и Жезказган-Улытауского ГМЦ являются уникальными памятниками технической культуры, характеризующими достижения металлургов Сарыарки и уровень металлопроизводства в эпоху поздней бронзы. Многолетними комплексными исследованиями накоплен и изучен обширный массив материала с этих памятников, но в то же время многие аспекты производства металла в древности остаются малоизученными. К числу проблемных относится проведение достоверной реконструкции теплотехнических сооружений и, в частности, их воздухопроводящей системы.

В настоящей публикации представлены результаты работы по созданию трехмерных графических реконструкций теплотехнических сооружений шахтного и полушахтного типа на материалах поселений Атасу и Талдысай. В частности показаны особенности конструкции печей различных типов, их внутреннее и внешнее устройство.

В ходе проведения реконструкционной работы с помощью трехмерного моделирования удалось не только воссоздавать графические реконструкции, но и уточнить отдельные элементы конструкции и их функциональное назначение.

Литература

Ермолаева А.С. Петровско-нуртайские жилища-мастерские на поселении Талдысай // Актуальные проблемы археологии Евразии: матер. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию независимости Республики Казахстан и 25-летию Института археологии им. А. Х. Маргулана (г. Алматы, 18–19 октября 2016 г.). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2016. С. 126-141.

Ермолаева А.С., Ержанова А.Е. Характеристика раскопанных объектов нижнего слоя поселения Талдысай // Артюхова О.А., Курманкулов Ж., Ермолаева А.С., Ержанова А.Е. Комплекс памятников в урочище Талдысай. Т. 1. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. С. 135-174.

Ермолаева А.С., Ержанова А.Е., Дубягина Е.В. Теплотехнические сооружения наземного типа на поселении Талдысай // Научно-технический прогресс: актуальные и перспективные направления будущего: сб. матер. VI Междунар. научно-практ. конф. (г. Кемерово, 18 августа 2017 г.). Кемерово: Западно-Сибирский научный центр, 2017. Т. I. С. 22-38.

Ермолаева А.С., Калиева Ж.С., Дубягина Е.В. Культурная атрибуция жилища-мастерской на поселении Талдысай на основе анализа керамики // Самарский научный вестник. 2018. № 24 (7/3). С. 269-275.

Кадырбаев М.К. Шестилетние работы на Атасу // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Башкирский госун-т, 1983. С. 134-142.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки (по материалам Северной Бетпак-Далы). Алма-Ата: «Гылым», 1992. 247 с.

Курманкулов Ж., Ержанова А.Е. Поселения древних металлургов в исследованиях Центрально-Казахстанской археологической экспедиции // Артюхова О.А., Курманкулов Ж., Ермолаева А.С., Ержанова А.Е. Комплекс памятников в урочище Талдысай. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. Т. 1. С. 190-191.

Русанов И.А. Приложение 2. Экспериментальное моделирование металлургических печей // Артюхова О.А., Курманкулов Ж., Ермолаева А.С., Ержанова А.Е. Комплекс памятников в урочище Талдысай. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. Т. 1. С. 364-388.

Русанов И.А., Ермолаева А.С. Металлургия меди на поселении эпохи бронзы Талдысай (реконструкция древнего производства) // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: матер. междунар. науч. конф., посвящ. 20-летию независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А. Х. Маргулана (г. Алматы, 12–15 декабря 2011 г.). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2011. Т. I. С. 321-329.

В. Б. Панковский, Г. Б. Саргизова

КЕЙІНГІ ҚОЛА ДӘУІРІНДЕГІ ТАЛДЫСАЙ ҚОНЫСЫНЫҢ СҮЙЕК ЖӘНЕ МҮЙІЗ ИНДУСТРИЯСЫН ЖҮЙЕЛЕУ

Сүйектен және мүйізден дайындалған бұйымдарды толықтыру және реттеу жөніндегі аралық есеп. Есепте оларды зерттеу әдістеріне, топтастыру жіктеу тәсілдеріне шолу жасалған.

Түйін сөздер: Орталық Қазақстан, Талдысай, кейінгі қола дәуірі, сүйек және мүйіз индустриясы

Систематизация костно-роговой индустрии поселения эпохи поздней бронзы Талдысай

Промежуточный отчёт о ходе наполнения и упорядочения выборки объектов из кости и рога сопровождается обзором методов их классификации.

Ключевые слова: Центральный Казахстан, Талдысай, эпоха поздней бронзы, костно-роговая индустрия

The Late Bronze Age Industry of Bone and Antler from Taldysay: A Systematic Research

A draft report on accumulative selection of the worked bone and antler sample recovered in a long-inhabited site is provided. The review is upgraded with a synopsis of the classificatory procedures applied

Keywords: Central Kazakhstan, Taldysay, the Late Bronze Age, bone and antler industry

Зерттеу жұмысының мәселесі

Талдысай – ежелгі кеншілер мен металлургтар өмір сүрген елді мекен, метал балқыту ісі мен басқа да қолөнерлер өркендеген өз заманының ірі шаруашылық-өндіріс орталығы. Қазіргі уақытта шұңқыр пештері, метал өнімдері, құюшы-ұсталардың құралдары кеңінен зерттеліп, ғылыми айналымға енген [Ержанова, 2010; Ермолаева, 2016; Ермолаева и др., 2017; 2019; Ermolaeva et al., 2013]. Ширек ғасыр бойы қазба жұмыстарын жүргізген

© **Валентин Б. Панковский**, Украина *УФА Археология институты, Киев қ., Украина*;
vrns@ukr.net

Гүлзада Б. Саргизова, А.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ.,
Қазақстан; gulzada-87@mail.ru

Жұмыс Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитетінің қаржыландыруымен БМҚ BR05233709 «Ұлы Дала тарихы мен мәдениеті» тақырыбы аясында жүргізіліп жатқан зерттеулер негізінде орындалды.

археологтар зерттеу барысында сүйектен және мүйізден жасалған құралдар мен олардың бөлшектерін жинаған. Жиналған сүйек және мүйіздерге әртүрлі уақытта археозоологтар Л. Л. Гайдученко [2013] мен Д. О. Гимранов сараптамалық жұмыстарын, ал А. Н. Усачук өңделген сүйектерге трасологиялық сараптама жасау мақсатында біршама зерттеулер жүргізген. Сүйектен және мүйізден жасалған бұйымдардың керемет үлгілері «Талдысай қонысы – көне металлургия ескерткіші» деп аталатын альбомда [Курманкулов и др., 2012] және бірнеше жарияланымдардың [Курманкулов и др., 2007; Ермолаева, Ержанова, 2013; Ермолаева и др., 2017] сипаттамаларында кездеседі. Дегенмен, қоныстың сүйек және мүйіз индустриясы кеңінен зерттеулерді талап етеді.

Біздің жүргізіп жатқан зерттеу жұмыстарымыздың мақсаты Талдысай қонысының сүйек және мүйіз индустриясын кешенді құрылымды-шикізатты, технологиялық және функционалды зерттеу үшін сүйектен және мүйізден дайындалған артефактілер мен натурфактілерді іріктеу және жүйелеу болып табылады (қазба жұмыстары А. С. Ермолаеваның жетекшілігімен Қарағанды облысы, Ұлытау ауданы аймағында жүргізілуде).

Индустрия сөзі жалпыға бірдей, халықаралық термин. Археология ғылымында индустрия археологиялық мәдениеттің ерекше фракциясы – «система взаимосвязанных типов артефактов, выполненных в одном материале, в одном веществе» [Клейн, 1991, с. 393] деген мағынаны білдіреді. Мақалада сүйектің, мүйіздің, оның ішінде, тұтас мүйіздің және іші қуыс мүйіздің негізінен жасалған бұйымдардың индустриясы қарастырылады. Индустрия пішіні мен дайындалуы арнайы жасалынған, мақсатты нысандардан тұрады. Ол бірнеше шикізат қалдықтарынан, құралды өңдеу барысындағы қалдықтарынан және жабдықтау субфракцияларынан тұрады. Технофункционалды жіктеуде жабдықтау нысандары аккомодаттарға (бейімделген), модификаттарға (өзгеріске ұшыраған) және конверттарға (түрленген) бөлінеді [Pankowski, 2017; Панковский, Фидельский, 2018].

Зерттеу жұмыстарының міндеттері:

- фауна қалдықтарын толық қарап шығу және адам қолымен өндеген іздері бар және басқа да өзгеріске ұшыраған бұйымдарды іріктеп алу;

- құралдарды, жартылай дайындалған бұйымдарды, дайындамаларды және сүйек, мүйіз өңдеу жұмыстарының қалдықтарын жүйелеу;

- алынған нысандардың сипаттамаларын жасау, иллюстрациялық каталог дайындау;

- материалдарды трасологиялық сараптамаға дайындау.

Зерттеу жұмыстарының нысандары және оларды зерттеу әдістері

Зерттеу нысаны Ә. Х. Марғұлан атындағы Археология институтында сақталған Талдысай қонысынан табылған сүйек және мүйіз артефактілері. Олар қазба және камеральдық жұмыстардың барысында үш топтамаға бөлінген. *1-топтаманың* құрамында фауна қалдықтарының барлығы шаршы және кешендерге қарай жіктеліп, жәшіктерде сақталынған. Бұл топтамада сүйек және мүйіз индустрияның көптеген үлгілері сақталған. Жинақ

құрамынан түрлі тұрмыстық жағдайда пайдаланылған сүйек артефактілер бөлек алынды. Олардың қатарында малды сою және терісін алу барысында сүйектерге түскен жарықшақтар, тесіктер, кесілген, сынған және басқа да пышақ тәрізді құралдардан қалған іздері бар сүйектер. Сонымен қоса, түрлі табиғи құбылыстардың әсерінен болған, топырақтық-химиялық желдену, малдардың қоректенуі кезінде (малдарды жануарлардың жеуі, остеофагия және т.б.) болған түрлі іздер мен өзгерістерге әзірше зерттеу жұмыстары жүргізілмейді.

Сүйек және мүйізден дайындалған бұйымдармен қоса, жинақтан ірі қара малдың сына тәрізді қажалған іздері бар тістердің үлгілері [Антипина 2011, с. 197; Панковский и др., 2015, с. 170–179] және аша тұяқтылардың асық сүйектері таңдалынып алынды. Бұл табиғи өзгерістері сақталған үлгілер мен адам қолымен дайындалған бұйымдар бір кезеңге тән болғандықтан салыстырмалық-сараптамалық мақсатта алынып отыр. Алынған тіс үлгілері Талдысайдың айналасында немесе сол жерге әкеліп бағылған малдардың шөппен қоректенуі кезінде тістегі өзгерістер қандай жағдайлардың болғандығын айқын көрсеткіштері болып табылады. Сонымен қатар, көп жағдайда ойындарда және балгерлікте, тұмар ретінде қолданыста болған [Умиткалиев, Глеугабулов, 2017] асық сүйектері табиғи қалыпта, ешқандай тегістеусіз, өңдеусіз, бояусыз қолданылған және қолданылып жүр. Осындай тәжірибелерді салыстырып, түсіндіру мақсатында асықтардың барлық түрлері (өңделген, өңделмеген, сынық) сараптамаға алынды.

1-ші топтама жинағынан үлгілерді алу принциптері 2-ші, 3-ші топтамаларда да сақталды.

2-топтама құрамына жүйелілігіне және анатомиялық тиістілігіне қарай археозоологтардың сұрыптаған материалдары кіреді. Мамандар адам қолымен өңделген нысандарды анықтағанмен, остеологиялық жинақтың құрамында қалдырып кеткен.

3-топтама ұзақ жылдар бойы археологтар мен басқа да мамандардың жіктеген сүйек және мүйіз артефактілерінен тұрады. Жиынтықтағы кейбір нысандар бұйымдарға ұқсас болғанымен, оларда ешқандай өңделген белгілер кездеспейді.

Зерттеліп отырған материалдың сандық көрсеткіштері

1-ші және 2-ші топтамаларының коллекциясынан көлемі 284 дм³ болатын материалдар қаралып, сұрыпталды. Бұл жинақтан 310 дана таңдалды. *3-ші топтама* құрамында 409 дана қаралды. Жинақтағы көрнекті артефактілер 185 дана болса, қалған 224 данасы натурфактілер, дегенмен, зерттеу жұмыстарының басқа түрлерін жүргізу мақсатында зерттеу нысаны ретінде алынды. Сонымен Талдысай қонысының сүйек және мүйіз индустриясының құрамында 495 дана артефактілер жиналды. Көптеген үлгілер сараптама жасау үшін жарамсыз, сондықтан тек таңдаулы, көрнекі бұйымдар ғана трасологиялық тұрғыдан зерттеледі.

Жүйелеудің мақсаты, бағдарламасы және әдісі

Жүйелі білімділік нысандардың ерекшеліктерінің байланысын, нысандардың өзара және қоршаған ортамен негізгі байланысын ашады. Байланыстарды түсінудің ұтымды тәсілдері ретінде топтастыру, оның ішінде, функционалды, технологиялық және құрылымды-шикізатты топтастыру деп қарастыруға болады. Қазіргі уақыттағы мәліметтер мен әдістерді ескере отырып, орындалу міндеттеріне қарай қолайлы технофункционалды жіктеу [Pankowski, 2017; Панковский, Фидельский, 2018] әдісі таңдалынды. Ол барлық индустриялардың белгілерін, яғни функциясы және қолданылуы даулы, тіпті кейбір түсініксіз артефактілерді ортақ жүйеге біріктіреді. Аталған әдіс сүйек және мүйіз шикізаттарын пайдалану мақсатында мәдени артықшылықтарды және олардың өзара байланысын анықтайды. Бұйымның пішіні мен қолданылуы сәйкес болған жағдайда жалпы техникалық функциясымен, бірыңғай *категориясымен* (мысалы, тері өңдеуге арналған қырғыштар) байланыстырып қарастырамыз. Құралдың шынайылығын анықтау үшін бұйымның жұмыс бөлігі сақталуы қажет. Алдағы уақытта бұл классификациялық жіктеуді айқындау және дамыту үшін функционалды сараптамада тексерілген және келісілген тәсілдерді пайдалана отырып, күрделі зерттеу жұмыстары жүргізілуі қажет.

Әрі қарай 1-ші кестені қараңыз.

1-кесте – «Жабдық» субфракциясының классификациялық матрицасы

<i>Кластар</i>	<i>Ішкі кластар</i>	<i>Топтар</i>
Өндірістік әрекеттердің жабдықтары	Құралдар	құрал-жабдықтар құрылғылар құрамдас бөліктері
	бейімдеу заттары	
	тиемелдік заттар	фурнитура (ұсақ-түйек заттар)
Өндірістік емес әрекеттердің жабдықтары	Құралдар	құрал-жабдықтар құрылғылар құрамдас бөліктері
	бейімдеу заттары	
	тиемелдік заттар	фурнитура атрибуттар (ерекше белгілер)

Кластар – категориялар жиынтығы, ал категориялар әртүрлі техникалық функциялардан тұрады. Бір категориялар *адам қолымен өндірістік еңбектің әрекеттеріне*, екіншісі – *өндірістік емес бейімдеу әрекеттеріне* (іс-әрекеттер) қатысты. Бұл жерде пайдалану ауқымына қарай жалпылық жоқ; *әрекеттер аумағының жабдықтары емес, әрекеттердің жабдықтары* қарастырылып отыр. *Сыртқы нысандарға әсер ету сипатына және өзара қатынасына* қарай, категориялар *ішкі кластарға*, кей жағдайларда *топтарға* бірігеді.

Құралдар – табиғи және адам қолымен өңделген заттар, нәтижесінде бұл заттардың пішіні, күйі және өзгертілген немесе белгілі бір жүйеге

келтірілген жабдықтар тобы. Құрал-жабдықтар, құрылғылар және құрамдас бөліктер бұйымдардың топтары болып табылады. Құрал-жабдықтарда басқа құралдарды өңдейтін жұмыс аймақтары сақталған. Құрал-жабдықтарда жұмыс аймағының орны ұстау (сабына) және/немесе бекіту (бекіткіш) аймағына байланысты анықталады. Құрылғылар нысанға күшейтілген және еркін бағыттағы импульс береді. Құрамдас бөліктер құралдың немесе құрылғының құрамдас бөліктері, бүтін жабдықтың бөлшектері болып табылады. Бейімдеу заттары – табиғи және адам қолымен дайындалған нысандардың қалыпты пішінді немесе өзгергенін анықтауда көмекші рөл атқарады. Бейімдеу заттарына инеқаптар, пиксида және т.б. жатады. Тиімелдік заттар құралдар мен құрамдас бөліктерге қарағанда шикізаттың құрымын немесе бұйымның сапасын өзгертпейді. Олар белгілі бір әрекеттің куәсі, белгісі қатысушы болып табылады. Мысалы, асықсыз асық ойының болуы мүмкін емес.

Олар индустрияда *атрибуттар* мен *фурнитуралар* болып бөлінеді. Атрибуттар – қозғалмалы жабдықтар, көп жағдайда көркемдік-символикалық мәнде жасалады; фурнитуралар – жабдықтың құрамындағы көп қозғалмайтын жабдықтар болып табылады.

Апробация: Талдысай жағдайы

Көрсетілген принциптерге негізделі отырып, Талдысай қонысынан табылған сүйек және мүйіз бұйымдарын жүйелілік тізімін құруға тырыстық (кесте 2). Қола және ерте темір дәуірі индустрияларын қарастыру тәжірибемізді ескере отырып, бұл тізімде алдағы уақытта түзетулер мен қосымша ақпараттардың болатынын айта аламыз. Тізімде барлық торкөздер категориялармен толықтырылмаған, ал кейбір құрылымды-шикізатты нысандар қолдану әдісіне қарай топтарға бөлінбеген.

2-кесте – Талдысай қонысы жинағынан алынған сүйек және мүйізден жасалған жабдықтарының классификациялық матрицасы

Ішкі кластар және топтар		Кластар	
		Өндірістік әрекеттердің жабдықтары (өңдеу, өзгертулер) – категориялар	Өндірістік емес әрекеттердің жабдықтары (бейімдеу, реттеу) – категориялар
ҚҰРАЛДАР	<i>Құрал-жабдықтар және олардың жұмыс жасалған бөліктері</i>	жебе ұштары езгіштер белдік (қайыс) илегіштер қалақтар қалақшалар (шпатель) [құрал ұшының бөлшектенбеген конгломераты] [қабырғадан дайындалған құралдың бөлшектенбеген конгломераты]	Түйреуіштер коньки
	<i>Құрамдас бөліктер</i>		«ауыздықтар»* жүген тоғасы тұсамыстар қамшы бөлігі
	<i>Құрылғылар және құрылғы бөлшектері</i>	Түтікшелер ұршықтар	

БЕЙІМДЕУ ЗАТТАРЫ		
ТИЕМЕЛДІК ЗАТТАР	Фурнитура	жапсырмалар түтікше моншақтар (пронижи) салпыншақтар
	Атрибуттар	ойын сүйектері (асық)
<p><i>Ескерту</i> * <i>Ауыздық/сулық</i> (орыс. «псалий») сөзі кейінгі қола дәуіріндегі жылқы ауыздығының бөлшегіне қатысты өзінің классификациялық-номенклатуралық мазмұнын жойды. Археология ғылымындағы бұл атаудың өзі шартты түрде алынған: грек тіліндегі ψάλιον жүгеннің жалпылама атауы, ал тар мағынада ауыздық және капшунг деп қолданылған [Donnegan, 1826, p. 1132; Усачук, 2013, с. 7]. Кейінгі қола дәуірінде ауыздықтың (псалий) бір бөлігі ат жақтарын шектеп және басып тұрған, ал екінші бөлігі қозғалмалы интiректі ауыздық қызметін атқарған [Бочкарёв, Кузнецов, 2010, с. 292]. Бірінші бөлік түрлі болып кездескенімен, бұдырлы немесе тісті болып келген. Егер осы бөлігі тек бір ғана арнайы функцияны атқарып, типологиялық дамуында өзгермеген болса, біздің топтастыруымызда құралдар қатарына қосуға болатын еді. Қалай болғанда да, жабдықтың категориялық сипаттамада «жақты тұмылдырық» (боковые нагубники) қызметін атқарған. Басқа топтамаға жататын жабдықтың, яғни салпыншақты ауыздық шеттігінің (анжыма) бірі данасы Талдысай жинағында кездеседі.</p>		

Көрсетілген тізімде сүйек және мүйіз артефактілердің өзіндік ерекшеліктері, яғни *индустрия нысандары* сипаттамасы қалыптасты. Ал, ежелгі шаруашылықтың *біртұтас жабдықтары* анықталуы шарт емес. Құрамдас бөліктер мен фурнитура бұйымдары күрделі құрылғылардың және құралдардың құрамындағы бөліктер ретінде анықталды. Олардың қатарында тұсамыстар мен жебе ұштары да бар. Осыларға ұқсас бұйымдарды көрсетілген классификациядан бөлек, арнайы сараптап, басқаша топтастырған жөн. Біздің ұсынып отырған классификациямыз бұйымдардың типологиялық белгілерін ескермей, тек *категорияларға* бөлінеді, яғни кез келген жебе ұштары мен салпыншақ түрлерін және т.б. жіктеуге мүмкіндік береді.

Талдысай қонысының сүйек және мүйіз индустриясының технологиялық субфракцияның құрамында бүтін мүйізден алынған ұзын пластина, жілікті сүйектердің диафизді кесінділері, бас сүйектен бөліп алу барысында және мүйіздің сыртқы қалыбын алу барысында сақталған іздері бар киік мүйізінің негізі, бүтін мүйіздің майда сынықтары бар.

Категорияларды *қолдану саласына* қарай емес, яғни түрлі жағдайда бөлінген функционалды типтерді шаруашылық, өндірістік және тұрмыстық қызметтерге қарай бөлуге тура келеді. Мұндай жіктеу нәтижелері сараптама тұжырымдарымен сәйкес болмайды, тіпті дәлелділік болғанның өзінде сүйек және мүйіз индустриясының жіктелуіне жатпайды деп есептейміз. Ондай жағдайда сүйек және мүйіз шикізаттарын технологиялық игеруі барысында қалыптасқан түрлі өнімдерді бірыңғай критериймен реттеу емес, тек рубрикациялап қарастыру болып қала береді. Құралдарды жіктеу барысында ұсынылған классификация бойынша үйлестіруге болады (және үйлестіру қажет).

Ал егер құралған матрицаларды технофункционалды кластармен үйлестіретін болса (1; 2 кесте) болжамды сипаттама береді. Өзірше бұл 3-ші кестеде жалпы сипаттамалар ұсынылған.

3-кесте – Технофункционалды кластарға жіктелген сүйек және мүйізді бұйымдардың классификациялық қалыптасуы (өндірістік емес әрекеттердің жабдықтары қою қара, көлбеу жазумен берілген)

ТК	Құралдар			Тиімелдік заттар	
	құрал-жабдықтар	құрамдас бөліктер	Құрылғылар	фурнитура	атрибуттар
ТА	▪ қалақтар				•ойын сүйектері
БА	▪ [қабырғадан жасалған құралдар]				
ТМ	▪ езгіштер ▪ [қабырғадан жасалған құралдар] ▪ көнъки			•салпыншақтар	•ойын сүйектері
БМ	▪белдік (қайыс) илегіштер ▪қалақшалар ▪ [қабырғадан жасалған құралдар]	▪ ауыздықтар ▪ қамшы ▪ бөлшегі	▪ түтікшелер ▪ ұршықтар	▪ түтікше ▪ моншақтар	
К	▪жебе ұштары ▪қалақшалар [ұшы бар бұйым] ▪ түйреуіштер	▪ ауыздықтар ▪ жүген ▪ тоғасы ▪ тұсамыстар		▪ жапсырмалар ▪ салпыншақтар	

Ескерту: ТК – технофункционалды кластар; ТА – табиғи аккомодаттар; БА – бөлшекті аккомодаттар; ТМ – табиғи модификаттар; БМ – бөлшекті модификаттар; К – конвертаттар

Жоғарыдай көрсетілгендей, Талдысай коллекциясында барлық технофункционалды кластардың түрлері кездеседі (мақаланың бірінші бөлімшесін және 3-ші кестеде бірінші бағанын қараңыз). Олар сүйек пен мүйіз шикізаттарынан дайындалған және өңделуі, пайдаланылуы жағынан әртүрлі (3-ші кестенің келесі бағандарын жоғарыдан төмен қарай қараңыз). Өңделген құралдар қатарында табиғи пішінінде қолданылған бүтін сүйектер (жауырын сүйектерінен дайындалған қалақ, ойнауға арналған бүтін асықтар), тұрмыстық қалдықтардан таңдалып алынған қолайлы сүйек сынықтары (қабырға сүйектерінен жасалған бұйымдар) және кішкене өзгертілген бүтін сүйектер (астыңғы жақ сүйектерінен дайындалған езгіштер және тағы басқалар) бар. Одан кейінгі құралдарды дайындау үшін сүйек бөлшектердің табиғи қалыптары пайдаланылған. Бұл құралдарда сүйектердің жекелеген бөліктері (жіліктердің ұршықтары) ғана сақталған. Сүйектердің және мүйіздердің бөлшектері түпкілікті өзгеріске ұшыраған жағдайлары да

кездеседі. Құралдар барлық технофункционалды кластарда көрсетілген және өзгеріске ұшыраған сүйектер фурнитура бұйымдарына сәйкес келеді. Шағын көлемді бұйымдардың көп бөлігі (құрамдас бөліктер, құрылғы) конвертаттар болып табылады. Олар күрделі өңделген құралдар топтарына жіктелген.

Алдағы зерттеулердің тұжырымдамасы

Кейінгі қола дәуіріне жататын Талдысай қонысының сүйек және мүйіз индустриясы Орталық Қазақстан аймағындағы ескерткіштерді зерттеуде эталонды үлгі бола алады. Осы мақсаттың орындалуы үшін сүйек және мүйіз бұйымдарына толық трасологиялық сараптама жұмыстарын жүргізіп, құралдар мен бұйымдардың сипаттамасы берілген каталог құрылып, әр табылған заттың контекстермен және археологиялық кешендермен, яғни Нұртай, Атасу, Нұра, Сарғара, Доңғал мәдениеттерінің компоненттерімен байланыстарын анықтау қажет.

Әдебиет

Антипина Е.Е. Археозоологические коллекции из поселений эпохи поздней бронзы на территории Тульской области // Гак Е.И. Поселения эпохи бронзы на северной окраине донской лесостепи. М.: ГИМ, 2011. С. 166-201.

Бочкарёв В.С., Кузнецов П.Ф. Желобчатые псалии эпохи поздней бронзы евразийских степей // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии / гл.ред. П.Ф. Кузнецов. Екатеринбург; Самара; Донецк: «Рифей», 2010. С. 292-343.

Гайдученко Л.Л. Остеологические материалы поселения Талдысай // Артюхова О.А., Курманкулов Ж., Ермолаева А.С., Ержанова А.Е. Комплекс памятников в урочище Талдысай. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. Т. 1. С. 353-363.

Ержанова А.Е. Трасологические исследования каменных орудий поселения Талдысай (Улытау-Жезказганский регион, Центральный Казахстан) // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2010. Вып. 1 (274). С. 202-206.

Ермолаева А.С. Петровско-нуртайские жилища-мастерские на поселении Талдысай // Актуальные проблемы археологии Евразии: матер. Междунар. науч.-практ. конф. (г. Алматы, 18–19 октября 2016 г.). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2016. С. 126-141.

Ермолаева А.С., Дубягина Е.В., Калиева Ж.С. Сопла как показатель использования наземных теплотехнических сооружений на поселении Талдысай // Вестник КазНПУ. Сер. ист. и соц.-полит. науки. 2017. Вып. 3 (54). С. 135-176.

Ермолаева А.С., Ержанова А.Е. Характеристика раскопанных объектов нижнего слоя поселения Талдысай. 1. Жилищно-производственные комплексы (1994–1996, 1998, 2001–2013) // Артюхова О.А., Курманкулов Ж., Ермолаева А.С., Ержанова А.Е. Комплекс памятников в урочище Талдысай. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. Т. 1. С. 135-171.

Ермолаева А.С., Ержанова А.Е., Дубягина Е.В. Теплотехнические сооружения наземного типа на поселении Талдысай // Научно-технический прогресс: актуальные и перспективные направления будущего: сб. матер. VI Междунар. науч.-практ. конф. (г. Кемерово, 18 августа 2017 г.). Кемерово: Зап.-Сиб. науч. центр, 2017. Т. 1. С. 22-38.

Ермолаева А.С., Кузьминых С.В., Пак Джан Сик, Дубягина Е.В. Предметы вооружения позднего бронзового века из мастерских литейщиков поселения Талдысай в Центральном Казахстане // Stratum plus. 2019. № 2. С. 109-120.

Клейн Л.С. Археологическая типология. Ленинград: ЛФ ЦЭНДИСИ АН СССР, ЛНИАО, 1991. 448 с.

Курманкулов Ж., Ермолаева А.С., Ержанова А.Е. Талдысай – поселение древних металлургов. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2012. 130 с.

Курманкулов Ж., Ермолаева А.С., Калиева Ж.С. Археологические исследования на поселении Талдысай // Историко-культурное наследие Сарыарки: сб. науч. ст. Караганда: КарГУ им. Е.А. Букетова, 2007. С. 93-105.

Панковский В.Б., Гиря Е.Ю., Саблин М.В. Трасологические критерии отличия предметов первобытного искусства и остатков фауны с естественными видоизменениями // *Stratum plus*. 2015. № 1. С. 169-184.

Панковский В.Б., Фидельский С.А. Систематизация костно-роговой индустрии раннего железного века Поднепровья (на основе коллекции поселения Чобручи) // Древности. Исследования. Проблемы. Сб. ст. в честь 70-летия Н.П. Тельнова / ред. В.С. Синика, Р.А. Рабинович. Кишинев: Stratum Publishing House, 2018. С. 147-163.

Умиткалиев У.У., Глеугабулов Д.Т. Асыки и их роль в мировоззрении кочевников // Народы и религии Евразии. 2017. Вып. 1–2 (10–11). С. 37-44.

Усачук А.Н. Древнейшие псалии (изготовление и использование). Киев; Донецк: ИА НАНУ, 2013. 304 с.

Donnegan J. A New Greek and English Lexicon. London: J.F. Dove, 1826. 1148 p.

Ermolaeva A., Kurmankulov J., Erjanova A., Rusanov I. Die Siedlung Taldysaj – Ein Denkmal der technischen Kultur der alten Stämme der Region Žezkazgan-Ulytay (Zentralkazachstan) // Unbekanntes Kazachstan. Archäologie im Herzen Asiens / Hrsgb. T. Stöllner, Z. Samašev. Bochum: Deutsche Bergbau-Museum, 2013. S. 441-454.

Pankowski V. A Systematic Outline for the Osseous Industries in the North Pontic Palaeometallic Age // *Journal of Historical Archaeology & Anthropological Sciences*. 2017. No. 1/4. P. 146-152.

П. А. Косинцев, В. В. Варфоломеев, А. В. Кисагулов

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ЖИВОТНОВОДСТВУ НАСЕЛЕНИЯ КАЗАХСКОГО МЕЛКОСОПОЧНИКА В КОНЦЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ

В статье описаны костные остатки животных из пяти новых поселений конца эпохи поздней бронзы с территории Казахского мелкосопочника. В археологических материалах всех поселений доминирует керамика саргаринского типа. Приведены данные о видовом составе костных остатков, степени раздробленности и соотношении отделов скелета крупного рогатого скота, мелкого рогатого скота и лошади. Раздробленность костей на всех поселениях не отличается. По соотношению отделов скелета выделено две группы поселений. В одной группе поселений многочисленны зубы и кости дистальных частей ног, на другой группе – кости туловища и проксимальных отделов ног. По соотношению остатков домашних копытных выделены две группы поселений: в одной группе преобладают остатки мелкого рогатого скота, во второй – крупного рогатого скота. Полученные результаты отражают неоднородность поселений Казахского мелкосопочника в конце эпохи бронзы, причины которой не ясны.

Ключевые слова: Казахский мелкосопочник, эпоха бронзы, поселения, культура бегазы-дандыбай, остеология

Қола дәуірінің соңындағы Қазақтың ұсақ шоқысы тұрғындарының мал шаруашылығы бойынша жаңа материалдар

Қазақтың ұсақ шоқысы аумағындағы кейінгі қола дәуірінің соңымен мерзімделетін 5 жаңа қоныстан алынған жануар сүйектері сипатталған. Барлық қоныстардың археологиялық материалдарында сарғара типіндегі керамика басым. Сүйек қалдықтарының түр бойынша құрамы, бөлшектену дәрежесі және ірі қара, уақ мал және жылқының қаңқа бөліктерінің арақатынасы туралы мәліметтер келтірілген. Барлық қоныстарда сүйектердің бөлшектенуі ерекшеленбейді. Қаңқа бөліктерінің арақатынасы бойынша қоныстар екі топқа бөлінді. Қоныстардың бір тобында тістер мен аяқтың дистальды бөліктерінің сүйектері, екінші топта – дененің сүйектері мен аяқтың проксимальды бөліктері көп. Үй жануарлары сүйектерінің арақатынасы бойынша екі қоныс тобы бөлінді: бір топта уақ мал сүйектері, екінші топта – ірі қара сүйектері басым. Алынған нәтижелер қола дәуірінің соңындағы Қазақтың ұсақ шоқысы қоныстарының бірқалыпты еместігін көрсетіп отыр.

Түйін сөздер: Қазақтың ұсақ шоқысы, қола дәуірі, қоныстар, Бегазы-Дәндібай мәдениеті, остеология

© Павел А. Косинцев, *Институт археологии им. А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан; Институт экологии растений и животных УрО РАН,*

г. Екатеринбург, Россия; kra@ipae.uran.ru

Виктор В. Варфоломеев, *КарГУ имени академика Е.А. Букетова, г. Караганды, Казахстан; vicvarfolomeev@mail.ru*

Антон В. Кисагулов, *Институт экологии растений и животных УрО РАН, г. Екатеринбург, Россия; akis9119@gmail.com*

Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, ИРН проектов BR05233709; AP05131853

New materials on livestock breeding of the Kazakh Uplands at the end of the Bronze Age

Animals bone remains from the 5 new settlements of the end of the Late Bronze age from the Kazakh Uplands area are described. Ceramics of the Sargarinsk type is prevalent in archeological materials of all settlements. The data on the species composition of bone remains, the fragmentation degree and the ration of skeleton segmentation of the cattle, small cattle and horse are presented. Bone fragmentation is the same in all settlements. Two groups of settlements have been identified by the ratio of skeleton segmentation. The teeth and bones of the outlimbs are numerous in one group, and bones of the body and proximal parts of legs in the other one. Two groups of settlements have been identified by the ratio of the remains of hoofed domestic animals: remains of the small cattle prevail in one group and remains of the cattle in the second one. Findings reflect the heterogeneity of the settlements of the Kazakh hilly area of the end of the Late Bronze age, the reasons for which are not clear.

Keywords: Kazakh Uplands, Bronze age, settlements, Begazy-dandybai culture, osteology

Введение. В настоящее время опубликовано достаточно много материалов, посвященных характеристике животноводства населения территории Казахского мелкосопочника в эпоху поздней бронзы по результатам изучения костных остатков [Макарова, 1974; 1977; Ахинжанов, Макарова и др., 1990; Варфоломеев, 2011; Outram, Каспаров, 2007; Гайдученко, Ломан, 2015]. Эти данные позволяют достаточно полно охарактеризовать в общем виде животноводство региона в это время. Но в большинстве случаев даны самые общие характеристики животноводства: состав стада, соотношение остатков домашних животных, возрастной состав забитых животных, средние размеры костей. Исключением является характеристика животноводства на поселении Кент, для которого охарактеризованы сезон забоя животных, их конституциональные особенности и патологии [Outram, Каспаров, 2007]. В данной публикации приведены предварительные данные о новых материалах по истории животноводства в регионе. Новый материал интересен, прежде всего, тем, что исследованные поселения расположены недалеко друг от друга. Поселения Аккезен, Ажар, Саурамбай, Шокпартас составляют один микрорайон. Камал находится в 100 км севернее, но в стадиальном и культурном отношении близок вышеперечисленным. Полученные данные позволят оценить степень различий характеристик костных комплексов из поселений, расположенных в одних природных условиях.

Поселения Талдинского микрорайона расположены компактной группой в долине реки Талды (Шетский р-н, Карагандинская обл.) [Варфоломеев, 2019]. В эту группу входит и известное поселение Шортандыбулак [Маргулан, 1979]. Расстояние между крайними памятниками – поселениями Шортандыбулак и Ажар не превышает 9 км.

Аккезен. Находится на левобережье р. Талды, в 6,5 км к ЮВ от аула Байбала, на восточном склоне гор Котыр-Кызылтау, занимая берега пересохшего ручья. Площадь памятника около 15 га. Он был описан А. Х. Маргуланом [Маргулан, 1979]. В 2018 и 2019 гг. экспедицией КарГУ им. Е.А. Букетова было заложено три шурфа и два раскопа. Шурф № 1 размерами 3×6 м, глубина

до материка 0,6 м. Заполнение золистое. Шурф № 2 размерами 3×3 м был заложен у сооружения 1 на западной окраине поселения. Культурного слоя в шурфе не обнаружено. Шурф № 3 размерами 3×3 м, глубина до материка 0,5 м. Заполнение золистое. Раскоп 1 площадью 54 м². Стратиграфия раскопа следующая: 0 – 10–12 см – верхний гумусный слой, 12–50 см – слой серой золы с находками, ниже – материк в виде светло-серого песка. В квадратах В3 и Г3 был расчищен угол каменной стены шириной около 60–80 см. Плиты кладки стены были уложены на древней поверхности. Котлован жилища не зафиксирован. Керамика преимущественно саргаринская, присутствует андронидная и, возможно, андроновская. Раскоп 2 площадью 315 м² охватил развалины постройки 1 с каменной внешней прямоугольной оградой размерами 13,8×10,7 м. Внутри ограды находилась каменная постройка, возведенная вокруг котлована размерами 10×6,4 м и глубиной 0,8–1 м. Культурный слой за пределами котлована слабый, до 20–30 см. Находки, в основном, залежали в этом слое вокруг постройки. Керамика из раскопов 1 и 2 поделена на две группы. Группа 1 включает посуду саргаринского типа. Группа 2 – керамика западносибирского андронидного облика. В раскопе 2 найден один неорнаментированный фрагмент желтоглиняного сосуда, изготовленного на круге быстрого вращения. В целом, керамика саргаринского типа из раскопов городища Аккезен указывает на принадлежность этого комплекса к бегазы-дандыбаевской (саргаринско-алексеевской) культуре [Варфоломеев, 2019].

Ажар. Находится на левобережье р. Талды, на восточном склоне гор Котыр-Кызылтау в 2 км южнее поселения Аккезен. Площадь поселения около 2,5 тыс. м², выявлено 11 жилищных котлованов и построек из камня. Заложен шурф размером 3×3 м. Стратиграфия шурфа: 0–20 см – дерн, 20–60 см – золистый слой, ниже – материк в виде желтой щебенистой глины. У северной стенки шурфа была зафиксирована яма глубиной около 20 см от уровня материка с золистым заполнением. Вся керамика валикового типа.

Шокпартас. Находится на правобережье р. Талды в 1,7 км к СВ от аула Байбала, на узкой площадке между ручьем с тугайными зарослями и склоном каменистой сопки. Площадь поселения около 3 тыс. м², выявлено семь жилищных котлованов и одна постройка из камня. Заложен раскоп площадью 54 м². Была исследована часть жилища земляночного типа. По материалам из раскопа выделено два культурно-хронологических комплекса. Первый представлен большим количеством макро- и микролитов неолит-энеолитического облика [Варфоломеев и др., 2019]. Комплекс поздней бронзы с остатками жилища представлен многочисленными фрагментами керамической посуды валикового типа, каменными орудиями типа молотов, медными и железными шлаками, ошлакованными каменными плитками. Он относится к бегазы-дандыбаевской (саргаринско-алексеевской) культуре. Все кости из Шокпартаса имеют одинаковый тип сохранности, дикие виды представлены пятью костями из 710 определимых костей (табл. 1). Это показывает, что весь костный комплекс датируется одним временем – бегазы-дандыбаевским и в нем отсутствуют кости неолит-энеолитического времени.

Саурамбай. Находится на левобережье р. Талды, в 3,6 км к ЮЮВ от аула Байбала, в логу Саурамбай. Площадь поселения более 1 га, выявлено 20 жилищных котлованов и построек из камня. На памятнике был заложен шурф площадью 9 м². Поселение двухслойное, ранний слой представлен посудой андроновской федоровской культуры, поздний – валиковой керамикой бегазы-дандыбаевской (саргаринско-алексеевской) культуры.

Шортандыбулак. Находится на левобережье р. Талды, в 9,3 км к ЮЮВ от аула Жанажурт. Поселение исследовано Центрально-Казахстанской археологической экспедицией [Маргулан, 1979].

Камал. Находится в 100 км севернее талдинской группы поселений в на правом берегу р. Нуры, в 2,5 км к ЮЗ от трассы Караганды–Каркаралинск (Бухаржырауский р-н, Карагандинская обл.). Зафиксировано 29 остатков строений на площади около 6000 м², вытянутых вдоль края береговой террасы. Восточная группа сооружений состоит из овальных и округлых впадин жилищных котлованов диаметром до 20 м. Здесь был заложен раскоп 1 площадью 27 м². Керамика из этого раскопа андроновского-федоровского типа. Западная группа построек представлена, в основном, каменными конструкциями прямоугольной и овальной формы с неглубокими котлованами. Размеры построек от 10×12 до 12×18 м. Эта часть памятника исследована раскопом 2 площадью 81 м², раскопана каменная постройка с керамикой валикового типа [Варфоломеев, 2018]. В статье анализируются костные остатки из раскопа 2.

Материал и методика. Сбор костных остатков проводился по условным горизонтам мощностью 10 или 20 см. Кости из ям собирались отдельно. Собирались все костные остатки, без отбора. В работе мы рассматриваем весь материал по каждому памятнику, без разделения по раскопам, горизонтам и объектам (табл. 1).

Таблица 1 – Видовой состав костных остатков из поселений

Таксон	Поселения				
	Аккезен	Шокпаргас	Ажар	Саурамбай	Камал
Крупный рогатый скот	959	286	28	79	80
Мелкий рогатый скот	1102	203	107	33	145
Овца	486	47	42	12	29
Коза	12	3	1	0	0
Лошадь	546	166	19	29	79
Собака	13	6	2	1	2
Сайга	18	1	0	2	1
Благородный олень	6	0	0	0	0
Косуля	0	0	0	0	1
Архар	0	3	0	0	0

Волк	1	0	0	0	0
Лисица	0	0	0	0	2
Корсак	1	0	0	0	0
Сурок	0	0	0	0	1
Бобр	0	1	0	0	0
Тушканчик	0	3	0	0	0
Черепаша	0	0	1	0	0
Млекопитающие неопределимые крупные	3961	1179	116	72	760
Млекопитающие неопределимые мелкие	1169	373	350	11	223
птица	3	0	0	0	0
Всего	8277	2273	666	239	1323

Большинство костей имеют хорошую сохранность, костное вещество плотное, поверхность костей без следов выветривания. Значительное количество костей (от 10% до 20%) имеют следы воздействия высокой температуры. Но горелые (карбонатизированные) и кальцинированные кости единичны. То есть это не результат пребывания в огне. Судя по всему, кости были засыпаны горячей золой. Часть костей, особенно из поселения Аккезен, имеют на поверхности отложения почвенных карбонатов. Небольшое количество костей (несколько %) имеет следы погрызов собаками. Имеются кости со следами погрызов домашними копытными. При недостатке минерального питания домашние копытные грызут кости [Рассадников, 2017; Saceres, Esteban-Nadal et al., 2013; Hutson, Burke et al., 2013].

Значительное количество костей из-за сильной фрагментации определить до вида не удалось, и они отнесены к группе «млекопитающие неопределимые» (табл. 1). На основании толщины стенок и других структур костей они были разделены на две группы. Кости с тонкими стенками отнесены к группе «млекопитающие неопределимые мелкие», с толстыми стенками – «млекопитающие неопределимые крупные». Кости первой группы могли принадлежать мелким копытным (овца, коза, архар, сайга, косуля, кабан) и волку. Кости второй группы могли принадлежать крупным копытным (крупный рогатый скот, лошадь, верблюд, кулан, тур, лось, благородный олень) и медведю. Кости козули, кабана, верблюда, кулана, тура, лося, благородного оленя, медведя не определены, но они могли добываться населением, так как кости этих видов найдены на других поселениях этого времени Казахского мелкосопочника [Ахинжанов, Макарова и др., 1990; Outram, Каспаров, 2007; Гайдученко, Ломан, 2015]. Среди неопределимых костей млекопитающих из поселений Аккезен и Шокпартас найдено, соответственно, две и одна кости животных еще более мелкой размерной группы (бобр, лисица, корсак, заяц, сурок). Они включены в группу «Млекопитающие неопределимые мелкие».

Достоверные характеристики костного комплекса могут быть получены по репрезентативным выборкам, то есть с достаточно большим количеством костных остатков, чтобы полученные характеристики были обоснованными. При небольших объемах выборки есть большая вероятность того, что характеристики будут искаженными в силу случайных причин. Были рассмотрены минимальные объемы выборок для оценки костных комплексов разного типа [Косинцев и др., 1989]. Например, относительно устойчивые значения соотношения остатков домашних животных начинаются при объеме выборки более 400 экз. [Антипина, 2003; Косинцев и др., 1989]. При меньшем объеме имеется большая вероятность случайного отклонения значений от реальных. В результате, при заметных различиях в долях остатков между выборками из разных объектов (поселения, раскопы, горизонты, жилища и т.д.) мы не можем с уверенностью сказать, отражают ли эти различия реальные отличия объектов, то есть являются их характеристиками или это случайные отклонения, которые не характеризуют объекты. Условно будем считать значимыми различия в 10% и более, различия менее 10% будем считать не значимыми. Среди изученных поселений достаточный объем имеют выборки из Аккезена и Шокпартаса (табл. 1). Выборки из остальных поселений репрезентативны не для всех видов анализа. Для каждого анализа это будет оговариваться отдельно. Все выборки позволяют оценить самую общую характеристику – соотношение диких и домашних животных.

Для анализа соотношения отделов скелета кости каждой группы домашних копытных были сгруппированы следующим образом. Отдел «Голова» включает кости черепа, нижнюю челюсть, подъязычную кость. «Зубы» включает изолированные зубы. «Туловище» включает позвонки, ребра, грудину, лопатку и таз. Отдел «Проксимальные части ног» включает плечевую, лучевую, локтевую, бедренную, берцовую кости и коленную чашечку. К отделу «Дистальные части ног» отнесены карпальные и тарзальные, пястные, плюсневые, метаподиальные, сесамовидные кости и фаланги 1, 2, 3.

Степень раздробленности костей. Общую степень раздробленности характеризует доля определимых костей. Степень раздробленности костей характеризует особенности разделки и обработки частей туш при приготовлении и употреблении пищи. Этот показатель косвенно отражает и методику сбора костных остатков в ходе раскопок. Объемы выборок, исключая поселение Саурамбай, репрезентативны (табл. 2). Общая степень раздробленности примерно одинакова на поселениях Аккезен, Шокпартас и Ажар (разница 2–8%). На поселении Камал она близка к таковой на поселениях Шокпартас и Ажар и существенно отличается от поселения Аккезен (разница 12%). На поселении Саурамбай она значительно меньше, чем на остальных и отличия составляют от 27% до 39%. Но объем выборки из этого поселения не репрезентативен (табл. 2) и эти различия могут иметь случайный характер.

Таблица 2 – Соотношение определимых и не определенных остатков в выборках из поселений, %

Категории костей	Поселения				
	Аккезен	Шокпартас	Ажар	Саурамбай	Камал
Определимые	38	32	30	65	26
Млекопитающие неопределимые крупные	48	52	17	30	57
Млекопитающие неопределимые мелкие	14	16	53	5	17
Всего костей, экз.	8277	2273	666	239	1323

Соотношение групп «Млекопитающие неопределимые крупные» и «Млекопитающие неопределимые мелкие» на поселениях Аккезен, Шокпартас и Камал близки (различия 5–9%) и преобладает первая группа (табл. 2). На поселении Ажар оно существенно отличается от них. Здесь преобладает вторая группа. Особое место занимает поселение Саурамбай, но о достоверности этого трудно судить из-за малочисленности выборки. Соотношение групп «Млекопитающие неопределимые крупные» и «Млекопитающие неопределимые мелкие» косвенно связано с соотношением остатков соответствующих групп копытных – крупного рогатого скота и лошади с одной стороны и мелкого рогатого скота – с другой. То есть это показатель является вторичным, поэтому его интерпретация не однозначна.

По результатам рассмотрения степени раздробленности сейчас можно заключить, что на поселении Камал кости менее раздроблены, чем на поселении Аккезен. Очень слабой раздробленностью отличается поселение Саурамбай. Не смотря на нерепрезентативный объем выборки из него, отличия настолько значительны, что вероятно, они реальны. Причины этих различий сейчас назвать затруднительно.

Соотношение отделов скелета. Соотношение отделов скелета приведено для всех поселений. Однако репрезентативные выборки происходят не из всех поселений. Достаточные для анализа объемы выборок крупного рогатого скота происходят из поселений Аккезен и Шокпартас (табл. 3). Они значительно различаются – в выборке из Аккезена выше доля остатков костей туловища и меньше зубов и костей дистальных отделов. На обоих поселениях доли остатков черепа одинаковые, а доли зубов существенно разные, что указывает на более сильную раздробленность черепов на поселении Шокпартас. Выявленные отличия позволяют говорить о разных приемах утилизации туш крупного рогатого скота на этих поселениях. По этим показателям поселение Саурамбай весьма сходно с поселением Аккезен, а поселение Камал – с поселением Шокпартас (табл. 3). Но малые объемы выборок не позволяют уверенно говорить об этом.

Таблица 3 – Соотношение отделов скелета крупного рогатого скота, %

Отделы скелета	Поселения				
	Аккезен	Шокпартас	Ажар	Саурамбай	Камал
Рога	0	0	0	0	0
Голова	12	13	4	13	10
Зубы	6	21	4	1	20
Туловище	33	12	43	48	16
Проксимальный отдел	16	11	25	13	13
Дистальный отдел	33	44	25	25	41
Всего костей, экз.	959	286	28	79	80

Выборки мелкого рогатого скота репрезентативны из поселений Аккезен и Шокпартас (табл. 4). Различия между ними весьма существенны. На поселении Аккезен значительно меньше зубов и костей дистальных отделов конечностей и больше костей туловища и проксимальных отделов конечностей. Это позволяет заключить, что на поселении Аккезен меньше дробили кости черепа и здесь больше «мясных» частей туш. Это указывает на разный характер утилизации туш мелкого рогатого скота на этих поселениях. Характеристики костных остатков из поселения Саурамбай весьма сходны с характеристиками поселения Аккезен, а из поселения Камал – с поселением Шокпартас (табл. 3). Поселение Ажар занимает по этому показателю особое положение – доли зубов и костей туловища близки к характеристикам выборки из поселения Шокпартас, а доли костей проксимальных и дистальных частей конечностей занимают промежуточное положение между выборками из Аккезена и Шокпартас.

Таблица 4 – Соотношение отделов скелета мелкого рогатого скота, %

Отделы скелета	Поселения				
	Аккезен	Шокпартас	Ажар	Саурамбай	Камал
Рога	0,1	0	0	0	0
Голова	9	15	11	7	7
Зубы	4	15	17	0	13
Туловище	31	20	21	56	33
Проксимальный отдел	36	15	27	24	24
Дистальный отдел	20	34	24	13	23
Всего костей, экз.	1600	253	149	45	174

Соотношение отделов скелета лошади из поселений Аккезен и Шокпартас значительно различаются. На поселении Аккезен значительно меньше зубов и костей дистальных отделов конечностей и больше костей

туловища и проксимальных отделов конечностей (табл. 5). Доли остатков головы на обоих поселениях близки. Это позволяет заключить, что на поселении Аккезен меньше дробили кости черепа и здесь больше «мясных» частей туш. Это свидетельствует о разном характере утилизации туш мелкого рогатого скота на этих поселениях. Выборка из поселения Камал ближе к выборке из поселения Шокпартас – много зубов и костей дистальных частей ног.

Таблица 5 – Соотношение отделов скелета лошади, %

Отделы скелета	Поселения				
	Аккезен	Шокпартас	Ажар	Саурамбай	Камал
Голова	9	13	37	21	6
Зубы	8	14	21	7	30
Туловище	31	18	5	45	15
Проксимальный отдел	21	9	5	10	18
Дистальный отдел	31	46	32	17	31
Всего костей, экз.	546	166	19	29	79

Рассматривая выборки всех домашних копытных, следует отметить одну общую закономерность в соотношении отделов скелета. Различия в этих соотношениях на поселениях Аккезен и Шокпартас одинаковы для всех трех групп копытных. В выборках крупного рогатого скота, мелкого рогатого скота и лошади на поселении Аккезен многочисленны кости туловища и проксимальных частей конечностей и малочисленны зубы и кости дистальных частей конечностей, а на поселении Шокпартас – наоборот. Характерно, что эти тенденции проявляются и в выборках из остальных поселений. Выборка из поселения Суарамбай сходна с выборкой из поселения Аккезен, а из поселения Камал – с выборкой из поселения Шокпартас.

Соотношение костных остатков. Отметим, что в составе костных остатков доминируют кости домашних животных – более 99% (табл. 1). Среди остатков мелкого рогатого скота доминируют кости овец – около 95%. Среди изученных выборок достаточный для анализа объем имеют выборки из поселений Аккезен, Шокпартас и Камал (табл. 6). По соотношению остатков наиболее схожи Аккезен и Камал, в составе костных комплексов которых наиболее многочислен мелкий рогатый скот, а крупный рогатый скот на втором месте. Но эти поселения различаются по доле остатков крупного рогатого скота и лошади. На Аккезене крупный рогатый скот многочисленнее, а на поселении Камал их доли равны. Поселение Шокпартас значительно отличается от предыдущих поселений преобладанием остатков крупного рогатого скота (табл. 5). Поселения Ажар и Саурамбай отличаются друг от друга и от остальных поселений. Особенно выделяется Ажар, где сильно доминирует мелкий рогатый скот. Но небольшие объемы выборок не позволяют считать эти различия достоверными.

Таблица 6 – Соотношение костных остатков домашних копытных из поселений, %

Таксоны	Поселения				
	Аккезен	Шокпартас	Ажар	Саурамбай	Камал
Крупный рогатый скот	31	41	14	52	24
Мелкий рогатый скот	52	36	77	29	52
Лошадь	18	24	10	19	24
Всего костей, экз.	3105	705	197	153	333

Закключение. Анализ новых материалов по животноводству населения Казахского мелкосопочника в конце эпохи бронзы показал заметные различия между отдельными поселениями, как по соотношению костных остатков, так и по приемам утилизации забитых животных. По соотношению отделов скелета домашних копытных также можно выделить две группы поселений: поселение Аккезен и близкое к нему поселение Суарамбай; поселение Шокпартас и поселение Камал. С большой вероятностью можно полагать, что были существенные различия в способах разделки и утилизации туш животных при их употреблении в пищу. Возможно, это отражает две традиции.

Причины этих различий пока не ясны. Наиболее вероятно это может быть связано с разным составом населения на поселениях или со случайными факторами, вызванными малочисленностью большинства выборок. Последнее наименее вероятно, так как в материалах этих поселений проявляются одинаковые тенденции, делящие их на две группы. Причем, по всем показателям в эти группы входят одни и те же поселения, то есть эти тенденции устойчиво проявляются даже в малых выборках. Если бы фактор случайности играл заметную роль, то этого бы не наблюдалось.

Сейчас, предварительно, можно говорить о двух типах соотношения остатков домашних копытных. Один тип представлен на поселениях Аккезен и Камал, второй – на поселении Шокпартас. Как уже отмечалось, поселения Аккезен и Шокпартас расположены в одном микрорайоне, поэтому маловероятно, что эти различия связаны с различиями природной среды. Можно предполагать, что они могут быть связаны с их разной хронологией в рамках конца поздней бронзы или с разным сезоном обитания на них.

В целом, не зависимо от причин, выявленные различия отражают неоднородность поселений Казахского мелкосопочника в конце эпохи бронзы.

Литература

Антипина Е.Е. Методические проблемы изучения остатков животных из археологических памятников // Новейшие археозоологические исследования в России / отв. ред. Е.Е. Антипина, Е.Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 7-33.

Ахинжанов С.М., Макарова Л.А., Нурумов Т.Н. К истории животноводства и охоты в Казахстане. Алма-Ата: «Гылым», 1992. 218 с.

Варфоломеев В.В. Бегазы-дандыбаевская культура степей Центральной Евразии // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: матер. междунар.

науч. конф., посвящ. 20-летию Независимости РК и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2011. Т. 1. С. 210-240.

Варфоломеев В.В. Поселение Камал – новый памятник эпохи бронзы // Маргулановские чтения-2018: сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф. «Духовная модернизация и археологическое наследие». Алматы; Актобе, 2018. С. 62-71.

Варфоломеев В.В. Поселения Талдинского археологического микрорайона. Предварительные результаты исследований // Маргулановские чтения-2019: матер. Междунар. археол. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева. Нур-Султан: НИИ им. К.А. Акишева при ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2019. С. 74-87.

Варфоломеев В.В., Мерц В.К., Мерц И.В. Энеолитический комплекс поселения Шокпартас // VI Международные Фарабиевские чтения: матер. междунар. науч.-практ. конф. «Ботайская культура и другие энеолитические памятники Центральной Азии» (г. Алматы, 4–6 апреля 2019 г.). Алматы: Қазақ университеті, 2019. С. 69-71.

Гайдученко Л.Л., Ломан В.Г. Фаунистический комплекс поселения Донгал в Центральном Казахстане // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 200-204.

Косинцев П.А., Стефанов В.И., Труфанов А.Я. Репрезентативный объем остеологической выборки и устойчивость характеристик типа хозяйства и состава стада // Актуальные проблемы методики западносибирской археологии. Новосибирск: Наука, 1989. С. 138-141.

Макарова Л.А. Кости животных из некоторых раскопок в Казахстане // В глубь веков. Алма-Ата: изд-во «Наука» КазССР, 1974. С. 201-206.

Макарова Л.А. Животные Атасу и других поселений Центрального Казахстана // Археологические исследования в Отраре. Алма-Ата: Наука, 1977. С. 124-131.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука КазССР, 1979. 360 с.

Рассадников А.Ю. Остеофагия домашних копытных на поселениях бронзового века Южного Зауралья // ВИАЭ. 2016. № 4. С. 182-191.

Outram A.K., Каспаров А.К. Первые результаты изучения остатков млекопитающих поселения Кент // Историко-культурное наследие Сары-Арки. Караганда, 2007. С. 107-122.

Caceres I., Esteban-Nadal M., Bennasar M., Monfort D., Pesquero M.D., Fernandez-Jalvo Y. Osteophagia and dental wear in herbivores: actualistic data and archaeological evidence // JAS. 2013. Vol. 40. P. 3105-3116.

Hutson M.J., Burke C.C., Haynes G. Osteophagia and bone modifications by giraffe and other large ungulates // JAS. 2013. Vol. 40. P. 4139-4149.

А. А. Тишкин, Г. К. Омаров, Ф. Т. Жунисов

РЕНТГЕНОФЛЮОРЕСЦЕНТНЫЙ АНАЛИЗ ДРЕВНИХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СОБРАНИЯ ЗАЙСАНСКОГО ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ (ВОСТОЧНЫЙ КАЗАХСТАН)

В статье представлены результаты определения химического состава трех предметов из Зайсанского историко-краеведческого музея (Восточный Казахстан), полученные с помощью портативного спектрометра «INNOV-X SYSTEMS» ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США). Реализован неоднократно апробированный исследовательский алгоритм. Первое изделие, условно обозначенное как навершие жезла, имеет специфичный медно-мышьяково-сурьяно-висмутный сплав. Эти данные указывают на необходимость поиска объяснений сделанного заключения. Детально зафиксированное антропоморфное изображение характеризуется типичными чертами архаичных европеоидов, которые населяли территорию Казахстана в эпоху бронзы. Два других экспоната (тесло и нож-кинжал) имеют качественный медно-оловянный (бронзовый) сплав, характерный для металлургических традиций периода поздней бронзы. Систематические исследования археологических находок из цветного металла с помощью современных приборов позволят расширить информационное поле для этнокультурных реконструкций.

Ключевые слова: Восточный Казахстан, музей, археологические находки, эпоха бронзы, портативный спектрометр, рентгенофлюоресцентный анализ

Зайсан тарихи-өлкетану музейі (Шығыс Қазақстан) археологиялық қорындағы ежелгі бұйымдарға рентгенофлюоресценттік талдау жүргізу

Мақалада Зайсан тарихи-өлкетану музейіндегі (Шығыс Қазақстан) үш заттың химиялық құрамын анықтаудың «INNOV-X SYSTEMS» портативті спектрометр ALPHA SERIES™ (Альфа-2000 моделі, АҚШ өндірісі) көмегімен алынған нәтижелері ұсынылады. Бірнеше рет сынақтан өткен зерттеу алгоритмі іске асырылады. Бірінші бұйым шартты түрде асатаяқ ұшы деп белгіленген бұйымда мыс-күшәла-сүрме-висмут секілді ерекше қорытпалар бар. Бұл деректер жасалған қорытындыны түсіндіру

© **Алексей А. Тишкин**, *Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия*; tishkin210@mail.ru;

Гани К. Омаров, *Казахский национальный университет им. аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан*; ganu_omarov@mail.ru

Фемистокл Т. Жунисов, *Зайсанский историко-краеведческий музей, г. Зайсан, Казахстан*; muzei_zaisan_vko@mail.ru

Работа выполнена при частичной финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №16-18-10033 «Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция»).

кажеттігін көрсетеді. Толық анықталған антропоморфтық кескін қола дәуірінде Қазақстан аумағын мекендеген ежелгі еуропеоидтардың типтік ерекшеліктерін сипаттайды. Қалған екі (балта және қанжар-пышақ) сапалы мыс-қалайы (қола) қорытпасы бар экспонат, кейінгі қола кезеңінің металлургиялық дәстүрлеріне тән. Түрлі-түсті металдан жасалған археологиялық олжаларды заманауи аспаптармен жүйелі түрде зерттеу этномәдени қайта құру апараты аумағын кеңейтеді.

Түйін сөздер: Шығыс Қазақстан, музей, археологиялық олжалар, қола дәуірі, портативті спектрометр, рентгенофлюоресцентті талдау

X-ray Fluorescence Analysis of Ancient Products from the Archaeological Collection of the Zaysan Museum of History and Local Lore (Eastern Kazakhstan)

The article presents the results of determining the chemical composition of three objects from the Zaysan Museum of History and Local Lore (East Kazakhstan), obtained using a portable spectrometer “INNOV-X SYSTEMS” ALPHA SERIES™ (model Alpha-2000, USA). A repeatedly tested research algorithm has been implemented. The first object, conventionally designated as the top of the rod, has a specific copper-arsenic-antimony-bismuth alloy. These data indicate the need for an explanation of the conclusion made. Typical features of archaic Caucasians who inhabited the territory of Kazakhstan in the Bronze Age characterize a detailed anthropomorphic image. Two other exhibits (adze and knife-dagger) have a high-quality copper-tin (bronze) alloy, characteristic of the metallurgical traditions of the late Bronze Age. Systematic studies of archaeological finds made of non-ferrous metal with the use of modern instruments will expand the information field for ethnocultural reconstructions.

Keywords: East Kazakhstan, museum, archaeological finds, the Bronze Age, portable spectrometer, X-ray fluorescence analysis

В Зайсанском историко-краеведческом музее (г. Зайсан, ВКО) хранится небольшая археологическая коллекция. В ней имеются древние изделия из цветного металла (рис. 1–4), которые были изучены с помощью портативного рентгенофлюоресцентного спектрометра «INNOV-X SYSTEMS» ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США). Данный прибор использовался в комплекте с испытательным стендом и карманным переносным компьютером. В процессе исследований был реализован апробированный алгоритм тестирования металлических предметов. Он заключался в неоднократном изучении участка, механически освобожденного от поверхностных окислов, а также в получении данных с коррозированной (или патинированной) поверхности для выявления рудных примесей и особенностей взаимодействия с окружающей средой. Кроме этого, осуществлялось всестороннее фотографирование важных археологических находок, уточнялось место их обнаружения и фиксировались основные параметры изделий. Главной задачей статьи является представление полученных результатов рентгенофлюоресцентного анализа, которые расширяют возможности для этнокультурных реконструкций.

По имеющейся информации все публикуемые экспонаты были обнаружены случайно в разных местах (д. Куаныш в Зайсанском районе; урочище Келиншек кол в районе горного хребта Саур на границе Казахстана и Синьцзян-Уйгурского района Китая, примерно в 70 км на юго-восток от г. Зайсана). Часть вещей в музей доставил водитель местной автобазы Амирбек Тайшибаев.

Рис. 1. Антропоморфное изделие из цветного металла

Первый предмет (рис. 1; 2; все фотоснимки, приводимые в статье, выполнены А. А. Тишкиным) уже привлекал внимание исследователей в связи с рассмотрением скульптурных антропоморфных изображений эпохи бронзы [Кирюшин, 2002, с. 57–58, рис. 131, 2]. Для этого использовалась прорисовка по фотоснимку, который был сделан одним из авторов данной статьи после посещения

музея в 1999 г. Эти обе иллюстрации с краткими комментариями опубликованы в небольшой монографии, посвященной изучению Айна-Булакского археологического микрорайона Верхнего Прииртышья [Дашковский и др., 2007, с. 43, рис. 39, 2, фото 12]. Качество фотографии и прорисовка с нее не отражали реальный вид важного древнего изделия. Поэтому здесь представим находку детально и со всех сторон (рис. 1; 2). Предварительно она интерпретировалась как навершие жезла по аналогии с каменными атрибутами периода ранней бронзы, в том числе с антропоморфными изображениями [Кирюшин, 2002, с. 57–58, рис. 127–130, 131, 1; Мерц, 2019, рис. на с. 87; и др.]. Внимание привлекает нос с горбинкой, а также наличие головного убора. Лицо смоделировано достоверно и отражает портретные черты безбородого (бритого?) мужчины (рис. 2). Приведенные фотоснимки, сделанные в разных ракурсах, в определенной мере позволяют установить антропологический тип человека. Для этого подготовленные иллюстрации были направлены специалисту-антропологу К. Н. Солодовникову (к.и.н., СИС сектора физической антропологии Тюменского научного центра СО РАН, Россия), изучившему многие краниологические коллекции, датируемые эпохой бронзы. В результате было получено такое заключение: «На фотоснимках демонстрируется часть скульптурного изображения мужчины, антропологический тип которого выражено европеоидный. Об этом можно судить по резкой горизонтальной профилировке лица, глубоким орбитам с подчеркнуто выполненными отливкой выступающими глазными яблоками, по сильно выступающему носу со слабовыпуклой его спинкой и очень высоким переносьем. При этом высокое переносье в сочетании с не очень сильно развитым рельефом надбровья создает впечатление сходства с классическим скульптурным “греческим” профилем. Он достаточно часто встречается в реальности в популяциях южных европеоидов. Однако судить о

сходстве с антропологическим обликом европеоидных групп именно какого-либо региона невозможно. Поскольку европеоидное население азиатских степей и лесостепей в результате разновекторных миграций в бронзовом веке включало популяции самого разного происхождения – как представителей слабо дифференцированного протоевропеоидного типа населения степей и лесостепей Восточной Европы, так и потомков более грацильного населения окружавших регионы Центральной Европы, Кавказа, или, возможно, Средней Азии. В целом, морфологические различия между разнотипными популяциями древних европеоидов этих регионов на индивидуальном уровне невелики и слабо выявляемы. Однако, если стилистические особенности существенно не деформировали передачу реального антропологического облика, то рискнем предположить, что в физическом типе человека, изображенного на скульптуре из музея Зайсана, отразились особенности, сходные с антропологическими особенностями индивида из могильника андроновского времени Лисаковский-I в Верхнем Притоболье, отраженными на его скульптурной реконструкции [Усманова, 2005, фото 102]. Отметим, что сходный с этим антропологический тип населения фиксируется по многим краниологическим находкам эпохи бронзы азиатских степей и лесостепей и сопредельных регионов европеоидного ареала».

Представленные данные дополнены результатами рентгенофлюоресцентного анализа. Но, прежде чем, их представить, необходимо привести некоторые общие параметры находки. Антропоморфное навершие жезла оказалось длиной 12,3 см, из которых 6 см приходится на голову. Максимальная ширина его достигала 4,4 см (с учетом изображенных ушей – 4,8 см). Но книзу от головы у изделия фиксируется сужение и деформация вследствие литейного брака (вероятнее всего, недолив), что и отразилось и на количестве отверстий (вместо трех на целой стороне на другой сделаны только два). Указанным прибором сначала в разных местах тестировалась поверхность, покрытая

Рис. 2. Изображение головы на навершии жезла

Рис. 3. Бронзовое тесло

окислами. Были получены четыре поэлементных ряда:

1) Cu(медь) – 89,97%; Sb(сурьма) – 4,01%; As(мышьяк) – 2,47%; Bi (висмут) – 1,99%; Fe(железо) – 1,14%; Zn(цинк) – 0,3%; Pb (свинец) – 0,13%;

2) Cu – 94,02%; Sb – 2,76%; As – 1,83%; Fe – 0,31%; Bi – 0,9%; Zn – 0,18%;

3) Cu – 94,02%; As – 2,32%; Sb – 2,22%; Pb – 0,64%; Bi – 0,32%; Fe – 0,46%; Ni(никель) – 0,06%;

4) Cu – 91,93%; As – 3,23%; Sb – 2,69%; Bi – 1,56%; Pb – 0,45%; Fe – 0,15%.

Эти показатели свидетельствуют о своеобразном составе, основой которого является медь. Выявлены также другие элементы, вероятнее всего, попавшие в виде рудных примесей и в процессе взаимодействия металла с окружающей средой. Хорошо известно, что в древности металлургия определялась особенностями использовавшихся месторождений. Наличие полиметаллических рудных жил приводило к тому, что при получении сплавов там оказывались сопутствовавшие элементы. По всей видимости, зафиксированные определения отражают указанную ситуацию.

Следующим шагом стало исследование в трех местах участка с внутренней стороны находки, где были удалены поверхностные окислы и следы коррозии. Обозначились следующие показатели, хорошо указывающие на основные компоненты сплава:

– Cu – 90,95%; As – 4,52%; Sb – 3,12%; Bi – 1,34%; Fe – 0,06%.

– Cu – 91,07%; As – 4,39%; Sb – 3,25%; Bi – 1,29%.

– Cu – 91,29%; As – 4,22%; Sb – 3,32%; Bi – 1,17%.

Зафиксированный медно-мышьяково-сурьяно-висмутный состав (Cu–As–Sb–Bi) оказался несколько необычным. Данная комбинация может быть условно отнесена к категории искусственных бронз [Черных, Кузьминых, 1980, с. 166], так как сплав мог получиться естественным образом. При этом физико-механические свойства такого металла вполне устраивали древних мастеров-литейщиков. По мнению И. Р. Селимханова [1970, с. 44, 46–47, 50–73], мышьяк и сурьма в древности могли являться искусственным легирующими добавками в процессе реализации бронзолитейного производства. Результаты, зафиксированные прибором при тестировании экспоната из Зайсана, требуют дальнейшей проработки и системного анализа.

Еще одно публикуемое изделие из музея – плоское тесло с уступом (рис. 3). Общая длина его оказалась 15,3 см. Из всей этой длины 4,6 см приходится на черен, ширина которого в верхней части составляет 1,3 см.

Толщина рассматриваемого орудия труда в месте уступа достигает 1,4 см (рис. 3, 1, 2). Ширина рабочего полотна у оформленного выпуклого лезвия – 4,6 см (рис. 3, 1, 3). В свое время тесла с уступом подробно рассматривала в своей монографии Н. А. Аванесова [1991, с. 32–33], и она датировала их периодом поздней бронзы. Музейный экспонат сверху покрыт темным слоем окислов и патины. Несмотря на это, на одной из широких сторон изделия хорошо видна комбинация из тамгообразных знаков (рис. 3, 3, 4). Еще три насечки фиксируются на торце (рис. 3, 2). Семантику отмеченных изображений в данной статье рассматривать не предполагается. Можно лишь указать, что подобные отметки фиксируются на таких же теслах, найденных в других местах [Ситников, 2015, рис. 99].

Рентгенофлуоресцентным спектрометром сначала тестировалась патинированная поверхность у знаков-насечек. Получены следующие результаты: Cu – 81,71%; Sn – 18,06%; Fe – 0,18%; Pb – 0,05%. Затем возле уступа исследовался участок, освобожденный от поверхностных окислов. В четырех местах выявлены такие показатели:

- Cu – 81,23%; Sn – 18,67%; Fe – 0,06%; Pb – 0,04%;
- Cu – 81,32%; Sn – 18,56%; Fe – 0,07%; Pb – 0,05%;
- Cu – 81,52%; Sn – 18,43%; Pb – 0,05%;
- Cu – 80,95%; Sn – 19,05%.

Эти схожие данные указывают на качественный медно-оловянный (бронзовый) сплав, обеспечивающий эффективное выполнение теслом необходимых функций.

Двулезвийный нож или кинжал с обломанным острием оказался довольно тонким (рис. 4). Длина находки – 11,1 см. Ширина черена в центре – 1,1 см, ширина клинка у основания – 2,5 см. Такие изделия также представлены в монографии Н. А. Аванесовой [1991, с. 22–28]. Они имеют широкий круг аналогий среди материалов периода поздней бронзы степной и лесостепной зоны Евразии. Недавний краткий обзор таких находок был сделан А. С. Федоруком [2018, с. 192–193].

Тестирование экспоната из Зайсанского историко-краеведческого музея осуществлялось трижды. Сначала результаты были получены при исследовании окисленной поверхности совершенно другого цвета по сравнению с предыдущим изделием: Cu – 81,76%; Sn – 16,58%; Fe – 1,43%; Pb – 0,23%. Затем в двух разных местах изучался участок клинка у слoma, где были удалены поверхностные окислы:

- Cu – 87,48%; Sn – 12,37%; Pb – 0,15%;
- Cu – 87,06%; Sn – 12,82%; Pb – 0,13%.

Рис. 4. Бронзовый кинжал

Эти показатели существенно подкорректировали предыдущий поэлементный ряд, что особенно сказалось на отсутствии железа, которое накопилось в процессе окисления изделия. Уменьшение олова закономерно уменьшилось, так как эта легирующая добавка более активно взаимодействует с окружающей средой по сравнению с медью и, соответственно, существенно накапливается на поверхности. Наличие следов свинца в этом предмете и в предыдущем демонстрирует, скорее всего, рудную примесь в основе сплава. В целом, зафиксирован медно-оловянный (бронзовый) сплав. Наличие слома на острие клинка может свидетельствовать о повышенной нагрузке на рабочую часть изделия или указывать на имевшиеся недостатки в ходе изготовления ножа-кинжала.

Проведенные исследования направлены на формирование базы данных о химическом составе древних изделий из цветного металла, обнаруженных в Восточном Казахстане, с помощью рентгенофлюоресцентного анализа. Полученные результаты позволят осуществлять сравнительный анализ с данными, которые зафиксированы при аналогичном тестировании находок на Алтае, Верхнем Приобье, Сынцзяне и Западной Монголии. Наполнение информационного поля будет способствовать решению ряд проблем культурно-исторического плана, в том числе при реконструкции системы жизнеобеспечения населения указанных регионов.

Литература

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент: Фан, 1991. 200 с.: ил.

Дашковский П.К., Самашев З.С., Тишкин А.А. Комплекс археологических памятников Айна-Булак в Верхнем Прииртышье (Восточный Казахстан). Барнаул: Азбука, 2007. 96 с.: ил.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 294 с.

Мерц В.К. Краткая история развития материальной культуры Павлодарского Прииртышья. Павлодар: КЕРЕКУ, 2019. 142 с.

Селимханов И.Р. Разгаданные секреты древней бронзы. М.: Наука, 1970. 80 с.

Ситников С.М. Культура саргаринско-алексеевского населения лесостепного и степного Алтая. Барнаул: АлтГПУ, 2015. 254 с.

Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский 1: факты и параллели. Караганда: КарГУ им. Е.А. Букетова; Лисаковск: Лисаковский музей истории и культуры Верхнего Притоболья, 2005. 232 с.: ил., табл.

Федорук А.С. Находки бронзовых изделий с территории Алтайского края (по материалам сайта www.ReviewDetector.ru) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края / отв. ред. А.А. Тишкин, В.П. Семибратов. Барнаул: изд-во АлтГУ, 2018. Вып. XXIV. С. 188-195.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.: ил.

А. Е. Ержанова, А. А. Горячев, И. В. Горашук

КАМЕННЫЕ ОРУДИЯ С ДРЕВНИХ ПОСЕЛЕНИЙ СЕВЕРНЫХ СКЛОНОВ ИЛЕ АЛАТАУ

В статье приводятся некоторые результаты трасологического изучения каменных орудий, происходящих с поселений эпохи бронзы Иле Алатау. Представляется возможным определить функциональное назначение орудий, а также датировать их. Становится очевидным, что первые результаты трасологического исследования дали интересные результаты. В частности, определены орудия различного назначения.

Ключевые слова: трасология, методы, пикетаж, микроследы, бронза, износ

Иле Алатауының солтүстік баурайындағы ежелгі қоныстың тас құралдары

Мақалада Иле Алатауының солтүстік баурайындағы ежелгі қоныстың кейбір құралдарына трасологиялық зерттеулер берілген. Есеп айырысу жиынтығын зерттеуде трасологиялық талдау әдістерін қолдана отырып, құралдардың функционалды мақсатын анықтауға, сонымен қатар оларды жаңартуға болатын сияқты. Қола дәуіріндегі елді мекендердің материалдарын трасологиялық зерттеудің алғашқы нәтижелері өте қызықты нәтижелер беріп, әртүрлі тұрмыстық мақсаттар үшін тастан жасалған құралдарды тапқаны анық.

Түйін сөздер: трасология, әдістер, пекитаж, микро-іздер, қола, тозу белгілері.

Stone tools of the ancient settlement of the northern slopes of Ile Alatau

The article gives trasological studies of some tools of the ancient settlement of the northern slopes of the Ile Alatau. Using the methods of trasological analysis in the study of the collection of the settlement, it seems possible to determine the functional purpose of the tools, as well as to date them. It becomes obvious that the first results of a trasological study of the material from the Bronze Age settlements yielded very interesting results and revealed stone tools for various household purposes.

Keywords: trasology, methods, baking, micro-traces, bronze, deterioration

В 2019 г. методами трасологического анализа исследовались материалы, полученные с поселений Иле Алатау: Тургенъ-II, Кызылбулак-IV, Кайнар-I,

---

© Альбина Е. Ержанова, *Институт археологии им. А. Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан*; erjanova_a@mail.ru;

Александр А. Горячев, *Институт археологии им. А. Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан*; aga.2805@mail.ru;

Игорь В. Горашук, *ВолгоНИИгипрозем г. Самара, Россия*; goraschuk@mail.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, ИРН проекта BR05233709

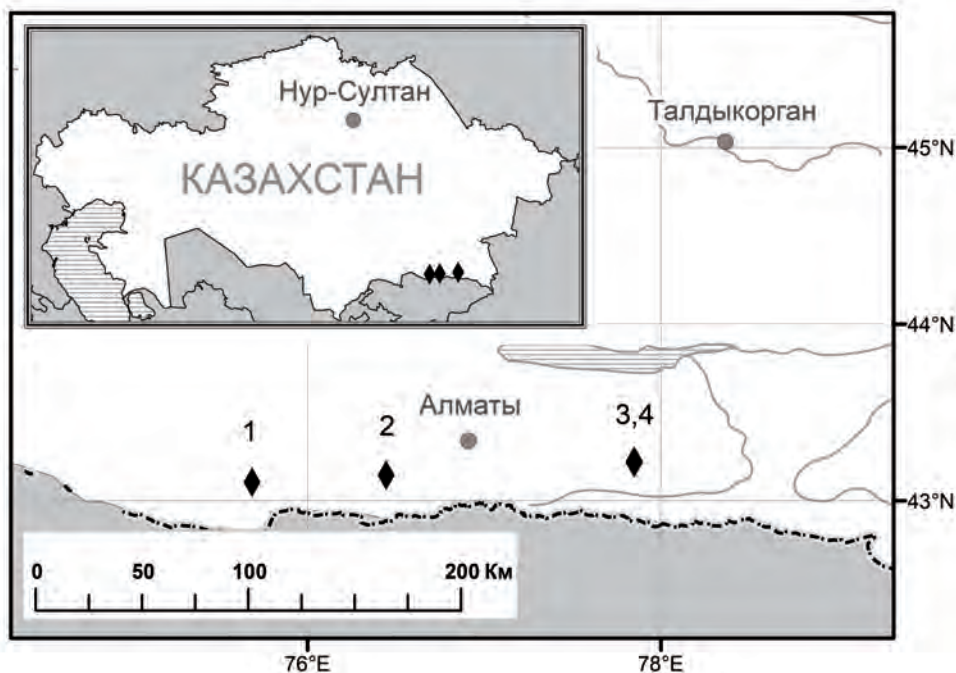

Рис. 1. Локализация поселений на карте Казахстана: 1 – Бесмойнак I; 2 – Кайнар I; 3 – Тургень II; 4 – Кызылбулак IV. Карту подготовил М.А. Антонов

Бесмойнак-I (рис. 1). В лабораторных условиях каменные изделия с обозначенных выше поселений подвергались изучению для установления комплекса следов, имеющих на их поверхности. Выявление микроследов изготовления и использования производилось с помощью микроскопа стерео МС 2 Zoom – TD 2, имеющего увеличение до 200 раз. В комплект оборудования входила микрокамера с окуляром УСМОС 5 тр для фиксации микроследов, применялась программа Helicon focus.

В ходе работы использована методика, разработанная С. А. Семеновым и его учениками – метод определения функций каменных орудий стал новой вехой в изучении древних обществ. Его применение к массовым коллекциям археологического материала позволяет получать информацию о технической вооруженности и хозяйственной деятельности первобытного коллектива [Семенов, 1957; 1968; Коробкова, Щелинский, 1996, с. 5]. В исследовании использована шестиблочная схема фиксации признаков износа. Эта схема разработана в экспериментально-трасологической лаборатории ИИМК РАН [Коробкова, Щелинский, 1996, с. 28–32].

Приведем *краткую характеристику поселений*, материалы которых публикуются в данной статье.

Археологический комплекс *Тургень-II* расположен в верховьях ущелья Киши-Турген на ровной площадке древней морены, находящейся в 500 м к СВ

от места слияния ручья Кызылбулак с одноименной рекой (Енбекшиказахский р-н, Алматинская обл). Это сложносоставной памятник, в структуру которого входят два слоя поселений эпохи бронзы (XVII–XIV и XIII–X вв. до н.э.), два слоя стоянок раннего железного века (VII–VI и V–III вв. до н.э.) и могильник раннего железного века (III в. до н.э. – II в. н.э.).

Археологический комплекс памятников в верховьях ущелья Турген был обнаружен в 1996 г. В полевых сезонах 1998–2018 гг. на комплексе проводились планомерные исследования. На сегодняшний день на памятнике изучено 13 курганных захоронений усуньского времени, девять наземных жилищ стоянки сакского времени и помимо них был обнаружен обширный вещевого, керамический и остеологический материал, относящийся к слою как стоянок сакского времени, датируемых I тыс. до н.э., так и поселения эпохи бронзы, датированного по характеру и типу керамики от XVII до рубежа II–I тыс. до н.э. [Марьяшев, Горячев, 2001, с. 112–123; Горячев, 2011, с. 325–341; 2013, с. 348–370; Горячев, Сараев, 2016, с. 94–110].

Поселение *Кызылбулак-IV* находится в центральной части урочища Кызылбулак в верховьях ущелья Киши-Турген в районе его максимального расширения и занимает широкую площадку древней морены и склон северного борта с южной экспозицией (Енбекшиказахский р-н, Алматинская обл.). На территории памятника предварительно выявлено 28 площадок под жилые конструкции, восемь курганов раннего железного века и шесть площадок под хозяйственные постройки. Жилые конструкции устроены в три яруса и сосредоточены преимущественно у склона и в склоне борта над площадкой древней морены. Их следы представляют собой выровненные площадки, врезанные в склон северного борта урочища, размерами от 8×6 м до 20×10 м. Курганы расположены в юго-западной части комплекса и рассредоточены по правому берегу ручья Кызылбулак. Хозяйственные постройки занимали территорию площадки преимущественно по берегу ручья в восточной и южной части памятника, которые выделяются небольшими площадками (5×4 – 8×5 м) с фрагментами каменных кладок.

В эпоху бронзы поселение Кызылбулак-IV было единственным и центральным в данном ущелье как в андроновское время (XVI–XIII вв. до н.э.), так и в период поздней бронзы (XII–IX вв. до н.э.). В сакское время (VIII–III вв. до н.э.) территория прежнего поселения существенно расширяется. На противоположном берегу родника от комплекса Кызылбулак-IV формируются еще нескольких усадеб, выделенных нами в поселение Кызылбулак-III. В усуньское время (II в. до н.э. – II в. н.э.) древними жителями жилища врезаются в крутые склоны северного борта урочища, устраивая отдельные семейно-родовые стоянки (Кызылбулак-I, II, V и VI). Обычно на таких поселениях устраивалось от 5–6 до 10 домов-усадеб со своими хозяйственными постройками. Ключевую роль для древнего населения урочища по-прежнему играло поселение Кызылбулак-IV, как наиболее крупное и расположенное в той части урочища, где сходились все коммуникации с соседними ущельями и плато [Горячев и др., 2016, с. 632–648; Горячев, 2018, с. 86–105].

Поселение *Кайнар-1* находится в 1,5 км к югу от села Кайнар (Жамбылский р-н, Алматинская обл.). В полевом сезоне 2016 г. на нем произведены рекогносцировочные работы: составлены генплан и описание, заложен шурф. Памятник располагается на левом борту внутренней части ущелья Кайнар. Комплекс состоит из канала-водопада, поселения, могильника. К нему, возможно, относится загон для скота со «сторожевыми землянками». На пологом склоне левого берега ручья Кайнар, ниже уровня водопада, фиксируются площадки 16 полуземлянок и четырех хозяйственных построек. Размеры жилищ квадратной и прямоугольной форм от 5×5 до 7×5 м, хозяйственных площадок овальной и прямоугольной форм от 7×6 до 20×8 м. Дома-полуземлянки расположены в 4–5 ярусов по всему периметру левого берега ручья. Входом они обращены в разные стороны и имеют различные внешние признаки, что позволяет предположить, что более ранние из них (эпохи бронзы) сосредоточены в южной части поселения, а более поздние (раннего железного века) – в центральной. Хозяйственные площадки обозначены по периметру каменными кладками основания изгородей и чаще всего представляют собой загоны для скота. По характеру устройства они представляют собой жилища древних земледельцев и скотоводов эпохи поздней бронзы и раннего железного века.

Поселение андроновского периода (XIX–XIV вв. до н.э.) было вынесено на 150–200 м к выходу из ущелья по тому же борту, что и более поздние. Оно оказалось смыто в глубокий овраг сорвавшимся древним арыком, доставлявшим к поселению воду из родника. Сбор каменного инвентаря производился В. В. Сараевым из культурных слоев остатков жилищ данного участка поселения [Горячев, 2014, с. 84–92; Сараев, 2017, с. 69–90].

Поселение *Бесмойнак-1* находится в 500 м к югу от одноименного аула (Жамбылский р-н, Алматинская обл.). Памятник расположен на левом борту устья ущелья с родником и представляет собой серию жилых и хозяйственных строений (12–15), прослеживаемых на поверхности в виде каменных кладок фундаментов домостроений. Поселение укрыто от ветров тремя сопками, окружающими его со всех сторон. На памятнике произведен сбор материала из строительной траншеи, где обнаружены каменные орудия труда, кости животных и керамика андроновского и позднебронзового периодов эпохи бронзы (XVI–X вв. до н.э.).

Анализ материала

При описании орудий поселения использована схема, учитывающая функциональные анализ и типологию, предложенную Г. Ф. Коробковой [1989].

Из исследованных трех жилищ археологического комплекса Тургень-II андроновского времени и периода общности культур валиковой керамики получены пять орудий. Два из них связаны с металлообработкой – это молоты (рис. 2, 1). Один из них изготовлен из яшмовидной гальки, размерами 78×60×50 мм, орудие имеет в фас трапециевидные очертания. Такие формы изделий весьма характерны для молотов эпохи бронзы. Они встречены в материалах поселений Талдысай, Мыржык и Атасу в Центральном Казахстане

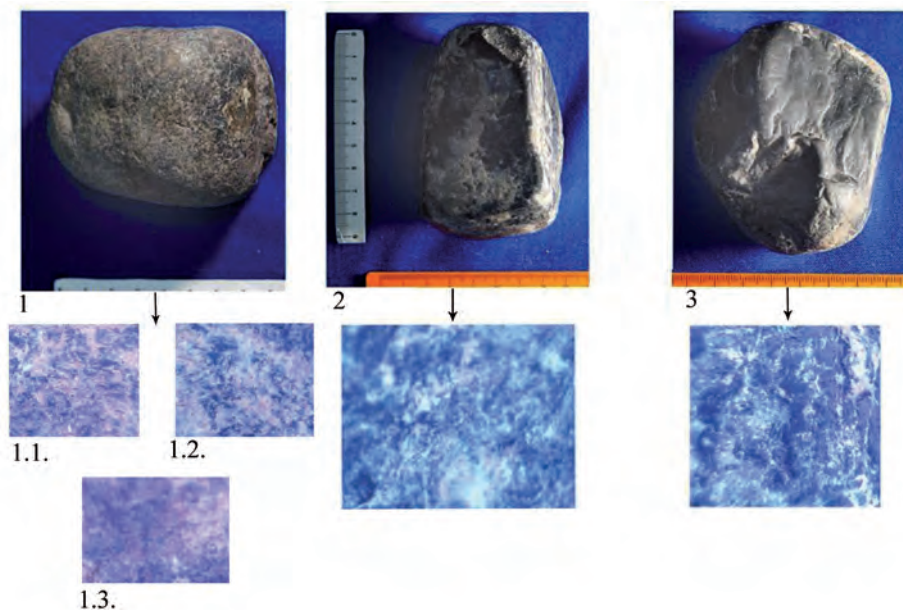

Рис. 2. Тургень II. Каменные орудия: 1 – кузнечный молот (1.1 – рабочая поверхность молота; 1.2 – следы от рукояти; 1.3 – следы от ремня); 2 – пест; 3 – кузнечный молот

[Ержанова, 2018, с. 203], а также – памятниках ямной и срубной культур Волго-Уральского междуречья, в том числе на поселении Михайлово-Овсянка [Горащук, Колев, 2004, с. 89]. Такая форма удобна для привязывания гальки к рукояти. Боковые скаты галек с такими очертаниями очень прочно привязываются к рукоятям. Интересно, что и второй молот, изготовленный из плотного песчаника, размерами 81×60×49 мм, имеет аналогичную с первым морфологическую особенность – трапециевидные очертания (рис. 2, 3). Он так же закреплялся на Т-образную рукоять.

Еще три орудия использовались для обработки растительности. Один из них активный инструмент – пест из яшмовидной породы (рис. 2, 2) размерами 147×72×52 мм, второй – пассивный – округлая терочная плита из плотного зеленоватого песчаника диаметром 147 мм и толщиной 42 мм. Технологически они изготовлены с применением техники пикетажа, шлифовки и обивки, а также комбинациями этих техник. Большим конкрециям и плитам придавалась необходимая форма краевой обивкой, неровности выглаживались пикетажем и шлифовкой.

Третий – тоже терочная плита, в фас представляет собой треугольник. Его размеры 465×274×110 мм. В качестве терочника использовалась длинная сторона. В верхней части, как в мельничном жернове, есть овальное углубление для подачи материала для растирания. На рабочей поверхности можно увидеть четкие следы износа по перетиранию растительных материалов с незначительной забитостью поверхности в виде микроуглублений, мягкой

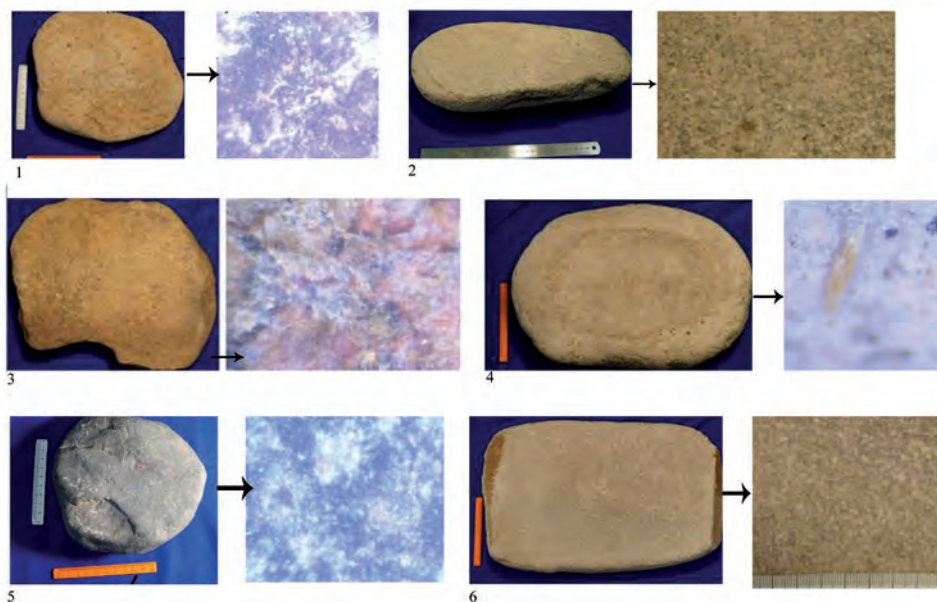

Рис. 3. Каменные орудия с поселений: 1–3 – Кызылбулак IV; 4–6 – Кайнар; 5 – Тургень II

блестящей заполировкой рабочей поверхности терочников, частично облегавшей микрорельеф, но не проникающей в микроуглубления, заполировки и линейные следы, характеризующие кинематику движения.

Из слоя поселения эпохи поздней бронзы комплекса Кызылбулак IV нами исследовано два каменных орудия (рис. 3, 1, 2). Одно из них – пест из плотного песчаника, размерами 147×72×52 мм. Причем, одна поверхность использовалась для дробления краски. Судя по цвету – красной охры. Вторая сторона использовалась для дробления растительных материалов (рис. 3, 3). Другое изделие тоже комплексного характера использования. Это крупная гранитная плита диаметром 228 мм и толщиной 51 мм. Судя по следам на поверхности, плита служила своеобразным верстаком для разного рода операций. Обнаружены следы от дробления обогащенной руды, от растирания краски, от сверления.

Среди материалов мастерской поздней бронзы поселения Кызылбулак IV также представлено два изделия. Одно из них - подставка для сосудов из желтого пористого песчаника, размерами 235×178×46 мм. В центральной части зафиксирован нагар от установки сосуда. Углы зашлифованы. Трасологический анализ выявил нагар и легкую потертость на рабочей поверхности, иных следов не выявлено. Вывод однозначен – орудие использовалось в качестве подставки возле печек, чтобы сушить керамические изделия (?) или для сосудов, в которых готовилась пища.

Второе изделие представляет собой терочную плиту, очертания которой в фас напоминают семя подсолнуха, размерами 420×200×100 мм, из плотного

серого песчаника. Технологически оно изготовлено с применением техники пикетажа, шлифовки и обивки: края орудия обиты, неровности выглаживались пикетажем и шлифовкой. Рабочая поверхность содержит следы износа по перетиранию растительных материалов. Прослеживаются незначительные забитости поверхности в виде микроуглублений, мягкая блестящая заполировка рабочей поверхности, линейные следы, характеризующие кинематику движения.

Из слоев поселения раннего железного века на комплексе Кызылбулак IV анализировалась также терочная плита размерами 267×223×67 мм. Для заготовки орудия использована естественная плита из гранита. Видны следы забитости на рабочей поверхности в виде микроуглублений, мягкая заполировка, макро- и микролинейные следы. После использования в качестве терочника эта плита служила подставкой для сосудов.

Из материалов андроновского поселения Кайнар-I изучен фрагмент тальковой чаши (рис. 4). Диаметр чаши – 110 мм, толщина 8 мм. Изделие изготовлено из крупного куска талька. От самых ранних операций следов не осталось. Мы не знаем, было ли отверстие высверлено максимально широким сверлом или выдолблено в камне. Непреложным фактом остается то, что окончательное удаление материала и выравнивание бортов чаши было осуществлено металлическим орудием типа стамески (рис. 4, 3) или долота с желобчатым лезвием. От этой операции остались четкие следы. Можно даже установить ширину лезвия инструмента – от 7 до 10 мм. Скорее всего, этим же орудием выровнено днище сосуда (рис. 4, 4). Однако здесь операция выполнена

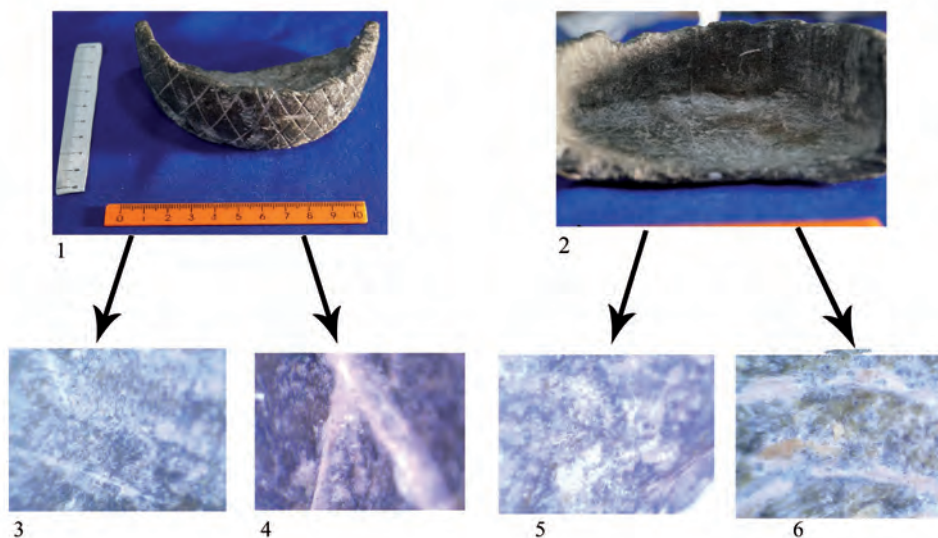

Рис. 4. Поселение Кайнар I: 1 – тальковая чаша; 2 – тальковая чаша внутренняя сторона; 3 – следы металлической стамески; 4 – выравнивание дна; 5 – полировка дна; 6 – орнамент

тщательнее и четко установить ширину лезвия орудия не представляется возможным. После этого борта и дно чаши обработаны мягким абразивом – из кожи или войлока. Это сгладило грани и придало внутренней поверхности изделия матовый блеск (рис. 4, 5).

Следующим шагом было нанесение орнамента (рис. 4, 6). Здесь следует отметить различные приемы нанесения орнамента на борта и дно чаши. Опишем технические приемы орнаментации борта. Сначала орнамент был размечен резцом, затем углублен металлическим лезвием ножа или пилки. Это сделало орнамент более четким и геометричным, т.е. линии орнамента стали более прямыми. Остается добавить, что резчик для разметки был изготовлен из камня и проникал в материал на 0,2–0,3 мм, а нож или пилка имели нижнее сечение лезвия около 1,5 мм и проникали в материал на глубину 1 мм.

Спиральный орнамент на дне сосуда выполнен каменным резчиком, привязанным к стержню. Суть метода в том, что в условном центре дна чаши был установлен стержень. На нем была укреплена веревка – льня, к концу которого привязан резец из камня. Прорезая орнамент, резец двигался по спирали и прорезал орнамент. В ряде мест из-за неидеальной шлифовки дна резец слегка соскальзывал. Однако за счет одинаковой толщины веревки достигался единый шаг спирали. Можно уверенно утверждать, что толщина веревки была около 5 мм. Именно такой шаг имеют кольца спирали.

Сложно судить, для чего изначально была предназначена чаша. Во всяком случае, использование ее в качестве ступки исключено. При толщине стенок 8 мм и особенности материала – тальк - использование чаши для растирания или дробления в ней каких-либо продуктов просто невероятно по прочностным характеристикам. Было бы соблазнительным предполагать, что она служила ритуальной и использовалась для возлияний. Во всяком случае, трудозатраты на ее изготовление как будто указывают именно на это. Четкие следы от использования оставила последняя функция, когда уже обломок чаши, судя по нагару, использовался как жировая лампа (рис. 4, 2).

Из этой же части данного памятника происходят две терочных плиты. Одна из них – с бортами. В центре овальной плиты, размерами 306×228×76 мм, расположена выемка размерами 260×139×17 мм. В ней и растиралась растительность. Причем именно здесь обнаружены фитоциты (рис. 3, 4), свидетельствующие о растирании именно растительности. Вторая плита – с вогнутым центром, так же служила для растирания растительности (рис. 3, 6). Она изготовлена из плотного песчаника светло-серого цвета и имеет размеры 380×270×60 мм.

На поселении бронзового века Бесмойнак-I определена функция терочной плиты для обработки растительных материалов. Она изготовлена из гранита и имеет размеры 141×195×58 мм. Выделены рабочая плоскость и боковые бортики. Рабочая плоскость также периодически подправлялась пикетажем. Следы сработанности на поверхности интенсивны. Однако истиранию подлежали не только зерновые, но и иные растительные продукты, оставляющие специфические признаки износа. На рабочей поверхности видны

однаправленные линейные следы мягкой блестящей заполировки рабочей поверхности, частично облегающей микрорельеф, но не проникающей в микроуглубления рельефа.

Выводы

Таким образом, даже выборочная серия каменных орудий труда позволила выявить достаточно разнообразные приемы их изготовления и применения в быту у древнего населения региона. Эти данные позволяют скорректировать наши представления о хозяйственной структуре населения различных природно-географических зон Иле Алатау. Материалы, полученные с четко стратифицированных археологических объектов и горизонтов, позволят существенно расширить возможности трасологического анализа. Исследование коллекций, полученных с целого ряда поселений предгорной полосы и высокогорной зоны региона, представляет возможность определить функциональное назначение каменных орудий труда и приемы их изготовления на конкретных хронологических этапах развития древних культур эпохи бронзы и раннего железного века. Трасологические исследования материалов древних поселений (каменных, костяных, металлических и иных) необходимо продолжить, чтобы прояснить полный спектр хозяйственной специализации населения, проживавшего в Жетысу.

Литература

Горащук И.В., Колев Ю.И. Каменные и костяные орудия с рудника бронзового века Михайло-Овсянка в Самарской области // Вопросы археологии Урала и Поволжья: сб. науч. тр. Самара: СамГУ, 2004. Вып. 2. С. 89-104.

Горячев А.А. Поселение и могильник раннего железного века археологического комплекса Тургенъ-II // Вопросы археологии Казахстана. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана; НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2011. Вып. 3. С. 325-341.

Горячев А.А. Вопросы типологии и хронологии поселений эпохи бронзы на северных склонах Заилийского Алатау // Далалык Еуразияның бегазы-дәндібай мәдениеті. Ж. Құрманқұловтың 65 жылдық мерейтойына арналған ғылыми мақалалар жинағы. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2013. С. 348-370.

Горячев А.А. Некоторые итоги и перспективы изучения памятников эпохи бронзы на северных склонах Заилийского Алатау и в Шуилийских горах // Восхождение к вершинам археологии: сб. матер. междунар. науч. конф. «Древние и средневековые государства на территории Казахстана», посвящ. 90-летию со дня рождения К.А. Акишева (г. Алматы, 22–24 мая 2014 г.) Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. С. 84-92.

Горячев А.А. Об устройстве поселений поздней бронзы Жетысу // Археология Казахстана. 2018. № 1–2. С. 86-105.

Горячев А.А., Сараев В.В. Древний археологический комплекс ущелья Тургенъ // Актуальные проблемы археологии Евразии: сб. матер. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию независимости Республики Казахстан и 25-летию Института археологии им. А. Х. Маргулана (г. Алматы, 18–19 октября 2016 г.). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2016. С. 94-110.

Горячев А.А., Яценко С.А., Егорова Т.А. Костяная пластина с гравированной композицией из поселения Кызылбулак-IV в верховьях ущелья Тургенъ // Актуальные

проблемы археологии Евразии: сб. матер. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию независимости Республики Казахстан и 25-летию Института археологии им. А. Х. Маргулана (г. Алматы, 18–19 октября 2016 г.). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2016. С. 632-648.

Ержанова А.Е. Каменные орудия и предметы вооружения с поселений бронзового века Атасуского и Талдысайского микрорайонов Центрального Казахстана // Вестник КазНУ им. аль-Фараби. Сер. историч. 2018. № 3 (90). С. 199-208.

Коробкова Г.Ф. Мезолит Средней Азии и Казахстана // Мезолит СССР. Сер.: Археология СССР в 20 томах. Т. 2. М.: Наука, 1989. С. 149-173.

Коробкова Г.Ф. Щелинский В.Е. Методика микро-макроанализа древних орудий труда. СПб.: ИИМК РАН, 1996. 80 с.

Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Поселения эпохи бронзы в верховьях ущелья Тургенъ и на плато Асы // История и археология Семиречья. Алматы: Алматы: ОФ «Родничок», 2001. Вып. 2. С. 112-123.

Сараев В.В. Каргалинский древний историко-географический микрорайон // История и археология Семиречья. Вып. 5. Алматы: [б.и], 2017. С. 69-90.

Семенов С.А. Первобытная техника. МИА. 1957. Вып. 54. 240 с.

Семенов С.А. Развитие техники в каменном веке. Л.: Наука, 1968. 362 с.

И. И. Бахшиев, А. Н. Усачук

**СТЕРЖНИ ПОЛОРОГИХ ЖИВОТНЫХ ИЗ МАТЕРИАЛОВ
ПОЗДНЕБРОНЗОВОГО ПОСЕЛЕНИЯ ОЛО ХАЗ
В БАШКИРСКОМ ЗАУРАЛЬЕ
КАК МАРКЕР ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ**

В основу публикации положена информация, полученная при трасологическом изучении коллекции костяных изделий поселения позднего бронзового века Оло Хаз в Башкирском Зауралье. Анализ материала позволяет предположить производственную специализацию для поселения Оло Хаз. Возможно, такую же специализацию в косторезном производстве имеет и расположенное недалеко от Оло Хаз поселение позднего бронзового века Олаир.

Ключевые слова: поселение, эпоха поздней бронзы, костяные изделия, отходы косторезного производства

**Башқұрт Оралындағы кейінгі қола дәуірінің Оло Хаз қонысынан
табылған қуыс мүйізді жануарлардың мүйіз өзекшелері өндірістік
мамандандыру маркері ретінде**

Мақала Башқұрт Оралындағы кейінгі қола дәуірінің Оло Хаз қонысынан табылған сүйек бұйымдар коллекциясын трасологиялық зерттеу мәліметтеріне негізделген. Материалдарды талдау барысында, Оло Хаз қонысында өндірістік мамандану болғандығы анықталып отыр. Оло Хаз қонысына жақын жерде орналасқан кейінгі қола дәуірінің Олаир қонысында да сүйек өңдеу өндірісіне мамандану орын алған болуы мүмкін.

Түйін сөздер: қоныс, кейінгі қола дәуірі, сүйек бұйымдар, сүйек өндірісінің қалдықтары

**Hinges of tubicorns from materials of the Late Bronze settlement Olo Haz
in Bashkir Transurals region as a marker of production specialization**

The publication is based on information obtained during the trasological study of the collection of bone products of the settlement of the late Bronze Age Olo Haz in Bashkir Transurals region. Analysis of the material suggests a production specialization for the Olo Haz settlement. Perhaps the same specialization in bone-cutting production also has the late Bronze Age settlement Olair located near Olo Haz.

Keywords: settlement, era of late Bronze, bone products, wastes of bone-cutting production.

© **Илшат И. Бахшиев**, *Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН, г. Уфа, Россия;*
ibahsh@gmail.com

Анатолий Н. Усачук, *Областной краеведческий музей, г. Донецк, Украина;*
doold@mail.ru

Рис. 1. Поселение Оло Хаз. Костяные артефакты: 1 – костный стержень полого рога; 2 – кочедык (рог сайгака); 3, 4 – схемы следов изготовления/использования на костном стержне и на кочедыке

В июне 2017 г. было проведено комплексное изучение коллекции костяных и роговых изделий поселения позднебронзового века Башкирского Зауралья Оло Хаз, найденных во время исследования памятника в 2006 г. Использовался микроскоп МБС-10-1.

Коллекция костяных изделий поселения Оло Хаз насчитывает 74 экз. В это количество входит и большая группа роговых стержней пологого животных – 21 экз., которые почти все (20 экз.) можно отнести к отходам, и самая большая группа изделий – астрагалы – 37 экз. Краткое описание коллекции опубликовано [Усачук, Бахшиев, 2019, с. 10–13]. Более подробно изучена группа астрагалов (таранных костей мелкого и крупного рогатого скота) [Усачук, Бахшиев, 2019, с. 13–17]. В данной публикации мы обратим внимание на интересную особенность олохазской коллекции костяных изделий: большую группу

костных стержней полорогих животных (рис. 1, 1; 2, 1–4; 4, 1–4), чехлы с которых сняты. Вероятно, роговые чехлы расчленились на заготовки-пластины и роговые окончания [Бородовский и др., 2013, с. 241, 247; ср. Абросимова и др., 1978, с. 38; Пальцева, 2011, с. 132; Душенко, 2016, с. 63; и др.], которые могли идти на изготовление каких-либо рукояток, застежек, пуговиц и иной мелкой фурнитуры, или использоваться в конструкции луков [ср. Бородовский, 2007, с. 39–40]. Ситуация усложняется еще тем, что роговые чехлы и изделия из них практически не сохраняются [ср. Сергеева, 2011а, с. 49; 2011б, с. 202; Luik, 2011, р. 36; Бородовский и др., 2013, с. 232] и мы вынуждены опираться в своих выводах только на роговые стержни – отходы косторезного производства.

На многих олохазских стержнях сохранились следы рубки острыми тяжелыми лезвиями. Глубина вхождения лезвия в стержни от 0,2–0,3 до 0,7 см, причем сила удара варьировалась и при рубке одного стержня: на одном экземпляре, например, зафиксированы следы глубиной 0,3 см (рис. 3, 3А) и 0,7 см (рис. 3, 3Б). В основном, следы рубки фиксируются в основании стержня: мастер хотел снять весь роговой чехол. Иногда подрубка велась с двух сторон стержня (рис. 3, 1А,Б; 5, 2А) (здесь и далее стрелки на схемах стержней обозначают направление рубки) под разными углами, причем в одном случае (рис. 3, 1Б) два удара нанесены почти под одним углом и надрубы практически слились. Возможно, еще в двух случаях стержни рубили с двух сторон (рис. 2, 2; 4, 1),

но сохранились следы лезвия только с одной стороны (рис. 3, 2А; 5, 1А), а с другой (рис. 3, 2Б; 5, 1Б) – свежие сломы. Но чаще рубка велась только с одной стороны: мастер наносил серию ударов приблизительно по половине периметра рога (рис. 1, 3А; 3, 3А, Б, 4А; 5, 4А), а затем – ломал стержень, оставляя неровный край (рис. 1, 3Б; 3, 3В, 4Б; 5, 4Б) (наиболее яркий пример: рис. 2, 4). Своеобразен один стержень, отражающий некоторую торопливость работы мастера: подрубка по периметру проведена очень слабо, на минимальную глубину (до 0,2 см) и только на треть периметра стержня (рис. 5, 3А), после чего последовал слом (рис. 5, 3Б). Кроме следов рубки и слома на двух стержнях зафиксирована очень легкая залощенность поверхности (рис. 3, 1В; 5, 2Б), но она не производит впечатления намеренной. Возможно, эти стержни безо всякой обработки использовались как случайные разовые орудия [ср. Усачук, 1993, с. 137; 2012а, с. 140, 142; Усачук, Варфоломеев, 2013, с. 221; и др.], например, в роли кочедыков – орудий для развязывания узлов. Разовое использование костных стержней-отходов в роли кочедыков можно предположить еще и потому, что в олохазской коллекции присутствует подобное орудие из рога сайгака (рис. 1, 2). Следов рубки в основании рога нет, но стержень отделен довольно аккуратно (рис. 1, 4А). Очевидно, применялась оббивка по периметру с последующим сломом. По телу стержня идет легкая затертость и залощенность (рис. 1, 4Б), которая у острия немного увеличивается (рис. 1, 4В). Аналогичная картина следов – на кочедыках из отростков оленьих рогов с других памятников [Усачук, 2016, с. 478; Рафикова и др., 2019, с. 91].

Ввиду того, что группа костных стержней довольно большая, была предпринята попытка изучить планиграфию этих находок. Основная масса стержней относится к горизонту 3 и сосредоточена в северной половине раскопа. Какой-либо скученности этих отходов не наблюдается. Распространение стержней-отходов в рамках раскопа отражает общую ситуацию насыщенности культурного слоя горизонта 3 археозоологическим материалом.

На поселенческих памятниках эпохи поздней бронзы различных регионов находят костные стержни рогов полорогих [Бородовский, 2007, с. 79; Молодин и др., 2009, с. 193–194; Бейсенов, Ломан, 2009, с. 42; Усачук, 2012б,

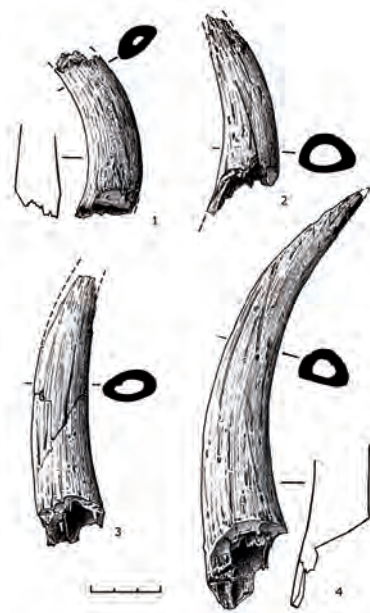

Рис. 2. Поселение Оло Хаз. Костяные артефакты: 1–4 – костные стержни полового рога

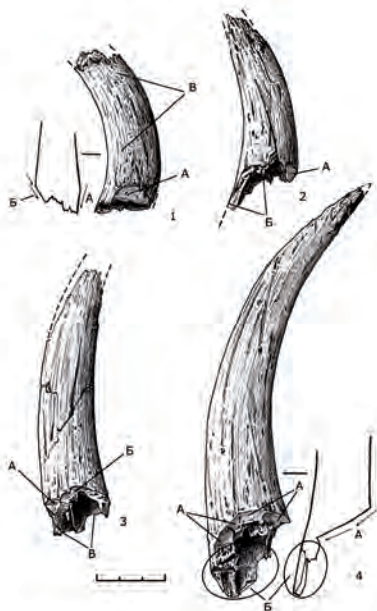

Рис. 3. Поселение Оло Хаз. Костяные артефакты: 1–4 – схемы следов изготовления/использования на костных стержнях

с. 233; Усачук, Файзуллин, 2016, с. 133; и др.]. Как правило, подобные находки немногочисленны. Однако следует обратить внимание на поселение Кент, где полый рог широко использовался в качестве сырья [Усачук, Варфоломеев, 2013, с. 222] и, особенно, на поселение Олаир, находящееся в 5 км от поселения Оло Хаз. Здесь найдено достаточное количество костных стержней, роговые чехлы с которых были использованы в качестве сырья [Сунгатов, Бахшиев, 2008, рис. 86, 6, 7; 93, 7; 99, 1; 105, 5; 106, 8]. Как и в случае с коллекцией поселения Оло Хаз, мы не видим на Олаире изделий из роговых чехлов (не сохранились(?), унесены(?) с поселения в качестве сырья или каких-то изделий). Обратим внимание, что олаирский мастер иногда рубил и ломал стержень рога у основания [Сунгатов, Бахшиев, 2008, рис. 86, 7] точно так же, как его олохазский «коллега» (рис. 2, 4).

Изучая коллекции костяных изделий значительного количества поселений позднего бронзового века различных территорий, исследователи часто приходят к выводу о преобладании на них орудий кожевенного производства [Килейников, 1985, с. 18; 1988, с. 106; 2009, с. 96; Усачук, 1997, с. 129; 2000, с. 93; 2012а, с. 154; 2012б, с. 227; Панковский, 2000, с. 95; Коробкова, Виноградов, 2004, с. 84, 86; Мыльников, Мыльникова, 2011, с. 194; Морозов, 2017, с. 143; Кузьмина, 2017, с. 295; и др.]. В отношении олохазского материала этого не видно. Коллекция костяных орудий и изделий поселения насчитывает только 19 экз. [Усачук, Бахшиев, 2019, с. 11]. В тоже время нельзя утверждать, что жители поселения не обрабатывали шкуры животных и не использовали полученную кожу, поскольку из 19 орудий/изделий к кожевенным относятся 11 экз.: четыре тупика [Усачук, Бахшиев, 2019, с. 11], проколка, лоцило из тела ребра и пять небольших лоцил по коже из таранных костей мелкого и крупного рогатого скота. Очевидно, мы столкнулись с ситуацией, когда поселенческий коллектив, зная о костяных орудиях – тупиках, стругах(?), лоцилах и проколках и используя их в незначительной мере, предпочитал, очевидно, орудия из иных материалов – например, из дерева (орудия, заменяющие тупики) или металла (проколки, иглы). Интересно, что среди материалов раскопок нет разнообразных лоцил из фрагментов керамики. Скорее всего, кожевенное производство не было для

поселения Оло Хаз ведущим (как и для поселения Олаир), но зато на обоих памятниках Башкирского Зауралья была налажена обработка полого рога, что является для позднебронзовых поселений редкостью, но может быть производственной специализацией на Оло Хаз и Олаире. Для позднебронзовых поселений Доно-Донецкого региона, например, была в свое время намечена производственная специализация на основе анализа материалов коллекций костяных орудий и изделий [Усачук, 2000]. Более узкая специализация по разделке и утилизации туш животных, первичной обработки шкур была предложена на основе изучения костяных орудий для позднего горизонта срубного поселения Безыменного-II из Северо-Восточного Приазовья [Горбов, Усачук, 2000]. Малое количество костяных орудий дало возможность предложить иную (связанную с обработкой металла) специализацию сооружения 3 поселения Найденное Озеро I в Самарском Поволжье [Барынкин и др., 2017, с. 30]. Возможно, какая-то специализация в отношении использования орудий из кости просматривается и на одном из позднебронзовых поселений Западного Оренбуржья – Родниковом [Файзуллин, Усачук, 2018]. Видимо, что-то отличное от основной массы позднебронзовых поселений представляют собой в отношении использования кости и особенно рога и некоторые поселения Башкирского Зауралья.

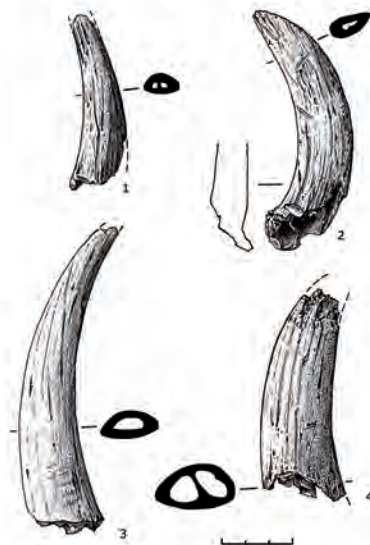

Рис. 4. Поселение Оло Хаз. Костяные артефакты: 1–4 – костные стержни полого рога

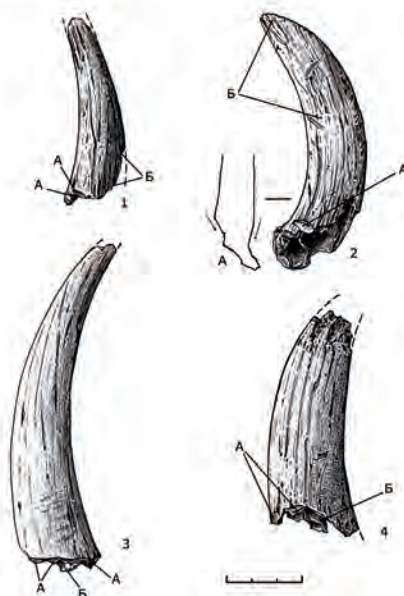

Рис. 5. Поселение Оло Хаз. Костяные артефакты: 1–4 – схемы следов изготовления/использования на костных стержнях

Литература

Абросимова А.А., Каплан Н.И., Митлянская Т.Б. Художественная резьба по дереву, кости и рогу. М.: Высшая школа, 1978. 132 с.

Барынкин П.П., Кузьмина О.В., Ластовский А.А. Поселение Найденное Озеро I // Вопросы археологии Поволжья. Самара: изд-во «Книжное Издательство», 2017. Вып. 6. С. 7-108.

Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Древние поселения Центрального Казахстана. Алматы: «Инжу-Маржан», 2009. 264 с.

Бородовский А.П. Древний резной рог Южной Сибири (эпоха палеометалла). Новосибирск: изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. 176 с.

Бородовский А.П., Лбова Л.В., Мыльников В.П., Мыльникова Л.Н., Нохрина Т.И., Сальникова И.В. Методика обработки коллекций: учебное пособие. Новосибирск: НГУ, 2013. 391 с.

Горбов В.Н., Усачук А.Н. Специализированный производственный комплекс на поселении бронзового века Безыменное-II // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. Донецк: «Східний видавничий дім», 2000. С. 97-100.

Душенко А.А. Косторезное дело Мангупа: дис. ... канд. ист. наук. Симферополь, 2016. 308 с.

Килейников В.В. Хозяйство населения донской лесостепной срубной культуры (по данным экспериментально-трасологического анализа орудий труда): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985. 20 с.

Килейников В.В. Ремесло и домашние производства у населения донской лесостепной срубной культуры // Исследование памятников археологии Восточной Европы. Воронеж: ВГПИ, 1988. С. 97-110.

Килейников В.В. Обработка шкур и выделка кожи у населения эпохи бронзы в лесостепном Подонье // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж: Изд.-полиграф. центр ВГУ, 2009. С. 96-113.

Коробкова Г.Ф., Виноградов Н.Б. Каменные и костяные орудия из поселения Кулевчи III // Вестник ЧГПУ. Сер. 1. Ист. науки. 2004. № 2. С. 57-87.

Кузьмина О.В. I Шигонское поселение // Вопросы археологии Поволжья. Самара: Изд-во «Книжное Издательство», 2017. Вып. 6. С. 279-390.

Молодин В.И., Парцингер Г., Кривоногов С.К. ... Марченко Ж.В. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Новосибирск; Берлин: изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. Т. 3. 248 с.

Морозов Ю.А. Аитовское поселение эпохи бронзы в Башкирском Приуралье. Уфа: УНЦ РАН, 2017. 231 с.

Мыльников В.П., Мыльникова Л.Н. Костяной инвентарь с поселения Линево-I переходного от бронзы к железу времени // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 5: Археология и этнография. С. 183-196.

Пальцева Д.У. Костяные изделия Самосдельского городища // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации. Астрахань: изд. Сорокин Р.В., 2011. С. 119-135.

Панковский В.Б. Подходы к изучению специализации и организационных форм косторезного и кожевенного производств в эпоху поздней бронзы // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. Донецк: «Східний видавничий дім», 2000. С. 95-97.

Рафикова Я.В., Федоров В.К., Усачук А.Н. Коллекция изделий из кости и рога поселения Ново-Байрамгулово-1 // Вопросы археологии Поволжья. Самара: СГСПУ, 2019. Вып. 7. С. 86-150.

Сергеева М.С. Косторізна справа у Стародавньому Києві. Киев: КНТ, 2011а. 256 с.

Сергеева М.С. Техніка обробки рогу у Воїнській Греблі // Древности. 2011б. Вып. 10. С. 191-205.

Сунгатов Ф.А., Бахшиев И.И. Поселение эпохи поздней бронзы Олаир. Уфа: ГУП «Уфимский полиграфкомбинат», 2008. 200 с.

Усачук А.Н. Костяной инвентарь поселения у с. Проказино // Древние культуры Подонцовья. Луганск: Ред.-изд. отдел облуправл. по печати, 1993. Вып. 1. С. 135-147.

Усачук А.Н. Сравнительный анализ использования орудий из кости на Мосоловском и Безыменском поселениях эпохи поздней бронзы // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 10. Пятьдесят полевых сезонов археологов Воронежского университета. Воронеж, 1997. С. 128-135.

Усачук А.Н. Костяные изделия срубных поселений Доно-Донецкого региона // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи: матер. междунар. науч. конф. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2000. С. 91-98.

Усачук А.Н. Коллекция костяных изделий Степановского поселения // Ю.М. Бровендер. Степановское поселение срубной общности на Донском кряже. Алчевск: ДонГТУ, 2012а. С. 140-156.

Усачук А.Н. Костяные орудия поселения эпохи поздней бронзы Ляпичев хутор в Подонье (по материалам раскопок М.И. Артамонова и М.П. Грязнова) // VIII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова (к 110-летию со дня рождения). Омск: «Амфора», 2012б. С. 226-235.

Усачук А.Н. Приложение 2. Трасологический анализ изделий из кости, рога и камня // Я.П. Гершкович. Суботовское городище. Киев: ИА НАНУ, 2016. С. 475-486.

Усачук А.Н., Бахшиев И.И. Использование астрагалов домашних животных на поселениях эпохи поздней бронзы Башкирского Зауралья // Археология евразийских степей. № 2. 2019. Эпоха бронзы и ранний железный век. Материалы круглого стола «Древности Нижнего Прикамья и 160 лет археологии Ананьинского могильника». Казань: ООО «Поволжская археология», 2019. С. 10-37.

Усачук А.Н., Варфоломеев В.В. Костяные и роговые изделия поселения Кент (предварительный результат трасологического и функционально-типологического анализа) // Далалык Еуразияның бегазы-дәндібай мәдениеті. Ж. Кұрманқұловтың 65 жылдық мерейтойына арналған ғылыми мақалалар жинағы. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2013. С. 218-227.

Усачук А.Н., Файзуллин И.А. Костяные изделия Токского и Покровского поселений эпохи поздней бронзы в Западном Оренбуржье // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург: ООО «ИПК Университет», 2016. Вып. 12. С. 127-148.

Файзуллин И.А., Усачук А.Н. Коллекция изделий из кости Родникового поселения позднего бронзового века в степном Оренбуржье // Вестник ОГПУ. 2018. № 3 (27). С. 172-186. Электронный научный журнал. URL: http://www.vestospu.ru/archive/2018/articles/16_3_2018.html (дата обращения 10.02.2020 г.).

Luik H. Material, Technology and Meaning: Antler Artefacts and Antler Working on the Eastern Shore of the Baltic Sea in the Late Bronze age // Estonian Journal of Archaeology. 2011. Vol. 15, № 1. P. 32-55.

А. П. Григорьев, Л. В. Купцова

**АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ РАННЕГО
ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ИЗ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА
у с. САМОРОДОВО В ОРЕНБУРЖЬЕ**

Работа посвящена исследованию антропологических материалов курганного могильника у с. Самородово эпохи раннего железа Оренбуржья. В результате изучения краниологической и остеологической серий памятника были выявлены морфологические особенности исследуемой группы ранних кочевников VI–IV вв. до н.э.

Ключевые слова: степное Оренбуржье, ранний железный век, остеологическая конституция, комплекс всадника

**Орынбор облысы Самородово ауылының маңындағы ерте
темір дәуіріне жататын қорымнан табылған
антропологиялық материалдар**

Мақала Орынбор облысы Самородово ауылы маңындағы ерте темір дәуіріне жататын қорымнан табылған антропологиялық материалдарды зерттеуге арналған. Краниологиялық және остеологиялық топтамаларды зерттеу нәтижесінде б.д.д. VI–IV ғғ. ерте көшпенділер тобының морфологиялық ерекшеліктері анықталды.

Түйін сөздер: Орынбор даласы, ерте темір ғасыры, остеологиялық конституция, салт аттылар кешені

**Anthropological materials of the Early Iron Age from the burial
mound near the village of Samorodovo in Orenburg region**

The work is devoted to the study of anthropological materials of the burial mound near the village of Samorodovo of the Early Iron Age in Orenburg region. As a result of studying the craniological and osteological series of the monument, morphological features of the studied group of early nomads of the VI–IV centuries BC were revealed.

Keywords: the steppe Orenburg region, Early Iron Age, osteological constitution, the horseman complex

В результате охранно-спасательных раскопок могильника у с. Самородово в Оренбуржье были исследованы три курганных насыпи [Купцова, 2020]. Сильная разрозненность скелетов, вызванная деятельностью представителей

© **Артем П. Григорьев**, Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Россия; grap9@bk.ru

Лидия В. Купцова, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Россия; orelin.84@mail.ru

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект №18-18-00137.

почвенной фауны в курганной насыпи, несколько затруднила индивидуальную идентификацию. Погребения эпохи раннего железа содержали останки 23 индивидов. Половозрастные определения приведены в таблице 1. Археологические комплексы могильника могут быть отнесены к концу VI–IV вв. до н.э. Погребения отличаются своеобразием погребального инвентаря, что причисляет эти комплексы к разряду элитарных.

Антропологическая коллекция изучена по стандартным метрическим методикам [Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев, 1966]. Была также применена остеоскопическая методика балловой оценки степени развития мест крепления мышц к основным костям скелета [Бужилова, 1998].

Краниологическая выборка неоднородна. Ее анализу будет посвящена специальная работа. По результатам предварительного отчета [Хохлов, Григорьев, 2020; Купцова, 2020] можно сказать, что она неоднородна. В ней зафиксированы черепа, европеоидного типа, характеризующиеся брахикранией, при некоторой вариативности величин лицевого скелета. В этой группе просматривается так называемый «тип восточного европеоида», принятый как самостоятельная структурная единица в отечественной антропологии [Балабанова, 2000; Яблонский, 2014], довольно хорошо распространенный среди сарматского населения поволжско-казахстанских степей эпохи раннего железа. В этой же выборке также присутствуют черепа, в облике которых фиксируется монголоидность, по всей видимости, западносибирского типа. Черепа обоих типов имеются и среди мужчин, и среди женщин, но в числе первых доминируют именно европеоиды, а в числе вторых, напротив, монголоиды.

Остеометрическая серия составлена из семи мужских и пяти женских скелетов. Материал сильно фрагментирован, в связи с этим суммарная серия была составлена из измерений обеих сторон скелета. Скелеты как мужчин, так и женщин характеризуются средними продольными и поперечными параметрами длинных костей. Два наблюдения берцово-бедренного индекса на мужских скелетах выявили относительное удлинение голени. На индивидуальном уровне из мужской выборки выделяется повышенными размерами костей нижней конечности индивид, расчищенный в норе 1 кургана 2. Длина тела этого индивида больше, чем у остальных мужчин группы и составляет 173,4–181,8 см. Рост других мужчин ниже, минимальный и максимальный результат подсчета по разным формулам составляет 166,8–174,9 см.

Костные останки ранних кочевников из погребений курганного могильника у с. Самородово представляют интерес в отношении патологических изменений, связанных с верховой ездой. Данному вопросу были посвящены специальные исследования. Так, в методологической работе А. П. Бужиловой приводится ряд признаков, фиксация которых необходима при реконструкции всаднического комплекса на скелетном материале. В обобщающем труде Д.И. Ражева по населению саргатской культурной общности (V в. до н.э. – III в. н.э.), акцент которого делается на реконструкции жизнедеятельности, также приводятся сведения о комплексе всадника [Ражев, 2009]. В качестве маркеров

данного образа жизни разными авторами указывается исчерпывающий перечень остеологических явлений: «...расширение вертлужной впадины на тазовой кости, головки и шейки бедренной кости, усиление развития мышечного рельефа длинных мышц, отвечающих за приведение, поворот бедра и фиксацию стопы» [Miller, 1992; цит. по: Бужилова, 2008, с. 110]; «резко выраженные поражения суставной поверхности крупных суставов..., частое распространение энтезопатий в области голеностопного сустава, а также увеличение числа случаев остеохондроза позвоночника...» [Бужилова, 1993; цит. по: Бужилова, 2008, с. 111]; «...отдельные патологии на позвоночнике, на суставах первого пальца стопы, наличие усиленного костного рельефа в местах прикрепления мышц на плечевой кости, костях предплечья...» [Ражев, 1996; цит. по: Бужилова, 2008, с. 111].

В нашем случае, к сожалению, сохранность скелетного материала не позволяет зафиксировать эти признаки в полном объёме. В связи с этим мы ограничились, по нашему мнению, наиболее выраженными и в то же время чаще всего фиксируемыми признаками на посткраниальном скелете. В частности, наблюдалась степень развития рельефа бедренной кости (шероховатой линии, большого и малого вертела, ягодичной бугристости), большеберцовой кости (бугристости, камбаловидной мышцы), плечевой кости (дельтовидной бугристости), предплечья (бугристость локтевой и лучевой костей) и дегенеративно-дистрофические изменения на позвонках поясничного, грудного и шейного отделов.

В специальных работах, посвященных реконструкции конской упряжи, не описано свидетельств о наличии стремян у ранних кочевников Южного Приуралья [Мышкин, 2016; 2018а; 2018б]. В соответствии с этим, особая физическая нагрузка приходилась на удержание позы всадника, в первую очередь, мышц бедра, обхватывающих туловище лошади. Вместе с тем, определенная нагрузка ложилась и на мышцы рук, удерживающих узду и регулирующих направление движения коня, особенно в состоянии быстрого темпа бега. Поэтому, для идентификации комплекса всадника следует учитывать развитие мест крепления мышц, как на нижних, так и на верхних конечностях.

Из десяти обследованных скелетов мужчин четыре индивида (1/3 ск. 1 и ск. 3, к. 2 нора 1, 3/1 ск. 1) выделяются на фоне остальных гипертрофированным развитием шероховатой линии бедра, оцениваемой в три балла. Обращает на себя внимание сильное развитие медиальной губы *linea aspera*, к которой крепятся приводящие мышцы бедра, расположенные с внутренней его стороны. Тремя баллами оценивается развитие линии камбаловидной мышцы. На плечевых костях фиксируется сильное развитие мышечного рельефа. Так же для этих индивидов характерно сильное развитие бугристости лучевой и локтевой мышц. В женской выборке три скелета из шести обладают таким набором характеристик (1/3 ск. 5 и ск. 8, 3/4 ск. 1). Элементы позвоночного столба удалость соотнести с длинными костями лишь для одного индивида. На скелете 8 погребения 1/3 наблюдается остеофитоз грудного отдела

позвоночника, поясничные позвонки не сохранились вовсе. Для остальных погребенных могильника присуще неярковыраженное развитие мест крепления мышц.

Таким образом, черепа из погребений курганного могильника у с. Самородово морфологически близки так называемому «типу восточного европеоида», хорошо представленного среди ранее исследованных краниологических материалов сарматского времени.

Остеометрические особенности заключаются в относительном удлинении голени при мезоморфном сложении скелета. Такой вариант остеологической конституции был зафиксирован у населения Восточного Притяньшанья VIII – II вв. до н.э. [Григорьев и др., 2019]. Однако делать какие-либо выводы относительно данного сходства пока преждевременно. Дальнейшее и целенаправленное изучение выборок кочевников железного века степной зоны Волго-Уралья и Казахстана позволит выявить морфологические особенности локально-хронологических групп населения и обосновать полученные результаты более определенно.

Примечательно наличие черт комплекса всадника на скелетах могильника у с. Самородово. Особенно это касается сильно развитого рельефа бедра в области прикрепления приводящих мышц, фиксируемое на некоторых мужских и женских скелетах. В материалах данного могильника имеются также примеры, где таких гипертрофированных изменений на костях не зафиксировано. Видимо, верховая езда доминировала в жизни лишь небольшой части коллектива. Например – у военной элиты кочевого общества. В перспективе исследование этого аспекта на антропологическом материале других могильников раннего железного века только уточнит наши предположения.

Таблица 1 – Половозрастные данные скелетов из погребений раннего железного века из курганного могильника у с. Самородово

курган/погребение /скелет	пол	возраст	курган/ погребение /скелет	пол	возраст
1/3/1	муж.	35–45 лет	2/3	жен.?	40–50 лет
1/3/2	жен.	18–25 лет	2/4	муж.?	зрелый
1/3/3	муж.	30–35 лет	к. 2 нора 1	муж.	зрелый
1/3/4	муж.	35–45 лет	3/1/1	муж.	45–55
1/3/5	жен.	55–60 лет	3/1/2	муж.	зрелый
1/3/6	жен.?	18–25 лет	3/2	муж.	18–25 лет
1/3/7	-	1–1,5 года	3/3	-	14–15 лет
1/3/8	жен.	45–55 лет	3/4/1	жен.?	18–25 лет

1/3/9	жен.?	зрелый	3/4/2	жен.	20–25 лет
1/3/10	жен.?	18–25 лет	3/5	муж.	35–40 лет
2/1	муж.	50–55 лет	3/7	жен.?	зрелый
2/2	жен.?	18–20 лет			

Таблица 2 – Индивидуальные остеометрические показатели скелетов из курганного могильника у с. Самородово

Пол	мужчины							женщины					
	Скелет	1/3/4	1/3/5	к.2 н.1	2/1	3/1/1	2/4	3/5	1/3/2	1/3/6	1/3/8	1/3/1	2/3
Признак	Плечевая кость												
1. Наиб. длина	-	306,0	-	-	-	-	-	327,0л	-	-	306,0	-	-
3. Шир. верх. эп.	-	46,0	-	54,0	-	-	-	51,0л	-	-	45,0	-	-
4. Шир. ниж. эп.	-	55,0	-	-	-	-	-	65,0л	-	59,0	58,0	-	-
5. Наиб. д.сер.д.	-	20,0	-	27,0 ??	-	-	-	24,5л	-	19,5??	20,0	-	22,0 ??л
6. Наим. д.сер.д.	-	15,0	-	19,0 ??	-	-	-	19,5л	-	13,5 ??	13,5	-	17,0 ??л
7. Наим. окр.д.	-	55,0	-	73,0	-	-	-	66,0л	-	53,0	54,0	-	60,0л
7/1. Указ. прочн.	-	18,0	-	-	-	-	-	20,2л	-	-	17,6	-	-
Лучевая кость													
1. Наиб. длина	-	-	-	-	-	-	-	248,0л	254,0л	232,0л	-	-	-
2. Физиол. длина	-	-	-	-	-	-	-	231,0л	237,0л	218,0л	-	-	-
3. Наим. окруж.	-	-	-	-	-	-	-	43,0л	43,0л	32,0л	37,0л	-	-
3/2. Ук. прочн.	-	-	-	-	-	-	-	18,6л	-	-	-	-	-
Локтевая кость													
1. Наиб. длина	227,0л	-	-	-	-	-	-	270,0л	275,0л	249,0л	247,0	-	-
2. Физиол. длина	239,0л	-	-	-	-	-	-	237,0л	237,0л	216,0л	214,0	-	224,0
3. Наим. окруж.	34,0л	-	-	-	-	-	-	35,0л	43,0л	32,0л	34,0	-	38,0
3/2. Указ. прочн.	14,2л	-	-	-	-	-	-	14,8л	-	-	-	-	-
Бедренная кость													
1. Наиб. длина	456,0л	-	490,0л	-	459,0	-	-	455,0л	-	403,0	417,0	-	-
2. Общая длина	452,0л	-	485,0л	-	-	-	-	454,0л	-	401,0	415,0	-	-
21. Мышечк. шир.	78,0л	-	90,0л	-	87,0	-	-	79,0л	-	72,0	74,0	-	-
6. Сагит. д.сер.д.	27,0л	-	37,0 ??л	-	28,0 ?	-	-	29,0л	-	20,0	24,0	-	25,0 ??
7. Попер. д.сер.д.	30,0л	-	29,0л	-	25,0	-	-	27,0л	-	26,0	23,0	-	26,0 ??
6/7. Ук. пилястри	90,0л	-	127,6??л	-	112,0	-	-	107,4л	-	-	-	-	-
8. Окр. сер.д.	88,0л	-	108,0 ??л	-	93,0 ??	-	-	90,0л	-	73,0	75,0 ??	-	81,0 ??
8/2. Ук. массив.	19,5л	-	22,3л	-	20,3	-	-	19,8л	-	18,2	18,1 ??	-	-

Большеперцовая кость												
1. Общая длина	379,0	374,0л	408,0л	351,0	380,0л	361,0л	367,0л	305,0	328,0	-	333,0	-
3. Наиб. шир.в.эп.	74,0	70,0л	84,0л	-	80,0л	75,0л	73,0л		65,0	66,0	69,0	-
6. Наиб. шир.н.эп.	51,0	48,0л	52,0л	50,0	49,0л	52,0л	49,0л	45,0	45,0	-	48,0	46,0л
8. Саг. д.сер.диаф.	28,0	27,0л	33,0л	29,5	30,0л	29,0л	29,5л	25,0	23,0	-	25,0	27,0л
9. Поп. д.сер. диаф.	22,0	23,0л	22,0л	23,0	20,0л	18,0л	20,5л	17,0	17,0	-	18,0	21,0л
10в. Наим. окр.д.	72,0	74,0л	80,0л	78,0	72,0л	70,0л	68,5л	62,0	59,0	-	64,0	-
10/1. Ук. массив.	19,0	19,8л	19,6л	22,2	18,9л	19,4л	18,7л	20,3	18,0	-	19,2	-
Малоперцовая кость												
1. Наиб. длина	-	-	414,0	-	-	-	362,0л	-	-	-	-	353,0
Ключица												
1. Длина	-	-	-	-	-	147,0л	147,0л	-	-	142,0л	-	-
6. Окр.сер.д.	38,0л	-	-	45,0 ??	-	30,0л	38,0л	-	-	33,0л	-	-
6/1. Ук. прочности	-	-	-	-	-	20,4л	25,9л	-	-	-	-	-
Указатели:												
Луче-плечевой	-	-	-	-	-	-	75,8л	-	-	-	-	-
Берцово-бедренный	83,8л	-	84,1л	-	-	-	80,8л	-	81,8	-	-	-
Плече-бедренный	-	-	-	-	-	-	72,0л	-	-	73,7	-	-
Луче-берцовый	-	-	-	-	-	-	67,6л	83,3	70,7	-	-	-
Интермембр.	-	-	-	-	-	-	70,0л	-	-	-	-	-
Длина тела												
по Пирсон-Ли	167,7	-	173,4	-	167,6	-	166,8	-	151,2	154,0	-	-
по Дюпертрон-Хэддену	170,8	-	179,5	-	171,6	-	170,6	-	154,9	158,4	-	-
по Бунаку	169,0	-	176,6	-	169,5	-	167,4	-	153,7	-	-	-
по Дебену	174,9	-	181,8	-	174,8	-	169,5	-	158,0	-	-	-

Литература

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.

Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 249 с.

Балабанова М.А. Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Ранний железный век. М.: Наука, 2000. 133 с.

Бужилова А.П. Возможности историко-экологических реконструкций по данным палеопатологии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993. 21 с.

Бужилова А.П. Программа фиксации индикаторов механического стресса, связанного с верховой ездой // Историческая экология человека. Методика биологических исследований / отв. ред. А.П. Бужилова, М.В. Козловская, М.Б. Медникова. М.: ИА РАН, 1998. С. 169-174.

Бужилова А.П. К вопросу о распространении традиции верховой езды: анализ антропологических источников // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. М.: Параллели, 2008. Вып. 6. С. 110-120.

Григорьев А.П., Китова А.О., Жанузак Р.Ж. Морфологическая характеристика поскраниальных скелетов саков Притяньшанья // Китов Е.П., Тур С.С., Иванов С.С. Палеоантропология сакских культур Притяньшанья (VIII – первая половина II в. до н.э.). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2019. С. 263-273.

Купцова Л.В. Отчет о проведении охранно-спасательных раскопок курганного могильника у с. Самородово в Оренбургском районе Оренбургской области по Открытому листу № 818 в 2018 году. Оренбург, 2020 // Архив Учебной археологической лаборатории ОГПУ.

Мышкин В.Н. О некоторых особенностях использования подпружных застеек кочевниками южного Приуралья в скифское время // Нижневолжский археологический вестник. 2016. Т. 15. № 1. С. 4-21.

Мышкин В.Н. Подпружные застеежки из курганов кочевников Южного Приуралья скифского времени // Археология ранних кочевников Евразии: сб. науч. ст. / Отв. ред. В.Н. Мышкин. Самара: Книжное издательство, 2018а. С. 41-62.

Мышкин В.Н. Курган 21 могильника Филипповка I: предметы конского снаряжения и дата комплекса // Самарский научный вестник. 2018б. Т. 7. № 3 (24). С. 283-287.

Ражев Д.И. Комплекс остеологических признаков всадников // Новое в археологии Южного Урала: сб. науч. трудов. Челябинск: Рифей, 1996. С. 251-258.

Ражев Д.И. Биоантропология населения саргатской общности. Екатеринбург: УрО РАН, 2009. 492 с.

Хохлов А.А., Григорьев А.П. Антропологические материалы курганного могильника эпохи железа у с. Самородово городского округа Оренбург Оренбургской области (раскопки 2018 года) / Купцова Л.В. Отчет о проведении охранно-спасательных раскопок курганного могильника у с. Самородово в Оренбургском районе Оренбургской области по Открытому листу № 818 в 2018 году. Оренбург, 2020 // Архив Учебной археологической лаборатории ОГПУ.

Яблонский Л.Т. Сарматы – ранние «восточные европеоиды»: время, экологические обстоятельства и ареал формирования физического типа // УАВ. 2014. № 14. С. 250-256.

Miller E. The effects of horceback riding on the human skeleton // Meeting of the Paleopathology Association. Las Vegas, Nevada, 1992. С. 8-9.

А. А. Тажекеев, Р. Т. Дарменов, А. Ж. Назаров

ПОЛЕВАЯ КОНСЕРВАЦИЯ И УКРЕПЛЕНИЕ СЫРЦОВЫХ ПАМЯТНИКОВ В ПРИАРАЛЬЕ

В статье приводятся материалы, посвящённые первичной консервации археологических объектов, сооружённых из глины. В течение длительного время ведутся археологические работы на городище Джанкент и Сортобе, здесь были вскрыты жилые помещения, стены которых сооружены из сырца. Временная консервация помещений при помощи подручных материалов – пленочного материала и земли не дала полноценной защиты от эрозии и разрушения сырца. В настоящее время на городищах Джанкент, Сортобе применяются методы консервации с применением естественных материалов, опробованные на других археологических памятниках региона.

Ключевые слова: Приаралье, Джанкент, консервация, археология, сырец

Арал маңының шикі кірпіштен тұрғызылған ескерткіштердегі далалық консервация және бекіту жұмыстары

Мақалада саздан тұрғызылған археологиялық нысандарды алғашқы консервациялауға арналған материалдар жарияланды. Жанкент және Сортөбе қалашықтарында бірнеше жылдар бойы жүргізілген археологиялық қазба жұмыстары нәтижесінде қабырғасы шикі кірпіштен тұрғызылған тұрғын үйлердің орындары ашылды. Тұрғын жайларға қолда бар полиэтилен жамылғы немесе топырақты пайдалана отырып жасалған уақытша консервациялау жұмыстары қабырғадағы шикі кірпішті толық сақтап қалуға мүмкіндік жасай алмады. Қазіргі уақытта Жанкент, Сортөбе қалашықтарында табиғи материалдар арқылы нысандарды консервациялау әдісі іске асырылуда, бұл әдіс аймақтағы басқа да археологиялық ескерткіштерде сынақтан өтті.

Түйін сөздер: Арал өңірі, Жанкент, консервация, археология, шикі кірпіш

Field conservation and strengthening of the raw monuments in Aral region

The article provides materials on the primary conservation of archaeological sites constructed from clay. For a long time, archaeological work has been carried out on the ancient settlement of Jankent and Sortobe, residential premises were opened here, the walls of which were built from adobe. Temporary preservation of the premises with the help of improvised materials - film material and earth did not provide full protection against erosion

---

© Азилхан А. Тажекеев, *Кызылординский государственный университет им. Коркыт Ата, г. Кызылорда, Казахстан; azik8484@mail.ru*

Рустем Т. Дарменов, *Национальный музей Республики Казахстан, г. Нур-Султан, Казахстан; darmenov_rustem@mail.ru*

Агабек Ж. Назаров, *Кызылординский государственный университет им. Коркыт Ата, г. Кызылорда, Казахстан; diz_agabek@mail.ru*

and destruction of adobe. Currently, methods used on other archaeological sites of the region using natural materials are used at the ancient settlement of Jankent and Sortobe.

Keywords: Aral Sea region, Jankent, conservation, archaeology, adobe

Сохранение археологических памятников на территории Центральной Азии, возведенных из глины, в настоящее время актуально не только для стран региона, но и международного сообщества. Укрепление сырца в природных условиях на памятнике истории и культуры имеет большое значение для его сохранения и дальнейшей реставрации. Одной из главных проблем сохранения памятников археологии является сооружения из глины. Сырец, пахса, глиняная штукатурка – все это еще в древности оплывало, превращая покинутые древним населением города и поселения в сырцовые холмы. Одна из сложных задач в археологии Центральной Азии – это методы закрепления вскрытых в результате археологических работ древних глиняных конструкций. Пленочные покрытия или пропитка синтетическими смолами традиционно применяются для закрепления глиняной скульптуры или живописи, однако в полевых условиях на больших площадях данный способ экономически не выгоден в связи с высокой стоимостью материалов и работ.

Исследования по музефикации археологического наследия на памятниках региона проводились уже неоднократно. Интересный опыт был получен на городище Отрар, где были осуществлены работы по консервации и сохранению древних развалин. Анализ современной литературы показал, что в настоящее время у нас отсутствуют работы, обобщающие многолетний опыт реализации методик консервации и реставрации памятников археологии. Полученные результаты практических мероприятий консервации демонстрируются в советской науке с 70–80-х годов XX в. [Федор-Давыдов, Булатов, 1987, с. 111–119; Булатов, 1975, с. 77–113].

Основными факторами, оказывающими негативное воздействие на физическую сохранность памятников археологии, являются, по мнению большинства исследователей, резкое изменение температурно-влажностного режима, химическое загрязнение, воздействие растительности и вибродинамические нагрузки. Но нет общего подхода к вопросу решения этих проблем, так, В. И. Федоров предлагает два метода консервационных работ: в первом – архитектурно-технические меры, направленные на укрепление конструкции памятника (разрешая воспроизводить отсутствующие элементы), а во втором – физико-химические средства защиты подземной и наземной части кладки. В качестве первичной консервации предлагаются укрепление кладки, инъектирование, подводка фундамента, укрепление грунта, борьба с агрессивным воздействием грунтовых вод, а на втором этапе – нанесение защитной обмазки для предохранения горизонтальной поверхности кладки от осадков [Федоров, 1965, с. 11]. Для археологических памятников Н. Д. Недовичем и Л. А. Беляевой были предложены методы консервации и реставрации из трех основных методов: «колпака», натурной консервации и макетирования [Недович, Беляева, 1987, с. 121–123]. Выделяемый метод

Рис. 1. Процесс консервации стен на городище Джанкент

«колпака», в качестве метода консервации, фактически представляет собой один из способов подготовки памятника археологии к музейному показу *in situ* и позволяет как защитить памятник от негативного воздействия окружающей среды, так и обеспечить восприятие мероприятий подготовки объекта к музейному показу в неразрывном единстве с мерами обеспечения его физической сохранности.

Однако в Казахстане вопрос консервации археологических памятников находится еще на стадии разработки. Причина в том, что в большинстве своем они выполнены из недолговечного строительного материала – глины и кирпича-сырца. Поэтому мы имеем в основном дело с остатками стен и фундаментов, фрагментов строительных конструкций, таких, как своды, стилобаты, пандусы и т.п. В основном при консервации проводятся два вида охранных работ – укрепление стен от дальнейшего разрушения и устройство навесов над археологическими раскопами. Данный метод консервации в виде устройства навесов и укрепления стен над объектами археологии Приаралья является актуальным и в настоящее время.

Рассматриваемая статья является одним из первых результатов обобщения методов укрепления сырцовых конструкций, осуществленных нами на городищах Джанкент и Сортобе 1. Археологические работы на памятниках, где проводятся работы по консервации, ведутся до сих пор, информацию о них можно посмотреть в данном сборнике. Необходимо отметить, что археологические работы на памятниках истории, позволившие собрать

богатеишие научные коллекции, ведут за собой постепенное разрушение раскопанных памятников буквально в течение нескольких лет. В условиях роста финансирования на научные изыскания со стороны Министерства образования и науки РК и областных акиматов увеличилось число памятников, подвергнувшихся археологическим раскопкам.

В 2016 г. при осмотре и зачистке Раскопа № 1 на городище Джанкент было выявлено, что раскопанные в 2005–2006 гг. жилые помещения, сооруженные из сырцовых кирпичей, подверглись разрушению. Причиной этой ситуации стала консервация объектов при помощи влагоустойчивого пленочного материала, который хоть и покрывал с землей сырцовые конструкции, но не спасал от шести главных причин, в результате чего происходит эрозия: непосредственное воздействие дождей на конструкции, циркуляция дождевой воды и ее скопление внутри конструкции, циркуляция воды внутри структурных элементов, сочетание влаги и ее замерзание в структурах сооружений, произрастание растений, присутствие людей [Отчет... Джанкент, 2017].

Другим объектом стал аварийный памятник – городище Сортобе 1, который также относится к культурному кругу памятников огузских племен. Здесь на открытых помещениях третьего строительного горизонта были проведены работы по консервации и укреплению сырцовых строений [Отчет... Сортобе, 2018].

Для решения этих проблем был предложен ряд мер для испытания в экспериментальном масштабе – это укрепление; принятие мер в отношении

Рис. 2. Городище Джанкент. Состояние напольного очага после консервации

защиты от окружающей среды (зачистка, дренаж и т.д.); обеспечение организованного оттока атмосферных осадков; реставрация основания стен (заполнение швов между кирпичами); восстановление и повторное оштукатуривание объектов.

Реализация методов профилактической консервации

Одной из главных причин разрушения памятников являются дождевые осадки, которые даже в жарком регионе выпадают в осенне-зимний период в обильном количестве. Было принято решение осуществить строительство над археологическим объектом временной деревянной конструкции (стоечно-балочная, каркасная структура). В этом варианте предлагалось устроить внутри археологического объекта сетку деревянных колонн с шагом 3×3 м. Главная особенность перекрытия из деревянных колонн состоит в том, что сами колонны-опоры заглубляются в основание объекта неглубоко (30–40 см). Это значит, что многочисленные колонны не повредят основание жилых сооружений и сохранят весь комплекс в неприкосновенности.

Вторым действием стало покрытие сырцовых стен жилых помещений Раскопа № 1 городища Джанкент глиняной обмазкой, что является распространенной мировой практикой сохранения глиняных памятников. Было решено, что предварительно древние стены покроются сеткой из волокнистой ткани (размер ячейки 0,5×0,5 см). Параллельно шли другие консервационные работы, в частности, осуществлена кирпичная обкладка наиболее разрушенных

Рис. 3. Общий вид на Раскоп № 1 после проведения консервационных работ

остатков глиняных стен и конструкций. Использовались сырцовые кирпичи полуторного размера 250×120×88 мм, с высоким обилием песка.

Выбор глины для обмазки был проведен вокруг городища Джанкент. Здесь много почв различного состава, цвета и свойств: от светлых до темно-красных почв и от глинистых до почв с высоким уровнем солей. Имеется также большое разнообразие песков. Проведен ряд предварительных испытаний почв, найденных возле памятника, которые показали, что не все они подходят для консервации. Очень высок процент засоленности глинистых отложений на такырах вдоль каналов. Причины, по которым фиксируется высокая засоленность, – это сброс воды в весенний период, скопление дождевой воды и ирригация современных полей. Если для консервации будет использована плохая глина, при высыхании появятся трещины и обмазка не будет способствовать защите древней стены. Глина была взята с отвалов прошлогодних раскопов, которая в условиях нахождения под открытым небом на протяжении длительного времени оказалась вымыта от солей и щелочи.

Первый слой обмазки конструкции был выполнен из глино-саманной смеси из песка и большого количества рубленой соломы (не рубленая солома после усыхания глины выпрямлялась и разрывала штукатурку). Второй слой имеет тот же состав, только вместо соломы использовалась шелуха риса.

В ходе восстановления и укрепления несущих стен и очагов в жилых помещениях также было принято решение установить в их интерьере очажные подставки в виде протом баранов (кошкар), развернутых в противоположные стороны на плоской, прямоугольной в сечении основе. Очажные подставки выполнены из бетона, реставратором-скульптором А. Назаровым. Подставка представляла собой брусок прямоугольного сечения длиной 48 см, высотой 13,5 и шириной 12 см. На концах бруска находились пирамидально сужающиеся выступы, образующие «шеи» баранов, увенчанные «головами». «Головы» были сделаны из двух плоских брусков, сужающихся к одному концу. Широкий конец их образовывал стилизованную горбоносую морду животного, а узкий конец был спирально закручен и образовывал рога. Круглые, уплощенные с боков головы имели диаметр 13,5 см. На верху «головой» был сделан невысокий (0,6 см высотой), квадратный в плане (1,5×1,5 см) выступ. Общая высота подставки составляла 40,5 см. Поверхность этой фигуры покрыта оттиснутым орнаментом в виде геометрических узоров и растительных побегов. «Головы» с боков и сверху украшены зигзагообразным орнаментом, состоящим из чередующихся треугольников. Полоса такого же орнамента шла с двух сторон по краю боковых частей подставки, образующих «шею» и «спину» животного. Пространство между этими полосами с разных сторон было заполнено различным орнаментом. На задних сторонах «шеи» между двумя полосами зигзагообразного орнамента были изображены четырехлепестковые розетки [Отчет... Джанкент, 2017; 2018; 2019]. Очаги во всех помещениях однотипные, они представляли собой прямоугольные открытые площадки, ограниченные со всех сторон невысокими бортиками, сделанных из половинок, разрезанных вдоль сырцов. Такие конструкции известны в Средней Азии и Хорезме еще с

последних веков до н.э. и были распространены в средневековье повсеместно [Воронина, 1963, с. 87–92; Неразик, 1966, с. 75]. Очаги использовались, как для отопления, так и для ритуальных нужд.

Методика реализации укрепления сырцовых сооружений на городище Джанкент дала положительный результат, так в течение трех лет, с момента проведения этих защитных мер, мы не видим разрушение стен и кирпичей. Аналогичный положительный опыт был получен и во время работ на городище Сортобе. Ограждение раскопа легким забором на деревянных стойках не дает животным возможность проникать и разрушать памятник. Тем самым, выбранная методика позволяет не только проводить научные исследования, но и пропагандировать историческое наследие, визуально демонстрируя его на примере раскопанных объектов.

Литература

Булатов Н.М. Принципы организации археологических музеев-заповедников // Вопросы охраны, реставрации и пропаганды памятников истории и культуры. Труды Научно-исследовательского института культуры: М.: изд-во Наука, 1975. Вып. 3. № 28. С. 77-113.

Воронина В.Л. Черты раннесредневекового жилища Средней Азии // СЭ. 1963. № 6. С. 81-83.

Недович Н.Д., Беляев Л.А. Из практики объединения «Росреставрация» по консервации и музеефикации памятников археологии // Методические основы охраны и использования памятников археологии: сб. науч. тр. Министерства культуры СССР, Научно-методического совета по охране памятников культуры. М.: Наука, 1987. С. 120-126.

Неразик Е.Е. Сельские поселения Афригидского Хорезма (По материалам Беркут-калинского оазиса). М.: Наука, 1966. 156 с.

Отчет о научно-исследовательской работе по теме: «Археологические исследования на городище Джанкент, Казалинского района Кызылординской области в 2017 году» // Научный архив Научно-исследовательского центра «археология и этнография» КГУ им. КоркытАта. Кызылорда: КГУ им. КоркытАта, 2017. 85 с., 76 рис.

Отчет о научно-исследовательской работе по теме: «Археологические исследования на городище Джанкент, Казалинского района Кызылординской области в 2018 году» // Научный архив Научно-исследовательского центра «археология и этнография» КГУ им. КоркытАта. Кызылорда: КГУ им. КоркытАта, 2018. 67 с., 67 рис., 1 табл.

Отчет о научно-исследовательской работе по теме: «Археологические исследования на городище Джанкент, Казалинского района Кызылординской области в 2019 году» // Научный архив Научно-исследовательского центра «археология и этнография» КГУ им. КоркытАта. Кызылорда: КГУ им. КоркытАта, 2019. 79 с., 87 рис., 2 табл.

Отчет о научно-исследовательской работе по теме: «Археологические исследования на городище Сортобе, Кармакшинского района Кызылординской области в 2018 году» // Научный архив Научно-исследовательского центра «археология и этнография» КГУ им. КоркытАта. Кызылорда: КГУ им. КоркытАта, 2018. 93 с., 65 рис., 2 табл.

Отчет о научно-исследовательской работе по теме: «Археологические исследования на городище Сортобе, Кармакшинского района Кызылординской области в 2019 году» // Научный архив Научно-исследовательского центра «археология и этнография» КГУ им. КоркытАта. Кызылорда: КГУ им. КоркытАта, 2019. 111 с., 146 рис., 3 табл.

Федоров В.И. Некоторые вопросы методики консервации каменной кладки // Сообщения научно-методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. М.: Наука, 1965. Вып. 1. С. 9-15.

Фёдоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М. Археологические музеи-заповедники (проблемы и перспективы) // Методические основы охраны и использования памятников археологии: сб. науч. тр. Министерства культуры СССР, Научно-методического совета по охране памятников культуры. М.: Наука, 1987. С. 111-119.

**H. Härke, I. A. Arzhantseva, A. A. Tazhekeev, M. Bronnikova,
I. N. Modin, A. V. Panin**

**INTERDISCIPLINARY FIELDWORK AT JANKENT:
EXPLORING EARLY MEDIEVAL URBANIZATION
ON THE LOWER SYRDARYA**

Our project at Dzhankent/Jankent addresses the origins and development of a town in the first millennium AD in the eastern Aral Sea region. In its current format, the project has been run since 2011 in collaboration of the University of Kyzylorda (Kazakhstan), the University of Tübingen (Germany) and the Russian Academy of Sciences (Moscow). Key questions of our work relate to the factors that may have had an influence on the process of urbanization: multi-ethnic population, economic and environmental change, trade on the Northern Silk Road, and the presumed state formation of the Turkic Oguz nomads. These issues are explored with an interdisciplinary methodology which, in addition to conventional archaeological excavation, includes a range of disciplines and approaches such as geophysics, geomorphology, pedology, zooarchaeology, stable isotopes from animal bones, and the analysis of ceramic materials. The results so far are challenging old and new hypotheses about the ‘marsh town’ of Jankent.

Keywords: Northern Silk Road, Khorezm, Oguz, urbanization, state formation, geoarchaeology

**Жанкент қаласындағы пәнаралық зерттеулер: Сырдарияның төменгі
ағысындағы ерте ортағасырлық урбанизация мәселесін зерттеу**

Жоба Арал теңізінің шығыс аймағында біздің дәуіріміздің бірінші мыңжылдығындағы қаланың (Жанкент) пайда болуы мен дамуына арналған. Қазіргі форматта жобаны 2011 ж. бастап Қызылорда университеті (Қазақстан), Тюбинген университеті (Германия) және Ресей ғылым академиясы (Мәскеу) бірлесіп жүзеге асыруда. Біздің жұмысымыздың негізгі мәселелері урбанизация процесіне әсер етуі мүмкін факторларға қатысты: көпқұрамды халық саны, экономикалық және экологиялық өзгерістер, Солтүстік Жібек жолындағы сауда және түрік-оғыз

© **Heinrich Härke**, *Department of Medieval Archaeology, University of Tübingen, Germany*; heinrich.haerke@uni-tuebingen.de; *Centre for Classical and Oriental Archaeology, Higher School of Economics, Moscow, Russia*; hghhaerke@hse.ru

Irina A. Arzhantseva, *Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Moscow, Russian Federation*; *Centre for Classical and Oriental Archaeology, Higher School of Economics, Moscow, Russia*; arzhantseva@rambler.ru

Azilkhan A. Tazhekeev, *Research Centre for Archaeology and Ethnography, Korkyt-Ata State University of Kyzylorda, Kazakhstan*; azik8484@mail.ru

Maria Bronnikova, *Department of Soil Geography & Evolution, Institute of Geography, RAS, Moscow, Russia*; mbmsh@mail.ru

Igor N. Modin, *Faculty of Geology, Moscow State University, Moscow, Russia*; imodin@yandex.ru

Andrey V. Panin, *Department of Geomorphology, Faculty of Geography, Moscow State University; Institute of Geography RAS, Moscow, Russia*; a.v.panin@yandex.ru

көшпелілерінің мемлекет құруы. Жобада геофизика, геоморфология, топырақтану, зооархеология, жануарлар сүйектерінен алынған тұрақты изотоптар және керамикалық материалдарды талдау сияқты жаратылыстану ғылымдарының әдістері кенінен қолданылады. Тіпті аралық нәтижелердің өзі Жанкент «батпақты қаласының» пайда болуы мен қызметі туралы бұрын және бүгінде қалыптасқан бірқатар болжамдарға толық жауап бермейді.

Түйін сөздер: Солтүстік Жібек жолы, Хорезм, Оғыз, урбанизация, мемлекеттіліктің қалыптасуы, геоархеология

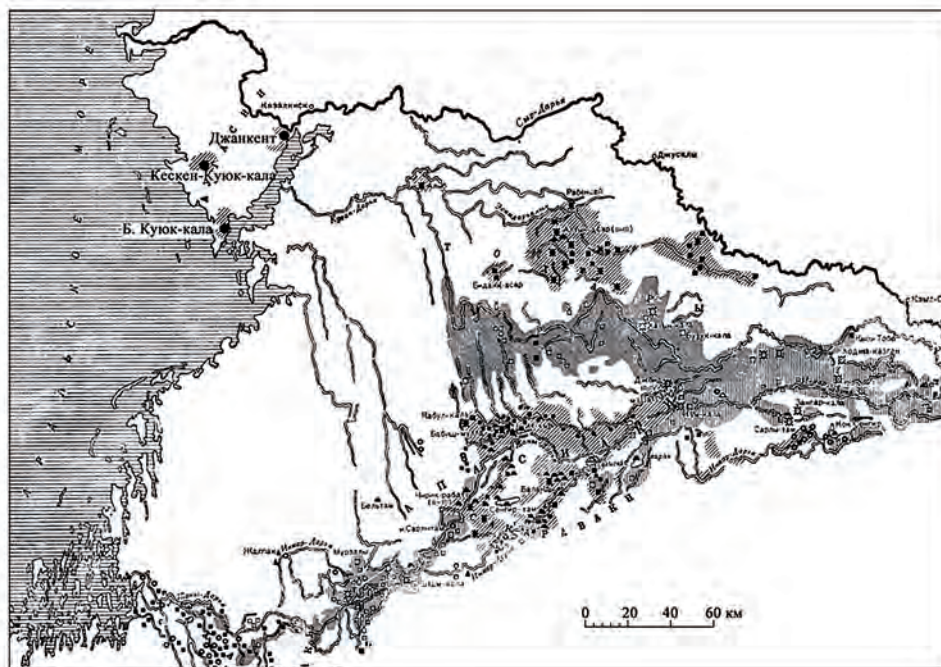
Междисциплинарные на городище Джанкент: исследование проблемы урбанизации на Нижней Сырдарье в раннем средневековье

Проект посвящен исследованию происхождения и развития города в I тыс. н.э. в Восточном Приаралье. В своем нынешнем формате проект осуществляется с 2011 года в сотрудничестве с Кызылординским госуниверситетом им. КORKYT АТА (Казахстан), Тюбингенским университетом (Германия) и Российской Академией наук (Москва). Ключевые вопросы нашей работы касаются факторов, которые могли повлиять на процесс урбанизации: полиэтничное население, экономические и экологические изменения, торговля по Северной ветке шелкового пути и предполагаемый ход генезиса тюрок-огузов. В проекте широко применяются естественнонаучные методы, такие как геофизика, геоморфология, почвоведение, зооархеология, исследование стабильных изотопов из костей животных и анализ керамических материалов. Даже промежуточные результаты ставят под сомнение как старые, так и некоторые недавно сформулированные гипотезы о происхождении и функционировании «болотного городища» Джанкент.

Ключевые слова: Северный шелковый путь, Хорезм, Огузы, урбанизация, государственное образование, геоархеология

Introduction. Jankent is a deserted early medieval town about 25 km southwest of the modern town of Kazaly (formerly Kazalinsk). It has not been built over in later times; today it is a scheduled monument marked by the ruins of ancient walls which are up to 10 meters high in places and enclose an area of 16 ha. Several Arab geographical texts of the 10th – 12th centuries mention a town of the Turkic Oguz nomads called ‘Jengi-Kent’ (Turkic for ‘New Town’), a couple of sources (Ibn Rustah, Ibn Hawqal) identify it as the seat of the *yabgu*, the head of the Oguz tribal confederation. As early as the 1920s, V.V. Bartold identified Jankent as the site of the recorded Jengi-Kent [Bartold, 2002]. The town is also important for Kazakh identity because it is believed to be the home of the Kazakh cultural hero, Korkyt Ata, the reputed inventor of the traditional two-string lute (*kobyz*).

While often described as the Oguz ‘capital’, Jankent is actually located on the interface of the steppe nomads to the north, and the civilization of Khorezm to the south. It is also on the crossroads of two key trade routes: the east-west trade along the northern branch of the early medieval Silk Road (along the Syrdarya corridor), and the north-south route from the Volga Bulgars to Khorezm (described by Ibn Fadlan and Al-Muqadassi in the 10th century). These routes intersect in the northern Aral Sea region, which may explain the curious concentration of early medieval towns in the delta of the Syrdarya (fig. 1). Sergey P. Tolstov coined the term ‘marsh towns’ for them, on account of their location in a, then, wet and marshy landscape [Tolstov, 1947; 1962]. Since that time, the delta has dried out, creating the current desert-

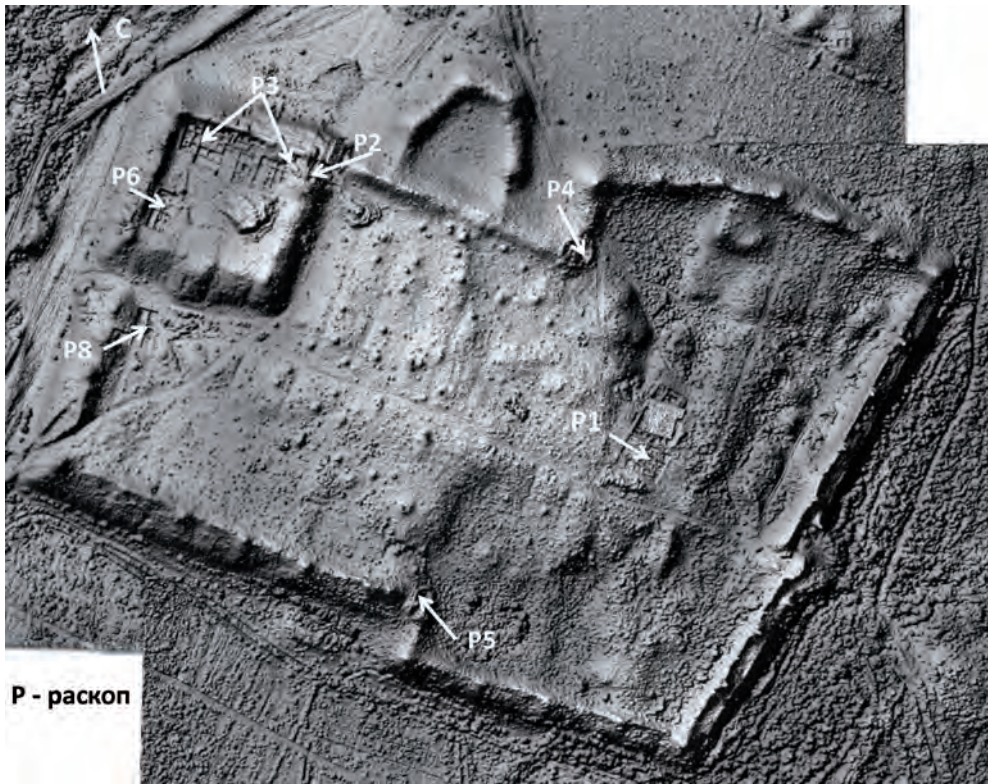

Fig. 1. Map of the Syrdarya delta with location of Jankent and other key sites

steppe. Among these ‘marsh towns’, Jankent stands out because of a rectilinear wall circuit, a corner citadel, and a regular lay-out of buildings in the western half, close to the citadel (fig. 2).

History of research. Fieldwork at Jankent started in the 18th century [Arzhantseva, Gorshenina, 2018], but excavations which satisfy modern standards have only been undertaken since 2005 by a Moscow team [Arzhantseva et al., 2007], and in 2006 by an Almaty team [Akhatov et al., 2008]. Discoveries before 2011 included a built-up area with a metal workshop and small houses in Central Asian style along a small street or within an urban ‘estate’, all of 9th/10th century date [Arzhantseva et al., 2007; Arzhantseva et al., 2010] (fig. 3). Trenches in the citadel by an Almaty team have remained largely unpublished, but have apparently failed to go deeper than the 9th/10th century layers of the Oguz town [Baipakov et al., 2012]. These earlier excavations were too limited in extent and depth to provide conclusive answers about origins, development and lay-out of the town.

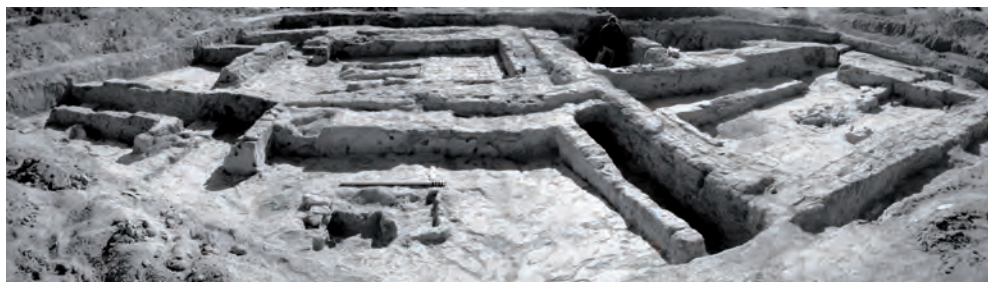
As early as 1971, Jankent was linked to environmental issues by Levina’s suggestion that a shift of the Syrdarya river bed may have led to a displacement of the Dzhetyasar/Jetyasar population which then founded Jankent (Levina 1971; 1996). This suggestion has not been followed up so far by systematic interdisciplinary research. The change over time of river channels in the Syrdarya delta has recently been explored by Tazhekeev on the basis of distributions of archaeological finds [Tazhekeev, 2012; 2013].

Fig. 2. Relief plan of Jankent with locations of trenches (2019)

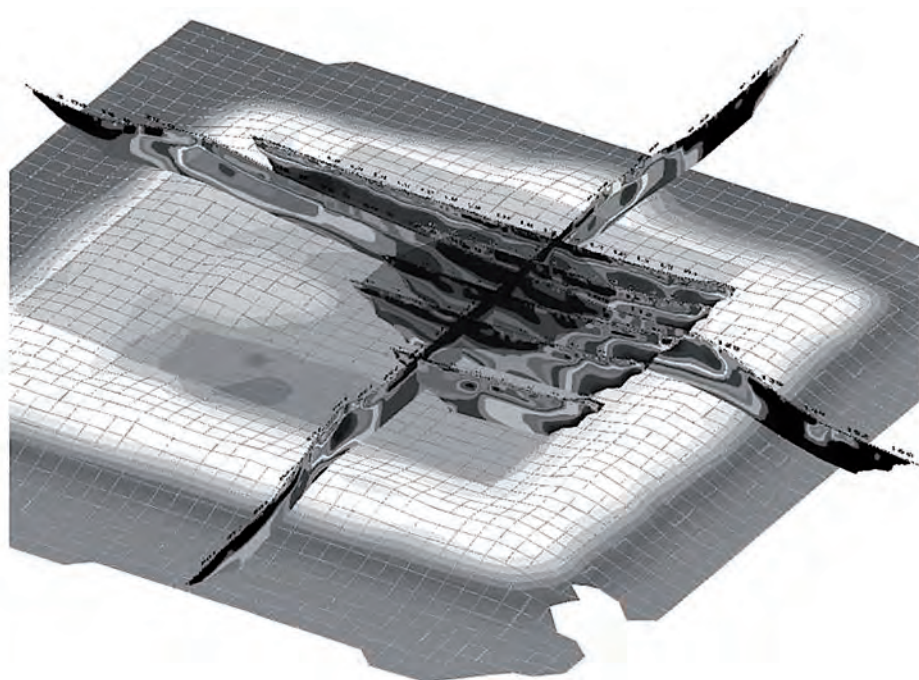
The Jankent Project: methodology. Fieldwork with an interdisciplinary methodology involving a geoarchaeological approach has been conducted since 2011 by an international team from the University of Tübingen (Germany), the Russian Academy of Sciences (Moscow) and the regional University of Kyzylorda (Kazakhstan) [Arzhantseva et al., 2012]. After initial support from the Wenner-Gren Foundation (USA), the project is currently funded by the Deutsche Forschungsgemeinschaft (project no. 389351859). The core of the methodology is an integrated programme of scientific fieldwork (geophysics, geomorphology, soil science) supporting conventional archaeological trenches at key points of the town, followed up with a series of post-excavation laboratory analyses (soil science, osteology and stable isotopes of animal bones, analysis of ceramic materials, extensive series of radiocarbon and OSL dates). Key parts of this methodology have been applied earlier by members of our team at another early medieval site in central Eurasia, the Uighur site of Por-Bazhyn in Tuva [Modin et al., 2010; Panin et al., 2012].

Prospection (mainly magnetometry and electric resistivity) by the Moscow geophysics team now covers all of the interior, providing a plan of the town in the 10th – 11th centuries. It has also pinpointed a number of features which we intend to excavate in the final fieldwork season (2020); these include a circular ditch in the centre of the town, and a rectangular building on a clay platform close to the inside of

Fig. 3. Houses revealed in older excavations in Trench R1 (2005–2008)

the northern town wall. Another prospection technique, that of electrotomography, has given vertical sections at critical points, particularly in the deeply stratified citadel area (fig. 4). It showed that the higher level of the citadel interior as compared with that of the lower town (shahristan) resulted from a natural elevation or from intensive occupation (tell). Prospection also confirmed the regular lay-out of the lower town (visible on aerial photographs) close to the west gate, implying the existence of a planning authority; and it identified large building complexes within the town, east of a shallow north-south boundary ditch, hinting at social divisions within the population. Outside of the town, prospection suggested fireplaces, perhaps from workshops, north of the town wall; however, a trench (R9) at one of these suspected ‘workshop’ places in 2019 did not produce any relevant evidence.

Fig. 4. Electrotomography sections overlaid on a 3D relief model of the citadel (2011)

Fig. 5. Mechanical coring in 2019, with inspection of a core in progress (foreground right; in the background: east wall of Jankent)

The semicircular annexe attached to the northern town wall is a good example of the potential of interdisciplinary work (fig. 2). Two trenches within the annexe did not produce any evidence of structures or buildings; this was confirmed by geophysical prospection. Manual coring showed up a thick, dark occupation layer. Soil analysis proved keratin-eating micro-fungi, implying the presence of livestock or humans inside this annexe; the low phosphorous levels in the occupation layer suggest humans rather

than animals. This might conceivably have been a cattle corral or a slave pen: both, cattle and slaves were traded from the Volga region to Khorezm according to the testimony of Al-Muqaddasi in the 10th century, and must therefore have passed through the Aral Sea region.

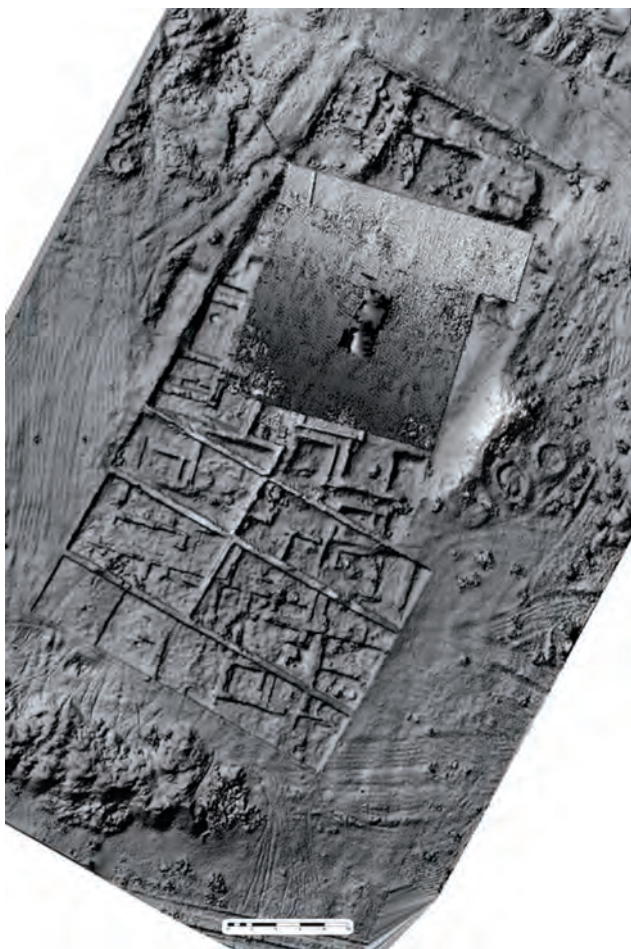
Geomorphological and pedological work focuses on the contemporary and historical topography of the site and its surroundings, and tries to identify functional zones within the town. This work is aimed at two main questions: the nature and intensity of occupation inside the walls, and the reconstruction of the environment and dating of the river palaeochannels around Jankent. Within the town, manual cores showed that the occupation layers in all trenches have a depth of about 4 metres or more. In order to obtain answers to our questions within the time limit of the project, it was decided to change our fieldwork strategy by shifting the emphasis of fieldwork in 2019 towards coring. A grid of 25 coring points was set out across the town where a mechanical drill (hired from a Moscow geophysics firm) dug cores of 10 cm diameter and up to 8 m deep, at each coring point down to natural (fig. 5). These cores are now (early 2020) being analysed in the laboratory, and after C14 dating (with three to four dates from each core) they will give us an outline of the entire occupation history of the site. Visual inspection of the cores on site already provided first essential insights, some of them destroying initial hypotheses and tentative identifications of features.

The location of palaeochannels is crucial for interpretations relating to trade along the river, and to the reasons for the eventual abandonment of the town. In 2018, coring was started in a palaeochannel of the Syrdarya. The OSL dates obtained from the samples are, however, much earlier than the town, so the search for the nearest access to the river, and thereby the Aral Sea, was continued in 2019 south of Jankent, with further OSL samples taken (for dating in the Curt Engelhorn Centre for Archaeometry, Mannheim, Germany).

The osteological study (by A. Haruda, Halle, Germany) and isotope analyses (by A.V. Miller, Michigan, USA) of animal bones are important elements of our project because these bones are one of the largest categories of finds, and because they are essential for answering questions about subsistence economy and livestock trade. Fish remains which have been recovered, in particular, from the lowest occupation layers of the site are potentially informative for the issue of economic change from the earliest settlement to the later town. Work along these lines has only started recently, but there is already one interesting success: the identification of cat bones from deposits just outside the citadel. An international and interdisciplinary team carried out osteological, palaeopathological, genetic (DNA), stable isotope and radiocarbon analyses of the bones. Their results highlight that this is the first cat from a settlement context in Central Asia (publication in progress). With a C14 date around AD 800, the cat actually pre-dates the late 9th or 10th century lay-out of the town by almost a century; this is significant because cat-keeping was essentially an urban phenomenon.

Apparently modern burials are a regular occurrence in our trenches, particularly in the citadel (trench R6) and just south of it (Trench R8). In 2019, a Tübingen M.A. student (S. Reininghaus) was able to document a total of 16 graves and inspect the human bones from them during and immediately after excavation, before the bones were re-buried in the present-day village cemetery of Urkendeu (Jankent). The large number of clear observations of malnourishment and stress indicators lend support to our earlier speculation that these may be burials of famine refugees of the early 1930s (see Arzhantseva, Tazhekeev, 2017).

Fig. 6. Relief plan of Trench 1 showing excavated houses (2019; blank area: roof cover over restored house remains)

Other post-excavation analyses and conservation measures are intended to provide further data for the interpretation of the development and functions of Jankent. Pottery of the 7th – 11th or 12th century is the most frequent category of finds from the site; it is the object of research by a Tübingen Ph.D. student (G. Amirgalina, Kyzylorda) who is focusing at the moment on determining the origins of the clays used in making the pottery found at Jankent. This line of research is now producing the first interesting results which suggest non-local origins. An outstanding find of the 2019 season is currently being conserved and awaiting study by a specialist: three eggs found in a 10th century pottery vessel, all of them with Arabic lettering.

The Jankent Project: interim results of archaeological fieldwork. Since 2011, conventional archaeological trenches have been continued in, or newly put into, the walls of town and citadel (R2 and 5), the interior of the citadel (R6), the lower town (shahristan; R1 and 8) and north of the town (R9) (fig. 2).

Trench R2 is located at the junction of northern town wall and citadel wall. Occupation layers at this point show deep stratification down to a depth of 8 metres measured from the current top of the citadel wall; a trial trench added another 2 metres without reaching natural. Radiocarbon dates of the upper layers (above the trial trench) extend back to the 8th to 10th centuries; radiocarbon dates are not yet available for the lowermost layers. Extensions of Trench 2 showed a series of semi-circular towers on the citadel wall, and occupation layers inside the 10th century wall, reminiscent of the Khorezmian tradition of ‘live-in walls’. Recent fieldwork has not produced any new evidence that would contradict a 10th century date for the fortifications (and thus, the date for the overall lay-out of the town). The top of the wall was sealed by a burnt layer; this is an interesting contrast to the lower town where there is no evidence of a conflagration in the top layers.

Trench R5, placed in the Z-shaped angle close to the middle of the southern town wall, was intended to check if the ‘cross-bar’ which forms the eastern half of the lower town was a later addition. The observations in this trench suggest that the eastern and western halves of the wall had been built in a single process, implying that

Fig. 7. Stratigraphy of a house in Trench 1 (2017)

the T-shaped lay-out of the wall circuit was part of the original design, linking it to similar Khorezmian enclosures. Settlement layers were found at this point under the base of the town wall, with pottery dating back possibly to the 8th or even the 7th cen-

ture; radiocarbon dates (Institute of Geography, RAN Moscow) gave a sequence from 7th/8th to 10th/11th centuries. This clearly implies the existence of a predecessor settlement, probably unenclosed, under the Oguz-period town.

In the shahristan, a domestic quarter and a metal workshop had been uncovered in the 2005 – 2008 excavations. Work continued here in Trench R1 confirmed the earlier picture of a dense arrangement of small houses dating mostly to the 10th century, but also revealed a much deeper stratification than had previously been found (fig. 7). In one location, a minimum of four construction phases could be distinguished, with a ‘firedog’ from the lowest layer closely resembling those from the upper layers. An even greater surprise was a patch of wall painting preserved on the wall of a small house in the large building complex (‘estate’) in the eastern half of the town, hinting at the possibility of an elite element in the lower town. In 2018, a new trench (R8) was opened close to the west gate where stacks of unused mud bricks were found in the top layer, suggesting that building activities continued until the abandonment of the town. Below this, a house of standard layout produced a bronze cauldron in situ in the room, next to broken pottery vessels.

In the interior of the citadel, work in the new Trench R6 has uncovered small buildings of domestic character, with a quern in situ in one of the houses. So far, there is no evidence of large, let alone monumental buildings which might be expected in the citadel of a ‘capital’ in this region, and this negative observation extends to the evidence from the older excavations here (Trench R3). The only aspects so far which are unique to the citadel are the traces of a large fire at the end of its occupation (in R2), and finds of small sherds of glazed pottery which cannot be earlier than the beginning of the 12th century. These sherds may mean that Jankent was abandoned a century later than hitherto thought, or they may indicate a short re-occupation of the citadel well after abandonment of the town, perhaps during the existence of the nearby Golden Horde town of Mon-tobe (located less than 2 km to the northwest of Jankent).

Pottery continues to be the most numerous category of finds at Jankent. It is important not just for chronology, but also because it shows the presence of three cultural traditions side by side, thereby providing information about the possible composition of the population of the 10th century town. The first group consists of red-slip wares and vessels with rim decorations; these are features typical of earlier local cultures with sedentary populations, primarily the Jetyasar Culture. The second, smaller group is made from light clay and resembles early medieval settlement pottery from Khorezm and Kerder (Amudarya delta). The third group of pottery consists of hand-made vessels richly decorated with vegetal motifs; this group had been identified by Tolstov [1947] as belonging to the Turkic Oguz population, largely because of broad similarities of the decoration to that of early medieval Turkic pottery from Mongolia. Interestingly, the same ‘nomad’ decoration is found on the ceramic ‘firedogs’ found in Jankent houses.

Conclusions. In sum, our work at Jankent has shown that occupation of this site started out as a probably open settlement in the Syrdarya delta, then developed into a fortified town before it was abandoned completely. The new radiocarbon

dates from the 2018 season (the samples from 2019 are still being processed in the Mannheim laboratory) push the beginnings of this settlement slightly further back into the late 6th or 7th century, three centuries earlier than the historical references to Jengikent. The fortified town known from written sources was built as a single, planned complex on top of the earlier settlement in the later 9th or 10th century. The abundance of fish remains in the lowest layers, and later palaeobotanic evidence for locally grown wheat indicate economic change during the existence of the settlement. In the 10th/11th centuries AD, Jankent seems to have been quite clearly an urban settlement, with elements of regular lay-out, social differentiation and economic specialization. Given its size of 16 ha, the population within the walls may be estimated, on Khorezmian analogies, to have numbered between 1000 and 3000.

The evidence of Khorezmian town planning, and the abundant presence of Khorezmian pottery, suggest that this may have been a trading site or entrepot with Khorezmian merchants operating under the control and protection of the Oguz elite at an economically strategic location: on the crossroads of two major trade routes, and not far from the mouth of the Syrdarya into the Aral Sea. Oguz state formation would, in turn, have benefitted from the town as it provided specialists normally lacking in nomad societies. The end of the town in the 11th or 12th century may therefore have been caused by changes in trade patterns, the collapse of the Oguz polity, or shifts of the river channels in the delta, thus depriving the town of its access to water.

References

Akhatov G.A., Smagulov T.N., Ganieva A.S., Amirgalina G. T. Arkheologicheskie issledovaniya drevnego gorodishcha Jankent. Annual field report. Almaty: A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, 2008. URL <http://www.madenimura.kz>

Arzhantseva I., Gorshenina S. The patrimonial project of Dzhanakent: constructing a national symbol in the *longue durée* // *Ancient Cultures from Scythia to Siberia*. 2018. T. 24. S. 467-532.

Arzhantseva I.A., Tazhekeev A.A. Kompleksnyye issledovaniya gorodishcha Dzhanakent. Raboty 2011-2014 gg. Almaty: Arys, 2014. 320 s.

Arzhantseva I.A., Tazhekeev A.A. Contested landscapes of Soviet Central Asia: an ethnoarchaeological case study from Kazakhstan // *Journal of Conflict Archaeology*. 2017. T. 12. No. 3. P. 177-191. DOI: 10.1080/15740773.2017.1480449.

Arzhantseva I.A., Kurmankulov J.K., Zilivinskaya E.D., Ruzanova S.A., Sydykova J. T. Materialy Dzhanakentskoj arkheologicheskoy ekspeditsii. Kyzylorda: Inzhy-Marzhan, 2007. 124 s.

Arzhantseva I.A., Zilivinskaya E.D., Karamanova M.S., Ruzanova S.A., Utkel'baev K.Z., Sydykova Zh.T., Bilalov S.U. Svodnyj otchet ob arkheologicheskikh rabotakh na gorodishche Dzhanakent v 2005-2007, 2009 gg. Kyzyl-Orda: Inzhu-Marzhan, 2010. 164 s.

Arzhantseva I.A., Karamanova M.S., Ruzanova S.A., Tazhekeev A.A., I.N. Modin I.N., Härke H. Early medieval urbanization and state formation east of the Aral Sea: Fieldwork and international workshop 2011 in Kazakhstan // *The European Archaeologist*. 2012. T. 37. P. 14-20.

Baipakov K.M., Voyakin D.A., Ilin R.V. The towns of Huwara and Yangikent, the old and new capitals of the Oghuz state // *Bulletin of IICAS*. 2012. T. 16. P. 22-44.

Bartold V.V. Raboty po istorii i filologii turkskikh i mongol'skikh narodov. Moscow: Vosnochnaya Literatura, 2002. 759 s.

Kovalev R.K. Commerce and caravan routes along the Northern Silk Road (sixth – ninth centuries). Part I: The western sector // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 2005. T. 14. P. 55-105.

Levina L.M. Keramika nizhnei i srednei Syrdarya v pervom tysyacheletii n.e. (Trudy Khorezmskoi Arkheologo-Etnograficheskoi ekspeditsii VII). Moscow, Nauka, 1971. 251 s.

Levina, L.M. Etnokul'turnaya istoriya vostochnogo Priaraliya. Moscow: Vostochnaya literatura, 1996. 396 s.

Modin I., Andreyev M., Akulenko S., Kats M.Ya., Arzhantseva I.A. 2010. Geophysical investigations on Por-Bajin Island in the Republic of Tuva // *Moscow University Geology Bulletin*. 2010. T. 65 No. 6. P. 428-433.

Panin A.V., Bronnikova M.A., Uspenskaya O.N., Konstantinov E.A., Koshurnikov A.V., Selezneva E.V., Fuzeina Yu.N., Sheremetskaya E.D., Arzhantseva I.A. Evolution of Tere-Khol Lake and the holocene dynamics of the environment in the southeastern part of the Sayan-Tuva highland // *Doklady Earth Sciences*. 2012. T. 446 No. 2. P. 1204–1210.

Tazhekeyev A.A. Istoriya obvodneniya yuzhnykh protokov Nizhney Syrdari po arkheologicheskim dannym. Inkardar'ya // *Kadyrbaevskie chteniya – 2012: materialy III mezhdunarodnoy konferentsii*. Aktobe, 2012. S. 96-105.

Tazhekeyev A.A. Istoriya obvodneniya yuzhnykh protokov Nizhney Syrdari po arkheologicheskim dannym. Zhanadar'ya // *Trudy filiala Instituta arkheologii im. A.Kh. Margulana v g. Astana*. T. 2. Astana, 2013. S. 65-72

Tolstov S.P. Goroda Oguzov // *Sovetskaya Etnografiya*. 1947. No. 3. S. 57-102.

Tolstov, S. P. Po drevnim del'tam Oksa i Yaksarta. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1962. 323 s.

Д. Ә. Талеев, М. С. Шагирбаев

БУРНООКТЯБРЬСК 1 (ЖЫЛҚЫШЫТӨБЕ) ҚАЛАСЫНЫҢ ОСТЕОЛОГИЯЛЫҚ МАТЕРИАЛДАРЫ

Мақалада Бурнооктябрьск 1 қаласына 2018–2019 жылдары жүргізілген археологиялық қазба кезінде табылған жануар сүйектері талданады. Бурнооктябрьск 1 қаласына жүргізілген археологиялық қазба барысында жалпы саны 319 дана сүйек материалдар алынды. Оның ішінде 2018 жылы қазба барысында 281 дана және 2019 жылы 38 дана жануар сүйегі. Osteологиялық материалдар жануар түрлеріне, жануар жасына, қаңқа элементтеріне, қаңқа бөліктеріне, бөлшектену индекстеріне және сақталу дәрежелеріне қарай топталды. Археозоологиялық талдау барысында 10 сүтқоректі жануар түрі, құс және адам сүйектері анықталды. Ескерткіштен үй жануарларының барлық түрлері кездесіп отыр. Зерттеу жұмысы көрсетіп отырғандай, тағамдық рационда көбіне жасы келген жануарларды пайдаланған. Бұл жануарлардың көбіне сүт өнімдерін алу мақсатында пайдаланғанын айғақтайды. Жабайы жануарлардан арқар, ақбөкен және қарақұйрық сүйектері де анықталды. Osteологиялық материалдардың ішінде өңделген сүйектер де кездеседі.

Түйін сөздер: Бурнооктябрьск 1, археология, археозоология, остеология, үй жануарлары, фауна

Остеологические материалы городища Бурнооктябрьск 1 (Жылқышытөбе)

В статье анализируются костные материалы, найденные на городище Бурнооктябрьск 1 в ходе раскопок 2018–2019 г. Всего найдено 319 экз. костных остатков, в том числе в 2018 г. – 281 экз.; в 2019 г. – 38 экз. Определен видовой и возрастной состав, элементов скелета, отделов скелета, индекс раздробленности и сохранность костей. В ходе анализа выявлено 10 видов млекопитающих, кости птицы и человека. Среди забитых животных преобладают взрослые особи. Такое распределение свидетельствует о выраженном молочном (наряду с мясным) направлении в скотоводстве. Из диких животных встречены кости архара, джейрана и сайги. В анализируемой коллекции выявлены кости со следами обработки.

Ключевые слова: Бурнооктябрьск 1, археология, археозоология, остеология, домашние животные, фауна

© **Дөкей Ә. Талеев, Мамбет С. Шагирбаев, Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты,** Алматы қ. Қазақстан; mambet__87@mail.ru

Мақала авторлары остеологиялық материалдарды жануар түрлеріне қарай талдаудағы әдістемелік кеңестері үшін Екатеринбург қ., РҒА ӨЖЖЭИ «Палеоэкология» лабораториясының жетекші ғылыми қызметкер б.ғ.к. П.А. Косинцевке алғыс білдіреді.

Osteological materials of the city of Burnooktyabrsk 1 (Jylkyshytobe)

The article analyzes the bone materials found during excavations of 2018–2019 from the ancient settlement of Burnooktyabrsk 1. In total, 319 specimens of bone residues were found, of these, 281 copies in 2018 and 38 copies in 2019. The species and age composition, elements of the skeleton, parts of the skeleton, the fragmentation index and the preservation of bones are determined. An archaeozoological analysis revealed 10 species of mammals, bones of birds and humans. Among slaughtered animals, adult specimens predominate. This distribution indicates a pronounced dairy (along with meat) direction in animal breeding. From wild animals there were bones of argali, gazelles and saigas. Among the osteological material, processed bones were found.

Keywords: Burnooktyabrsk 1, archeology, archeozoology, osteology, domestic animals, fauna

Kіpіcne. Бурнооктябрьск 1 (Жылқышытөбе) қаласы қазіргі Жамбыл облысы, Жуалы ауданы, Нұрлыкент, Теріс және Қызылдіхан ауылдарының аралығында орналасқан. Бурнооктябрьск 1 (Жылқышытөбе) қаласы жайлы В. В. Бартольд 1893–1894 жылдары Қазақстанның оңтүстігіне жасаған іс сапары барысында жазған болатын [Бартольд, 1966, с. 27]. 1939 жылы Жамбыл археологиялық пунктiнiң директоры Г. И. Пацевич Теріс өзенінің оң жағалауындағы ескерткіштің орнын анықтап, оның орналасқан жерін, топографиялық құрылымын сипаттап, жобасын қағазға түсірген. Үстінен табылған ыдыс сынықтары негізінде қалашықтың өмір сүрген уақытын шартты түрде VII–IX ғғ. аралығымен мерзімдеген [Пацевич, 1939, с. 21–22; Агеева, Пацевич, 1958, с. 138–139].

2018–2019 жылдары Бурнооктябрьск 1 (Жылқышытөбе) қаласында жүргізілген қазба жұмыстары барысында биіктігі 17–18 м, көлемі 100×120 м болатын төбенің астындағы екі қабатты (алғашқы болжау бойынша), көп бөлмелі құрылыс кешенінің орны анықталды (сур. 1; 2). Қазба барысында құрылыстың басым бөлігінің сақталғаны анықталды. Төбенің жоғарғы бөлігінен қабырғаларының қалыңдығы 2–3 м, биіктігі 3–3,5 м қалпында сақталған 6 бөлме ашылды. Кешен қабырғалары көлемі 52×26×9; 50×25×8 см қам кірпіштерден қаланған. Орталық бөлмелері батыстан шығысқа қарай ұзын жағымен созыла қатар салынған. Төбесі бастапқыда күмбезделіп жабылған. Өкінішке орай жоғарғы жабыны құлап кеткен. Қазба барысында кешен бөлмелері ішінен тастан жасалған балталар, дән үгіткіштер, түрлі мақсатта қолданылған, ортасы тесілген, сыртқы жағы үйкелістен мүжілген тастар табылды. Қыш ыдыстар негізінен боялмаған және негізінен қолдан жапсырып жасалған қыш ыдыстардың сынықтары. Бірнеше бүтін ыдыстар да кездесті. Сонымен қатар тұрғындар азық еткен малдардың сүйектері де жиналды.

Шамасы Жылқышытөбе біздің жыл санауымызға дейінгі және біздің жыл санауымыздың басындағы ғасырларда егін еккен отырықшы қауымнан қалған мекеннің орны болса керек. Ескерткіш қазба жүргізілген қабаты стратиграфиясы мен керамикасы бойынша б.д. I–IV ғасырларымен мерзімделеді.

Сур. 1. Бурнооктябрьск 1 қаласына жүргізілген қазба (шығыстан көрінісі)

Қытай деректеріне сәйкес Талас өңірі жоғарыда айтылған уақыт аралығында Қаңлы патшалығының иелігінде болған. Олай болса кешеннің тұрғындары қаңлылардың егіншілікпен айналысқан тайпаларының бір бөлігінің мекені болуы мүмкін.

Отандық археологияда ортағасырлық ескерткіштерден керамикамен қатар, сүйек материалдар да көп мөлшерде кездесіп жатады. Бірақ остеологиялық материалдар толыққанды зерттелмей, көбіне үстірт сипатталып, шамамен жалпы мәліметтерді берумен шектеліп қалады. Осы тұрғыдан алып қарағанда Бурнооктябрьск 1 қаласынан табылған жануар сүйектерін зерттеу, отандық археологияда, оның ішінде археозоологиялық зерттеулер базасын толықтыруда, сонымен қатар Қазақстанның оңтүстік өңірлерінің ежелгі және ортағасырлық фаунасын анықтауда маңызды болып табылады.

Материал және әдіснама. Бурнооктябрьск 1 қаласына жүргізілген археологиялық қазба барысында жалпы саны 319 дана сүйек материалдар табылды. Оның ішінде 2018 жылы қазба барысында 281 дана және 2019 жылы 38 дана жануар сүйегі (кесте 1). Сүйек материалдардың негізгі бөлігі үй жануарларына, бірқатары сүтқоректі жабайы жануарларға, құс және адамға тиесілі. Жабайы және үй жануарлары Қазақстанның оңтүстік өңірлерінің ежелгі және ортағасырлық фаунасына қандай да бір өзгерістер енгізбейді. Барлығы да бұл өңірге жат емес. Мәселен арқар, қарақұйрық және ақбөкендердің бұл өңірлерден кездесуін қалыпты жағдай деп қарастырамыз. Себебі Қаратаудың шығысы, Іле-Қаратал өзендеріне дейінгі жерлер аталған жануарлардың миграциялық, өрістік алқаптарына кіреді. Халықаралық жануарлар систематикасында аталған жабайы жануарлардың мекендеу аралына бұл аталған аймақтар кіретіні мойындалған [Соколов, 1979, с. 443–

Сур. 2. Бурнооктябрьск 1 қаласындағы сақталған бөлме құрылысы

450]. Остеологиялық материалдардың ішінде назар аударатын мәселе – жұп тұяқты (лат. Artiodactyla) жабайы жануарлардың өте аз мөлшерде кездесуі және үй жануарларының ішінде ірі қара мен уақ малдың екі есе басымдыққа ие болуы. Бұл мәліметтер қала тұрғындарының шаруашылығының негізгі мақсатын анықтауда көмегі тиері сөзсіз.

Қазақстанның оңтүстік өңіріндегі ежелгі және ортағасырлық тұрғындарының шаруашылығындағы жануарлардың ролі, ондағы жануар түрлері, олардың сандық және пайыздық мөлшері, жануарлардың жас ерекшеліктері және жалпы ортағасырлық фаунасы туралы зерттеулер аса көп емес. Тіпті жоқтың қасы десек те қателеспейміз. Бұл мәселе Қазақстанның көп аймақтарындағы ортағасырлық ескерткіштеріне қатысты зерттеулерден де байқалады. Зерттеу жұмысының мақсаты Бурнооктябрьск 1 қаласынан табылған жануар сүйектерін археозоологиялық тұрғыдан талдап, зерттеу нәтижелерін ғылыми айналымға енгізу болып табылады. Остеологиялық материалдар 2018 және 2019 жылдары жүргізілген қазба барысында, қазбаның барлық бөлігінде биіктік бойынша жинақталған. Сүйек материалдардың ішінде ұсақ сүйектердің жиі кездесуі, материалдарды жинастыруда археозоологиялық әдіснаманың сақталғанын көрсетеді. Барлық зерттеу жұмыстары стандартты әдістерге сүйеніп жүргізілді. Нәтижесінде сүйектер жануар түрлеріне, қаңқа элементтеріне, қаңқа бөліктеріне, сақталу дәрежесіне, бөлшектену индекстеріне, жануарлардың жас ерекшеліктеріне қарай бөлінді.

Кесте 1 – Бурнооктябрьск 1 қаласынан 2018–2019 жылдары табылған жануар сүйектерінің түр бойынша құрамы

№	Жануар түрі	Сүйек саны	Сүйек саны (%)
1	Ірі қара – <i>Bos taurus</i>	100	31,3
2	Жылқы – <i>Equus caballus</i>	41	12,8
3	Қой – <i>Ovis</i>	36	11,2
4	Ешкі – <i>Capra</i>	7	2,1
5	Түйе – <i>Camelus bactrianus</i>	14	4,3
6	Уақ мал (<i>Ovis – Capra</i>)	90	28,2
7	Есек – <i>Equus asinus asinus</i>	12	3,7
8	Арқар – <i>Ovis ammon</i>	1	0,31
9	Қарақұйрық – <i>Gazella subgutturosa</i>	3	0,94
10	Ақбөкен – <i>Saiga tatarica</i>	1	0,31
11	Құс – <i>Aves</i>	11	3,4
12	Адам – <i>Homo sapiens</i>	2	0,62
13	Сүтқоректілер – <i>Mammalia</i>	1	0,31
Жалпы		319	100

Жануар түрлеріне шолу

Ірі қара. Аталған жануарға барлық сүйек материалдардың 31,3% тиесілі. Ірі қара сүйектерінің анатомиялық құрамы аталған жануарлардың әртүрлі жаста сойылып, пайдаланғанын көрсетіп отыр. Ірі қара сүйектерінің басым бөлігі сынық және бөлшектенген күйінде кездесті. Бүтін сақталғандары негізінен тістер, асық, тілерсек секілді куб тәріздес ұсақ сүйектер. Сүйектердің көп мөлшерде бөлшектенуі барлығының да тағамдық рационда кең қолданыста болғандығын айғақтайды. Бөлшектену индекстері шамамен 1,5–2,5 дм³ құрайды. Остеологиялық материалдардың ішінде қаңқа элементтерінің барлығы да кездеседі. Ірі қара сүйектерінің қаңқа бөлігіне қатынасы аталған жануарды қаланың аумағында сойылғанын дәлелдейді. Қаңқа элементтерінің ішінде қабырға, омыртқа, бас сүйек және жақ сүйек бөліктері көп кездеседі. Жалпы сүйектердің ішінде 7 сүйек жыртқыш жануарлардың (мүмкін ит?) тарапынан мүжілуге ұшыраған. Төменгі жақ сүйектердегі азу тістердің өсу кезеңдерін моляр тістеріне қарап талдау барысында, тағамдық рационда жасы үлкен сиырлар көбірек қолданғанын көріп отырмыз (кесте 2). Бұл мәлімет ірі қараның шаруашылықта сүт өндіру мақсатында көбірек ұстағанын көрсетеді.

Кесте 2 – Ірі қараның төменгі жақ сүйектері негізіндегі жас құрамы

Төменгі жақ сүйектегі азу тістердің сақталу жағдайы	Жануардың жасы, ай бойынша	Жақ сүйектердің саны
M ₁ жоқ	6-айға дейін	1
M ₁ бар, M ₂ жоқ	6-18 ай	0
M ₂ бар, M ₃ жоқ	18-28 ай	3
M ₃ бар	28-айдан жоғары	7

Жылқы. Жылқы сүйектері сүйек материалдардың ішінде үшінші орында. Жылқыға тиесілі сүйектердің саны – 41 дана. Остеологиялық материалдардың ішінде қаңқа элементтері тең пропорцияда кездеседі. Оның ішінде тірек-қимыл жүйесіндегі сүйектер мен қабырғалар басымдыққа ие.

Екі сүйек басқа жануар тарапынан мүжілуге ұшыраған. Жылқы сүйектерінің ішінде бүтін сақталғандары тек тіс, асықтар мен тілерсектер. Басқа ірі сүйектер толықтай бөлшектенген. Бөлшектену индекстері біркелкі емес. Жылқылардың жасын анықтауға қажетті қаңқа элементтері кездеспеді. Бірқатар азу тістерге және тірек-қимыл жүйесіндегі түтікшелі сүйектердің проксимальды және дистальды эпифиздерінің өсу ерекшеліктеріне қарап, орта жастағы жылқылардың сойылғанын байқаймыз.

Қой. Уақ мал сүйектерінің ішінде қойға тиесілі деп анықталған сүйектер саны – 36 дана. Жалпы археозоологияда уақ малдың ішінде қой мен ешкі сүйектері оңай ажыратыла бермейді. Бірқатар сүйектердегі анатомиялық ерекшеліктерге қарап қана қой не ешкіге тиесілі екендігін білуге болады. Тез ажыратуға ыңғайлы сүйектерге асық, бас сүйек, төменгі жақ сүйек, атлант, эпистрофей секілді сүйектер жатса, омыртқа, қабырғаларды ажырату өте қиын. Дегенмен біздің мысалымызда жауырын, тоқпан жілік, метаподияларға қарап, қой сүйектері бөлініп қарастырылды. Қойға тиесілі сүйектердің бүтін және бөлшектенгендері өзара тең (18×18). Тағамдық мақсатта пайдаланылған қойлардың жасы 12–24 айдан жоғары. Көбіне үлкен жастағы қойлар етке пайдаланылған. Төменгі жақ сүйектің альвеолярлы қатарындағы тұрақты азу тістердің өсіп шығу кезеңдеріне орай, сойылған қойлардың ішінде 3 және 12 айға дейінгі жануарлар да кездесетінін көріп отырмыз (кесте 3). Қаңқа элементтерінің ішінде асықтар мен тірек-қимыл жүйесіндегі жауырын, тоқпан жіліктер басымдыққа ие. Қой асықтарының ішінде бірнеше асықтың краниальды бөлігіне (шік жағы) тесік жасалған. Бұл ескерткіш тұрғындарында асық ойынының болғандығын айғақтайды. Әрі асықтың шік жағына тесікті, оны ауырлату үшін жасалатынын ескерсек, асық ойынының «алыстан атып ойнау» түрінің болғанын аңғарамыз. Тағы бір қызық жағдай, бірнеше қой асығының латера-проксимальды бұрыштары немесе алшы жағы тесілген яғни мұрындықталған. Қой сүйектерінің ішінде 4 сүйек басқа жануарлар тарапынан мүжілуге ұшыраған. Бөлшектену индекстері шартты түрде 1×1,5 дм³ тең.

Кесте 3 – Қойдың төменгі жақ сүйектері негізіндегі жас құрамы

Төменгі жақ сүйектегі азу тістердің сақталу жағдайы	Жануардың жасы, ай бойынша	Жақ сүйектердің саны
M ₁ жоқ	3-айға дейін	1
M ₁ бар, M ₂ жоқ	3-12 ай	1
M ₂ бар, M ₃ жоқ	12-24 ай	2
M ₃ бар	24-айдан жоғары	3

Ешкі. Ешкіге тиесілі мүйіздер, атлант, жауырын, тоқпан жілік және сан жіліктер. Аталған сүйектердегі анатомиялық ерекшеліктер сүйектердің ешкіге тиесілі екендігін көрсетіп отыр. Қала тұрғындары үй жануарларының ішінде ешкіні пайдаланғанымен, жалпы отардағы саны аса көп болмаған секілді. Қаңқа элементтері көрсетіп отырғандай, тірек қимыл жүйесіне тән бөліктері басым. Бұл мәліметтер ешкіні қала аумағында сойып, пайдаланғанын көрсетеді.

Жоғарғы жақ сүйек	0	8	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Төменгі жақ сүйек	0	13	0	5	0	0	0	1	0	1	0	0
Tic-Dentes	8	0	5	0	0	0	0	0	0	0	1	0
Атлант	0	0	0	1	1	0	1	0	0	0	0	0
Эпистрофей	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0
Омыртқа-Vertebra	0	8	0	3	0	0	0	0	0	0	0	0
Қабырға-Costae	0	20	0	4	0	0	0	0	0	7	0	5
Жауырын-Scapula	0	2	0	0	1	0	0	5	0	1	0	0
Токпан жілік	0	2	0	5	0	1	0	3	0	1	0	0
Шынтақ сүйегі-Ulna	0	3	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0
Кәрі жілік	0	3	0	4	0	0	0	2	0	2	0	0
Метаподия	1	5	0	1	0	0	0	4	0	0	0	0
Жамбас-Pelvis	0	4	0	1	0	0	0	0	0	0	0	5
Құйымшақ	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Сан жілік-Femur	0	2	0	5	0	2	0	0	0	2	0	0
Асықты жілік-Tibia	0	1	0	1	0	0	0	1	0	0	0	1
Тілерсек	2	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Асық-Talus	4	0	1	0	0	0	17	0	0	0	0	0
1-я фаланга	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
2-я фаланга	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Сүйек саны (Б-Ф)	16	84	7	34	4	3	18	18		14	1	11
Сүйек саны	100		41		7		36		14		12	
Жалпы	210											

Кесте 6 – Үй жануарлары сүйектерінің бүтін және фрагмент түріндегі қатынасы %%

Сақталуы	Ірі қара	Жылқы	Қой	Ешкі	Түйе	Есек
Бүтін сүйектер	16	7	18	4	0	1
Фрагменттер	84	34	18	3	14	11
Сүйектердің жалпы саны	100	41	36	7	14	12

Кесте 7 – Төрт түліктің қаңқа бөліктері қатынасы (сүйек саны бойынша)

Қаңқа бөлігі	Ірі қара	Жылқы	Қой	Ешкі	Түйе	Есек
Бас сүйек	33	8	2	2	0	0
Тістер	8	5	0	0	1	1
Кеуде (омыртқа, қабырға)	28	11	2	1	7	5

Аяқтың жоғары бөліктері	6	1	5	1	1	5
Аяқтың төменгі бөліктері	25	16	27	3	5	1
Жалпы саны	100	41	36	7	14	12
Жалпы сүйек	210					

Жабайы жануарлар. Жұп тұқяты (лат. Artiodactyla) жануарларға жататын арқар, қаракүйрық және ақбөкен сүйектері өзара тең пропорцияда кездесіп отыр. Жалпы сүйектерге шаққанда аталған жануарлардың сүйек мөлшері 1,5% тең. Қала тұрғындарының тіршілігінде аңшылық орын алғанымен, сүйек мөлшеріне қарап аса кең көлемде дамымаған деп тұжырымдаймыз.

Құс. Құсқа тиесілі 11 дана сүйек анықталды (сур. 3). Барлығы да сан жіліктерге тиесілі. Сүйектердің анатомиялық пішіндеріне қарап, құстың бір түріне тиесілі деген болжам жасаймыз. Өкінішке орай қолымызда құстың түріне қарай анықтайтын нақты эталондардың болмауына байланысты, құстың қандай түрі екендігін айту қиын. Біздің ойымызша үй құсы оның ішінде тауық секілді түрлеріне тиесілі болуы мүмкін. Мұндай мәліметтерді біз ортағасырлық Қастек қаласынан табылған остеологиялық материалдардан да байқағанбыз. Онда да үй құстарына тиесілі сүйектер анықталған [Нуржанов, Гимранов, 2019].

Адам сүйектері. Адамға тиесілі бір тоқпан жілік және бір асықты жілік табылды. Екі сүйектің жоғарғы және төменгі эпифиздері сақталмаған. Сақталған

Сур. 3. Бурнооктябрьск 1 қаласынан табылған құс сүйектері

диафиздеріне қарап нақты бір тұжырым айту қиын. Қазба тафономиясында адам сүйектерінің кездесуін кейінгі жерлеулердің бұзылып, жалпы остеологиялық материалдармен араласып кетуімен түсіндіреміз (кесте 8–10).

Кесте 8 – Жабайы (үй) жануарлары және адам сүйектерінің қаңқа элементтері бойынша қатынасы

Қаңқа элементі	Арқар		Ақбөкен		Қарақұйр.		Құс		Адам		Уақ мал	
	Б	Ф	Б	Ф	Б	Ф	Б	Ф	Б	Ф	Б	Ф
Бас сүйек – Scanium	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	3
Жоғарғы жақ сүйек	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	4
Төменгі жақ сүйек	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	4	21
Tic-Dentes	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2
Омыртқа-Vertebra	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	10
Қабырға-Costae	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	22
Жауырын-Scapula	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
Тоқпан жілік	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0
Шынтақ сүйегі-Ulna	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Кәрі жілік	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	3
Метаподия-	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2
Жамбас-Pelvis	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2	8
Сан жілік-Femur	0	0	0	0	1	1	0	11	0	0	0	4
Асықты жілік-Tibia	0	0	0	0	1	0	0	0	0	1	0	5
Асық-Talus	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
1-я фаланга	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
2-я фаланга	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Сүйек саны (Б-Ф)	1	0	0	1	2	1	0	11	0	2	8	82
Сүйек саны	1	0	0	1	3	0	11	0	2	90		
Жалпы	108											

Кесте 9 – Жабайы жануарлар және адам сүйектерінің бүтін және фрагмент түріндегі қатынасы %%

Сақталуы	Ақбөкен	Қ-құйрық	Арқар	Құс	Уақ мал	Адам
Бүтін сүйектер	0	1	1	0	8	0
Фрагменттер	1	2		11	82	2
Сүйектердің жалпы саны	1	3	1	11	90	2

Кесте 10 – Жабайы жануарлары және уақ малдың қаңқа бөліктері қатынасы (%%)

Қаңқа бөлігі	Ақбөкен	Қ-құйрық	Арқар	Құс	Уақ мал
Бас сүйек (жақ сүйек)	1	0	0	0	32
Тістер	0	0	0	0	2
Кеуде (омыртқа, қабырға)	0	0	0	0	32
Аяқтың жоғары бөліктері	0	0	0	0	9

Аяқтың төменгі бөліктері	0	3	1	11	15
Жалпы саны	1	3	1	11	90
Жалпы сүйек	106				

Өңделген сүйектер. Бурнооктябрьск 1 қаласынан табылған жануар сүйектері ішінде бір дана өңделген сүйек анықталды. Жылқының оң жақ төменгі жақ сүйектің каудальды тармағының сыртқы корпусы қалдырылып, ішкі жағы егелген (сур. 4). Жақ сүйектердің бұлай өңделуі палеолиттен бас-

Сур. 4. Бурнооктябрьск 1 қаласынан табылған жылқының өңделген төменгі жақ сүйегі

тап ортағасырларға дейін кездесетін құбылыс. Дегенмен энеолит және қола дәуірінде жылқының төменгі жақ сүйегінен еңбек құралын жасау жиі кездеседі [Кирюшин, Гайдученко, 2016]. Жылқының төменгі жақ сүйегінен жасалған еңбек құралының пайдалану мақсаты туралы бір жақты пікір кездеспейді. Дегенмен негізгі мақсаты «түткіш» құрал ретінде және тері илеуде қолданылуы мүмкін

деген пікір басым. Тіпті экспериментальды археологияда да төменгі жақ сүйекті осы тәріздес өңдеп, тері бетіндегі шелді алуға тырысқан әрекеттерді де кездестіруге болады.

Қорытынды. Бурнооктябрьск 1 қаласынан табылған жануар сүйектерін зерттеу нәтижесінде, аталған қала тұрғындарының шаруашылығында барлық үй жануарлары болғаны, оның ішінде уақ мал мен ірі қара сүйектері басымдыққа ие екені анықталып отыр. Бұл жағдай алдағы уақытта қала тіршілігінің негізгі бағытын реконструкциялауға ықпал етері сөзсіз. Жабайы жануарға тиесілі сүйектердің кездесуі, қала тұрғындарының арасында аңшылықтың да орын алғандығынан хабардар етеді. Дегенмен жабайы аң сүйектерінің тым аздығы, кәсіптің бұл түрінің аса жақсы дамымауымен де байланысты болуы мүмкін. Жануар сүйектерінің ішінде ірі жануарларға тиесілі сүйектердің бөлшектенуінде бірқатар ерекшеліктер назар аудартып отыр. Түтікшелі сүйектердің ішіндегі жілік майын алу үшін әдетте сүйектер перпендикуляр соққыдан көлденең сындырылса, біздің мысалымыздағы жылқының асықты жіліктері ұзыннан жарылып сынған. Жалпы асықты жілікті ұзыннан жарып сындыру механизмі өте қиын. Сонымен қорытынды ретінде айтарымыз, қала тұрғындары өз заманында үй жануарларының барлық түрлерін өсірген. Сондай-ақ, аңшылық кәсібі де орын алған. Үй жануарларының арасында үй құстары да болуы мүмкін. Әрі шаруашылықта есекті де пайдаланған.

Әдебиет

Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Труды ИИАЭ АН КазССР. 1958. Т. 5. С. 3-215.

Бартольд В.В. Отчет о поездке Среднюю Азию с научной целью в 1893–1894 гг. Сочинения. М.: Наука, 1966. Т. 4. 497 с.

Кирюшин К.Ю., Гайдученко Л.Л. Изделия из кости в материалах первого горизонта поселения эпохи энеолита Новоильинка-VI // ТиПАИ. 2016. № 3 (15). С. 25-44.

Нуржанов А.А., Гимранов Д.О. Исследования костных остатков животных из археологического памятника средневековья городища Кастек // Маргулановские чтения–2019: матер. Междунар. археол. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К.А.Акишева (г. Нур-Султан, 19–20 апреля 2019 г.). Нур-Султан: НИИ им. К.А. Акишева при ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2019. С. 529-538.

Пацевич Г.И. Археологические памятники междуречья Талас – Арысь (по древним караванным путям от Тараза до Испиджаба) // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. Ф. 2, д. 39, 36 л.

Соколов В.Е. Систематика млекопитающих (китообразные, хищные, ластоногие, трубкозубые, хоботные, даманы, сирены, парнокопытные, мозолоногие, непарнокопытные): учебное пособие. М.: Высшая школа, 1979. 528 с.

Шагирбаев М.С., Утубаев Ж.Р. Бәбіш мола қаласынан табылған остеологиялық материалдардың сандық және морфологиялық құрамы (2018 жылы табылған материалдар негізінде) // Абай ат. ҚазҰПУ Хабаршы. Тарих және саяси-әлеумет. ғыл. сер. 2019. № 3 (62). Б. 382-391.

С. Г. Бочаров, Л. В. Яворская

**КОЖЕВЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО
ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ГОРОДА МАДЖАР
(СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ)
ПО РЕЗУЛЬТАТАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
И АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

В 2017 г. археологическим и археозоологическим исследованиями экспедиции «Каффа» Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ на золотоордынском городище Маджары были изучены и атрибутированы остатки сезонной мастерской по обработке шкур животных. Выявлены остатки производственных сооружений – глубокой узкой траншеи и специальной производственной площадки-вымостки из кирпича. В видовом наборе костных остатков доминировали кости крупного и мелкого рогатого скота. Анализ анатомического набора костей позволил выявить отходы от забоев скота, а также вычленение из туш ряда костей, используемых как сырье для косторезов, а также как инструментарий по обработке кожевенных изделий. Установлено, что один из основных экспортных товаров Золотой Орды – шкуры и кожи домашнего скота обрабатывался в городских комплексных мастерских, где производился забой скота, а также все операции со шкурами и изготовление несложных кожевенных изделий.

Ключевые слова: Золотая Орда, город Маджар, археологические исследования, кожевное производство, археозоологический анализ, анатомический набор костных остатков, экспорт животной кожи

**Археологиялық және археозоологиялық зерттеу нәтижелері
бойынша алтынордалық Маджар қаласының
(Солтүстік Кавказ) былғары өндірісі**

2017 жылы ТРҒА А.Х. Халиков атындағы Археология институтының «Каффа» экспедициясы алтынордалық Маджар қаласындағы жануарлар терісін өңдейтін маусымдық шеберхана орнына археологиялық және археозоологиялық зерттеулер жүргізеді. Зерттеу барысында өндірістік құрылыстың қалдықтары – кірпіштер төселген арнайы алаң және терең әрі еңсіз ор анықталады. Сүйек қалдықтарының жиынтығында ірі қара мен уақ малдың сүйектері басым. Сүйектердің анатомиялық жиынтығын талдау барысында мал союға арналған орындардың қалдықтары, сүйек кесуге арналған шикізаттар және тері бұйымдарын өңдеуге қолданылған құрал-саймандар анықталады. Алтын Орданың негізгі экспорттық тауарларының бірі – үй жануарларының терілері мен былғарысы қалалық кешенді шеберханаларда өңдегендігі,

---

© **Сергей Г. Бочаров**, *Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Казанский (Приволжский) Федеральный университет, г. Казань, Россия; sgbotcharov@mail.ru*
Лилия В. Яворская, *Институт археологии РАН, г. Москва, Россия; lv.yavorskaya@gmail.com*

Исследование выполнено при поддержке проекта РФФИ №20-09-00310

яғни мал сойған орындарда жүргізілгендігі, сонымен бірге терілерді өңдеу мен жеңіл былғары бұйымдарын дайындағандығы анықталады.

Түйін сөздер: Алтын Орда, Маджар қаласы, археологиялық зерттеулер, тері өндірісі, археозоологиялық талдау, сүйек қалдықтарының анатомиялық жиынтығы, жануарлар терісінің экспорты

Tannery of the Golden Horde town of Majar (Northern Caucasus Region) according to archaeological and archaeozoological research

In 2017 archaeological and archaeozoological studies of the expedition “Kaffa” of Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan on the Golden Horde town of Majar the remains of a seasonal workshop for processing animal skins were investigated and attributed. The remains of production facilities – a deep narrow trench and a special production site-paved of bricks were revealed. In the species set of bone residues dominated bones of cattle and small cattle. Analysis of the anatomical set of bones revealed the waste from cattle slaughtering, as well as the isolation of a number of bones from carcasses, used as raw materials for bone cutters and tools for processing leather goods. It was established that one of the main export goods of the Golden Horde - hides and leather of livestock was processed in urban complex workshops where cattle were slaughtered, operations with hides and the manufacture of simple leather goods.

Keywords: Golden Horde, the town of Majar, archaeological research, tanning, archaeozoological analysis, anatomical set of bone remains, export of animal skin

Из документов по итальянской морской торговле в Северном Причерноморье XIII–XIV вв. известно об активном экспорте из Золотой Орды животных шкур и кож [Бочаров, Масловский, 2015, с. 7]. Имеющиеся свидетельства позволяют реконструировать ситуацию с этой продукцией таким образом, что, по-видимому, вывозились как первично выделанные, так и невыделанные шкуры рогатого скота и лошадей. В период расцвета Золотой Орды в 1330–1350-х годах ханское правительство проводит ряд протекционистских мер, делая невыгодным для итальянцев вывоз невыделанных шкур [Бочаров, Масловский, 2015, с. 7–8]. Исходя из документов, эти меры не остановили итальянский экспорт, напротив, он сохранялся даже в XV веке [Еманов, 2018, с. 243]. Введенные меры должны были, по-видимому, увеличить количество и объемы уже существующих ремесленных производств, обрабатывающих животное сырье. Однако, письменные источники умалчивают о местах расположения, организации и масштабах этих производств. Ответ был найден через археологические и археозоологические исследования ряда золотоордынских городов, одним из которых был крупный торгово-ремесленный город на Северном Кавказе – Маджар, его остатками в настоящий момент является городище Маджары (рис. 1). Памятник расположен в Буденновском районе Ставропольского края восточнее города Будённовск, его площадь составляет около 110 га (рис. 2). Руслом реки Кумы город разделен на две неравные части и большую правобережную часть его на настоящий момент занимают земли сельскохозяйственного назначения, где преимущественно и проводятся археологические исследования [Бочаров и др., 2018а, с. 404].

Рис. 1. Карта Северо-Кавказского региона с нанесением золотоордынского города Маджар

В 2015–2017 гг. исследования на памятнике проводились археологической экспедицией «Каффа» Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ при участии Краеведческого музея села Прасковья [Бочаров, Обухов, 2018, с. 125]. По общей нумерации были исследованы раскопы № XI–XIII и два шурфа (№ 1, 2) (рис. 2). Трехлетними планомерными работами экспедицией получены новые данные по топографии и стратиграфии города, уточнено назначение отдельных районов города, уровень сохранности ряда объектов монументальной архитектуры [Бочаров и др., 2018б, с. 31].

Основанный при хане Менгу-Тимуре в 60-70-х гг. XIII в., Маджар занял важное стратегическое положение на пересечении сухопутных торговых путей из Центральной и Средней Азии, а также из Закавказья к крупным портам международной торговли бассейнов Черного и Азовского морей. Расцвет

Рис. 2. План Маджарского городища с нанесением раскопов XI–XIII и шурфов 1, 2

города пришелся на первую и вторую трети XIV века, с чеканкой собственной монеты в течение некоторого времени. Знаменитый арабский путешественник Ибн Баттута в 1330-х годах указывает на значительные размеры города, разноэтничное население, множество базаров и ремесел [СМИЗО, 1887, с. 287–288]. Эти сведения подтверждаются археологическими исследованиями экспедиции «Каффа» – наиболее насыщены находками слоя 10–50-х годов XIV в., выявлены остатки монументальных сооружений и различных ремесел, включая кожевенное [Бочаров, Ситдигов, 2016, с. 192]. Как и для многих городов Золотой Орды, значение Маджара пошатнулось в период междоусобиц 1360–1370-х годов, археологические материалы свидетельствуют, что часть территорий в это время в городе пустует. Экспедиция Каффа, впервые для данного памятника, выявила слои 1380-х годов – времени правления хана Токтамыша, восстановления части городских районов, возвращения к мирной жизни, обычному быту, ремеслам и торговле [Бочаров и др., 2018б, с. 32]. Непоправимый удар по Маджару нанесли войска Тамерлана в 1395 г., после чего город уже не восстановился.

Следы крупных забоев скота для нужд ремесленных производств, обрабатывающих шкуры животных, первоначально были выявлены на Маджаре археологическими исследованиями. В раскопе № X, исследованном в 2014 г. экспедицией государственного унитарного предприятия «Наследие» Министерства культуры Ставропольского края, в нескольких горизонтах в хронологических рамках XIV в. были обнаружены остатки построек разного назначения, следы нескольких ремесленных производств, в числе которых

остатки косторезного. Мастер-косторез использовал в качестве сырья не только плотный рог и животную кость, но и делал изделия из роговых чехлов мелкого рогатого скота. Изучение археозоологической коллекции установило, что из 250 фрагментов производственных остатков плотных и полых рогов, полученных с данного раскопа, 241 фрагмент (96%) составляли опиленные роговые стержни крупных козлов и баранов [Яворская, Антипина, 2017, с. 248, табл. 2]. Скомплектовать столь объемную партию специально отобранного рогового сырья возможно было только в результате массового забоя скота.

Непосредственные результаты массовых забоев скота обнаружены археозоологическим исследованием обширной коллекции костных остатков, полученной экспедицией «Каффа» из шурфа № 2 в 2016 г. (рис. 2). Он заложен на обрабатываемом поле в восточном участке центральной части городища в 860 м восточнее поймы реки Кумы в 190 м северо-восточнее от раскопа № XII [Бочаров и др., 2018б, с. 33]. Для шурфа площадью 4 кв. м установлена очень высокая плотность наполнения костными остатками – 2246 фрагментов, что почти вдвое больше, чем на раскопе № XII того же 2016 г., площадью 16 кв. м (1373 фр.). При обычном для Маджара таксономическом наборе археозоологической коллекции из шурфа № 2, остеологический спектр оказался необычным: очень высокую долю – 88% в нем составили кости мелкого рогатого скота. В анатомическом наборе этого самого многочисленного вида заметно преобладали кости двух отделов скелета: разломанные остатки голов, с части которых уже были изъяты рога, и самые нижние дистальные отделы конечностей – метаподии и фаланги [Яворская, 2019, с. 559]. Именно такой набор костей маркирует остатки забоев в «производственных» целях – для снятия шкуры особым способом, когда предварительно отсекаются голова и ноги животного [Яворская, 2019, с. 558]. Точно такой же анатомический набор зафиксирован в скоплениях другого крупного золотоордынского города Азака, расположенного на Нижнем Дону [Яворская, Масловский, 2018, с. 372].

Таким образом, даже небольшие археологические раскопки и последовавшие за ними археозоологические исследования выявили, что Маджар, как и Азак и другие крупные города Золотой Орды, был включен в систему аккумуляции скота с ближайших степных территорий, в городе проводились масштабные забои для получения шкур. Оставалось найти последнее недостающее звено для реконструкции всего экономического процесса получения животной кожи для экспортирования – подтвердить существование в городе производств по обработке шкур или выделке кожаных изделий. В следующем сезоне 2017 г. экспедицией «Каффа» были обнаружены остатки мастерской, работа которой была связана с обработкой животной шкуры и выделкой изделий из нее.

Раскоп № XIII-2017 г. был заложен на территории бывшего торгово-ремесленного квартала в северном участке центральной части городища в южном секторе большого поля в 500 м восточнее поймы реки Кумы (рис. 2). Площадь исследуемого участка составила 48 кв. м. Первый стратиграфический горизонт (слой I, пласты 1–3) относится ко времени XX–начала XXI в. Это

распахиваемый горизонт, в котором встречены переотложенные находки золотоордынского времени. Нижележащий слой II (пласты 4–6), состоящий из серой плотной супеси с включениями кирпичной крошки, датируется 10–40-ми годами XIV в. [Бочаров, 2018, л. 48–49].

К слою II относятся выявленные на раскопе сооружения 1 и 2. Сооружение 1, зафиксированное при зачистке пласта 4, представляло собой часть кирпичной вымостки. В зону раскопа попала, по-видимому, некоторая небольшая часть этого сооружения, ее наибольшие размеры в рамках раскопа 4,6×5,8 м. Вымостка состояла из более чем 410 красноглиняных кирпичей двух видов: обычных кирпичей местного производства и их фрагментов, а также из бракованных (оплавленных) кирпичей [Бочаров, 2018, л. 50–51]. Сооружение 1 было повреждено современной распашкой поля, тем не менее, оно хорошо датируется монетными и керамическими находками в рамках 1330-х годов [Бочаров, Яворская, 2019, с. 189].

Сооружение 2 было зафиксировано в северо-западной части раскопа на уровне 5 пласта [Бочаров, Яворская, 2019, с. 190, рис. 5, 6]. Узкая траншея, глубиной от 0,9 до 1,2 м, ориентированная по линии ЮЗ–СВ, выкопана в материковом слое, стенки отвесные, ровные, дно плоское, относительно ровное [Бочаров, Яворская, 2019, рис. 5]. Находки, происходившие из слоя заполнения сооружения 2, а также выявленная стратиграфическая ситуация, позволяют утверждать, что сооружения 1 и 2 синхронны и составляют единый комплекс.

В культурном слое выделялся участок, расположенный в северо-западном углу раскопа, преимущественно в квадрате А1, который отличался по заполнению от других участков. На пластах 5 и 6, до уровня материка, здесь располагалась прослойка черного плотного грунта с включениями кирпичной крошки и высокой концентрацией костных остатков – около 500 фрагментов на 1 кв. м культурного слоя, мощностью до 44 см. По датировке это заполнение также синхронно сооружениям 1 и 2.

В результате археологических исследований была собрана коллекция индивидуальных находок (139 ед.) и массового материала (300 ед.), включающая предметы из железа и меди, монеты, фрагменты глазурованной и неполивной посуды. Помимо обычных для данного памятника керамических находок местного производства, то есть 1-ой и 2-ой маджарских групп, а также фрагментов сосудов, импортированных из других регионов Золотой Орды, в заполнении над площадкой-вымосткой, в траншее и в квадрате А1 выявлено 24 фрагмента византийских амфор группы «Трапезунд». Необычность ситуации состоит в том, что здесь представлены почти исключительно фрагменты массивных ручек от этих амфор, представляющих собой в данном случае небольшие, но тяжелые бруски [Бочаров, Яворская, 2019, с. 194].

Коллекция костных остатков оказалась довольно многочисленна для небольшого раскопа, составила 3343 фрагмента, рассматривалась по выборкам в соответствии с археологическим контекстом. Отдельные выборки составили материалы из культурного слоя (пласты 4–6), из заполнения над вымосткой-сооружением 1, из заполнения траншеи – сооружения 2 и из специфического

заполнения прослойки культурного слоя в квадрате А1 в пластах 5–6. Всего получилось четыре отдельных выборки. Степень раздробленности костей в данной коллекции не превышает показателей, обычных для Маджара – 20–27 фрагментов в 1 куб. дм. Заполнение выборок неравномерно: самая маленькая выборка из траншеи-сооружения 2 – 193 фрагмента, не сильно раздробленных и со следами окатанности водой. Выборки из культурного слоя и над вымосткой-сооружением 1 довольно объемные – 1720 и 933 фрагмента соответственно [Бочаров, Яворская, 2019, табл. 2]. Таксономический набор во всех выборках обычен для Маджарского городища, основную роль в нем играют остатки домашних «мясных» млекопитающих, преимущественно крупного рогатого скота (50% от всех определимых домашних видов), мелкого рогатого скота (его доля несколько превышает 30% в разных выборках) и лошади (доля – 14–17% по разным выборкам). Необычно выглядит заполнение прослойки в квадрате А1 на пластах 5 и 6 – здесь выявлено 497 фрагментов, то есть, в пределах одного квадрата культурного слоя сосредоточена шестая часть всей коллекции. Основную массу этого заполнения, около 60%, составляли кости мелкого рогатого скота. Доля остатков КРС оказалась здесь ниже обычной – около 36%, а доля костей лошади – около 4% [Бочаров, Яворская, 2019, табл. 3].

Наиболее необычным в остеологической коллекции с этого раскопа оказался анатомический набор многочисленных видов: крупного и мелкого рогатого скота. По распределению анатомических частей скелетов видно, что во всех выборках завышены, по отношению к обычному накоплению, доли остатков голов и нижних челюстей КРС (в 3–10 раз), а также нижних челюстей МРС (в 10 раз), доли таких анатомических частей как метаподии обоих видов животных существенно завышены: для КРС в 4–5 раз, для МРС – в 8–11 раз [Бочаров, Яворская, 2019, табл. 3]. В заполнении прослойки в квадрате А1 оказались самые высокие накопления метаподий мелкого рогатого скота, превышающие обычные показатели в 18 раз. Некоторое превышение «стандарта» накопления можно наблюдать для лопаток и лучевых костей КРС, а также плечевой, лучевой и берцовой кости МРС. Следует указать на такую особенность, что в исследуемой коллекции есть «заниженные» по отношению к обычному накоплению показатели – позвонки КРС и позвонки и ребра МРС, которых всегда много в любой археозоологической коллекции, атрибутируемой как «кухонные» остатки.

Имеющийся анатомический набор многочисленных видов показывает, что коллекцию составляют преимущественно не «кухонные» костные остатки. Перед нами вновь остатки масштабных забоев крупного и мелкого рогатого скота, причем кроме обычных отчленений голов и дистальных частей конечностей перед снятием шкуры, при разделке туши вычленились еще некоторые кости. Кроме разломанных остатков черепов, все остальные вышеуказанные наименования костей обоих видов рогатого скота, показатели по которым «завышены», использовались либо в косторезном деле, либо в инструментарии кожевников.

Свойства плоских лопаточных костей КРС как удобного сырья для косторезов хорошо известны. Трубчатые кости крупного рогатого скота обладают толстой компактной и также активно используются косторезами во все эпохи. Что же касается трубчатых костей мелкого рогатого скота, малопригодных для поделок, то на их диафизах обнаружены особые следы – характерная «залощенность» по одной стороне трубки (рис. 3). На этих же костях обнаружены грубо прорезанные отверстия в одном из эпифизов (верхнем или нижнем торцевом конце кости), другой конец, как правило, сломан. Как показали этнографические исследования, трубчатые кости МРС использовались в мастерских по изготовлению ременной упряжи. Их вставляли в специальное устройство вертикально и протягивали через эту вставку кожаные ремни для их выпрямления, характерное «лощение» появлялось лишь с одной стороны диафиза. По-видимому, для подобных мастерских было необходимо множество таких трубчатых вставок, поскольку сломавшуюся кость в приспособлении заменяли на новую, близкую по размеру. Наиболее удобными костями в этих приспособлениях, по-видимому, были метаподии, поскольку их больше всех сохранилось в культурных напластованиях данного раскопа. Однако и другие трубчатые кости из скелета МРС, близкие по размеру, вычленили из туши при разделке и тоже использовали в таких устройствах. Находки костей с «лощением» составляют от 10 до 30% по выборкам от всей совокупности костей МРС и, таким образом, они фиксируют уже не просто происходивший

Рис. 3. Маджарское городище. Раскоп XIII (2017 г.). Метаподии мелкого рогатого скота со специфичными следами «лощения»

поблизости забой животных, но и снятие шкур, последующую за этим разделку туш, вычленение отдельных костей и, самое важное, обработку шкурной продукции, изготовление простых изделий из них, например, сыромятных ремней.

Исходя из имеющегося видового набора костных остатков и специфики анатомического набора костей многочисленных видов в данной археозоологической коллекции, а также из анализа следов на костных фрагментах, становится возможной интерпретация выявленных на раскопе необычных синхронных сооружений – кирпичной площадки-вымостки (сооружения № 1) и глубокой узкой траншеи (сооружения № 2). Вымостку из фрагментов обычных и бракованных кирпичей возможно интерпретировать как сезонную производственную площадку, где мог происходить забой животных, могли раскладываться шкуры, стоять раскроечные столы и быть установлены специальные приспособления для выпрямления ремней. Сооружение № 2–траншея, скорее всего, использовалась для вымачивания шкур, сгонки волоса, других первичных процессов их обработки.

Многочисленные находки почти исключительно фрагментов ручек амфор группы «Трапезунд» также находят объяснение: полученные из них небольшие, но тяжелые бруски могли использоваться в шкурно-кожевенном производстве для снятия мездры со шкур.

Таким образом, археологическое и археозоологическое исследование позволили выявить в ремесленном квартале средневекового Маджара новый объект – мастерскую по обработке шкур домашних копытных. Обнаруженная мастерская, скорее всего, носила комплексный характер: здесь наблюдаются разные фазы производственного цикла от забоя животных до изготовления продукции из их шкур. Собственно забои и работа подобных производственных площадок не были постоянно действующим предприятием, скорее, возобновлялись эпизодически, возможно, в определенные сезоны.

В проведенном исследовании и полученном результате важны два аспекта: методический и палеоэкономический. Методический состоит в комплексности исследования. Тщательный археологический и археозоологический анализ всех полученных на раскопе материалов позволил выявить мастерскую, хотя, на первый взгляд, и исключительно методами археологии достоверно интерпретировать назначение сооружений 1 и 2 почти не представлялось возможным.

Для археологии и реконструкции палеоэкономики Золотой Орды важны как находка мастерской, так и археозоологическая атрибуция скоплений однотипных костных остатков как «производственных сбросов». Они показывают, что именно в пределы города пригонялся скот для забоя, здесь происходила первичная его аккумуляция. Далее, в городах же, на специализированных площадках происходил собственно забой и здесь же производилась первичная выделка шкур и даже изготовление некоторой части

кожевенной продукции. На основании письменных источников можно было лишь предполагать наличие мастерских, занимавшихся выделкой животных шкур, неясными оставались места их расположения и характер работы. Данное археологическое и археозоологическое исследование позволяет утверждать основную роль сезонных городских мастерских в массовом производстве животных шкур и кож – важнейшей статьи экспортной продукции Золотой Орды.

Примечание

1 – работы проводились в рамках выполнения государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2014–2021 годы)», пункт 1.16. Проведение историко-археологических исследований (экспедиций) средневековых тюрко-татарских городов за пределами Республики Татарстан: Маджар (Ставропольский край).

Литература

Бочаров С.Г. Отчет об археологических раскопках в Ставропольском крае, Буденновском районе, г. Буденновск на памятнике федерального значения «Городище Маджары» (раскоп XII, раскоп XIII) в 2017 году. В 2-х томах. // Научный фонд музея археологии Республики Татарстан Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Ф. 4, оп. 1. Т. I. Казань, 2018. 242 л.

Бочаров С.Г., Масловский А.Н. Письменные источники об итальянской торговле кожей в Северном Причерноморье и данные археологии // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2015. Т. 157, кн. 3. С. 7-11.

Бочаров С.Г., Обухов Ю.Д. Новая находка костяной накладки с изображением дракона на Маджарском городище // Поволжская археология. 2018. № 2 (24). С. 125-133. doi:10.24852/ra2018.2.24.125.133

Бочаров С.Г., Обухов Ю.Д., Ситдигов А.Г. Золотоордынский город Маджар в системе культурных связей Евразии. По материалам новых археологических исследований (2015–2017 гг.) // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: матер. междунар. науч. конф. (Карачаевск, 22–29 апреля 2018 г.) / отв. ред. У.Ю. Кочкаров. Карачаевск: КЧГУ им. У.Д. Алиева, 2018а. С. 404-406.

Бочаров С.Г., Обухов Ю.Д., Ситдигов А.Г. Три года археологических исследований золотоордынского города Маджар (2015–2017). Итоги и перспективы // Археология евразийских степей. 2018б. № 5. С. 31-38.

Бочаров С.Г., Ситдигов А.Г. Керамический комплекс города Маджар, по материалам исследований 2015 г. (Нижняя Волга и Северный Кавказ). // Материалы V Международной Нижневолжской археологической конференции / отв. ред. П.М. Кольцов. Элиста: изд. Калмыцкого университета, 2016. С. 192-197.

Бочаров С.Г., Яворская Л.В. К вопросу о кожевенном производстве в Золотой Орде: результаты археологического и археозоологического исследования на городище Маджары в 2017 году // Поволжская археология. 2019. № 4 (30). С. 184-199 doi.org/10.24852/ra2019.4.30.184.199

Еманов А.Г. Между полярной звездой и полуденным солнцем. Каффа в мировой торговле XIII–XV веков. СПб.: Алетея, 2018. 386 с.

СМИЗО: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. В. Тизенгаузен. Т. 1. СПб.: издано на иждивение графа С.Г. Строганова, 1887. 571 с.

Яворская Л.В. Скопления костей животных в городах Золотой Орды: основные находки, видовой состав, анатомический набор // Генуэзская Газария и Золотая Орда / отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Казань; Кишинев: Stratum plus, 2019. Т. 2. С. 553-567.

Яворская Л.В., Антипина Е.Е. Золотоордынский город Маджар: первые результаты исследования археозоологической коллекции из ремесленного квартала (раскоп X (10) – 2014 г.) // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. М.: ИА РАН, 2017. Вып. 4. С. 245-252.

Яворская Л.В., Масловский А.Н. Находки скоплений костей животных в золотоордынском Азаке: видовой состав, анатомический набор, топография // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2014–2015 гг. Азов: Азовский музей-заповедник, 2018. Вып. 30. С. 358-378.

А. И. Нечвалода, Н. Баймуханов, К. Табалдиев, Г. Баимбетов

**ЧЕЛОВЕК ИЗ БОЗ-АДЫРА: КРАНИОЛОГИЯ,
ПОРТРЕТНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ЛИЦА ПО ЧЕРЕПУ,
ПАЛЕОГЕНЕТИКА ИНДИВИДА ИЗ СРЕДНЕВЕКОВОГО
НЕКРОПОЛЯ НА ТЯНЬ-ШАНЕ**

Публикация посвящена исследованию черепа молодого мужчины из кургана № 28 могильника Боз-Адыр в Притяньшанье в долине реки Туура-Суу на территории Кыргызстана. Создание курганов датируются тюркским и монгольским временем. Череп принадлежал молодому мужчине, который обладал монголоидным краниологическим комплексом центрально-азиатского типа. Проведенный сравнительный анализ (метод Гейнке) показал его наибольшую близость выборке черепов забайкальских бурят и черепам монгольского времени. По черепу была выполнена портретная антропологическая реконструкция, отразившая центрально-азиатский фенотип индивида из кургана № 28. Результаты повторно проведенного молекулярно-генетического анализа полностью соотносятся с результатами морфологического исследования.

Ключевые слова: Кыргызстан, могильник Боз-Адыр, краниология, реконструкция лица по черепу, метод Гейнке, палеогенетика

**Боз-Адыр адамы: краниологиясы, бет-жүзінің портреттік
реконструкциясы, Тянь-Шань ортағасырлық қорымындағы
индивидтің палеогенетикасы**

Мақалада Қырғызстан территориясы, Тянь-Шань маңындағы Туура-Суу өзенінің алқабында орналасқан Боз-Адыр қорымындағы № 28 обадан табылған ер кісінің бас сүйегіне жүргізілген зерттеулер баяндалады. Қорымдағы обалар түркі және моңғол кезеңдерімен мерзімделеді. Бас сүйек орта азия типіндегі моңғолоидтық краниологиялық кешенге тән жас адамға тиесілі. Гейнке әдісі бойынша салыстырмалы зерттеулер бас сүйектің моңғол кезеңіндегі және байкал маңы буряттардың бас сүйегіне жақын екендігін көрсетіп отыр. № 28 обاداғы индивидтің бас сүйегі бойынша портреттік антропологиялық реконструкциясы жасалып, оның орта азиялық фенотипті көрсететіні анықталды. Зерттеу нәтижелерін молекулярлы-генетикалық

© **Алексей И. Нечвалода**, Уфимский федеральный научный центр РАН, г. Уфа, Россия; striwolf@mail.ru

Нурбол Баймуханов, руководитель научно-исследовательского проекта «Shejire DNA», г. Алматы, Казахстан; baimukhan@gmail.com

Кубатбек Табалдиев, Кыргызско-Турецкий Университет «Манас», Бишкек, Кыргызстан; tabaldiev@yahoo.com

Габит Баимбетов, Аналитик научно-исследовательского проекта «Shejire DNA», г. Алматы, Казахстан; g.baimbetov@list.ru

талдаудан қайта өткізгенде, алынған нәтижелердің морфологиялық зерттеулермен толық үйлесім табатыны белгілі болды.

Түйін сөздер: Қырғызстан, Боз-Адыр қорымы, краниология, бет пішін реконструкциясы, Гейнеке тәсілі, палеогенетика

The man from Boz-Adyr: craniology, portrait reconstruction of the face from the skull, paleogenetics of an individual from the medieval necropolis on the Tien Shan

The publication is devoted to the study of the skull of a young man from mound No. 28 of the Boz-Adyr burial ground in Tien Shan region in the Tuura-Suu river valley in Kyrgyzstan. The creation of the mounds dates back to the Turkic and Mongolian times. The skull belonged to a young man who had a Mongoloid craniological complex of the Central Asian type. The comparative analysis (the Heinke method) showed its greatest similarity to the sample of skulls of Transbaikal Buryats and skulls of the Mongolian time. A portrait anthropological reconstruction was performed on the skull, reflecting the Central Asian phenotype of the individual from mound 28. The results of the repeated molecular genetic analysis are fully correlated with the results of the morphological study.

Keywords: Kyrgyzstan, Boz-Adyr burial mound, craniology, face reconstruction from the skull, Heinke method, paleogenetics

Могильник Боз-Адыр разведен в 2011 г. и находится на территории Тонского района Иссык-Кульской области Кыргызской Республики (рис. 1). Некрополь состоит из 20 курганных насыпей, расположенных по длине горной гряды в долине реки Туура-Суу. По мнению автора раскопок: погребальный обряд и обнаруженные артефакты дают основание относить курганы к монгольскому и тюркскому времени [Табалдиев и др., 2014]. Череп молодого мужчины из кургана 28 могильника Боз-Адыр был передан автором раскопок для выполнения скульптурной антропологической реконструкции лица по черепу «методом Герасимова».

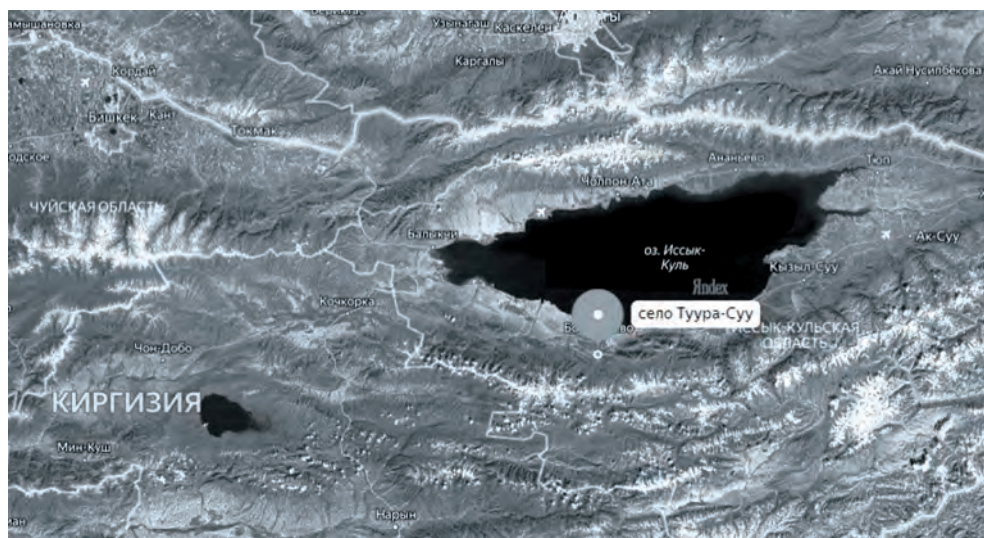

Рис 1. Могильник Боз-Адыр на территории Кыргызстана в Южном Прииссыккулье

Выбор данного черепа для восстановления прижизненного облика объясняется тем обстоятельством, что костные останки индивида из кургана 28 подверглись палеогенетическому анализу в рамках программы «137 ancient human genomes from across the Eurasian steppes» (137 древних геномов человека из евразийских степей) [137 ancient...].

Это дает нам редкую возможность сопоставить результаты молекулярно-генетического анализа с результатами морфологического исследования черепа в рамках традиционных методов физической антропологии (краниология и реконструкция лица по черепу).

Краниология. *Описание черепа.* Краниологический материал исследовался по стандартной методике, принятой в отечественной антропологии [Алексеев, Дебец, 1964]. Череп (рис. 2) молодого мужчины (биологический возраст 20–25 лет) происходит из кургана № 28 (раскопки 2013 г.). Погребенный находился в могильной яме головой на север. Как отмечает автор раскопок, «для погребенных монгольской эпохи характерно положение вытянуто на спине, головой на С, с некоторыми отклонениями на В или З» [Табалдиев и др., 2014, с. 187]. Проведенный анализ 14С дал более ранние даты домонгольского времени.

Сфероидная мозговая капсула укороченная (табл. 1) и очень широкая, по указателю гипербрахикранный ($M.8:1.=90.9!$). По высотно-продольному указателю – ортокран (средневысокий свод), по высотно-поперечному – тапейнокран (низкий свод). Отношение продольного диаметра к сагиттальной дуге малое ($M.1:25.=47.2$). Свод черепа очень низкий.

Лоб широкий, по отношению к ширине черепа средний ($M.9:8.=58.5/$ стенометоп). Лобная чешуя изогнута сильно ($M.29:26.=87.6$). Затылок очень широкий и сильно преломленный ($M.31:28.=83.4$).

Рис. 2. Череп мужчины из могильника Боз-Адыр в двух основных нормах. Слева – лицевая норма; справа – боковая

Лицевой отдел скелета широкий и средневысокий по абсолютным краниометрическим показателям. Отношение верхней высоты лица к его ширине среднее, что говорит о широком, относительно средневысоком лице (М.48:45=51.8/мезен).

Лицо на орбитальном уровне сильно плоское (большое значение назо-малярного угла). На уровне скул имеет среднюю профилировку. Глубина клыковой ямки малая. Нос очень высокий и широкий, по своим пропорциям мезоринный (М.54:55.=49.1). Носовые кости очень слабо выступают из плоскости лица. Носовые кости имеют среднюю высоту при слабо профилированном плоском переносе (дакриальный угол=106.0°). Нижний край грушевидного отверстия со слабо выраженными подносowymi ямками. Передне-носовой шип имеет среднее выступание, направлен горизонтально.

Орбиты округлой формы, средние по абсолютным размерам и по своим пропорциям (М.52:51=83.3./мезоконх). Нижняя челюсть средних размеров, со слабо развитым макрорельефом в области прикрепления жевательных мышц. Подбородок округлой формы, средневыступающий.

Краниофенетика. Из краниофенетических признаков фиксируется – метопический шов на лобной кости.

Таблица 1 – Индивидуальная краниометрическая и краниоскопическая характеристика черепа из кургана 28 могильника Боз-Адыр

№ кургана	28	
Пол	♂	
Возраст	adultus	
Признак		Категория признака
1. Продольный диаметр	177.0	средний
1b. Продольный диаметр от <i>on</i>	177.5	средний
8. Поперечный диаметр	161.0	оч. большой
Поперечно-продольный указатель	90.9	ультрабрахикран
17. Высотный диаметр	124.0	оч. малый
Высотно-продольный указатель (от <i>ba</i>)	70.0	ортокран
Высотно-поперечный указатель (от <i>ba</i>)	77.0	тапейнокран
23а. Горизонтальная окружность через <i>on</i>	538.0	оч. большой
24. Поперечная дуга	325.0	большой
25. Сагиттальная дуга	375.0	средний
Продольно-сагиттальный указатель	47.2	малый
5. Длина основания черепа	99.0	малый
11. Ширина основания черепа	140.0	оч. большой
12. Ширина затылка	121.0	оч. большой
31. Затылочная хорда	96.0	средний
28. Затылочная дуга	115.0	средний
Развитость наружного затылочного выступа (баллы 0–5)	0.0	
27. Теменная дуга	115.0	малый
30. Теменная хорда	100.0	оч. малый
Выступание сосцевидного отростка	2.5	

9. Наименьшая ширина лба	96.0	большой
10. Наибольшая ширина лба	129.0	оч. большой
Лобный (широтный) указатель	74.4	малый
Лобно-поперечный указатель	58.5	стенометоп
29. Лобная хорда	114.0	средний
26. Лобная дуга	130.0	средний
Развитие надпереносья (баллы 1–6)		3.5
Надбровные дуги		2.0
Форма черепа сверху		sferoid
45. Скуловой диаметр	141.0	большой
40. Длина основания лица	100.0	средний
48. Верхняя высота лица	73.0	средний
43. Верхняя ширина лица	106.0	средний
46. Средняя ширина лица	108.0	оч. большой
47. Полная высота лица	116.0	средний
77. Назо-малярный угол	148.1	большой
$\angle Zm^{\circ}$. Зиго-максиллярный угол	137.6	средний
Поперечный фацио-церебральный указатель	86.0	оч. малый
Лобно-скуловой указатель	68.1	малый
Общелицевой указатель	82.3	зурипрозоп
Верхнелицевой указатель	51.8	мезен
Вертикальный фацио-церебральный указатель	59.8	оч. большой
Глубина клыковой ямки	0.4	оч. малый
55. Высота носа	57.0	оч. большой
54. Ширина носа	28.0	большой
Носовой указатель	49.1	мезорин
DS. Дакриальная высота	11.0	средний
49а. Дакриальная ширина	29.0	оч. большой
Дакриальный указатель	37.9	малый
Максилло-фронтальная высота	6.0	нет
50. Максилло-фронтальная ширина	20.3	нет
Максилло-фронтальный указатель	29.6	нет
SS.Симотическая высота	3.2	средний
57. Симотическая ширина	8.2	средний
Симотический указатель	39.0	средний
75(1). Угол выступания носа	17.0	оч. малый
Выступание передней носовой ости (баллы 1–5)		3.0
Форма нижнего края грушевидного отверстия		fossae praenasalis
51. Ширина орбиты (от <i>mf</i>)	42.0	средний
43(1). Биорбитальная ширина	99.0	малый
52. Высота орбиты	35.0	средний
Орбитный указатель (<i>mf</i>)	83.3	мезоконх
60. Длина альвеолярной дуги	51.0	малый
61. Ширина альвеолярной дуги	68	оч. большой

Сравнение по методу Гейнке. Для поиска ближайших аналогий физическому типу индивида из погребения кургана № 28 могильника Боз-Адыр было выполнено сопоставление описанного черепа, с использованием формулы

Гейнке, которая дает возможность сравнивать единичные черепа с сериями черепов по комплексу наиболее важных в расовой диагностике признаков. Сопоставление проводилось по 11 линейным признакам (№ по Мартину – М1, М8, М9, М45, М8, М51, М52, М54, М55, М77, М75₍₁₎) и пяти указателям - продольно-поперечному М1/М8; скуловому М48/М45; носовому М54/М55; орбитному М52/М51; лобно-поперечному М9/М8. В качестве сравнительных были привлечены краниологические серии близкие к современности народов Средней Азии, Казахстана и Центральной Азии [Алексеев, Трубникова, 1984], а также палеоантропологические выборки черепов тюркского и монгольского времени [Гинзбург, Трофимова, 1972]. Таким образом, учитывая монголоидную морфологию черепа, наиболее близкой к анализируемому черепу оказалась выборка близких к современности черепов забайкальских бурят, что позволяет высказаться в пользу центрально-азиатского морфотипа черепа из кургана № 28. К сравнительному анализу были привлечены также материалы тюркского времени (суммарная серия VI–XII вв. н.э.) и монгольского времени (XIII–XV вв. н.э.). Наибольшую близость к черепу из Боз-Адыра обнаружила серия черепов монгольского времени (табл. 2). Стоит отметить, что в данном случае результаты палеогенетического анализа соотносятся с результатами, полученными традиционными методами физической антропологии – краниологии и реконструкции лица по черепу.

Таблица 2 – Череп из погребения кургана № 28 некрополя Боз-Адыр в сравнении с некоторыми современными и средневековыми краниологическими сериями. Метод Гейнке

1.	Боз-Адыр-Буряты забайкальские	0.917
2.	Боз-Адыр-Казахи	1.103
3.	Боз-Адыр-Тувинцы	1.111
4.	Боз-Адыр-Буряты тункинские	1.147
5.	Боз-Адыр-Киргизы	1.172
6.	Боз-Адыр-Монгольское время	1.201
7.	Боз-Адыр-Монголы	1.210
8.	Боз-Адыр-Калмыки	1.280
9.	Боз-Адыр-Тюркское время	1.314
10.	Боз-Адыр-Буряты западные	1.489
11.	Боз-Адыр-Якуты	1.630

Восстановление лица по черепу. Основополагающие принципы восстановления лица по черепу, использованные в данной работе разработаны в трудах Кольмана и Бюхли [Kollmann, Büchly, 1898], М. М. Герасимова [1949; 1955], а также его учеников и последователей в России [Лебединская, 1998; Никитин, 2009] и за рубежом [Prag, Neave, 1997; Taylor, 2000; Taylor, Angel, 1998; Wilkinson, 2004].

Работа по восстановлению прижизненного облика индивида из кургана 28 выполнялась по копии черепа из пластика. Аутентичный череп хорошей сохранности, вполне мог выдержать процедуру реконструкции лица по черепу с использованием скульптурного пластилина. Нам представляется

желательным, чтобы аутентичный череп (или его копия, если это возможно) находился перед глазами антрополога работающего над восстановлением прижизненного облика человека: это помогает избежать грубых ошибок при скульптурном моделировании элементов лица и дает непосредственную возможность контроля над процессом создания скульптурной маски.

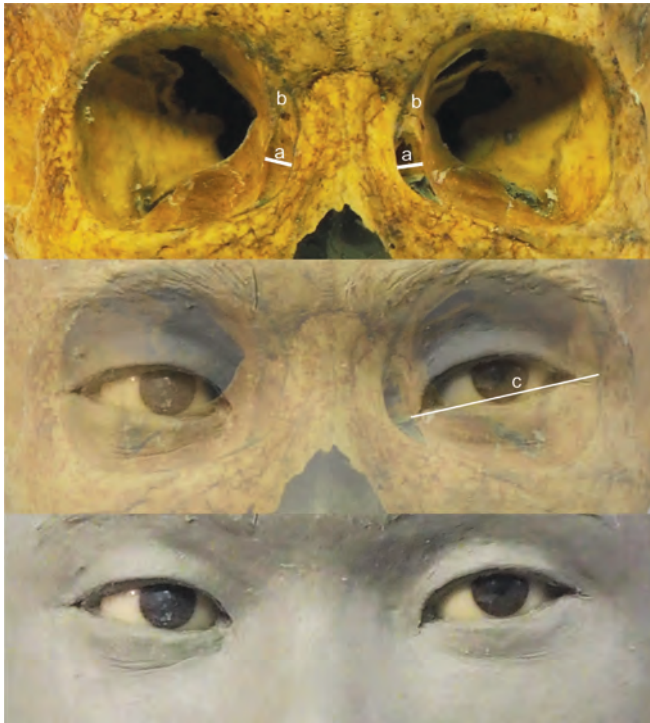
Основные элементы лица. Глаза. Средний диаметр глазного яблока по данным судебно-медицинских исследований 25.0–26.0 мм. По данным Вольфа [Wolf, 1948] в среднем глазное яблоко человека достигает 23.0 мм в высоту и 23.5 мм в ширину. При моделировании и постановке глазного яблока в орбиту использовались пластиковые протезы глазных яблок (Ø 24.0 мм)* (*Хочется помянуть добрым словом Виктора Рыжова – уфимского специалиста офтальмолога, предложившего и запатентовавшего метод изготовления пластикового протеза глазного яблока в России – прим. авт.). Направление глазной щели, судя по расположению глазничного бугорка на правой орбите (на левой слабо выражен), определяется как косовнутреннее.

Важным процедурным моментом в работе при моделировании глаз явилось определение присутствия эпикантуса (т.н. «монгольской складки» века в области внутреннего угла глаза) [Лебединская, 1998; Никитин, 2009; Усачева, Токарева, 2010]. Такие морфологические особенности строения орбиты как присутствие небольшой костной площадки в верхней части медиальной стенки глазницы, большая ширина лунки слезного мешка, средняя относительная высота орбиты, расположение глазничного бугорка на орбитальном крае орбиты, уплощенное переносье (дакриальный угол=106.0°) свидетельствуют о присутствии эпикантуса у данного индивида (рис. 3).

Нос. Нос широкий и высокий. Основной морфологический маркер ширины мягкого носа при его моделировании это расстояние между альвеолярными возвышениями клыков (*alare-alare*=37.0 мм). Высота крыльев носа диктуется расстоянием от точки *cristaconhale* до уровня *subspinale* (=17.0 мм). Таким образом, нос моделировался широким, с высокими, слабо рельефными, учитывая форму грушевидного отверстия, крыльями носа. Спинка восстановленного носа слабоволнистая, кончик носа широкий (рис. 4).

Рот. Зубы верхней и нижней челюсти хорошо сохранились за исключением посмертно утерянных: I₁ правого и левого на нижней челюсти, P_{1,2} на нижней челюсти, P^{1,2} на верхней челюсти слева. Сохранившиеся зубы позволили выставить нижнюю челюсть в окклюзионную плоскость и определить форму прикуса. Сохранившиеся медиальные резцы верхней челюсти имеют крупные размеры и перекрывают резцы нижней челюсти (псалидонтия). Верхняя челюсть диктует выступающую (прохейлия) форму невысокой верхней губы (рис. 5).

Подбородок. Нижняя челюсть не имеет выраженного макрорельефа в местах прикрепления парных жевательных мышц. Подбородок округлой формы, со слабо оформленным подбородочным бугром, визуально средневыступающий.

*Рис. 3. Моделирование эпикантуса на основе морфологических «маркеров» орбиты индивида из кургана № 28. На рисунке сверху: а – ширина ямки слезного мешка; б – площадка в верхней части медиальной стенки орбиты. На среднем рисунке: с – направление глазной щели от точки на середине заднего слезного гребня до точки находящейся на вершине слезного гребня левой орбиты. а – ширина слезной ямки; б – костная площадка, которую образует задний слезный гребень выше точки *trf* (максиллофронтале); с – направление (косовнутреннее) разреза глазной щели*

В результате восстановления внешнего облика молодого мужчины из кургана 28 по черепу получен портрет, отражающий не только антропологический тип (фенотип) индивида из могильника Боз-Адыр, но и его индивидуальные (портретные) особенности (рис. 6).

Палеогенетика.

Образец из кургана № 28 могильника Боз-Адыр уже был секвенирован и опубликован в научной работе «137 ancient human genomes from across the Eurasian steppes» [137 ancient...] под номером DA106. Но, из-за деградации ДНК Y-хромосомы извлеченной из зуба, во фрагментированной последовательности можно было определить лишь принадлежность данного образца к гаплогруппе C2-M86, но не ее субклад. В связи с

чем был взят дополнительный костный образец из височной части черепа для повторного генетического исследования (табл. 3).

Таблица 3 – Основные данные по изъятому образцу

ID	могильник	арх. культура	костный образец	Время жизни
#14040	Боз-Адыр	Киданьская	Пирамида височной кости	1150–1218 гг. (XII–XIII вв.)

Материалы и методы. Костные образцы изымались в генетической лаборатории в стерильных условиях, все необходимые процедуры во избежании прямых контактов, которые могли бы привести к загрязнению современным ДНК – соблюдены. Биоматериал для экстрагирования ДНК был взят путем высверливания образцов, и применен метод 24-часового растворения [Boom

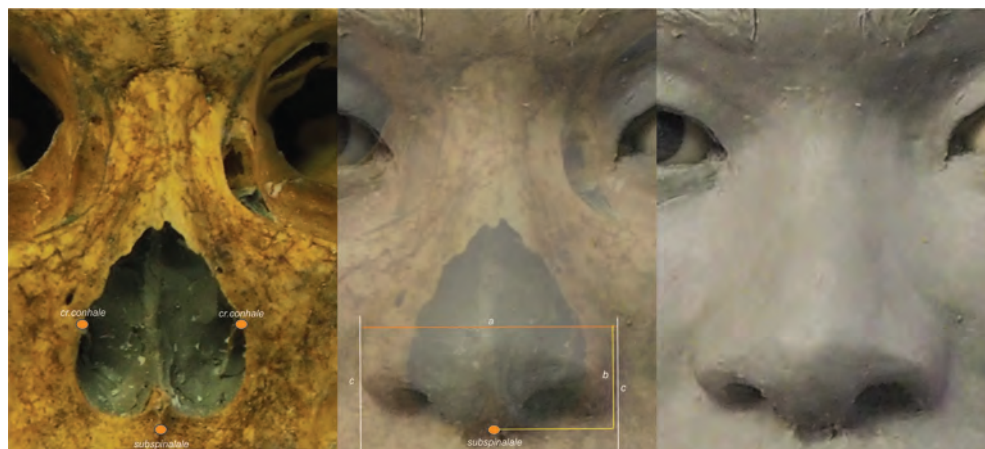

Рис. 4. Моделирование мягкого носа относительно морфологических маркеров лицевого скелета. На левом рисунке точки crista conchale основания верхней носовой раковины определяют высоту крыла носа от точки subspinale. На среднем рисунке a – высота крыла носа; b – линии, продолжающие альвеолярные возвышения в области клыков; c – ширина носа

et al., 1990]. Количественное определение нуклеиновой кислоты проводили по закону Бера-Ламберта с использованием флуоресцентного поглощения 230 нм, 260 нм, 280 нм (табл. 4). Лаборант, проводивший палеогенетические анализы, женского пола. В данном исследовании проведены анализы ДНК Y-хромосомы (SNP) и анализ митохондриальной ДНК. Все результаты прошли лабораторный контроль качества.

Таблица 4 – Количественное определение ДНК

ID	Концентрация ДНК (ng/μl)	A260/A280	A260/A230
14840	84,7	1.61	0.38

Результаты. По результатам ДНК Y-хромосомы был определена гаплогруппа. Несмотря на то, что гаплогруппа митохондриальной ДНК уже была определена в указанной выше научной работе, был проведен дополнительный анализ, результат которого совпал с первым. Датировка образца по 14C была использована из того же источника.

Погребенный из могильника Боз-Адыр, согласно датировке по 14C (1150–1218 гг.), жил в домонгольский период. По историческим данным время проживания погребенного относится к киданьскому (каракиданьскому) периоду данного региона (Тонский р-н, Иссык-Кульская обл.). Однако поздний предел установленного периода по 14C охватывает также период пребывания найманов в этом регионе. Исключить принадлежность к найманам, которые по сведениям были христианами несторианского толка, можно по погребальному обряду. Погребенный из могильника Боз-Адыр был

Рис. 5. Этапы реконструкции лица по черепу мужчины из кургана № 28. Слева – совмещение черепа и скульптурной маски в боковой норме, на рисунок нанесена линия, соединяющая антропометрические точки subspinale и prosthion на черепе, диктующая форму выступающей верхней губы и ее высоту. Справа – один из этапов моделирования левой половины лица

положен головой на север, что соответствует обряду погребения киданей в ранний период во Внутренней Монголии КНР [Крадин, Ивлиев, 2014].

Результат анализа ДНК Y-хромосомы показал гаплогруппу C2-Y12792, что соответствует степной ветви гаплогруппы C2-M86 (табл. 5).

Таблица 5 – Результаты полученные по SNPYДНК

ID	Образец	Гаплогруппа
#14040	Кидань (мог. Боз-Адыр)	C2-Y12792

Чтобы определить вероятное происхождение анализируемого индивида из кургана № 28 могильника Боз-Адыр был использован калькулятор генетических компонентов действующий на основании анализа статистических закономерностей распределения снипов в разных популяциях (рис. 7).

Рис. 6. Завершающий этап реконструкции прижизненного облика мужчины из кургана № 28 могильника Боз-Адыр (с моделирована прическа и атрибутика). Автор А. Нечвалода ©2020

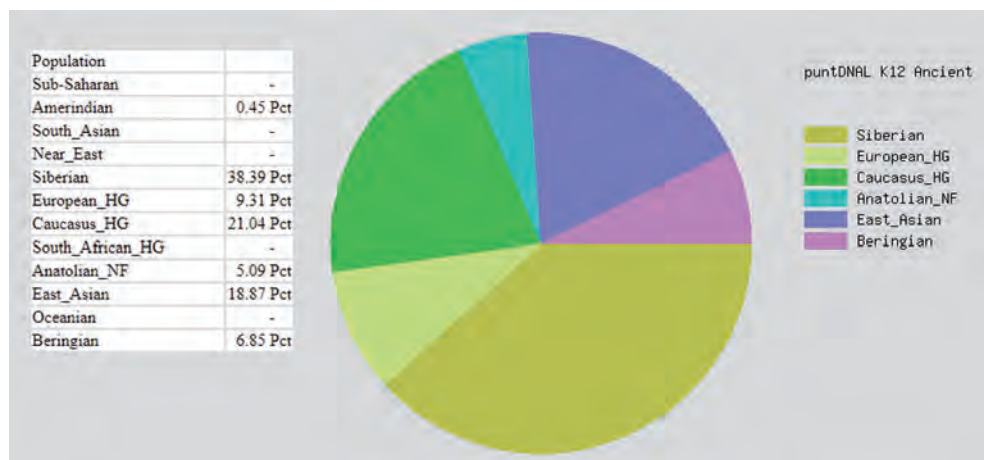

Рис. 7. Результаты анализа аутомсомной ДНК согласно калькулятору генетических компонентов puntdNAL K12 AncientAdmixture

Результат анализа мтДНК, определяющую прямую материнскую линию, показал гаплогруппу C4b1. Данная гаплогруппа в основном встречается у коренных жителей восточной Сибири и Восточной Азии (табл. 6).

Таблица 6 – Результаты полученные по мтДНК

ID	Образец	Варианты	Гаплогруппа
#14040	Кидань (мог. БозАдыр)	A16038G, C16223T, C16259CA, T16298C, C16327T, T146C, A263G, G275A, C309CCT, T310C	C4b1

Литература

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.

Алексеев В.П., Трубникова О.Б. Некоторые проблемы таксономии и генеалогии азиатских монголоидов (краниометрия). Новосибирск: Наука, 1984. 128 с.

Герасимов М.М. Основы восстановления лица по черепу. М.: Советская наука, 1949. 188 с.

Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек) // Труды Института этнографии АН СССР. Нов. серия. Т. XXVIII. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 585 с.

Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. М.: Наука, 1972. 371 с.

Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л. История Киданьской Империи Ляо. М: Наука – Вост. лит. 2014. 351 с.

Никитин С.А. Пластическая реконструкция портрета по черепу // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Т. 1. История усыпальницы и методика исследования захоронений. М.: Московский Кремль, 2009. С. 137-167.

Лебединская Г.В. Реконструкция лица по черепу (методическое руководство). М.: Старый сад, 1998. 125 с.

Табалдиев К.Ш., Акматов К.Т., Орозбекова Ж. Деревянные остовы седел из могильника Боз-Адыр на Тянь-Шане // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 5: Археология и этнография. С. 186-196.

Усачева Л.Л., Токарева Ю.А. Восстановление внешнего облика по черепу: Учебное пособие. М.: ЭКЦ МВД России, 2010. 152 с.

Boom R. et al. Rapid and simple method for purification of nucleic acids // Journal of Clinical Microbiology. Mar. 1990. P. 495-503.

Kollman J., Büchly W. Die Persistenz der Rassen und die Rekonstruktion der Physiognomieprähistorischer Schädel // Archiv für Anthropologie. 1898. Bd. XXV. S. 329-359.

Prag J., Neave R. Making faces: Using forensic and archaeological evidence. London: British Museum, 1997. 256 p.

Taylor K.T. Forensic art and illustration. Boca Raton: CRC Press, 2000. 580 p.

Taylor R.G., Angel C. Facial reconstruction and approximation // J.G. Clement, D.L. Ranson (Eds). Craniofacial identification in forensic medicine. London: Arnold, 1998. P. 177-185.

Wilkinson C. Forensic facial reconstruction. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 292 p.

Wolff E. The Anatomy of the Eye and Orbit. 3rd ed. London: H.K. Lewis; 1948. 752 p.

137 ancient human genomes from across the eurasian steppes / D. P. de Barros, N. Marchi, [...] E. Willerslev // Nature. 2018. 557. P. 369-374. URL: <https://www.nature.com/articles/s41586-018-0094-2> (дата обращения: 12.03.2020 г.).

П. Н. Петров, А. М. Камышев

НОВЫЙ ЧАГАТАИДСКИЙ МОНЕТНЫЙ ДВОР XIII–XIV вв. (к нумизматике городища Кара-Джигач)

Среди нумизматических средневековых находок на территории Казахстана встречаются непонятные и очень редкие чагатаидские монеты. Их системное изучение и поиск места чеканки привел к неожиданному результату – оказалось, что основная масса находок происходит с городища Кара-Джигач в Кыргызстане (близ города Бишкек). Было обнаружено три группы монет. Каждая группа монет имеет свои особенности в отношении помещения выпускных сведений. Первая группа монет 672/1273–1274 года включает монетный выпуск административного аппарата Хубилая, замененный затем выпусками с тамгой одного из Угедеидов. Вторая группа бита с тамгой Кайду хана от имени монетного двора Алмалык с датами 673(?)/1274–1275(?), 679(?)/1280–1281(?), 685/1286 гг. Третья группа помечена 702/1302–1303 г. и тамгами Кайду хана, Дувы и Чагатаида Йасаура. Изучение метрологии монет показало, что это низкопробные дирхамы весом ~1,1–1,2 г. По причине низкопробности они обеспечивали лишь потребности местного рынка и редко покидали пределы своей области. Скорее всего, их обращение осуществлялось по принудительному курсу. Установлено географическое местонахождение средневекового монетного двора – город Тарсакент.

Ключевые слова: государство Чагатаидов, городище Кара-Джигач, XIII–XIV вв., нумизматика, дирхам, монетный двор

XIII–XIV ғғ. Шағатайлық жаңа тиын сарайы (Қара-Джигач қалашығының нумизматикасына арналған)

Қазақстан территориясынан табылған ортағасырлық нумизматикалық заттардың арасында шағатайлық тиындар өте сирек кездеседі әрі түсініксіз. Оларды жүйелі түрде зерттеу мен тиын соғу орындарын іздеу күтпеген нәтижелерге алып келді: табылған бұйымдардың негізгі бөлігі Қырғызстандағы Қара-Джигач қалашығынан (Бишкек қаласына жақын) шыққан. Ол жерден тиындардың үш тобы анықталды. Тиындардың жасалынған жерлеріне байланысты әр топтың өзіндік ерекшеліктері бар. Бірінші топқа 672/1273–1274 жылдары Құбылайдың әкімшілік аппараты шығарған тиындар жатады, кейіннен ол Угедейліктердің бірінің таңбасы бар шығарылымдармен ауыстырылған. Екінші топқа 673(?)/1274–1275(?), 679(?)/1280–1281(?), 685/1286 жж. мерзімделетін Алмалықтағы тиын сарайының атынан шыққан Қайду ханның таңба соғылған тиыны. Үшінші топта 702/1302–1303 жж. Қайду ханның, Дуваның, Йасаур Шағатайлықтардың таңбасы белгіленген. Тиын метрологиясын зерттеу арқылы олардың салмағы 1,1–1,2 г. болатын, сапасы төмен дирхам екені анықталды. Сапаның төмендігіне байланысты олар тек жергілікті нарықтың қажеттілігін ғана қамтамасыз етіп, өз аумағынан алысқа

ұзап кетпеген. Олардың ақша айналымы бағам бойынша еріксіз жүзеге асып отырған сияқты. Ортағасырлық тиын сарайының географиялық орны ретінде Тарсакент қаласы қарастырылды.

Түйін сөздер: Шағатай мемлекеті, Қара-Джигач қалашығы, XIII–XIV ғғ., нумизматика, дирхам, тиын сарайы

The new mint of Chagataids of the XIII–XIV centuries (to the question about the numismatics of Kara-Jigach)

During the study of coins from the Kara-Jigach settlement near the modern city of Bishkek, three groups of coins were found. These coins have not been found in numismatic finds at other archaeological sites before. They are not known not only in Kyrgyzstan, but also in Kazakhstan and Xinjiang. We have found that each group of coins has its own characteristics in relation to the placement of information about the place of coinage. The first group dates back to 672/1273–1274 year of coinage and includes a coin issue of the administrative apparatus of Khublai. The following coins are bits with the image of the tamga of one of the Ugedoids. The second group of coins was minted with the image of tamga Kaidu khan and the name of the Almalyk mint with the dates 673 (?)/1274–1275(?), 679(?)/1280–1281(?), 685/1286 years. The third group of coins is of 702/1302–1303 year of minting and is marked with tamgas Kaidu khan, Duva and Chagataid Yasavur. The study of coin Metrology showed that these are dirhams weighing ~1.1–1.2 g (or less) and with a silver content of ~55% in the metal. Coins for this reason provided only the needs of the local market. Their monetary circulation was carried out at a forced rate most likely. We establish the geographical location of the mint in the city of Tarsakent due to the observed locality of monetary circulation.

Keywords: Chagataid state, Kara-Jigach settlement, XIII–XIV centuries, numismatics, dirhams, mint

Нумизматика Чагатаидского государства полна тайн и загадок. Причиной тому служат, в первую очередь, особенности монетного дела и денежного обращения в государстве. Сейчас известно большое количество территорий, на которых чеканились свои индивидуальные типы монет (в том числе без выпускных сведений) с особыми метрологическими характеристиками. Причем, эта чеканная продукция имела крайне ограниченный (локальный) ареал. Это касается не только Чагатаидского, но Джучидского, Хулагуидского государств и Великой Монгольской империи.

Цель настоящей статьи – введение в научный оборот новых монет, находимых преимущественно на городище Кара-Джигач в Кыргызстане (средневековый г. Тарсакент), распространение которых имело локальный характер в конце XIII в., и установление географического местоположения чеканившего их монетного двора.

Городище расположено в нескольких километрах от окраины Бишкека. Согласно сведениям Рашид ад-Дина, «Чу – область, в которой много селений. Она имеет два больших селения, Тарса-кент и Кара-ялык» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 16]. Важно, что селение Тарсакент упомянуто у Рашид ад-Дина в связи с событиями 701/1301–1302 г. – годом гибели хана Кайду. К сожалению, этот памятник не подвергался серьезному археологическому изучению (не известны даже его размеры). В настоящее время все земли, на которых располагается городище, переданы в частную собственность и

обрабатываются. Кроме того, возможно, археологический памятник частично находится под застройкой близлежащего населенного пункта – с. Кара-Джигач. Распашка полей постоянно выносит на поверхность средневековые предметы и нумизматический материал. В течение почти 20 лет часть находок с этого памятника, уничтоженного в наши дни хозяйственной деятельностью населения, авторам удавалось фиксировать с той или иной степенью полноты. В результате было обнаружено много находок караханидского и чагатаидского времени, но наше внимание привлекли серебряные монеты трех неизвестных ранее групп (типологических рядов) XIII – начала XIV века, которые с завидной регулярностью обнаруживались чаще всего на этом городище. Эти монеты крайне редко и в единичных экземплярах встречаются за пределами округа Кара-Джигач, т.е. основной их ареал локализуется именно в этом районе. Приведем описание типов* [*За критерий типа здесь принято оформление этих монет – картуш. Если хотя бы на одной стороне монеты картуш изменен – монета считается другого типа. Вариант в пределах одного типа определяется по изображенным тамгам. Разновидность в пределах варианта определяется по расположению тамг или серьезным изменениям в монетных легендах. При описании принята следующая нумерация монет: 4.1.2, где 4 – номер типа, 1 – варианта, 2 – разновидности] этих серебряных дирхамов (изображения всех известных нам типов приведены в рисунках, иногда в нескольких экземплярах).

Первый типологический ряд

Тип 1.1. Анонимный. МД не указан. 672 г.х. Тамги нет. Мам.

Рис. 1, 1–3. Для известных экземпляров:

в=0,68; 0,87; 0,53; 0,72 г; д=19–20; 20; 16; 17 мм.

Л.с. Картуш: в тройной ободок (внешний и внутренний – линейный, средний – точечный) вписан однолинейный квадрат. В поле:

ÁŸŠÜM/ĒeiÜA

В четырех сегментах:

вверху – 0Am; внизу – 6; слева – 7; справа – 2.

О.с. Картуш: в тройной ободок (внешний и внутренний – линейный, средний – точечный) вписан квадрат с виньеткой на каждой стороне. В поле: 21° - Мам.

Тип 1.2. Анонимный. МД не указан. 672 г.х. Тамга.

Рис. 1, 4. в=0,70 г; д=19 мм.

Л.с. Как Л.с. у типа 1.1.

О.с. Картуш: в ободок (не виден) вписан квадрат с виньеткой на каждой стороне. В поле – трехногая разноплечная тамга.

Тип 2. Анонимный. МД не указан? Год утрачен? Тамга.

Рис. 1, 5. в=0,54 г; д=20 мм.

Л.с. Картуш: два тройных ободка (внешний и внутренний – линейный, средний – точечный) разделены круговой легендой.

В поле следы изображения трехногой разноплечной тамги.

Кругом – фрагмент легенды.

О.с. Картуш: в ободок (внешний и внутренний – линейный, средний – точечный) вписан квадрат с виньеткой на каждой стороне. В поле – трехногая разноплечная тамга.

Экземпляр сильно поврежден и прочеканена лишь половина монетного кружка.

Тип 3. Анэпиграфный. Тамга.

Рис. 1, б. в=0,66 г; д=18 мм.

Л.с. Картуш: в центре поля ободка (внешний и внутренний – линейный, средний – точечный) – трехногая разноплечная тамга, по четырем сторонам которой по виньетке, соединенных между собой концами завитков.

О.с. Обратная сторона полностью повторяет *Л.с.* В поле – трехногая разноплечная тамга.

Если в предыдущих типах монет наблюдался квадрат с вплетенными виньетками в его сторонах, то в данном случае этот квадрат отсутствует, а четыре виньетки просто соединены концами ответвлений. Этот тип монет уже упоминался П. Н. Петровым в публикации, однако, ошибочно он был отнесен к выпускам на монетном дворе Алматы [Петров и др., 2014, с. 130–131, № 193, фототабл. 24, 193].

Второй типологический ряд

Тип 4.1.1. Анонимный. Алмалык. 685 г.х. Тамга. *Мам.*

Рис. 1, 7–10. в=1,15; 1,23; 1,08 г; д=17,5–18,5; 19; 17,5 мм.

Л.с. Картуш: Три ободка (внешний – линейный, средний и внутренний – двойные линейные), каждый из которых разделены двумя круговыми легендами.

В центре поля помещен топоним *Алмалыг* и тамга над ним:

—*ВАА* /

Внешняя круговая:

(!) *ВАА* *É* *А* *mi* *fAZ*; *É* *А* *Ü* *É* *А* *Ü*

Внутренняя круговая (удалось реконструировать частично):

... *О* *А* *É* *А* —*ВАА* *А* *Ç* [*j f*]

О.с. Картуш: двойной(?) ободок (внешний(?) – точечный, внутренний – линейный).

В поле:

А *ç* *Ü* / / *А* *ç* *В* *А*

Буквы тибетского алфавита читаются как *Мам*. Кругом:

É *В* *А* *н* *А* *Т* *В* *А* *О* *А* *О* *А* ... *L* *j* *y*

Часто на этих монетах надписи *О.с.* сильно искажены (№ 7–9).

Тип 4.1.2. Анонимный. Алмалык. 972 (=679?; 689?) г.х. Тамга. *Мам.*

Рис. 1, 11–12. в=1,08 г; д=17 мм.

Л.с. Как *Л.с.* 4.1.1.

О.с. Как *О.с.* 4.1.1, но отличается круговой надписью – год приведен

перевернутыми зеркально цифрами справа в поле монеты:

972 ...Ljy

Тип 5. Анонимный. Алмалык. [6]73? или [6]83? г.х. Тамга. Мам.

Рис. 1, 13.

Л.с. Картуш: внешний ободок не виден, ободки между двумя круговыми легендами отсутствуют.

В центре поля топоним *Алмалыг* и тамга над ним:

—*»ВАЖ* /

Внешняя круговая:

[... *É¼А ¾А mi f]AZ; É¼А Ü[A É¼А Ü]*

Внутренняя круговая крайне фрагментарна и нечитабельна.

О.с. Картуш: двойной(?) ободок (внешний(?)) – точечный, внутренний – линейный). В поле:

АҢ\$ Ü / 81° / А ¾В'»А

Буквы тибетского алфавита читаются как *Мам*. По сторонам (сверху против часовой стрелки):

...73/ ... / [h]ç / Ljy

Цифры года могут быть прочтены как [6]73 и как [6]83 г.х. (если средняя цифра в дате изображена перевернуто).

Третий типологический ряд

Тип 6.1.1. Анонимный. Год утрачен. Две тамги.

Рис. 2, 14. В=1,02 г; д=22 мм.

Л.с. Картуш: в круговой линейный ободок вписан фигурный крест из трех линий. В центре – тамга Кайду, по сторонам которой – по кружочку. Надписи в двух из четырех сегментах – фрагментарны,

в остальных сегментах – утрачены.

О.с. Картуш: три(?) линейных ободка, разделенных двумя круговыми легендами. Внешний круговой ободок практически не просматривается. Следующая за ним круговая легенда угадывается по остаткам очертаний двух букв. Между средним и внутренним ободками также видны остатки круговой легенды, которая не поддается однозначному прочтению. В центре поля – трехногая тамга Йасавура, вокруг которой непонятная надпись.

Тип 7.1.1. Анонимный. 72? или 712? г.х. Две тамги.

Рис. 2, 15–18. В=1,11 г; д=19 мм.

Л.с. Картуш: круговой линейный ободок вписан фигурный крест из двух линий. В центре – тамга Кайду, по сторонам которой – по кружочку. Надписи в сегментах не поддаются однозначному прочтению, возможно, в правом сегменте:

7(?) 12 ÉAm

год 712; 72 (712, 702); [6]72; [6]82?

О.с. Картуш: два линейных ободка, разделенных одной круговой легендой (не прочтена, надпись сильно искажена).

В центре поля – трехногая тамга Йасагура, вокруг которой непонятная надпись.

Ранее такие монеты уже упоминались в монографическом труде [Петров и др., 2014, с. 57, тамга 19; фототабл. 3/11].

Тип 7.2.1. Анонимный. Год? Три тамги.

Рис. 2, 19. В=1,20 г; д=21 мм.

Л.с. Картуш: в круговой линейный ободок вписан фигурный крест из двух линий. В центре – тамга Кайду (искажена), по сторонам которой – по кружочку. Надписи в 3-х сегментах из четырех утрачены.

О.с. Картуш: два линейных ободка, разделены одной круговой легендой (не прочтена, сильно искажена).

В центре поля – две тамги: тамга Дувы и под ней «лежащая на боку» трехногая тамга Йасагура. Справа от тамги – утрачено, слева – неясно.

Тип 7.2.2. Анонимный. Год? Три тамги.

Рис. 2, 20.

Л.с. Картуш: в круговой линейный ободок вписан фигурный крест из двух линий. В центре – тамга Кайду (искажена), по сторонам которой – по кружочку. Надписи в одном сегменте из четырех утрачены.

О.с. Картуш: два линейных ободка, разделенных одной круговой легендой (не прочтена, сохранилась фрагментарно).

В центре поля – две тамги: тамга Дувы и под ней – трехногая тамга Йасагура. Слева – неясно; справа – $\frac{3}{4}FS$.

Таким образом, нами собрана информация о монетах трех типологических рядов, так или иначе связанных между собой либо слогом *Мам*, либо тамгами, и все вместе – тем обстоятельством, что преимущественно эти монеты находят именно на территории городища Кара-Джигач и в единичных экземплярах крайне редко в соседних районах. В статье приведены далеко не все известные авторам экземпляры монет этих трех типологических рядов. Кроме того, существуют еще другие типы серебряных мелких монет необычного и в чем-то похожего оформления и дукта, однако, известное нам количество таких дирхамов столь мало, что пока очень сложно предполагать в качестве места их производства Тарсакаент или иной какой-либо средневековый населенный пункт. В то же время стиль их оформления таков, что вполне соответствует всем характерным особенностям продукции 670–671 гг. чагатаидской чеканки.

Прежде чем начать обсуждение описанного нумизматического материала, рассмотрим вопрос самой возможности возникновения локальных зон монетной чеканки и обращения. Поскольку локальность обращения – основной и единственный аргумент в пользу установления расположения монетного двора по чеканке этих анонимных дирхамов без выходных данных. Эмиссионные центры изначально (после монгольского завоевания) возникали

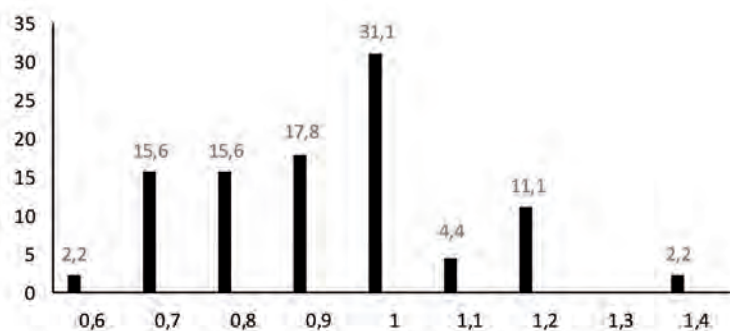
в тех регионах, где присутствовал нереализованный торгово-экономический потенциал. Монетная политика в Чагатайском государстве не была направлена на унификацию монетных типов на территории всего государства, а потребность в монете особенно в XIII в. не была повсеместной, то естественным путем возникали центры с локальным монетным обращением типологических различавшимися выпусками. О локальном характере денежного обращения в средневековье на примере Южного Таджикистана писала еще Е. А. Давидович [1979, с. 69–87]. Локальность обращения может быть охарактеризована такими параметрами, как: 1. частота встречаемости монет, битых на собственном монетном дворе в сравнении с частотой встречаемости этих монет в соседних регионах; 2. частота встречаемости монет собственных выпусков в массе с синхронными им выпусками монет иных эмиссионных центров в своем регионе. Причем, первый параметр проследить существенно проще в ходе изучения состава нумизматических находок на археологических памятниках, некогда являвшихся синхронно существовавшими населенными пунктами в соседних регионах. Именно так были зафиксированы многочисленные зоны локального обращения: Кайалык (Каялык/Койлык) и его округа [Байпаков, Петров, 2007, с. 14–21]; Баласагун и его округа [Акиндинов и др., 2011, с. 14–28; Петров и др., 2012, с. 168–177]; область Хорезм [Петров, 2010, с. 121–149; 2011, с. 218–237]; Булгарский вилайат [Петров и др., 2012, с. 117–123; Бугарчев, Петров, 2018]; Сарай – дворец джучидского хана Берке [Петров и др., 2018, с. 145–158]; тангутские земли [монеты дачао тунбао] [Беляев, Сидорович, 2014, с. 86]. Естественно, это лишь малая часть примеров, которые можно привести, но перед авторами не стоит здесь задачи составления полного библиографического анализа. Следует упомянуть, что большинство потерянных монет в зонах локального обращения находятся именно в том населенном пункте и ближайшей округе, где располагался эмиссионный центр. Это основополагающий постулат при установлении географического расположения монетного производства. Представляется, что еще одна такая зона конца XIII в. и обнаружена нами в Кыргызстане на городище Кара-Джигач.

Собственно, топоним Тарсакент буквально означает город христиан (персидское *тарса* и согдийское *кент*) [Джумагулов, 1987, с. 39]. Находки надгробных христианских несторианских камней и галек вблизи Кара-Джигача [Джумагулов, 1987, с. 38, прим. 118] явились причиной отождествления его с одним из христианских поселений. Причем, ни Ч. Джумагулов, ни В. Кляйн [Кляйн, 2003, с. 321] не отождествляют безоговорочно городище Кара-Джигач со средневековым Тарсакентом, но строят свои фразы так, что подводят читателя к такому отождествлению. В то же время В. Д. Горячева прямо указывает на такое соотнесение [Горячева, 2010, с. 49, табл. 2, № 11] и приводит хронологический интервал его существования – IX–XIV вв.

Рассмотрим особенности изучаемых монет. Собранные метрологические данные, к сожалению, охватывают далеко не все осмотренные и сфотографированные экземпляры. Монеты первого и третьего типологических рядов нам известны в единичных экземплярах, причем в сильно

поврежденном состоянии как поверхности, так и самого монетного кружка. Ввиду низкопробности металла, которая легко обнаруживается даже на глаз благодаря расслоению его на сломе и сероватому цвету (это относится ко всем изучаемым экземплярам кроме монеты типа 5), длительное нахождение этих монет в земле привело к существенной поверхностной коррозии. Бесмысленность взвешивания столь сильно поврежденных экземпляров для изучения метрологии очевидна. Реально удалось собрать метрологическую информацию о 45 неповрежденных дирхамах, которые, однако, были в обращении и сотни лет лежали в почве, вследствие чего потеряли часть своего веса: 0,6 г – 1 экз.; 0,7 – 7 экз.; 0,8 – 7 экз.; 0,9 – 8 экз.; 1,0 – 14 экз.; 1,1 – 2 экз.; 1,2 – 5 экз.; 1,4 – 1 экз.

Гистограмма № 1. Зависимость веса монет второго типологического ряда от их количества

Шаг 0,1 г; ось Y – кол-во экз. в %; ось X – вес в граммах

Максимум количества монет приходится на величину веса в 1,0 г. Причем, количество монет в весовом интервале от 0,9 до 1,1 г составляет 53,3%, а в интервале от 0,8 до 1,2 г – 80%. Среднее значение веса ~ 0,9 г. Вероятная весовая норма чеканки может тяготеть к значениям в 1,1÷1,2 г (т.е. наблюдаемое положение максимума смещено в сторону меньших значений веса). Существенный разброс веса связан с тем, что учтенные монеты определенное время находились в обращении и в результате его теряли. Аналогичная весовая норма чеканки наблюдается у монет третьего типологического ряда. Меньшие весовые параметры наблюдаются у монет первого типологического ряда, но необходимую статистику значений веса для монет в неповрежденном состоянии первой и третьей изучаемых групп набрать не удалось из-за их редкой встречаемости.

Элементный состав монетного металла был изучен с помощью неразрушающего рентгено-флуоресцентного анализа (РФА) 12 дирхамов второго типологического ряда. Его результаты мы приводим не по всему спектру обнаруженных химических элементов, а только те, которые касаются двух основных элементов монетного сплава – меди и серебра (табл. 1). Для исследований был использован РФА-анализатор Vanta VMR. В первом

приближении количественная оценка содержания химических элементов Ag и Cu в изучаемых экземпляра, осуществленная на основании измерений с помощью указанного прибора, может считаться корректной в пределах аппаратурной ошибки.

Таблица 1 – Концентрация Ag и Cu в исследуемых монетах второго типологического ряда, определенная РФА-анализатором Vanta VMR

Элемент	Количество, %												Среднее кол-во, %
	80,53	68,46	62,70	33,75	66,29	59,44	56,31	86,95	53,07	51,80	43,88	54,15	
Ag	80,53	68,46	62,70	33,75	66,29	59,44	56,31	86,95	53,07	51,80	43,88	54,15	59,78
Cu	12,50	21,05	29,92	60,30	20,27	29,67	36,00	3,91	38,99	40,66	50,51	39,04	31,90
Σ	93,03	89,51	92,62	94,05	86,56	89,11	92,31	90,86	92,06	92,46	94,39	93,19	91,68

Из приведенных данных видно, что металл монет действительно низкопробный – около 60%. Для серебряных монетных сплавов количество серебра на поверхности монеты всегда больше, чем в его объеме. Так, в работе Н. В. Ениосовой и Р. А. Митояна установлено для куфических дирхамов X в.: «... разница в составе серебра между металлической поверхностью и ядром составляет приблизительно 1% для высокопробного серебра и около 6% для металла более низкой пробы» [Ениосова, Митоян, 2011, с. 90]. Практически такой же результат был получен при изучении чагатаидских монет XIII в. [Байтанаев и др., 2019, с. 48]. В нашем случае при изучении монет методом РФА также исследованию подвергался тонкий приповерхностный слой металла, а это означает, что количество серебра в объеме металла меньше, чем ~60% примерно на 6%, т.е. порядка 54%. Учитывая ошибку метода в ~5%, устанавливаем нижнюю границу возможного изначального содержания серебра в монетном сплаве – около 55%. С учетом содержания серебра в объеме металла среднее суммарное количество Cu и Ag составляет ~85%. Количество серебра в сплаве, выраженное с точностью до сотых долей, не имеет практического значения для обращения монет, битых из него, поскольку точность определения пробы в средневековье находилась на уровне ~2,5% [Давидович, 1972, с. 101–102]. Наблюдаемый существенный разброс количества серебра от монеты к монете (табл. 1) скорее связан с неравномерностью распределения меди в сплаве, поскольку суммарное содержание серебра и меди для всех монет выдержано относительно точно. В тоже время, в составе сплава очень значителен процент посторонних элементов (возможно, в ходе нахождения в земле в объем металла благодаря диффузии и химических реакций проникло значительное количество химических элементов, которые изначально в монетном металле отсутствовали), что наряду с неоднородностью распределения Cu в сплаве могло способствовать наблюдаемому расслоению металла. В дальнейшем планируется продолжить изучение состава металла этих монет с учетом всех возможных изменений, которым он подвергался в ходе нахождения в земле в течение веков.

Пробирные данные говорят о том, что реальная стоимость этих монет не соответствовала своему весовому стандарту в $\sim 1 \div 1,2$ г в сравнении с

высокопробными полновесными дирхамами. Значит, изучаемые нами монеты либо представляли собой очень мелкую разменную серебряную монету, либо обращались по принудительному курсу. И такие дирхамы массово не «уходили» от эмиссионного центра дальше округи. При этом проба таких монет никогда не занижалась по сравнению с пробой полновесных дирхамов. В данном случае мы наблюдаем очень серьезное занижение пробы монетного металла (с 85% у высокопробных дирхамов реформы Мас`уд-бека до ~55% у местных выпусков), что придает уверенности в правильности предположения о принудительном характере обращения этих монет.

Монеты первого типологического ряда и датированные 672/1273–1274 г. (типы 1.1 и 1.2, рис. 1, 1–4) среди известных нам – самые ранние, и их можно признать очень редкими. Появление монетного двора на территории Чуйской долины в начальный период правления Кайду в Чагатаидском ханстве вполне оправдано и объясняется нехваткой монетной массы. Но мы видим очень необычные серебряные дирхамы – на них нет наименования монетного двора и тамги Кайду, но зато в качестве эмитента выступает *Орду ал-а`зам* (рис. 1, 1–4). Этот «эмитент» олицетворяет собой власть, предоставленную ему исключительно кааном Хубилаем [Петров, 2006, с. 19–22]. Если мы не делаем ошибки в соотношении выпуска этих монет с эмиссионным центром Тарсакент, то можно констатировать, что эта территория (а не только центр Чагатаидов г. Алмалык) какое-то время в течение 672/1273–1274 г. находилась под властью администрации Хубилая (тип 1.1, рис. 1, 1–3). Характерной особенностью монет Хубилая, объединяющих эти выпуски с монетами Хотана [Беляев и др., 2004, с. 20–22], является помещенная в центре Л.с. тибетская буква *та* с надписанной над ней санскритской анусварой: *таṃ* (=маМ). Этот слог можно представить в составе какой-нибудь мантры, однако в качестве отдельного священного слога (наподобие ОМ, ХУМ, ПХАТ и т.п.) он не встречался. Можно связать слог *таṃ* с одной из популярных богинь («матерей»), например – Тарой. Но мантра Тары не включает этого слога. Представляется, что в качестве предположения для дальнейшего изучения вопроса логичным и продуктивным может оказаться рассмотрение связи этого слога с культом Махакалы, который был в особенном почете именно у монголов из династии Юань. Авторы выражают искреннюю благодарность Александру Валерьевичу Зорину (Институт восточных рукописей РАН, г. СПб.) за консультацию по поводу интерпретации этого слога.

Но дирхамы без тамги чеканились не долго. Причем, по инерции сохраняя на одной стороне надпись *Орду ал-а`зам* и год 672 г.х. (надо полагать, старый штемпель некоторое время использовался при чеканке монет уже при новой власти), на другой стороне типа № 1.2 мы видим трехногую разноплечную тамгу одного из представителей дома Угедея, родственника хана Кайду (рис. 1, 4). То есть, главный атрибут, указывающий на владельца доходов с чеканки монеты (тамга Угедеида), сообщает о принадлежности территории уже государству Чагатаидов. К сожалению, нам известен в настоящее время лишь один экземпляр монеты типа 2. Тип № 3 анэпиграфный. На обеих сторонах

Рис. 1. Продукция монетного двора Тарсакент: 1-6 – монеты первой группы; 7-13 – монеты второй группы

дирхама размещена в картуше лишь трехногая разноплечная тамга (рис. 1, 5). Дирхамы этого типа встречаются много чаще, чем другие монеты этого типологического ряда. В настоящее время авторам известны находки более 13 аналогичных экземпляров. И 11 из них происходят с Кара-Джигача, а для 2 экз. место находки не установлено.

Ранее предполагалось, что монеты типа № 3 (рис. 1, 6) биты в Алматы, опираясь на присутствие такой же разноплечной тамги на дирхамах этого монетного двора [Петров и др., 2014, с. 130, 231, № 193]. Но оказалось, что монеты этого типа в Казахстане практически не встречаются (не известны их находки и в Синьцзяне), а монет Алматы нет на территории Кыргызстана. Сейчас совершенно ясно, что изучаемая продукция монетного двора не относится к монетному производству Алматы. Мало того, становится понятно, что у хозяина разноплечной тамги сменились владения доходами с чеканки монет. Если в 672/1273–1274 г. он владел доходами с монетного двора в Тарсакенте, то в 684÷686 гг.х. – с монетного двора Алматы.

О сложностях, возникающих при установлении датировки восточных монет, хорошо известно [Давидович, 1987, с. 33–35]. Год, написанный цифрами, часто вызывает сомнения, особенно, если на монетной продукции встречаются датировки зеркально перевернутыми или разнесенными цифрами. Достоверными считаются датировки, когда год написан словами, причем исполнение монетных надписей должно быть не подражательным (тем более не имитационным). На 1 и 2 типах монет первого типологического ряда год указан цифрами и формально его можно прочесть двумя способами: и 672/1373–1374, и 682/1283–1284 гг.х. Но в 675/1276–1277 г. Кашгар уже находился в руках Кайду, и там чеканилась монета с его тамгой, что было бы невозможно, если бы Тарсакент при этом оставался в руках администрации Хубилая. То есть известный ход исторических событий подсказывает, что дирхамы типов 1 и 2 были биты до 675/1276–1277 г., а, следовательно, чтение года 672/1373–1374 г. корректное и единственно возможное. Перешел ли Тарсакент к хану Кайду именно в 672/1273–1274 г., а, например, не в 673/1274–1275 г. утверждать однозначно нельзя, поскольку год 672 может быть «замерзшей» датой, которая в течение некоторого времени могла проставляться на монеты без изменений. Но редкость этих монет и незначительное количество штемпелей с датированной стороной скорее свидетельствует о смене власти в городе/области именно в 672/1273–1274 г.

В письменных источниках нам не удалось обнаружить причину появления чеканки в Тарсакенте администрацией Хубилая, возможно, зафиксированный нами выпуск явился результатом кратковременного захвата города армией Юаней.

Второй типологический ряд включает в свой состав монеты, надежно датированные 685/1286 г. (тип 4.1.1, рис. 1, 10), причем год написан словами. С Кара-Джигача происходит небольшой кладик из 10 таких дирхамов, на пяти экземплярах которого (тип 4.1.2) виден год – «972» гг.х. (как на экз. рис. 1, 11–12), на остальных 5 экз. год не виден. Чтение этого года затруднено тем, что вся

дата имеет одну ось инверсии – вертикальную. Если осуществить инверсию изображения сразу всех цифр года, то он будет читаться так: 679/1280–1281 г. с корректно написанными цифрами. Но мы не имеем уверенности в том, что цифра «7» не имеет еще и горизонтальной оси инверсии, тогда бы год читался так 689/1290 г. Оба варианта чтения года вполне возможны, но чисто интуитивно нами отдается предпочтение чтению года 679(?) / 1280–1281 г.

Необычность этих монет, в первую очередь, заключается в копировании типологических особенностей одной стороны дирхамов столичного Чагатаидского Алмалыка, причем топоним *Алмалыг* стоит также в центре поля с тамгой Кайду над ним. То есть, главный атрибут собственности – тамга Кайду указывает на переход владения доходами с чеканки монеты с этого монетного двора (реализация права *сикка*) непосредственно к хану. На обратной стороне указан лакаб, видимо, правителя города [(*справедливый (=законный), величайший*)]. Такие лакабы и расширенные титулы (*шах справедливый, малик справедливый* и т.п.) местных управляющих городами/областями в дальнейшем было принято помещать на монетах Чагатаидов практически всех монетных дворов в течение XIII – первого десятилетия XIV в. Объединяет оба этих столь разных первых двух типологических ряда монет слог *там*, который также размещен на О.с. дирхамов.

«Завершает» этот типологический ряд дирхам с годом, встретившимся нам лишь один раз (тип 5, рис. 1, 13). Его чтение затруднено отсутствием еще одной цифры, место для которой, возможно, есть перед этими двумя цифрами 7 и 3. Заметим, что для чтения двух сохранившихся цифр применение инверсионного преобразования их изображения не требуется. Год может быть прочтен и как [6]73/1274–1275, [6]83/1284–1285 гг. (если цифра 7 является перевернутой цифрой 8), и как 7[0]3/1303–1304 г., если перед цифрой 7 других цифр нет. Поскольку такая монета нам известна в одном экземпляре, то мы не можем однозначно решить этот вопрос просто на основании чтения года. В то же время, следует признать, что вполне вероятно датировка 673/1274–1275 г., тогда мы имеем четкую последовательность смены типов после выпусков 672 г.х. Кроме того, этот дирхам зрительно воспринимается как высокопробный. Если это так, то после чеканки в 672 г.х. низкопробных монет первого типологического ряда представляется логичной попытка начать чеканку нормальной высокопробной местной монеты, хотя бы и мелкого номинала. Высокопробная монета вполне могла не оправдать ожиданий властей (или откупщика) по каким-то причинам, из-за чего была возвращена чеканка низкопробной монеты. К сожалению, нам известен лишь один экземпляр с этим годом и пока нет оснований переводить это предположение в ранг аргументов, подтверждающих датировку монеты 673/1274–1275 г. Не менее правдоподобна и датировка 683/1284–1285 г., поскольку монеты 685 г.х., написанные словами, в типологическом ряду присутствуют. Наименее возможным представляется чтение года как 7[0]3/1303–1304 г. В настоящее время отдаем предпочтение чтению года как [6]73(?) / 1274–1275(?) г. до обнаружения других экземпляров с такой датировкой.

Таким образом, второй типологический ряд монет может быть представлен выпусками: 673(?) / 1274–1275(?), 679(?) / 1280–1281(?) и 685 / 1286 г. Не исключено, что это далеко не единственные годы чеканки дирхамов, которые еще могут быть зафиксированы в будущем. Следует учесть, что существует достаточно большое количество монет этого типа не сохранившихся или изначально не имевших годов выпуска в своей легенде (рис. 1, 7–8). Чеканка таких монет не была кратковременной, это видно не только по различным годам, которыми они помечены, но и по частоте их встречаемости.

Третий типологический ряд поставлен последним, возможно, не в хронологическом порядке, поскольку ни одной однозначно датированной монеты этого ряда пока не обнаружено. Самый первый вопрос, который необходимо решить – это установить десятилетие в конце XIII или начале XIV в., когда этот тип монет мог быть чеканен. Все надписи на монетах сильно искажены и без обнаружения монет-прототипов с полноценно выполненными надписями не удастся однозначно прочесть те слова, которые видны. Например, монета на рис. 2, 15 содержит в правом сегменте Л.с. две цифры: *x12*, - и далее слово *год*. На другом экземпляре (рис. 2, 16) видны цифры 72. И нет ясности, была ли у монеты № 15 перед цифрой «2» цифра «1», или это просто «набег» металла, образовавшийся при чеканке или изготовлении штемпеля. Комбинация всех трех цифр указывает на год 712 / 1312–1313, если не учитывать «наплыв металла», то 702 / 1302–1303 г. Но формальное прочтение года как 712 год хиджры противоречит таким важнейшим датирующим признакам, присутствующим на монетах этого типологического ряда, как тамги.

Поскольку тамги были персональными, хотя и могли передаваться по наследству, время их появления и исчезновения с монет очень часто вполне конкретное и их использование хронологически ограниченное. Обращает на себя внимание тот факт, что на этом типе монет мы наблюдаем не одну тамгу Кайду, которая появилась на монетах еще в 660-х / 1260-х гг., а перестала помещаться на монетах с уходом с политической арены сына Кайду – свергнутого хана Чапара после 709 / 1309–1310 г., а еще и тамгу Чагатаида Йасавура [Петров и др., 2014, с. 57, тамга 19]. А на монетах типа 7.2 (рис. 2, 19–20) кроме этих двух тамг еще и знак собственности владельца Чагатаидского улуса – Дувы. Дело в том, что Йасавур был Чагатаидом, но не владельцем Чагатаидского улуса. Его тамга не могла появиться на монетах раньше, чем появилась на монетах тамга владельца улуса – Дувы. Тамга Дувы появляется на чеканной продукции монетных дворов не ранее 683 / 1284 г. Но в Тарсакенте в 685 / 1286 г. еще чеканилась монета второго типологического ряда. Следовательно, эти дирхамы биты не только не ранее 683 / 1284 г., но и позднее 685 / 1286 г. И чтение года на них (рис. 2, 14–18) как 682 / 1283–1284 г. невозможно. Но и чтение 712 / 1312–1313 г. также невероятно из-за исчезновения с монет тамги Кайду тремя годами ранее. Остается единственный вариант интерпретации – 702 / 1302–1303 г. Такая датировка представляется возможной, но в этом случае дирхам второго типологического ряда – тип 5 (рис. 1, 13), однозначно не может быть датирован 703 / 1303–1304 г.! Следует заметить, несмотря на то,

Рис. 2. Продукция монетного двора Тарсакент: 14–17 – монеты третьей группы

что монеты второго и третьего типологического рядов имеют разные диаметры (17–19 мм и 19–22 мм, соответственно) их весовая норма чеканки практически одинаковая ($\sim 1 \div 1,1$ г). А это означает, что дирхамы третьего типологического ряда либо биты на другом монетном дворе (что пока не доказуемо), либо после 685/1286–1287 г. Причем, по логике хронологический порядок их чеканки следующий: сначала выпускались дирхамы типа 7.2.1 и 7.2.2 с тремя тамгами (Кайду, Дувы и Йасавура) (рис. 2, 19–20), а затем 7.1.1 (с тамгами Кайду и Йасавура), который бился уже при хане Чапаре.

Типы первого и второго типологического рядов связаны между собой «тематически» – слогом *там*, который отсутствует на дирхамах третьего типологического ряда. Но типы второго и третьего типологического рядов имеют, судя по известным данным, общую метрологическую норму чеканки.

Итак, вопрос предложенной датировки монет третьего типологического ряда пока следует считать предварительным. Возможно, населенный пункт со значительным количеством монет этих типов еще не обнаружен? Но следует признать, что это монетное производство располагалось на территории современного Кыргызстана и если не в Тарсакенте, то в средневековом городе в непосредственной близости с ним.

Особо важным является вопрос монетного обращения в интересующей нас области с центром Тарсакент. Средневековое монетное обращение в какой-либо конкретной области в определенный отрезок времени всегда характеризуется тремя параметрами – монетной массой, наличием или отсутствием собственной местной чеканки и степенью локальности обращения (т.е. степенью участия данной области в межобластном и межрегиональном обмене монетной массой с учетом направлений поступления монет не местных выпусков).

Денежная реформа Ма'суд-бека 668/1270 г., в результате которой ряд монетных дворов (Отрар, Кендже, Кенджек и Йанги Тараз) начали регулярный и массовый выпуск серебряных дирхамов нескольких номиналов, была обусловлена военно-политической ситуацией в Синьцзяне. Войска Хубилая под предводительством его сына Нумихана (Номугана) в 669 г.х. заняли Алмалык. То есть, все активные эмиссионные центры Чагатаидского и Угедеидского улусов (Имил = Кабак, Пулад, Алмалык, Хотан, Куча) оказались в руках войск Хубилай-хана. Потребность в серебряной монете заставила Кайду организовать на подвластной территории свои монетные производства. В результате, как выясняется в настоящее время, начали функционировать не только перечисленные монетные дворы (Отрар, Кенджек, Кендже и Йанги Тараз), но и более мелкие производства, выпускающие только мелкие разменные дирхамы (весом ~ 1 г и менее) для обеспечения потребностей местных рынков. Суда по приведенной здесь информации, одним из таких эмиссионных центров стал Тарсакент, однако, с местными особенностями проводимой монетной политики. Отнесение изучаемых монет именно к Тарсакенту основано исключительно на таком параметре как локальность их обращения в этом городе и его округе. За пределами области монеты этого типа встречаются крайне редко. Нам известна находка дирхамов второго типологического ряда по одному экземпляру в Илибальке (аул Учарал в районе Жаркента в Казахстане) [Петров и др., 2014а, с. 61–76], на перевале Каркара (в Казахстане), в районе Соусамыра (в Кыргызстане). Основная масса дирхамов встречена именно в находках на городище Кара-Джигач. Таким образом, параметр локальности обращения местных выпусков, какими бы причинами он не был вызван, фиксируется однозначно.

Дирхамы Отрара, Кендже, Кенджека, Тараза чеканки 670–675/1271–1277 гг. по мере продвижения войск Кайду в Синьцзян переместились с его воинами в тот регион [Петров и др., 2014, с. 145]. Именно по этой причине монет этого периода не так много в количественном отношении в Таласской долине и Присырдарьинском регионе, как это фиксируется вкладах и находках в Восточном Туркестане. Не исключено, что чеканное серебро почти совсем

не поступало на рынки Тарсакента в это пятилетие, поэтому и была начата, а возможно, продолжена в 672/1273–1274 г. чеканка местной серебряной монеты (не исключено, что этот монетный двор начал работать с 670/1271–1272 г. и небольшими объемами выпускал продукцию чагатаидского государства). Речь идет о 672/1273–1274 г., когда запущенная в Тарсакенте имперская чеканка под контролем администрации династии Юань была переориентирована на выпуск монет с тамгой Кайду (тип 1,2; 2 и 3). Масштаб цен и благосостояние населения были таковыми, что чеканка монет с исследованной нами метрологией вполне удовлетворяла потребности местного рынка, иначе она не была бы принята населением.

Итак, после 675/1276–1277 г. поток чеканного серебра государства Чагатаидов хлынул в переходящий под власть Кайду Восточный Туркестан, и он никак не мог миновать Тарсакент, что, собственно, и подтверждается находками монет Присыдарьинских и Приталасских эмиссионных центров на городище Кара-Джигач. Достаточен ли был приток монеты с соседних регионов, и в какой степени он обеспечивал потребности местного рынка именно в конце XIII в. – неизвестно. Проверить это можно было бы просто статистикой находок дирхамов конца XIII в. на территории городища. Но дело в том, что монеты конца XIII в. находились в обращении даже еще в середине XIV века, и столь длительное их обращение не позволяет однозначно установить время ухода из обращения одиночных экземпляров в результате случайных потерь. Без детального анализа состава находок и кладов с территории Кара-Джигача невозможно рассматривать этот вопрос предметно. Изучение монетных находок с этого городища – задача отдельного исследования и в данной работе оно освещено не будет.

В 680-е/1280-е – 690-е/1290-е гг. к производству серебряных дирхамов подключились такие крупные монетные дворы, как Бухара, Самарканд, Шаш = Ташкент, Термез и более скромные по объему выпускаемой продукции – Узгенд, Ош, Ходженд, Алмату, и, возможно, ряд мелких монетных производств. Эта продукция в той или иной степени наверняка попадала на рынки Тарсакента и его округа, тем не менее, мы наблюдаем массовый, видимо даже регулярный выпуск в Тарсакенте низкопробных и легковесных дирхамов в 680-е/1280-е гг. Проанализируем характеристики местной чеканной продукции.

Метрологические «пробирные» данные (~55% серебра в монетном металле) говорят о том, что реальная стоимость этих монет не соответствовала их обнаруженному весовому стандарту в $\sim 1,1 \div 1,2$ г, поскольку проба общегосударственных выпусков «масудбековских» дирхамов составляла 85%. Т.е. местные монеты второго и третьего типологического ряда по содержанию Ag должны были соотноситься с полновесными дирхамами реформы Мас`уд-бека как 3–4 мелкие монеты к 1 высокопробному дирхаму. Но это лишь расчетное значение. Изучаемые мелкие монеты явно обращались по принудительному курсу, иначе нет смысла делать их низкопробными. Нумизматика Чагатаидов XIII в. знает высокопробную продукцию мелких фракций серебряных дирхамов весом в 0,5 г и менее [Петров и др., 2019, с. 273]. Это означает, что

переоценка по серебру местной монеты была завышена, т.е. покупательная способность этой монеты была существенно выше в пределах данной области, для которой была выпущена, и вывозить ее за пределы региона обращения не имело смысла. Именно от такой монеты в первую очередь и избавлялось население в ходе розничной торговли, сохраняя пришедшие извне области высокопробные и полновесные дирхамы в своих тайниках. Ограничений же по ввозу высокопробной серебряной монеты, как и слитков серебра, на территорию области не вводилось. Обращение чеканного серебра в таких условиях подчиняется закону Коперника-Грешема – полноценные серебряные монеты изымаются населением из обращения (накапливаются в кладках), а низкопробная монета обеспечивает потребности рынка. Таким образом, налицо присутствует результат проведения локальной денежной политики местными властями. Обычно такая денежная политика используется в условиях слабого притока серебра (в том числе и в монете) в данный регион, либо в случае его вывода в значительных масштабах, когда требуется одновременно обеспечить экономический заслон оттоку в том числе собственным монетам. Такой прием местной денежной политики вполне мог обеспечить процесс активного накопления полноценной серебряной монеты для различных целей, в том числе и для оплаты налогов региона в казну. Следует признать такую организацию монетного обращения в Тарсакенте и округе результатом локальной денежной политики, которая могла быть реализована, в том числе, на условиях откупа налогов и монетной чеканки.

К сожалению, установить истинное номинальное соотношение всех обращавшихся типов дирхамов в Тарсакенте и его округе можно только по соответствующим письменным документальным свидетельствам о торговых сделках, нотариальным документам о получении ссуд и т.д. Но подобных документов пока нам не известно.

Выводы

Итак, в результате изучения трех групп монет, основная масса находок которых известная авторам на сегодняшний день происходит с городища Кара-Джигач (отождествляется со средневековым городом Тарсакент), предложена локализация расположения монетного двора, их производившего, именно на территории средневекового города Тарсакент. Сами монеты сообщают о том, что в 672/1273–1274 г. город кратковременно находился в руках администрации Хубилая, но затем был возвращен Кайду под свою юрисдикцию. С 673(?) / 1274–1275 г. как минимум по 685/1286–1287 г. в Тарсакенте выпускается низкопробная (~55% Ag) мелкая (~1,1–1,2 г) серебряная монета от имени монетного двора Алмалык с тамгой Кайду, обращавшаяся на ряду с полновесными высокопробными (~85% Ag) дирхамами реформы Мас`уд-бека. Тип этих дирхамов подражает оформлению дирхамов Алмалыка (в Синьцзяне). Через некоторое время после 685/1286–1287 г. был начат выпуск столь же низкопробных дирхамов и, судя по всему, такой же весовой нормы как предыдущие выпуски, но сначала с тремя тамгами – Кайду, Дувы и Йасавура, а затем лишь двумя – Кайду и Йасавура и годом 702(?) / 1302–1303 г. Не

исключено, что чеканка 672/1273–1274 г. в Тарсакенте была не самой ранней и основание предполагать такой ход событий по нумизматическим данным есть, однако, пока для серьезных выводов по этому поводу у нас нет необходимых статистических данных, которые бы подтвердили такое предположение.

Установлено, что на территории города Тарсакент в рассматриваемый период времени проводилась локальная денежная политика, направленная на удержание серебра, в том числе и в чеканной монете, поступающей в город из других регионов.

Литература

Акиндинов С.В., Камышев А.М., Петров П.Н. Баласагун и Орду – монетные дворы второй четверти XIII в. (Новые факты из истории Кыргызстана) // Эпиграфика Востока. 2011. XXIX. С. 14-28.

Байпаков К.М., Петров П.Н. Кайалык – город Великой Монгольской империи. Нумизматический и археологический аспекты // Денежное обращение и торговля средневекового Казахстана: матер. междунар. науч.-практ. конф. (г. Туркестан, 8–10 июня 2006 г.). Туркестан, 2007. С. 14-21.

Байтанев Б.А., Петров П.Н., Шайхутдинова Е.Ф. Монетная реформа Кепек хана в свете результатов исследования состава монетного серебра методом РФА // Поволжская археология. 2019. № 4 (30). С. 43-54.

Беляев В.А., Настич В.Н., Петров П.Н. Орду ал-А'зам в Хотане и Кабак. Новые монгольские монетные дворы XIII в. // Нумизматика. 2004. Ноябрь. С. 20-22.

Беляев В.А., Сидорович С.В. Исследование надчеканов на монетах с легендой *дачао тунбао* // Нумизматика Золотой Орды. 2014. № 4. С. 84-106.

Бугарчев А.И., Петров П.Н. Монетные клады Булгарского вилайата XIII – первой трети XIV в. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 336 с.

Горячева В.Д. Городская культура тюркских каганатов на Тянь-Шане (середина VI – начало XIII в.). Бишкек: Кыргызско-Российский Славянский университет, 2010. 307 с.

Давидович Е.А. Денежное хозяйство Средней Азии после монгольского завоевания и реформа Мас'уд-бека (XIII в.). М.: Наука, 1972. 178 с.

Давидович Е.А. О локальных вариантах развития товарно-денежных отношений в IX – XVI вв. (на примере южного Таджикистана) // Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья: сб. науч. статей. М.: Наука, 1979. С. 69-87.

Давидович Е.А. О трудностях и методах оценки достоверности дат на монетах с арабскими надписями // Бартольдские чтения–1987: тез. докл. М.: Институт востоковедения РАН, 1987. С. 33-35.

Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии. Фрунзе: Илим, 1987. Вып. 3. 167 с.

Енисосова Н.В., Митоян Р.А. Арабское серебро как источник сырья для славянских и скандинавских ювелиров (по материалам Гнездовских кладов X века) // От палеолита до Средневековья: сб. памяти Г.А. Федорова-Давыдова. М.: МГУ, 2011. С. 90-95.

Кляйн В. География религий Средней Азии между реальностью и фикцией в Каталанском атласе (1375) // Проблемы политогенеза Кыргызской государственности. Документы, исследования, материалы. Бишкек: ИЦ «Архи», 2003. С. 319-331.

Петров П.Н. Монгольские монетные дворы XIII века и Орду ал-А'зам // Нумизматика. 2006. Июль. С. 19-22.

Петров П.Н. Клад из Дев-кескен-кала и вопросы начала чеканки серебряных монет в Джучидском улусе // Золотоордынская цивилизация. 2010. Вып. 3. С. 121-149.

Петров П.Н. Находки дирхемов конца XIII в. из Дев-кескен-кала // Золотоордынская цивилизация. 2011. Вып. 4. С. 218-237.

Петров П.Н., Камышев А.М., Акиндинов С.В. Баласагун и Орда – монетные дворы Чуйской долины первой трети XIII века // Известия НАН РК. Сер. обществ. и гум. наук. 2012. № 3. С. 168-177.

Петров П.Н., Бугарчёв А.И. Особенности денежного обращения в Булгарском вилайате в последней трети XIII – первой трети XIV в. // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 3. Ч. 1. С. 117-123.

Петров П.Н., Байпаков К.М., Воякин Д.А. Монетное дело и денежное обращение в Великой Монгольской империи, государствах Чагатаидов и Джучидов. Казахстан. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. 264 с.

Петров П.Н., Байпаков К.М., Воякин Д.А., Ерсенов Д.С. Средневековый город, обнаруженный в долине реки Или (нумизматический аспект) // Нумизматика Золотой Орды. 2014а. № 4. С. 61-76.

Петров П.Н., Камышев А.М. Йанги Тараз XIII – XIV вв. и открытие его географического местонахождения по нумизматическим данным // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 2. С. 266-282.

Петров П.Н., Кравцов К.В., Гумаюнов С.В. Монеты Сарая первой половины 660-х гг.х. / 1260-х гг. // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 1. С. 145-158.

Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Джамии ат-Таварих. Т. II. / пер. Ю.П. Верховского. М.-Л.: изд-во АН СССР, 1960. 241 с.

Т. М. Жолдасов

**АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ҚАЗБА ЖҰМЫСТАРЫ НЕГІЗІНДЕ
ЖҮРГІЗІЛГЕН ЗЕРТТЕУЛЕР БОЙЫНША XV–XVI ғғ.
БАСЫНДАҒЫ ТҮРКІСТАН АУМАҒЫНДАҒЫ
АҚША АЙНАЛЫМЫ**

Мақалада XV ғ. Түркістан аумағындағы ақша айналымын өлкеде түрлі кезендерде жүргізілген археологиялық қазба жұмыстары кезінде табылған нумизматикалық материалдар негізінде жүргізілген зерттеу жұмыстарының нәтижелері мен автордың жеке тұжырымдары көрсетіледі. XV ғ. Түркістан аумағының Орталық Мауреннахрмен ортақ экономикалық аумақта болғандығын, ондағы сауда-саттық ісінің негізінен Бұхара мен Самарқан ақша сарайларында соғылып отырған күміс және мыс ақшалармен жүргізіліп отырғандығына дәлел болатын жаңа материалдармен толықтырылған. Ясы–Түркістан ақша сарайының өзінің жеке ақша өнімдерін өндіру ісіне қатысты материалдар қамтылған.

Түйін сөздер: Түркістан, Тимуридтер мемлекеті, көмбелер, Ясы–Күлтөбе, Әмір Темір, археология, ақша реформасы, танга, фулус

**Денежное обращение Туркестана XV–XVI вв.
по данным археологических исследований**

В статье приводятся результаты изучения нумизматических материалов, найденных во время археологических исследований Туркестана и приводится мнение автора относительно данного вопроса. Приводятся новые материалы для доказательства того что Туркестан в XV в. имел общее денежное обращение с Мавераннахром и торговля в Туркестане в основном обеспечивалась медной и серебрянной монетной продукцией Бухары и Самарканда. Также, приводятся новые материалы касательно деятельности монетного двора Ясы-Туркестан в рассматриваемый период.

Ключевые слова: Туркестан, Государство Темуридов, клады, Ясы–Культөбе, Амир-Темур, археология, денежная реформа, танга, фулус

**Money turnover of Turkestan in XV–XVI centuries
based on archeological research**

The article discusses the findings of scientific research on numismatic materials which were found during archaeological work in Turkestan and gives the author's personal opinions on the subject. New materials are presented to prove that Turkestan in the XV century had general money circulation with Mawarannahr and trade in Turkestan was mainly provided by copper and silver coin products of Bukhara and Samarkand. Also, new materials are given regarding the activities of the Yasi-Turkestan mint in the period under review.

Keywords: Turkestan, State of Temurids, treasures, Yasi-Kultobe, Amir-Temur, archaeology, monetary reform, tanga, fulus

Ақшаларды зерттеуде түрлі әдістерді қолдану, тек ақша айналымының тарихын зерттеуде ғана емес, сонымен қатар әлеуметтік-экономикалық, саяси өмірдің де көптеген сырларын ашуда тек көмекші материал ғана емес, өте маңызды, ең басты, тіпті, кей жағдайда бірегей дереккөзі болады. Мәселен, Е. А. Давидович Тәжікстаннан табылған XV ғасырға тән бірнеше көмбелерді зерттеу барысында ешбір жазба деректерде кездеспеген Ұлықбектің жүргізген ақша реформасын анықтады. Ол кісі реформаның жүзеге асқандығын анықтап қана қоймай, оның мазмұнын, реформаны жүргізудің мәнін және нәтижелерін көрсетіп берді [Давидович, 1979, с. 10].

Қазақстан территориясындағы сауда-ақша айналымы барлық кезеңдерде бүкіл аумақта бір қарқында дамымады. Өйткені, Қазақстан территориясында әр аумақта қалалардың дамуы, экономикалық жағдайдың тұрақтылығы мен өндірістік әлеуеті түрлі деңгейде болған еді. Біз қарастырып отырған Түркістан аумағындағы ортағасырлық қалалардың экономикалық тұрғыда өркендеуі мен тауар-ақша қатынасының қарқынды даму кезеңі өлкенің Темір мемлекетінің құрамына енуімен сәйкес келеді [Настич, 1980, с. 168].

Сырдарияның орта ағысында орналасқан ортағасырлық қалалардағы экономикалық-әлеуметтік жағдай барлық кезеңдерде Орта Азиямен тығыз байланыста болып отырған. Қазақстанның оңтүстік аумағы Орта Азиямен бір экономикалық нарықта өмір кешті. Осы жағдайға орай, XV–XVI ғ. басында Орта Азияда тауар-ақша айналымы қарқынды дамыған кезеңде, зерттеліп отырған аймақта, негізінен Орта Азия ақша сарайларында соғылған ақшалар сауда айналымының негізін құрады [Бурнашева, 1989, с. 65].

Оңтүстік Қазақстан аумағында орналасқан ортағасырлық қалалардың өлке тарихын зерттеудегі маңызы ескеріліп, Қазақстан тарихын зерттеу ісіне байланысты археологиялық жұмыстар да ең алғаш осы өлкеде жүргізілді. Тек, XX ғасырдың 70-ші жылдарынан бастап ортағасырлық Отырар, Түркістан, Сауран қалаларында археологиялық қазба жұмыстары жүргізіле бастаған кезден бастап нумизматикалық табыстарға ғылыми зерттеу жұмыстары жүргізіле бастады. Археологиялық қазба жұмыстары нәтижелерінде табылған жекелеген табыстар мен тиындар көмбелері өлкенің VII ғ. бастап, XVIII ғасырға дейінгі ақша айналым тарихын зерттеуге мүмкіндік бере алатын біршама көлемді материалдар ұсына алады. Ең алғаш ортағасырлық Отырар қаласында 1971 ж. бастап жүргізіліп келе жатқан археологиялық қазба жұмыстары негізінде Р. З. Бурнашева мен В. Н. Настич табылған жекелеген тиындар мен көмбелердің сипаттамаларын жасаған болатын [Бурнашева, Настич, 1981, с. 289–342]. Одан бөлек 1987 ж. В. Н. Настич тарапынан Отырар төбеде 1979–1985 жылдар аралығында жүргізілген қазба жұмыстары кезінде табылған нумизматикалық материалдардың каталогы жасалды [Настич, 1987, с. 224–254].

Кейінгі орта ғасырда оңтүстік Қазақстан аумағы ерте дәуірлердегідей отырықшы мәдениет пен көшпенді мәдениеттердің синтезінен туындаған, өзіндік ерекшеліктері бар ірі өркениет ошағына айналды. Екі мәдениеттің тоғысқан жерінде Отырар, Түркістан, Сайрам, Сығанақ, Сауран сынды Сырдария бойындағы қалалардың экономикалық, өндірістік тұрғыда

қарқынды дамуы орын алды. XV–XVI ғғ. экономикалық-саяси маңызы өскен Сырдария бойындағы қалалардың тарихы саяси тұрғыда жақсы зерттелген болса да, өлкенің әлеуметтік-саяси өмірін зерттеуде соңғы кезеңдерге дейін нумизматикалық материалдарды қоса қарастыру мәселесі кенжелеп қалып отырды. Оған себеп, зерттеуге қажетті материалдардың аздығы болды. Әрине, кезең нумизматикасы турасында жекелеген ғылыми мақалалар жазылған. Алайда, бұл зерттеулер өлке нумизматикасының тарихын, өлкенің ақша айналымын, сауда қатынастары мен өлкедегі ақша жүйесін толыққанды зерттеу үшін қажетті материалдармен қамти алмасы анық. Тек, XX ғасырдың 70-ші жылдарынан бастап жүргізіле бастаған археологиялық зерттеу жұмыстарында табылған материалдар негізінде ғана толыққанды зерттеулер жүргізуге мүмкіндік туды.

Өлке Темір мемлекетінің құрамына енген соң мемлекет құрылымының барлық саласында орталық Мауреннахрмен етене жақын қатынасқа түсті. Бұл жағдайды Қазақстанның оңтүстігіндегі ортағасырлық қалаларда жүргізілген археологиялық қазба жұмыстары кезінде табылған нумизматикалық материалдар да растап отыр. Археологиялық зерттеу жұмыстары кезінде табылған жеке тиындар мен ақшалар көмбелері аумақтағы сауда-саттық Мауреннахр қалаларында соғылған күміс және мыс ақшалармен жүргізіліп отырғандығын көрсетті [Настич, 1987, с. 55]. Нумизматикалық материалдар тарих саласының зерттелуінде өте маңызды толықтырушы материалдар болатындығын, XV ғ. өлкенің Орта Азиямен бір экономикалық аянда өмір кешкендігін ескеріп, Түркістан қалаларының сауда-қаржылық тарихын зерттеуде бұған дейін біршама авторлар тарапынан жақсы зерттелген Орта Азиядан табылған нумизматикалық материалдармен салыстырмалы түрде қарастыратын боламыз.

XV–XVII ғғ. тауар-ақша қатынастарының үлкен қарқында жүргендігін Түркістаннан табылған 9, Отырардан табылған 8 мыс ақшалар көмбелерінің сандары мен ондағы ақшалар көлемдері де растап отыр.

XV–XVII ғғ. Түркістан Оңтүстік Қазақстандағы ең ірі орталықтардың бірі болды. Кейінгі орта ғасырдағы Түркістан қаласының әлеуметтік-саяси өмірінің кей тұстарына қатысты зерттеулер жүргізілген болатын. Дегенмен, бұл зерттеулерде нумизматикалық материалдар бере алатын мәліметтер қатыстырылмаған [Бурнашева, 1983, с. 52]. Қазіргі таңда, Түркістан қаласы мен өңірде жүргізілген қазба жұмыстары нәтижесінде және кездейсоқ табылған нумизматикалық материалдар өлке мен қаланың әлеуметтік өмірінің тарихын бағамдауға мүмкіндік бере алады. Өлкенің ақша айналымы мен әлеуметтік-экономикалық тарихын зерттеуші ғалым Р. З. Бурнашева нумизматикалық материалдар негізінде бұрын беймәлім болып келген ақтаңдақтарына дәйекті түсініктемелер беріп келеді. Ол кісінің жүргізген зерттеу жұмыстары қала мен аумақта жүргізілген археологиялық қазба жұмыстарында табылған нумизматикалық материалдарды саралау негізінде жүргізілді.

Түркістан қаласында ең алғашқы археологиялық зерттеу жұмыстары патшалық Ресей тұсында басталып, Кеңес өкіметінде жалғасын тапқан

болатын. Бірақ өткен ғасырдың 60-шы жылдарына дейін қазба жұмыстары кезінде табылған нумизматикалық материалдарға лайықты көңіл бөлінбей келді. Түркістан қаласында жүргізілген қазба жұмыстарында табылған нумизматикалық материалдарды ең алғаш 1960 ж. археолог Г. И. Пацевич «Түркістан қаласындағы Қ. А. Ясауи комплексінің қорғау аймағында жүргізілген ғылыми-зерттеу жұмыстарының есептерінде» тізімдеген болатын. Есепте көрсетілген нумизматикалық материалдардың ғылыми сараптамасын Р. З. Бурнашева жүргізді. Г. И. Пацевичтің есептерінде қазба жұмыстары кезінде мыс ақшалардан тұратын бес көмбе тіркелген. Алайда, қазіргі таңда бұл тиындар тазалау жұмыстары барысында бірігіп кетіп, жалпы саны 3000 данадан асатын тиындар комплексін құрайды. Тиындарды зерттеу барысында олардың барлығы XVI ғасырдың басы мен XVII ғ. алғашқы жартысына дейінгі уақыт аралығын қамтитын материалдар екендігі анықталды [Бурнашева и др., 2006, с. 32].

Ортағасырлық Түркістан қаласы мен Ясы-Күлтөбеде 1973–1974 жылдары қазба жұмыстары жүргізілді. Қазба жұмыстары барысында табылған нумизматикалық материалдар Түркістанның XV–XIX ғғ. ақша айналымы жайында біршама мәліметтер бере алады. Нумизматикалық табыстар қатарында VII ғасырдың аяғы мен VIII ғ. басына тән Түркілердің Отырарда құйылған қола тиынының табылуы Күлтөбе мен Отырар арасындағы ерте орта ғасырдағы сауда байланыстарының болғандығын көрсетсе, XV–XVI ғғ. тән ақша үлгілерінің көптеп табылып отыруы, бұл кезеңде Түркістанның Тимуридтер мен Шайбанидтер билігі тұсында өлкедегі маңызды қалалардың бірі болғандығын, мұнда сауданың қарқынды дамығандығын көрсетіп отыр.

1978 жылы Қожа Ахмет Ясауи комплексінің қорғау аймағындағы қазба жұмыстары жалғастырылды. Қазба жұмыстары кезінде табылған тиындар (77 дана) XIII–XIX ғғ. нумизматикалық материалдарынан тұрады. Мұнда Шағатай мемлекетінің ақшалары, XVI–XVII ғ. тән, беттерінде түрлі өрнектер түсіріліп отырған ұсақ мыс ақшалар, Ресей патшасы Алексей Михайловичтің XVII ғ. копейкалары, XIX ғ. Қоқан фельстерімен қатар, XV ғасырда Темір мемлекетінде Әмір Темірдің, Халил Сұлтанның аттарымен соғылған ақшалар, хижра жыл санағы бойынша 832 жылы Бұхарада соғылғандығы көрсетілген мыс ақшалар да көптеп табылды.

1979 жылы Ясауи кесенесінің айналасындағы қорған қабырғасын зерттеу мақсатында жүргізілген қазба жұмыстары кезінде XIII–XX ғасыр аралығын қамтитын нумизматикалық материалдардың 107 үлгісі тіркелген болатын.

1996 жылы 10 маусымдағы ҚР министрлер кабинетінің қаулысы бойынша Түркістан қаласының 1500 жылдық мерейтойын атап өтуге қарар қабылданды. Осы шараға орай «Әзірет Сұлтан» қорық-музейінің әкімшілігі тарапынан ғылыми археологиялық зерттеулер жүргізу мен археологиялық ескерткіштерді өткізілгелі отырған шараға дайындау мақсатында Түркістан археологиялық экспедициясы (ТАЭ) құрылды. ТАЭ-нің жүргізілген жұмыстарының нәтижесінде көптеген жеке нумизматикалық ескерткіштер мен көмбелер табылды [Бурнашева, 1983, с. 23]. 1996 жылы Ясы-Күлтөбе археологиялық

ескерткішінің ең төменгі қатпарларына дейінгі қабаттарын зерттеу мақсатында стационарлы зерттеу жұмыстары басталған болатын.

1997, 1998, 1999 жылдары Ескі Түркістан аумағындағы бұрынғы тоған орнында М. Тұяқбаевтың жетекшілігімен жүргізілген археологиялық қазба жұмыстары кезінде де нумизматикалық материалдар көптеп табылған болатын. 1998–1999 жылдары Түркістанда жүргізілген нумизматикалық материалдарға сараптама жұмыстарын жүргізген Р. З. Бурнашева олардың XV–XIX ғғ. ақшаларынан тұратындығын айтады. Түркістанның XV–XVI ғ. басында ақша айналымы негізінен Орта Азиялық ақшалармен жүргендігін айтады. Олардың кейбірінің беттеріне Самарқан, Хисар, Ташкент ақша сарайларында үстінен қайта шекімелер (надчекан) түсірілген [Бурнашева и др., 2006, с. 47]. Ол кісінің зерттеулері бойынша XV ғасырдың аяғы мен XVI ғ. алғашқы ширегінде бұған дейін ақша шекімесімен айналысқандығы белгісіз болып келген Сайрам ақша сарайы қарқынды жұмыс істеген. Сайрамда тек қана толыққанды мыс динарлар ғана соғылып қоймай, басқа ақша сарайларының ақша өнімдерінің беттеріне үстінен қайта шекімелер де түсіріліп отырған. Мұндағы ақша шекімесі тауар-ақша айналымының барынша қарқын алған кезінде іске қосылған сияқты. Ақша сарайы өте қарқынды жұмыс жасағанымен 20–25 жылды ғана құрайтын қысқа мерзім ішінде ғана іске асырылған болуы керек [Бурнашева и др., 2006, с. 49]. Сол жылы Түркістан аумағындағы Жүйнектөбе, Қарнақ, Қосқорған, Міртөбе, Төрткүл I–II археологиялық ескерткіштерінен XV–XVI ғғ. тән Орта Азиялық нумизматикалық ескерткіштердің көп көлемде табылуы Сырдария бойындағы қалалар мен Орта Азия қалаларының арасында сауда қатынастарының қарқынды жүргенін, екі өлкенің бір экономикалық аумақты түзгендігін көрсетумен қатар, сол кезеңде ақша-сауда қатынасының қарыштағандығын да көрсетіп отыр.

Жүргізіліп отырған археологиялық қазба жұмыстары кезінде табылып отырған нумизматикалық материалдар XV ғ. Сырдария бойындағы аумақтағы сауда-саттық толықтай Орта Азияның күміс және мыс ақшаларымен қамтылып отырғандығын көрсетіп отыр. XV–XVIII ғғ. Қазақстанның оңтүстігіндегі ірі ауылшаруашылық орталықтарындағы экономикалық-әлеуметтік жағдайларға жасалған сараптама жұмыстары да қарастырылып отырған кезеңде Орта Азияның экономикалық өмірінде орын алған процестер Сырдария бойындағы қалаларды да айналып өтпегендігін көрсетеді. Қарастырылып отырған кезеңге қатысты нумизматикалық материалдардың көрсеткіштері бойынша Сырдария бойындағы қалалардың Мауреннахрмен ортақ экономикалық аймақ түзгендігі анық байқалады [Бурнашева, 1983, с. 55]. Өлкеде, тек XV ғасырдың аяғы мен XVI ғасырдан бастап тауар-ақша айналымының жаңа күшті лебі орын алған тұстан бастап жергілікті ақша сарайлары аумақты өз ақша өнімдерімен қамтамасыз етуді бастады [Бурнашева и др., 2006, с. 126].

XV ғасыр мен XVI ғасырдың басына дейінгі аралықта Оңтүстік Қазақстан аумағының Орталық Мауреннахр ақшаларымен қамтылып отырғандығын 2002 ж. Түркістан қаласындағы Қарашық қорымынан табылған көмбе де растай түседі. Көмбені көр қазушы Нұрдила Карибаев есімді кісі Қарашық өзенінің оң жақ жағалауында Түркістан қаласының өткен ғасырдың 60-шы жылдарынан

бастап қорым ретінде пайдаланыла бастаған жерде мола қазу кезінде 70 см тереңдіктен тапқан. Аталмыш мыс ақшалар көмбесінің қатарының басым бөлігі бұған дейін де Орта Азия мен Тәжікстаннан көптеп табылып отырған XV ғ. көмбелері сияқты хижраның 832 жылы (1428–1429 жж.) соғылған Бұхара эмиссиясынан тұратындығы анықталды.

Бұл көмбенің құрамы Тимуридтер дәуірінің мыс ақша айналымының Ұлықбек реформасы бастау алған тұстан XV ғасырдың соңына дейінгі кезеңдегі ерекшеліктерін барынша толық көрсетіп бере алады деп айта аламыз. Сол кезеңге тән барлық көмбелер сияқты оның да құрамының негізгі бөлігін Бұхара ақша сарайының 832 х. жылғы өнімдері құрағандығымен, көмбе құрамында реформаның алғашқы кезеңі мен реформадан кейінгі кезеңде жұмыс жасаған ақша сарайлары – Самарқан, Термез, Хутталаян, Урду, Шахрухия, Андиган, Балх, Герат, Қарши және Қашғардың ақша өнімдерімен қатар, типтік қатынасы бойынша Ширваншахтар мемлекетінің Баку ақша сарайында соғылған ақша да бар. Бұл ақша беттерінде соғылған жылдық көрсеткіштері түсірілмеген. Осы кезеңге тән, Орта Азиялық көмбелер арасынан бұл типті ақшалар кездескендігі жайлы мәліметтер жоқ. Дегенмен, бұл ақшаның соғылған мерзім аясын XV ғ. аяғы мен XVI ғ. басына сыйдыруға болатындай.

Көмбеде реформа тұсында соғылған ақшалар ғана емес, сонымен қатар, XIV ғ. аяғында (767/1377–1378 ж.) Янги ақша сарайында соғылған 1 дана мыс ақша да кездесті. Бұл ақша көмбе қатарындағы ең көне ақша үлгісі болып отыр. Янги ақша сарайы XIII ғ. аяғы мен XIV ғасырдағы Масуд бек реформасы тұсында күміс ақшалар соғу ісінде белсенді жұмыс істегендігі белгілі. Көмбе құрамында Янги ақша сарайы өнімінің кездесуі Тимуридтер мемлекетінің бастапқы кезеңдерінде де Тараз өлкесі өз маңызын жоймағандығын көрсетіп отыр.

Жоғары айтып өткеніміздей, Бұхара ақша сарайында 832/1428–1429 ж. соғылған ақшалар бір типте соғылып отырған. Алайда, Қарашық көмбесінің құрамында Бұхара ақша сарайында соғылған ақшалар арасында типологиялық тұрғыда өзгешіліктерге ие бірнеше ақшалар бар. Бұл тиындардың сақталу жағдайлары нашар болуы мен үлгілердің сирек кездесетіндіктеріне байланысты олардың толық реконструкциясын жасау мүмкін болмады.

Көмбе құрамындағы сирек кездесетін ақшалар қатарында 854/1450–1451 ж. Балх пен 832/1428–1429 жылдық көрсеткішпен Гератта соғылған мыс ақшалар бар. Балх ақша сарайында соғылған мыс ақша толықтай Бұхара эмиссиясының типін қайталап, ақша сарайының атауының жазбасымен ғана ерекшеленеді. Бұған дейін 854/1450–1451 жылы соғылған ақшалар қатарында Самарқан мен Шахрухия өнімдері ғана белгілі болған еді. Көмбе құрамындағы Балх ақша сарайының өнімі, 854/1450–1451 ж. бұл ақша сарайының да ақша өнімін шығарып отырғандығын көрсетіп отыр. Ал, Герат ақша сарайының 832/1428–1429 ж. ақша өніміне келер болсақ, бұл ақша сарайының көмбе құрамындағы 2 дана үлгісі 832/1428–1429 ж. Герат ақша сарайының да реформа тұсында атқарылған процестерден тыс қалмағандығынан хабар беретін тұңғыш көрсеткіш болып отыр. Ұлықбек реформасында соғылған

ақшаларымен бір типте соғылған Балх пен Гераттың бұл ақша өнімдері реформаның тек Мауреннахрда ғана емес, Шахрух билігіндегі жерлерде де іске асырылғандығын да көрсетіп отыр. Көмбе құрамын зерттеу барысында белгілі болып отырған бұл жайтты, Ұлықбек жүргізген ақша реформасының бүкіл мемлекеттің сұраныстары мен қажеттіліктеріне жауап бере алатын өте ұтымды, дер кезінде атқарылған шара екендігін танудан туған болса керек.

Реформаның бүкіл мемлекетті қамтығандығын көрсететін көмбе құрамындағы бірегей тиындар қатарына 832/1428–1429 жылдық көрсеткішпен Жендте соғылған 2 дана мыс ақшалар да жатады. Женд қаласының 832/1428–1429 ж. ақша өнімдерінің алғаш рет кездесіп отыруы, бұған дейін белгісіз болып келген тың деректі ортаға шығарды. Бұл ақша үлгілері Сырдарияның орта және төменгі ағысындағы қалалар арасында Женд қана 832/1428–1429 ж. мыс ақшалар соғу процесіне қатысқандығынан хабар беріп отыр.

Көптеген тиындар беттерінде үстінен қайта шекіме іздері түсірілген. Көмбе құрамындағы тиындар беттерінде үстінен қайта шекімелердің екі түрі бар. Тиындар беттеріне түсірілген үстінен қайта шекіме іздерінің көпшілігі 1-ші типтің II-ші разрядының 2-ші типті үстінен қайта шекімелері. Е. А. Давидовичтің жүргізген зерттеулері бойынша 832/1428–1429 жылдық көрсеткішімен соғылған ақшалар беттеріне түсірілген бұл типтегі үстінен қайта шекімелер XV ғ. екінші жартысынан XV ғ. соңына дейінгі аралықта түсіріліп отырған.

Ясы–Түркістан ақша сарайы өзінің ақша шекімесі жұмысын XV ғ. аяғында немесе XVI ғ. басында бастағанға ұқсайды. Қазіргі таңда 907/1401–1402 ж. бетінде елік бейнесі түсірілген Иасы ақша сарайының мыс ақшалары мен XV ғ. аяғында Ташкентте соғылған ақшалар беттеріне Иасының үстінен қайта шекімесі түсірілген үлгілері белгілі [Бурнашева, 2006, с. 21]. 1912 жылы «Әзірет Сұлтан» қорық-музейінің қорына Ораңғай елді мекенінің тұрғыны Халметов Бекжан есімді кісі өзіне тиесілі жер телімінде құрылыс жұмыстарын жүргізу кезінде трактормен сырылған жерде шашылған мыс ақшаларды жинап алып өткізген болатын. Шашылған ақшалардың бір көмбенің бөлігі екендігі анық. Музей қорына өткізілген тиындар саны 54 дана. Бұл көмбе бөлігінің құрамында XVI ғ. басына тән екі дана Иасы ақша сарайының ақшасы мен бір дана Иасы қаласында үстінен қайта шекіме ізі түсірілген тиындар анықталды. Бұл жағдай да Иасы ақша сарайының ақша шекімелеу жұмыстарын XVғ. аяғы мен XVI ғ. басында бастағандығын растай түседі.

Әдебиет

Байтаков К.М., Таймагамбетов Ж.К. Археология Казахстана: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Алматы: «Қазақ университеті», 2006. 356 с.

Бурнашева Р.З. К вопросу об экономическом положении позднесредневекового города Туркестана и области (XV–XIX вв.) // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата: Наука, 1983. 231 с.

Бурнашева Р.З. Отрар, Отрарский оазис, и Южный Казахстан. Нумизматические исследования по денежному делу южноказахстанских городов VII–XVII вв. Алма-Ата: Наука, 1989. 78 с.

Бурнашева Р.З. Денежное обращение в городах Южного Казахстана в XV–XVIII вв. (Историко-нумизматическое исследование). Туркестан: МКТУ, 2006. 255 с.

Бурнашева Р.З., Настич В.И. Каталог монет из раскопов и сборов на городище Отрар-тобе (1971–1977 гг.) // Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Позднесредневековый Отрар (XVI–XVIII вв.). Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1981. С. 289-342.

Бурнашева Р.З., Смагулов Е.А., Туякбаев М.К. Клады и монеты Туркестана. Алматы: Баур, 2006. 204 с.

Давидович Е.А. Клады древних и средневековых монет Таджикистана. М.: Наука, 1979. 462 с.

Настич В.И. К периодизации монетной чеканки Отрара и ее роли в денежном хозяйстве города и области // Ближний и Средний восток. Товарно-денежные отношения при феодализме: М.: Наука, 1980, с.162-171

Настич В.И. Каталог монет с городища Отрар-тобе (1979–1985 гг.) // Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII–XV вв. Алма-Ата: Наука, 1987. С. 224-254.

Д. А. Воякин, Д. В. Сорокин

НОВЫЕ МЕТОДЫ В ОБЛАСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ – ГЕОМАГНИТНОЕ СКАНИРОВАНИЕ

Данная статья посвящена использованию нового метода в области изучения памятников археологии – геомагнитному сканированию. Представлены данные, полученные при исследовании курганов на могильнике Боралдай, дворца, сложенного из жженого и сырцового кирпича, а также загородной мечети, выполненной как из жженого кирпича, так и из сырца на городище Сауран.

Ключевые слова: геомагнитное сканирование, некрополь Боралдай, городище Сауран, новые технологии

Археологиялық ескерткіштерді зерттеу саласындағы жаңа әдістер – геомагниттік сканерлеу

Аталған мақалада археологиялық ескерткіштерді зерттеу саласында жаңа әдісті – геомагниттік сканерлеуді қолдануға арналады. Боралдай қорымындағы обаларды, Сауран қаласындағы қыш және кам кірпіштен тұрғызылған сарай және сондай құрылымда салынған қала маңындағы мешітті зерттеу барысында алынған мәліметтер келтіріледі.

Түйін сөздер: геомагниттік сканерлеу, Боралдай қорымы, Сауран қаласы, жаңа технологиялар

New methods in the study of archaeological sites - geomagnetic scanning

This article is devoted to the use of a new method in the study of archeological monuments - geomagnetic scanning. The data obtained during the study of the mounds at the Boraldai burial ground, a palace built of burnt and mud brick, as well as a suburban mosque made of both burnt brick and raw mud, are presented.

Keywords: geomagnetic scanning, Boraldai necropolis, Sauran ancient settlement, new technologies

Археология как наука гуманитарная всегда привлекала к себе на помощь специалистов разного профиля – естественных, технических наук. Одним из таких проявлений было использование достижений в области геофизики. В результате появления приборов, позволяющих проводить исследование строения земли (магнитометры, георадары) археологи начали применять данный метод для выявления погребенных объектов бесконтактными методами.

© Дмитрий А. Воякин, Денис В. Сорокин, *Институт археологии м. А. Х. Маргулана г. Алматы, Казахстан*, ddac_denis@mail.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, ИРН проекта BR05233709

С 1978 года российскими археологами проводятся исследования на памятниках при помощи магнитометров [Смекалова и др., 2007, с. 16]. Принцип магниторазведки для поиска погребенных исторических памятников заключается в измерении естественного магнитного поля Земли с очень маленьким шагом и при минимальной высоте расположения датчика. При таких условиях съемки начинает работать необыкновенно чувствительный механизм, а именно сказывается присутствие в погребенных объектах различного количества магнитных окислов железа [Смекалова и др., 2007, с. 8]. С 2002 года начинают применять приборы, основанные на методе геомагнитного сканирования.

В мировой практике уже на протяжении многих лет метод георадиолокации вместе с другими геофизическими методами входит в стандартный комплекс полевых археологических исследований. Традиционные археологические методы не позволяют гарантировать выявление объекта на больших площадях из-за значительных трудозатрат и ограничения по времени. Признанными достоинствами метода георадиолокационного зондирования являются применение неразрушающих, бесконтактных, способов получения информации, высокая технологичность и относительно низкая стоимость работ.

Основным направлением в мировой археологии сейчас стало изучение археологических памятников без нарушения их структуры и целостности. Дистанционное изучение археологических структур очень важно, так как в ходе раскопок некоторые археологические объекты могут быть безвозвратно утеряны. Георадары в археологии применяются в различных исследованиях – от изучения памятников истории, которые никогда не будут раскопаны, до быстрого и дешевого изучения участка для планирования раскопок. Георадарные исследования могут проводиться на любых поверхностях, будь то чернозем, бетон, керамическая плитка и даже поверхность воды (исследование затопленных объектов).

Особенно актуально применение георадара на археологических объектах, которые находятся в зоне расширения объектов строительства или карьеров. В отличие от традиционных методов разведки и вскрытия, археологические исследования на таких объектах должны быть выполнены в самые короткие сроки. В таких условиях георадарная съемка помогает археологам быстро выполнить исследования и картирование захороненных археологических объектов, которые не проявляются на поверхности земли (остатки фундаментов, распаханые курганы и так далее).

Георадар предназначен для выявления подповерхностных структурно-вещественных неоднородностей различной природы, обусловленных неравномерным увлажнением отложений, различным составом исследуемых пород, особенностями структуры и текстуры пород (пористостью, слоистостью), неоднородностью отложений или материалов, трещиноватостью и деформированностью среды включением инородных объектов.

Принципом действия георадиолокационного метода малоглубинной геофизики, известного еще как подповерхностная радиолокация или радиолокационное зондирование, является отражение высокочастотного электромагнитного сигнала от границ раздела в верхней части разреза - от стратиграфических границ, уровней водонасыщения, контуров захороненных объектов, фундаментов и тому подобное.

Интерпретация георадарных данных представляет собой достаточно сложную творческую задачу, поскольку теоретическая база метода и применяемый на стадии интерпретации математический аппарат разработаны слабо. Помимо этого, многие объекты приложения радиолокационного метода - техногенно переработанные разрезы четвертичных отложений, культурные слои, подземные инженерные конструкции, археологические и другие объекты, обычно отличаются сложным и неоднородным строением, содержат множество различных включений и неоднородностей, неравномерно и прерывисто увлажнены, что создает сложную волновую картину на радарограмме и затрудняет сопоставление геофизических аномалий с реальными подповерхностными объектами.

Как и любые геофизические материалы, радиолокационные данные нуждаются в корректной заверке детальной геологической информацией о строении верхней части разреза территории работ (материалами бурения, описаниями шурфов, археологических раскопок). В случае исследования техногенных образований, а также погребенных объектов исторического и культурного наследия, могут быть полезны отчеты по археологическим и реставрационным работам, исторические свидетельства, литературные источники и тому подобное.

В итоге целью интерпретации радиолокационных данных является преобразование радарограмм в стратифицированные разрезы отложений, выявление и разделение естественных и техногенных погребенных неоднородностей, сопоставление их с реальными объектами и определение параметров последних (глубины, размеров, степени сохранности и другого) [Описание..., Интернет-ресурс].

В 2011 году японскими учеными с университета Нара и казахстанскими специалистами были проведены геомагнитные исследования на археологических памятниках - могильнике сакского времени Боралдай и средневековом городе Сауран. Данный метод исследования является новым для специалистов-археологов в Казахстане. Целью исследований было апробирование новых методов в области изучения археологических памятников. Для исследования было выбрано 3 типа объектов - курганы, сооруженные из земли и камня (могильник Боралдай), монументальное строение, сооруженное из жженого кирпича и сырца (дворец на городище Сауран) и объект с сырцовыми конструкциями (загородная мечеть на городище Сауран).

Для изучения был использован георадар компании GSSI SIR-3000 с антеннами частотой 400 и 200 МГц. Обработка полевых данных проводилась в специализированной программе - GPR-Slice v.7.0. По средствам данной

программы производится обработка полевых данных и отображение их в виде вертикальных профилей и временных плановых срезов. Интерпретация данных для каждого типа памятника сугубо индивидуальна. Полученные данные может обрабатывать только специально обученный специалист.

Исследования курганов № 11, 13 на могильнике Боралдай

Некрополь Боралдай, по данным разведочно-поисковых работ 2005 г., насчитывает 52 земляных кургана, в основном крупного и среднего размеров. Образуя группы, они протянулись цепочкой с севера на юг. Это единственный на территории г. Алматы могильник сакской элиты, сохранившийся практически нетронутым [Самашев и др., 2006]. Первым описал эти курганы Н. А. Абрамов: «В укреплении, ныне городе Верном и его окрестностях в 1860 г. я видел до 40 курганов» [Абрамов, 1887, с. 63; 1867, с. 255–268]. В. М. Флоринский произвел разведку в окрестностях г. Верного и раскопал курган [Флоринский, 1889].

Объектами исследования были выбраны два кургана - курган № 11 диаметром 42 м, высотой 1.3 м; курган № 13 диаметром 100 м, высотой 14 м (рис. 1). Целью исследований было выявление конструкции кургана № 11 и околочурганной конструкции кургана № 13. На кургане № 11 была исследована вся насыпь и прилегающая территория, периметр сканирования составил 50×50 м. Целью исследований было определение конструкции кургана, его сохранность, наличие поздних грабительских лазов и т.д. Сканирование проводилось на глубину до 5 метров. Результатом сканирования было выявление внешнего каменного кольца на глубине от 45 см до 75 см. Конструкция внешнего кольца (панциря) прослеживается только в южной части, его ширина составляет 8 м, протяженность 40 м, остальная часть кольца была разрушена.

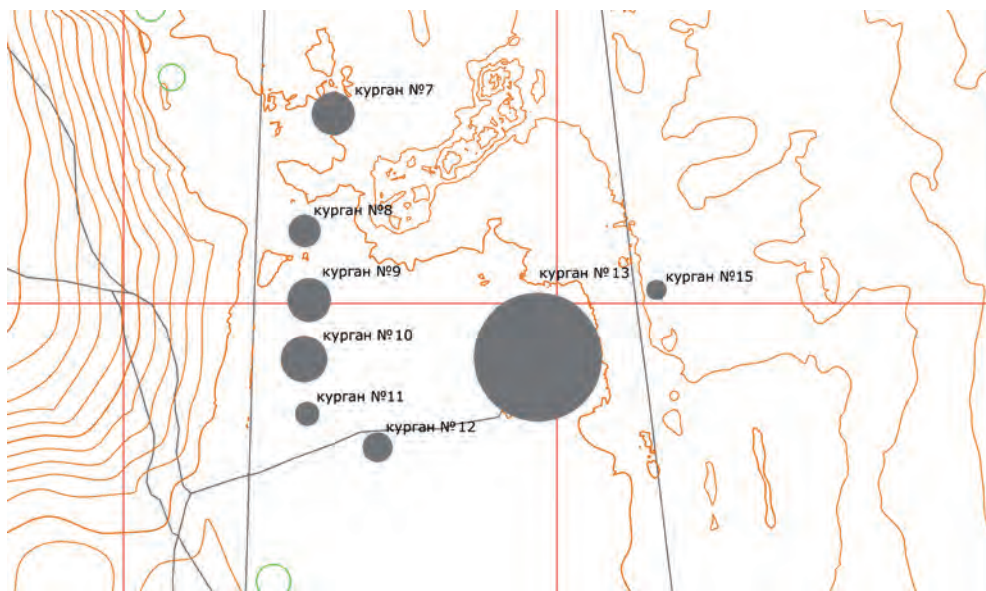
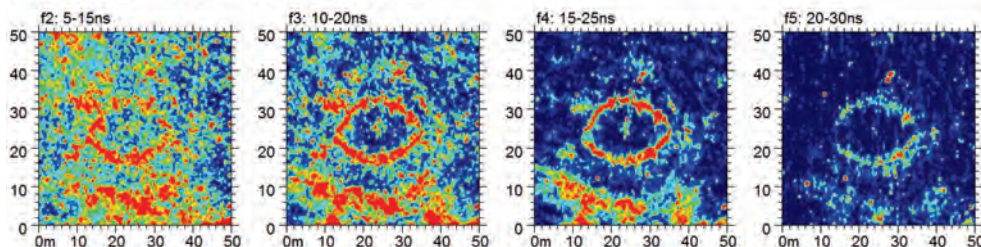

Рис. 1. Ситуационный план центральной части могильника Боралдай

Внутреннее каменное кольцо было выявлено на глубине от 45 см до 1,5 м, вытянуто с запада на восток. Размеры кольца 22×24 м, толщина 3 м. Также на глубине от 3 до 4,5 м была выявлена могильная яма, ориентированная по направлению северо-восток – юго-запад (рис. 2).

ПАНЦИРЬ И ВНУТРЕННЕЕ КОЛЬЦО

МОГИЛЬНАЯ ЯМА

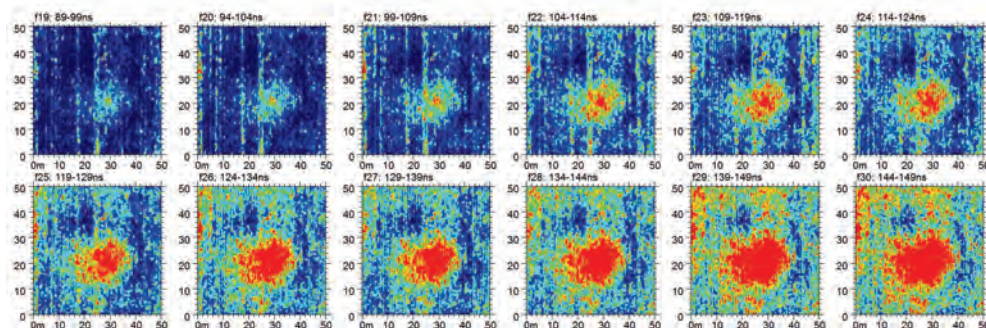

Рис. 2. Мог. Боралдай, к. 1. Данные ГМС (панцирь, внутреннее кольцо, могильная яма)

Курган № 13 имеет круглую форму в плане. Диаметр насыпи составляет 100 м, курган покоится на квадратной платформе, размерами 150×150 м. Объектами исследования были выбраны два угла курганной платформы – юго-запад и северо-восток (рис. 3) Задачей исследования было определение глубины залегания конструкций, материала, планировочных особенностей.

В результате исследований были выявлены углы каменной конструкции, представляющей собой каменное ограждение шириной 2 м, расположенное на глубине от 30 до 60 см, расположенное по периметру памятника (рис. 4).

Также на кургане № 11 был применен метод электрического сопротивления. Данный метод основывается на принципе определения электрического сопротивления материалов. В землю по средствам металлических штырей посылается электрический ток, и прибор-регистратор фиксирует электрическое сопротивление. Данные, полученные при исследовании методом электрического сопротивления, подтвердили данные геомагнитного сканирования (рис. 5).

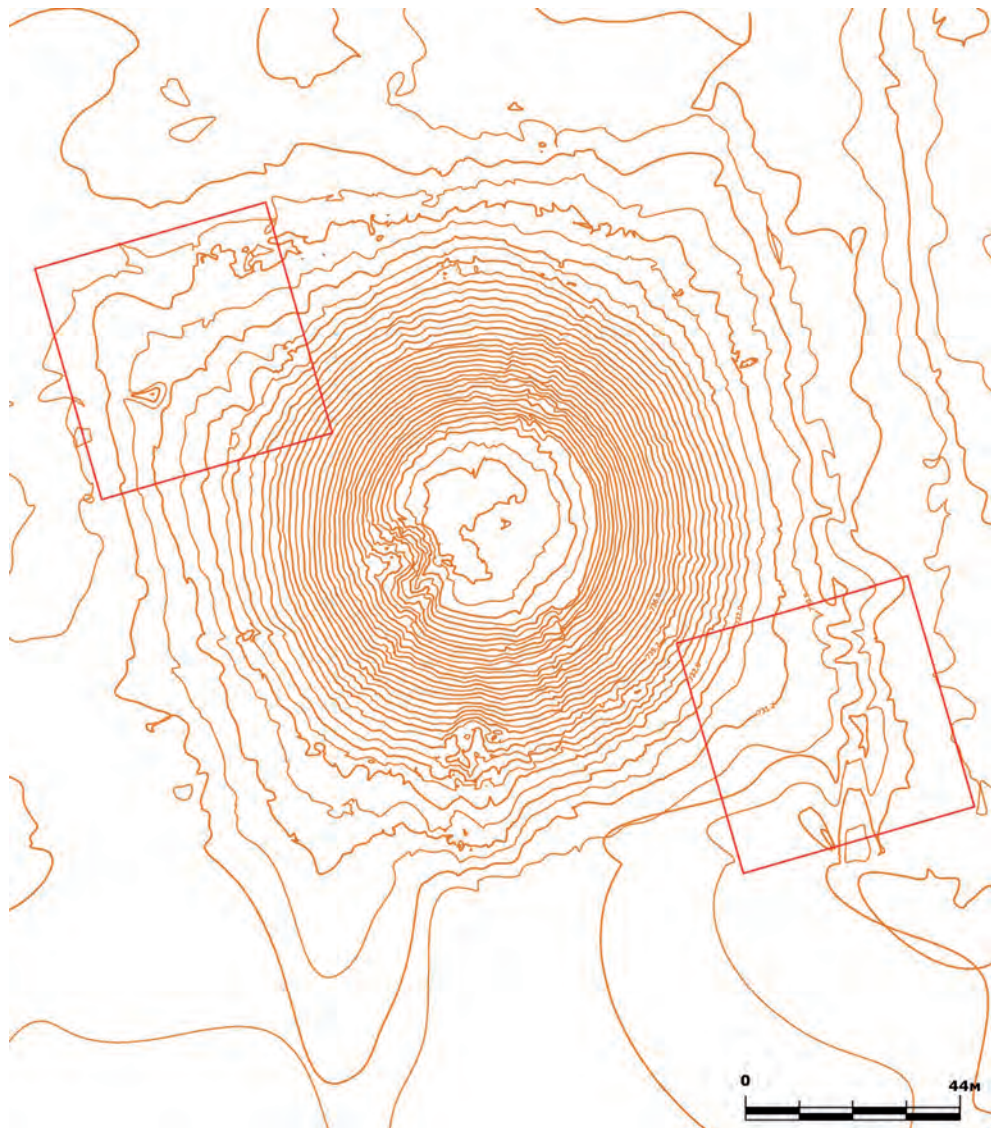

Рис. 3. Мог. Боралдай, к. 13. Схема расположения зон исследования

Исследования дворцовой постройки и загородной мечети на городище Сауран

Сауранский археологический комплекс состоит из нескольких объектов, из которых основным структурообразующим компонентом является городище-крепость Сауран [Смагулов, 2011, с. 43-46].

Первые упоминания о городе относятся еще к X в. Известный арабский географ ал-Макдиси характеризовал его так: «Сауран (Савран, Сабран) –

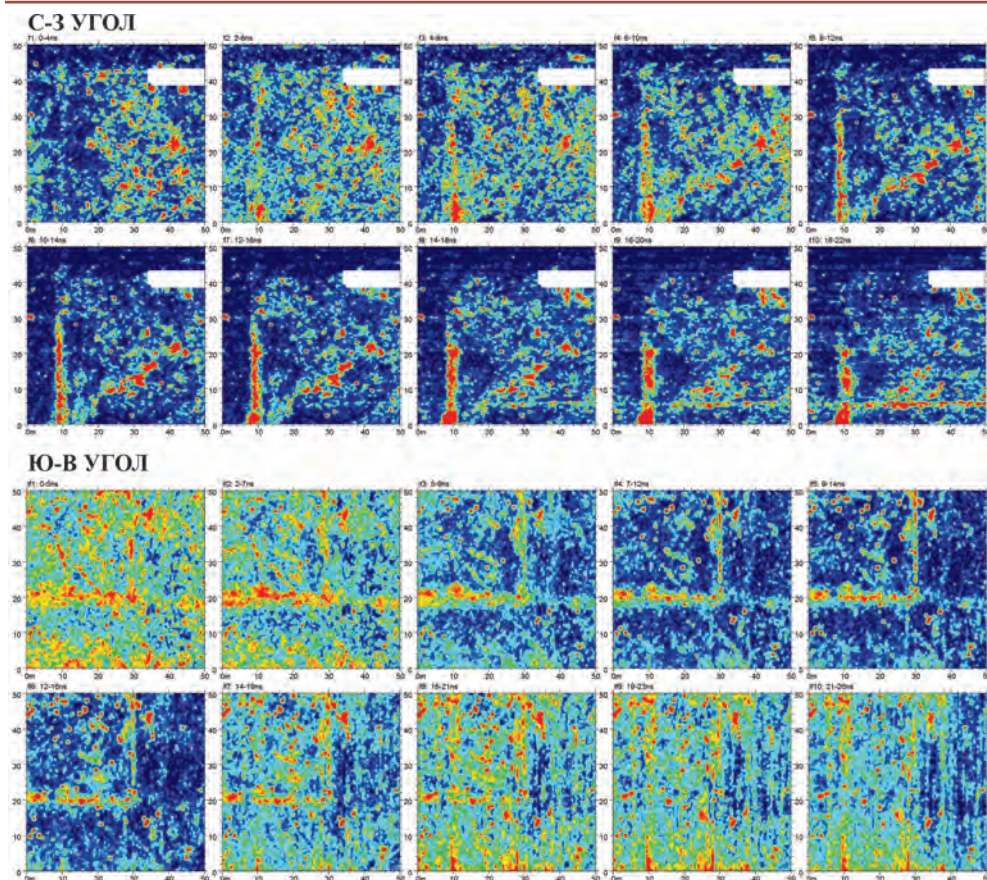

Рис. 4. Мог. Боралдай, к. 13. Данные ГМС (СЗ, ЮВ углы)

большой город, окруженный 7 стенами одна за другой, а в нем есть рабад, соборная мечеть находится во внутреннем городе. Он – пограничная крепость против огузов и кыпчаков» [МИТТ, 1939, с. 125]. Впоследствии о городе упоминают как о крупном культурном и торгово-ремесленном центре на юге Казахстана. В середине XIII в. информация о Сауране под названием Саврана дана в маршрутнике армянского царя Гетума I в одном ряду вместе с Сыгнаком (Сгнахом), Карачуком (Харчуком) и Ясы (Асоном). В первой половине XIV в. Сауран был столичным центром государства Ак-Орды. В городе был похоронен умерший в 1320 г. правитель Ак-Орды Сасы-Бука [Байпаков и др. 2014, с. 397-398].

На городище Сауран были проведены исследования на двух объектах – «дворец» в центральной части городища и мечеть намазгох, расположенная северо-восточнее, за пределами городских стен (рис. 6). Цель исследований было апробирование метода геомагнитного сканирования на сырцовых конструкциях и объектах с комбинированными конструкциями из жженого

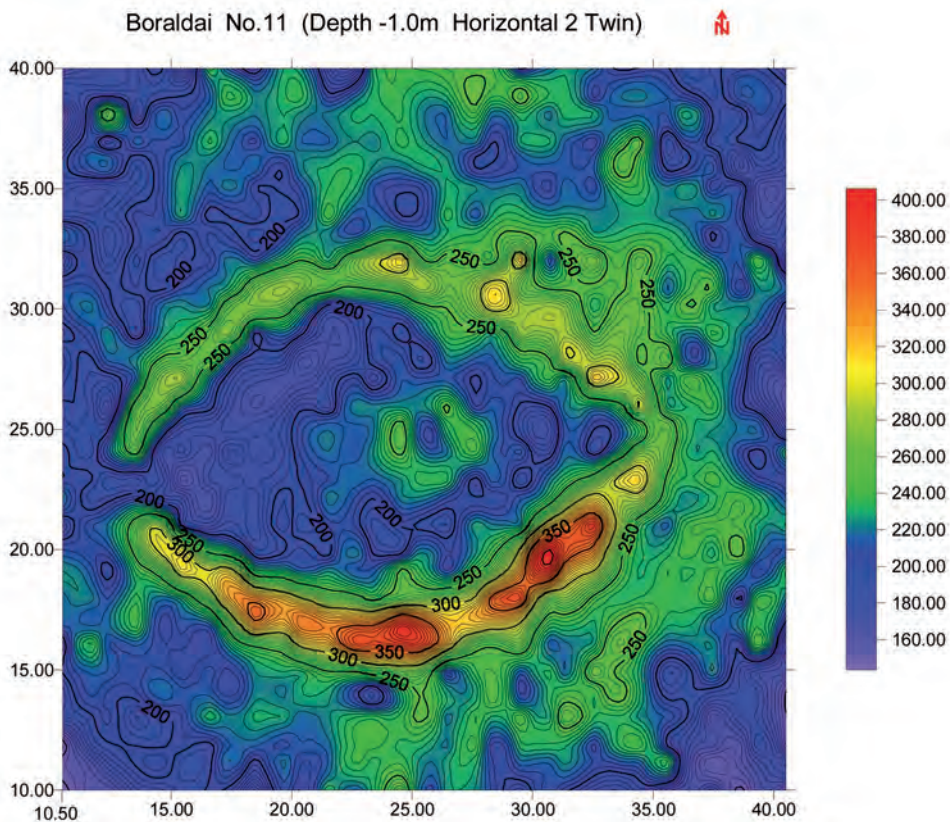

Рис. 5. Мог. Боралдай, к. 11. Данные ER метода (центральная часть)

и сырцового кирпича. Данный вопрос стоит очень остро в связи с тем, что большинство средневековых памятников выполнены из данных типов материала. «Дворцовая» постройка представляет собой общественное сооружение с дворовой композицией, выложенное из сырцового и жженого кирпича. Исследования были проведены в южной части объекта, периметр исследований составил 50×50 м. Целью исследований было выявление погребенных конструкций и глубины их залегания (рис. 7).

В результате исследований на глубине от 30 см до 1,2 м было выявлено два помещения, расположенных по периметру двора и соединенных проходом. Размеры помещений 20×20 м (рис. 8). На загородной мечети было выполнено изучение двух локальных объектов – внешняя сырцовая стена и хауз-колодец, расположенный в центре двора. Основной целью исследований было определение возможностей данного метода в изучении сырцовых конструкций.

В результате исследований на глубине от 40 см до 1,2 м была выявлена внешняя стена мечети шириной 5 м. В центре двора на глубине от 30 см до 2,1 м

Рис. 6. Городище Сауран. Схема расположения исследуемых объектов

Рис. 7. Городище Сауран. Процесс съемки методом геомагнитного сканирования

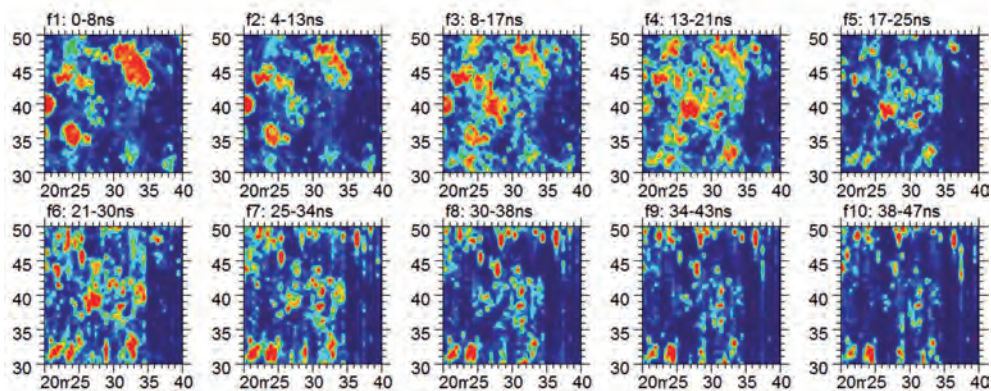

Рис. 8. Городище Сауран. Данные ГМС дворцовой постройки

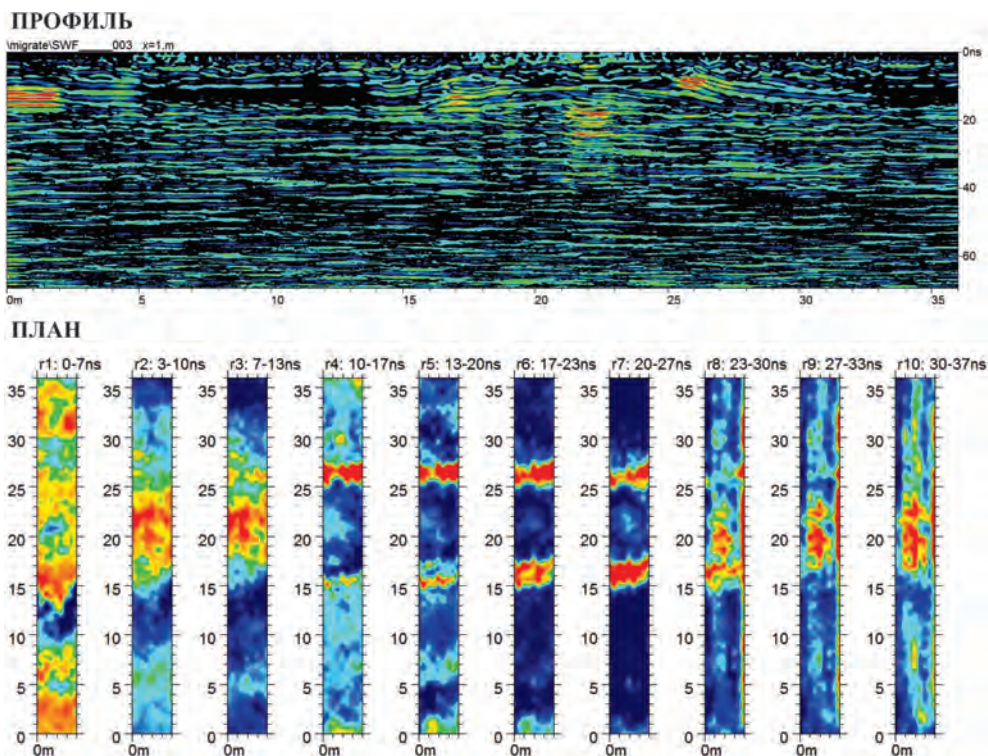

Рис. 9. Городище Сауран. Данные ГМС колодца (профиль, план)

были выявлены конструкции колодца. Колодец состоит из двора размерами 15×15 м, окруженного стеной, внутри двор имеет грунтовую площадку, в центре расположен колодец квадратной формы размерами 4×4 м (рис. 9).

В результате исследований методом геомагнитного сканирования были получены результаты, выявившие подземные конструкции на археологических памятниках неразрушающими методами. На примере трех типов объектов были выявлены структурные элементы конструкций на глубине от 30 см до 4,5 м. Данный метод позволил определить как плотные по структуре материалы, такие как камень и жженный кирпич, так и близкие к грунту сырцовые конструкции.

Результаты исследований показали перспективность метода геомагнитного исследования применительно ко всем типам памятников. Внедрение данного метода позволит археологической науке перейти на качественно новый этап в области документирования объектов и предварительных (до раскопочных) исследований.

Литература

Абрамов Н.А. Древние курганы и укрепления в Семипалатинской и Семиреченской обл. // ИРАО. 1887. Т. 8. С. 60-63.

Абрамов Н.А. Алматы или укрепление Верное с его окрестностями // Записки РГО 1867. Т. 1. С. 255-268.

Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1, VII–XV вв.: арабские и персидские источники / под ред. С.Л. Волина, А.А. Ромаскевича и А.Ю. Якубовского. АН СССР, Институт востоковедения АН СССР и Туркменский НИИ истории. М.–Л.: изд-во АН СССР, 1939. 612 с.

Самашев З., Джумабекова Г., Нурпеисов М., Чотбаев А. Древности Алматы: Курганы Боралдая. Алматы: Grapho-art, 2006. 216 с.

Байпаков К.М., Воякин Д.А. Выдающиеся памятники археологии Казахстана. Алматы: Асыл Соз, 2004. 504 с.

Смагулов Е.А. Древний Сауран. Алматы: АО «Абди Компани», 2011. 436 с.

Смекалова Т.Н., Восс О., Мельников А.В. Магнитная разведка в археологии. 12 лет применения Оверхаузеровского градиентометра GSM-19WG. СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2007. 74 с.

Флоринский В.М. Топографические сведения о курганах Семиреченской и Семипалатинской обл. // Изв. Томского Ун-та. 1889. Кн. 1. Отд. 2. С. 16-46.

Описание георадарных исследований компании Geor. URL: <http://www.geor.ru> (дата обращения 05.04.2020 г.).

Д. О. Гимранов, П. А. Косинцев, Е. С. Казизов

АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ РАСКОПОК БУДДИЙСКОГО МОНАСТЫРЯ АБЛАЙКИТ

В статье представлены результаты исследования костных остатков животных из археологического памятника Аблайкит – уникального комплекса тибетского буддизма. Храм датируется XVII в. Археозоологический материал из данного памятника впервые подробно описывается. Изучено 1289 костей млекопитающих, две кости птиц и одна кость рыб. До вида определено 1109 костей млекопитающих или 86%. Все определимые до вида кости принадлежат домашним копытным: крупному рогатому скоту (*Bos taurus*), овце (*Ovis aries*), козе (*Capra hircus*), лошади (*Equus caballus*) и верблюду (*Camelus bactrianus*). Доминируют кости мелкого рогатого скота (65%), меньше костей крупного рогатого скота (11%), лошади (7%) и верблюда (3%). В составе мелкого рогатого скота доминировала овца. В рационе населения преобладала баранина и говядина, роль лошади и верблюда в питании была очень мала. Археозоологические материалы из Аблайкита дают первое представление о структуре питания и особенностях животноводства у населения позднего средневековья в западных предгорьях Алтая, исповедующего ламаизм.

Ключевые слова: Казахстан, Аблайкит, монастырь, буддизм, кости, крупный рогатый скот, мелкий рогатый скот, лошадь, верблюд, животноводство.

Абылайкит буддалық ғибадатханасы қазбасынан шыққан археозоологиялық материалдар

Тибет буддизмінің жарқын кешені – Абылайкит археологиялық ескерткішінен шыққан мал сүйектерінің қалдықтары зерттелді. Ғибадатхана 17 ғасырлармен мерзімделеді. Аталған ескерткіштің археозоологиялық материалдары алғаш рет толықтай сипатталып отыр. 1289 дана сүйек сүтқоректілерге, 2 дана сүйек құсқа және 1 дана сүйек балыққа тиесілі. 1109 дана немесе 86% сүтқоректілерге тиесілі сүйектер жануар түріне қарай анықталды. Анықталған сүйектердің барлығы үй жануарларына жатады: ірі қара (*Bos taurus*), қой (*Ovis aries*), ешкі (*Capra hircus*), жылқы (*Equus caballus*) және түйе (*Camelus bactrianus*). Уақ малдың сүйектері басымдыққа ие (65%), ірі қара (11%), жылқы (7%) және түйе (3%) сүйектері мөлшері бойынша көп емес.

©Дмитрий О. Гимранов, *Институт археологии им. А.Х. Маргулана г. Алматы, Казахстан; Институт экологии растений и животных УрО РАН г. Екатеринбург, Россия; djulfa250@rambler.ru*

Павел А. Косинцев, *Институт археологии им. А.Х. Маргулана г. Алматы, Казахстан; Институт экологии растений и животных УрО РАН г. Екатеринбург, Россия; кра@ipae.uran.ru*

Ерлан С. Казизов, *Институт археологии им. А.Х. Маргулана г. Алматы, Казахстан; kazizov83@mail.ru*

Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, ИРН проекта BR05233709

Уақ малдың ішінде қой сүйегі басым. Тұрғындар тағам рационьнда қой мен сиыр етін көп тұтынған, жылқы мен түйе етін тұтыну аз орын алған. Аблайкит археозологиялық материалдары Алтай батыс бөлігін мекендеген соңғы ортағасырлардағы лама дінін ұстанған тұрғындардың тағам құрамы мен мал шаруашылығының ерекшеліктері туралы алғашқы түсініктемелерді береді.

Түйін сөздер: Қазақстан, Абылайкит, гибадатхана, буддизм, сүйектер, ірі қара малы, ұсақ мал, жылқы, түйе, мал шаруашылығы

Archeological materials from the excavations of the Ablaitit buddhist monastery

The article presents the results of the study of bone remains of animals from the archaeological monument Ablaitit – a unique complex of Tibetan Buddhism. The temple dates back to the 17th century. Archaeozoological material from this monument is described in detail for the first time. 1289 bones of mammals, 2 bones of birds and 1 bone of fish have been studied. A total of 1109 acute mammal bones, or 86%, have been identified up to the species. All bones identified up to the species are of livestock: cattle (*Bos taurus*), sheep (*Ovis aries*), goat (*Capra hircus*), horse (*Equus caballus*) and camel (*Camelus bactrianus*). Small cattle bones dominate (65%), fewer cattle bones (11%), horses (7%) and camels (3%). A sheep dominated among small cattle. The diet of the population was dominated by lamb and beef, and the role of horse and camel in the diet was very small. Archeological materials from Ablaitit give the first idea of the diet structure and peculiarities of cattle breeding in the late Middle Ages population in the western foothills of the Altai confessing Lamaism.

Keywords: Kazakhstan, Ablaitit, monastery, Buddhism, bones, cattle, small cattle, horse, camel, cattle breeding

На территории Восточно-Казахстанской области, в рамках программы «Рухани Жаңғыру» (Модернизация общественного сознания), в 2016–2019 гг. совместной экспедицией Института археологии им. А.Х. Маргулана и ТОО «Археологическая экспертиза» под научным руководством К. М. Байпакова проводились исследования археологического памятника Аблайкит – уникального комплекса тибетского буддизма.

Возникновение Аблайкита связано с ростом политической активности ойратов, которая совпала с периодом широкого распространения в их среде ламаизма [Байпаков, 2018]. В 1655 г. по пути в Пекин русский посол Ф. И. Байков сообщало начале стройки «города». Город-монастырь стал называться Аблайхит, в русском произношении Аблайкит [Путешествие российского посланника..., 1979]. Аблайкит расположен в 70 км южнее города Усть-Каменогорск, в 2 км восточнее п. Алгабас (Уланский р-н, ВКО) (рис. 1; 2). Памятник представляет собой группу построек у юго-восточного склона каменистой горы. Основным объектом памятника являются остатки прямоугольной платформы, на которой располагался храм. К северо-востоку от него находился жилой комплекс, а к западу – небольшое хозяйственное помещение. Весь комплекс по периметру окружен высокой каменной стеной и воротами с восточной и южной стороны (рис. 3) [Байпаков и др., 2019].

В ходе исследований на археологическом комплексе найдено большое количество костей животных и артефактов. По материалам раскопок изучено 1292 костей животных. Из 1289 костей млекопитающих 1109 костей определены до вида (86%) (табл. 1). Кроме костей домашних животных

(99,7%) обнаружены кости птицы (2 экз.) и одна кость рыбы. Стоит также отметить, что при раскопках зафиксированы скопления костей домашних животных, интерпретируемые нами как жертвенники. Часто скопления костей представляли собой целые кости, расположенные в анатомическом порядке разные части скелетов крупного рогатого скота (КРС), мелкого рогатого скота (МРС), лошади и верблюда. Общее количество костей из подобных скоплений составило 399 экз. Жертвенные комплексы Аблайкита в данной публикации не рассматриваются.

Рис. 1. Карта расположения памятника

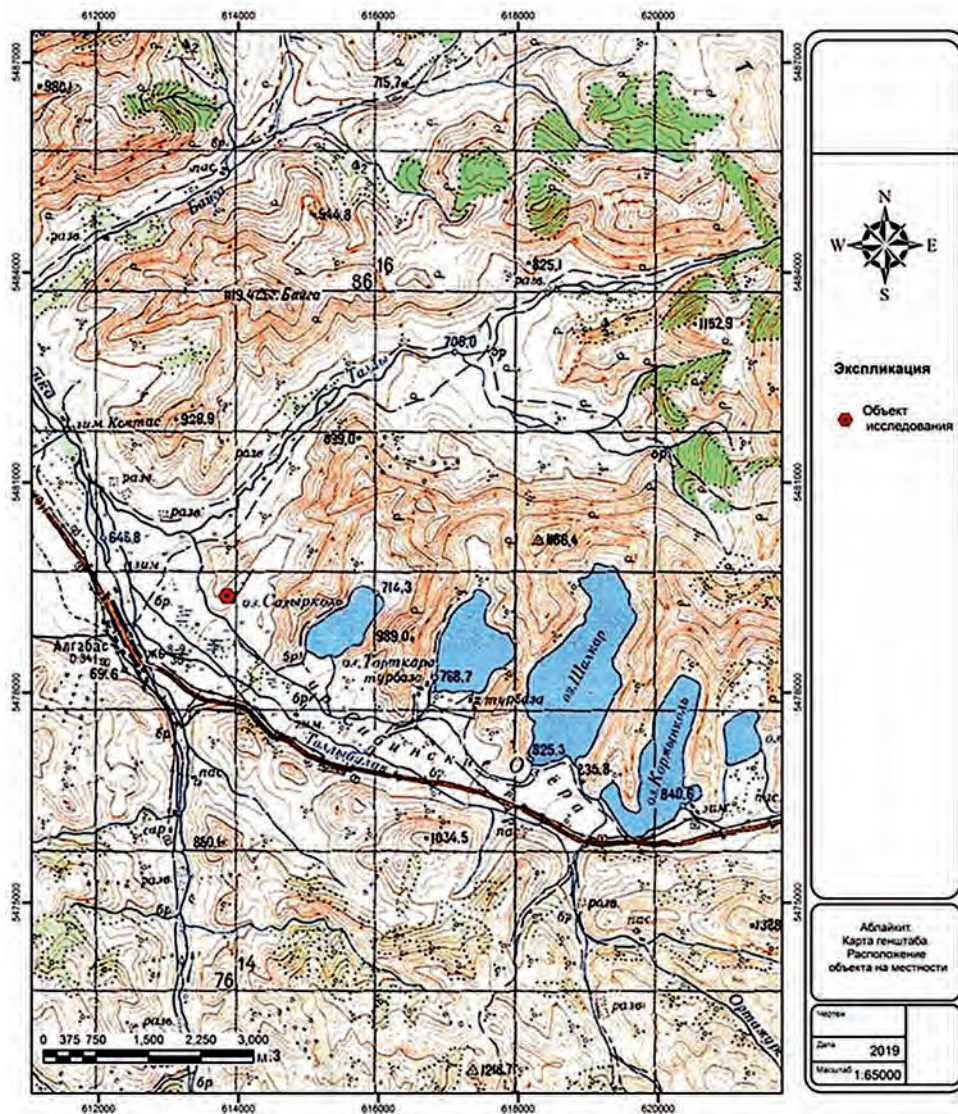

Рис. 2. Схема расположения памятника

Памятник Аблайкит является однослойным, в связи с чем раскапывался послойно по 50 см. Все изученные материалы происходят с южного участка крепостной стены и представляют собой кухонные отбросы. Верхний слой (0–50 см) включает в себя 48 костей, и все они принадлежат КРС (табл. 1). Нижний слой (50–100 см) включает в себя 1244 кости, принадлежащие в основном домашним копытным (табл. 1, 2).

Рис. 3. Ортофотоплан Аблайкита

Таблица 1 – Видовой состав животных из археологического памятника Аблайкит

Слой		Виды							Всего
		КРС	МРС	Лошадь	Верблюд	Птица	Рыба	Жив.*	
Верхний (0-50 см)	экз.	48/2**							48
	%	100,0							100,0
Нижний (50-100 см)	экз.	97/5	842/32	87/3	35/2	2	1	180	1244
	%	7,8	67,7	7,0	2,8	0,2	0,1	14,5	100,0
Все слои (0-100 см)	экз.	145/7	842/32	87/3	35/1	2	1	180	1292
	%	11,2	65,2	6,7	2,7	0,2	0,1	13,9	100,0

Примечание к табл. 1: *Кости крупных млекопитающих ближе не определимые;
**в числителе количество костей, в знаменателе минимальное количество особей.

Таблица 2 – Состав элементов скелета домашних копытных из археологического памятника Аблайкит

Название кости	Верхний слой		Нижний слой							
	КРС		КРС		МРС		Лошадь		Верблюд	
	Ц*	Ф	Ц	Ф	Ц	Ф	Ц	Ф	Ц	Ф
Рог	1		0	0	4	1	-	-	-	-
Череп		2	0	12	6	30	0	1	0	1
Зуб			2		12		2		1	
Нижняя челюсть		2		5	7	45		1		1
Атлант				2	9	3		1		
Эпистроф				1	6			1		
Грудина							1			
Позвонок	2	9		7	50	76	7	13	2	12
Ребро		3		15		104	1	9	2	10
Лопатка			2	4	43	37	2	2		
Таз		3		3	25	71		1		
Плечевая		1		5	1	62	1	8		1
Лучевая		6		4	12	37		4		
Локтевая		1		3		7		2		
Бедро		1		4	3	41		4		1
Большая берцовая		2		5	2	57		4		
Метаподии	5	2	1	8	24	46		4	2	1
Пяточная	1				3		1	1		
Таранная			9		10		6			
Мелкие кости			1	1			3			
Фаланга 1		3	1		8		3		1	
Фаланга 2	2		2				2			

Фаланга 3	2						2			
Всего (экз.):	13	35	18	79	225	617	31	56	8	27
Всего (%):	27	73	19	81	27	73	36	64	23	77
Примечание к табл. 2: *Ц – целые кости; Ф – фрагменты костей.										

Крупный рогатый скот (*Bos taurus*). Корове принадлежат из верхнего слоя раскопа 48 костей, минимально от двух особей, и из нижнего слоя – 97 костей, минимально от 5 особей (табл. 1). Как видно из таблицы 2, кости большей частью раздроблены (от 73 до 81%). Чаще всего встречаются фрагменты черепа, позвонков, ребер, метаподий. Несмотря на высокую степень раздробленности, нужно отметить, что встречаются целые крупные кости, такие как позвонки, лопатки и метаподии (табл. 2). Соотношение костей отделов скелета коровы из верхнего и нижнего слоёв достаточно схоже (табл. 3). Среди них доля «мясных» (туловище, верхний отдел конечностей) отделов немного больше, чем «не мясных» (голова, нижний отдел конечностей) – 57% и 43% соответственно. Индивидуальный возраст животных можно оценить только в самом общем виде – преобладают взрослые особи. На лабиальной стороне горизонтальной ветви одной нижней челюсти коровы из нижнего слоя отмечена костная опухоль.

Таблица 3 – Соотношение отделов скелета домашних животных из археологического памятника Аблайкит

Отдел скелета	Верхний слой		Нижний слой							
	КРС		КРС		МРС		Лошадь		Верблюд	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Голова	5	10	19	19	105	12	4	5	3	9
Туловище	14	29	25	26	248	30	33	38	26	74
Верхний отдел конечностей	14	29	30	31	398	47	28	32	2	6
Нижний отдел конечностей	15	31	23	24	91	11	22	25	4	11
Всего:	48	100	97	100	842	100	87	100	35	100

Мелкий рогатый скот – овца и коза (*Ovis aries et Capra hircus*). В работе мы не разделяем данные об овце и козе, объединяя их под общим названием МРС. Отметим, что большинство определимых до вида остатков принадлежит овце (92%), кости козы немногочисленны (8%). Общее количество костей МРС составило 842 кости минимально от 32 особей (табл. 1). Как видно из таблицы 2, кости большей частью раздроблены (73%). Чаще всего встречаются фрагменты позвонков и ребер, также достаточно часто встречаются фрагменты лопаток, тазовых костей и метаподий. Отметим, что мелкие кости конечностей встречаются редко (табл. 2). Несмотря на высокую степень раздробленности, нужно отметить, что встречаются целые черепа, нижние челюсти, лопатки, тазовые кости, лучевые, бедренные, большие берцовые и метаподии (табл. 2). Среди отделов скелета значительно преобладают «мясные» части (верхний

отдел конечностей и туловище) над «не мясными» (голова, нижний отдел конечностей) – 77% и 23% соответственно (табл. 3).

Большое количество челюстей МРС с сохранившимися зубами дало возможность провести анализ возрастного состава забитых животных (табл. 4). По верхним зубам мы не рассчитывали процентное соотношение возрастных групп МРС в силу малочисленности выборки. По нижним зубам установлено, что большая часть (85%) животных забивалась в возрасте старше одного года, в том числе половина особей забивалась в возрасте старше двух лет (51%). Небольшая часть животных (15%) имела возраст до одного года. Подобная возрастная структура стада может косвенно свидетельствовать о том, что основной целью в разведении мелкого рогатого скота являлось получение шерсти. На одной нижней челюсти козы отмечена патология в строении зубной системы: последний премоляр и первый моляр имеют значительно большую степень стертости, чем другие щечные зубы. Две кости МРС имеют следы рубки.

Таблица 4 – Возрастной состав МРС из археологического памятника Аблайкит по состоянию зубной системы

Состояние зубной системы	Возраст (мес.)	Всего (экз.):	Всего (%):
Есть М3	Более 24	3	
Есть М2, нет М3	12–24	4	
Есть М1, нет М2	6–12	1	
Нет М1	Менее 6	1	
Всего (экз.):		9	
Есть m3	Более 24	24	51
Есть m2, нет m3	12–22	16	34
Есть m1, нет m2	6–12	3	6
Нет m1	Менее 6	4	9
Всего (экз.):		47	100

Лошадь (*Equus caballus*). Этому виду принадлежит 87 костей от трех особей (табл. 1). Как видно из таблицы 2, кости не сильно фрагментированы (63%). Это связано с тем, что обнаружено семь целых позвонков и почти все мелкие кости конечностей являются целыми. Но при небольшом объеме выборки соотношение целых и фрагментированных костей может быть искажено. Чаще всего встречаются фрагменты позвонков и ребер, а также трубчатых костей. Соотношение костей отделов скелета лошади неоднородно (табл. 3). Доминируют «мясные» части (туловище и верхний отдел конечностей) – 70%,

а «не мясные» (голова, нижний отдел конечностей) составляют 30%. Возможно подобная ситуация связана с небольшим объемом выборки. Индивидуальный возраст определен у трех особей: одна молодая (до 1 года) и две взрослые (5–15 лет). На одной таранной кости зафиксированы следы погрызов, вероятно, собакой.

Верблюды (*Camelus bactrianus*). Этому виду принадлежит 35 костей как минимум от двух особей (табл. 1). Скорее всего, все костные остатки верблюда принадлежат домашней форме. Фрагментированность костей верблюда высокая (табл. 2). Несмотря на это, стоит отметить, что присутствуют целые крупные кости, такие как позвонки, ребра и метаподии. Среди фрагментов преобладают позвонки и ребра. Соотношение костей отделов скелета выглядит достаточно неоднородным (табл. 3). Значительно доминируют кости туловища (74%), тогда как доля каждой другой группы не превышает 11%. Показатели раздробленности и соотношения отделов скелета могут быть искажены из-за малочисленности выборки. Имеется сильно стертый коренной зуб, что говорит о старом возрасте верблюда, и имеется кость без эпифиза от молодой особи. На одной кости (позвонок) зафиксированы следы погрызов, вероятно собакой.

Заключение. Практически все определимые костные остатки из раскопок археологического памятника Аблайкит принадлежат домашним копытным. Судя по характеру костного комплекса, изученные костные остатки представляют собой кухонные отбросы жителей храма. Среди них большую часть занимают кости МРС (65,2%). Второе место по количеству костей принадлежит КРС (11,2%). На третьем месте располагается лошадь (6,7%), четвертое место по обилию костных остатков занимает верблюд (2,7%). Наблюдается пятикратное преобладание костей МРС над костями КРС, но в структуре «мясного» питания их доли были сходны, так как масса овцы примерно в пять раз меньше массы коровы. К сожалению, мы не смогли установить возрастной состав КРС, поэтому говорить о мясном, молочном или тягловом использовании коровы затруднительно. Мелкий рогатый скот, видимо, в основном разводили для получения шерсти. Нужно отметить низкую долю лошади в кухонных отбросах храмового комплекса, тогда как жертвенники включали в себя целые скелеты лошадей и части их туш [Байпаков и др., 2019]. Доля верблюда самая низкая из всех обнаруженных видов. Несомненно, что в рационе жителей монастыря присутствовали лошадь и верблюд, но намного реже, чем КРС и МРС.

Не вполне объясним факт наличия в верхнем слое только костей КРС. Древняя поверхность, формировавшаяся во время существования храма, находилась примерно на глубине 40–50 см, в основании верхнего слоя. Кости КРС из верхнего слоя обнаружены в основном на глубине, соответствующей древней поверхности храмового комплекса. Слой 2 (глубже 50 см) насыщен костными остатками. По составу костей (табл. 2) и соотношению отделов скелета (табл. 3) комплексы остатки КРС из верхнего и нижнего слоев не различаются. Также не наблюдается различий в их внешнем виде, сохранности. На этом основании можно рассматривать костный материал из верхнего и нижнего слоев раскопа как единый комплекс.

В заключении можно добавить, что, несмотря на большое количество целых костей, к которым относятся в основном кости запястья и заплюсны, фаланги, таранная и пяточная кости, фрагментированность костного материала достаточно высокая. Также встречаются целые трубчатые кости крупных домашних копытных. Размерный анализ фрагментированного костного материала показывает сильное преобладание крупных фрагментов над мелкими фрагментами. Но отсутствие данных по костным остаткам из других средневековых памятников этого региона не позволяет оценить, насколько это является специфической особенностью костного комплекса из Аблайкита. На сегодняшний день материалы из Аблайкит являются уникальными и дают первое представление о структуре питания и особенностях животноводства у населения позднего средневековья в западных предгорьях Алтая, исповедующего ламаизм.

Литература

Байпаков К.М., Ерофеева И.В., Казизов Е.С., Ямпольская Н.В. Аблайкит – в свете археологических, исторических и востоковедческих исследований // Алтай – түркі әлемінің бесігі. Өскемен, 2018. С. 65-82.

Байпаков К.М., Ерофеева И.В., Казизов Е.С., Ямпольская Н.В. Буддийский монастырь Аблай-хит. Алматы: «Археологическая экспертиза», 2019. 400 с.

Путешествие российского посланника Федора Ивановича Байкова в Китай. 1654. Древняя российская Вивлиофика. М., 1788. Изд. 2-е. Ч. 4. С. 125, 144.

АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ДЕРЕКТЕРДІ ТАЛДАУ

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Э. Р. Усманова

ОБ ОДНОМ ПРЕДМЕТЕ ИЗ АНДРОНОВСКОГО ОБИХОДА

*О, сколько нам открытий чудных
Готовят просвещения дух,
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг,
И случай, бог изобретатель.
А. С. Пушкин*

Деревянные предметы из андроновских погребений II тыс. до н.э., оплетенные проволокой и оформленные скрепами, не имеют четкой атрибуции. Они редко встречаются в погребальном инвентаре. Понимание их назначения, как правило, относится к хозяйственно-бытовой сфере: деревянная рукоять или жезл. Предлагается вариант интерпретации такого предмета, найденного в могильнике Новоильиновский II, в виде аксессуара женского костюма. Предмет находился в схроне погребального сооружения вместе с другими украшениями и являлся основным элементом в ритуальной композиции.

Ключевые слова: проволока, скобка, андроновская культура, схрон, женский костюм

Андронов тұрмысындағы бір зат хақында

Б.д.д. II мыңж. жататын андроновтық жерлеу орындарынан шыққан сыммен өрілген және біріктіргішпен безендірілген, нақты атрибуциясы жоқ ағаш заттар. Олар жерлеу мүлікінде өте сирек кездеседі. Олардың пайдалану мақсаты әдетте шаруашылық-тұрмыстық салаға: ағаш сапқа немесе асатаяққа жатады. Новоильинов II қорымынан табылған әйел костюмінің аксессуары түріндегі осындай затты талдау нұсқасы ұсынылады. Жәдігер басқа әшекейлермен бірге жерлеу құрылысындағы құпия орыннан табылды және ол ғұрыптық жоралғының негізгі элементі болып табылды.

Түйін сөздер: сым, бекіткіш, андронов мәдениеті, құпия орын, әйел костюмі

About One Item from Andronovo Everyday Life

Wooden objects from Andronovo burials of II millennium B.C braided by wire and decorated by fasteners, do not have a clear attribution. They are rarely found among grave goods. As a rule, understanding of their purpose is related to the household sphere, such as a wooden hilt or a wand. An object found in the Novoilinsonsky II burial site could be considered as an accessory of a female costume. The subject was founded in the crypt of

---

© Эмма Р. Усманова, Сарыаркинский археологический институт при КарГУ им. академика Е. А. Букетова, Караганды, Казахстан; emmadervish2004@mail.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, ИРН проекта AP05131853

the burial structure together with other decorations. It was the main element in the ritual composition.

Keywords: wire, bracket, Andronovo culture, crypt, women's costume

Культурная составляющая предметного мира андроновского уклада жизни достаточно хорошо известна по археологическим свидетельствам. Чаще всего новыми «изысками» удивляют предметный импорт или некоторые вещи из ювелирных гарнитуров, в которых чувствуется индивидуальность мастера в рамках творчества стереотипного культурного кода сообщества. Но иногда встречаются вещи, и они, как правило, в единичных экземплярах. Им трудно найти аналогии. Постепенно собирается целая серия таких предметов, которым необходима интерпретация. Некоторые находки, вписываясь в ряд предметных «неизвестностей», нуждаются в дальнейшем определении своего назначения. В данном тексте понятие «андроновская культура» используется в широком смысле этого термина как свита культур урало-казахстанских степей II тыс. до н.э., в которой алакульская культура является одной из ее составляющих.

Контекст находки. Она происходит из символического схрона, сделанного во рву сооружения алакульского кургана, после завершения погребального обряда (могильник Новоильиновский II, курган 9; р-н Беимбета Майлина, Костанайская обл.). Описание схрона дается краткое, чтобы понять контекст находки. Яма округлой формы была выкопана во рву погребального сооружения (рис. 1). Заложённая большим количеством камней, она имела нишу в южной стенке, в которой и был найден интригующий нас предмет. Следует отметить, что во время изъятия камней и грунта из ниши было обнаружено несколько украшений. Скорее всего, они принадлежали одному ожерелью,

Рис. 1. Могильник Новоильиновский II, ограда 9. Общий вид схрона

Рис. 2. Могильник Новоильиновский II, ограда 9. Фрагменты украшений

которое было намеренно разорвано и его фрагменты были заброшены в нишу схрона (рис. 2). Ожерелье, по всей видимости, представляло собой низку из пастовых и бронзовых бусин с костяной подвеской (подязычная кость КРС, предварительное определение Э. Ананьевской, Вильнюсский университет, Литва). Две штампованные бронзовые бляшки, заброшенные на стенку ниши, были обнаружены на ее дальней стенке. Кроме того, найдено несколько костей, которые принадлежали ребенку 10 лет – три зуба, обломки ребер и костей конечностей (предварительное определение П. Снитковской, Екатеринбург, Россия). За двумя вертикально установленными плитками, у стенки ниши, стоял сосуд, который соединил в себе алакульскую форму тулова с плечиком и федоровский ковровый орнамент (рис. 3). Неподалеку от него находилась главная находка этого ритуального схрона: некий предмет, рядом с которым лежало детское ребро (рис. 4).

Описание находки. Фрагмент дерева был обмотан тонкой проволокой в два оборота с заостренными концами, один ее длинный конец свободен от закрутки. Со стороны спиралевидной проволоки, обращенной к сосуду, лежала бронзовая скобка для фиксации в виде изогнутой под прямым углом проволоки, сбоку – бронзовая шлевка для протаскивания, прямоугольной формы, в виде замкнутой кривой проволоки, концы которой согнуты и перехлестнуты (рис. 5). Все детали этого предмета изготовлены из бронзовой проволоки, прямоугольной в сечении, шириной 2 мм. Длина спиралевидной проволоки 35 мм. Размер скобки: длина основания 12 мм, загнутых сторон - 5 и 8 мм. Размер шлевки 10×5 мм (рис. 6). Полуразрушенный деревянный фрагмент длиной 12 мм, шириной 5 мм.

Контекст схрона и реконструкция изделия. В ритуальный схрон складировалась-кидалась вещь в сломанном, разорванном состоянии (ожерелье?). Этот факт наводит на мысль, что данный «проволочный»

Рис. 3. Могильник Новоильиновский II, ограда 9. Сосуд в нише схрона

Рис. 4. Могильник Новоильиновский II, ограда 9. Положение фрагмента изделия в нише

Рис. 5. Могильник Новоильиновский II, ограда 9.
Фрагмент изделия, обмотанного проволокой

предмет мог принадлежать какому-то целому изделию, обломок которого по символическим законам ритуала был помещен около сосуда. При этом, важно отметить, он был вместе с сосудом закрыт плитками, в отличие от других, брошенных в нишу, украшений. Это указывает на его особую знаковость. Какому же предмету мог принадлежать этот фрагмент? Предлагается несколько вариантов его определения.

Оплетка деревянного сосуда. Фрагмент напоминает бронзовую «проволоку» из могильника Покровск (Саратовское Поволжье). Она – прямоугольного сечения, длиной 32–33 см, с помощью ее крепилась бронзовая листовидная накладка к деревянному сосуду (покровская культура, мог. Покровск, ЮВ группа, к. 7, п. 3). Проволока, изгибаясь, многократно прошивала стенку, отдельные скобки отсутствовали [Малов, 2003, с. 209, рис. 3].

Украшение предмета. Находки деревянной вещи, украшенной или оплетенной бронзовыми скобами-скрепами, шлевками или спиралевидной проволокой, изредка встречаются в памятниках андроновского круга. Однако понимание их значения в оформлении предмета не совсем ясно. Например, спиралевидная проволока могла быть обмоткой рукояти плети [Епимахов, 2005, с. 128, рис. 14].

Фрагмент палки длиной до 8 см, прямоугольной в сечении, оплетенный тремя шлевками, известен из женского погребения могильника Лисаковский [Усманова, 2013, с. 69] (рис. 7). Возможно, подобный деревянный предмет относился к категории жезлов или рукоятей. Скрепы-скобы на таких предметах

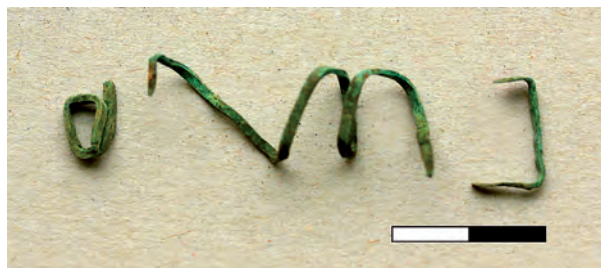

Рис. 6. Могильник Новоильиновский II, ограда 9. Детали изделия: проволока, скобка и шлевка

Рис. 7. Могильник Лисаковский V. Фрагмент деревянного изделия со скобками (шлевками)

неизвестному для нас украшению (талисману?) женского андроновского костюма. Тогда каким образом он мог использоваться в декоре? Крепление его в качестве украшения мог-

женского костюма. Тем более что и спиралевидная проволока, и скрепы соединены вместе на одном фрагменте. Объем прямоугольной формы спиралевидной проволоки указывает на форму, заданную изначально изделию, присутствие скобы и шлевки – на заданную длину (рис. 8). Скорее всего, деревянный фрагмент принадлежал миниатюрному деревянному стержню прямоугольного сечения, оплетенному бронзовой проволокой.

Варианты интерпретации. Итак, данное изделие, которое состоит из спиралевидной проволоки, скобы и шлевки, могло быть:

- оплеткой деревянного сосуда;
- оплеткой рукояти миниатюрного жезла;
- аксессуаром или декором женского костюма.

Остановлюсь на последнем варианте, который представляется, наверное, самым невероятным. Может быть данный предмет и относился к какому-то

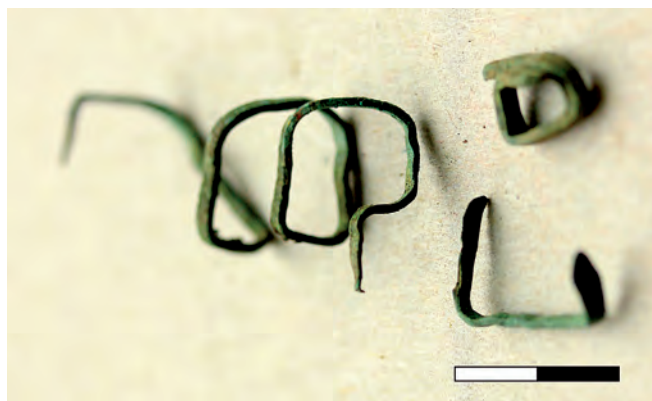

Рис. 8. Могильник Новоильиновский II, ограда 9. Детали изделия из схрана: проволока, скобка и шлевка

длиной от 2 до 4 см. Они значительно больше по размерам по сравнению с размером скобы из схрана могильника Новоильиновский II. Деревянный предмет, оплетенный проволокой и скрепленный скрепами, исходя из вещевого контекста ритуального схрана (украшения), мог принадлежать декору

Рис. 9. Музей костюма, Амстердам. Украшение традиционного голландского женского головного убора. Dutch Costume Museum, Amsterdam

Рис. 10. Музей костюма, Амстердам. Украшение традиционного голландского женского головного убора. Dutch Costume Museum, Amsterdam

ло осуществляться самым необычным способом. В качестве аналогии можно привести голландский женский убор *oorijer* (Zeeland, Netherlands). К чепцу с височной стороны крепятся латунные спирали или пластины. Такие головные уборы автору данной статьи довелось увидеть в музее голландского традиционного костюма – The Dutch Costume Museum, Amsterdam (рис. 9; 10).

В заключении остается только сказать, что атрибуция изделия, оплетенного проволокой, в дальнейшем зависит от количества и качества найденных материальных свидетельств из андроновского предметного мира.

Литература

Етимахов А.В. Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Челябинск: ОАО «Челябинский дом печати», 2005. Кн. 1. 192 с.

Малов Н.М. Погребения покровской культуры с наконечниками копий из Саратовского Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 г. Саратов: «Научная книга», 2003. Вып. 5. С. 157-219.

Усманова Э.Р. Описание археологических объектов // Памятники Лисаковской округи: сб. ст. Караганда; Лисаковск: TengriLtd, 2013. 336 с.

В. В. Сараев

АЛТАРЬ¹ С ЧАШЕВИДНЫМ УГЛУБЛЕНИЕМ В ДОЛИНЕ РЕКИ УЗЫН-КАРГАЛЫ

В статье анализируется неподдающийся легкому отнесению к известным каменным инструментам небольшой камень речной гальки серого гранита, имеющей округлую форму с выемкой, относимый к так называемым «чашечным камням». Он был найден западнее села Касымбек (Жамбылский р-н, Алматинская обл.), на полях, ранее заселенных земледельцами поливного земледелия. Теоретическая реконструкция части древнего обряда с подобным чашевидным камнем в мировоззренческой системе древних народов и современников позволила «увязать» в единую систему ряд природных явлений и представлений о них, в основе которых лежит осознание связи камня с умершим конкретным человеком. Это определило предположение о том, что именно этот факт со временем послужил причиной установки на могилах камней с изображением персональных черт.

Ключевые слова: Каргалы, чашечные камни, душа умершего, обряд, алтарь, календарные обычаи

Ұзын-Қарғалы өзені алқабындағы тостаған тәрізді ойығы бар алтарь

Мақалада «тостаған тас» деп аталатын дөңгелек пішінді ойығы бар сұр граниттен тұратын өзеннің шағын малта тасы белгілі тас құралдарға жай ғана жатқызылмайтындығы талданады. Ол Алматы облысы Жамбыл ауданы Қасымбек ауылынан батысқа қарай бұрын диканшылар қоныстанған жердегі суармалы егін алқабынан табылған. Ежелгі халықтар мен сол дәуірдегі дүниетанымдық жүйеде осындай тостаған тәрізді тастарға қатысты ежелгі ғұрыптар жағын теориялық қалпына келтіру бірқатар табиғи құбылыстар мен ол туралы түсініктерді бірыңғай жүйеге «ұштастыруға» мүмкіндік беруінің негізінде тасты белгілі бір өлген адаммен байланысын түсіну жатыр. Дәл осы факт уақыт өте келе қабірге дербес белгілі бейнелерді бар тастарды орнатуға себеп болды деген болжамды анықтады.

Түйін сөздер: Қарғалы, тостаған тастар, өлген адамның рухы, ғұрып, алтарь, күнтізбелік дәстүр

Altar with a cup-shaped recess in the valley of the Uzyn-Kargaly river

The article analyzes small stone of river pebbles of gray granite, which has a rounded shape with a recess, referred to the so-called “cup stones”. This type of stones is difficult to attribute to stone tools. It was found to the west of the village Kasymbek in Zhambyl district

---

© **Владимир В. Сараев**, *Институт археологии им. А. Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан*; saraev.53@mail.ru

¹Алтарь (лат. Altaria, от altus – высокий), жертвенник; первонач. место для жертвоприношений на открытом воздухе [СЭС, 1982, с. 43].

of Almaty region. These fields have been occupied by farmers of irrigation agriculture. The theoretical reconstruction of a part of an Ancient rite with a similar cup-shaped stone in the worldview system of ancient peoples and contemporaries allowed to “link” into a single system a number of natural phenomena and ideas about them, which are based on the awareness of the connection of the stone with the dead specific person. This led to the assumption that this fact was the reason for the installation of stones on the graves with the image of personal features.

Keywords: Kargaly, cup stones, soul of the deceased, rite, altar, calendar customs

Многолетние обследования археологических памятников в Жетысу (как на равнинах, так и в горах) богаты многочисленными находками различных изделий из камней. Это песты, ступки, зернотерки с курантами, каменные мотыги, ручные роторные мельницы, большие каменные жернова и т.д., которые с достаточной степенью уверенности и достоверности можно отнести к той либо иной категории бытового инструмента [Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 125–180; Сараев, 2010, с. 252–264; 2015, с. 406–414; Горячев, Мотов, 2018, с. 31–43, 56–70]. Вместе с тем, встречаются артефакты, не позволяющие с наработанной легкостью отнести их в разряд известных категорий.

Автору настоящей статьи недавно довелось обнаружить и описать такой «сюрпризный» камень, найденный на западной окраине с. Каргалы (Жамбылский р-н, Алматинская обл.) [Сараев, Кожегулова, 2019, с. 146–149]. Существенным вопросом при описании подобных инструментов древности является то, что предположения об их истинном назначении возможны только чисто гипотетически, в пределах абстрактных представлений, основанных на известных фактах.

Очередным, неподдающимся легкому отнесению к известным каменным инструментам, оказался небольшой камень речной гальки серого гранита, имеющей округлую форму (рис. 1). Он был найден западнее

с. Касымбек (Жамбылский р-н, Алматинская обл.), на полях, ранее заселенных земледельцами поливного земледелия. Из привычного ряда подъемного материала зернотерок, каменных мотыг и т.п. его выделяет то, что на нем явственно различимо чашевидное углубление.

Опыт выявления и изучения так называемых «чашечных камней» не позволяет отнести этот камень к ним, поскольку, как правило, это огромные валуны, «вросшие» в землю.

Рис. 1. Камень с чашевидным углублением у села Касымбек

По форме он похож также на небольшой бытовой инструмент, изготовленный из камня, например, каменную мотыгу или зернотерку с чашевидным углублением. Рассматриваемый камень - округлой формы диаметром 0,23 м, толщиной 0,1 м и весом 8,15 кг. Небольшой, в меру увесистый, на котором протерто чашевидное углубление диаметром 7 см и глубиной 1,6 см (рис. 1). На противоположной стороне камня, в центральной его части, также проделано цилиндрическое углубление диаметром 3,5 см и такой же глубиной 3,5 см (рис. 2). Остальные участки поверхности камня не имеют следов какой-либо обработки или внешнего воздействия.

Второе углубление удобно для насаждения камня на палку соответствующего диаметра, однако при этом центр тяжести самого камня оказывается значительно смещенным относительно точки соединения камня и ручки. Такой способ крепления камня весом более 8 кг, условно говоря, к ручке даже не позволяет представить себе инструмент, которым можно воздействовать на внешние объекты. Камень не удержится на ручке. Единственное условие их соединения возможно только в случае, если камень будет просто насажен на вертикальный стержень, воткнутый в землю. Задача, которую с его помощью можно решить, это поднять над земной поверхностью чашевидное углубление, протертое в камне, и удержать его в таком положении. Углубление, составляющее третью часть от диаметра всего камня и расположенное в центре плоскости, не дает оснований для сомнений в том, что это и есть основная фигура и в смысловой нагрузке.

Для понимания назначения этого артефакта и гипотетического представления о его функциональной нагрузке в прошлом необходимо учесть представления людей древности, связанные с изготовлением чашевидных углублений. Хронологические рамки рассматриваемого явления, в целом, можно условно определить от палеолита до средневековья [Бгажноков, 2013, с. 8], что позволяет говорить о достаточном времени для формирования идеи стереотипа их изготовления при определенных условиях.

Рис. 2. Камень с чашевидным углублением у села Касымбек. Тыльная сторона

И отражать обусловленное отношение к событиям окружающего мира, закладывая стандартное проявление действий как сохранение традиций предков.

Территорию, где был найден рассматриваемый камень, в прошлом люди использовали в качестве полей ирригационного земледелия. На их окраинах наблюдаются следы жилых и хозяйственных построек раннего железного века, средневековья и Нового времени. Вода для орошения полей поступала из реки Узын-Каргалы, которая выходит из горного массива 8–10 км южнее места, где был найден камень. В предгорной полосе северных склонов Иле Алатау эта местность называется Каргалы, что дало одноименное название и близлежащему селу.

В семантическом отношении топоним «Каргалы» происходит от древнетюркского значения «нагромождение валунов» согласно определению «Краткого толкового словаря топонимов Казахстана» [Койчубаев, 1974, с. 127]. В свое время в этой долине проживали не только земледельцы, занимавшиеся ирригационным земледелием [Сараев, 2011, с. 127–143], но и специалисты по обработке камня, где большое количество каменных валунов служило сырьевой базой для местных каменотесов. В прошлом здесь в долине левого берега реки Узын-Каргалы на предгорной равнине, в южном и северо-западном направлениях, располагалось более 40 камней с чашевидными знаками [Сараев, Первых, 2001, с. 165]. Данное явление имеет широкую географию по всему миру и напрямую связано с процессом формирования религиозного мировоззрения древнего населения [Кубарев, 1988, с. 105; Сараев, 2016, с. 121–123].

Сосредоточение камней с чашевидными знаками, обнаруженное на равнине левого берега реки Узын-Каргалы, северо-западнее села Каргалы, является наибольшим скоплением подобного вида исторических памятников в ближайшем окружении на сотни километров. Это дает основание предполагать, что для близлежащих территорий Каргалы могли быть своеобразным центром, задающим местные традиции, в том числе и региональным центром, создающим духовное наследие.

В обычае поселенцев долины Каргалы было принято наносить чашевидные углубления на большие валуны, выступающие из земли, диаметром иногда более 2 м. Но у села Касымбек, где найден рассматриваемый камень, нет вблизи таких же больших камней, как в Каргалы. Есть небольшие камни в русле низинной части Узын-Каргалы. Тем не менее, здесь обнаружен камень с этим примечательным знаком, хоть он несравнимо меньше каргалинских с чашевидными углублениями. Небольшие размеры, вероятно, вызывали необходимость значительно приподнять его над поверхностью земли. Но не камень как таковой, а тот единственный знак, который нанесен на нем – чашевидное углубление.

Изготовить подобный предмет столь искусно мог только мастер с опытом по обработке камня, и это возможно в ближайшем месте только в Каргалы. Перевезти небольшого веса камень на десяток километров не проблемно, но это свидетельство о потребности его иметь здесь – в районе села Касымбек. Для понимания надобности в изготовлении такого вида (в целом) памятника

возникает потребность обратиться к мифологеме прошлого относительно чашечных камней [Сараев, 2016, с. 116].

Представление о душах умерших в виде птиц было сколь древнее, столь и распространённое, а от того и самой известной «функцией» в культуре человечества [Вовк, 2006, с. 267]. Птица может представлять саму освобождённую от плоти душу, служить телом, в которое индивидуальная душа человека переходит после смерти, либо выступать её проводником в загробный мир [МНМ, 1992, с. 346–349]. Образ птиц у людей всегда ассоциировался с небом и их связью с небожителями.

Любопытно отметить, что в Индии с особым почтением относятся к людям, которых считают «дважды рожденными». Дважды рожденные – представители трех первых высших каст (варн) Индии (вайшья, брахманы и кшатрии). Таковыми становятся в результате специального обряда посвящения. Но, по сути своего естества, все птицы – «дважды рожденные». То есть первое рождение птиц – это появление их на свет в качестве яйца, снесенного птицей, второе – появление их на свет птенцом, вылупившимся из яйца. При этом птенцы имеют пуповину, хоть и не были выношены в чреве матери. Уместно отметить, что гнезда птицы вьют не для проживания в них, а именно для высиживания птенцов.

Интересно обратить внимание на этот факт в связи с перелетными птицами. Фотопериодизм – основной постулат причины миграции птиц, температурные режимы – подкрепляющий фактор, протяженность светового дня – основа. Процесс навигации, хоминг (умение находить путь домой) до конца не изучен. При этом, с точки зрения стороннего наблюдателя (человека в древности), складывается впечатление, что птицы – обитатели небесной стихии - «прилетают на землю» для того, чтобы вывести птенцов – продолжить род.

Также надо отметить, что перелетные птицы достаточно часто (по сведениям орнитологов и наблюдениям сельских жителей) возвращаются в свои прежние гнезда. Либо прилетевшие птицы занимают чужие брошенные гнезда, несколько подправляя их. После чего пением оповещают о занятости гнезда, по сути – территории. Какие параметры используют птицы для определения гнезда как места, пригодного для продолжения потомства, также слабо изучен, но такой параметр как внешний вид гнезда доступен и человеку. За редким исключением (например, гнездо ремеза) гнезда птиц по внешнему виду конструкции похожи на чашевидные углубления на камнях. Подобный же внешний вид имеет часть тела человека – место крепления пуповины – пупок – след предка, след, оставленный от единения с матерью и даже углубление на белке сваренного птичьего яйца.

Образ яйца, как известно, является символом рождения новой жизни у многих народов. «С самых древних времен человек рассматривал яйцо как символ первоосновы, начала начал, происхождения бытия» [цит. по: Вовк, 2006, с. 161]. Отталкиваясь от этого информационного повода, легко построить мировоззренческую систему координат, в которой достаточно обосновано будут «увязаны» в единую систему ряд природных явлений и представлений

о них, в основе которых нет реальных связей. Например, рождение ребенка с признаками внешнего сходства (по индивидуальным отличительным приметам) с ранее умершим предком. Внешние проявления биологического процесса передачи наследуемых признаков при отсутствии знания о наличии самого механизма и законов генетики, давали основание человеку в древности считать рождение данного младенца повторным рождением предка.

Массовое появление перелетных птиц происходит в пору весеннего солнцестояния. В период, приближенный к 23 марта (день весеннего равноденствия), появляются визуальные признаки «пробуждения» окружающего мира после зимнего «безвременья», смерти природы. Заметно теплеет, появляется зелень, расцветают цветы и самым заметным и броским явлением является массовое появление птиц. Все эти весенние возрождения легко увязываются в логическую взаимозависимость, связанную с появлением птиц.

Имея представление о повторном рождении (рождении ранее умершего предка), люди с полным логическим обоснованием имели право считать причиной тому птиц. Суть мысли достаточно проста: душу умершего заберет птица, перенесет на небо, затем она принесет ее на землю, и человек вновь родится на земле. Яркая идея требует практического исполнения. Для реализации продуманного сценария людям потребуется выполнить ряд действий на поле реальных явлений: изъять душу умершего, сделать ее доступной птице, а потом иметь доступ к возвращенной душе.

Рассмотрение исполнения данного сценария будет удобным со второго акта действий – передачи души покойного птице. У некоторых народов этот акт исполнялся скармливанием тела усопшего птицам. По-другому этот процесс можно исполнить, только совершая многоходовые действия. Людям хорошо известна пугливость диких птиц. Приблизиться к ним, оставаясь незамеченным, практически невозможно. Для этой цели требовался посреднический предмет, не пугающий птиц.

В процессе исследования камней долины Каргалы на наличие чашевидных углублений было отмечено, что практически на всех чашечных камнях в весеннее время появляются птицы. Естественно, что их привлекают эти камни, поскольку они самые высокие в ближайшем окружении и удобны как наблюдательные пункты для птиц в период гнездования и охраны занятой территории [Сараев, Первых, 2001, с. 165]. Итак, камни, расположенные выше относительно близлежащих, не пугают пернатых и с их помощью можно передать душу умершего птице.

Понимание исполнения первого акта намеченного сценария возможно, по мнению автора данной работы, через рассмотрение рудиментов древних обрядов. Несколько лет назад автору довелось присутствовать в доме казахской семьи, где готовили усопшего к погребению. Декабрьским утром в комнате с распахнутыми на улицу окнами, на полу, у стены лежал покойник. Комната была без мебели, пол ничем не покрыт и чисто вымыт. На покойном были брюки и легкая рубаха. Он лежал на полу, на спине, руки опущены вдоль тела.

Обратило на себя внимание то, что вокруг покойного была аккуратно насыпана узкая полоса золы. На животе умершего лежал округлый, увесистый, окатанный в реке камень. Раньше доводилось читать, что если покойник оставался в доме на ночь, то вокруг него посыпали золой, чтобы утром было видно, что душа умершего не ушла из тела. Считалось что даже такая легкая субстанция как душа не может не оставить след на пепле. Вопрос возник по поводу камня на животе. Родственники объяснили, что человек долго болел, практически ничего не ел, а камень холодный, он будет забирать от тела тепло, и живот его не будет вздуваться.

Логика объяснения совершенно не соответствует логике здравого смысла. Человек, долгое время по причине болезни не принимавший полноценных объемов пищи, не будет иметь заполненный кишечник, а, следовательно, и причин для сильного вздутия. Кроме того, температура на улице отрицательная (снег, замерзшие лужи), и покойник ночь пролежал в комнате с открытыми окнами. В данной конкретной ситуации бояться вздутия живота покойника не было никаких оснований. Иначе говоря, действия родственников не соответствовали сложившейся реальной ситуации. Как выяснилось позже, камень с живота закопали в могиле вместе с покойным.

Позже слышал рассказ о подобных действиях с камнем от представителей другой семьи. События проходили в теплое время года. Камень выбросили. Также слышал рассказ одного человека, который говорил, что в их роду всегда кладут в могилу камень вместе с покойником. Только обычный небольшой камень и кладут его покойнику между ног в области коленных суставов. Как пояснил рассказчик, так поступают для того, чтобы в процессе разложения у покойного не слипались ноги, и он мог передвигаться.

Все подобные действия в неординарной ситуации и не основанные на практических «запросах» условий обстоятельств, как правило, исполняются по указанию «знающих людей» – есть рудименты ранее проводимых обрядовых действий. Если из изложенного убрать «рационализаторские» объяснения, то их можно логично трактовать с позиции «изъятия души умершего в посреднический предмет» для последующей передачи птице.

Теоретически реконструкция этой части древнего обряда могла выглядеть так. Вокруг умершего золой посыпали неширокую замкнутую полосу. Она будет гарантировать, что душа умершего не покинула его. На живот покойнику клали окатанный в реке камень для веса и холода. Это не давало вспучиваться животу покойника, но холодный камень нагревался телом мертвого. Всем известно, что первый признак отличия живого человека от мертвого это «теплый» он или «холодный». Условно говоря, пользуясь температурным режимом можно определить наличие души либо ее отсутствие. И в рассматриваемой ситуации легко судить, что душа мертвеца при тесном контакте перешла в камень.

В результате проведенных действий этот камень переходил в другую категорию, он становился вместилищем человеческой души. А поскольку он лежал на животе человека, где есть знак от предков – пупок, то изменивший статусную категорию камень внешне также получал знак отличия от других

простых камней. Логично предположить, что знак на камне будет таким же, как и то место, где он лежал. Зеркально отобразить на камне место, с которым он был в контакте, это сделать на нем небольшое круглое углубление. Протереть его в камне – целенаправленное наипростейшее действие, способное оставить след на камне. Работа, доступная к исполнению любому взрослому человеку. Однако при этом камень нес на себе знак событий, в которых он был задействован, изображал знак связи с предками (умершим), был внешне похож на птичье гнездо и становился полноценным посредником для передачи души умершего птице. С этой целью его достаточно поместить на могиле покойного. То есть дать возможность непосредственного контакта камня с душой умершего и птицы.

В 2010 г. при раскопках одного из захоронений на могильнике Каргалы 1, которые проводил археолог Ю. А. Мотов, в верхней части обкладки могилы лежал небольшой камень с чашевидным углублением. Камень лежал углублением вверх. Специалисты датируют это захоронение эпохой бронзы. Естественно, что за столь длительное время обряд, сохранившись до настоящего времени, имел основания для перерождения формы обряда с сохранением приближения к смыслу – возможности перемещаться. И вместо камня с чашевидным углублением в могилу кладут обычный камень в область коленных суставов, что будет гарантировать «мобильность».

Любопытно, но даже в наши дни можно встретить отголоски столь древнего обряда в смысле связки «камень-небо». В сельской местности Казахстана, в быту, при непочтительном поведении детей родители говорят: «Почему ты себя так ведешь? Ты что после смерти поставишь мне камень до неба?».

Настойчивое желание, нужда приближения к небу души умершего после смерти, вероятно, послужило необходимостью проделать в рассматриваемом камне углубление для крепления его на палке-поставке. Камень, возвышающийся на поставке, будет гарантировано привлекательным для птиц, поскольку они предпочитают расположиться повыше.

Следующим актом рассматриваемого сценария будет способ привлечения птиц к данному камню уже после «возвращения с небес». Достаточно будет на такой чашечный камень, в углубление, насыпать корма. Уместно будет отметить, такой же способ применим и для первоначального контакта птиц с камнем, когда душа умершего еще не переместилась в птицу. Важен непосредственный контакт, а далее - по воле высших сил.

В календарных обычаях многих народов Восточной Азии и восточных славян, в обрядах, проводимых в весеннее время, отмечено большое количество фактов кормления птиц, обращения к душам умерших предков, призывов благополучия и т.д. [Календарные обычаи и обряды..., 1989, с. 33, 123, 183, 237, 270; Некрылова, 1989, с. 134]. Это вопросы для самостоятельного, отдельного анализа.

Однако любопытно отметить, что обряд ритуального «закликанья весны», проводимый славянскими народами в начале марта и период

весеннего солнцестояния, «обставлен» обращением к птицам. Призывая тепло и благополучное (для земледелия) лето, обращаются к птицам. В этой части обряда сохранилось архаичное представление о том, что весенне–летнее тепло и естественное возрождение всей окружающей природы приносят птицы. Исполнение же обряда организовано как кормление прилетающих птиц. В день весеннего солнцестояния «обычно пекли “жаворонков”, в большинстве случаев с распростертыми крылышками, как бы летящих, и с хохолками. Птичек раздавали детям, и те с криком и звонким смехом бежали закликать жаворонков, а с ними и весну. Для этого печеных жаворонков насаживали на длинные палки и выбегали с ними на пригорки или насаживали птичек на шесты, на палки плетня т.п.» [Некрылова 1989, с. 135] и кричали заклички. В этой части обряда ритуального «закликанья весны» четко просматриваются практические приемы привлечения птиц к предоставленному месту.

Рассматривая в данном контексте возможные действия людей в прошлом, невозможно не увидеть жесткую персонификацию данного предмета, связанную с конкретным человеком, что, вероятно, послужило перевозке этого камня к поселению в районе с. Касымбек. Осознание связи камня с умершим конкретным человеком со временем и послужило причиной установки на могилах камней с изображением персональных черт умершего. Возможно, что установка таких алтарей и стала причиной впоследствии с развитием технологий обработки камня, изменения понимания событий, но неизменного уважения к памяти предков, появления известных сегодня каменных изваяний – «каменных баб».

Литература

Бгажноков Б.Х. Чашевидные знаки кавказских дольменов // Археология и этнология Северного Кавказа: сб. науч. тр. к 75-летию И.М. Чеченова. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2013. Вып. 2. С. 7-32.

Вовк О.В. Энциклопедия знаков и символов. М.: Вече, 2006. 528 с.

Горячев А.А., Мотов Ю.А. Археологический комплекс Бутақты-І. Алматы, 2018. 264 с.

Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой цикл. М.: Наука. Гл. ред. восточной литературы, 1989. 360 с.

Койчубаев Е. Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. Алма-Ата: Наука КазССР, 1974. 275 с.

Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. Новосибирск: Наука, 1988. 173 с.

Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т./ Гл. ред. С.А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1992. Т. 2. К–Я. 719 с.: ил.

Некрылова А.Ф. Круглый год. Русский земледельческий календарь. М.: ПРАВДА, 1989. 496 с.

Сараев В.В. Перспектива выявления фактов развитого оросительного земледелия в предгорьях Семиречья // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана / Научные чтения памяти Н.Э. Масанова: сб. матер. междунар. науч. конф. Алматы: ТОО «Print-S», 2010. С. 252-264.

Сараев В.В. Инструменты земледельцев древнего Жетысу // История и археология Семиречья. Алматы: ОФ «Родничок», 2011. Вып. 4. С. 127-143.

Сараев В.В. К вопросу о каменных мотыгах и их функциональных возможностях // Казахское ханство в потоке истории: сб. матер. междунар. науч. конф., посвящ. 550-летию Казахского ханства. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2015. С. 406-414.

Сараев В.В. К вопросу о функциональном назначении чашечных камней Жетысу // Религия и система мировоззрений древних и средневековых номадов Евразии. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2016. С. 116-124.

Сараев В.В., Кожегулова Ф.Т. Необычный инструмент древних земледельцев северных склонов Заилийского Алатау // История и археология Семиречья. Алматы, 2019. Вып. 6. С. 146–149.

Сараев В.В., Первых Н.М. Каргалинские камни с чашевидными знаками // История и археология Семиречья. Алматы, 2001. Вып. 2. С. 165-170.

Советский энциклопедический словарь. М.: Советская Энциклопедия, 1981. 1600 с.: ил.

М. А. Чернов

К ВОПРОСУ О ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ ПО НОВЫМ ДАННЫМ МОГИЛЬНИКА ЭПОХИ БРОНЗЫ МАДЬЯРСАЙ-1

В ходе исследований могильника андроновского периода эпохи бронзы Мадьярсай-1 было зафиксировано разграбленное парное захоронение мужчины и женщины в погребении 6 ограды 4. В результате камеральной обработки конической бронзовой подвески, плакированной золотой фольгой, в процессе удаления остатков грунта из внутренней полости, был найден фрагмент пупария куколки мухи вида *Sarcophagidae* (серая мясная муха). Анализ данных стадий ее развития позволил прийти к выводу, что тело умершего перед или даже после захоронения оставалось не покрытым землей как минимум 1,5 недели. Подобное возможно в случае, если оно преднамеренно сохранялось до этого времени в специальном месте на открытом воздухе с применением средств для предотвращения или существенного замедления процессов гниения. Данный факт позволяет установить сроки захоронения в весенне-летний период и детализировать отдельные элементы погребальной обрядности того времени.

Ключевые слова: Мадьярсай-1, эпоха бронзы, погребальный обряд, коническая подвеска, пупарий, муха вида *Sarcophagidae*

Қола дәуірінің Мадиярсай-1 қорымындағы мәліметтер бойынша жерлеу ғұрыптары жөнінде мәселелер

Қола дәуірі андронов кезеңінің Мадиярсай-1 қорымын зерттеу барысында 6 жерлеу, 4 қоршаудан еркек пен әйелдің тоналған жұптық жерлеу орны анықталды. Алтын фольгамен апталған конустық қола салпыншақты камералдық өңдеу нәтижесінде ішкі қуысынан топырақ қалдықтарын шығару кезінде *Sarcophagidae* (сұр етті шыбын) түріне жататын шыбын қуыршағы пупариясының бөлшегі табылады. Осы мәліметтерді талдау оның дамуын қайтыс болған адамның денесі жерленгенге немесе жерленгеннен кейін кемінде 1,5 аптаға дейін топырақпен жабылмаған деген қорытындыға келуге мүмкіндік береді. Мұндай жағдай, егер оны сол уақытқа дейін шіру процестерін болдырмау немесе бәсеңдету үшін арнайы орында әдістерді қолдана отырып, ашық ауада әдейі сақталған да болуы мүмкін. Бұл дерек жерлеу мерзімін көктем-жазғы кезеңге белгілеуге және сол кездегі жерлеу ғұрпының жекелеген элементтерін нақтылауға мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: Мадиярсай-1, қола дәуірі, жерлеу ғұрпы, конусты салпыншақ, пупарий, *Sarcophagidae* түріндегі шыбын

© **Михаил А. Чернов**, *Институт археологии им. А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан*; mihalapuch@yandex.kz

Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, ИРН проекта AP05135512.

To the question of burial rite according to the new data of the Bronze Era grave Madjarsai-1

During researches of Andronovo burial mound of the Bronze Age there was fixed looted paired grave of a man and a woman in the burial 6 of the fence 4. After camera processing of a conical bronze pendant, plated with gold foil, in the process of removing soil residues from the internal cavity, was found a fragment of a puparium of a fly of the species *Sarcophagidae* (flesh fly). Analysis of these stages of its development led to the conclusion that the body of the deceased before or even after burial remained uncovered by the ground during at least 1.5 weeks. This is possible if it was deliberately stored up to this time in a special place in the open air with the use of means to prevent or significantly slow down the processes of rotting. This fact allows us to establish time when they were buried after death in the spring and summer period and to detail the separate elements of the funeral rites of that time.

Keywords: Madjarsai-1, Bronze Age, funeral rite, conical pendant, puparium, fly of the species *Sarcophagidae*

В полевом сезоне 2019 г. производились археологические раскопки могильника андроновского периода Мадьярсай-1, расположенного на северо-восточных склонах хребта Киндыктас [Горячев, Ильин, 2019, с. 162–163]. В ходе исследований было зафиксировано разграбленное парное захоронение мужчины и женщины в погребении 6 ограды 4. Ограда представляла собой сложную конструкцию из двух оград – внешней квадратной и внутренней округлой. Внутри них по центру на глубине 50 см (уровень древней поверхности) была расчищена могила прямоугольной формы типа ящикциста, размерами 1,9×1,5 м, ориентированная по оси 3–В. При зачистке погребения зафиксировано большое количество вещевого материала – керамическая посуда, бронзовый нож и плакированные золотой фольгой бронзовые украшения, в том числе конические головные подвески (рис. 1). При камеральной обработке в одной из них, в процессе удаления остатков грунта из внутренней полости, был найден фрагмент пупария куколки насекомого (рис. 2).

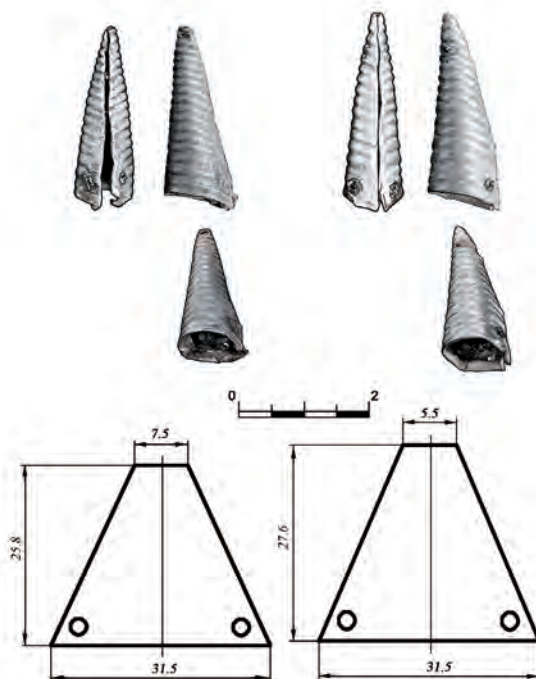

Рис. 1. Коническая головная подвеска плакированная золотой фольгой из погребения 6 ограды 4 могильника Мадьярсай-1

Факты обнаружения останков синантропных насекомых в пределах погребальных ям, довольно редки. Возможно, их было бы больше, если бы от энтомологов поступила информация о том, какого вида насекомых, в какой форме и в каком месте, относительно расположения тела покойного, наиболее вероятно найти следы или останки самих насекомых. Полагаем, что подобная информация могла бы быть столь же полезной, как споропыльцевой анализ и т.п., а при соответствующем отношении к проблеме заняла подобающее место в ряду доказательной базы при анализе древних погребальных традиций.

Обнаруженный нами пупарий был пуст, что означает прохождение насекомым полного цикла метаморфоз. Фрагмент находится в сравнительно хорошем состоянии, то есть прочность хитиновой оболочки, степень прозрачности стенок говорят о том, что из куколки вышло вполне жизнеспособное насекомое. Сохранностью своей хитиновая оболочка обязана предмету, в котором нашла убежище личинка насекомого. Медная основа конической подвески практически полностью разрушилась в результате коррозии металла. Несмотря на это, золотая фольга, которой плакировалась поверхность медной основы, находится в хорошей сохранности. Медь, содержащаяся в бронзе, при воздействии кислотосодержащей среды образует соединение (CuSO_4), губительно влияющее на микрофлору и фауну и тормозящее, если не прекращающее, гнилостные процессы. В результате образовалась среда, не позволившая разрушиться органическим соединениям хитиновой оболочки. Подобные факты, когда в зоне воздействия оксидов и сульфатов меди сохранялись от полного разрушения фрагменты органики – ткань, кожа и т.д. – в археологии известны.

Обнаружение пупария мухи в захоронении бронзового века представляет существенный интерес. Во-первых, сам факт присутствия древнего насекомого может указывать в определенной степени на сезонность данного захоронения. Во-вторых, сроки полного цикла метаморфоз его куколки могут косвенным образом детализировать отдельные элементы погребальной обрядности того времени. В частности, судебная (криминалистическая) энтомология, опираясь на данные о развитии насекомых некрофагов, дает заключение о сроках наступления смерти [Марченко, Кононенко, 1991], что для археологии не является столь актуальным по прошествии тысячелетий. Тем не менее, полезная для исторической науки информация из этого может быть извлечена, поскольку возникают следующие вопросы: на каком этапе ритуальной подготовки

Рис. 2. Фрагмент пупария мухи из погребения в ограде 4 могильника Мадьярсай-1

покойного к погребению насекомое могло отложить свои яйца и как долго тело покойного оставалось не погребенным, если у насекомых к нему был доступ.

Фрагмент пупария мухи, сохранившийся в погребении, прежде всего, может указывать на сроки доступа к телу покойного, которые имелись у насекомого. Форма и внешний вид пупария по таблице-определителю соответствует мухе вида саркофагида (лат. *Sarcophagidae*) или серые мясные мухи (рис. 3). Особенностью этого насекомого является потребность избирать в качестве питательной среды для своего потомства трупы животных, и человеческие здесь не исключение [Рубежанский, Очаповский, 1965]. Этот вид распространен практически повсеместно. Его ареал имеет очень широкую географию, в который не входят практически только полярные области [Муха..., Интернет-ресурс].

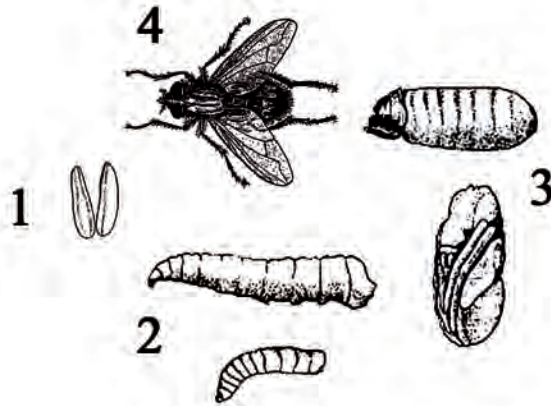

Рис. 3. Стадии развития мясной мухи *Sarcophagidae*: 1 – яйца; 2 – личинки; 3 – куколка и пупарий; 4 – взрослая муха – имаго

Влага – источник жизни для всех живых существ, в телах позвоночных организмов её содержится до 80%. В совокупности с белковыми формами соединений животной ткани, образуется идеальная питательная среда для насекомых саркофагов и трупоедов [Артамонов, 1983; Виноградова, 1984]. Самое элементарное из того, что можно предположить, это то, что насекомое было привлечено запахом разлагающейся плоти человека, не погребенного более суток. Насекомые не преминули воспользоваться возможностью и отложили яйца на труп. Самыми

привлекательными для них являются области естественных отверстий, граничащих со слизистыми поверхностями: рот, нос, глаза, наиболее доступные в обычных условиях.

Как утверждают практическая и криминалистическая энтомология, в разделе, отведенном этому виду, заселение трупа насекомыми происходит в период от нескольких часов до одних суток. Весь цикл развития насекомого хронологически выглядит следующим образом [Виноградова, 1984, Справочник, 2010] – развитие мухи проходит четыре стадии: яйцо, личинка, куколка (преимагинальные стадии), окрыленная муха (имаго) (рис. 2). Развитие эмбриона в яйце, в зависимости от температуры субстрата, происходит в течение 8–25 часов. После вылупления из яиц личинки быстро проникают в толщу субстрата и концентрируются в наиболее благоприятных для них участках. По мере развития личинки растут и линяют три раза. При температуре

субстрата – питательной среды (в нашем случае трупа), 20–25°C развитие личинок заканчивается в течение 7–9 суток, при 16–18°C – 12–18 суток. Перед окукливанием личинка перестает питаться и уползает в прохладные и сухие места или в рыхлую почву. Если площадка, на которой находилось тело, была из твердого материала или плотно утрамбована, то личинки могут уползти на расстояние 3–5 м и более и зарыться в рыхлую землю на глубину 10–20 см. Развитие куколок мясных мух при температуре 20–25°C продолжается 7–8 суток. При благоприятных условиях – температуры и влажности – развитие куколок может закончиться в течение 3–4 суток. В среднем, общая продолжительность развития всех преимагинальных стадий (от яйца до имаго), в зависимости от температуры и влажности, составляет при 30°C – 10–13 суток, при 16–18°C – более 30 суток. Следовательно, до превращения в куколку проходит 1,5 недели.

Выход взрослого насекомого – имаго мог состояться и после погребения. Но то, что до окукливания личинки тело покойного оставалось не погребенным, доказывает положение пупария куколки. Личинки, закончившие развитие, ищут возможность укрыться от губительных факторов: солнечных лучей, хищных насекомых и птиц, и, собственно, от людей. Для этого они зарываются в землю, а при невозможности зарыться ищут укромное затененное место, недоступное человеческому глазу и птиц. При этом предпочитают покидать субстрат в утренние часы, что обусловлено вышеобозначенными причинами. Покойник, по нашей версии, находился на ложе в момент заползания личинки в конус подвески. После чего ложе или носилки с телом могли быть погребены в срок от одних до восьми суток или несколько более. Такое предположение опирается на следующее наблюдение: если личинка искала убежища, следовательно, тело оставалось не погребенным [Марченко, Кононенко, 1991]. Имаго – взрослое насекомое могло покинуть пупарий, находясь внутри могилы (погребение 10–11 дней после смерти), а могло, с определенной долей вероятности, и до погребения, а это дает в среднем 20 и более дней* [*Автор выражает признательность и благодарность энтомологу д.б.н. Р. Х. Кадырбекову за устную консультацию, в ходе которой было подтверждено предположение автора о поведении насекомого].

Возможно, это время было необходимо для совершения ритуальных действий в ходе подготовки тела покойного для погребального обряда. Учитывая, что конические подвески, как и ряд других медных украшений из этого же погребения, были плакированы золотой фольгой, указывающей на статусность погребенного лица, выдвигаемое предположение о ритуальных действиях с покойным имеет свой резон. Таким образом, могли быть отданы последние почести сообразно статусу знатного лица.

Действиями, необходимыми для подготовки к погребению, могли быть: освобождение тела от внутренностей, бальзамирование и т.п., а также, возможно, и сохранение тела для более сложного ритуала. В условиях южного климата с повышенной дневной температурой процесс разложения может ускоряться. Но если содержать тело в затененном и проветриваемом месте,

прохлада и сухость воздуха могут некоторым образом сдерживать этот процесс. Тем не менее, в области выхода слизистых оболочек так или иначе образуется мокнутие кожного покрова с выделением влаги, что не может не привлечь насекомых.

Также стоит учитывать и то обстоятельство, что при подготовке тела к погребению за ним осуществлялся элементарный уход, который мог выражаться также в действиях, препятствующих расселению на трупе насекомых и его дальнейшему разрушению. С этой целью, кроме простого обмахивания и удаления обнаруженных личинок, могли использоваться различные ароматические и прянопахнущие травы, настои из них, отпугивающие насекомых. Также тело могло укрываться каким-либо покровом, не исключено, что и пропитанным упомянутыми настоями. Учитывая быстроту реагирования насекомых трупоедов на запах, скорость и численность отложения яиц, а также скорость выхода личинок из яиц и внедрения их в тело покойника, выше обозначенные меры борьбы с экспансией насекомых стопроцентной эффективности иметь не могли и на одном объекте, ставшим питательной средой для личинок, выплод мог повторяться неоднократно.

Если наличие куколки мухи способно указать на факт содержания тела до погребения, то цикл ее развития позволяет говорить о сроках возможных ритуальных действий, которым подвергалось тело покойного в ходе подготовки к погребению. При скольких-нибудь длительных сроках подготовки покойного для этих целей должно быть отведено отдельное место, удаленное от взоров непосвященных обывателей. Такое место должно соответствовать определенным условиям, способствующим возможно благоприятному содержанию тела. Где могло бы находиться такое место - вопрос, который найдет свое разрешение в ходе полевых исследований, при постановке соответствующих задач. Но то, что оно при наличии обряда подготовки к погребению должно быть, вряд ли может быть отвергнуто.

Какова продолжительность нахождения тела на поверхности - вопрос, несомненно, требующий тщательного сбора дополнительной информации с привлечением узких специалистов. Одно представляется несомненным, тело перед или даже после захоронения оставалось не покрытым землей как минимум 1,5 недели. Этого времени было достаточно для превращения личинки от состояния яйца до куколки.

Таким образом, рассмотренные выше данные свидетельствуют, что данное захоронение в ограде 4 было произведено в весенне-летний период, а перед погребальными действиями существовал обычай, согласно которому тело умершего в течение определенного срока (10–15 суток) оставалось не засыпанным землей. Подобное возможно в случае, если тело умершего преднамеренно сохранялось до этого времени в специальном месте на открытом воздухе с применением средств для предотвращения или существенного замедления процессов гниения.

Литература

Артамонов С.Д. Биология массовых видов мух – саркофагид (Diptera, Sarcophagidae – потребителей гниющей органики на юге Приморья // Фауна и экология членистоногих Дальнего Востока. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1983, С. 11-21.

Виноградова Е.Б. Мясная муха *Calliphora vicina* – модельный объект физиологических и экологических исследований. Труды Зоол. Ин-та РАН. Т. 118. Л.: Наука, 1984. 272 с.

Горячев А.А., Ильин Р.В. Итоги археологической разведки памятников эпохи палеометалла и раннего железного века в горах Киндыктас // Методы и методология естественных наук в полевых археологических исследованиях: матер. междунар. науч.-практ. конф. (г. Алматы, 19 сентября 2019 г.). Алматы: Қазақ университеті, 2019. С. 150-164.

Марченко М.И., Кононенко В.И. Практическое руководство по судебной энтомологии (под ред. А.Ф. Рубежанского). Харьков: Украинский институт усовершенствования врачей, 1991. 69 с.

Муха мясная серая. Материал из Ртищевской краеведческой энциклопедии. URL: http://wikirtishchevo.shoutwiki.com/wiki/Муха_мясная_серая (дата обращения: 30.12.2019).

Рубежанский А.Ф. Очаповский В.С. Экспертное значение pupарий мух при исследовании эксгумированных костных останков // Судебно-медицинская экспертиза. 1965. № 4. С. 37-39.

Справочник – Гос. сан-эпид. нормирование РФ. 2.1.7. Почва, очистка населенных мест, отходы производства и потребления, санитарная охрана почвы. Энтомологические методы исследования почвы населенных мест на наличие преимагинальные стадии синантропных мух. Методические указания / МУ 2.1.7.2657-10. М., 2010. 12 с.

Е. А. Джасыбаев, Т. Ж. Тулегенов, А. Г. Чекин

КОСТЯНАЯ ПЛАСТИНА ИЗ ОРНЕКСКОГО МОГИЛЬНИКА: К ВОПРОСУ ОБ АНАЛОГИЯХ ИЗОБРАЖЕНИЯМ ГОЛОВ ХИЩНЫХ ПТИЦ

В полевом сезоне 2019 г. экспедицией Государственного историко-культурного заповедника-музея «Иссык» под руководством Т. Ж. Тулегенова с целью исследования трансформации и институционализации религиозных систем на территории Иссыкского микрорегиона были исследованы типологически близкие могильнику Рахат погребально-поминальные памятники раннего железного века могильника Орнек, в частности два кургана второй цепочки. В кругу обнаруженных немногочисленных артефактов из кургана № 14 присутствуют вещи из кости, не встречающиеся ранее в Жетысу. Костные останки погребенного в районе таза и нижних конечностей лежали непотревоженными. Сохранились украшения из кости – подвеска и бляшка, возможно крепившиеся к поясу. Найденные костяные находки прошли камеральную обработку, сделано их описание, составлена научная атрибуция и культурная интерпретация.

Ключевые слова: Жетысу, могильник Орнек, сакская культура, костяные находки, грифон, бронзовый крючок

Өрнек қорымынан табылған сүйек тілігі: жыртқыш құстардың бас бейнелеріндегі ұқсастықтар мәселесі

2019 жылы далалық маусымда Т. Ж. Тулегеновтың жетекшілігімен «Есік» мемлекеттік тарихи-мәдени қорық-музейі «Сақ дәуірінен XIII ғасырға дейінгі Рахат археологиялық кешенінің материалдары негізіндегі Жетісудың материалдық мәдениетінің семиозисі» атты ғылыми-зерттеу жобасы аясында Есік шағын ауданындағы діни жүйелердің өзгеруі мен институционализациясын зерттеу мақсатында типологиялық жағынан Рахат қорымына ұқсас келетін, ерте темір ғасырына жататын, жерлеу-ғұрыптық ескерткіш – Өрнек қорымына, оның ішінде екінші тізбектегі екі обаға зерттеу жұмыстарын жүргізеді. №14 обадан табылған санаулы артефактілердің ішінде Жетісудан бұрын-соңды кездеспеген сүйектен жасалған заттар бар. Жерлеу орнынан адамның қаңқа сүйегінің жамбас бөлігі мен аяқтары көмілген, яғни тонаушылыққа ұшырамаған күйінде анықталады. Жақсы сақталған сүйектен жасалған зергерлік эшекей бұйымдар белдікке бекітілген жапсырма болуы да мүмкін. Сүйектен жасалған бұйымдар камералдық өңдеуден өткізіліп, сипаттамасы жазылып, ғылыми атрибуты мен тарихи түсіндірмесі жасалды.

© Ермек А. Джасыбаев, Турали Ж. Тулегенов, Алексей Г. Чекин, *Государственный историко-культурный заповедник-музей «Иссык», г. Есик, Казахстан;* tulegenov1309@gmail.com

Работа выполнена при финансовой поддержке МКС РК, проект № BR06449571/ПЦФ «Семиозис материальной культуры Жетысу на материалах археологического комплекса Рахат с эпохи саков до XIII в.»

Түйін сөздер: Жетісу, Орнек қорымы, сақ мәдениеті, сүйектен жасалған бұйымдар, грифон, кола ілгек

Bone plate of the Ornek cemetery: on the issue of analogies of images of heads of birds of prey

In the field season of 2019, the expedition of the State Historical and Cultural Reserve-Museum “Issyk” under the leadership of T. Zh. Tulegenov, in the framework of the research project “Semyosis of the material culture of Jetysu on the materials of the Rakhat archaeological complex from the Saka to the XIII century” were considered in order to study the transformation and institutionalization of religious systems in the Issyk microregion, funeral memorial monuments of the early Iron century burial site Ornek, in particular two mounds of the second chain. In the circle of discovered a few artifacts from the mound no. 14 there are things from the bone not previously found in Jetysu. The bony remains of a person buried in the pelvis and lower extremities were undisturbed. There preserved bone jewelry – pendant and plaque, possibly attached to the belt. The found bone finds underwent cameral processing, was made their description, scientific attribution and cultural interpretation were compiled.

Keywords: Jetysu, Ornek burial ground, Saka culture, bone finds, griffin, bronze hook

Археологами заповедника-музея «Иссык» в 2015 г. был открыт новый уникальный памятник сакского времени – могильник Орнек, со своим локальным своеобразием как в конструкциях погребений, так и в вещевом материале.

Могильник Орнек расположен на северо-западной окраине одноименного села (Енбекшиказахский р-н, Алматинская обл.) на обширной заболоченной низменности. Курганы могильника располагаются двумя меридиональными цепочками, от двух до 14 объектов в каждой. Размеры курганных насыпей достаточно внушительные: высота 1–2 м и диаметр 15–40 м, что позволяет отнести их в целом к категории средних курганов.

По результатам археологических исследований удалось выявить следующую закономерность. Почти все погребения производились в цистах - подземных погребальных постройках (стены могильных ям были обложены камнями среднего размера), ориентированных по линии З–В, иногда с некоторыми отклонениями [Тулегенов, 2016, с. 930–935]. Погребенные укладывались головой на запад. Над могилами возводилась невысокая насыпь из грунта. В большинстве случаев в профилях над ними прослеживается слой желтой глины пылевидной структуры, которая, по всей вероятности, имеет надувное или привозное происхождение, т.к. территория могильника подвергалась интенсивной мелиорации на протяжении нескольких лет. Насыпи большей своей частью не проявляют сложности в своем внутреннем устройстве, что во многом определяется их незначительными размерами.

В стандартный набор сопроводительного инвентаря входили керамические сосуды, в большинстве своем круглодонные, подношения в виде частей животных (лошади и барана), а также украшения (золотые бляшки, пронизи), предметы вооружения (чекан, наконечники стрел).

За пять полевых сезонов (2015–2019 гг.) на могильнике Орнек, несмотря на разграбление, был собран интересный материал по костяным изделиям. Были найдены следующие предметы: костяное кольцо, две подвески, костяные наконечники стрел, астрагалы и поясное резное украшение неясного назначения.

Как отмечалось выше, в полевом сезоне 2019 г., в ходе проведения археологических работ в захоронении кургана № 14, цепочки 2 могильника Орнек были обнаружены костные останки человека, фрагменты керамических сосудов, наконечники стрел и довольно интересные костяные изделия, публикации которых посвящена настоящая статья. Так, в верхней части бедренной кости скелета человека была обнаружена костяная подвеска в форме головы безрогого оленя (рис. 1), а также в этом районе была обнаружена костяная

Рис. 1. Могильник Орнек, к. 14.
Костяная подвеска (IV–III вв. до н.э.)

пластина прямоугольной формы с нанесенными на нее резными рисунками (рис. 2). В ходе реставрации изделия удалось идентифицировать фигуры, изображенные на пластине. В двух нижних углах отчетливо видны изображения голов хищных птиц, выполненных в зверином стиле, головы расположены напротив друг друга. Изображение голов птиц представляет собой рисунок каплевидной формы, со схематичной прорисовкой клюва и глаза. Выемки, образующие и подчеркивающие клюв и глаз, заполнены краской. По краям пластины имеются многочисленные маленькие отверстия, видимо, выполнявшие роль крепления костяной пластины к ткани одежды или, скорее всего, к наборному ремню.

Изображения хищных птиц встречаются повсеместно в захоронениях племен скифо-сакского круга. Головы хищных птиц можно часто встретить на предметах вооружения древних кочевников. Вспомним навершие короткого меча (акинака) «Золотого человека» из кургана Иссык, которое представлено в виде двух голов грифонов. Исходя из анализа зооморфных изображений и конфигурации перекрестия данного акинака, К. А. Акишев приходит к выводу, что боковое погребение кургана Иссык датируется V–IV вв. до н.э. [1978, с. 35]. Близкими к орнекскому, по стилистике и оформлению, изображения голов птиц встречаются на навершии железного меча, обнаруженного летом 1982 г. в полотно грунтовой дороги близ села Новотроицкое (Куйбышевский р-н, Новосибирская обл.). Здесь, также как и на костяной пластине из Орнека, головы птиц опущены вниз, клюв слегка приоткрыт. Такое композиционное решение, отмечают исследователи Новотроицкой находки, в общем характерное для скифо-сибирского «звериного» стиля, когда изображение хищной птицы, в

большинстве случаев ограничено головами, используются в качестве самостоятельного мотива. Этот прием, отмечают далее исследователи, особенно часто использовался савроматскими мастерами, которые воплощали его в излюбленных сюжетах. Стилистически и сюжетно новотроицкий меч близок к пласту, органично входящему в среднеазиатскую – западно-сибирскую область скифо-сибирского искусства. Наиболее популярные в савроматском искусстве изображения голов животных зачастую выполнялись в условной и столь стилизованной манере, что их вид становится трудноопределимым [Соловьев и др., 1987, с. 135]. В результате стилизации часто

*Рис. 2. Могильник Орнек, к. 14.
Костяная пластина (IV–III вв. до н.э.)*

бывает трудно распознать вид животных, изображаемых древним художником. Среди зооморфных изображений савромато-сарматского звериного стиля одно из первых мест занимает хищная птица или фантастический орлиноголовый грифон. Мотив хищной птицы приобретает большую популярность в так называемой лесостепной Скифии. В правобережной её части в V в. до н.э. он представлен изображениями многочисленных отдельных головок. Основная часть изображений выполнена на золотых штампованных и чеканных пластинах. Особенно оригинальны и выразительны контурные орлиные головки из кургана Острая могила у села Яблоновка и известна серия пластинок из курганов 4 и 5 у села Берестяги в Поволжско-Уральском регионе [Смирнов, 1976, с. 94]. Изображения голов птиц на бронзовых литых бляшках от конского убранства были выявлены и в Саратовской области у села Новопривольного. Одна бляха довольно крупная, в виде головы ушастого грифона в профиль. Конец клюва загнут в спираль, глаз выполнен в виде круглой выпуклины с рельефным ободком. Сзади глаза небольшое округлое ухо. Ниже глаза рельефное изображение орлиной головы с мощным клювом. Вторая бляха изображает голову ушастой птицы тоже в профиль. Глаз дан резным колечком, за которым в виде отростка с углублением – ухо [Максимов, 1976, с. 210].

Примечательно что, изображения голов ушастых грифонов были обнаружены на амулетах из маральего рога в захоронениях скифского периода могильника Дужерлиг-Ховуз I в Туве [Грач, 1976; 1980, с. 228]. Одна из уздечных

бронзовых бляшек, изображающая длинноклювого ушастого грифона, была обнаружена в кургане 5 третьей Аландской группы Оренбургского края. Данная находка входит в круг обычных савроматских образов Южного Приуралья и вкупе с другими выявленными бляшками, выполненными в зверином стиле, находит аналогии с изделиями приаральских саков [Мошкова, 1972, с. 77]. Голова ушастого грифона встречается на конце ручки костяной ложечки, обнаруженной рядом с костными останками женщины в одном из погребений кургана 1 могильника Филипповка 2 в Оренбургской области [Яблонский, 2014, с. 89–90]. В Юго-Восточном Жетысу также встречаются изображения ушастых грифонов. Неподалеку от рассматриваемого нами могильника Орнек, в северной части Иссыкского некрополя, в районе поселка Болек в одном из курганов был обнаружен бронзовый крюк, покрытый золотой фольгой, выполненный в виде головы грифона (рис. 3). Предположительно, он служил застежкой колчанного пояса древнего воина. По технике проработке деталей изображение аналогично изображениям, широко распространенных у скифов от причерноморья до Алтая [Тулегенов и др., 2019]. Советский археолог С. С. Черников обращал внимание на сходство золотых прорезных хищных птиц из Чиликтинского/Шиликтинского кургана и ананьинской бронзовой бляшки из Зуевского могильника [Черников, 1965, с. 58]. Аналогичный клювовидный знак с головой хищной птицы встречается и на ажурных бляшках, происходящих из кургана Байгетобе, также ряда других центральноазиатских комплексов. Его вполне можно трактовать как редуцированное воспроизведение головы хищной птицы. Подобный прием зооморфного замещения лапы хищника головой

Рис. 3. Могильник Иссык.
Бронзовый колчаный крюк (V–IV вв. до н.э.)

хищной птицы достаточно типичен для «западной» скифской традиции [Полидович, 2014, с. 519]. Следует обратить внимание на еще одну очень схематичную разновидность изображения головы хищной птицы – в виде гладкого пламевидного выступа на обухе ананьинского чекана. Будучи очень редкими в Прикамье, такие «пламевидные» птичьих головки очень распространены на территории Казахстана: в бассейне Нижней Сырдарьи, в Тагискене; в Прииртышье, в Камышинском кладе близ Усть-Каменогорска и Майэмирском/Майемерском кладе в верховьях реки Нарым [Членова, 1981, с. 11–13]. На территории Казахстана эту форму, как и в российских памятниках раннего

железного века, придавали самым различным предметам – бронзовым бляшкам от конской сбруи, пряжкам и другим предметам, вплоть до оселков и каменных алтарей. Эти памятники датируются VII–VI вв. до н.э. Особенно интересно, что из могильника Уйгарак, где найдено большое количество таких бронзовых и каменных «пламевидных» птичьих головок, происходит и биметаллический чекан с птичьей головкой, и бронзовый кинжал с навершием в виде плоского округленного треугольника. Это говорит о том, что территория Нижней Сырдарьи в эпоху саков была связана с Уралом и Прикамьем. К общескифским формам, обнаруживаемым наибольшую близость к тем их вариантам, которые были распространены в Казахстане, а с V в. до н.э. на Алтае, по мнению М. И. Артамонова, относятся трехдырчатые псалии с головками хищных птиц, относящихся к археологическим культурным комплексам Минусинской котловины. Некоторые из них, отмечает ученый, определено алтайского происхождения. К ним относятся пряжки с головами животных, в том числе птиц, и редкие уздечные налобники и пронизки с птичьей скульптурной головой [Артамонов, 1973, с. 102].

Головы хищной птицы часто использовались в качестве мотива трансформации в зооморфных изображениях звериного стиля скифо-сакской эпохи. К примеру, в искусстве степного Северного Причерноморья этот тип «превращений» составляет около 80% всех случаев. В голову хищной птицы «превращали» отростки оленьих или же окончания козлиных рогов. Кроме рога в птичью головку трансформировали хвост. На золотых бляшках упомянутого нами кургана Байгетобе (Шиликты) лапы зверей изображены клювовидными знаками. Близкие по позе изображения короткохвостых хищников происходят из архаических комплексов Прикубанья и центральноазиатских комплексов VII–VI вв. до н.э. Подобный прием зооморфного замещения лапы хищника головой хищной птицы достаточно типичен для «западной» скифской традиции. Самым ранним примером такой трансформации является изображение на рукояте секиры Келермесских курганов, где представлен короткохвостый хищник, лапы которого заменены на выразительные изображения головы хищной птицы. Среди многочисленных примеров, близких шиликтинскому, является изображение хищника на окончании ручки бронзового зеркала из окрестностей города Майкоп в Прикубанье. Бесхвостый хищник воспроизведен с прямыми ногами и опущенной головой, а его лапы трансформированы в клювовидный знак. Такой же знак изображен на лапах хищника на ручке зеркала из кургана могильника Скоробор в Днепровской лесостепи [Полидович, 2014, с. 518–520]. Пример трансформации головы хищной птицы из загривка оленя мы можем наблюдать на бляхе-накладке ремня «Золотого человека» [Акишев К.А., 1978, с. 28]. В целом, поясные украшения «Золотого человека» из Иссыка, по мнению К. В. Чугунова, сопоставимы с очертаниями блях, найденных в кургане 1 могильника Бугры в предгорьях Алтая. В данном погребении, помимо прочего, была обнаружена серебряная поясная бляха в виде зеркального изображения голов грифонов, аналогии такому изображению встречаются на бронзовой поясной бляхе из Ордоса [Чугунов, 2014, с. 291, 716]. Так называемые Ордосские бронзы разнообразны и разновременны. Они украшены

различными изображениями, среди которых выделяют изображения голов птиц, преимущественно с изогнутым клювом. Среди ордосских бронз есть сходные с минусинскими карасукские формы в виде головок животных на концах рукояток ножей. Немало среди них и других изображений, сходных со скифо-сибирскими произведениями, известными по алтайским курганам, по находкам в Минусинской котловине и в Забайкалье. Так, например, здесь имеются бронзовые бляшки, изображающие головы птиц [Артамонов, 1973, с. 122].

Исходя из вышеизложенного, можно наблюдать, что головы хищных птиц воплощали как в металле, так и в кости. Роль кости как материала, в котором проявлялись самобытные черты скифского звериного стиля, отмечалась рядом исследователей. Примечательно, что эта особенность, имеющая для скифского искусства общий характер, проявляется локально. Резная кость келермесских, жаботинских, посульских, нижнедонских и крымских памятников не только оригинальна, но и своеобразна в каждом случае. И наоборот, общескифские образы звериного стиля более устойчивы в металле [Шкурко, 1976, с. 91–94]. Однако звериный стиль, отображенный в костяных изделиях, распространяется и на ареал сакских племен, о чем красноречиво свидетельствует орнекская находка. Примечательно, что резная кость не встречается среди погребального инвентаря «Золотого человека», да и редко представлена в захоронениях региона Жетысу периода саков. Но все же мотивы звериного стиля на кости встречаются не только в Казахстане, они представлены и в Средней Азии. Так, в 1982 г. в результате археологических исследований курганов близ крупного античного города Согда – Кургантепе в Узбекистане были выявлены две большие и три малые костяные пластины с чрезвычайно экспрессивными гравированными изображениями (сражение, охота, поединок, схватка двух верблюдов, и что актуально для нашей темы – гриф). Как отмечают авторы этих находок, в изображениях мчащихся животных видится влияние скифского звериного стиля, по составу вооружения курганы относятся к «сарматоидной» культуре, известной по ряду других среднеазиатских курганов. Изображения на пластинах они датируют временем не позднее рубежа нашей эры – I в. до н.э. [Пугаченкова, 1984, с. 480–482].

Мотив схватки двух верблюдов широко распространен на бронзовых бляхах, фрагменте каменного амулета и даже в наскальной живописи от Южного Приуралья, Восточной Сибири до Средней Азии [Бейсенов, Марьяшев, 2014]. Бронзовая бляха с подобной сценой была обнаружена в одном из курганов могильника Бесоба. В комплексе предметов, выявленных в данном могильнике Западного Казахстана, выделяются и железные кольчатые удила с псалями в виде головок грифона, акинаки с навершием в виде орлиных голов, костяные украшения в виде орла [Кадырбаев и др., 1977, с. 516]. В соседнем курганном могильнике Сынтас в 1970-х гг. также была обнаружена большая серия изделий прикладного искусства, выполненных в зверином стиле. В их составе интересны для нас уздечная пронизь, украшенная головкой грифона, и особенно костяные ритуальные ложечки с рукоятками в зооморфном стиле. По одной стороне широкого черенка одной ложечки искусно вырезана фигура орла и сразу же

позади него голова хищной птицы [Кадырбаев и др., 1975], напоминающей головы грифонов на костяной пластине из Орнека. Вещевые комплексы Бесобы и Сынтаса исследователи относят к савроматским памятникам конца VI – начала V в. до н.э., обнаруживающие сходство с памятниками Уйгарака, Бешатыра и Шиликты, сближают их с культурой саков южных и восточных районов Казахстана [Кадырбаев и др., 1977, с. 516]. Однако, найденные сосуды с трубчатым носиком-сливом в курганах могильника Бесоба относятся к V–IV вв. до н.э. [Кадырбаев и др., 1975, с. 490]. Орнекская костяная пластина вкуче с обнаруженной керамикой, наконечниками стрел, найденными в погребении кургана № 14 могильника Орнек, может быть датирована IV–III вв. до н.э. Что же касается проблемы культурных заимствований или влияний савромато-сарматов или напротив саков Жетысу, вытекающей из вышеприведенной характеристики многочисленных аналогий в изображении голов хищных птиц, то можно сослаться на весьма конструктивные выводы исследователя М. Г. Мошковой, которая, анализируя многочисленные признаки общности южноприуральских савроматов и приаральских саков, отмечает, что даже все совпадения не дают достаточных оснований для утверждения о заимствовании и перенесении обрядов и традиций приаральских саков на самые северо-восточные рубежи сарматского мира. В целом, связи древнего населения, утверждает она, распределялись иногда весьма причудливо, образуя нередко территориальную чересполосицу, когда трудно понять и объяснить те или иные удивительные аналогии в инвентаре и погребальном обряде. Поэтому, не делая пока никаких выводов относительно возможности заимствования или даже передвижения части племен [Мошкова, 1972, с. 78], не следует, в нашем конкретном случае никогда не выпускать из вида многие признаки общности сарматского населения с древним населением региона Жетысу. Прискорбно, что орнекская находка дошла до нас в плохой сохранности, однако детали её композиции в результате реставрационных работ все же удалось прочитать. В центральной её части располагается изображение головы кошачьего зверя, обрамленное по нижним углам контурными изображениями голов, рассмотренных нами, хищных птиц. Композиция не является сложной, которую скифолог А. Д. Грач именует «загадочной картинкой» [Грач, 1980, с. 78], однако многофигурная картина, состоящая из головы кошачьего зверя и голов грифонов, гармонично отражает композиционно-художественные представления, разработанные сакскими мастерами – специалистами резьбы по кости, работающими в славных традициях ювелирного искусства скифо-сибирского звериного стиля.

Литература

Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М.: Искусство, 1978. 130 с.

Артамонов М.И. Сокровища саков. М.: Искусство, 1973. 280 с.

Бейсенов А.З., Марьяшев А.Н. Петроглифы раннего железного века Жетысу. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. 156 с.

Грач А.Д. Новые исследования в Саглынской долине // АО-1975. М: Наука, 1976. С. 212-213.

Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М: Наука, 1980. 256 с.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж., Родионов В.В., Степанова И.Н. Работы в Актюбинской области // АО-1974. М.: Наука, 1975. С. 489-491.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К., Воронцова Г.Г., Ермолаева А.С. Курганы Бесобы и Сынтаса // АО-1976. М.: Наука, 1977. С. 515-516.

Максимов Е.К. Новые находки савроматского звериного стиля в Поволжье // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М: Наука, 1976. С. 210-218.

Мошкова М.Г. Савроматские памятники северо-восточного Оренбуржья // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М: Наука, 1972. С. 49-78.

Поллидович Ю.Б. Художественный прием «зооморфных превращений» в сакском «зверином стиле» // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана: сб. науч. ст., посвящ. 90-летию со дня рождения К.А. Акишева. Астана: Сарыарка, 2014. С. 518-526.

Пугаченкова Г.А. Работы Мианкальской группы // АО-1982. М.: Наука, 1984. С. 480.

Смирнов К.Ф. Савромато-сарматский звериный стиль // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М: Наука, 1976. С. 74-89.

Соловьев А.И., Мартынов Н.И., Теребило Г.И. Меч скифского времени из Барабы // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск: Наука, 1987. С. 133-138.

Тулегенов Т.Ж. Охранно-спасательные работы на курганном могильнике Орнек (итоги полевого сезона 2015 г.) // Мир Большого Алтая. 2016. № 4. Т. 2. С. 930-935.

Тулегенов Т.Ж., Чекин А.Г. Полевые археологические исследования на аварийном кургане правобережной части могильника Иссык // Ахинжановские чтения-2019: сб. матер. междунар. археол. конф. молодых ученых, посвящ. 80-летию выдающегося археолога С.М. Ахинжанова (г. Алматы, 16–17 октября 2019 г.). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2019. С. 64-67.

Черников С.С. Загадка Золотого кургана. Где и когда зародилось «скифское искусство». Сер.: Из истории мировой культуры. М.: Наука, 1965. 190 с.

Членова Н.Л. Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и в начале железного века // Проблемы Западно-сибирской археологии: эпоха железа. М: Наука, 1981. С. 4-42.

Чугунов К.В. Захоронения «Золотых людей» в традиции номадов Евразии (новые материалы и некоторые аспекты исследований // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана: сб. науч. ст., посвящ. 90-летию со дня рождения К.А. Акишева. Астана: Сарыарка, 2014. С.714-725.

Шкурко А.И. О локальных различиях в искусстве лесостепной скифии // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М: Наука, 1976. С. 90-105.

Яблонский Л.Т. Курган-святилище могильника Филипповка 2 (предварительное сообщение) // Всадники великой степи: традиции и новации. Астана: издат. группа Филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. С. 88-93.

С. В. Махортых

ИЗОБРАЖЕНИЯ СВЕРНУВШЕГОСЯ ХИЩНИКА VII–VI вв. до н.э. НА ДРЕВНЕМ ВОСТОКЕ

Пик распространения образа свернувшегося хищника в различных областях Евразии, включая Древний Восток, приходится на вторую половину VII – начало VI в. до н.э. Рассматриваемые изображения демонстрируют отсутствие единого изобразительного канона и представлены несколькими группами, отличающимися приемами стилизации и хронологической позицией изделий. При этом различные модификации этого образа найдены в одних и тех же закрытых археологических комплексах, что указывает на активные контакты представителей разнородных художественных традиций в рамках переднеазиатских походов кочевников, которые способствовали тесному взаимоотношению культурных стилей и ювелирных техник. Влияние шло как с востока на запад, так и в обратном направлении, что объясняет трудности поиска единого гипотетического центра происхождения образа свернувшегося хищника. Прослеживается устойчивая связь древневосточного изобразительного мотива с наконечниками ножен мечей и кинжалов, что является также характерным для близких находок на территории юга Восточной Европы, тогда как в восточных областях Евразии эта категория материальной культуры не получила распространения.

Ключевые слова: Передняя Азия, скифы, VII–VI вв. до н.э., свернувшийся хищник

Б.д.д. VII–VI ғғ. Ежелгі Шығыстағы бұратылған жыртқыштардың бейнесі

Б.д.д. VII ғ. екінші жартысы –VI ғ. басында бұратылған жыртқыш бейнелері ежелгі Шығыс және Еуразияның түрлі аймақтарында тарады. Қарастырылып отырған бейнелер бірнеше топтармен салынған және бірыңғай бейнелеу ережелерінің жоқ екенін көрсетеді. Бұйымдар стилі және хронологиялық позицияларымен ерекшеленеді. Тұйықталған археологиялық кешендерден түрленген жыртқыш бейнелерінің табылуы Алдыңғы Азия халықтарындағы түрлі өкілдердің белсенді байланыстарын және олардың мәдени стильдері мен зергерлік техникаларының тығыз қарым-қатынасына ықпал еткендігін көрсетеді. Бұратылған жыртқыш бейнелерінің пайда болуындағы бірыңғай гипотетикалық орталығын табудағы қиындықтарды Шығыстан Батысқа ықпал ету, кері бағытта да жүруімен түсіндіреді. Ежелгі Шығыс бейнелеу мотивтеріндегі семсер мен қанжар саптарының ұштарынан тұрақты байланыс байқалады, бұл Шығыс Еуропаның оңтүстігіндегі олжаларға жақын әрі тән. Ал, Еуразияның шығыс аймақтарының материалдық мәдениетіне бұл санат таралмаған.

Түйін сөздер: скифтер, б.д.д. VII–VI ғғ. Алдыңғы Азия, бұратылған жыртқыштар

Images of a curled predator animal from the 7th–6th centuries BC in the Near East

The peak of the distribution of curled predator animals' images in the various regions of Eurasia, including the Near East, occurs in the second half of the 7th - the early 6th centuries BC. The paper shows that instead of following a single aesthetic canon, these images can be divided into several groups that differ in style and chronological attribution. At the same time, different variations of this motif were found in the same closed archaeological complexes that points out active contacts among representatives of diverse artistic traditions. These contacts occurred in the course of the Near Eastern nomadic military campaigns, which facilitated interactions between different cultural styles and jewelry techniques. The aesthetic influences spread not only from the East to the West, but also vice versa, thus explaining the difficulty of finding a single center of origin for the image of a curled predator. There is a consistent relationship between the ancient Near Eastern visual motif and chapes at the end of sword or dagger scabbards, which is also typical for the similar finds in the south of Eastern Europe, whereas in the eastern regions of Eurasia this category of material culture did not spread.

Keywords: Scythians, Near East, 7th–6th centuries BC, curled predator

Пребывание скифов на Древнем Востоке относится к числу важнейших событий ранней истории этого кочевого народа. С VII в. до н.э. и «ранним» VI в. до н.э. связано активное участие номадов в исторических судьбах местных государственных образований, что, в свою очередь, оказало существенное влияние на материальную и духовную культуру скифского общества. Одним из последствий контактов номадов с обитателями Передней Азии явилось распространение значительного числа предметов древневосточного облика на юге Восточной Европы, а также депонирование кочевнических артефактов на южном Кавказе и в Передней Азии. Примечательно, что в обнаруженных изделиях зачастую фиксируется смешивание и симбиоз различных культурных традиций и стилей, что особенно наглядно проявляется в предметах искусства.

Предлагаемая статья посвящена рассмотрению одного из археологических свидетельств контактов скифов (в широком смысле этого слова) с обитателями Передней Азии на примере выявленной на этой территории группы предметов, главным образом, наконечников ножен, украшенных изображениями свернувшегося хищника.

Проблема происхождения образа кошачьего хищника, свернувшегося кольцом, в скифо-сибирском искусстве является чрезвычайно сложной и дискуссионной. Одни исследователи выступают за его древневосточные истоки [Potraz, 1959; Ghirshman, 1963; Членова, 1967, с. 128; Артамонов, 1968; Шкурко, 1969, с. 34; Погребова, Раевский, 1992, с. 96], тогда как другие придерживаются мнения о формировании этого образа в скифской культуре без какого бы то ни было инокультурного влияния [Ильинская, 1971; Сорокин, 1978, с. 187; Полидович, 1994; 2001]. Наконец, третьи предполагают происхождение рассматриваемого образа хищника от китайских изображений свернувшегося в кольцо дракона (змеи) [Kossack, 1987; Курочкин, 1993; Богданов, 2006]. Следует подчеркнуть, что происхождение и распространение образа свернувшегося хищника в эпоху скифской архаики тесно связано с генезисом других его

вариаций, например, мотива кошачьего хищника с опущенными вниз или поджатыми под туловище лапами, геральдически сопоставленных хищников и пр. Поэтому для выяснения истоков образа свернувшегося животного все архаические разновидности образа кошачьего хищника необходимо рассматривать вместе, во взаимном контексте, что, однако, выходит за рамки настоящего исследования.

Следует отметить, что будучи сравнительно немногочисленными, древневосточные находки, украшенные изображениями рассматриваемого типа, отличаются значительным стилистическим разнообразием и встречаются на довольно широкой территории: от Ирана на востоке до Восточного Средиземноморья на западе¹.

Рассмотрение анализируемых материалов я начну с недавней находки костяной бутероли в урартской крепости Аянис, расположенной на берегу о. Ван (Турция) (рис. 1, 1) [Çilingiroğlu, 2018, p. 22, fig. 12]. Она имеет округлую форму с сужающимся и выделенным верхним краем, образующим ее устье. Наконечник ножен украшен изображением свернувшегося в кольцо животного с массивной головой, вытянутой мордой подпрямоугольной формы и открытой пастью. Ухо передано полукругом. Глаз, ноздря, окончания лап и хвоста оформлены в виде концентрических окружностей. Передняя поднятая вверх лапа плотно прижата к шее, при этом ее окончание соприкасается с основанием нижней челюсти, тогда как хвост и задняя нога располагаются параллельно друг другу в горизонтальной плоскости и примыкают, в первом случае, к подбородку, а во втором – к коленному суставу передней ноги. В отличие от крупного и четко выделенного бедра, занимающего большую часть восточного сектора бутероли, лопатка животного выделена слабо и выглядит довольно аморфной. В целом, изображение животного свободно свернуто по кругу, внутри которого располагаются лапы и хвост, а в центральной части имеется незаполненное поле наконечника.

Округлой формой, а также наличием выделенного устья находка из Аяниса сближается с золотым окончанием ножен меча из Келермесского кургана 1/Ш, а также костяной бутеролью, предположительно происходящей из Ирана и хранящейся в коллекции Barbier-Mueller (Женева, Швейцария) (рис. 1, 3, 4) [Галанина, 1997, табл. 9, 1 с; Barbier, 1996, p. 12, 37, fig. 7].

Прямые аналогии изображению животного на окончании ножен из Аяниса не известны². Вместе с тем, по некоторым изобразительным деталям и, в частности, наличию массивной головы с открытой пастью, оформлению глаза, ноздри, окончания лап и хвоста, выделенным кружком, оно сближается с изображением зверя на золотом портупейном наконечнике из упомянутого выше кургана 1/Ш Келермеса (рис. 1, 2) [Piotrowski et al, 1986, кат. 8]. При этом видовая принадлежность обоих животных является достаточно своеобразной и в большей степени напоминает образ собаки или волка, чем кошачьего хищника, что необходимо учитывать при рассмотрении генезиса мотива свернувшегося животного.

Рис. 1. Окончания ножен, бляшки и портупейный наконечник, украшенные зооморфными изображениями: 1 – Аянис; 2–3 – Келермесский мог., к. 1/Ш; 4 – Иран; 5 – Шунеры; 6 – мог. Ягуня, к. 11; 7–8 – Уйгарак, к. 28; 9 – Уйгарак, к. 27. Масштаб изображений произвольный

То же самое следует сказать и о некоторых близких изображениях голов свернувшегося животного без выраженных признаков кошачьего хищника на бронзовых бляшках из Минусинской котловины, многие из которых, к сожалению, являются случайными находками и время их изготовления остается неизвестным (рис. 1, 5, 6) [Курочкин, 1993; Богданов, 2006, табл. II, 2, 5]. К числу особенностей бронзовых минусинских бляшек относится наличие центрального отверстия, которое имеется и на некоторых кавказских наконечниках ножен с изображением свернувшегося хищника, например, Майкоп и Тлийский могильник. Данное обстоятельство, наряду с тем, что на обширных просторах Евразии именно Северо-Западный Кавказ и Южная Сибирь являются районами распространения бронзовых зеркал с центральной ручкой в виде двух столбиков, перекрытых сверху бляшкой с изображением свернувшегося хищника [Махортых, 2016, с. 318, рис. 10; Богданов, 2006, табл. 4, 4, 6], по моему мнению, является не случайным и указывает на контакты между Южной Сибирью и Северным Кавказом в раннескифское время (рис. 2, 1–4).

Бутероль из Аяниса является единственной из известных в настоящее время достоверных древневосточных находок с изображением свернувшегося хищника, у которого глаз, ноздря, хвост и окончания лап декорированы концентрическими окружностями.

Обращает на себя внимание и, упомянутая выше зооморфная бутероль с выделенным устьем из коллекции Barbier-Mueller в Женеве, предположительно происходящая из Ирана. На ней глаз, а также окончания лап хищника также переданы концентрическими окружностями, а крупное ухо, имеющее каплевидную форму и повернутое острым концом вниз, сближается с изображениями уха знаменитой келермесской пантеры, а также кабанов из Эфеса (рис. 1, 4).

Идентичный орнаментальный прием (концентрические круги с точной посередине) применительно к изображению глаз хищника присутствует и на целом ряде иных древневосточных изображений, имеющих отношение к пребыванию евразийских кочевников на этой территории в VII–VI вв. до н.э. (Сарды, Зивие и др.) (рис. 3, 1, 3, 5). Данный факт позволяет относить его к характерным элементам стилизации раннескифских зооморфных изображений в древневосточном контексте.

В восточных районах Евразии глаза, ноздри, окончания лап, а иногда и лопатки на изображениях кошачьих хищников VII в. до н.э. редко украшались циркульным орнаментом. К примеру, они представлены на предметах конской сбруи из курганов 27 и 28 могильника Уйгарак в Приралье (рис. 1, 7–9) [Вишневская, 1973, табл. 9, 6–8; 10, 10–12]. Возможно, своим появлением на этой территории такие изображения обязаны участию саков в переднеазиатских компаниях. На древневосточный вектор контактов указывает и такой признак, как передача выделенной линией мускулатуры передней лапы, обозначенной на уйгаракских уздечных бляхах с внешней стороны (рис. 1, 8, 9).

Разрушение крепости Аянис относится ко времени около или, скорее всего, несколько позже 650 г. до н.э. [Çilingiroğlu, Salvini 2001; Derin, Muscarella

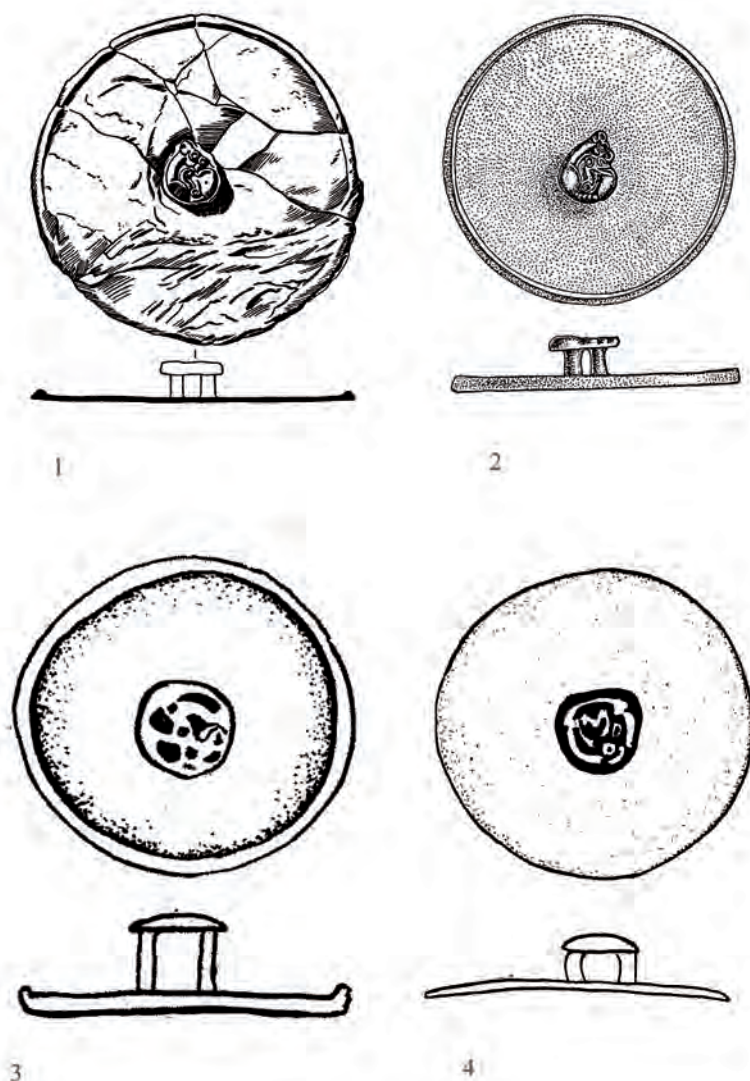

Рис. 2. Бронзовые зеркала с ручкой в виде двух столбиков:
 1 – Келермесский мог., к. 2/В; 2 – Краснодарское вдхр.;
 3–4 – Минусинский музей, случайные находки.
 Масштаб изображений произвольный

2001, р. 189]. Данное обстоятельство позволяет рассматривать выявленную там костяную зооморфную бутероль в качестве древнейшего скифского изображения свернувшегося хищника из известных в настоящее время на Древнем Востоке.

Довольно оригинальной является также костяная пластина, украшенная изображением свернувшегося зверя, обнаруженная в Сардах (западная Анатолия) и служившая наконечником ножен акинака (рис. 3, 1) [Mitten, 1966,

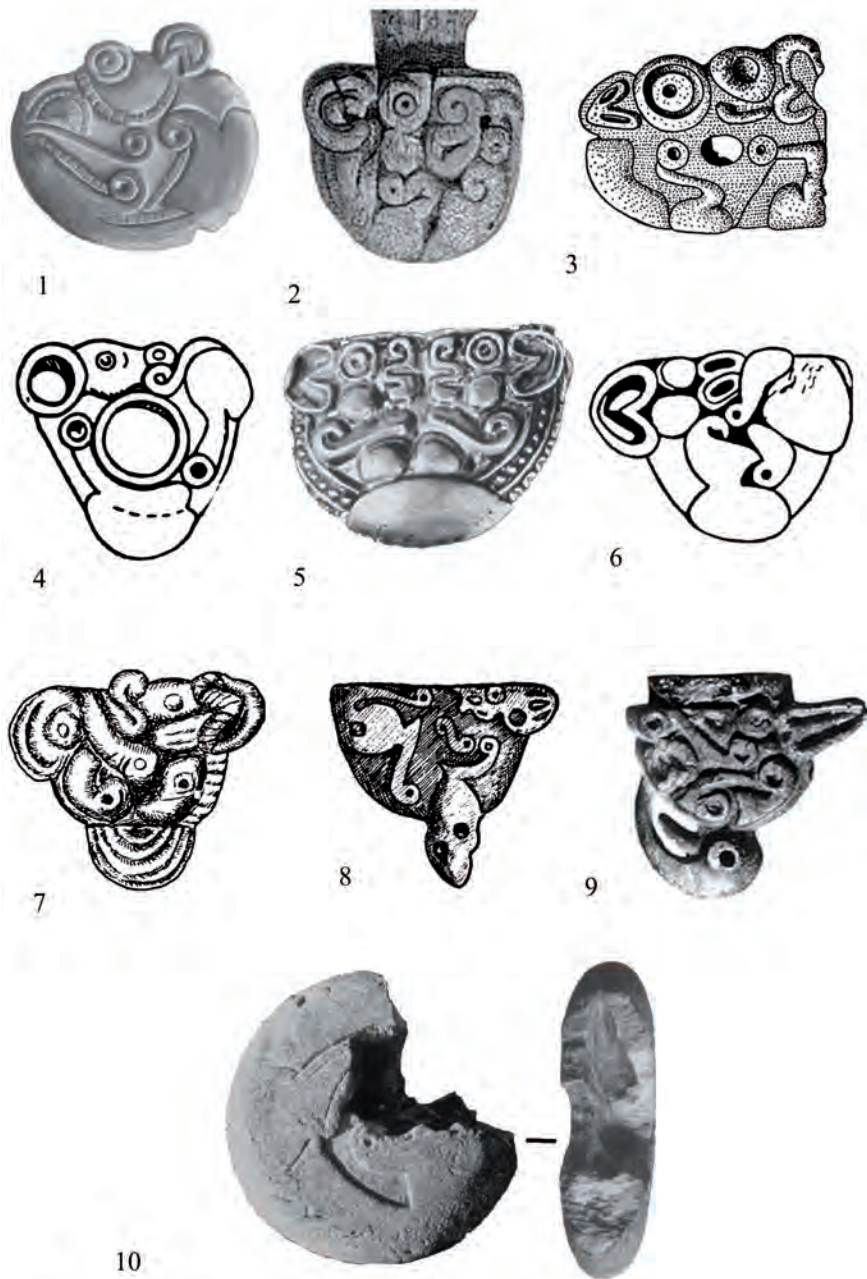

Рис. 3. Костяные и металлические наконечники ножен, украшенные изображениями свернувшегося хищников: 1, 10 – Сарды; 2 – Дарьевка; 3 – Кармир-Блур; 4 – Темир-Гора; 5 – Зивие; 6 – мог. Нартан, к. 21; 7 – Иран; 8 – Тлийский мог., п. 258; 9 – Фаскау.
 Масштаб изображений произвольный

р. 45, fig. 5; Greenewalt, 1973, fig. 11; Сорокин, 1978; Greenewalt et al. 1990, р. 166, fig. 34; Иванчик, 2001; Dusingere, 2010, fig. 2]. На ней изображено животное с крупной, гипертрофированно увеличенной головой, занимающей, практически, всю верхнюю часть пластины. На голове воспроизведены глаз, составленный из концентрических окружностей с точкой посередине, и ухо в виде подошвы лошадиного копыта, которые выступают за внешний контур головы. Нижняя часть морды и пасть животного переданы в виде полуovalов, обращенных вершинами в противоположные стороны, границы которых оконтурены двумя дуговидными линиями, а пространство между ними заполнено насечкой. Аналогичные короткие параллельные насечки, предположительно воспроизводящие стилизованное изображение шерсти, имеются также на животе и лапах животного. Его хвост, а также передняя и задняя лапы завершаются спиралевидными завитками. При этом, лапы сливаются с продолговато-удлиненными и схематично переданными лопаткой и бедром, образуя с ними единое целое.

По сравнению с зооморфной бутеролью из Аяниса, изображение на пластине из Сард является более схематическим. Стилизация осуществлялась через чрезмерно увеличенную передачу одних значимых элементов (голова), а также потерю или нивелировку других (ноздря, бедро и др.), при одновременном наличии каких-то собственных специфических черт (например, стилизованное изображение шерсти на лапах и животе, передача морды и пасти дуговидными линиями).

Ближайшие соответствия бутероли из Сард и, прежде всего, по наличию гипертрофированно переданных элементов (крупной головы с глазом, оформленным в виде концентрических кругов, а также ухом сердцевидной формы), обнаруживаются на костяных наконечниках ножен, украшенных изображениями свернувшегося хищника из Кармир-Блура (Армения) и Дарьевки (Украина) (рис. 3, 2, 3) [Бобринский, 1894, с. 132, рис. 13; Пиотровский, 1970; Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 35]. Эти памятники также имеют прямое отношение к пребыванию восточноевропейских кочевников в Передней Азии. Две последние находки сближаются между собой и схематично переданными короткими передними и задними лапами, располагающимися параллельно друг другу и являющимися продолжением неестественно расположенных и примыкающих друг к другу бедра и плеча животного (рис. 3, 2, 3).

Следует также отметить отсутствие изображения хвоста у свернувшегося хищника из Кармир-Блура, что перекликается с некоторыми другими «утраченными» компонентами, и в частности, замещением конца пасти окончанием хвоста на некоторых восточноевропейских изображениях свернувшегося зверя (Келермес, курган 24, Темир-Гора и др.) (рис. 3, 4).

Перечисленные выше находки из Сард, Кармир-Блура и Дарьевки следует относить к самостоятельной и более молодой по сравнению с бутеролью из Аяниса изобразительной группе свернувшегося хищника. Основной территорией ее распространения является Передняя Азия и юг Восточной Европы. Эта модификация рассматриваемого образа не находит аналогий в восточных районах Евразии в эпоху скифской архаики.

Информация о датировке костяной пластины из Сард является противоречивой и нуждается в дополнительном уточнении. В одних публикациях указывается, что она происходит из горизонта, датированного началом третьей четверти VII в. до н.э., а в других не исключается ее отнесение в секторе НоВ к концу VII – началу VI в. до н.э. [Hanfmann et al. 1966, p. 13–14; Greenewalt, 1973, p. 33–34; Луконин, 1977, с. 24, сн. 18; Greenewalt et al. 1990; Mitten, 1996, p. 138]. С более молодыми хронологическими напластованиями в секторе НоВ (“Lydian Trench”), помимо рассматриваемой бутероли, связываются еще нескольких костяных предметов, оформленных в зверином стиле. Имеется среди них и плохо сохранившийся костяной наконечник ножен, также предположительно украшенный изображением свернувшегося хищника (рис. 3, 10) [Greenewalt et al. 1990, p. 166, fig. 35]. Принимая во внимание эти материалы, дату рассматриваемой бутероли из Сард следует определять в рамках второй половины VII – начала VI в. до н.э.

Несколько находок, связанных с мотивом кошачьего хищника, происходит с территории Ирана. Одна из них, бронзовая бутероль, обнаружена случайно, тогда как другая, золотая бляха или навершие, соотносится со скифским пластом Зивие. Этот пласт, по мнению М. Н. Погребовой и Д. С. Раевского, представляет собой специфическое культурно-историческое явление вне зависимости от факта признания принадлежности его вещей к собственно «Саккызскому кладу» и даже самого существования этого «клада» как целостного археологического комплекса [Погрехова, Раевский, 1992; Махортых, 1994]. Оба упомянутых выше предмета отличаются оригинальностью исполнения, что, в значительной степени, объясняется сочетанием в них скифской и древневосточной изобразительных традиций, которые находилась в тесном взаимодействии друг с другом в VII–VI вв. до н.э.

Наибольшую близость с восточноевропейскими бутеролями обнаруживает находка из Ирана, точное местонахождение которой неизвестно (рис. 3, 7) [Луконин, 1977а; Переводчикова, 1983]. Она представлена литым бронзовым наконечником ножен подтреугольной формы, украшенным изображением свернувшегося зверя. Ноздря хищника выполнена в виде завитка, большое ухо имеет сердцевидную форму, глаз передан в виде небольшого геометризованного кружка. Бедро и лопатка животного, имеющие полуовальную форму, декорированы дуговидно-изогнутыми линиями и выступают (вместе с ухом) за контуры изображения.

Такие элементы как подтреугольная форма фигуры животного, узкая вытянутая морда с небольшим круглым глазом в центре, большое сердцевидное ухо, а также параллельно-встречное расположение ног, находят аналогии среди восточноевропейских изображений свернувшегося хищника эпохи скифской архаики (Темир-Гора, Нарган, курган 21 и др.) (рис. 3, 4, 6) [Артамонов, 1968, рис. 3; Батчаев, 1985, табл. 51, 20]. Вместе с тем, лотосовидная пасть, наличие специально выделенной «гривы», декорировка выступающих лопатки и бедра изогнутыми полосками относятся к древневосточным стилистическим особенностям.

Особо следует отметить присутствие в нижней части рассматриваемой бутероли полуовального выступа, являющегося автономным декоративным элементом и воспроизводящим лопатку животного. Аналогичное обособленное изображение лопатки, украшенной параллельными дуговидными бороздками, является характерным для ахеменидских бутеролей VI–V вв. до н.э. [Переводчикова, 1983, рис. 1]. Вместе с тем, истоки этого изобразительного приема восходят к более архаическим восточноевропейским изображениям хищников второй половины VII в. до н.э. (рис. 3, 4, 6) (Темир-Гора, Нартан курган 21 и др.), где подобные изображения лопаток также располагаются посередине нижнего основания наконечника ножен, однако они являются гладкими и не выступают за контуры изображения животного.

В этой связи, на себя обращают внимание кавказские бутероли из могильников Фаскау и погребения 258 Тлийского некрополя, украшенные изображением фигуры свернувшегося хищника, которые сближаются с рассматриваемым иранским наконечником ножен характером композиционного решения. Они также имеют в нижней части оригинальный выступ-бедро, оформленный, однако, в виде головки птицы и датируются в рамках VI в. до н.э. (рис. 3, 8, 9) [Техов, 1980, рис. 23, 5; Мошинский, 2006, рис. 8, 2; Вольная, 2015, с. 28].

Бутероль из Ирана, по всей вероятности, в хронологическом отношении располагается между восточноевропейскими раннескифскими находками типа Темир-Горы и ахеменидскими бутеролями. Ее, вероятно, следует датировать в рамках начала – первой половины VI в. до н.э.

Исследователи справедливо указывают в качестве прототипа зооморфных наконечников ножен акинаков ахеменидского времени из Ирана и сопредельных территорий близкие им раннескифские наконечники ножен, украшенные изображениями свернувшегося хищника [Сорокин, 1972; Bernard, 1976; Переводчикова, 1983]. Претерпев определенные стилистические изменения, этот образ был унаследован и получил дальнейшее развитие в искусстве ахеменидского Ирана, свидетельствуя тем самым о скифском вкладе в культуру Ахеменидов. Этот вывод является справедливым и в отношении некоторых других категорий материальной культуры (конические уздечные пронизи, бронзовые втульчатые трехлопастные наконечники стрел и пр.), которые были заимствованы населением Передней Азии у скифов и, благодаря посредничеству мидийцев, продолжали бытовать с некоторыми изменениями на этой территории и во время Ахеменидов [Махортых, 2018].

С территории Ирана, предположительно из Зивие, происходит еще один предмет, украшенный мотивом свернувшегося хищника (рис. 4, 1) [Ghirshman, 1964, p. 117, fig. 158]. Золотая бляха или навершие выполнена в виде диска с изображением зверя, вытянутое тело которого плавно изогнуто по кругу. Крупная голова располагается рядом с хвостом, окончание которого загнуто крючком и повернуто назад. Лапы изображены симметрично друг другу и заканчиваются крупными, слегка изогнутыми пальцами, при этом стопа задней лапы примыкает к коленному суставу передней. Мускулатура лап, особенно

Рис. 4. Изображения свернувшихся хищников: 1 – Зивие; 2–5 – Майемер; 6 – Краснодарское вдр.; 7 – Бельское городище. Масштаб изображений произвольный

более мощной, передней подчеркнута рельефными линиями. Морда – массивная удлиненная, нос – в виде закрученной спирали. Глаз имеет овальную форму с выступающим круглым зрачком. Сердцевидное ухо с вертикальной линией, разделяющей его на две части, плотно прижато к голове.

Изображение на пластине выглядит весьма своеобразным. Приемы стилизации практически всех основных его элементов (загнутая в спираль ноздря, глаз овальной формы с заостренными уголками, сильные когтистые лапы с изображением мускулатуры, наличие дополнительных зооморфных изображений на лопатке и пр.) указывают на теснейшую связь с древневосточной изобразительной традицией и ее изготовление передневосточным мастером, по мнению В. Г. Луконина, «в канонах искусства Ассирии и Урарту» [Луконин, 1977, с. 24].

Вместе с тем, следует обратить внимание на композиционную близость рассматриваемого иранского изображения свернувшегося хищника с изображениями на золотых бляхах VII–VI вв. до н.э. из Майэмира/Майемера (Казахский Алтай), а также на костяном наконечнике лука первой половины VI в. до н.э. из зольника 28 Западного укрепления Бельского городища (рис. 4, 2, 5, 7) [Артамонов, 1968; Баркова, 1983, табл. 1; Шрамко, 2015, рис. 2, 1, и]. Примечательно, что на упомянутых выше изображениях имеются признаки (зубастая пасть, спиралевидный кончик носа, мускулатура лап, намеченные пальцы и др.), позволяющие говорить о связи искусства древнего Алтая и лесостепной Скифии с искусством Переднего Востока.

Популярность образа свернувшегося хищника в раннескифское время и универсальность воплощаемой им идеи «символа возрождения», вероятно, обусловили его широкое распространение на огромной территории при сохранении индивидуальности и уникальности многих находок [Полидович, 1994; Богданов, 2006]. Бляха из Зивие, выполненная в древневосточной изобразительной традиции, также относится к их числу и является оригинальным воплощением образа свернувшегося хищника. По отдельным элементам прослеживается ее связь со скифским пластом Зивие и близкими ему по времени памятниками (сердцевидная форма уха, спирально изогнутая ноздря, декорировка туловища между лопаткой и бедром поперечным рифлением), тогда как другие (голова птицы на лопатке) указывают на VI в. до н.э., которым ее, вероятно, и следует датировать.

Пик стремительного и широкого распространения образа свернувшегося хищника в различных и удаленных друг от друга областях Евразии (Южная Сибирь, Алтай, Казахстан, Прикубанье, Поднепровье, и пр.) приходится на вторую половину VII – начало VI в. до н.э. Особенно следует подчеркнуть тот факт, что различные модификации этого образа зачастую встречаются в одних и тех же закрытых комплексах (рис. 4, 2–5; 5, 1–10) (Келермес курганы 1/Ш и 2/В, Уйгарак курган 33, Чиликты/Шиликты курган 5, Майемер и др.). Этот факт указывает не только на значительную популярность данного образа в раннескифское время, но и на активные контакты представителей различных художественных традиций и ювелирных техник в рамках переднеазиатских

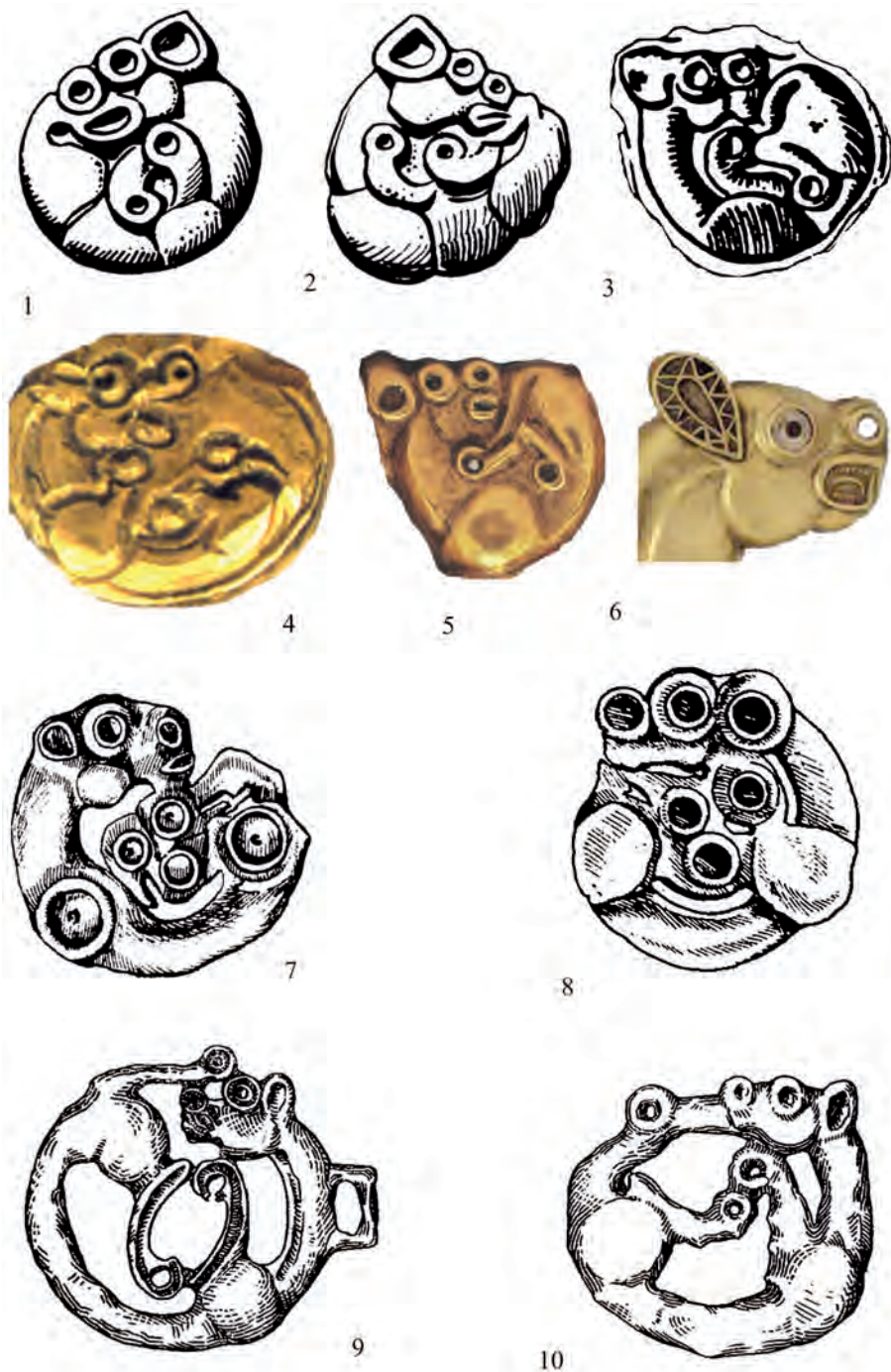

Рис. 5. Изображения свернувшихся хищников: 1–3 – Келермесский мог., к. 2/В; 4–6 – Келермесский мог., к. 1/Ш; 7–8 – Шиликты, к. 5; 9–10 – Уйгарак, к. 33. Масштаб изображений произвольный

походов кочевников, что приводило к симбиозу стилистических приемов. При этом влияние шло как с востока на запад, так и в обратном направлении, что обуславливает сложность поиска единого гипотетического центра происхождения образа свернувшегося хищника.

Обобщая приведенную выше информацию, можно сделать ряд выводов.

Передняя Азия относится к числу регионов, где образ свернувшегося хищника получил заметное распространение в эпоху скифской архаики. Там он представлен на обширной территории от Ирана на востоке до Восточного Средиземноморья на западе. При этом прослеживается устойчивая связь изобразительного мотива с наконечниками ножен акинака, что является характерным и для близких находок на территории юга Восточной Европы, тогда как в восточных областях Евразии эта категория материальной культуры не получила распространения.

Изображения свернувшегося хищника на Древнем Востоке, впрочем, как и в большинстве регионов Евразии, демонстрируют отсутствие единого изобразительного канона. Они представлены несколькими изобразительными группами, специфика которых проявляется как в различных способах воплощения и приемах стилизации этого образа, так и хронологической позиции изделий, наличии или отсутствии параллелей в западных и/или восточных областях «скифского» мира и пр. Вместе с тем, рассматриваемые предметы демонстрируют синтез и взаимовлияния разнородных культурных традиций, что зачастую приводило к появлению новых интерпретаций и художественных приемов изображения, которые, в свою очередь, становятся приоритетными в скифской культуре.

Основной период бытования изображений свернувшегося хищника на Древнем Востоке охватывает вторую половину VII – начало VI в. до н.э. Вместе с тем, претерпев определенные видовые и стилистические изменения, этот образ продолжает бытовать на территории Ирана и сопредельных областях в VI–V вв. до н.э., став одним из слагаемых культуры ахеменидского Ирана.

Примечания

1 – довольно редкими являются зооморфные бутероли, украшенные изображениями свернувшегося хищника, и в лесостепном Поднепровье (Макеевка курган 453, Шпола, Старшая Могила), тогда как основной территорией их распространения в VII–VI вв. до н.э. были Северный и Центральный Кавказ (около 10 экз).

2 – трактовка зверя на бутероли как изображения лошади [Çilingiroğlu, 2018, p. 21] представляется мне ошибочной.

Литература

- Артамонов М.И.* Происхождение скифского искусства // СА. 1968. № 4. С. 27-45.
Баркова Л.Л. Изображение свернувшегося хищника на золотых пластинах из Майэмира // АСГЭ. 1983. № 24. С. 19-31.
Батчаев В.М. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1985. С. 7-115.

Бобринской А.А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. СПб., 1894. Т. II. 225 с.

Богданов Е.С. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. 238 с.

Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. М.: Наука, 1973. 158 с.

Вольная Г.Н. Наконечники ножен с изображением головы из памятников раннего железного века Центрального Кавказа и их аналогии в скифо-сибирском зверином стиле // РА. 2015. № 1. С. 19-31.

Галанина Л.К. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. М.: Палеограф, 1997. 264 с.

Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы. М.: Палеограф, 2001. 324 с.

Ильинская В.А. Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве // СА. 1971. № 2. С. 64-84.

Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев: Наукова думка, 1983. 380 с.

Курочкин Г.Н. Изображения свернувшегося хищника в тагарском искусстве // КСИИМК. 1993. Вып. 207. С. 59-67.

Луконин В.Г. Искусство древнего Ирана. М.: Искусство, 1977. 230 с.

Луконин В.Г. Археологические памятники Ирана второго — первого тысячелетий до н.э. и новые поступления в отдел Востока // СГЭ. 1977а. XLII. С. 46-51.

Махортых С.В. Рец.: Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и Древний Восток // РА. 1994. № 3. С. 230-235.

Махортых С.В. Распределители ремней конской упряжи VII–VI вв. до н.э. в Закавказье и Передней Азии // АДГУ. 2018. № 2 (27). С. 35-50.

Мошинский А.П. Древности горной Дигории VII–IV вв. до н.э. М.: ГИМ, 2006. 208 с.

Пиотровский Б.Б. Кармир-Блур. Л.: Аврора, 1970. 90 с.

Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и древний Восток. М.: Наука, 1992. 260 с.

Полидович Ю.Б. О мотиве свернувшегося хищника в скифском “зверином” стиле // РА. 1994. № 4. С. 63-78.

Полидович Ю.Б. К истокам скифского искусства: происхождение мотива свернувшегося хищника // РА. 2001. № 3. С. 25-34.

Сорокин С.С. Свернувшийся зверь из Зивие // СГЭ. 1972. Вып. 34. С. 75-78.

Сорокин С.С. Отражение мировоззрения ранних кочевников Азии в памятниках материальной культуры // Культура Востока. Древность и ранее средневековье. Л.: Аврора, 1978. С. 172-191.

Техов Б.В. Скифы и Центральный Кавказ в VII–VI вв. до н.э. М.: Наука, 1980. 92 с.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племён тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 300 с.

Шкурко А.И. Об изображении свернувшегося в кольцо хищника в искусстве лесостепной Скифии // СА. 1969. № 1. С. 31-39.

Шрамко И.Б. Роговые наконечники луков с Западного Бельского городища // ТГЭ. 2015. Т. 77. С. 487-511.

Barbier J.P. Art des steppes: ornements et pièces de mobilier funéraire scytho-sibérien dans les collections du Musée Barbier-Mueller. Genève: Musée Barbier-Mueller, 1996. 75 p.

Çilingiroğlu A. Ayanis Fortress: The Day After the Disaster // *Urartians: A Civilization in the Eastern Anatolia*, Istanbul, 2018. P. 13-26.

Çilingiroğlu A., Salvini M. Historical background of Ayanis // *Ayanis I: Ten Years' Excavations at Rusahinili Eiduru-kai, 1989–1998*. Roma: Istituto per gli Studi Micenei ed Egeo-Anatolici, 2001. P. 25-36.

Derin Z., Muscarella O.W. Iron and bronze arrows // *Ayanis I: Ten Years' Excavations at Rusahinili Eiduru-kai, 1989–1998*. Roma: Istituto per gli Studi Micenei ed Egeo-Anatolici, 2001. P. 189-218.

Dusinbere E. Ivories from Lydia // *The Lydians and their world*. Istanbul, 2010. P. 191-200.

Ghirshman R. *Perse: Proto-iranies, Médes, Achéménides*. Paris: Gallimard, 1963. 443 p.

Ghirshman R. *The arts of ancient Iran: from its origins to the time of Alexander the Great*. New York: Golden Press, 1964. 439 p.

Greenewalt G.H. The Fifteenth campaign at Sardis (1972) // *Bulletin of the American Schools of Oriental Research*. 1973. No. 211. P. 14-36.

Hanfmann G.M.A., Swift G.F., Mitten D.G., Whittlesey J. The Eighth campaign at Sardis (1965) // *Bulletin of the American Schools of Oriental Research*. 1966. No. 182. P. 2-54.

Kossack G. *Von den Anfängen des skytho-iranischen Tierstils // Skythiaka*. Munich: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1987. P. 24-86.

Mitten D.G. A new look at ancient Sardis // *Biblical archaeologist*. 1966. XXIX. P. 38-68.

Mitten D.G. Lydian Sardis and the Region of Colchis : Three Aspects // *Sur les traces des Argonautes. Actes du 6e symposium de Vani (Colchide), 22–29 septembre 1990*. Besançon: Université de Franche-Comté, 1996. P. 129-140.

Piotrowski B., Galanina L., Gratsch N. *Scythische Kunst*. Leningrad: Auropa, 1986. 183 p.

Potraz H.A. Die Skythen und Vorderasien // *Orientalia*. 1959. 28 (1). P. 57–73.

О. В. Аникеева

САКРАЛЬНАЯ ПОДВЕСКА ИЗ ФИЛИППОВСКОГО КУРГАНА КАК ОТРАЖЕНИЕ ДРЕВНЕИРАНСКОГО КУЛЬТА, АДАПТИРОВАННОГО РАННИМИ КОЧЕВНИКАМИ ЮЖНОГО УРАЛА

Статья посвящена публикации уникального ювелирного изделия, найденного в нетронутом грабителями захоронении знатной женщины раннесарматского элитного могильника на Южном Урале. Анализ контекста предмета в погребении и выявленных особенностей его технологии изготовления и конструкции убедительно показали, что предмет не носился как украшение в повседневной/светской жизни, а служил драгоценной реликвией, которая могла использоваться только кратковременно в религиозных церемониях и ритуальных практиках. Детальное исследование технологии изготовления позволяет реконструировать способы крепления и использования предмета. Поиски аналогий образам, представленным на центральном медальоне, позволили уточнить их семантику и предложить смысловую нагрузку составленной композиции. Ее центральным персонажем является священное дерево, охраняемое божественной силой «khvarenah», представленного в двух ипостасях – крылатого солнечного диска и священных птиц Veraghna. Общий смысл ритуалов отражает идею прумножения плодородия во всех его проявлениях: обеспечении благополучия и прумножения потомства, здоровья, богатства и преуспевания рода.

Ключевые слова: ранние кочевники Южного Приуралья, могильник Филипповка 1, дисковидное изделие, конструкция, способ крепления, композиция, сюжет медальона

Ежелгі Иранның ғұрыптық бейнесі түріндегі, Оңтүстік Оралдың ерте көшпенілеріне бейімделген Филиппов обасынан табылған қасиетті алқа

Мақала Оңтүстік Орал жеріндегі ерте сармат кезеңімен мерзімделетін, ақсүйек әйел адамның тоналмаған жерлеу орнынан табылған өте сирек кездесетін зергерлік бұйымға арналады. Жерлеу орнынан кездескен бұйымның сипаттамасы мен оның дайындалу технологиясы алқаның күнделікті өмірде әшекей ретінде тағылмай, тек діни рәсімдерде қолданылғандығын көрсетеді. Дайындау технологиясын егжей-тегжейлі зерттеу арқылы бұйымды пайдалану мен бекіту тәсілдерін қайта қалпына келтіруге болады. Орталық медальондағы бейнелердің ұқсас түрлерін іздеу олардың семантикасын анықтауға және құрастырылған композицияның мағынасын түсіндіруге мүмкіндік береді. Оның ортасындағы кейіпкерге қанатты күн табағы (диск) және Veraghna қасиетті құсымен ұсынылған құдайдың күші «khvarenah» арқылы қорғалатын қасиетті ағаш жатады. Бұл рәсімнің жалпы мәні ұрпақ жалғастығын арттыру: ұрпақтардың өсіп-өнуін, денсаулығын, байлығын қамтамасыз ету.

Түйін сөздер: Оңтүстік Оралдың ерте көшпенілері, Филипповка 1 қорымы, диск тәріздес бұйым, құрылысы, бекіту тәсілдері, композиция, медальон сюжеті

**Sacral pendant from the Filipovka 1 burial mound,
as a reflection of the ancient Iranian cult,
adapted by the early nomads of the Southern Urals**

The article is dedicated to the publication of the unique jewelry, which was found in the unrobed elite female grave-pit of the Early Sarmatian burial ground (Southern Urals). The burial context of item convincingly showed that this item was not worn as a decoration in social life, but it was the precious relic used in religious ceremonies and ritual practices very briefly. A detailed study of manufacturing technology allows us to reconstruct the fastening ways and application methods for this jewelry. The established analogies of medallion images made it possible to clarify its compositional semantics. The sacred tree is placed in the center of the medallion. It is guarded by the divine power of «khvarenah» deity. “Khvarenah” is presented by two guises - the winged sun disc and the sacred Veraghna birds. The general ritual meaning reflects the idea of increasing fertility, ensuring the well-being and multiplying of the offspring, health, wealth and prosperity of the family.

Keywords: South Urals early nomads, Filipovka 1 burial ground, disk-shaped jewelry, construction, fastening method, imagery composition, medallion plot

При исследовании в 2013 г. царского кургана 1 могильника Филипповка 1 Приуральской археологической экспедицией ИА РАН под руководством Л. Т. Яблонского было обнаружено нетронутое грабителями захоронение женщины, которая умерла в возрасте 35–40 лет [Яблонский, 2014, с. 6]. Оно располагалось под восточной полкой кургана вблизи края насыпи, имело прямоугольную в плане форму и общие размеры 3,6×2,6 м. Длинной осью могила была ориентирована в направлении края насыпи кургана в данном секторе. Глубина ямы составляла 3,7 м. На уровне погребенной почвы, вдоль южной стенки и в заполнении южного сектора могильной ямы, были зафиксированы крупные остатки бревен деревянного перекрытия погребальной камеры. Погребённая лежала на спине, головой в южный сектор, в вытянутом положении на спине. По совокупности необычайно богатого и типологически разного сопровождающего инвентаря захороненная женщина обладала высоким социальным статусом [Яблонский, 2014, с. 5–6; Аникеева и др., 2017, с. 5, 11; 2018, с. 211–212].

Среди разнообразных украшений выделяется группа ювелирных изделий, основной функцией которых являлось их использование в религиозных церемониях и ритуальных практиках, а не в бытовой/светской жизни: дисковидное изделие с разнообразными подвесками [Яблонский, 2016а, с. 748–749; Yablonsky, Treister, 2019, p. 748–749]; серебряное зеркало с трехчастной мифологической композицией, наборы для нанесения татуировок, кожаный ремень с разнообразными подвесками [Яблонский, 2014, с. 5; 2015, с. 98, 100; 2016б, с. 15–16], амулет-подвеска и бусина-пронизь [Яблонский, 2016а, с. 747; Аникеева, Яблонский, 2019а, с. 65–67], каменные печати.

Когда мы работаем с предметами из погребений, то предполагаем, что сопровождающий погребенных инвентарь до определенной степени отражает их функции и социальный статус при жизни. Это только предположение, поскольку в могиле порядок и расположение инвентаря определял не сам погребенный, а другие люди, собиравшие инвентарь в соответствии с тем,

что они знали о его использовании при жизни. Поэтому все построения и интерпретации, высказанные ниже, сделаны исходя из контекста рассматриваемого погребения, когда отнесение конкретного предмета в группу «семантических» атрибутов определялось его местоположением в погребении, анализом образов, присутствующих в его декоре, особенностями конструкции, позволяющими предложить способ использования.

Дисковидное изделие (рис. 1), которому посвящена эта работа, находилось в пределах большого короба в изголовье слева от погребённой. Изделие лежало лицевой стороной диска вниз, все подвески на цепочках, обрамляющие края центрального диска, были аккуратно закинута на обратную сторону диска [Яблонский, 2016а, с. 748–749; Аникеева и др., 2018, с. 212–213; Yablonsky, Treister, 2019, p. 123–126]. В ряде статей его положение указано между коробом и черепом погребенной [Яблонский, 2015, с. 100–101; Яблонский, 2016а, с. 748–749; 2016б, с. 15; Аникеева и др., 2017, с. 9–10; 2018, с. 212–213; Yablonsky, Treister, 2019, p. 123–126]. Однако мы определенно можем говорить, что оно лежало в коробе (характерное комковатое заполнение и сохранившиеся сверху фрагменты деревянного перекрытия аналогичны заполнению и лубу нижней части короба) и предназначалось не для украшения элементов одежды, а для использования в культовых действиях.

Рис. 1. Могильник Филипповка 1, к. 1, п. 2.
Центральный медальон ювелирного изделия

В результате анализа технологии изделия [подробно см. Аникеева, Яблонский, 2019в, с. 50–57] были установлены следующие характерные признаки, основываясь на которых мы предположили вероятную модель использования изделия:

1. на двух из четырех полос крепления, расположенных горизонтально относительно композиции на лицевой стороне (рис. 3), имеются две локальные группы царапин, имеющих одно направление и уходящих под дужки крепежных скоб. Царапины сделаны заостренным предметом, их расположение и направление свидетельствует о применении швейной иглы. Тогда пришивание диска проводилось неоднократно за две полосы, параллельные коротким пятизвенным цепочкам и фиксирующие позицию предмета в положении верх-низ. У двух других перпендикулярно расположенных скоб подобные следы отсутствуют;

2. семь коротких цепочек (рис. 2; 3) в верхнем секторе диска прикреплены изнаночной (оборотной) стороной, украшающие их подвески видны, только если они перекинuty на лицевую сторону медальона, в этом положении их концевые подвески закрывают изображение крылатого солнечного диска в верхнем ярусе медальона;

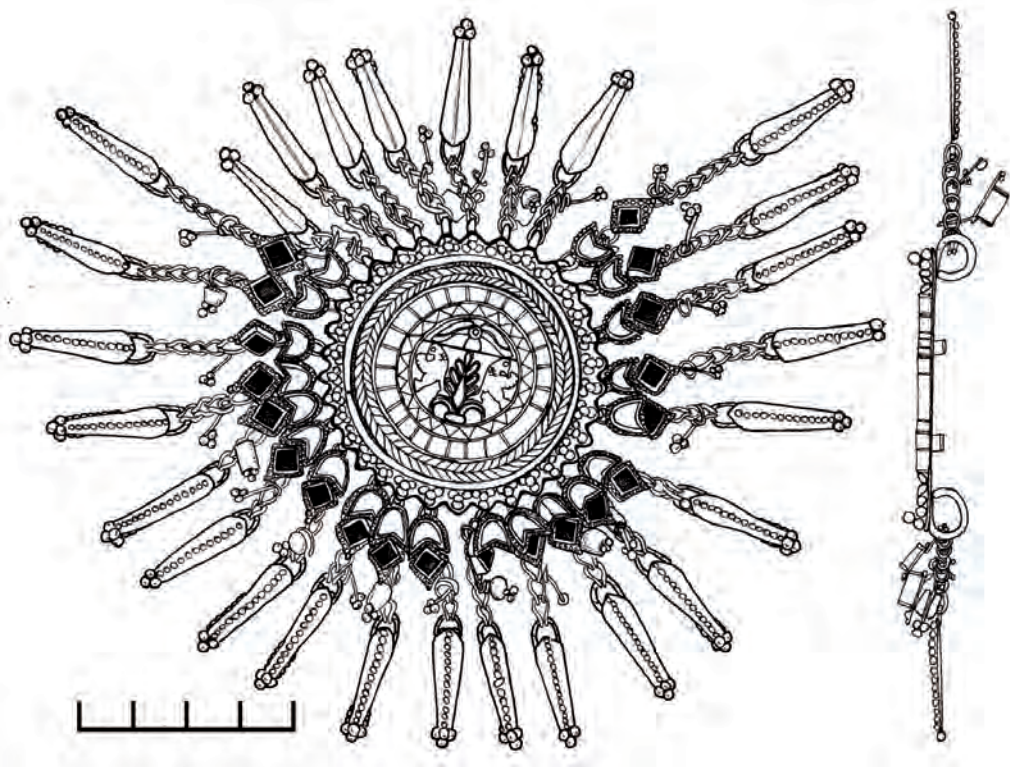

Рис. 2. Могильник Филипповка I, к. 1, п. 2.
Ювелирное изделие – подвеска, лицевая сторона. ОГИКМ 20283/4

3. петли для крепления цепочек (расположены радиально вдоль фестончатого края диска, под пирамидками зерни) припаяны к основе диска одним концом, второй конец оставлен не припаянным для свободного надевания/снятия цепочек. Это подразумевает возможность изменения положения цепочек вдоль диска.

Остановимся подробнее на конструкции крепления изделия (рис. 3), поскольку вопрос о том, для чего предназначался этот предмет, во многом упирался в определение, где этот предмет принято было носить и куда же он крепился. Детальное исследование крепления ювелирного изделия было проведено под руководством реставратора высшей категории по реставрации изделий из металла М. В. Нацким (ГОСНИИР, Москва), за что автор приносит ему глубокую благодарность.

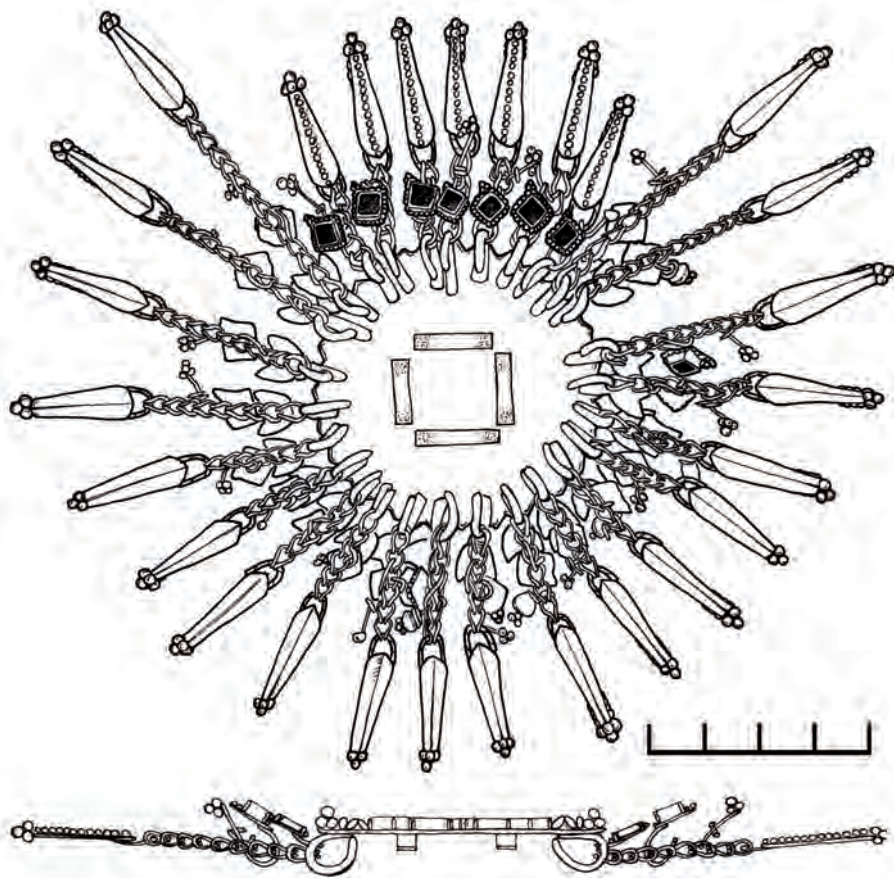

Рис. 3. Могильник Филипповка 1, к. 1, п. 2.
Ювелирное изделие – подвеска, оборотная сторона. ОГИКМ 20283/4

В центре оборотной стороны диска припаяны четыре крепежные скобы из золотой полосы (1,3×0,3 см), образующие каре, которые в центральной части профиля имеют отступ в форме арки для крепления. Под двумя скобами, расположенными по вертикали относительно изображения на медальоне, видны царапины и потертости одного направления, которые отсутствуют на двух боковых скобах. Трасология царапин, проведенная М. В. Нацким, показывает, что они были сделаны заостренным предметом типа «швейной» иглы. Тогда пришивание изделия проводилось преимущественно за две дужки, фиксирующие вертикальное расположение медальона.

По мнению М. В. Нацкого, с точки зрения традиционной ювелирной техники единственным рациональным положением предмета являлось его *стационарное* горизонтальное крепление к верхнему торцу вертикального стержня за четыре скобы оборотной стороны диска. Конструкция крепежных петель допускает пришивание, притягивание ремешками, использование штифтов и т.п., поэтому и сам стержень мог быть из плотной ткани, кожи, дерева, металла. Это оправдывает большой диаметр колец петель диска, позволяющий элементам свободно раскачиваться. Вертикальное положение он считает неэстетичным, так как при креплении на перпендикулярном диску стержню элементы, оказавшиеся сверху, при откидывании назад становятся не видны. Если перекинуть их вперед, нижние привески цепочек закроют изображение медальона; цепочки в *стационарном* положении будут тереться об элементы диска (что по трасологии не установлено); привески с кастами и бусинами будут хаотически свешиваться и перепутываться, цепочки не могут *стабильно* удерживаться на лицевой стороне из-за конструкции петель.

М. Ю. Трейстер также предлагает горизонтальное крепление украшения, так как форма скоб крепления подразумевают крепление предмета к мягкой основе. Он считает маловероятным, что украшение являлось навершием жезла, так как в этом случае способ его крепления к жесткой основе (камень, дерево, металл) был бы иным (не уточняя каким). На этом основании он определил предмет как навершие, украшавшее головной убор [Yablonsky, Treister, 2019, p. 123].

Отметим, что М. В. Нацкий и М. Ю. Трейстер однозначно считают, что предмет использовался в *стабильном* (зафиксированном в определенной позиции) положении и служил навершием для украшения вертикального стержня/посоха или головного убора.

Мы считаем, что предмет в повседневной жизни не употреблялся, а использовался кратковременно при отправлении ритуалов, т.е. в постоянном движении. Тогда важной функцией предмета являлось разнообразные положения диска в движении, цель которого заключалась во взаимодействии подвижных цепочек/подвесок с персонажами композиции медальона: они могли скрывать и полностью открывать изображение или частично перекрывать определенный элемент композиции в зависимости от производимых движений. Важно, что в ходе церемонии позиция диска изменялась.

Привески на семи коротких цепочках сверху, крепленных оборотной стороной, играют, только если они перекинута на лицевую сторону медальона, при этом они закрывают изображение крылатого солнечного диска в верхнем ярусе медальона, акцентируя внимание на дереве и двух птицах в центре. Изменение бокового угла наклона позволяет длинным боковым цепочкам перекрывать фигуру одной из птиц. Это возможно при наклонно/вертикальном положении диска. Кратковременность использования объясняет отсутствие потертостей, которые появились бы на диске при трении цепочек о диск при постоянном вертикальном положении предмета. Большой диаметр крепежных петель диска позволяет цепочкам свободно перемещаться при движении и согласуется с результатами трасологического анализа поверхностей крепления изделия, показывающими, что пришивание изделия неоднократно проводилось за две дужки, фиксирующие вертикальное расположение медальона.

Т.е. в зависимости от сценария религиозной церемонии и поз, необходимых для проведения, предмет крепился в определенном участке тела человека, осуществляющего культ, горизонтально (на плече или голове) или вертикально (на груди, спине или руке), в ходе церемонии его позиция постоянно менялась. При этом трасология следов крепления предмета показывает большую вероятность вертикально/наклонного крепления, а дошедшее до нас расположение цепочек (п. 2) показывает, что сценарий культа включал закрывание/открывание крылатого диска в верхнем ярусе медальона.

Очевидно, целью культовых действий являлось то или иное взаимодействие с основными персонажами, представленными на композиции центрального медальона украшения и олицетворяющих то или иное божество. Рисунок полихромного медальона (рис. 1) выполнен в технике перегородчатой инкрустации (клуазонне). По внутреннему краю медальона расположены две окружности. Одну составляют четырехугольные ячейки: шаг орнамента определяется цветом вставок – синяя-бирюзовая-красная-бирюзовая. Вторая окружность с треугольными ячейками, которые по цвету образуют два кольца: внешнее – с чередующимися синими и красными треугольниками, внутреннее – из бирюзовых треугольников. Центральная композиция представлена двумя ярусами, разделенными горизонтальной перегородкой. В верхнем ярусе на бирюзовом трапециевидном основании помещено изображение крылатого солнечного диска. Отметим, что диск изображен с помощью двух кольцевидных перегородок, диаметр которых уменьшается к центру, который фиксирован центральной точкой. В центре нижнего яруса расположено мировое древо, выполненное также из красного и бирюзового стекла. Оно стоит на основании бирюзового цвета. Его красные серповидные корни симметричны и опущены вниз. Голубой удлиненный ромбический ствол окаймлен ветвями/листьями бирюзового и красного цвета. По бокам древо охраняют две птицы, выполненные из плоских золотых пластин. Изображения симметричные, профильные: голова, хвост и крыло каждой птицы повернуты от центра к краю диска, туловище изогнуто и расположено по контуру древа жизни.

Лапы птиц сверху опираются на дуги корней, головы остроклювые, показано отставленное в сторону крыло с загибающимся вверх концом. Обрезанный по прямой линии конец хвоста направлен вниз. На голове гравировкой выделены круглые глаза, на шее – фрагменты оперения.

М. Ю. Трейстер, анализируя сюжет композиции, однозначно относит изображение крылатого диска к символике верховного ахеменидского бога Ахура Мазды и на этом основании относит композицию к ахеменидским религиозным сюжетам. Упомянув изображение пальметты при описании, он опускает семантику изображения (что объяснимо, так как в ахеменидских сюжетах подобная иконография пальметты/дерева не известна, а ее иные изображения являются вторичными элементами композиции, разделяющими ее центральные сцены). Проводя параллели сюжету среди вещей ахеменидского круга, он приводит изображение на верхнем фризе из пекторали, найденной, предположительно, в районе Ардебиль на северо-западе Ирана и датирующейся первой третью IV в. до н.э., где симметричные фигуры птиц изображены по бокам фигуры Ахура Мазды, а крылатый диск отсутствует [Yablonsky, Treister, 2019, p. 125–126].

Л. Т. Яблонский считал, что «в центре украшения изображено мировое древо с охраняющими его крону мифологическими птицами симургами, частично покрытыми рыбьей чешуей. Корни дерева уходят в подземный мир. Венчает композицию распростершая крылья главная птица симург – охранительница» [Яблонский, 2014, с. 5].

Образ «мирового (космического) древа»¹ («древа жизни», «древа плодородия») появляется в глиптике северной Месопотамии в III тыс. до н.э. и распространяется в странах восточного Средиземноморья во II тыс. до н.э. [Michaux-Colombot, 2008, p. 349, Pl. I, 1, 2, 8, 10, 17, 20; p. 350, Pl. II, 28; fig. 14, A–E]. О семантике и иконографии стилизованного дерева в искусстве Месопотамии написано много [укажем лишь Giovino, 2007]. Ряд фактов свидетельствует о том, что образ Д. м. соотнесён с общей моделью брачных отношений и — шире — с преемственной связью поколений в ветвях которого плодились души людей, спускавшиеся затем в виде птичек на землю, чтобы войти в чрево женщины из этого рода. Таким образом, все три яруса Д. м. — вершина, ствол и корни — и связанные с ними три класса животных по своему отражают идею зачатия и плодородия. Горизонтальная структура Д. м. образуется самим деревом и объектами по сторонам от него. Отчётливее всего она обнаруживается в связи со стволом. Если вертикальная структура дерева связана со сферой мифологического, прежде всего, космологического, то горизонтальная структура взаиморасположения и окружения дерева соотнесена с ритуалом и его участниками. Вся последовательность элементов по горизонтали воспринимается как сцена ритуала, основная цель которого — обеспечение благополучия, плодородия, потомства, богатства. Сам же ритуал может трактоваться как прагматическая реализация мифа, проекция «мифологического» в сферу «ритуального».

На основании космогонических текстов можно, видимо, гипотетически предположить ритуальную схему, приуроченную к священному дереву: 1) исходное положение — мир в любой момент может разрушиться в хаосе; задача ритуала — интегрировать космос из составных частей жертвы, зная правила отождествления, заданные мифопоэтическими классификациями; 2) жрец произносит текст и совершает движения по сценарию ритуальной практики (над жертвой на алтаре или в сакральном месте вблизи другого образа дерева жизни, символизирующего сакральный центр мира); 3) обращение к мировому дереву как образу вновь воссозданного порядка с молитвами и просьбами.

Таким образом, дерево жизни выступает как посредствующее звено между вселенной (макрокосмом) и человеком (микрокосмом) и является местом их пересечения. Образ священного дерева гарантировал целостный взгляд на мир и определение человеком своего места во вселенной.

Образ священного дерева зафиксирован практически повсеместно в Ассирии и Урарту. Примененная схема – дерево, фланкируемое фигурами (в данном случае хищных птиц), с крылатым солнечным диском в изголовье – типично новоассирийская. Ее истоки уходят в начало II тыс. до н.э., что для нас в данный момент не так важно как то, что такая композиционная схема вошла в моду с первой половины IX в. до н.э. [Пиотровский, 1959, с. 228, 238–240, 248–254; Giovino, 2007, figs. 1, 13–16, 22, 37–38, 56; Batmaz, 2013, p. 71 83; figs. 11–15, 17–19, 25, 26, 28, 38]. Она активно тиражировалась в VIII–VII вв. до н.э. благодаря глиптике и тканям, композиции вышивок на которых сохранились для нас новоассирийские рельефы. Территория Урарту, видимо, являлась плацдармом для распространения ассирийской изобразительной схемы со стилизованным (священным) деревом. Яркий пример – найденная на Кармир-Блуре стеатитовая шкатулка. На ее круглой крышке изображено священное дерево, окруженное фигурами крылатых гениев с птичьими головами; над деревом помещен крылатый солнечный диск, а по краю шкатулки – орнамент из переплетающихся окружностей с точкой в центре [Пиотровский, 1959, с. 188; 1970, ил. 98].

Иконография дерева на филипповском медальоне отличается от ассирийской и урартской изобразительной системы. Образ на филипповском медальоне сильно стилизован (см. выше), что, очевидно, отражает процесс активного тиражирования образа на поздней стадии. Аналогов ему среди ассирийских или урартских изображений не найдено. Наиболее близкой аналогией является дерево с девятью ветвями на серебряной чаше, по данным А. Судавар происходящей из западного Ирана и датированной поздним VII в. до н.э. [Soudavar, 2018, p. 26, fig. 22]. Очевидно, количество ветвей на дереве было обусловлено символикой проводимого ритуала. Преобладает изображение деревьев с девятью ветвями, деревья с семью ветвями встречаются реже [Michaux-Colombot, 2008, p. 249, Pl. I, 17; Batmaz, 2013, p. 71, 73, 77, figs. 11, 17, 19, 28a].

На филипповском медальоне изображение крылатого солнечного диска связано, безусловно, не с ахеменидской символикой Ахура Мазды, так как иконография диска совершенно иная. Он изображен в форме трех окружностей с уменьшающимися к центру диаметрами. Это символика абстрактного божества Хварна (Хварно, Фарр), обозначаемое «khvarenah (khvarnah)» и являющееся символом божественной силы (обеспечивающую фортуны), «дарующую сияние (славу), божественную благодать великому (правителю, герою) и сопровождающую его пока он справедлив (беспристрастен)» [Kia, 2016, p. 211]. Его популярность была особенно высока у иранских племен доахеменидского периода на территории Мидии. Исходя из анализа религиозной символики в ахеменидской иконографии, его популярность по-прежнему велика в сатрапиях ахеменидского Ирана.

Роль священников в иранской религии в более ранний период Мидии была описана как толкователи снов и королевские советники. И Геродот, и Страбон упоминают традиционные религиозные различия между персидскими и мидийскими жрецами. Они сообщают, что у иранцев не было храмов или святынь, и они молились на открытом воздухе или на вершине горы (Геродот, История I.131; Страбон XV3.13). Этот тип поклонения также показан в иконографии Ахеменидов, особенно в ритуальных сценах на гробницах персидских царей после Дария. Несмотря на свои ранние политические разногласия со жрецами, персидские цари держали их на службе, а некоторые из них занимали административные должности. Жрецы иногда проявляются в искусстве ахеменидского периода. Хорошим примером является рельеф из Даскилиона в Малой Азии, на котором изображены два иранских жреца, один из которых, очевидно, без бороды, стоит перед храмом с головами жертвенного быка и барана, установленными на алтаре. В одной руке они держат усики (барсомы), а другая поднята в знак молитвы. Их носы и рты покрыты нижней частью их тюрбанов. У магов была традиция прикрывать рты, когда они стояли перед священным огнем, чтобы спасти его от загрязнения своим дыханием. Та же традиция существует сегодня среди зороастрийских священников, которые покрывают свои рты куском ткани, называемой падам. Барсим/барсом является еще одним свидетельством того, что священники участвуют в ритуале/церемонии [Curtus, Tallis, 2005, p. 152, fig. 57, p. 153].

В рельефах дворца в Персеполе изображены люди, одетые таким образом, поднимающиеся по лестницам дворцов с едой и животными [Curtus, Tallis, 2005, cat. 40, 47]: эти фигуры ранее считались слугами. На фрагменте глазурованного кирпича от Сузы изображен безбородый священник в белом головном уборе [Curtus, Tallis, 2005, cat. 54]. Это важно, так как белый цвет был знаком для священников в иранской религии. Есть также другой пример того же головного убора в черном цвете, но это может быть признаком священника более низкого ранга.

Ахеменидский период является хорошим примером сотрудничества между жрецами различных племен, отличающихся по религиозным воззрениям.

Интерпретируя символику и назначение птиц, изображенных по бокам сакрального дерева, мы обратились к источникам, где упоминается священная птица. В арийской традиции Шьена/Саэна-Симург помещался на вершине «мировой горы», что позволяет связать его образ с тем или иным вариантом «мирового древа», поскольку «мировое древо» находилось на вершине «мировой горы» в верованиях индийцев и иранцев. На филипповском медальоне обе птицы отвернулись от дерева, контуры их ног и спины параллельны стволу дерева, мощные лапы стоят на корнях дерева, отогнутые в сторону хвосты внизу замыкаются на внешнем бортике медальона, а макушки голов смыкаются с концами крыльев крылатого диска. Таким образом, ствол и листья дерева вписаны в замкнутое пространство, сверху закрытое размахом крыльев солнечного диска, с боков ограниченное замкнутыми контурами птичьих фигур. Не исключено, что они несут смысловую нагрузку, связанную с изображением крылатого диска, но совершенно отчетливо проявляется их значение как хранителей священного дерева.

В Персеполе найдена табличка с изображением птицы, иконография которой идентична изображениям на филипповском медальоне [Soudavar, 2005, p. 127, fig. 12.8], но ее поза отличается: с распростертыми крыльями и расставленными лапами с тройственным изображением священной сферы «khvarenah» – две в расставленных лапах и одна в изголовье. Согласно легенде, отраженной в Авесте, птица из семейства соколиных по имени Veraghna являлась с одной стороны хранительницей святыни, с другой стороны – только она могла как приносить сияние «khvarenah», так и забрать его.

Подводя итог проведенному исследованию, надо сказать, что анализ контекста представленного ювелирного изделия в погребении и выявленных особенностей его технологии изготовления и конструкции убедительно показали, что предмет не носился как украшение в повседневной/светской жизни, а служил драгоценной реликвией, которая могла использоваться только кратковременно в религиозных церемониях и ритуальных практиках. Остальное время она бережно хранилась, аккуратно сложенной, среди других сакральных предметов в коробе.

Определенная композиция персонажей в филипповском медальоне показывает, что ее центральным персонажем является священное дерево, охраняемое божественной силой Хварны, представленного в двух ипостасях – крылатого диска и священных птиц Veraghna. Мы можем определить общий смысл ритуалов, в которых участвует священное дерево, отражающих идею преумножения плодородия во всех его проявлениях: обеспечении благополучия и преумножения потомства, здоровья, богатства и преуспевания рода...

Использованная в медальоне композиционная схема – новоассирийская, появилась в начале IX в. до н.э. и активно тиражировалась, начиная с VIII–VII вв. до н.э., в Урарту и, вероятно, в доахеменидской Мидии. Находка этой уникальной реликвии в раннекочевническом погребении, датирующимся в пределах IV в. до н.э., свидетельствует не только о широкой приемственности

религиозных постулатов, продолжающих существовать в саграпиях ахеменидского Ирана, но и о распространении их в кочевнической среде и восприятии элитой сарматских племен Южного Приуралья.

Примечание

1 – автор выражает глубокую и искреннюю благодарность Колгановой Галине Юрьевне за сотрудничество, советы и предоставленную литературу при интерпретации образа мирового древа и его смысловой нагрузки в ритуальных практиках.

Литература

Аникеева О.В. Производство ювелирных украшений у ранних кочевников Южного Приуралья: инструменты и процесс обработки драгоценных камней // Ювелирное искусство и материальная культура: сб. науч. ст. СПб: Изд-во ГосЭрмитажа, 2019. С. 7-16.

Аникеева О.В., Шемаханская М.С., Яблонский Л.Т. Ювелирные шедевры ахеменидской эпохи из гробницы знатной женщины в Южном Приуралье // Ювелирное искусство и материальная культура: сб. науч. ст. СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2017. С. 5-11.

Аникеева О.В., Нацкий М.В., Шемаханская М.С., Яблонский Л.Т. Ювелирные украшения из погребения знатной женщины (могильник Филипповка 1 курган 1 погребение 2) // Маргулановские чтения–2018: сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф. «Духовная модернизация и археологическое наследие» (г. Актобе, 19–20 апреля 2018 г.). Алматы; Актобе, 2018. С. 211-219.

Аникеева О.В., Яблонский Л.Т. Амулеты «глаз Хора» из курганов ранних кочевников на Южном Урале // Вестник Волгоградского государственного университета. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019а. Т. 23. № 3. С. 64-81.

Аникеева О.В., Яблонский Л.Т. Элементы погребального костюма жрицы из филипповских курганов: материалы к реконструкции // Археология евразийских степей. 2019б. № 1. С. 12-32.

Аникеева О.В., Яблонский Л.Т. Техника изготовления ювелирных украшений из погребения 2 кургана 1 могильника Филипповка-1 и вероятные центры изготовления // УАВ. 2019в. Т. 19. №1. С. 48-62

Пиотровский Б.Б. Ванское царство (Урарту). М.: изд-во Восточной литературы. 1959. 283 с.

Яблонский Л.Т. Новые находки в «царском» кургане 1 могильника Филипповка 1 (предварительное сообщение) // КСИА. 2014. Вып. 232. С. 3-7.

Яблонский Л.Т. Новые необыкновенные находки из кургана могильника Филипповка 1 // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. Т. 43. №2. С. 97-108.

Яблонский Л.Т. Новые археологические данные об ахеменидских влияниях на Южном Урале // ВДИ. 2016а. Т. 76. № 3. С. 744-766.

Яблонский Л.Т. Об одном аспекте социальной роли женщины в раннекочевом сообществе Южного Приуралья (по материалам могильника Филипповка 1) // Кадырбаевские чтения-2016: сб. матер. Междунар. науч. конф. (г. Актобе, 6–7 октября 2016 г.). Актобе, 2016б. С. 15-18.

Batmaz A.A. New Ceremonial Practice at Ayanis Fortress: The Urartian Sacred Tree Ritual on the Eastern Shore of Lake Van // Journal of Near Eastern Studies. 2013. Vol. 72. № 1. P. 65-83.

Curtus J., Tallis N. Forgotten empires. The world of ancient Persia. London: the British Museum press, 2005. 272 p.

Giovino M. The Assyrian Sacred Tree: A History of Interpretation. Fribourg: Academic Press, 2007. 243 p.

Kia M. The Persian Empire: A Historical Encyclopedia. Empires of the World. Santa-Barbara: ABC-CLIO, 2016. Vol. I. 397 p.

Michaux-Colombot D. The royal Hittite title 'My Sun' and the Winged Sun Disk // 38. ICANAS. Religion. Vol. 1. International Congress of Asian and North African Studies. Ankara: Atatürk Kültür, Dil Ve Tarih Yüksek Kurumu, 2008. P. 329-353.

Soudavar A. The formation of Achaemenid imperial ideology and its impact on Avesta // Eds. J. Curtus, St.J. Simpson. The world of Achaemenid Persia. London; New York: I.B. Taurisp, 2005. P. 111-138.

Soudavar A. Iranian complexities: a stude in achaemenid, avestian, and sasanian controversies. Houston: SOUDAVAR-Houston, 2018. 234 p.

Yablonsky L.T., Treister M. Yu. New archaeological data on achaemenid influences in the southern Urals // Ancient civilizations from Scythia to Siberia. 2019. Vol. 25. P. 79-161.

Ю. С. Худяков, А. Ю. Борисенко

БРОНЗОВЫЙ И БИМЕТАЛЛИЧЕСКИЙ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ ИЗ ЧУЙСКОЙ ДОЛИНЫ В СОБРАНИИ МУЗЕЯ «РАРИТЕТ» В КЫРГЫЗСТАНЕ

В статье исследуются весьма редкие находки бронзового и биметаллического наконечников стрел, которые были обнаружены в предшествующие годы на поверхности на территории Чуйской/Шуйской долины в Республике Кыргызстан. В настоящее время они хранятся в собрании археологических находок в частном музее «Раритет» в г. Бишкеке. В числе изучаемых стрел имеется бронзовый двухлопастной наконечник с остроугольным острием, скрытой втулкой и выступающими шипами. Биметаллический наконечник стрелы имеет остроугольное острие, бронзовая, трехгранная в сечении, выделенная боевая головка с выступающими боковыми шипами, цилиндрическая бронзовая втулка с вставленным в нее, небольшим железным черешком, окончание которого обломано. Подобные биметаллические наконечники стрел с выделенной боевой головкой и железным черешком были на вооружении у хуннских кочевников на территории Забайкалья и Монголии в течение исторического этапа, охватывающего исторический период с последних веков I тыс. до н.э. до первых веков I тыс. н. э.

Ключевые слова: бронзовые наконечники стрел, древние кочевники, лучники, ранний железный век, Тянь-Шань

Кыргызстандагы «Раритет» музейиндегі

Шу өңірінен табылган қола және биметал жебе ұштары

Мақалада Кыргызстан Республикасы, Шу өңірінен өткен жылы жер бетінен табылған өте сирек кездесетін қола және биметал жебе ұштары зерттеледі. Бүгінгі күні олар Бішкек қаласындағы жеке «Раритет» музейінің археологиялық жәдігерлер қорында сақтаулы тұр. Зерттеліп отырған жебелердің ішінде қоладан жасалған, үшкір, екі қырлы, ұңғымалы жебе ұшы бар. Биметал жебе ұшы өте үшкір, қимасында үш қырлы қола, цилиндр тәрізді ұңғымасы бар, оған ұшы сынып қалған кішкене темір шегесі бекітілген. Осыған ұқсас биметал, темір шегелі жебе ұштары б.д.д. I мыңжылдық – б.д. I мыңжылдығында Байкал маңы және Моңғолиядағы ғұн көшпенділерінің қару-жарағында пайдаланылған.

Түйін сөздер: қоладан жасалған жебе ұштары, ежелгі көшпенділер, садақшылар, ерте темір дәуірі, Тянь-Шань

© Юлий С. Худяков, *Институт археологии и этнографии СО РАН г. Новосибирск, Россия; khudjakov@mail.ru*,

Алиса Ю. Борисенко, *Новосибирский государственный университет г. Новосибирск, Россия; aborisenko2@mail.ru*

Работа выполнена в рамках проекта № 33.5677.2017/8.9

Bronze and bimetallic arrowheads from Shu Valley in the collection of the “Raritet” Book Museum in Kyrgyzstan

The article explores very rare finds of bronze and bimetallic arrowheads that were discovered in previous years on the surface in the Shu Valley in the Republic of Kyrgyzstan. Currently, they are kept in a collection of archaeological finds in the “Raritet” Private Museum in Bishkek. Among the arrows studied there is a bronze two-blade tip with an acute-angled point, a hidden sleeve and protruding spikes. The bimetallic arrowhead has an acute-angled point; it is bronze, trihedral in cross-section, a distinguished warhead with protruding side spikes, a cylindrical bronze sleeve with a small iron stalk inserted into it, the end of which is broken off. The Hunnic nomads in Transbaikalia and Mongolia used similar bimetallic arrowheads with a dedicated warhead and an iron stalk during the historical period from the last centuries of the 1st millennium BC until the first centuries I millennium AD.

Keywords: bronze arrowheads, ancient nomads, archers, early Iron Age, Tien Shan

В течение нескольких предшествующих лет в процессе изучения оружейных коллекций, находящихся в составе музейных собраний на территории Республики Кыргызстан, было выявлено и рассмотрено несколько археологических находок, находящихся в составе экспозиции и коллекционных фондах частного музея «Раритет», который находится в столице Кыргызской Республики г. Бишкеке. В предшествующие годы данный частный музей был создан известным кыргызстанским бизнесменом и собирателем древностей В. В. Кадыровым. Он предоставил авторам настоящей статьи возможность изучить хранящиеся в этом музейном собрании коллекции разнообразных древних и средневековых предметов вооружения с целью последующего изучения и введения этих археологических находок в научный оборот. Во время некоторых экспедиционных поездок, совершенных в течение нескольких предшествующих полевых сезонов в 2013–2015 гг., авторами настоящей статьи совместно с кыргызстанскими коллегами была осмотрена и проанализирована небольшая коллекция древних предметов вооружения дистанционного боя, включавшая несколько бронзовых втульчатых наконечников стрел, ранее обнаруженных в течение предшествующих лет на территории Чуйской долины в северной части Республики Кыргызстан. Среди изученных в этом музейном собрании предметов вооружения дистанционного боя были представлены бронзовые втульчатые наконечники стрел разнообразных форм, с двухлопастным, плоским, трехгранно-трехлопастным и трехгранным пером, которые были отнесены к культуре древних сакских кочевников, населявших территории Тянь-Шаня и Семиречья/Жетысу в течение сакского исторического периода, охватывающего несколько столетий в пределах исторического периода с VIII по III в. до н. э. [Худяков, Борисенко, 2015, с. 428–429].

Наряду с некоторыми бронзовыми двухлопастными и плоскими наконечниками стрел, снабженных выступающими цилиндрическими втулками, а также с трехгранно-трехлопастными втульчатыми наконечниками, трехгранными черешковыми и такими же трехгранными втульчатыми стрелами, в процессе дальнейшего изучения оружейных коллекций, среди стрел, хранящихся в составе музейного комплекса «Раритет», авторами настоящей статьи было выявлено и изучено еще два металлических наконечника стрел,

которые, вероятнее всего, в предшествующие годы были обнаружены современными собирателями в ходе поисков находок древних предметов на поверхности некоторых археологических памятников, находящихся в Шуйской долине, расположенной на территории одноименной области в пределах северной территории Республики Кыргызстан.

Один из этих наконечников, осмотренный и изученный в составе рассматриваемой археологической коллекции, является изготовленным полностью из бронзы. Вероятнее всего, он был изготовлен в литейной форме по известной и широко распространенной в древности технологии бронзового литья. Данный бронзовый литой наконечник стрелы располагает двухлопастным в сечении, втульчатым пером со скрытой втулкой. У этого наконечника выделяется удлиненное, остроугольное острие, а также расположенные с двух сторон две боковые лопасти, постепенно расширяющиеся к приостренным, пластинчатым шипам, которые оканчиваются затупленными угловатыми концами. У данного наконечника стрелы выделяется двухлопастное перо удлиненно-треугольной формы. По вертикальной оси пера этого наконечника расположена, округлая в сечении, скрытая втулка, внутрь которой должно было вставляться заостренное окончание деревянного древка стрелы. Длина пера наконечника стрелы от острия до окончания втулки – 2,6 см, ширина пера в средней части – 0,9 см, длина выступающих шипов – 0,7 см, расстояние между окончаниями шипов – 1,5 см (рис. 1, 2).

Судя по имеющимся аналогиям на сопредельных территориях в пределах Центрально-Азиатского историко-культурного региона, данный бронзовый наконечник стрелы должен относиться к раннему скифскому хронологическому периоду, который может

охватывать древний исторический этап формирования и последующего развития сакской культуры, существовавший в пределах второй четверти I тыс. до н. э. [Худяков, Борисенко, 2015, с. 428]. Сопоставимые с данной находкой, бронзовые, втульчатые, двухлопастные, шипастые наконечники стрел в течение предшествующих десятилетий были обнаружены археологами в процессе раскопок сакских археологических памятников. Например, на древнем погребальном комплексе Памирская I, который является одним из археологических памятников древней сакской культуры, изученных на терри-

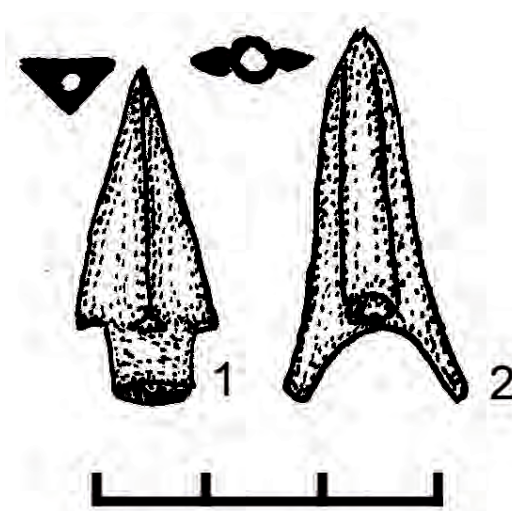

Рис. 1. Наконечники стрел из собрания музея «Раритет» в Кыргызстане:
1 – бронзовый втульчатый двухлопастной наконечник стрелы; 2 – биметаллической трехгранной наконечник стрелы

тории Памирского нагорья, которое находится в горах, расположенных к югу от горной системы Тянь-Шаня [Бернштам, 1952, с. 310; рис. 133; 135, 11, 12]. Достаточно близкие по своей форме бронзовые двухлопастные наконечники стрел со скрытой втулкой, однако, не имеющие выступающих боковых шипов, имелись на вооружении у древних кочевников – носителей культуры плиточных могил, археологические памятники которой должны относиться к позднему бронзовому и раннему железному векам. Они находятся на территории степей Монголии и Забайкалья, в пределах Центрально-Азиатского историко-культурного региона [Худяков, Эрдэнэ-Очир, 2011, с. 96]. Находка еще одного бронзового втульчатого наконечника стрелы была отнесена к комплексу предметов вооружения дистанционного боя древних сакских номадов, археологические памятники которых в течение предшествующих десятилетий были изучены на территории Тянь-Шаня и Жетысу [Заднепровский, 1992, табл. 27, 9].

Другой наконечник стрелы из состава изучаемой оружейной коллекции, хранящейся в собрании частного музея «Раритет», представленный в числе находок предметов вооружения дистанционного боя, происходящий с территории Чуйской долины, можно определить как биметаллический. В составе этого наконечника имеются отдельные конструктивные детали, определенная часть которых изготовлена из бронзы, в то время как другая часть произведена из железа. У данного биметаллического наконечника имеется бронзовая, литая, трехгранная в сечении боевая головка с остроугольным острием, удлинненно-треугольным пером, гранеными выступающими угловатыми, боковыми шипами и укороченной, округлой в сечении, цилиндрической втулкой, внутри которой находится вставленный в нее, округлый в сечении, обломанный ниже края втулки, железный черешок. Длина боевой головки – 2,2 см, ширина боевой головки – 1,4 см, высота втулки – 0,6 см, диаметр втулки – 0,7 см (рис. 1, 1).

Подобные биметаллические наконечники стрел с выделенной, бронзовой, трехгранной в сечении, боевой головкой, укороченной цилиндрической втулкой и железным черешком находились на вооружении у хуннских воинов на территории Байкальского района и сопредельных районов Центрально-Азиатского историко-культурного региона в течение хуннского исторического периода, охватывающего хронологический этап с конца I тыс. до н.э. до первых веков I тыс. н.э. Похожие по своим конструктивным особенностям, биметаллические наконечники стрел, находившихся на вооружении у хуннских стрелков в течение предшествующих десятилетий, были обнаружены исследователями в составе сопроводительного инвентаря некоторых хуннских погребальных памятников на территории западных районов Забайкалья [Давыдова, 1985, с. 50]. Близкие по форме бронзовые трехгранные наконечники с выделенной боевой головкой и снабженные железным черешком в течение предшествующих десятилетий были найдены на некоторых древних археологических местонахождениях, расположенных на территории степных просторов Монголии [Волков, 1962, рис. 4, 12].

Вероятнее всего, на территории восточных районов Центрально-Азиатского историко-культурного региона, в пределах степных земель

Забайкалья и Монголии, подобные биметаллические наконечники стрел должны были относиться к предметному комплексу вооружения дистанционного боя воинов – лучников, входивших в состав военных отрядов хуннского кочевнического древнего государственного объединения – державы Хунну. Однако, похожие по своим конструктивным особенностям стрелы с биметаллическими наконечниками находились в арсенале не только у древних хуннских кочевых воинов, но также подобные биметаллические стрелы имелись на вооружении у древних китайских воинов – стрелков из луков, использовавших подобные биметаллические стрелы для обстрела противников в течение определенного древнего исторического периода, Стрелы с подобными наконечниками имелись на вооружении у древних китайских воинов в период правления в Китае Ханьской императорской династии. Вполне вероятно, что на территорию горной системы Тянь-Шаня и сопредельных степных районов Жетысу подобный наконечник стрелы мог попасть в период активной внешней военной экспансии, направляемой правителями древней китайской империи, возглавлявшейся правящей династией Хань, совершавшейся в западном направлении на территорию Средне-Азиатского историко-культурного региона.

Существуют определенные основания для того, чтобы сформулировать предположение, согласно которому проанализированные в настоящей статье находки бронзового и биметаллического наконечников стрел могли находиться в составе наборов предметов вооружения дистанционного боя, вполне вероятно, древних сакских кочевых племен, населявших территорию современного Кыргызстана в течение раннего скифского периода, а также древних номадов хунно-сяньбийского времени, испытывавших определенное ханьское влияние в сфере военной деятельности в течение исторического периода, охватывающего время с конца I тыс. до н.э. до начала I тыс. н.э. на территории Тянь-Шаня и Жетысу.

Литература

Бернишам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. № 26. 346 с.

Волков В.В. Бронзовые наконечники стрел из музеев Монголии // Монгольский археологический сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 18-26.

Давыдова А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье. Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1985. 111 с.

Заднепровский Ю.А. Ранние кочевники Семиречья и Тянь-Шаня // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.: Наука, 1992. С. 73-87.

Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю. Бронзовые наконечники стрел из собрания музея «Раритет» в Бишкеке // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. Т. XXI. С. 427-429.

Худяков Ю.С., Эрдэнэ-Очир Н. Военное дело древних кочевников Монголии (II тысячелетие – III век до н.э.). СПб.: Филфак СПбГУ, Нестор-История, 2011. 172 с.

В. Ю. Зуев

**ДАТИРОВКА КЛИНКОВОГО ОРУЖИЯ
ФИНАЛА СКИФСКОЙ ЭПОХИ И НАХОДКИ ФРАГМЕНТОВ
ГЕРАКЛЕЙСКИХ АМФОР В ПРИУРАЛЬЕ
(заметки к дискуссии)**

В статье приводится анализ клинков так называемого «переходного» (филипповского) типа, их встречаемость с фрагментами гераклейских амфор (IV–III вв. до н.э.) и хронологическое соотношение с клинками раннесарматского прохоровского типа на примере материалов Прохоровского курганного могильника. Делается вывод о том, что клинки так называемого «переходного» (филипповского) типа не имеют никакого отношения к сарматской истории и эпохе, так как предшествуют ей.

Ключевые слова: холодное оружие «переходного» (филипповского) типа; мечи и кинжалы прохоровского типа; гераклейские амфоры; сарматы.

**Орал маңындағы скиф дәуірінің аяғындағы жүзі бар
қарудың және гераклей амфоры сынықтарының мерзімделуі
(пікіргіластарға ескертпе)**

Мақалада «өтпелі» (филиппов) түрі деп аталатын жүзі бар қаруға жүргізілген талдаулар, оның гераклей амфоры сынықтарымен (б.д.д. IV–III ғғ.) бірге кездесуі және Прохоров қорымдағы обалардың материалдары мысалындағы ерте сарматтық прохоров түріндегі жүзі бар қаруларымен хронологиялық арақатынасы талданады. «Өтпелі» (филипповтік) түрдегі деп аталатын жүзі бар қарулардың сармат дәуіріне ешқандай қатысы жоқ екендігі, себебі оның ол кезеңнен бұрын бар екендігі жөнінде тұжырым жасалады.

Түйін сөздер: «өтпелі» (филипповтік) түрдегі суық қару, прохоров түріндегі семсерлер мен қанжарлар, гераклей амфоралары, сарматтар

**Dating of the blade weapon of the final of the Scythian epoch
and the find of fragments of Herakleian amphorae in the Ural region
(notes to discussion)**

The article provides an analysis of the so-called “transitional” (Filippovsky) type of blades, their compatibility with fragments of Herakleian amphorae (IV – III century BC) and a chronological correlation with blades of the Early Sarmatian Prokhorovsky type using materials from the Prokhorovsky burial mound. The conclusion is made that the blades of the so-called «transitional» (Filippovsky) type have nothing to do with Sarmatian history and era, since they precede it.

Keywords: cold steel of the «transitional» (Philippovsky) type; swords and daggers of the Prokhorovsky type; Herakleian amphorae; Sarmatians

Этот доклад, по сути, является ответом на неудачную, с моей точки зрения, попытку А. С. Балахванцева увязать проблемы хронологии и типологии клинкового оружия финала скифской и раннесарматской эпох Приуралья с находками фрагментов гераклейских амфор в регионе, которые, по мнению моего оппонента, якобы, имеют большое значение для поддержания эволюционной гипотезы «перехода» и постепенных изменений форм оружия ближнего боя у скифов и сарматов рассматриваемого региона [Балахванцев, 2016, с. 123–126].

А. С. Балахванцев пытается своими рассуждениями отстоять гипотезу К. Ф. Смирнова, согласно которой в конце V–IV вв. до н.э. в Приуралье и во всём ареале заволжской части Великой Степи появляется клинковое оружие особого переходного типа, которое так названо именно потому, что из него, по мнению сторонников концепции савромато-сарматского культурно-исторического единства, к концу IV в. до н.э. вырабатывается новый, сарматский тип прохоровского клинкового вооружения. Эта идея в оружейведении скифо-сарматской эпохи была столь важна как элемент доказательства эволюционного происхождения сарматов в Приуралье, что словосочетание клинки переходного типа писалось без кавычек: ведь эти клинки, по мысли сторонников этой идеи, действительно в общей схеме развития скифо-сарматского оружия «переходили» от скифских к сарматским формам. Но этого нюанса А. С. Балахванцев, похоже, не понимает, т.к. вслед за мной, отрицающим «переходную» функцию клинкового оружия конца V – IV в. до н.э., он пишет о клинках «переходного» типа в кавычках.

Двадцать два года назад я обратил внимание на удивительный парадокс. Согласно теории К. Ф. Смирнова, мечи и кинжалы переходного и прохоровского типов должны сосуществовать, как минимум, полстолетия, в IV в. до н.э., чтобы в III в. до н.э. вооружение прохоровского типа стало доминирующим типом вооружения. Но ни одного достоверного факта встречаемости клинков «переходного» и прохоровского типа в археологии не известно. Эта картина остаётся таковой и поныне, несмотря на ряд попыток доказать обратное. А. С. Балахванцев решил, что если будут доказательства существования клинков «переходного» типа до начала III в. до н.э., то проблема решится сама собой: ведь получится, что «переходные» типы клинков существуют на всём протяжении IV в. до н.э., а III в. до н.э. – это уже, в его понимании, совершенно точно сарматская эпоха. И всё «срастается» и «переходит» из одного в другое в области новаций холодного оружия у кочевников Заволжья и Приуралья.

Не учитывает А. С. Балахванцев лишь одного: что археологическая сарматская эпоха может датироваться и иначе: не с первых десятилетий III в. до н.э., а со второй половины II–I в. до н.э., то есть, не в смутную эпоху III в. до н.э., когда абсолютно нет выразительных кочевнических памятников с надёжными хронологическими реперами, а уже в другую,

парфянскую эпоху, когда в памятниках кочевников Великой Степи мы имеем и устойчивый археологический комплекс прохоровского типа (особенно чётко выраженный в клинковом вооружении), и парфянские надписи на серебряных предметах, отчасти тоже составляющих комплекс защитного вооружения на церемониальном уборе боевого коня.

Ради словесного торжества А. С. Балахванцев сознательно искажает положения моей позиции и, как ему кажется, успешно затем бьётся с созданным им фантомом «гипотезы В. Ю. Зуева». Он пишет: «В конце минувшего века В. Ю. Зуев, в ходе своей общей атаки на предложенную Б. Н. Граковым и К. Ф. Смирновым хронологию сарматской культуры, заявил, что мечи “переходного” типа следует датировать V – началом IV в. до н.э. (Зуев, 1998, с. 144, 148–199)» [Балахванцев, 2016, с. 123]. Любой грамотный человек легко может убедиться, что ничего подобного я ни 22 года тому назад, ни позднее не писал. Дата «начала IV в. до н.э.» нужна в приложении к моим идеям А. С. Балахванцеву лишь для того, чтобы опровергнуть её при помощи ссылок на находки фрагментов гераклеийских амфор в погребениях с «переходными» мечами, дабы омолодить эту категорию археологических находок в Приуралье до рубежа IV–III в. до н.э.

Один случай интересен, скорее, как археологический курьёз. Речь идёт об амфорной ножке гераклеийской амфоры, выброшенной норными животными из курганной насыпи в Филипповском курганном могильнике (рис. 1, 4). Эта случайная находка, не зафиксированная в отчётах, подобранная Д. В. Мещеряковым и переданная А. С. Балахванцеву, оценена последним как фрагмент гераклеийской амфоры 50–30 гг. IV в. до н.э. и ею А. С. Балахванцев смело датирует коллективные погребения в ближайшем к находке амфорной ножки кургане 1 могильника Филипповка 2, раскопанном экспедицией Л. Т. Яблонского [Балахванцев, 2016, с. 123–124]. Благо, что дата ножки амфоры не противоречит ничему. Но А. С. Балахванцева эта история вдохновляет на ожидание новых находок античной импортной керамики в Южном Приуралье, с помощью которой он надеется опровергнуть тезис (кстати сказать, принадлежащий К. Ф. Смирнову) о том, что мечи так называемого «переходного» типа появляются ещё в V в. до н.э. [Балахванцев, 2016, с. 124].

Опорным же пунктом в этой работе по корректировке хронологии клинков «переходного» типа своего рода новым абсолютным репером их хронологии А. С. Балахванцев считает материалы впускного погребения в кургане 3 у с. Ново-Мусино в Башкортостане [Васильев, Сиротин, 2004, с. 173–180]. А. С. Балахванцев рисует картину радикальных перемен в ситуации с датировками клинкового оружия «переходных» типов, которая произошла в связи с открытием в погребении с длинным мечом, у которого прямое навершие и согнутое под тупым углом перекрестье, фрагмента гераклеийской амфоры. А. С. Балахванцев пишет, что специалисты по сарматской археологии тут же пересмотрели датировки «и период бытования мечей “переходного” типа распространился и на начало III в. до н.э. [Клепиков, 2007, с. 54; Симоненко, 2007, с. 111; Скрипкин, 2016, с. 270]. Даже В. Ю. Зуев, – фальшиво констатирует

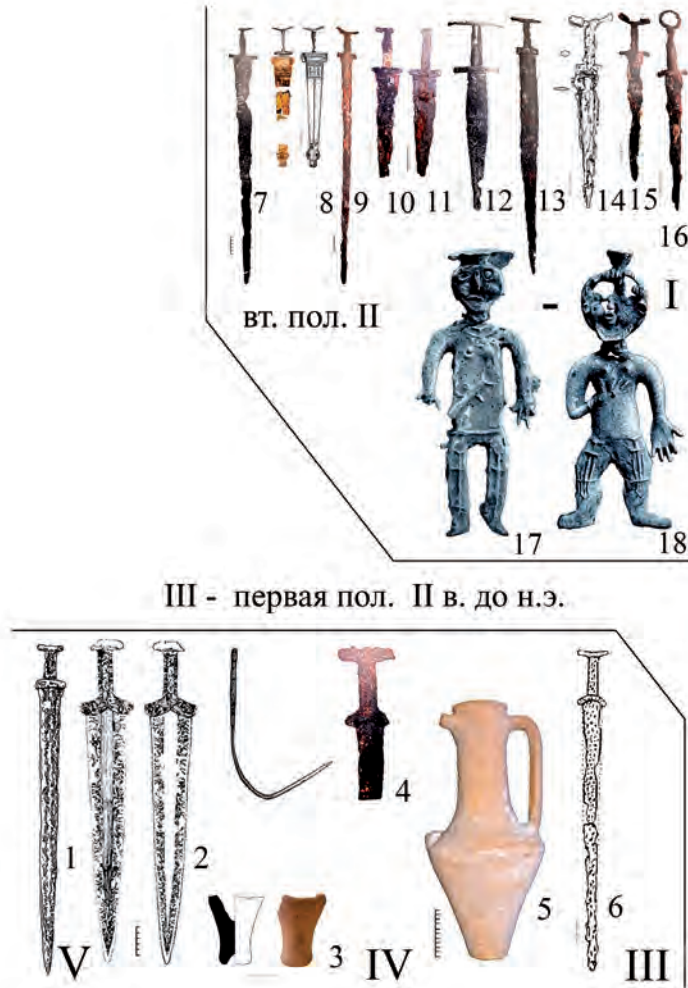

Рис. 1. Соотношение клинков филипповского («переходного») периода (конец V– начала III в. до н.э.) и фрагментов гераклейских амфор (второй половины IV – начала III в. до н.э.) с клинками прохоровского периода (середина II – I в. до н.э.):

1 – Филипповка. «Царский» курган (по А. Х. Пиеничнюку); 2 – Филипповка 2 (по Л.Т. Яблонскому); 3 – ножка гераклейской амфоры. Филипповка 2 (по А.С. Балахванцеву); 4 – меч филипповского («переходного») типа. Прохоровка (Северная группа), к. 3, п. 2 (по Л.Т. Яблонскому); 5 – фрагментированная гераклейская амфора. Ново-Мусино, к. 3, п. 1 (по А.С. Балахванцеву); 6 – меч филипповского («переходного») типа из п. 1, к. 3 у с. Ново-Мусино (по В.Н. Васильеву и С.В. Сиротину); 7, 8 – длинный меч и вотив кинжала (только рукоять в ножнах) из п. 1, к. 1 в Прохоровке (Южная группа); 9–11 – меч и два набердренных кинжала из п. 4 к. 1 в Прохоровке (Южная группа) (по Л.Т. Яблонскому); 12 – кинжал из п. 1 к. 2 в Прохоровке (Южная группа); 13 – меч из п. 2 к. 2 в Прохоровке (Южная группа) (по Л.Т. Яблонскому); 14 – кинжал из п. 2 в к. «б» в Прохоровке (Южная группа) (вопреки Л.Т. Яблонскому); 15 – кинжал из п. 4 в к. «б» в Прохоровке (Южная группа) (по Л.Т. Яблонскому); 16 – кинжал с кольцевидным навершием из п. 9 в к. «б» в Прохоровке (Южная группа) (по Л.Т. Яблонскому); 17, 18 – бронзовые фигурки воинов с кирасой, мечом и набердренными кинжалами из Сапоговского клада (по В.Ю. Зуеву)

А. С. Балахванцев, – внешне никак не прореагировавший на ново-мусинскую находку, стал датировать мечи и кинжалы «переходного» типа «интервалом 5–4 в. до н.э. [Зуев, 2004, с. 209]» [Балахванцев, 2016, с. 123]. Из самой цитаты видно, как А. С. Балахванцев искажает смысл моих слов. То же касается его дальнейшего рассказа о разговоре со мной в 2013 г., когда я, якобы, усомнился в существовании гераклеийской амфоры в Ново-Мусино. А. С. Балахванцев впадает в патетику. «Я, – пишет А. С. Балахванцев – исходя из значения самой находки и научной этики – считаю необходимым вернуться ещё раз к этому вопросу». И... опубликовал фотографию амфоры из Ново-Мусинского кургана № 3 (рис. 1, 5). Ну, что же, я не против поговорить и об этике в науке.

Моё сдержанное отношение к находке в Ново-Мусино определяется не какими-то скрытыми страстями по поводу её находки. Меч из Ново-Мусино, амфору и набор наконечников стрел я видел *de visu* в 2000 г. в г. Стерлитамаке, благодаря любезности С. В. Сиротина. Но моё сдержанное отношение к этому комплексу определяется вовсе не удачей моих оппонентов в поиске аргументов для научной дискуссии, а деталями этой истории. Поскольку А. С. Балахванцев говорит об этике, мне тоже есть что добавить. Погребение с амфорой в Ново-Мусинском кургане № 3 было раскопано В. Н. Васильевым и С. В. Сиротиним в 1999 г. без каких-либо разрешающих на то документов – без Открытого листа любой формы. И отчёта об этих полевых работах не существует. Это немаловажный штрих в истории этого комплекса. Далее, раскопка велась и без фиксации, в частности – фотофиксации¹. Рисовали ли погребение авторы раскопок или нет – сейчас уже не важно. Несколько лет спустя, по требованию М. Г. Мошковой, С. В. Сиротин взял открытый лист на доследование кургана, полностью раскопал его и графически привязал место раскопок 1999 г. к плану кургана. Причём, это обстоятельство никак не отражено в публикации материалов кургана, сделанной В. Н. Васильевым и С. В. Сиротиним². С публикацией материалов из погребения тоже не всё обстоит гладко. В. Н. Васильев в одной из своих работ анонсировал публикацию ново-мусинских находок в статье, якобы находящейся в печати в Уфимском археологическом сборнике, подписанной тремя фамилиями: В. Н. Васильева, М. Г. Мошковой и С. В. Сиротина. Говоря об этике, мне тоже было бы интересно узнать о судьбе этой несостоявшейся, но заявленной публикации?

Теперь несколько слов надо сказать о самом фрагменте амфоры. Я осматривал её ещё до чистки фрагмента. Это был полностью засоленный, включая сломы, фрагмент тулова сосуда без ручки, на которой должно было находиться клеймо и без ножки сосуда. Именно в таком виде обломок амфоры и был помещён во впускное погребение Ново-Мусинского кургана № 3. Зачем было везти на Южный Урал этот обломок, по сути, гончарной трубы и помещать в погребение – я комментировать не берусь. Достаточно уже и того, что погребение раскопано с явными нарушениями всех правил археологической науки. На этом, полагаю, что разговор об этике в науке с А. С. Балахванцевым я закончил и имею право скептически относиться к введённым в науку XXI в. археологическому материалу подобным образом. Относительно заключения С. Ю. Монахова об амфоре из Ново-Мусино, то сделано оно было не *de visu*, а

по рисункам и реконструкционной схеме [Монахов, 2006, с. 89]. Что касается декларируемой даты погребения – первые десятилетия III в. до н.э., то она представляется мне крайне завышенной. Археологические параллели находкам в Ново-Мусинском погребении 1 из кургана 3 составляют убедительный контекст второй половины IV в. до н.э. Что же до гераклейской амфоры, то без рукояти с клеймом астинома, без нижней трети сосуда с профилем ножки, убедительно датировать обломок амфоры гераклейского образца всё же невозможно. Да, в целом, в подобном виде это обломок амфоры IV–III в. до н.э., но дать информации о более точной датировке он, к сожалению, не способен.

Но даже если мы примем без критики датировку В. Н. Васильева и С. В. Сиротина впускного погребения 1 в кургане № 3 Ново-Мусинского могильника первыми десятилетиями III в. до н.э., то это абсолютно ничего не меняет в общей картине датировки клинкового оружия времени финала скифской эпохи и в Южном Приуралье. На таблице я совместил упомянутые А. С. Балахванцевым находки обломков гераклейских амфор из Приуралья с клинками «переходного» (=филипповского) типов (рис. 1, 4–5). Как не трудно понять, ничего экстраординарного комплекс из Ново-Мусино из себя не представляет. В случае верности датировки комплекса, он просто является одним из последних памятников филипповского периода в истории ранних кочевников Евразии досарматского периода (рис. 1, 5–6).

Сарматский же период начинается в середине II в. до н.э. и представлен яркими памятниками с материальной культурой прохоровского типа, включая и новое клинковое вооружение (рис. 1, 7–16).

Интересно распределение клинков филипповского (=«переходного») и прохоровского типов в погребениях Прохоровского курганного могильника в Южном Приуралье. Всего в нём найдено 13 клинков. Три меча происходят из северной группы курганов (кургана № 3). Два «железных тесака» по описанию сотника Филатова были найдены в дромосной подквадратной могиле крестьянами при раскопках 1911 г. Они имели брусковидные навершия и сломанные под тупым углом перекрестья. Долгое время сюда по ошибке С.И. Руденко относил и меч из кургана 1 южной группы Прохоровского могильника (рис. 1, 7). Но проведённое мной историографическое исследование и раскопки Л. Т. Яблонского исправили эту ошибку, вопреки мнению М. Г. Мошковой [Мошкова, 2001, с. 246]. Третий меч был найден во впускном погребении 2 этого же кургана, согнутым пополам у правого бедра захороненного в могиле воина [Яблонский, 2010, с. 32–33]. Он также имел прямое брусковидное навершие рукояти и сломанное под тупым углом перекрестье (рис. 1, 4). Все погребения в кургане 3 относятся ко времени IV в. до н.э., как и все курганы северной группы в Прохоровке (курганы Б, 3, 4, «в») к филипповскому периоду досарматской эпохи [Зуев, 1998, с. 45–50].

Три меча и семь кинжалов происходят из южной группы курганов Прохоровского могильника. За исключением одного кинжала с кольцевидным навершием, они все относятся к прохоровскому раннесарматскому типу клинкового вооружения: У них прямое узкое перекрестье, рукоять значительно уже ширины клинка, навершие либо загнуто вверх серповидно, либо его

усы горизонтальны перекрестью. Длинный меч с прямым перекрестьем и с обломанным навершием был найден в могиле 1 кургана 1 крестьянами в 1911 г. По ошибке С. И. Руденко он был приписан к погребению 1 кургана 3. Это породило дискуссию, точку в которой поставил Л. Т. Яблонский, нашедший на дне могилы 1 в кургане 1 в 2003 г. обломок кончика лезвия этого меча [Яблонский, 2010, с. 36, 138, рис. 38]. Погребённый в этой могиле воин имел золотую гривну с драконами на концах, бронзовый защитный панцирь, а в украшения сбруи его коня входили два серебряных фиала с парфянскими надписями рубежа II–I в. до н.э., приспособленных, в качестве фаларов, для защиты пересекающихся распределительных ремней. На правом бедре воина был закреплён в ножнах вотив кинжала (рис. 1, 8), состоящего из рукояти, вложенной в ножны без клинка [Зуев, 1999, с. 111–115]. Ножны кинжала были украшены золотыми пластинами с орнаментом, имевшим эмалевые вставки. Дата этого основного в кургане 1 погребения, несомненно, относится к концу II–I в. до н.э. что имеет хороший археологический контекст. И дело даже не в парфянских надписях, подробно разобранных и прочитанных В. А. Лившицем [Лившиц, Зуев, 2004, с. 3–11]. А. С. Балахванцев пытается оспорить парфянскую трактовку надписи, считая её неизвестной арамейской письменностью IV в. до н.э. [Балахванцев, 2010, с. 262–268]. Даже если представить дело так и через неизвестное датировать известное, А. С. Балахванцев не может никак изменить позднюю датировку этого погребения, так как существует точный археологический контекст из более чем двух десятков погребений середины II–I в. до н.э., где набедренные кинжалы погребённых сарматских воинов также украшены золотыми пластинами с эмалью (так называемая серия погребений с церемониальными кинжалами и мечами прохоровского типа в количестве 24 комплексов) [Зуев, 2013, с. 51–63].

Эту дату подтверждает и оружие из впускного погребения 4 этого же кургана, исследованное в 2003 г. [Яблонский, 2010, с. 38–39] – длинный железный меч прохоровского типа и такого же типа кинжалы на бёдрах воина в ножнах (рис. 1, 9–11), как на культовых фигурках сармат из Сапоговского клада (рис. 1, 17, 18). Дату II–I в. до н.э. подтверждает большой красноглиняный сосуд типа хумчи с тамгой на боку из этого же впускного погребения, очень типичный для керамических комплексов чирик-рабатской культуры конца III–II в. до н.э. [Курманкулов, Утубаев, 2017, с. 197, рис. 41, 3, 4].

В кургане 2 южной группы Прохоровского могильника в погребениях также имелись клинки прохоровского типа: кинжал с прямым навершием в погребении 1 (рис. 1, 12) и меч (рис. 1, 13) во впускном погребении 2 [Яблонский, 2010, с. 42–43]. Интересно, что рукояти обоих клинков оформлены идентично – прямое перекрестье, сидящее над широким лезвием, рукоять, прокованная с обеих сторон посередине, и навершие в виде прямых «усов», которые длиннее бруска перекрестья (рис. 1, 12, 13).

В кургане «б» в трёх впускных погребениях имелось клинковое оружие. В погребении «2в» мужчина имел на правой ноге набедренный кинжал прохоровского типа с прямым перекрестьем и поднятыми чуть вверх окончаниями навершия (рис. 1, 14). Любопытно, что этот воин был убит стрелой

с бронзовым наконечником, который застрял в позвоночнике [Яблонский, 2010, с. 49], как и погребённый воин с церемониальным кинжалом прохоровского типа из впускного погребения Красногорского кургана в Оренбуржье [Зуев, 2012, с. 385–410].

Во впускном погребении 4 лежал мужчина, на правом бедре которого также был кинжал (рис. 1, 15) прохоровского типа [Яблонский, 2010, с. 51].

А во впускном погребении 9 погребённый был вооружён кинжалом (рис. 1, 16), у которого было прямое перекрестье. Ромбическая рукоять была обмотана тонким кожаным шнурком, а навершие кинжала было кольцевым, что имеет определённое хронологическое значение в развитии сарматского клинкового вооружения [Яблонский, 2010, с. 54].

Таким образом, на примере клинкового вооружения достаточно чётко видно, что Прохоровский курганный могильник состоит из двух разных по хронологии групп курганов. Северная группа оставлена носителями филипповского периода в истории ранних кочевников Приуралья. Это, по сути, ещё время скифской культуры и контактов кочевников с западными провинциями Великой Степи. Хронологически – это время IV в. до н.э. В аспекте клинкового вооружения это время господства форм так называемого «переходного» (=«филипповского») типа, которые сочетаемы на западе с амфорами гераклеяского типа, некоторые экземпляры которых привозятся и на Южный Урал. Но эта сфера материальной культуры известна нам чрезвычайно плохо. Эпоха существования форм вооружения финала скифской эпохи завершается в самом начале III в. до н.э., вероятнее всего, по тем же причинам, которые вызвали стремительное угасание скифской степной цивилизации. В течение III и начала II в. до н.э. в степной зоне происходит радикальная перемена культурного уклада кочевой жизни и к середине II в. до н.э. на исторической арене появляются кочевники нового облика материальной культуры, известные нам под собирательным именем сарматов. Их клинковое вооружение так называемого прохоровского типа никак не совстречается с так называемым «переходным» (=«филипповским») вооружением времени финала скифской эпохи. Оно независимо в своём происхождении и наполняет иную исторически и культурно эпоху кочевых обществ Великой Степи.

Примечания

1 – А. С. Балахванцев делает вид, что не понял, о каких фотографиях я говорил 21 ноября 2013 г. Не о фотографии амфоры вообще, а фотографии амфоры *in situ* в погребении. Поэтому его публикация фотографии ново-мусинской амфоры – дело хорошее, но в контексте разговора о научной фиксации памятника совершенно бесполезное.

2 – речи о причинах и обстоятельствах раскопок 1999 г. в статье вообще нет. В публикации 2004 г. сказано только, что первичный осмотр повреждённого хозяйственной деятельностью кургана 3 был осуществлён авторами в 1988 г. [Васильев, Сиротин, 2004, с. 173].

Литература

Балахванцев А.С. Приложение 5. Надписи на фиалах из Прохоровки // Л.Т. Яблонский. Прохоровка. У истоков сарматской археологии. М.: Таус, 2010. С. 262-268.

Балахванцев А.С. К хронологии мечей «переходного» типа // Кадырбаевские чтения – 2016: матер. V Междунар. науч. конф. (г. Актюбе, 6–7 октября 2016 г.). Актюбе: Актюбинский областной центр истории, этнографии и археологии, 2016. С. 123-126.

Васильев В.Н., Сиротин С.В. Ново-Мусинский 3 курган // УАВ. 2004. Вып. 5. С. 173-180.

Зуев В.Ю. Периодизация археологических памятников Центральной части Евразийского пояса степей I тыс. до н.э. (по материалам Южного Приуралья) // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. Матер. Междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения профессора М.И. Артамонова (г. СПб., 9–12 декабря 1998 г.). СПб.: Эрмитаж, 1998. С. 49-50.

Зуев В.Ю. Сарматский вотивный кинжал из первого кургана у дер. Прохоровка // Изучение культурного наследия Востока. Культурные традиции и преемственность в развитии древних культур и цивилизаций: матер. междунар. конф. (г. СПб., 23–25 ноября 1999 г.). СПб.: Европейский дом, 1999. С. 111-114.

Зуев В.Ю. Красногорский курган // Золото, конь и человек: сб. ст. к 60-летию А.В. Симоненко. Киев: «Скиф», 2012. С. 385-410.

Зуев В.Ю. О времени активного выступления сарматов в степях Евразии по археологическим данным // Вісник Маріупольського державного університету. Серія: історія, політологія. 2013. Вип. 7–8. С. 51-63.

Клепиков В.М. Раннесарматские мечи в Нижнем Поволжье // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: матер. докл. к VI Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск: ЮУрГУ, 2007. С. 51-57.

Курманкулов Ж., Утубаев Ж.Р. Чирикратская культура в Восточном Приаралье // Казахстан в сакскую эпоху: коллективная монография / отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. С. 191-210.

Лившиц В.А., Зуев В.Ю. О датировке парфянских надписей из кургана 1 у деревни Прохоровка // ВДИ. 2004. № 2. С. 3-11.

Монахов С.Ю. О хронологии сарматского погребения с гераклейской амфорой из Башкирии // Liber Archaeologicae: сб. ст., посвящ. 60-летию Б.А. Раева / отв. ред. А.В. Симоненко. Краснодар; Ростов-на-Дону: Южный научный центр РАН, 2006. С. 89-93.

Мошкова М.Г. О наболевших проблемах сарматской археологии // ἀποθέσις. На акад. Дмитри Сергеевич Раевски. София, 2001 – (МИФ. Вып. 7). С. 244-249.

Симоненко А.В. Мечи и кинжалы прохоровского типа на Украине // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: матер. докл. к VI Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск: ЮУрГУ, 2007. С. 99-113.

Скрипкин А.С. О происхождении мечей прохоровского типа // Константин Фёдорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии: матер. IX междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории», посвящ. 100-летию со дня рождения К.Ф. Смирнова / отв. ред. Л.Т. Яблонский, Л.А. Краева. Оренбург: Институт археологии РАН, ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный педагогический университет», Оренбургский губернаторский историко-краеведческий музей, 2016. С. 264-275.

Яблонский Л.Т. Прохоровка. У истоков сарматской археологии. М.: Таус, 2010. 384 с.

И. В. Грудочко

**КУРГАНЫ С «УСАМИ»: ЭПОХА ПОЗДНЕЙ ДРЕВНОСТИ
И РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
УРАЛО-КАЗАХСТАНСКИХ СТЕПЕЙ
(IV–VII вв. н.э.)**

В статье освещены общие итоги нашей работы по курганам с «усами» урало-казахстанских степей. Представлена авторская типология, в которой различаются три типа по количеству насыпей и стратиграфии центрального сооружения. Очевидно, что во многих случаях существовала практика пристройки комплексов курганов с «усами» к курганам более ранней эпохи. Хронологическая принадлежность определяется типологией инвентаря и известными на сегодняшний день радиоуглеродными датами. Вместе с немногочисленными погребальными комплексами (Канаттас, Боровое, Зевакино, Каменный Амбар и др.) курганы с «усами» иллюстрируют самостоятельный культурно-хронологический горизонт IV–VII вв. н.э. в истории кочевников урало-казахстанских степей.

Ключевые слова: урало-казахстанские степи, курганы с «усами», раннее средневековье, радиоуглеродная хронология, типология

**Орал-Қазақстан даласындағы ежелгі дәуірдің аяғы
мен ерте орта ғасырлардағы «мұртты» обалар
(б.д. IV–VII ғғ.)**

Мақала Орал-Қазақстан даласындағы «мұртты» обаларға жүргізілген жұмыстарымыздың жалпы қорытындыларына арналады. Орталық құрылыстың стратиграфиясы мен үйінділерінің саны бойынша үш түрге бөлінген авторлық типология беріледі. Көп жағдайда ерте кезеңнің обаларына «мұртты» обалар жанама салынған түрде кездеседі. Хронологиясы табылған бұйымдардың типологиясы мен бүгінде белгілі радиокөміртектік мерзімдеу әдісі арқылы анықталды. Саны аз жерлеу кешендерімен бірге (Қанаттас, Бурабай, Зевакино, Тас Амбар және т.б.) «мұртты» обалардың мәдени хронологиялық кеңістігі IV–VII ғғ., Орал-Қазақстан даласындағы көшпенділер тарихына жатады.

Түйін сөздер: Орал-Қазақстан даласы, «мұртты» обалар, ерте орта ғасырлар, радиокөміртектік хронология, типология

© **Иван В. Грудочко**, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия; grudochkoivan@mail.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ «Истоки формирования культуры древних венгров. Археологический, палеоантропологический и палеогенетический аспект исследования средневековых памятников Южного Урала и Западной Сибири» (№ 18-59-23002)

Kurgans with “Mustaches”: Late Prehistory and Early Middle Ages in the Ural-Kazakhstan steppe (IV-VII centuries AD)

The article highlights the general results of our work on the kurgans with “mustaches” in the Ural-Kazakhstan steppes. In the article, the author’s typology is presented, in which three types are distinguished according to the number of mounds and the stratigraphy of the central structure. Obviously, in many cases there was a practice of adding complexes of kurgans with “mustaches” to mounds of an earlier epoch. The chronology is determined by the typology of the grave goods and the radiocarbon dates currently known. Along with the few funerary complexes (Kanattas, Borovoe, Zevakino, Kamennyi Ambar, etc.), the kurgans with “mustaches” illustrate the substantive cultural-chronological horizon of the 4–7 centuries AD in the history of nomads in the Ural-Kazakhstan steppes.

Keywords: Ural-Kazakhstan steppes; kurgans with “mustaches”; Early Middle Ages; radiocarbon chronology; typology

Эпоха Великого переселения народов сыграла ключевую роль в формировании этнополитической карты Евразии средневековой эпохи. Примерно в IV–V вв. на Южном Урале, как и во всей урало-казахстанской степи, происходят перемены, которые в общих чертах можно обозначить как переход от позднесарматской к раннетюрской этнокультурной доминанте. Археологически это прослеживается по появлению новых памятников – курганов с «усами».

Курганы с «усами» являются оригинальными археологическими объектами, открытие которых относится к первой половине XX в. Они обнаружены на огромной территории урало-казахстанских степей, от верховьев Иртыша до Зауралья. В классическом виде этот памятник представляет собой курганную насыпь, от которой в восточном направлении тянутся две дуговидные каменные выкладки, длиной до 200 и более метров.

Исследования последних десятилетий и обобщение с ранее известными материалами убеждают в том, что курганы с «усами» обладают реальным потенциалом для выделения отдельной эпохи в истории кочевников. Несмотря на то, что до определенного времени существовали острые проблемы культурно-хронологического определения курганов с «усами» [Маргулан и др., 1966; История Казахской..., 1977; Степная полоса..., 1992; Бейсенов, 1996; Боталов и др., 2006], сегодня можно довольно уверенно утверждать их принадлежность к поздней древности – раннему средневековью, а также высказать предположение о первоначальном этапе тюркизации урало-казахстанских степей.

Географически курганы с «усами» расположены в урало-казахстанских степях (рис. 1), хотя задокументированы единичные случаи их нахождения в Калмыкии и Приднепровье. Широтная же протяженность основного ареала этих памятников составляет примерно 1800 км. Физико-географические районы включают Урало-Мугалжарские, Тургайские и Центрально-Казахстанские степи. В ландшафтном отношении это степи, полупустыни и предгорные районы Тянь-Шаня. При всей обширности территории, можно выделить общие закономерности расположения памятников. Они концентрируются в зонах пенеplена (Зауралье, Кокшетау, Казахское нагорье) и, вместе с тем,

привязаны к верховьям и средним течениям рек. Все это вполне соответствует кочевому скотоводческому хозяйственно-культурному типу и позволяет рассматривать урало-казахстанские степи (с прилегающими территориями) цельной культурно-хозяйственной областью, активно используемой кочевым населением в период IV–VII вв. В данном контексте мы склонны рассматривать курганы с «усами», в том числе, как маркеры хозяйственного освоения степи.

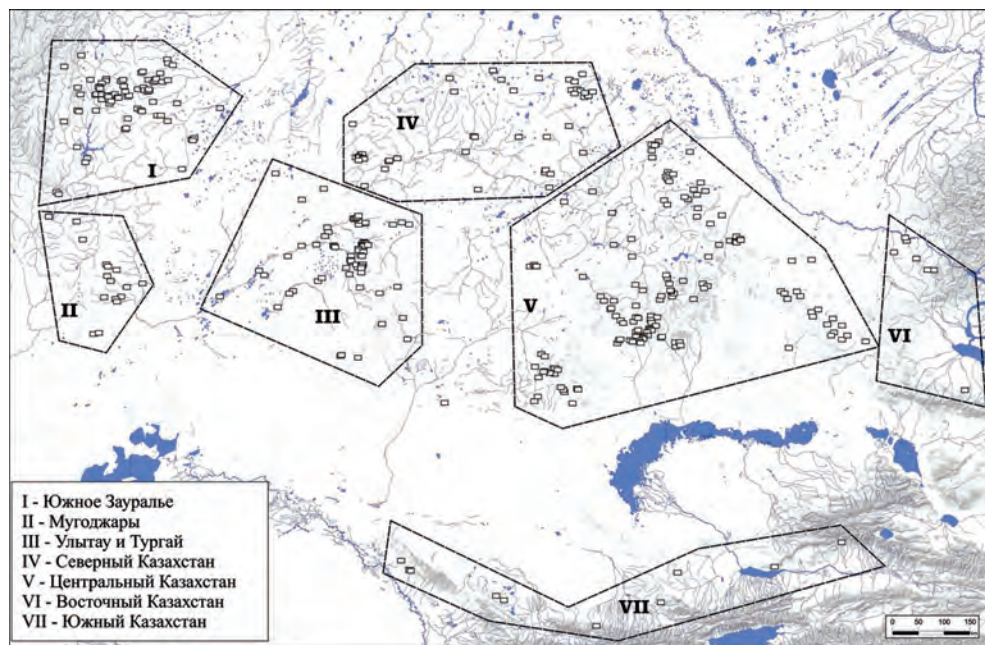

Рис. 1. Карта и районирование курганов с «усами»

Типология комплексов основана на планиграфии центрального сооружения и стратиграфии [Грудочко, 2018]. Всего выделено три типа по количеству насыпей (I, II, III). В каждом из которых различаются три варианта по наличию или отсутствию объектов ранней эпохи (а, б, с) (рис. 2).

Все приведенные модели курганов с «усами», если отбросить очевидные инокультурные элементы (б, с), объединяются схожими чертами, которые заключались в одноразовом жертвенно-поминальном акте. В «чистом» виде они проявляются в подтипах «а» (Ia, IIa, IIIa). В исключительных случаях в них совершались человеческие захоронения. Разновидность «б» предполагает использование площадки насыпи ранней эпохи для возведения центрального сооружения кургана с «усами», а «с» - строительство комплекса с восточной стороны раннего кургана. Выделенные типы (I, II, III) отличаются количеством насыпей, но функционально объединяются теми же жертвенно-поминальными традициями. Среди определяющих признаков можно назвать каменную архитектуру насыпи, наземный характер жертвенно-поминальных

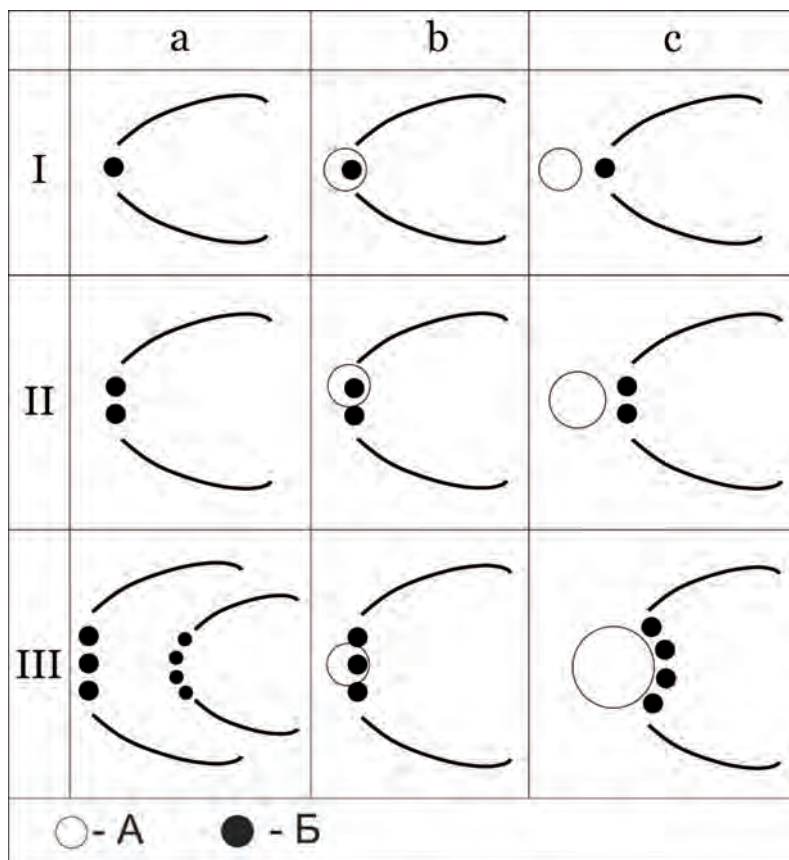

Рис. 2. Типология курганов с «усами». А – курган ранней эпохи;
Б – головной курган комплекса с «усами»

действий, стабильное отсутствие человеческих погребений (с исключениями), установка сосудов в материковом углублении при почти устойчивом отсутствии иного предметного комплекса, остатки кострищ, отдельные кости животных (как правило, лошадь) или целые туши. Все эти признаки хорошо продемонстрированы в типах Ia, IIa, IIIa, в которых достоверно прослежено отсутствие инокультурных включений.

Пространственное распределение типов выглядит следующим образом. Из известных нам памятников планы насыпей и конфигурация их расположения известна для 425 (100%) комплексов. Наиболее распространенным и многочисленным для всех территорий является автономный комплекс с одной насыпью (239) – 56%, в числе которых и тип Ib, построенный непосредственно на объекте ранней эпохи – в большинстве случаев они выявляются только в процессе раскопок. Меньшее количество составляют комплексы с двумя (50) – 12% и тремя (21) – 5% насыпями. Наибольший интерес представляет разновидность Ic, представленная 106 памятниками (25%). Если в Южном Зауралье их встречено всего 3, то на Тургае их уже 7, а в Центральном

Казахстане – 89. Все это свидетельствует о трансформации традиции строительства курганов с «усами» по мере освоения кочевниками степных пространств с востока на запад [Грудочко, 2019, с. 18, 19].

Анализ **архитектуры** показывает, что неизменным для всех территорий остается использование камня [Боталов и др., 2006, с. 92–109]. Обычно камень составляет основу тела насыпи и полностью заполняет его. Можно говорить о двух способах формовки. Первый – каменный наброс, наиболее мощный в центре и постепенно уменьшающийся к краям. Второй – ограды, мощные по краям и уменьшающиеся к центру. В тех случаях, когда удавалось установить расположение камней, отмечено, что наиболее крупные лежали по краям, выполняя роль крепиды. В нескольких случаях отмечено минимальное использование камня. «Многоугольность» конструкции, которую нередко в своих описаниях отмечают исследователи, по нашему мнению, продиктована не столько ритуальным характером, сколько техническими особенностями формовки насыпи при ее сооружении. В ряде случаев прослежена локализация крупных камней по краю насыпи, что отражает первоначальное оконтуривание площадки, которое впоследствии было заполнено другими камнями. Для разновременного типа «с» следует обратить внимание на резкую разницу архитектуры большой (ранней) насыпи и пристроенного к нему кургана с «усами». Размеры первой достигали 20 и более, при средней высоте 1,5 м, что также свидетельствует об отличиях архитектурных и иных традициях населения раннего железа, с одной стороны, и населения средневековья. Разновременность особенно хорошо подтверждается установленными фактами разборки ранней кольцевой оградки. Вероятней всего, помимо несомненного ритуального смысла, старые насыпи использовались и в практических целях – в качестве наиболее доступного и простого источника каменного строительного сырья.

Основным строительным материалом для создания гряд, как и центральных насыпей, был камень. Это является объединяющим признаком курганов с «усами» всех территорий. Грунтовые гряды являются отличительной особенностью зауральской группы памятников и пока не встречены в других регионах. В конструкции «усов» прослежено три способа их сооружения, из которых наиболее популярный – простая укладка камней, в 1–2, реже в 2–3 слоя, не ниже уровня древней поверхности. Менее распространены коридорообразные сооружения и цепочки из пристроенных выкладок. Последние в редких случаях могли представлять значительно разреженные вымостки, соединенные обычными каменными дорожками. В нескольких случаях зафиксированы сочетания различного оформления «усов»: коридорообразных строений и пристроенных выкладок [Оразбаев, 1969, с. 181–182; Арсланова, 1975, с. 117; Боталов и др., 2006, с. 32–33, рис. 16, Л]. Фигуры гряд в плане, при всей схожести оформительских канонов, имели разные пропорции и отражают, вероятно, сложности и особенности «проектировочных» работ. Одним из ярких элементов строения гряд или их окончаний является наличие вертикальных камней или стел. Необходимо подчеркнуть, что все перечисленные черты, способы и элементы постройки (кроме грунтовых) отмечены для курганов

с «усами» на всей территории их распространения, что ярко иллюстрирует общие закономерности их устройства и общность традиций оставившего их населения.

Несмотря на то, что археологических материалов, подробно освещающие конструктивные особенности гряд-«усов» крайне мало, все же существует довольно простой способ проследить региональные особенности практически для всех курганов с «усами» – проанализировав длины гряд. Из 553 курганов с «усами» длины известны для 439 комплексов (100%). Мы их разделили на 4 группы по диапазону длин: «0–49 м» (123 комплекса/28%); «50–99 м» (160/37%); «100–150 м» (98/22%) и «более 150 м» (58/13%). На Южном Урале (70 доступных памятников) наиболее распространены «50–99 м» и «100–150 м» (по 37%) и всего 5 комплексов (7%) имели длину «0–49 м». На Тургае (100) соотношение примерно такое же, но, вместе с тем, самые короткие «усы» имеют уже 11 комплексов (11%). Другое распределение иллюстрируют памятники Центрального Казахстана (192). Большинство (86) имело самые короткие гряды (45%) и гряды длиной 50–99 м (39%). Более 100 м составляют 10% и 6% памятников [Грудочко, 2019, с. 20, 21]. Надо полагать, что различия между западными (Южное Зауралье, Тургай) и восточным (Центральный Казахстан) иллюстрируют аналогичную ситуацию с распределением типов курганов с «усами», когда, по мере продвижения на запад, менялись некоторые каноны строительства, связанные с автономизацией курганов с «усами». Закономерно можно предположить и относительную хронологию курганов с «усами»: более ранние на востоке и более поздние на западе.

Наиболее выразительной и устойчивой чертой **ритуальной практики** курганов с «усами» является установка керамического сосуда под центральной насыпью [Боталов и др., 2006, с. 121–137]. В большинстве случаев задокументировано, что сосуд находился в восточном (48%) или северо-восточном (35%) секторе. В единичных случаях указаны другие локализации. Основным жертвенным животным являлась лошадь. В 12 случаях удалось зафиксировать целые скелеты или отдельные ее части, лежащие в анатомическом порядке. Их позы, как правило, фиксируются в положении лежа на боку, с вытянутыми ногами. Заметной чертой курганов с «усами» являются остатки кострищ, которые, как правило, локализуются в центральной части подкурганного пространства.

Общие наблюдения показывают, что для большинства комплексов характерно отсутствие сопроводительного инвентаря, при устойчивом наличии ритуальной площадки, жертвенного животного и керамического сосуда. При этом каждый фиксируемый элемент обряда имел свое место в ритуальном пространстве. Сосуд, как правило, занимал периферийное положение по отношению к центральной части. Кости животных, особенно остатки целых туш, в свою очередь, были уложены преимущественно в середине. Ядром ритуального пространства выступала, как правило, центральная часть, где устраивался костер либо фиксируется искусственная площадка без следов горения.

Функция кургана с «усами», как показывают раскопки, в абсолютном большинстве случаев не была связана с погребальной практикой (за исключением нескольких комплексов). Нам кажется, что основной смысл мероприятия, который сопровождался постройкой кургана с «усами», заключался в коллективных праздниках, поминках или просто встречах между аилами во время весенне-летнего периода. Конечной стадией данного «мероприятия», по-видимому, следует считать засыпку (закрытие) ритуального пространства в месте центрального кургана, т. е. заброску камнем ритуальной площадки. При этом, как показывает стратиграфия и условия обнаружения обрядовых элементов, курган с «усами» представлял собой одноразовое жертвенно-поминальное сооружение. Значение этой постройки могло сводиться к символическому моделированию на местности некоего жизненного пространства, изображая вид кочевого аула или юрты [Маргулан, 1948; Боталов и др., 2006, с. 156; Грудочко, 2019, с. 23].

Анализ **предметного комплекса** позволяет заключить, что наиболее многочисленны находки стрелкового оружия. Круг аналогий очерчен, в основном, памятниками гуннского времени Восточной Европы, предтюркского и раннетюркского времени Алтая. Для всех категорий вооружения характерны технологические новации, произошедшие в середине I тыс. н.э. (трехлопастные ромбические наконечники стрел, стрелковые пояса, однолезвийные мечи-палаша). Многие элементы вряд ли являются продолжением развития оружейного комплекса предшествующей гунно-сарматской культуры. Более вероятно их центральноазиатское происхождение. В снаряжении коня интерес представляют подпружные пряжки и обкладки ленчиков седла, которые иллюстрируют развитие седел жесткого типа. Полихромные украшения (рис. 4, 8–17) находят аналогии с памятниками эпохи Великого переселения народов. Представленный вещевой комплекс датируется преимущественно второй половиной IV–VI в. н.э.

Хронология курганов с «усами» основана на радиоуглеродных данных и типологии инвентаря. Всего проанализировано 14 радиоуглеродных дат из комплексов Центрального Казахстана и Зауралья.

Особое значение имеют два памятника из Центрального Казахстана (Тандайлы 2, Жамантас), которые представляют собой комплексы, состоящие из большого кургана, к которому пристроен комплекс с «усами» (тип Ic). Даты из большого кургана относятся к раннему железному веку (2468 ± 28 и 2471 ± 32), тогда как головной курган комплекса с «усами» был сооружен на 700–800 лет позже (1795 ± 36 и 1654 ± 30) [Бейсенов и др., 2016; 2017]. Такая ситуация еще раз иллюстрирует практику использования ранних насыпей в строительстве курганов с «усами».

Суммирование всех вероятностей позволяет с высокой степенью достоверности (95.4%) утверждать, что курганы с «усами» были оставлены от первых десятилетий III до середины VII вв. н.э. Однако необходимо отметить, что типологически инвентарь датируется IV–VII вв., поэтому последний вариант хронологических рамок на сегодняшний день кажется нам наиболее обоснованным.

Для этого периода нам известно 11 погребальных комплексов (Боровое, Канаттас, Зевакино, Кара-Агач, Каменный Амбар и др.) [Козырев, 1905; Бернштам, 1951; Кадырбаев, 1959, с. 179–182; Арсланова, 1975, с. 117–118; Костоков, 1995; Боталов, 2009; Бейсенов, Веселовская, 2013; Бейсенов, Китов, 2013; Шевнина, Логвин, 2015, с. 152–163], которые объединяют

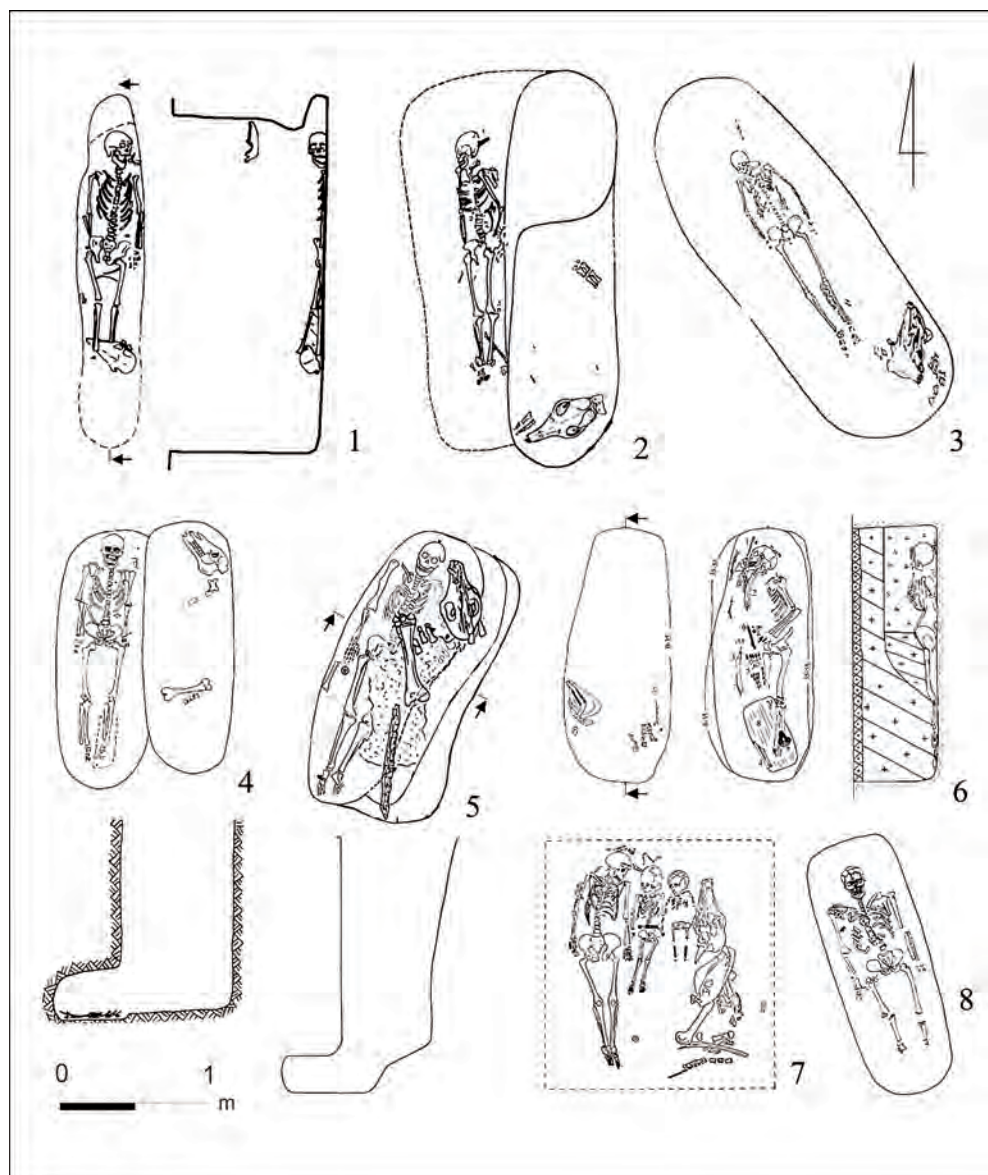

Рис. 3. Погребальные комплексы второй половины IV–VI вв. урало-казахстанских степей: 1 – Аркаим; 2, 3 – Каменный Амбар; 4 – Енбекшил; 5 – Городищенское; 6 – Халвай; 7 – Канаттас, курган 19; 8 – Назар

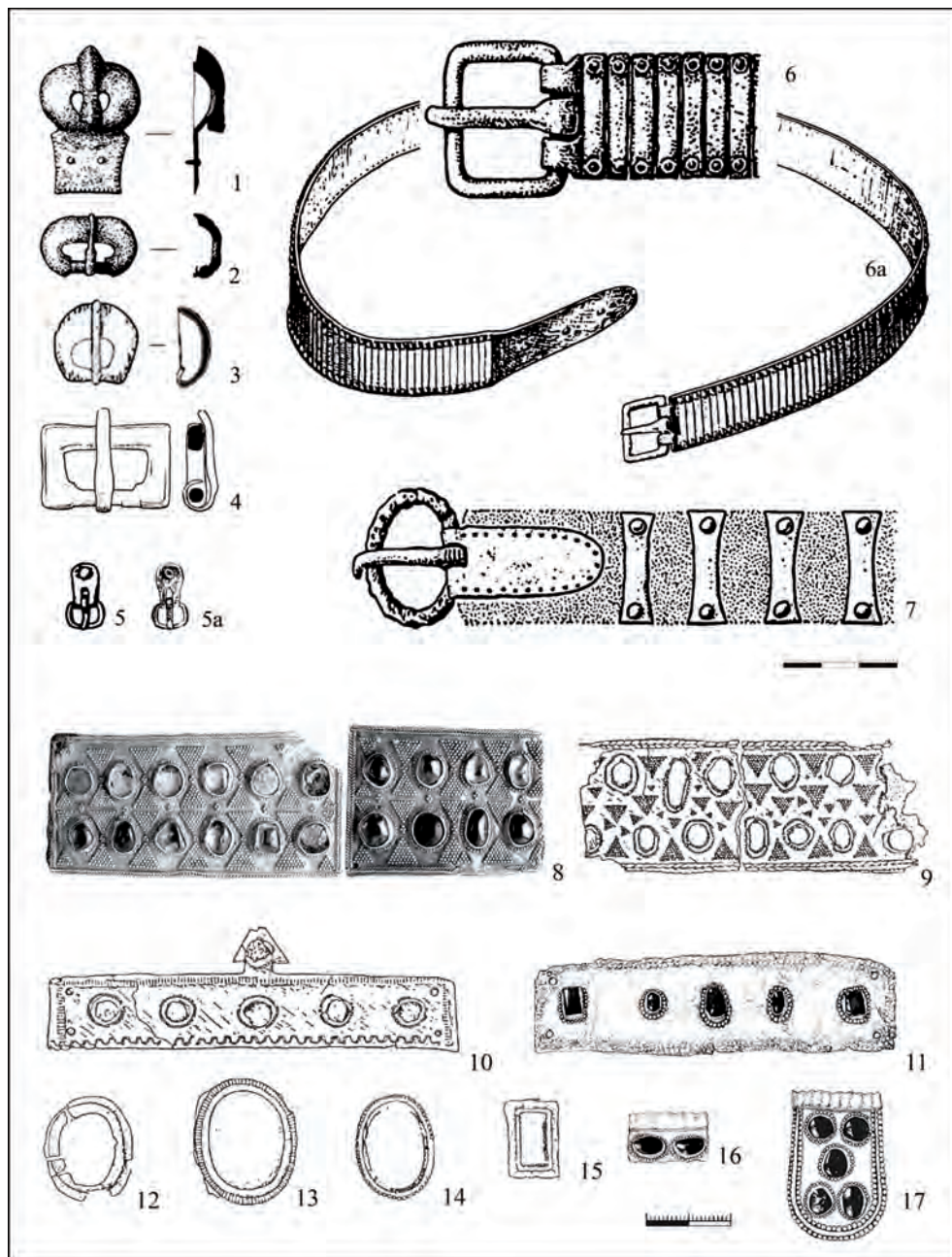

Рис. 4. Инвентарь из курганов с «усами» и синхронных погребальных памятников V–VI вв. урало-казахстанских степей: 1, 2 – Каменный Амбар (курган 6) [Костюков, 1996]; 3 – Аркаим [Боталов, 2009]; 4 – Боровое [Бернштам, 1951]; 5, 5а, 6, 6а, 8 – Канатас (курган 19) [Кадырбаев, 1959]; 5/5а – варианты прорисовок пряжки [Кадырбаев, 1959; Археологическая карта..., 1960]; 6а – реконструкция пояса; 7 – Зевакино (курган 1) [Вопя, 1991]; 9, 10, 12–15 – Солончанка I [Любчанский, Таиров, 1999]; 11, 16, 17 – Атасу-2 [Бейсенов и др., 2018]

северная ориентировка, наличие шкуры лошади и предметный комплекс, соответствующий инвентарю из курганов с «усами» (рис. 3, 4). Характерной особенностью является отсутствие могильников и впускной (отчасти, случайный) характер этих захоронений, что в какой-то мере повторяет манеру построек курганов с «усами». Данные погребальные традиции мы склонны связывать с тем же населением, что оставило курганы с «усами».

Этапы развития этой традиции можно реконструировать следующим образом. Наиболее ранние комплексы (III–IV вв.) появляются на верхнем Иртыше и в Восточной Сарыарке, а затем, к концу IV в., достигают восточных предгорий Урала. Здесь новые кочевники контактируют с поздним гунно-сарматским населением, что отразилось в появлении грунтовых гряд, которые неизвестны в более восточных курганах с «усами». Нахождение кушнаренковской керамики в двух зауральских комплексах [Боталов и др., 2006, с. 134, 135] характеризует контакты кочевников с лесостепным населением.

Сопоставление археологических и исторических данных позволяет предположить, что появление курганов с «усами» в урало-казахстанских степях, как и распространение новых форм вооружения в гуннское и постгуннское время, произошло в результате миграции огурских (раннеболгарских) племен, сведения о которых появляются в западных источниках в середине V в. В этой связи обращает на себя внимание наличие курганов с «усами» далеко на западе, в Калмыкии (Три Брата) и Приднепровье (Новогригорьевка). Надо полагать, что данная традиция утвердилась именно в урало-казахстанских степях, отражая появление новых кочевников, исходной территорией которых являлась Джунгария/Жонгария.

Литература

Арсланова Ф.Х. Курганы «с усам» Восточного Казахстана // Древности Казахстана. Алма-Ата: Наука КазССР, 1975. С. 116–129.

Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата: АН КазССР, 1960. 488 с.

Бейсенов А.З. Культурно-ритуальные сооружения древних кочевников Центрального Казахстана // Известия Министерства науки АН РК. Сер. обществ. наук. 1996. № 2. С. 31–40.

Бейсенов А.З., Веселовская Е.В. Погребение гуннского времени из могильника Енбекшил (Центральный Казахстан) // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов: сб. науч. тр. / Отв. ред. Н.Н. Крадин, И.Э. Любчанский. Челябинск: Издат. центр ЮУрГУ, 2013. С. 446–461.

Бейсенов А.З., Дуйсенбай Д.Б., Ахияров И.К., Святко С.В. Радиоуглеродные даты кургана с «усами» из могильника Тандайлы 2 в Центральном Казахстане // Евразия в Кайнозой. Стратиграфия, палеоэкология, культуры / отв. ред. И.М. Бердников, Е.А. Липнина. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2016. Вып. 5. С. 233–239.

Бейсенов А.З., Дуйсенбай Д.Б., Святко С.В. Курган с «усами» Жамантас // Самарский научный вестник. 2017. № 3 (20). Т. 6. С. 227–231.

Бейсенов А.З., Китов Е.П. Впускное погребение гуннского времени из могильника Назар-2 (Центральный Казахстан) // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов: сб. науч. тр. / Отв. ред. Н.Н. Крадин, И.Э. Любчанский. Челябинск: Издат. центр ЮУрГУ, 2013. С. 462–467.

Бейсенов А.З., Торгоев А.И., Дуйсенбай Д.Б., Ахияров И.К. Курган с «усами» Атасу-2 // Поволжская археология. 2018. № 3 (25). С. 103-117.

Бернштам А.Н. Находки у оз. Борового в Казахстане // Сборник музея антропологии и этнографии. 1951. Т. XIII. С. 216–229.

Боталов С.Г. Позднегуннское или раннетюркское время в заволжских и урало-казахстанских степях // Этнические взаимодействия на Южном Урале: сб. науч. тр. Челябинск: Издат. центр ЮУрГУ, 2009. С. 128-138.

Боталов С.Г., Таиров А.Д., Любчанский И.Э. Курганы с «усами» урало-казахстанских степей. Челябинск: Южно-Уральский филиал ИИА УрО РАН, 2006. 232 с.

Грудочко И.В. Курганы с «усами»: типология и проблема культурно-хронологической интерпретации // Маргулановские чтения–2018: сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф. «Духовная модернизация и археологическое наследие» (г. Актобе, 19–20 апреля 2018 г.). Алматы; Актобе: Институт археологии им. А.Х. Маргулана; Актюбинский областной историко-краеведческий музей, 2018. С. 231-236.

Грудочко И.В. Курганы с «усами» как ритуальные комплексы кочевников урало-казахстанских степей IV–VII вв. н.э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2019. 32 с.

История Казахской ССР: в 5 т. Алма-Ата: Наука КазССР, 1977. Т. I. 479 с.

Кадырбаев М.К. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // Труды ИИАЭ АН КазССР. 1959. Т. 7. С. 162-203.

Козырев А.А. Раскопка кургана в урочище Кара-Агач Акмолинского уезда // Известия ИАК. 1905. Вып. 16. С. 27-36.

Костюков В.П. Раннесредневековые курганы могильника Каменный Амбар-5 // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа: Гилем, 1995. С. 151-160.

Любчанский И.Э., Таиров А.Д. Археологические исследования комплекса Курган с «усами» Солончанка I // Курган с «усами» Солончанка I: сб. науч. тр. / Отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-т, 1999. С. 5-62.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. 435 с.

Оразбаев А.М. Курган «с усамы» в могильнике Джанайдар как архитектурный памятник // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1969. С. 175-189.

Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Серия: Археология СССР. М.: Наука, 1992. Т. 10. 494 с.

Шевнина И.В., Логвин А.В. Могильник эпохи бронзы Халвай III в Северном Казахстане. Материалы и исследования по археологии Казахстана. Т. 7. Под общей редакцией З. Самашева. Астана: Филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2015. 248 с.

Вона I. Das Hunnen-reich. Budapest: Corvina, 1991. 294 с.

А. Бондарев, М. Бондарев, А. Досымбаева

МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ ТЮРКСКОГО НАСЛЕДИЯ НА ТЕРРИТОРИИ КАЗАХСТАНА

Многолетние комплексные археолого-этнографические исследования, направленные на изучение и сохранение культовых тюркских памятников, послужили основанием для обоснования локализации трех святилищ на территории Казахстана. Состав каждого из святилищ представлен многочисленными ритуальными конструкциями со статуарными образцами, стелами, алтарями, корпусом памятников наскального искусства и родовыми тамгами. Последовательное исследование в общем контексте взаимной связи различных по типу памятников в составе святилищ послужило основанием для решения вопросов хронологической и этнокультурной интерпретации тюркского наследия. Методы одновременного изучения и сохранения тюркского наследия в естественной природной среде, в местах локализации памятников, реставрационные работы по воссозданию облика памятников и охранные мероприятия как неотъемлемая часть их сохранения в ландшафте степи свидетельствуют об историко-культурной уникальности изученных объектов. Созданные в многовековой период, служившие в качестве объектов поклонения, воссозданные в своем первоначальном виде в той же природной среде, культовые памятники иллюстрируют своеобразие степной культуры тюркских народов на территории Казахстана.

Ключевые слова: изучение, сохранение, культ, ритуал, святилище, ландшафт, сакральный

Қазақстан аумағындағы түркі дәуірі мұраларын зерттеу мен сақтау әдістері

Түркі ескерткіштерін зерттеуге және сақтауға бағытталған ұзақ мерзімді кешенді археологиялық және этнографиялық зерттеулер Қазақстан аумағындағы үш ғибадатхананы локализациялау негіздемесі үшін негіз болды. Ғибадатханалардың әрқайсысының құрамына мәртебелі үлгілері, стелалары, алтарьлары, жартас өнері мен рулық таңбалы ескерткіштер кешені бар көптеген ғұрыптық құрылымдар кірген. Ғибадатханалардың құрамындағы әртүрлі ескерткіштердің түрі бойынша өзара байланысын жалпы контексте жүйелі зерттеу түркі мұраларын хронологиялық және этномәдени тұрғыдан түсіндіру мәселелерін шешу үшін негіз болады. Табиғи ортада, ескерткіштердің орындарында түркі мұраларын бір мезгілде зерттеу және сақтау әдістері, ескерткіштердің келбетін қалпына келтіру жұмыстары және оларды далалық ландшафттың ажырамас бір бөлігі ретінде сақтап, қорғау шаралары зерттелген нысанның тарихи-мәдени бірегейлігін дәлелдейді. Ғасырлар бойында қалыптасқан, ғибадат ету нысаны ретінде қызмет еткен, сол табиғи ортада өзінің бастапқы түрінде

қалпына келтірілген киелі ескерткіштер Қазақстандағы түркі халықтарының өзіндік далалық мәдениетін көрсетеді.

Түйін сөздер: зерттеу, сақтау, культ, ғұрып, ғибадатхана, ландшафт, қасиетті

Methods of studying and preserving turkic heritage on the territory of Kazakhstan

Long-term comprehensive archaeological and ethnographic studies aimed at the study and preservation of cult Turkic monuments served as the basis for justifying the localization of three sanctuaries on the territory of Kazakhstan. The composition of each of the sanctuaries is represented by numerous ritual constructions with statuary samples, stelae, altars, a corps of rock art monuments and tribal tamgas. A consistent study in the general context of the interconnection of various types of monuments in the cult served as the basis for solving the issues of chronological and ethno cultural interpretation of the Turkic heritage. Methods of the simultaneous study and preservation of the Turkic heritage in the natural environment, in places of localization of monuments, restoration work to recreate the appearance of the monuments and conservation measures, as an integral part of their conservation in the landscape of the steppe, testify to the historical and cultural uniqueness of the studied objects. Created in the centuries-old period, serving as objects of worship, recreated in its original form in the same natural environment, cult monuments illustrate the peculiarity of the steppe culture of the Turkic peoples in Kazakhstan.

Keywords: study, preservation, cult, ritual, sanctuary, landscape, sacred

С середины 80-х годов XX столетия были начаты работы по поиску и изучению культовых памятников тюркских кочевников в верховьях реки Мерке (Жамбылская обл.). Комплексные исследования продолжались на протяжении более 20 лет. Процесс комплексных исследований включал многие виды изысканий и начинался с археологической разведки с использованием транспортных средств, но чаще всего, ввиду отсутствия автомобильных дорог, многие маршруты поисков совершались пешком, по горным и степным тропам (рис. 1–3). Процесс открытий новых памятников начинался с первичной документации, включающей в себя фиксацию на местности по километражу от населенного пункта, ориентировки по странам света, с учетом топографического положения на местности и др. (с появлением GPS и его использованием стали наноситься точные координаты памятников). Документирование открытого памятника включало составление графического плана, фотографирование объекта, отрисовку статуарных образцов, в котором обязательным условием было сходство изображения с фотографией. В детальном отрисованном изображении передавались все элементы отображенных на каменной статуе предметов, включая убранство, головной убор, прически и др.

Наряду с ритуальными сооружениями в районах их расположения были открыты каменные алтари, представленные глыбами с чашевидными углублениями, тамги и памятники наскального искусства. Каждый вновь открытый в процессе поиска культовый памятник проходил ту же процедуру документации. В лабораторных условиях создавался паспорт памятника, в котором наряду с описанием объекта указывалась его историческая значимость. Паспорта памятников проходили регистрацию в Институте археологии им. А.Х. Маргулана и в последующем регистрировались в органах управления культуры на местах,

1

2

3

Рис. 1. Памятники святилища Мерке: 1 – Сандык 3. Курган с парными женскими статуями; 2 – Сулысай 3. Курган с парными женскими и одним мужским изваянием; 3 – Тогансай 1. Алтарь с чашевидными углублениями и рунической надписью

1

2

3

Рис. 2. Памятники святилища Жайсан: 1 – начало археологического изучения культово-мемориального комплекса Жайсан 14; 2 – Культово-мемориальный комплекс Жайсан 14 в ландшафте степи долины реки Чу; 3 – Каскырсай. Родовые тамги тюргешей

в инспекциях по охране памятников. В целях сохранения наследия в природной среде производилась работа по популяризации знаний среди населения, административного, управленческого аппарата в районах, селах, областных центрах. В целях более тщательного анализа и документирования исследуемых памятников в контексте хронологической и этнокультурной интерпретации на разных типах конструкций производились археологические раскопки. Результаты более полной информации были опубликованы в серии научных статей и специальной монографии, посвященной исследованиям культовых памятников святилища Мерке [Досымбаева, 2002].

Начиная с начала 2000-х годов аналогичные виды работ по комплексному изучению тюркских памятников и сохранению их в степном ландшафте производились на культовых памятниках в долине Жайсан (Шуский р-н, Жамбылская обл.). Системная работа по изучению территории долины на предмет поиска, открытия памятников оказалась не менее результативной и привела к открытию целой серии культовых конструкций с каменными скульптурами и стелами. Наряду с описанными сооружениями на территории долины Жайсан, в непосредственной близости от ритуальных сооружений, на прилегающих скальных участках урочищ располагались многочисленные сцены с петроглифами, тамгами. Методика комплексных исследований всех типов памятников производилась с использованием всех доступных способов фиксации для документации вновь открытых объектов культурного наследия. Работы по популяризации знаний освещались во всех доступных видах информационных систем: в СМИ, научных изданиях, проведенных полевых семинарах, в докладах на республиканских и международных конференциях. Основные итоги комплексных работ, включая вопросы хронологии и этнокультурной интерпретации, подведены в изданной монографии, написанной совместно с одним из молодых специалистов, внесшим свой вклад в изучение тюркского наследия [Досымбаева, Богенбай, 2015].

Последовательное изучение и систематизация данных о памятниках Меркенского и Шуского районов, наличие серийных образцов ритуальных конструкций со сходными признаками и типологически похожие или же отличительные черты в стилях изображений статуарных образцов послужили основанием для ряда основополагающих выводов. Прежде всего, стало очевидным, что районы компактной локализации сходных культовых сооружений представляют собой родовые святилища – места проведения ритуалов поклонения выдающимся персонам тюркского общества, о чем свидетельствуют многочисленные статуарные образцы, установленные на конструкциях. Компактная локализация памятников в живописном ландшафте, по своим параметрам приравниваемая к данным по особо охраняемым природным территориям, свидетельствует об особом отношении к окружающей среде обитания. Описываемый фактор подтверждает мысль о том, что особое отношение к природе составляло основу идеи о неделимости жизни человека со средой обитания, повлекшей за собой создание обрядов, посвященных ритуалу поклонения силам природы. Свидетельствами таковых служат пространственная локализация всех типов культовых объектов в открытом

1

2

3

Рис. 3. Памятники археолого-этнографического комплекса Кумай: 1 – открытие полуразрушенного скульптурного изображения на памятнике Карагайлы 1; 2 – Карагайлы 1. Процесс изучения, сохранения и реставрации культурно-мемориального памятника тюркского кагана; 3 – Карагайлы 1. Статуарный облик тюркского кагана в ландшафте казахской степи (после реконструкции и реставрации, произведенной М. Бондаревым)

ландшафте совместно с концентрацией памятников наскального искусства и других объектов культа в подобных условиях.

С другой стороны, в процессе типологического анализа конструктивных особенностей культовых сооружений, обликов персон изваянных в камне на памятниках святилища Мерке и святилища Жайсан были выявлены их очевидные кардинальные различия. Серийные образцы ритуальных памятников святилища Мерке, представленные курганными сооружениями, содержали однотипные мужские и женские безоружные каменные изваяния (всего зафиксировано 76 изваяний, установленных на 51 курганах).

На культовых сооружениях святилища Жайсан, представленных иным типом конструкций в форме прямоугольных каменных оград, заполненных камнем, с восточной стороны установлены статуарные образцы с другим набором индивидуальных черт. Основной тип обликов персон, изваянных в камне, на ритуальных оградах святилища Жайсан показаны в позах, отличных от тех, которые изображены на памятниках святилища Мерке. Основные атрибуты, изображаемые на изваяниях, представлены сосудами в руках статуарных образцов: на памятниках святилища Мерке показаны в обеих, сложенных на уровне живота руках. Показательно также отсутствие предметов вооружения на описываемых памятниках. Иным набором черт отличаются изваяния святилища Жайсан, характерным признаком которых является изображение сосуда в правой, полусогнутой на уровне груди руке, изображение поясов и предметов вооружения. Результаты сравнительного анализа артефактов из раскопок, конструктивных особенностей ритуальных сооружений, иконографического облика каменных изваяний из памятников двух святилищ послужил основанием для выводов о хронологической и этнокультурной дифференциации объектов, созданных различными тюркскими племенами в VI–IX вв. [Досымбаева, 2013, с. 152].

Опыт комплексного последовательного исследования культовых памятников на территории Жамбылской области стал основанием для дальнейшего поиска и открытий целой серии новых объектов ритуальных сооружений тюрков в Сарыарке. С 2009 г. были начаты археологические изыскания в Ерейментауском районе Акмолинской области. Планомерные работы по поиску, открытиям и исследованиям показали, что археолого-этнографический комплекс Кумай, расположенный в степном ландшафте левобережья реки Кумай, в предгорной зоне хребта Буйратау, был создан в качестве места проведения ритуалов поклонения силам природы и душам обожествленных прародителей. Использование уже отработанной методики поиска, фиксации, документирования памятников послужили подспорьем в вопросе научного обоснования комплекса вновь открытых культовых сооружений как единого по содержанию и культового по назначению объекта. Все ритуальные конструкции с каменными изваяниями (всего 15) возможно объединить в тюркское святилище, но наличие в непосредственной близости от таковых многочисленных конструкций эпохи бронзы и памятников других эпох позволяет объединить весь комплекс памятников термином археолого-этнографический комплекс [Досымбаева, Нускабай, 2012, с. 18–20].

Результаты комплексного исследования памятников трех святилищ, сравнительный типологический анализ конструктивных особенностей культовых сооружений, иконографических характеристик статуарных образцов, установленных на оградах и курганах всех трех святилищ, позволил прийти к ряду основополагающих выводов. Описываемые святилища создавались различными тюркскими племенами и функционировали на протяжении длительного исторического периода. Согласно данным по памятникам святилища Кумай, результатам иконографического анализа обликов статуй, установленных на ритуальных оградах, артефактов, изображенных на них, описываемый культовый объект был создан и служил местом почитания восточных тюрков в гуннскую эпоху. Сакральные памятники святилища Мерке с другим характерным набором черт являлись местом проведения ритуалов западных тюрков в период расцвета Западного Тюркского каганата. Весь набор признаков памятников святилища Жайсан свидетельствует о том, что восточные тюрки в лице племен, входивших в орбиту влияния конфедерации карлуков, после 766 года переселяются на земли Жетысу и согласно своим идеологически воззрениям проводят ритуалы на этой земле [Досымбаева, 2012, с. 154].

Следствием многолетних планомерных исследований, направленных на комплексное изучение, введение в научный оборот и сохранение культурного наследия тюркских народов на территории казахской степи, стали важные итоги, которые можно подытожить в следующем. Памятники всех тюркских святилищ вошли в научный оборот, они сохранены в первозданном ландшафте степи, они узнаваемы и стали (становятся) объектами республиканского и международного туризма. И одним из главных достижений является факт вхождения описанных в статье культовых памятников в число сакральных объектов общенационального значения и в Государственный список сакральной географии Казахстана [Сакральные объекты Казахстана общенационального значения, 2017, с. 117-119; с. 130-133; Сакральная география Казахстана, 2017, с. 10–11, 31, 298–299, 319–320].

Литература

Досымбаева А. Мерке – сакральная земля тюрков Жетысу. Тараз: Жамбылский издательский центр “Сеним”, 2002. 108 с.

Досымбаева А., Нускабай А. Тюркский археолого-этнографический комплекс Кумай. Астана: “Signet Press”, 2012. 146 с. (на каз., турецк. и рус. яз.).

Досымбаева А. История тюркских народов. Традиционное мировоззрение тюрков. Алматы: “Service Press”, 2013. 250 с.

Досымбаева А., Богенбай Н. Жайсан Шу өзені алқабы түрктерінің киелі жері. Жайсан сакральная земля тюрков долины реки Чу. Алматы: “Evo Press”, 2015. 192 б. (на каз., рус. яз.).

Сакральная география Казахстана. Реестр объектов природы, археологии, этнографии и культовой архитектуры / под общ. ред. Б. А. Байтанаева. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. Вып. 1. 904 с.

Сакральные объекты Казахстана общенационального значения. Астана: Foliant, 2017. 496 с.

А. Д. Искандерова

СТЕКЛО СРЕДНЕВЕКОВОГО ХОРЕЗМА

Изучение средневековых стеклянных изделий из Средней Азии охватывает период около полувека, фактически с начала широко развернувшихся раскопок средневековых памятников Средней Азии. Археологические исследования, связанные с изучением средневековых городов Узбекистана, выявили их роль как центров ремесла, торговли и сельского хозяйства. Здесь было развито стекольное ремесленное производство, наряду с гончарным, кузнечным, медницким, ювелирным и многим другими отраслями. Набор стеклянной посуды в средневековый период состоял в основном из столовой посуды и был непосредственно связан с бытом, традициями, вкусами населения того времени. Собранные материалы IX-XIV вв. говорят о заметном увеличении производства и широком употреблении в быту стеклянной посуды. В статье использованы на сегодняшний день все доступные материалы стеклянных изделий, хранящихся в музейных фондах, а также опубликованные работы, посвященных стеклянным изделиям средневекового Хорезма.

Ключевые слова: Хорезм, средневековье, стекло, история изучения, классификация, типы, группы

Ортағасырлық Хорезмнің шынысы

Орта Азиядағы ортағасырлық ескерткіштерден табылған шыны бұйымдардың зерттелу тарихы жарты ғасырға жуық уақытты қамтиды. Өзбекстандағы ортағасырлық қалалармен байланысты археологиялық зерттеулер, ортағасырлық қалалардың қолөнер, сауда және ауыл шаруашылығының орталығы болғанын көрсетеді. Онда көзешілік, металл балқыту, зергерлік және басқа да қолөнер салаларымен қатар шыны бұйымдарын жасау кәсібі де жақсы дамыған. Ортағасырлық шыны ыдыстар сол кездегі халықтың талғамына, дәстүріне сай күнделікті тұрмысқа және ас үйге арналып жасалды. IX–XIV ғасырларға мерзімделетін шыны ыдыстар топтамасы күнделікті тұрмыста кеңінен қолданыста болғанын дәлелдейді. Мақалада ортағасырлық Хорезмнің шыны бұйымдарына арналған жарияланымдар, сонымен қатар қазіргі таңда қолжетімді, жергілікті музей қорларында сақталған шыны бұйымдар кешені пайдаланылды.

Түйін сөздер: Хорезм, орта ғасыр, шыны, зерттелу тарихы, жіктеу, түрі, тобы

Glass of medieval Khorezm

The study of medieval glassware from Central Asia covers the period of about half a century, in fact, from the beginning of the extensive excavations of medieval monuments of Central Asia. Archaeological research related to the study of medieval cities of Uzbekistan, revealed their role as centers of craft, trade and agriculture. Glass crafts were developed here, along with pottery, blacksmithing, copperworks, jewelry, and many other industries. A set of glassware in the medieval period consisted mainly of tableware and was directly related to everyday life, traditions, and tastes of the population of that time. The collected materials

of the 9th–14th centuries indicate a marked increase in production and widespread use of glassware in everyday life. To date, the article uses all available materials of glass products stored in museum collections, as well as published works on glass products of medieval Khorezm.

Keywords: Khorezm, Middle Ages, glass, history of study, classification, types, groups

В средневековых письменных источниках освещаются процессы культурного и торгово-экономического развития в Южном Приаралье и Хорезмском оазисе. Об этом писали автор X в. Ибн Руста («Книга драгоценностей»), Аль-Истахри (Книга путей и стран), Аль-Макдиси («Лучшее разделение для познания ... климатов»), «Худуд ал-алам»; в XIII–XIV вв. Ибн Баттута («Путешествие»), Аль-Омарий («Пути взоров по государствам крупных центров»); XV в. Аль-Бакуви («Сокращение [книги] о «памятниках» и чудеса даря могучего») и другие источники [СМИЗО, 1884; МИТТ. Т. I]. По словам автора XIII века в Хорезме насчитывалось около 50 специализированных ремесел [Буниятов, 1986, с. 102, 228]. Археологическими исследованиями были выявлены ремесленные изделия и их мастерских в окрестностях средневековых городов и поселений в период Афригидов, Хорезмшахов, Золотой Орды и Тимуридов. В городищах и окрестностях Кяткала, Сарлытам, Бештам, Уйгарак, Пулжай, Айгельди, Дарялыккуль, Куны-Уаз, Шехрлик были найдены орудия труда, оружие, ювелирные изделия, пояса, конская упряжь, костяные и каменные изделия, а также прекрасные образцы стеклянных изделий [Толстов, 1962, с. 284; 289; Вишневская, 1963, с. 60, 67; Неразик, 1976, с. 105–115]. За последние годы археологические исследования средневековых городов Хорезма дали разнообразный материал по стеклянным изделиям.

Изучение стекольного производства в Средней Азии началось в XIX в. профессором Петербургского университета Н. И. Веселовским (1884–1885 гг.) по Туркестанскому краю. Его раскопки в Ахсикете, Той-Тюбе и на городище Афрасиаб дали значительное количество находок стеклянных изделий [Веселовский, 1891], что дало ему обратить внимание на развитие стекольного производства. Сообщение китайской хроники начала V в. н.э., на которое впервые обратил внимание еще в 1893 г. Н. И. Веселовский, свидетельствует о том, что в Центральной Азии в это время имелось свое стекольное производство, и были мастера, которые знали технику его изготовления [Веселовский, 1893]. В результате сбора случайных находок и создания частных коллекций, накопились материалы по среднеазиатскому стеклу. Появлялись статьи о стеклянных изделиях [Зимин, 1913; 1915; Кастанье, 1915; Кларе, 1904]. В работе В. Л. Вяткина, посвященной Афрасиабу, автор кратко останавливается на описании некоторых форм средневековой стеклянной посуды Самарканда [1926, с. 60–63]. А. Ю. Якубовский в своей статье «Среднеазиатские собрания Эрмитажа и их значение для изучения истории культуры и искусства Средней Азии до XVI в.» обратил внимание на отсутствие специальных исследований по среднеазиатскому стеклу [Якубовский, 1940]. В том же году вышла в свет

работа В. Д. Жукова, полностью посвященная описанию и анализу стеклянных медальонов из дворца термезских правителей [цит. по: Абдуразаков и др., 1963, с. 9]. Химико-технологическое направление в изучении стекла получило дальнейшее развитие в систематических работах М. А. Безбородова [1946; 1956]. Е. А. Давидович в разработке истории среднеазиатского стекла дала описательный анализ находок, рассмотрела технику и приемы изготовления стеклянных изделий из городища Нисы. Помимо классификации и датировки стеклянных изделий, в этой работе рассмотрены общие вопросы развития стеклоделия Средней Азии [Давидович, 1949, с. 373–399]. Широкие археологические исследования послевоенных лет способствовали накоплению данных по истории среднеазиатского стекла. Материалы были частично опубликованы в статьях, отчетах и в археологических трудах А. М. Беленицкого, А. Н. Бернштама, Н. Н. Вактурской, Ю. А. Заднепровского, М. Е. Массона, Б. Я. Ставиского, А. И. Тереножкина, С. А. Трудновской и др. Появились специальные исследования, посвященные отдельным видам стеклянных изделий (М. Аминджановой, И. Ахрарова, Э. Гулямовой, Е. А. Давидович, Л. Мережина, Б. Я. Ставиского). Краткий обзор изучения стекла Средней Азии дан в книге М. А. Безбородова [1946; 1956], в которой приведены химические анализы среднеазиатских стекол, сопоставлены стекла Средней Азии со стеклами других стран. Химические анализы различных среднеазиатских стекол опубликованы в монографии А. А. Абдуразакова, М. А. Безбородова и Ю. А. Заднепровского. Монография посвящена истории стекла и стеклоделия в Средней Азии с древнейших времен до XVII в. Она опирается на письменные источники и результаты типологического и химико-технологического изучения стекол из археологических раскопок. В книге даны общие понятия о составе и строении силикатных стекол и современные методы их исследования. В ней описаны образцы среднеазиатских изделий и разработана их типологическая классификация. На основе химических анализов установлен химический тип стекол. Рассмотрены особенности варки, и выработки средневекового стекла, высказаны предположения о сырьевых материалах и составе шихт [Абдуразаков и др., 1963]. Еще одна работа А. А. Абдуразакова совместно с М. А. Безбородовым посвящена результатам химического изучения средневековых стекол Средней Азии (VIII–XV вв.), где приводятся неопубликованные новейшие экспериментальные данные. В книге описаны методы изучения средневековых стекол, многочисленные химические и спектроскопические анализы стекол Средней Азии, их физико-химические характеристики и свойства, химические типы, локальные и хронологические особенности. В специальной главе рассматриваются состав и свойства средневековых огнеупоров Средней Азии [Абдуразаков, Безбородов, 1966]. В работе Г. В. Шишкиной для понимания характера изменений в развитии форм стекла раскрываются надежно датированные комплексы, полученные при раскопках на Афрасиабе. Автору при ограниченности количества изделий в комплексах удается наметить схему развития стеклоделия в продукции стеклодувных мастерских Самарканда [Шишкина, 1986]. В. И. Распопова

освещает стеклянные сосуды Пенджикента, где она разделяет их по хронологии и типологии изделий, поставив вопрос о местном производстве стекла [2010].

Фрагменты стеклянных изделий встречаются на памятниках древнего и средневекового Хорезма, что свидетельствует о широком использовании стекла в быту и развитии стекольного производства. Однако исследованию стекла в Хорезме уделяется недостаточно внимания. Отдельные статьи, посвященные стеклу, появились у И. В. Пташниковой [ТХАЭЭ, 1952] и С. А. Трудновской [ТХАЭЭ, 1958] о стеклянных изделиях, бусах и украшениях Хорезма. Средневековые экземпляры стеклянных изделий (Джигербенд и Садвар) были опубликованы и кратко описаны в научной литературе [Армарчук, 1988; Вишневская, 2001]. Так, Е. А. Армарчук приняв во внимание разработанные исследователями предшествующие классификации стекла, представила созданный на этой основе третий вариант, используя существующий на тот момент материал Садвара, также меньшую долю стеклянных изделий из раскопок крепости Кават-кала и усадеб в окрестностях XII–XIII вв. (раскопки Н. Н. Вактурской и О. А. Вишневской в 1956 г.), Хазараспа (раскопки М. Г. Воробьевой, М. С. Лапирова-Скобло, Е. Е. Неразик в 1958–1960 гг.) [Армарчук, 1988, с. 238]. Посвященную стеклу городища Миздахкан можно привести статью М.-Ш. Кдырниязова. В статье приводится общее описание стеклянных изделий. Они относятся к посуде, парфюмерно-аптекарским, медицинским, химическим, украшениям, оконным стеклам и привозному импорту. Также определяется территория распространения местных стеклянных предметов в соседних регионах [Кдырниязов М.-Ш., Кдырниязов О.-Ш., 2019, с. 188–197].

Таким образом, в статье использованы все доступные на сегодняшний день материалы стеклянных изделий, хранящихся в музейных фондах Республики Каракалпакстан, Миздахкана (материалы М.-Ш. Кдырниязова), материалы Джигербента, любезно предоставленные Н. Ю. Вишневской, а также опубликованные работы, посвященные стеклянным изделиям средневекового Хорезма. Автором были обработаны иллюстрации всех опубликованных и неопубликованных материалов. В написании статьи была использована классификация Г. В. Шишкиной с добавлением разработок Е. А. Армарчук.

1 – столовая посуда закрытых форм: 1 – узкогорлые сосуды – бутылки, графины; 2 – узкогорлые сосуды с ручкой – кувшины; 3 – широкогорлые сосуды.

Узкогорлые сосуды. Столовая посуда закрытых форм представлена на Садваре фрагментами бутылей, графинов и кувшинов (рис. 1, 1–13). Представлены бутылки или графины с цилиндрической горловиной и крутыми плечиками, переходящими в тулово каплевидной формы (рис. 1, 6, 8). Сосуды этой категории с такими же горловинами, но с покатыми плечиками, переходящими в тулово, возможно, тоже каплевидной формы (рис. 1, 12). Сосуд с длинной горловиной, с волнообразным венчиком был обнаружен в раскопе VIII на городище Ток-кала (рис. 2, 10). Графины из Миздахкана

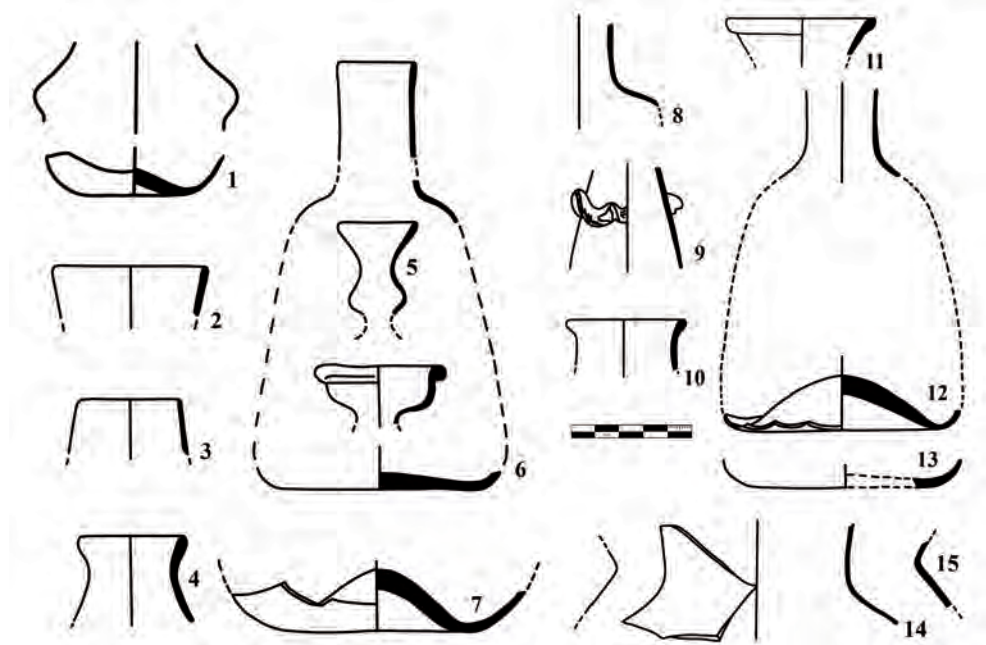

Рис. 1. 1 – столовая посуда закрытых форм. Стекланные изделия Садвара (по: [Армарчук, 1988])

и Ербуруна представлены с сохранившейся удлиненной цилиндрической и короткой конусообразной шейкой (рис. 2, 8–9). Верхнюю часть горловины опоясывает волнистый наклепной валик в виде жгута. Такие сосуды появились во второй половине XII века в Афрасиабе, рассматриваются как графины-бутыли [Шишкина, 1986, с. 188–197]. Изготавливались выдуванием в форму и свободным выдуванием. Аналогии часто встречаются в городах Жетысу: в Талгаре и Антоновке [Художественная культура..., 2011, с. 17, рис. 3, 1–3]. Крупный кувшин происходит из Кават-кала [фонд ГМИ им. И.В. Савицкого], с узким длинным горлом, по окружности горловины украшена навитыми нитями. На месте перехода в тулово оформлено жгутообразной лентой (рис. 2, 11).

Узкогорлые сосуды с ручкой. Кувшин из Садвара со сферическим, слегка приплюснутым туловом и раструбообразной горловиной с вздутием, украшенной навитыми нитями (рис. 2, 3). Кувшин из Джигербента из зеленого прозрачного стекла со сферическим туловом на полом изнутри поддоне с вогнутым основанием, найден в слое X – начала XI в. [Вишневская, 2011, с. 92]. Горло невысокое, слегка вогнуто, завершается большим по диаметру вертикальным фестончатым венчиком. Ручка с выступом в верхней части крепится к венчику и на тулове. На тулове кувшина рельефное изображение виноградной лозы с гроздьями. Кроме этого фестончатый венчик декорирован накладными нитями (рис. 2, 2). Другой кувшин светло-зеленого, с голубоватым

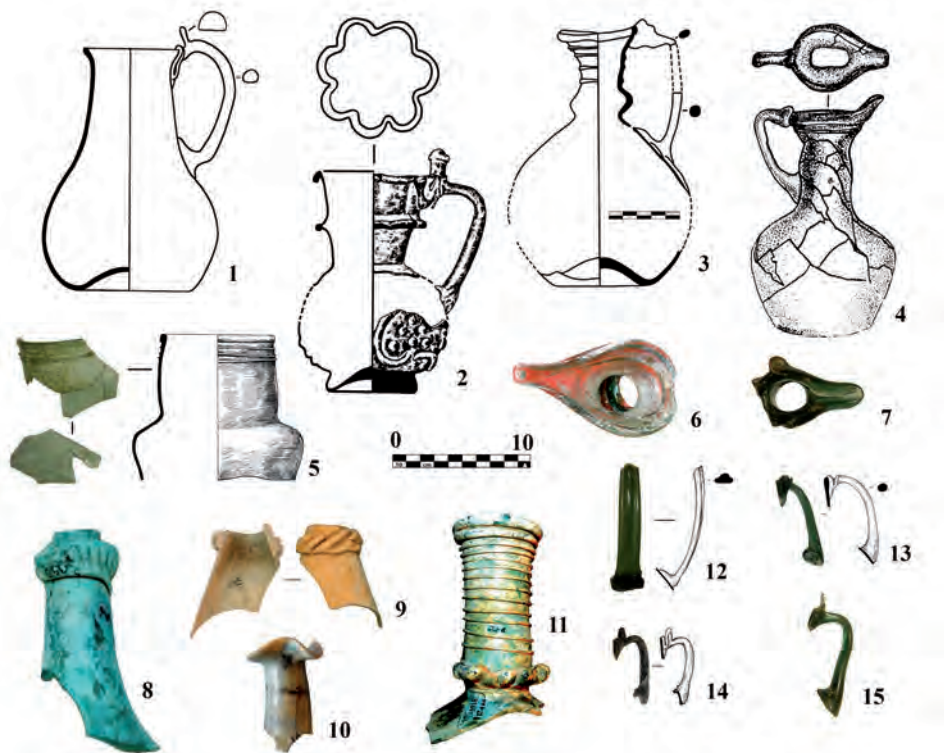

Рис. 2. 1 – столовая посуда закрытых форм. Кувшины: 1–2, 5, 12–14 – Джигербент (по: [Вишневецкая, 2011]); 3 – Садвар (по: [Армарчук, 1988]); 4, 6, 8 – Миздахкан (по: [Кдырнязов, 2019]); 7, 15 – Куны-Ургенч (Фонд Государственного Эрмитажа); 9–10 – Ербурун, Ток-кала (Фонд ККНИИГН); 11 – Каваткала (Фонд ГМИ им. И.В. Савицкого)

оттенком стекла, грушевидной формы, горло сужается кверху, венчик раструбом, в верхней части ручки – щиток. Дно вогнутое, со следом облома припая понтии [Вишневецкая, 2011, с. 93]. Кувшин выдут в орнаментированную форму – по тулову неглубокие вертикальные каннелюры (рис. 2, 1). Стекланный сосуд со сходной формой тулова, но с ручкой другого профиля и орнаментированный накладным жгутом найден на Афрасиабе в комплексе из печи, датирующемся X в. [Шишкина, 1986, с. 24, рис. 9, 3]. Кувшин из Миздахкана с узким цилиндрическим горлом с небольшим расширением в середине и оттянутым сливом, ручка приварена к венчику (рис. 2, 4). Такие формы кувшинов в Хорезме встречаются часто и датируются X–XI, XII–XIII вв.

Широкогорлые сосуды. На Садваре представлены широкогорлые сосуды, типа больших кружек с округлым туловом или типа горшков [Армарчук, 1988, с. 239] (рис. 1, 14–15). Фрагмент широкогорлого кувшина светло-зеленого цвета из Джигербента с крутыми плечиками, стенки тулова сужаются книзу, горло цилиндрическое, по краю валик, ниже три пояса накладных нитей

[Вишневская, 2011, с. 93] (рис. 2, 5). Сосуды подобной формы, некоторые также украшенные накладной нитью, известны в материалах из Чаганиана X–XI вв. [Ртвеладзе, Исхаков, 1979, с. 92, рис. 4, 7, 8, 12] и городища Канка того же времени [Брусенко, Галиева, 1982, с. 125, рис. 1, 21].

II – столовая посуда открытых форм: 1 – чаши – сосуды приземистых пропорций с высотой, равной или меньшей половины диаметра; 2 – тарелки – очень приземистые сосуды; 3 – кружки – широкоустые сосуды с одной ручкой; 4 – бокалы (банки – сосуды более вытянутых пропорций, чем чаши, с высотой больше половины диаметра; 5 – бокалы (стаканы); 6 – бокалы на ножке (рюмки); 7 – ритоны; 8 – вазы; 9 – крышки.

Из этой классификации не все изделия присутствуют в собранных материалах. Некоторые типы изделий или во фрагментарном виде или до сих пор не обнаружены в Хорезме.

Чаши. Столовая посуда открытых форм Садвара представлена венчиками небольших чаш: предположительно, сегментовидной формы с валиком под утолщенным краем (рис. 3, 1) и с прямыми стенками с отогнутым наружу краем, т.н. манжетовидным венчиком (рис. 3, 4), а также маленькой чашечки-пиалы с утолщенным краем и навитыми нитями под ним (рис. 3, 2) [Армарчук, 1988, с. 239].

Бокалы (стаканы). Среди садварского материала есть категория бокалов-банок с манжетообразным венчиком (рис. 3, 3) и, возможно, кружек с петлевидными небольшими ручками (рис. 3, 8) [Армарчук, 1988, с. 239]. Бокал из Джигербента из светло-зеленого, слегка голубоватого стекла, найден в слое конца IX–X в. [Вишневская, 2011, с. 93, рис. 39, 13]. Тулово цилиндрическое, стенки слегка скруглены, на ней концентрические круги, между ними

Рис. 3. II – столовая посуда открытых форм: 1–5, 8 – Садвар (по: [Армарчук, 1988]); 6, 9–10 – Джигербент (по: [Вишневская, 2011]); 7 – Ток-кала (Фонд ККНИИГН)

8-образные фигуры (рис. 3, б). Бокалы-банки появляются в Средней Азии в первой половине IX в. и продолжают существовать в X в. [Шишкина, 1986, с. 21, рис. 3, 5; 4, 22]. На городище Пайкенд найдены цилиндрические кружки, орнаментированные подобным образом [Мухамеджанов и др., 1988, с. 173, рис. 18, 15–18]. Стакан из Ток-кала представлен в одном экземпляре (рис. 3, 7). Форма стандартная и напоминает современные образцы: цилиндрическое тулово, сужающееся к низу и завершающееся вогнутым массивным дном. Стенки тонкие, прозрачные (Фонд ККНИИГН). Кружки из Джигербента представлены ручками двух сосудов. В одном случае это петлевидная ручка,

Рис. 4. IV – аптекарско-парфюмерная посуда: 1, 3 – Миздахкан (Фонд ГМИ им. И.В. Савицкого); 2, 4–6, 8–10 – Джигербент (по: [Вишневская, 2011]); 7, 11 – Ток-кала (по: [Гудкова, 1964]); 12–14 – Садвар (по: [Армарчук, 1988]); 15–17 – Миздахкан (по: [Кдырниязов, 2019])

крепившаяся прямо к краю, причем край отогнут петлей наружу (рис. 3, 9), в другом случае ручка подпрямоугольного абриса, выше ее стержень-выступ (рис. 3, 10). Найдена в слое XII – начала XIII в. [Вишневская, 2011, с. 94].

III – Ложки. Находки этой группы изделий в Хорезме не обнаружены.

IV – Аптекарско-парфюмерная посуда Садвара представлена: флаконами с округлым туловом и длинным горлом, называемые некоторыми исследователями колбами (рис. 5, 1–5), флаконы с цилиндрическим туловом и длинным горлом (рис. 4, 12, 14), флакон с желобчатый подчетырехугольным туловом (рис. 4, 13). Эта группа изделий из Джигербента представлена несколькими экземплярами флаконов, пузырьков и бутылеобразным сосудом [Вишневская, 2011, с. 94, рис. 39]. Небольшая бутылка зеленого прозрачного стекла со сферическим туловом, прямым горлом с легким вздутием и венчиком раструбом; дно вогнутое, найдена в слое IX – начала X в. (рис. 4, 2). Форма сближается с химическими колбами [Абдуразаков и др., 1963, с. 109, рис. 11, 15, 18]. Сосуд темно-зеленого стекла, цилиндрической формы, с сильновогнутым дном. Сосуд выдут в орнаментированную форму: по тулову наклонные каннелюры, состоящие из выпуклых квадратиков, найден в шурфе X – начала XI в. (рис. 4, 4). Очень сходный сосуд с совершенно аналогичной орнаментацией обнаружен на Африсиасе [Вяткин, 1928, с. 62, рис. 75]. Г. В. Шишкина датирует его началом XI в. [Шишкина, 1986, рис. 10, 12]. Тулово миниатюрного сосудика светло-зеленого, чуть голубоватого стекла. Миниатюрный флакон белого матового стекла, удлинненной овальной формы, с круглым дном; сохранилась нижняя часть прямого горлышка, найден в

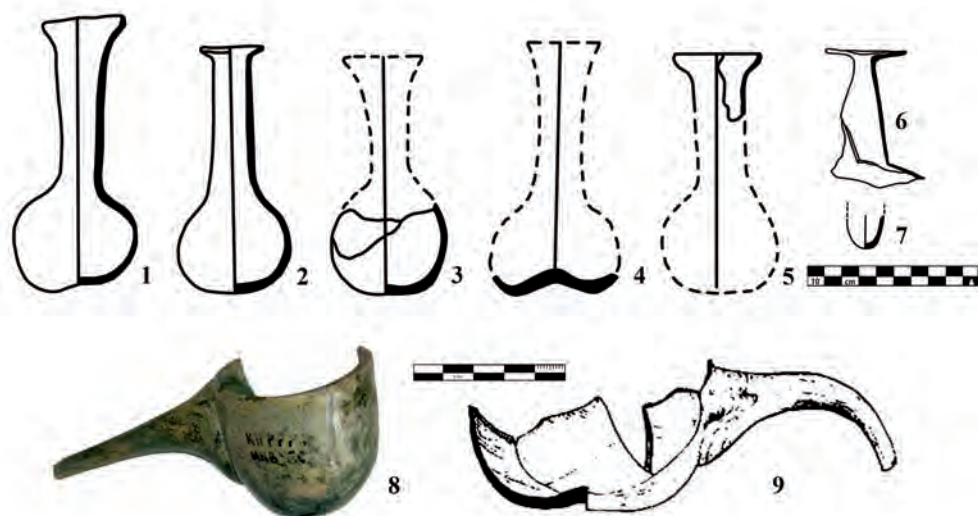

Рис. 5. IV – аптекарско-парфюмерная и химическая посуда:
1–5, 6, 7 – Садвар ([Армарчук, 1988]); VI – медицинские принадлежности.
8 – Ток-кала (по: [Гудкова, 1964]); 9 – Миздахкан (по: [Кдырниязов, 2019])

слое X – начала XI в. По тулову идет зигзаг накладной нитью прозрачного коричневого стекла (рис. 4, 10). Фрагменты сосудов такой формы есть в материалах Нисы [Давидович, 1949, с. 379, табл. 2, 4, 5], а также на городище Садвар [Армарчук, 1992, рис. 65, 6, 8; 66, 5]. Похожую орнаментацию мы находим на флакончике начала XI в. из Афрасиаба [Шишкина, 1986, рис. 8, 5]. С приземистым подцилиндрическим туловом сосуда темно-зеленого цвета с накладным жгутообразным оформлением на венчике происходят из слоев XII–XIII вв. городища Миздахкан (рис. 4, 15–16).

Пузырьки. Три пузырька из Джигербента из зеленого прозрачного стекла, с грушевидным уплощенным туловом, узким горлом раструбом и вогнутым дном (рис. 4, 5, 8–9). Высота сосудов 6–7 см. Все они найдены в слоях IX – начала XI в. Аналогичные пузырьки этого же периода были найдены на городище Токкала [Гудкова, 1964, с. 137] (рис. 4, 7, 11). Один из них имеет венчик со сливом (рис. 4, 11).

V – Химическая посуда и прочие предметы: 1 – аламбики; 2 – колбы; 3 – реторты – шаровидные сосуды с боковым трубчатым отводом; 4 – симобкузача – сфероконысы; 5 – гири; 6 – пробирки; 7 – воронки; 8 – сосуды с разделительными перегородками.

Из этих групп на Садваре встречены только нижняя часть пробирки (рис. 5, 7) и, предположительно, верхняя часть колбы (рис. 5, 6) [Армарчук, 1988, с. 240].

VI – Медицинские принадлежности: кровососные банки – полуэллипсоидные сосуды с длинным трубчатым носиком (типа аламбиков).

Среди средневековых стеклянных находок Хорезма имеются малообъемные аламбики использовавшиеся врачами. В «Восточном квартале II» и «Южном квартале» памятника Миздахкан были найдены аламбик и малая колба. Среди стеклянных сосудов на городище Токкала вместе с пузырьками был найден аламбик (рис. 5, 8–9). Подобные сосуды использовались в медицинских целях, а также алхимиками для сбора паров ртути, хранения душистых и химических жидкостей.

VII – Гигиенические предметы: I – сумак – мочеотводная трубка, принадлежность детской люльки; 2 – тувак – банковидный сосуд с широким горизонтально отвернутым устьем, принадлежность люльки; 3 – туфдон (плевательница) – приземистый сосуд с округлым туловом с широким бортом.

Находки изделий первых двух групп в средневековых памятниках Хорезма не редки [Вактурская, 1963, с. 51, рис. 6, 13–14; Кдырниязов М.-Ш., Кдырниязов О.-Ш., 2019, рис. 2, 2; Фонд ХАЭЭ. Шифр: ШМК, 1948. № 11076; К-Ург. 1952. № 442; Фонд Государственного Эрмитажа. К-Ург. № 311, 324]. В слоях, относящихся к средневековому времени, повсеместно находили приспособления к детской колыбели (бешик) называемые «тувак» и «сумак», которые в свою очередь свидетельствуют о санитарно-гигиенических понятиях местного населения. Стеклянный сумак для мальчика имеет длинную трубку, к которой приварена небольшая дополнительная перпендикулярная

трубка с воронкообразным навершием (рис. 6, 2, 4, б), сумачи для девочек – не имеет дополнительной трубки, отверстие делается непосредственно в длинной вертикальной трубке с соответствующим навершием (рис. 6, 3, 5). В раскопе, примыкающем к восточной крепостной стене городища Шах-Санем, обнаружен тувак, изготовленный из прозрачного, голубовато-зеленоватого стекла (рис. 6, 1). Дно, вдавленное внутрь в виде воронкообразного углубления, плавно переходит в высокое цилиндрическое тулово, резко переходящее в широкий отогнутый венчик-раструб с небольшим утолщением по краю. Тулово покрыто рельефным ячеистым орнаментом из вытянутых, слегка вдавленных шестиугольников. Исследование Е. А. Давидович показало, что такой орнамент получали путем выдувания в узорчатую форму [Трудновская, 1958, с. 425]. Сосуд с такой аналогичной орнаментацией из Нисы опубликован Е. А. Давидович и датируется началом XIII в. [Давидович, 1958, с. 382–383, табл. 2, рис. 12]. Подобные банки отмечают также в Отраре [Байпаков, 1986, с. 165, рис. 69, 1–2, 4], на золотоордынских городах Поволжья (Бусятская Н.Н.) [цит. по: Кдырнязов М-Ш. и др., 2019, с. 189] и в городах Мавераннахра как

Рис. 6. VII – гигиенические предметы: 1 – Шах-Санем ([Трудновская, 1958]); 2–3 – Шахрлик (по: [Вактурская, 1963]); 4–5 – Куния-Ургенч (Фонд Государственного Эрмитажа); 6 – Шемаха-кала (Фонд ИАЭ РАН)

Афрасиаб, Кумушкент, Бухара [Мирзаахмедов, 2011, с. 75, рис. 21; Алмазова, 1997, с. 184, рис. 1, 1, 9]. Третий предмет туфдон не встречен среди находок.

VIII – Принадлежности письма – чернильницы.

Среди материалов Джигербента к этой категории относятся три сосуда [Вишневская, 2001, с. 94]. Фрагмент миниатюрного сосуда зеленого цвета, с округлым туловом и широким горлом раструбом найдена в слое X в. (рис. 7, 1). Подобные чернильницы есть в собрании Ташкентского музея, они датируются IX–X вв. [Абдуразаков и др., 1963, с. 126, рис. 28, 1, 3]. Второй сосуд небольшой, толстостенный, из зеленого стекла, найден в слое XII – начала XIII в. Стенки чуть расширяются кверху, дно обколото (рис. 7, 2). Этот тип изделий Г. В. Шишкина считает резервуарами для гипсовых чернильниц [1986, с. 16]. Н. Ю. Вишневская считает чернильницей третий сосудик светло-зеленого стекла с округлым туловом и краем, загнутым внутрь петлей из слоя XII – начала XIII в. (рис. 7, 3).

Рис. 7. VIII – принадлежности письма – чернильницы:
1–3 – Джигербент (по: [Вишневская, 2011]); 4 – Замок 8 Беркуткалинского района
(по: [Неразик, 1976]); 5 – Джигербент (по: [Вишневская, 2011]);
6 – Нишанур? (по: [Islamic Glass..., 1986])

IX – Осветительные приборы: подвесные лампы.

Среди материалов городища Джигербент в слое хорезмшахского времени были найдены два каплевидных налепа с ушками для подвешивания (рис. 4, 5). С внутренней стороны налепов сохранились фрагменты тонких стенок округлого профиля. По мнению Н. Ю. Вишневской это ручки-ушки для подвешивания к специальному сосуду, использованные как лампы [2001, с. 95]. Аналогии подобных сосудов происходят из Египта XIV в. из коллекций Эрмитажа [Цит. по: Вишневская, 2011, с. 95] и Музея искусства «Метрополитен» [The Metropolitan Museum of Art Bulletin, 1986, с. 34]. Такой

же формы сосуд с тремя голубыми ручками-ушками найден в слое X в. замка № 8 Беркуткалинского оазиса в Хорезме [Неразик, 1966, с. 133, рис. 59] (рис. 7, 4).

X – Оконное стекло: плоские диски с выпуклым центром и характерной петлевидной в сечении закраиной.

Для общественных сооружений и домов зажиточного населения производилось специальное стекло, удобное в условиях жаркого лета. Это такие цветные стекла, прикрепленные к гипсовым решеткам в купольных проемах. Образцы достаточно хорошо сохранившихся стекол в гипсовой решетке отмечены при раскопках памятника Миздахкан. Общий эскиз решеток четырехугольный, техника декорирования круглая или шестиугольная. В основном оконные стекла встречаются круглой формы. В открытом дворе мастерской № 98 «Восточного квартала II» городища Миздахкан было обнаружено 120 целых и сломанных образцов алебастровых решеток [Кдырниязов, 2002, с. 254–255]. В специально зарытом хуме были найдены образцы 13 штук оконного стекла с умбоном (рис. 8, 1–2) вместе с 42 экз. керамических крышек, датируемые XIII–XIV вв. [Кдырниязов, Саипов, 2007, с. 27–33].

В одной из пригородных усадеб Замахшара найдено стекло с гипсовой оконной решеткой. На городище Шах-Санем большое количество фрагментов оконного стекла собрано при раскопках мечети конца XII – начала XIII в., датированной монетами хорезмшаха Мухаммеда Текеша (1200–1220 гг.).

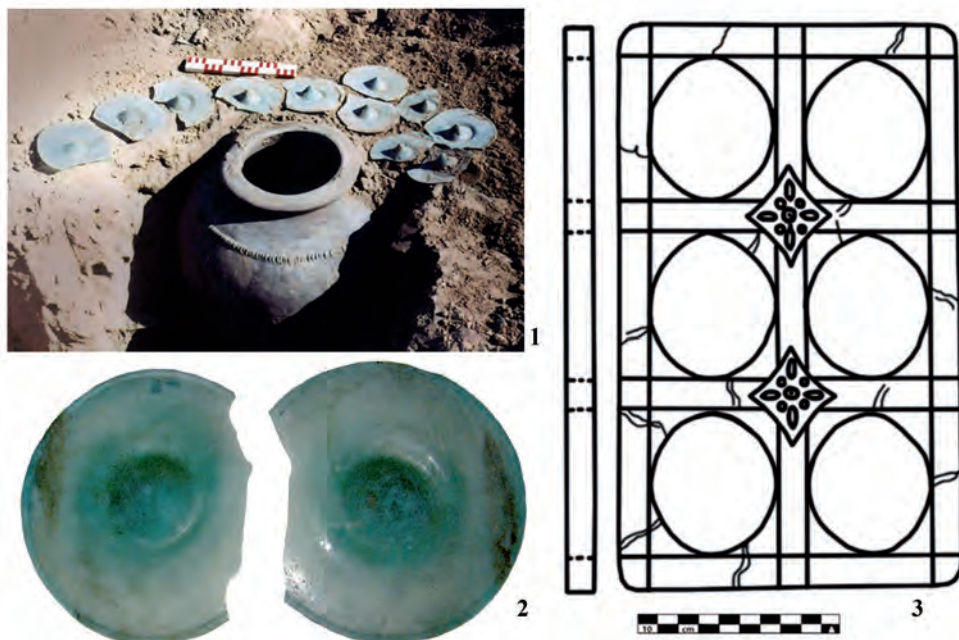

Рис. 8. X – оконное стекло: 1–3 – Миздахкан (по: [Кдырниязов, 2019])

Наиболее обычной находкой являются фрагменты стеклянных дисков с закраинами; диаметр их колеблется от 16 до 35 см, стекло прозрачное, сравнительно низкого качества, с интенсивным зеленоватым, голубоватым или желтоватым оттенком [Трудновская, 1958, с. 421]. Анализ техники изготовления и назначения подобных стекол из Нисы дается в статье Е. А. Давидович. Сначала выдували обычным способом стеклянный пузырь; затем стеклодувную трубку откалывали, отверстие расширяли и заравнивали, отчего получалась оформленная отгибом закраина, предохранившая в дальнейшем от разрывов и трещин. Далее пузырь равномерно вращали, поддерживая путем подогревания в размягченном состоянии. Под действием центробежных сил пузырь все более расправлялся и, наконец, превращался в диск, который для окончательного выпрямления переворачивали и снова вращали на плоскости [Давидович, 1949, с. 373–399]. Таким образом, получался диск с утолщением в центре и отогнутыми закраинами. Форма диска определялась техникой изготовления.

В ремесленном квартале «Восточного квартала II» городища Миздахкан были обнаружены четырехугольные (72×44,5×4 см), изготовленные из алебаstra, шесть решеток располагающих симметричными ячейками (дм 17 см). Центр решеток украшен лиственным орнаментом с вырезным отверстиями (рис. 8, 3). При изготовлении использовали специальное цветное стекло (в основном красный марганец) или разноцветные осколки различной битой бытовой посуды. К сожалению, окна малого размера плохо проводят свет. По этой причине вполне возможно, что цветные решетки, образованные из многоуровневых ячеек служили и как декоративно-отделочное орнаментальное украшение архитектурных сооружений. Использование оконного стекла имело место и в обычных домах, что подтверждается находками оконных стекол в мастерских и ряда жилищ Миздахкана [Кдырниязов и др., 2019, с. 193]. О

находках кусков гипсовых решеток со вставленными в ячейки листочками стекла на территории Афрасиаба упоминает В. Л. Вяткин [1926]. Интересно, что наряду со специально изготовленным плоским бесцветным оконным стеклом в Средней Азии использовали для застекления окон и осколки стеклянной посуды, например в Термезе в XII в. [Жуков, 1945, с. 181].

XI – Украшения: 1 – бусы; 2 – вставки; 3 – браслеты; 4 – подвески (медальоны); 5 – кольца, перстни.

Особую группу предметов из стекла составляют украшения. Они в отличие от драгоценных или полудрагоценных камней (бирюза, сердолик) изготавливались массово и дешевле. В данной работе мы не будем приводить классификацию украшений, так как они являются предметом специального изучения.

XII – предметы неизвестного назначения.

Среди находок из Куны-Ургенча есть интересный стеклянный предмет. Полый внутри цилиндр, стержень с кружками на концах. По форме похож на катушку для ниток (рис. 9). Аналогии не найдены.

Рис. 9. XII – предметы неизвестного назначения. Куня-Ургенч
(Фонд Государственного Эрмитажа)

Таким образом, археологические исследования выявили существование мастерских постеклоделия на памятниках Шемаха-кала, Шехрлик [Вактурская, 1952, с. 181; 1963, с. 46, рис. 3, 3), Шахсанем, Куйсай [Трудновская, 1958, с. 428–430], Садвара [Армарчук, 1988, с. 234–253] и Миздахкана [Кдырнийзов, 2008, с. 68]. Но, к сожалению, здесь надо отметить отсутствие достаточного материала из датированных слоев памятников средневекового Хорезма по изучению стекольного дела, кроме памятника Садвар (раскопки Е. А. Армарчук). Также мы не можем судить о разнообразии форм стеклянных сосудов Хорезма ввиду их фрагментарности и в большинстве случаев невозможности реконструирования самих форм. Этой обобщающей статьей по изучению стеклянных изделий открывается проблема хорезмского стеклоделия. Для ее решения предстоит изучить все категории стеклянных изделий из четко датируемых и планомерно раскопанных объектов Хорезма, после чего можно дать характеристику хорезмской школы стеклоделия, определить степень ее самостоятельности, характер и направления заимствований, рассмотреть возможные рынки сбыта и вопросы организации ремесла.

Литература

Абдиразаков А.А., Безбородов М.А. Средневековые стекла Средней Азии (опыт химической характеристики). Ташкент: ФАН, 1966. 169 с.

Абдиразаков А.А., Безбородов М.А., Заднепровский Ю.А. Стеклоделие Средней Азии в древности и в средневековье. Ташкент: Изд-во АН Узбекской ССР, 1963. 244 с.

Алмазова Н. Стекло Кумышкента // ИМКУ. 1997. Вып. 28. С. 183-188.

Армарчук Е.А. Опыт классификации стекла средневекового Хорезма (по материалам городища Садвар) // Материальная культура Востока. 4. II. М.: Наука, 1988. С. 234-253.

Армарчук Е.А. Садвар – средневековый город на юго-востоке Хорезма (к изучению хорезмийской городской культуры IX–XI вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. 26 с.

Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. Алма-Ата: «Наука» Казахской ССР, 1986. 256 с.

Безбородов М.А. Мозаичные резные изразцы средневекового Анау // Доклады АН СССР. 1946. Т. LI, № 5. С. 373-376.

Безбородов М.А. Стеклоделие в Древней Руси. Минск: АН БССР, 1956. 307 с.

Брусенко Л.Г., Галиева З.С. Материалы раскопок квартала X – начала XI в. на городище Канка // ИМКУ. 1982. Вып. 17. С. 124-136.

Буниятов З.М. Государство Хоразмшахов-Ануштегинидов. 1097–1231. М.: Наука, 1986. 249 с.

Вактурская Н.Н. О раскопках 1948 года на средневековом памятнике Шемахакала Туркменской ССР // ТХАЭЭ. Т. I. М.: Академия наук СССР, 1952. С. 173-192.

Вактурская Н.Н. О средневековых городах Хорезма // МХЭ М.: Академия наук СССР, 1963. Вып. 7. С. 41-53.

Веселовский Н.И. Сообщение о раскопках в Туркестанском крае // Отчет Археологической комиссии 1882–1888. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1891. LXII-XCVI.

Веселовский Н.И. Заметка о стеклянном производстве в Средней Азии // ЗВОРАО. 1893. Т. VIII. С. 137-138.

Вишневская Н.Ю. Ремесленные изделия Джигербента (IV в. до н.э. – начало XIII в.). М.: Восточная литература, 2001. 176 с.

Вишневская О.А. Археологические разведки на средневековых поселениях левобережного Хорезма // МХЭ. М.: Наука, 1963. Вып. 7. С. 54-72.

Вяткин В.Л. Афрасиаб – городище бывшего Самарканда. Археологический очерк. Ташкент: Издание Главнауки Наркомпроса УзССР, 1926. 65 с.

Гудкова А.В. Ток-кала. Ташкент: «ФАН», 1964. 175 с.

Давидович Е.Л. Стекло из Нисы // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад: Туркменский филиал Академии наук СССР, 1949. Т. I. С. 373-399.

Жуков В.Д. Развалины ансамбля дворцовых зданий в пригороде средневекового Термеза // Труды АН УзССР, сер. I. История, археология. Термезская археологическая комплексная экспедиция. Ташкент: УзФАН, 1941. Вып. 2. С. 168-196.

Зимин Л.А. Развалины Старого Пейкенда // ПТКЛА. 1913. Вып. XVIII. С. 58-92.

Зимин Л.А. Отчет о весенних раскопках в развалинах Старого Пейкенда // ПТКЛА. 1915. Вып. XIX. С. 63-88.

Кастанье И.А. Древности Ура-Тюбе и Шахристана // ПТКЛА. 1915. Вып. XX. С. 32-52.

Кдырниязов М.-Ш. Раскопки дома с производственным двором в Миздахкане // ИМКУ. 2002. Вып. 33. С. 254-260.

Кдырниязов М.-Ш., Кдырниязов О.-Ш. Миздахкон шишасозлиги // История и археология Турана. Самарканд, 2019. Вып. 4. С. 188-197.

Кдырниязов М.-Ш., Саипов С.Т. Клад бытовых вещей из Миздахкана // Вестник МИЦАИ. 2007. № 5. С. 27-32.

Кларе А.К. Древний Отрар и раскопки, произведенные в развалинах его в 1904 году // ПТКЛА. 1904. Вып. IX. С. 13-36.

МИТТ – Материалы по истории туркмен и Туркмении. Том 1, VII-XV вв.: арабские и персидские источники / под редакцией С.Л. Волина, А.А. Ромаскевича

и А.Ю. Якубовского; Академия Наук СССР, Институт востоковедения АН СССР и Туркменский Н-И ин-т истории. М.- Л.: издательство Академии Наук СССР, 1939. Т. 1. 612 с.

Мирзаахмедов Д.К. Ремесло стеклоделов крупнейших городских центров средневекового Узбекистана IX–XV вв. (По материалам Бухары, Пайкенда, Самарканда, Ташкента, Ахсикета и Кувы) // Археология Узбекистана. 2011. № 2 (3). С. 53-93.

Мухамеджанов А.Р., Адылов Ш.Т., Мирзаахмедов Д.К., Семенов Г.Л. Городище Пайкенд. К проблеме изучения средневекового города Средней Азии. Ташкент: ФАН, 1988. 200 с.

Неразик Е.Е. Сельское жилище в Хорезме (I–XIV вв.). М.: Наука, 1976. 256 с.

Пташикова И.В. Бусы древнего и раннесредневекового Хорезма // ТХАЭЭ. М.: Академия наук ССР, 1952. Т. I. С. 105-118.

Распопова В.И. Стекланные сосуды из Пенджикента. СПб.: Синтез-Бук, 2010. 162 с.

Ртвеладзе Э., Исхаков М. Два средневековых чаганианских селения // ИМКУ. 1979. Вып. 15. С. 84-94.

СМИЗО – Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды. СПб.: Издано на иждивение графа С.Г.Строганова, 1984. Т. I. 564 с.

Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: Восточная литература, 1962. 322 с.

Трудновская С.А. Стекло с городища Шах-Санем // ТХАЭЭ. М.: Академия наук СССР, 1958 Т. II. С. 421-430.

Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX–XV вв. Стекло. Самарканд; Ташкент: МИЦАИ, 2011. Т. II. 169 с.

Шишкина Г.В. Ремесленная продукция средневекового Согда. Ташкент: ФАН, 1986. 196 с.

Якубовский А.Ю. Среднеазиатские собрания Эрмитажа и их значение для изучения истории культуры и искусства Средней Азии до XVI в. // Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа. 1940. Т. II. С. 7-24.

Marilyn Jenkins. Islamic Glass A Brief History // The Metropolitan Museum of Art. Bulletin/Fall. 1986. 57 p.

Фонд Государственного музея искусств им. И.В. Савицкого (ГМИ им. И.В. Савицкого)

Фонд Государственного Эрмитажа. К-Ург. №311, 324

Фонд Каракалпакского научно-исследовательского института гуманитарных наук (ККНИИГН)

Фонд Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (ХАЭЭ). Шифр: ШМК, 1948. № 11076; К-Ург.1952. № 442

А. А. Нуржанов

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОРОДА ТАЛАССКОЙ ДОЛИНЫ В ЭПОХУ ЧАГАТАИДСКОГО ГОСУДАРСТВА (XIII–XV вв.)

В последние годы археологические исследования во многом указывали на состояние оседлой культуры на территории Таласской долины в эпоху Чагатаидского государства. Круг памятников позднего средневековья расширился, коллекция материальной культуры пополнилась. В позднесредневековых городах культурные слои не ярко выражены; они представляют определенный интерес в качестве индикатора общего состояния устоявшейся культуры в тот период. Кроме того, археологические материалы XIII–XV веков, несмотря на малую численность средневековых городов, заслуживают внимания.

Ключевые слова: Таласская долина, Тараз, позднесредневековый город, культура, Шелковый путь, Чагатаидское государство

Шағатай мемлекеті дәуіріндегі Талас алқабының ортағасырлық қалалары (XIII–XV ғғ.)

Соңғы жылдардағы археологиялық зерттеулерде Шағатай мемлекеті дәуірінде Талас алқабындағы отырықшы мәдениеттің жағдайы көрсетіліп келеді. Кейінгі ортағасырлық ескерткіштердің ауқымы кеңейіп, материалдық мәдениет жинағы толықтырылды. Кейінгі ортағасырлық қалаларда мәдени қабаттар аз көрінеді; олар сол кезеңдегі қалыптасқан мәдениеттің жалпы жағдайының көрсеткішінің негізі ретінде қызығушылық тудырады. Сонымен қатар, XIII–XV ғасырлардағы археологиялық материалдар, аталған кезеңмен мерзімделетін ортағасырлық ескерткіштердің аздығына қарамастан, ерекше назар аудартады.

Түйін сөздер: Талас алқабы, Тараз, кейінгі ортағасырлық қалалар, мәдениет, Жібек жолы, Шағатай мемлекеті

Medieval cities of the Talas valley during the Chagataid State times (XIII-XV centuries)

In recent years, archaeological research has largely pointed to the state of settled culture in the territory of the Talas Valley during the Chagataid State era. The range of late medieval monuments expanded, material culture collections replenished. In the late medieval cities, cultural layers are not very prominent; they present a certain interest as an indicator of the general state of settled culture in that period. In addition, archaeological materials of the XIII-XV centuries, despite their small numbers, deserve attention, because the existence of the local agricultural population in the medieval sources and folk was noted in the absence of cities.

Keywords: late Medieval age, culture, Taraz, the Talas Valley, the Silk Way Road, the Chagataid state

Таласская долина, или Северное Притяньшанье, составляет юго-западную область Жетысу. С юга ограничено Таласским и Кыргызским хребтами, на севере песками Мойынкум и равниной Бетпак-Дала, на западе ответвлением хребта Каратау, на востоке Шу-Илейскими горами. Протяженность Таласской долины составляет 70 км, ширина 30–35 км, продолжительность безморозного периода составляет 140–160 дней, почва – светло- и темно-каштановые сероземы, что позволяет заниматься хлебопашеством, садоводством и виноградарством, разведением технических культур, развитием животноводства.

В сочинении арабского географа Ибн Хордадбеха отмечена река Таразаб, которая несомненно является одним из вариантов р. Талас. Название реки стало обозначением области Тараз [Волин, 1960, с. 72–92].

В послемонгольское время в связи с изменением названия города в источниках появляется и другое название реки Талас. В сочинении Джурджани обозначена как река Янги-Талас [Волин, 1960, с. 72–92]. В 1269 г. на курултае чагатаидов, состоявшемся на берегу р. Талас, решено передать Таласскую область во владение покровителя ислама Кайду. Согласно «Сборнику летописей» Рашид ад-Дина, весной 1269 г. монгольские царевичи Кайду, Беркечеру, Борак, Кипчак собрались на луговьях Таласа и Кенджека..., и держали совет..., и условились, что впредь будут селиться в горах и степях и не будут бродить вокруг городов, не будут выгонять животных на нивы и предъявлять райятами несправедливые требования» [Рашид ад-Дин, 1952, с. 101].

В сочинении конца XVI в. «Шараф-наме-йи шахи» отмечается, что «правители казахов: Хакх-Назар-хан, Джамил султан, Шигай султан, Дустай-султан вместе с прочими братьями и сыновьями находятся на берегу реки Талас». В данном источнике упоминается и другое название Таласа – Талаш бойы [Материалы по истории казахских ханств, 1969, с. 19]. По данным ойратского сочинения «Лунный свет Раднабхадры», в 1661 г. в районе Шу и Таласа располагалась ставка джунгарского князя Галданбы [Раднабхадра, 1990, с. 59].

В 1434 г. власть в Семиречье/Жетысу переходит к одному из потомков чагатаидов Эсен-Буки. При нем северо-восточнее Таласа (р. Шу) поселилось около 200 000 казахов под предводительством Гирея и Джанибека [МИКХ, 1969, с. 86]. При Улукбеке в 1440 г. долина Таласа вновь была разграблена.

На территории долины Шу и Таласа было образовано Казахское ханство. Как пишет К. А. Пищулина, именно к этой территории впервые в известных источниках отнесено название Казахстан [Пищулина, 1977, с. 96].

Примечательно, что казахский хан Абылай построил сыну своему Адилю «по просьбе повиновавшихся ему киргиз-казахов Большой орды при речке Талаш дом, обнесенный валом, основал около него селение из каракалпаков, привыкших к хлебопашеству» [Левшин, 1996, с. 103].

В начале XIII в., в смутную для Жетысу и Средней Азии пору, накануне монгольского нашествия, когда разворачивалась борьба за господство в Средней Азии между каракитаями, найманами, хорезмшахом Мухаммедом, Тараз

несколько раз переходил из рук в руки. В 1181 г. кипчакский военачальник Алп-Кара освобождает от каракитаев все земли вплоть до Тараза [Бартольд, 1963, с.455]. В 1203 г. в Таласскую долину вновь вторглись каракитаи и посадили наместником Тараза Таянгу [Бартольд, 1963, с. 140]. В 1212 г. город, наряду с другими центрами Юго-Западного Жетысу и Южного Казахстана, подвергся разрушению по приказу хорезмшаха Мухаммада, дабы не попал в руки монголов. Еще более роковым оказалось нашествие монголов в 1219 г., которое превратило долину Таласа в руины. Но и «тогда еще Тараз оставался главным городом округа» [Массон, 1957, с. 83].

Сразу же после похода монголов на запад в Таразе в ноябре 1221 г. побывал Чань-Чунь, ехавший на встречу с Чингисханом. Сюда он попал после того, как посетил и увидел «город весь построенный из красных камней, а западнее были большие могильные насыпи, которые расположением напоминали созвездие Большой Медведицы. Проехав через каменный мост и пропутешествовав 5 дней вдоль юго-западных гор, мы въехали в город Сайлань» [Акишев, 2008, с. 62].

В 1248 г. по пути в Монголию город посещает монгольский наместник Кавказа Аргун. Проехавший в 1253 г. через Тараз Вильом Рубрук отметил, что в то время в городе проживала группа каких-то европейцев, именуемых немцами [Вильгельм де Рубрук, 1911, с. 104]. В 1255 г. в Таразе правитель Малой Армении Гайтон встретился с Хулагу родоначальником династии хулагуидов. В это время Таразом правил местный аристократ, мавзолеем которого в форме киоска на четырех арках обнаружен в западном рабаде. Это был Улуг-Бильге Икбал хан Давуд бек умерший 31 марта 1262 г.

После XIII в. в источниках наряду со старым урбонимом используется другой – Йянги, т.е. «новый». Нередко старое и новое названия употреблялись параллельно. В сочинении Мирхонда написано Йянги-Тараз, у Бабура-Янги в книгах упоминается Таразкент [Бартольд, 1963, с. 195]. Тараз периодически в раннемонгольское время играл столичную роль в Жетысу. Так, правнук Чингиз-хана Кайду в 1271 г. сел на престол в Таразе [Волин, 1960, с. 72–92]. Мусульманские историки характеризуют период правления Кайду, отмечая его справедливость и покровительство исламу. Кайду практически не вел завоевательных походов, ограничившись защитой своих земель от притязаний других монгольских ханов. В своих владениях он устроил порядок, в особенности после смут чагатаидских царевичей [Бартольд, 1943, с. 70].

В 1301 г. после смерти Кайду город перешел к его сыну Чапару. В 1305 г. землями нижнего Таласа завладел старший сын Кайду, Шах, который расположил здесь свою ставку «Золотую Орду».

В 1307 г. чагатаидские царевичи разрушили прежнее государство Кайду. «Они сожгли Золотую орду», развеяли по ветру земли, Янги, Кенджида [Бартольд, 1943, с. 58]. После возведения на престол Эсена-Буки (1310–1318) большая часть земель Кайду осталась за чагатаидами [Бартольд, 1943, с. 191]. После его смерти (1318 г.) власть перешла к его брату Кебеку, при котором в городе чеканились монеты [Бартольд, 1943, с. 82–84]. После смерти Кебека

(1326 г.) в Таразе правил его брат Тармаширин, монеты с его именем выпускались с 1325 по 1334 г. [Жуков, 1959, с. 64]. В историко-географическом сочинении секретаря египетских султанов ал-Омари, основанным на показаниях послов, путешественников и купцов, дано следующее уточнение новому названию города: «Янги – это четыре города, между каждым из них и другими один фарсах, каждый город имеет свое название. Один – Янги, другой – Янги-Балык, третий – Кендчжак, последний – Тараз» [Массон, 1965, с. 91].

Одно из последних упоминаний города Тараза встречаем в сочинении Мирза Мухаммед Хайдара, который в связи с событиями 1512/1513 гг. пишет, что казахский хан Касым направился в Тараз, который моголы называют Янги [Мухаммед Хайдар Дулати, 1999, с. 349].

Так средневековый город Тараз прекратил свое существование к концу XV в., оседлое поселение на этом месте продолжало существовать вплоть до XVIII в. [Нуржанов, 2018, с. 59].

Кенджек-Сенгир – город вблизи Тараза. Впервые назван Махмудом Кашгарским. После монгольского нашествия, видимо, именно этот город продолжал существовать под названием Кенджак.

В средней и нижней части Таласской долины есть крупное городище Шарвашылык, которое обследовал Л. И. Ремпель. Он на основе полученного материала пришел к выводу, что городище существовало и в XIII–XVI вв. Л. И. Ремпель также указал на местоположение г. Шарвашылык возле древней поймы р. Талас. Территория городища окружена стеной длиной 1,5 км. Шахристан в плане имеет форму неправильного четырехугольника, ориентированного углами по сторонам света. Северо-восточная стена имеет протяженность около 350 м, юго-западная – 400 м. Внутри вся обширная территория городища покрыта многочисленными буграми, впадинами-следами былой застройки. Верхний слой – гумусный, затем идет натечно-надувной слой, состоящий из аморфной земли серого цвета. Толщина его составляет 1 м. Городище можно отождествить с позднесредневековым городом Кенджаком [Ремпель, 1956, с.68].

В книге «Путешествие в Восточные страны» ПIANO Карпини и Гильом де Рубрук, изданной в Москве в 1957 г., в комментариях к главам утверждается, что Гильом де Рубрук, обогнув с севера Аральское море, дошел до низовьев реки Талас и, двигаясь по течению, достиг низовьев Таласа, теряющегося в песках, и затем добрался до города Кинчата [Вильгельм де Рубрук, 1993, с. 109–110].

Интересные данные о городах Юго-Западного Жетысу приводит Гильом (Вильгельм) де Рубрук – посол французского короля Людовика XI к каану Мунке. Он ехал из Крыма на Дон, к Волге, к реке Урал и далее в степи Центрального Казахстана и Жетысу. Маршрут его движения не маркируется сохранившимися географическими названиями. Гильом де Рубрук двигался, скорее всего, как и ПIANO Карпини, через Хорезм в Юго-Восточное Приаралье, а далее на север в Центральный Казахстан. Он писал: «Накануне дня всех Святых мы оставили дорогу на восток, так как татары уже значительно

спустились к югу, и направились через какие-то горы прямо на юг, в течение 8 дней подряд. В этой пустыне я видел многих ослов, именуемых кулан, которые больше похожи на мулов; наш проводник и его товарищи усиленно их преследовали, но ничего не достигли вследствие их чрезмерной быстроты. На седьмой день к югу нам стали видны очень высокие горы, и мы въехали на равнину, которая орошалась как сад, и нашли возделанные земли. Через неделю после праздника всех Святых мы въехали в некий сарацинский город по имени Кинчат. Глава его выехал навстречу нашему проводнику с пивом и чашами. Ибо у них существует такой обычай, что из всех городов, им подчиненных, послы Бату и Мангухана встречают с пищей и питьем. В то время там ходили по льду, и еще раньше, начиная с праздника святого Михаила, в степи стояли морозы. Я спросил о названии этой области, так как мы были уже на другой территории, они не умели мне сказать иначе, как по имени города, который очень мал. И с гор спускалась большая река, которая орошала всю страну, так как они проводили от нее воду, куда им было угодно; это река не впадала в какое-нибудь море, а поглощалась землею, образуя также много болот. Я видел там лозы и дважды пил вино. На следующий день мы прибыли к другому поселку, более близкому к горам, и я спросил про горы, про которые узнал, что это были горы Кавказа, которые соприкасаются обеими сторонами моря от запада к востоку. Тут также узнал я, что мы уже проехали вышеупомянутое море, в которое втекает Этилия. Я спросил также о городе Талас, в котором были немцы, рабы Тури, про которых говорил брат Андрей и про которых я также спрашивал при дворе Сартаха и Бату. Об этих немцах я не мог узнать ничего вплоть до приезда ко двору Мангукаана, а в вышеназванном поселке я узнал, что Талас был сзади гор, на шесть дней пути от Таласа, в некий город по имени Болат, где они копают золото и делают оружие; поэтому я не мог попасть в их страну в оба мои проезда, туда и обратно. Однако я проехал на пути туда довольно близко, может быть, всего на три дня пути от этого города [Вильгельм де Рубрук, 1993, с. 109–110].

Е. И. Агеева и Г. И. Пацевич полагали, что Гильом де Рубрук двигался по берегам Таласа и именно там он нашел город Кинчат, который соответствует городу Кенджак. Маршрут этот им представляется в следующем виде: перейдя Волгу (Итиль), он доехал до Урала (Ягак-Яик), после переправы через который в районе нижнего течения (возможно около древнего Сарайчика) проехал восточнее города Актюбинска или Темира в пределах окрестностей Тургая, откуда повернул на юг через горы Улутау, затем вдоль русел рек Кара-Кенгир и Сары-Су направился к северным склонам Каратау, вдоль них – через Сузак, Чулак-Курган и Байкадам – к низовьям реки Талас, к городу Кинчату. Кинчат, по-видимому, соответствует Кенджак-Сенгиру, о котором Махмуд Кашгарский писал: «Кенджак-Сенгир – название города вблизи Тараза. Это пограничная крепость с кипчаками». По сообщению Рашид ад-Дина известно, что в 1269 году на лугах Таласа и Кенджака был проведен курултай наследников Чингизхана. Поэтому город этот может быть отождествлен либо с городищем Тек-Турмас, либо с Шарваншлыком, расположенными в низовьях Таласа, который

ниже Джамбула, распадается на множество арыков, расходящихся веером. Сбросовые воды арыков (после полива) и воды половодья образуют на концах этих каналов большое количество пересыхающих к концу лета болот и небольших озер, что соответствует местности, описанной Рубруком. Они предположили отождествить этот город с городищем Шарвашылык, который существовал с первых веков н.э. до XII–XIV вв. [Агеева, Пацевич, 1958, с. 283].

М. Е. Массон справедливо отмечал, что города Янги, Янги-Балык, Кенджек, упоминаемые ал-Омари – это вновь отстроенные города, местоположение которых не совсем ясно. Кенджек известен с XI в. у Махмуда Кашкарского – это город близ Тараза, пограничная крепость с кыпчаками. По-видимому, его можно отождествлять с развалинами городища Шарвашылык в низовьях Таласа, единственному памятнику, где найдены материалы XIII–XVII вв.

Городище Янги-Талас соответствует городищу Актобе Таласское. Сейчас получены новые данные, подтверждающие существование в XIII–XV вв. городища Актобе Таласское, расположенного на окраине современного города Талас (Кыргызская Республика). Городище, как показали археологические исследования, является наиболее крупным в долине, в том числе и среди памятников, существовавших в XIII–XIV вв. Раскопки городища и шурфы, проведенные на цитадели городища, сборы подъемного материала установили, что в XIII – начале XV в. обживалась вся территория центральных развалин [Бернштам, 1963, с. 120–124].

Кроме того, именно вблизи этого городища расположен известный архитектурный памятник XIII в., так называемый Гумбез Манаса [Бернштам, 1963, с. 61], продолжающий традицию строительства монументальных усыпальниц вблизи столичных центров, как это было раньше в Таразе. Это перекликается и со сведениями Ибн Арабшаха о том, что при Тимуре наиб назначался именно в Янги-Талас [Бернштам, 1941, с. 76].

Городище Янги-Балык, скорее всего, было на месте городища Садыр-Курган (средневековый Шельджи) (Кыргызская Республика). План городища, его мощные оборонительные сооружения напоминают городище Аспару в Шуйской долине, также восстановленное по приказу Тимура в 1397–1398 гг. Археологические раскопки на нем выявили мощный слой монголо-тимуридского времени.

Впервые слой монгольского времени был выделен А. Н. Бернштамом в раскопках на городище Тараза. Позднее этот же слой был зафиксирован на шахристане Тараза Г. И. Пацевичем и Е. И. Агеевой. Слой XIII–XIV вв. и подъемный материал этого времени дают также более десятка других городищ в Таласской долине, особенно в верховьях реки, где интенсивно разрабатывались серебряные рудники. Поливная посуда этого времени из Тараза и других городищ Таласской долины представлена, главным образом, чашами на поддоне. Преобладает голубая полива с выступом и на кольцевом поддоне, а также полива с глазурной росписью растительного характера синей и черной красками. Встречается под-глазурная гравировка орнамента. С середины

XIII в. преобладают конусообразные чаши с характерным тупым углом при переходе от поддона к тулову, покрытые зеленоватой или желтоватой поливой и украшенные росписью с использованием мотивов «вихревой» розетки, а также буквенного орнамента. Довольно часто встречаются на керамике подглазурные гравированные пояски стилизованных растительных сюжетов.

К XIII в. относится случайно обнаруженное погребение, совершенное по обряду трупосожжения. Кости лежали в керамическом сундуке с крышкой. Захоронение сопровождалось набором посуды: две кашинные тонкостенные тарелки с рельефным орнаментом и голубой поливой, пиала, блюдце и кувшин грушевидной формы с поясной рельефной арабской надписью нахс: «здоровья и счастья, величие и долголетие». Все эти изделия сделаны из кашина и покрыты бирюзовой поливой. В комплексе посуды имелась также глиняная чаша, покрытая белой поливой [Сенигова, 1972, с. 195, 197]. Там же были найдены два бронзовых зеркала диаметром 6,5 и 8 см с рельефной орнаментикой.

Отсутствие монет XIII–XIV вв. на городище также является свидетельством того, что Тараз, скорее всего, переместился в другое место [Байпаков, 2016, с. 52].

Археологические исследования последних лет в значительной степени конкретизировали представление состоянии оседлой культуры на территории Таласской долины в эпоху Монгольской империи. Расширился круг позднесредневековых памятников, пополнились коллекции материальной культуры, несмотря на то, что слой XIII–XV вв., как правило, небольшой толщины. Результаты археологических исследований городищ, существовавших в XIII - первой половине XV в., сопоставление археологических материалов, письменных источников и нумизматических сведений позволили определить месторасположение почти всех городов на территории Казахстана в XII–XV вв. Также археологические материалы XIII–XV вв., несмотря на свою малочисленность, заслуживают внимания тем, что в средневековых источниках и народных преданиях отмечалось существование местного земледельческого населения при отсутствии городов, как таковых [Байпаков, 1999, с. 36].

Литература

Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Труды ИИАЭ АН КазССР. 1958. Т. V. С. 3-215.

Акишев А.К. «Сиюйцзи» - «Записки о западном крае» даосского учителя Чань Чуня // Тұған өлке – родной край. Историко-краеведческий журнал. 2008. № 1–2 (10–11). С. 52-71.

Байпаков К.М. Тараз и средневековые города Таласской долины // Проблемы древней и средневековой истории Казахстана: материалы чтений по творчеству М.Х. Дулати (г. Тараз, 26–27 октября 1999 г.). Алматы: Дайк-Пресс, 1999. С. 22-37.

Байпаков К.М. Древняя и средневековая урбанизация Казахстана (по материалам исследований Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции). Кн. III. Ч. 1. Урбанизация Казахстана в XIII – начале XV в. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2016. 596 с.

Бартольд В.В. Очерк истории Семиречья. Фрунзе: Киргизгосиздат, 1943. 104 с.

Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч. в 8 томах. Т. 1. М.: Наука, 1963. 763 с.

Бернштам А.Н. Памятники старины Таласской долины. Историко-археологический очерк. Алма-Ата: Казахское объединенное государственное издательство, 1941. 66 с.

Бернштам А.Н. Городище Садыр-Курган // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе: Изд-во АН Киргизской ССР, 1963. С. 115-125.

Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1911. 104 с.

Волин С. Сведения арабских источников XI–XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах // Труды ИИАЭ АН КазССР. 1960. Т. V. С. 72-92.

Жуков В.Д. Дукентский клад (предварительное сообщение) // ИМКУ. 1959. Вып. 1. С. 179-207.

Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы: Санат, 1996. 256 с.

Массон М.Е. Исторический этюд по нумизматике джачатаидов. (По поводу Таласского клада монет XIV в.) // Труды Среднеазиатского государственного университета. 1957. Вып. IV. С. 41-107.

Массон М.Е. К вопросу изучения языческих курганных погребений // Вестник АН КазССР. 1965. № 1. С. 82-84.

Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. (Извлечения из персидских и тюркских источников) / Сост. С.К. Ибрагимов, Н.Н. Мингулов, К.А. Пищулина, В.П. Юдин. Алма-Ата: Наука, 1969. 560 с.

Мухаммед Хайдар Дулати. Тарих-и Рашиди. Алматы: Санат, 1999. Изд. 2. 656 с.

Нуржанов А.А. Историко-археологическое изучение средневекового Тараза // Новые взгляды на историю Казахстана: матер. междунар. науч.-теорет. конф., посвящ. 70-летию Почетного академика НАН РК, д.и.н., профессора Таласа Омарбекова (г. Алматы, 1 июня 2018 г.). Алматы: «Қазақ университеті», 2018. С. 53-62.

Пищулина К.А. Юго-Восточный Казахстан в середине XIV – начале XVI в. (вопросы политической и социально-экономической истории). Алма-Ата: Наука, 1977. 259 с.

Раднабхадра. Лунный свет. История рабджам Зая-Пандиты / Перевод с ойратского Г.Н. Румянцева и А.Г. Мазыкина. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1999. 186 с.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Кн. 1–2. М.; Л.: АН СССР, 1952. 220 с.

Ремпель А.И. Археологические памятники в дальних низовьях Таласа // Труды ИИАЭ АН КазССР. 1956. Т. 1. С. 71-72.

Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз. Алма-Ата: Наука, 1972. 228 с.

Б. М. Хасенова

АЖУРНОЕ ЛИТЬЕ КИМАКОВ: ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Торевтика в эпоху средневековья является важнейшим видом художественной деятельности. Она использовалась в оформлении костюма, воинского и конского снаряжения. Область ее применения свидетельствует о высокой значимости символики и художественного оформления этих изделий. Необходимо изучение этих предметов как произведений искусства, в которых отобразился стиль эпохи. Наступление эпохи средневековья привело к формированию степного орнаментализма и появлению новых технологий в изготовлении изделий из металла. В результате дефицита металла определенное распространение получило ажурное литье. В торевтике кимаков в данной технике оформлялись некоторые женские украшения, детали мужских поясов, воинского снаряжения. Художественный эффект достигался за счет наложения ажурного изображения на какую-либо основу – ткань, кожу. В результате, создавалось впечатление объемного рисунка, имеющего перспективу. Она произвольно менялась в зависимости от угла зрения. Особенно этот эффект присущ для бляшек, используемых в оформлении пояса и некоторых застежек-подвесок. Рамки с высокими наклонными бортиками у этих изделий увеличивали впечатление объемности изображения. Таким образом, эти предметы имели своеобразные художественные особенности, позволяющие предположить, что не только экономия металла привела к появлению технологии ажурного литья.

Ключевые слова: эпоха средневековья, кимаки, торевтика, искусство, ажурное литье

Қимақтардың шілтерлі құймасы: көркемдік ерекшеліктері

Ортағасырлық торевтика көркемдік іс-әрекеттің маңызды түрі болып саналады. Ол киімдерді, әскери жабдықтар мен ат әбзелдерін безендіруге қолданылды. Тұтыну саласына қарап бұл бұйымдардың мән-мағынасы зор, көркемдігі жоғары болғандығын көруге болады. Осы заттарды дәуір стилін паш ететін көркемөнер туындысы ретінде зерттеу қажеттігі туып отыр. Орта ғасырларда далалық ою-өрнек өнерінің қалыптасқан және металдан бұйым жасаудың жаңа технологияларының пайда болған кезеңі болды. Металдың қат болуы себепті шілтерлеп құю тәсілі біраз жерлерге таралды. Қимақ торевтикасында әйел әшекейлерінің, ерлерге арналған белдіктер бөлшектерінің, қару-жарақтардың кейбір түрлері осы әдіспен жасалды. Шілтерлі бейнені мата, тері тәрізді қандай да бір төсемнің үстіне құю арқылы көркемдік дәрежесін арттырды. Нәтижесінде,

---

© **Бакыт М. Хасенова**, *Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Алматы, г. Нур-Султан, Казахстан, alicar@inbox.ru*

Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, ИРН проекта AP05131573

белгілі бір көріністі көрсететін көлемді сурет шыққандай әсер қалдыратын болды. Осылай жасалған бұйымдар аударып-төңкеріп қараған кезде құбылып тұрады. Мұндай қасиет көбіне белдіктерді әрлейтін жапсырмаларға және кейбір ілгек-салпыншақтарға тән. Бұл бұйымдардың кемері биік әрі көлбеу болып келетін жиектері оларды ұлғайтып көрсетеді. Зерттеліп отырған заттардың осындай өзіндік көркемдік ерекшеліктерінің болуы шілтерлеп құю технологиясы металды үнемдеу үшін ғана ойлап табылмаған тәрізді деп болжауға мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: орта ғасырлар дәуірі, кимақтар, торевтика, өнер, шілтерлі құйма

Open-cast of the Kimaks: artistic features

Toreutics is the most important kind of artistic activity in the Middle Ages. It was used in the design of costumes, and military and horse equipment. The scope of its application indicates the high importance of the symbolism and decoration of these products. It is necessary to study these items as the works of art that reflect the style of that epoch. The Middle Ages led to the formation of steppe ornamentalism and the emergence of new technologies in the metal products manufacture. As a result of the shortage of metal, the open-cast was widely used. In the toreutics of the Kimaks, some women's jewellery, details of men's belts and military equipment were made in this technique. The artistic effect was achieved by applying an openwork image to any base - fabric or skin. As a result, the impression of a three-dimensional drawing with a perspective was created. It was changed depending on the angle of view. This effect is proper to the plaques used in the design of belt and some fasteners-pendants. The frames with high sloping sides of these products increased the impression of three-dimensional image. Thus, these items had unique artistic features that suggest that not only the economy of metal led to the emergence of openwork casting technology.

Keywords: Middle Ages, Kimaks, toreutics, art, open-cast

Важнейшим источником для изучения культуры и общества эпохи средневековья является торевтика. Область ее преимущественного применения – оформление костюма, воинского и конского снаряжения обусловила высокую степень информативности символики орнаментального оформления. Изучение торевтики становится важным способом выяснения своеобразия языка искусства эпохи средневековья (VI–XVIII вв.) Начало новой исторической эпохи в пространстве евразийских степей ознаменовалось образованием тюркских каганатов (VI–VIII вв.). В искусстве это время нашло отображение в формировании и сложении степного орнаментализма, ведущими изобразительными элементами которого стали растительные. Также в эпоху средневековья получили распространение новые технологии изготовления предметов из металла. Использование полых рельефных накладок тюркского времени дало возможность мастерам «изготовить большое количество изящных изделий при минимальных затратах металла» [Конькова, Король, 2001, с. 95–96].

Высокий спрос на предметы торевтики и дефицит металла обусловили общие закономерности развития технологической базы на протяжении всего средневековья. Литье, ажурное литье, золочение, серебрение, тиснение и другие способы изготовления и оформления предметов распространялись в евразийских степях повсеместно вне зависимости от этнической принадлежности мастеров [Конькова, Король, 2001, с. 96].

В кимакском искусстве выделяются следующие художественные приемы для оформления изделий из металла: нанесение изображения на поверхность, изготовление цельнолитных изделий, инкрустация, ажурное литье. Ажурное литье, получившее определенное распространение у кимаков, является интересным объектом для изучения предметов тюревтики как произведений искусства. Согласно Большой энциклопедии [2006], тюревтика (от греч. *toreutikos* – искусный в рельефной работе по металлу) – производство скульптурных художественных предметов из металла, в противоположность валянию из камня, глины, воска и дерева; преимущественно словом «тюревтика» обозначается обработка металлов острыми стальными инструментами, каковы чеканка, а также тиснение по формам и выбивка при помощи пунсонов [Большая энциклопедия, 2006, с. 383].

В технике ажурного литья в тюревтике кимаков выполнены следующие категории предметов: детали женского костюма – подвески, застежки-подвески, нашивка (?); детали мужского костюма – пряжки, бляшки, лировидные подвески; детали воинского снаряжения – бляшка.

Детали женского костюма

Подвески (6 экз.). Имеются изделия ромбической, каплевидной формы, в виде фигурок противостоящих птиц.

1) *Ромбической формы* (3 экз.). Обнаружены в кургане у г. Семей, раскопанного И. В. Васильевым ([Арсланова, 2013, рис. 2, 17–19]. Изображаются четыре крупные пальметты, расходящиеся в стороны из единого центра. Предметы отличаются качеством литья. Наиболее детально выполнена одна из подвесок, еще одна отличается схематичностью [Арсланова, 2013, рис. 2, 18–19]. Пальметты имеют удлиненный стебель, узкие боковые листья, плавно закругляющиеся и направленные вниз, центральный лист небольшой, трехчастный или треугольный. С одной стороны изделий вместо центрального листа размещены две округлые петли с отверстиями для крепления. Между фигурами пальметт имеются четыре крупные дуговидные прорези.

2) *Каплевидной формы* (2 экз.). Происходят из кургана № 3 Бобровского могильника [Арсланова, 2013, рис. 6, 18–19]. В данном кургане было обнаружено шесть таких подвесок, но, к сожалению, их прорисовки, выполненные в одной из статей Ф. Х. Арслановой, недостаточно крупные, чтобы можно было выполнить описание [Арсланова, 1968, рис. 169, 173–174, 183–184]. Внутри рамки одного изделия размещен крупный трилистник с удлиненными заостренными листьями. Рамка покрыта часто расположенными мелкими округлыми выпуклостями. Второе украшение имеет изображение крупного плода или соцветия какого-то растения, выполненное в виде удлиненной фигуры листовидной формы, по краю которого нанесены мелкие наклонные линии. Эта фигура соединена с рамкой пятью перемычками различной формы. Рамка украшена часто расположенными поперечными насечками. В верхней части обеих подвесок имеется небольшая пластинка округлой или квадратной формы с отверстием.

3) *В виде фигур противостоящих птиц (1 экз.)*. Обнаружена в погребении 3 объекта № 1 могильника Сандыккала [Трифонов, Самашев, 1987, рис. 113, 10]. Представлено профильное изображение двух стоящих птиц, развернутых друг к другу, то есть компоновка фигур выполнена по принципу зеркальной симметрии (рис. 1, 1). Птицы изображены с небольшой головой с хохолком, длинным прямым клювом, длинной шеей, мощной грудной клеткой, крупными туловищем и лапами, длинным пышным хвостом, пышным крылом, опущенным вниз. Хохолок оформлен тремя зубчиками, клюв расширяется к окончанию, между клювами птиц имеется перемычка (наверх она продолжается как пластина с отверстием для крепления), состоящая из трех округлых выпуклостей.

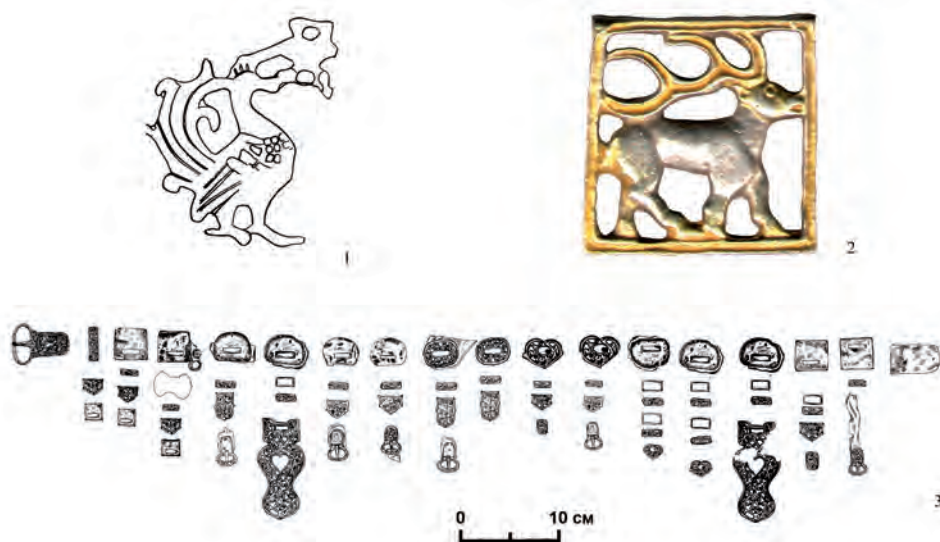

Рис. 1. Предметы тюревтики кимаков, выполненные в технике ажурного литья: 1 – подвеска в виде фигур противостоящих птиц, мог. Сандыккала, объект № 1, п. 3 (раскопки Ю.И. Трифонова, З.С. Самашева); 2 – бляшка с изображением оленя, мог. Каракаба, к. 9 (по: [Самашев, 2016, рис. 196, 1]); 3 – пояс, мог. Аян, к. 1 (по: [Omarov, Besetaev, 2019, рис. на с. 44])

Застежки-подвески (6 экз.). Имеются две разновидности таких изделий: ромбической и округлой формы.

1) *Ромбической формы (3 экз.)*. Рамка ромбической формы, с фигурными сторонами (объект № 1 у с. Белокаменка) [Трифонов и др., 1987, рис. 74, 11–12]. В центре размещена небольшая сквозная окружность, вокруг нее развернуто изобразительное поле, состоящее из симметрично расположенных трилистников с закругленными листьями. При том, что они выполнены практически одинаково, каждая из пар верхнего или нижнего ряда, оформлены по-своему. Так, удлиненные стебли фигур верхнего ряда соединяются друг с другом, в месте их соединения изображен трилистник меньших размеров.

Фигуры нижнего ряда соприкасаются основаниями непосредственно с рамкой, также в пространстве между ними оформлен трилистник других пропорций – с крупным центральным листом ромбической формы. Крепежная пластина выполнена в виде восьмеркообразной фигуры с заостренными вершиной и основанием. На ее поверхности имеется изображение трилистника с крупным центральным листом ромбической формы. Основную часть с крепежной соединяют перемычки, покрытые частыми поперечными ризками.

2) *Округлой формы (3 экз.)*. Представляют собой случайные находки в Павлодарской области и в окрестностях г. Семей [Арсланова, 2013, рис. 5, 3–5]. Одна пара имеет округлую рамку с небольшими закругленными выступами с внешней стороны, расположенными на одном расстоянии друг от друга. Лицевая поверхность покрыта мелкими отверстиями различной формы. Окончание пластины для крепления выполнено в виде квадрата или в виде треугольника. От второго изделия, обнаруженного в окрестностях г. Семей, сохранилась одна часть [Арсланова, 2013, рис. 5, 5]. По краю фиксируются два небольших выступа. Окончание крепежной части имеет форму трилистника.

Нашивка (?). Обнаружена в кургане № 7 Зевакинского могильника [Арсланова, 1997, рис. 1, 11]. Выполнена в виде многолепестковой розетки. Судя по сохранившемуся фрагменту изделия, она имела шесть лепестков. В центре лепестков имеются крупные округлые отверстия. Еще одно отверстие, видимо, располагалось в центральной части фигуры.

Детали мужского костюма и воинского снаряжения

Оформление пояса (2 экз.). В технике ажурного литья выполнены некоторые детали этих поясов, то есть они комбинируются с деталями, изготовленными в технике литья.

1) У пояса, обнаруженного в кургане № 97 Зевакинского могильника, ажурными являются пряжка и бляшки различной формы. Пряжка с овальной рамкой и удлиненным щитком с закругленным окончанием [Арсланова, 1972, табл. VII, 1]. Рамка украшена растительным побегом с закругленными завитками по сторонам. Поверхность щитка оформлена с помощью мотива из двух пышных растительных побегов, расположенных друг над другом. От побега сверху отходят еще два, которые закругляются и спускаются вниз. Между побегими имеются небольшие округлые отверстия.

Бляшки (количество неизвестно). Полукруглой формы с прямоугольной прорезью для продевания ремня (количество неизвестно) [Арсланова, 1972, табл. VII, 8]. Пышный растительный побег начинается с области прорези и делится на два в верхней части изделия. Боковые побеги заканчиваются пышными завитками. В пространстве между побегими расположено множество мелких отверстий сердцевидной формы (количество неизвестно) [Арсланова, 1972, табл. VII, 9]. С одной, расширяющейся, стороны имеется выемка каплевидной формы. Поверхность украшена раздвоенным побегом с пышными боковыми завитками. Между ними расположены небольшие мелкие отверстия.

2) Пояс из кургана № 1 могильника Аян имеет ажурные детали различной конфигурации и назначения: бляшки сердцевидной и овальной формы,

лировидные подвески, пряжки, крепившиеся к подвесным ремешкам (рис. 1, 3) [Omarov, Besetaev, 2019, рис. на с. 44]. Все предметы украшены изящными растительными побегом. Особый интерес представляет пряжка основного ремня. В верхней части предмета выполнено погрудное изображение двух человеческих фигур. Отчетливо видны округлое лицо с глазами и носом, широкая и невысокая шея, руки, сведенные вместе на уровне живота. Головы венчает высокий головной убор трапециевидной формы. В нижней части щитка пряжки размещена сердцевидная фигура, образованная из двух растительных побегов.

Оформление колчана. Бляшка прямоугольной формы с изображением оленя украшала верхнюю часть изделия (1 экз.). Обнаружена в кургане № 9 могильника Каракаба. Животное показано идущим слева-направо иноходью (рис. 1, 2) [Самашев, 2016, рис. 196, 1]. У него небольшая изящная голова, увенчанная мощной кроной рогов с четырьмя отростками, ориентированными вверх и назад, короткая массивная шея, удлиненное тело, короткие ноги, маленький треугольный хвост. Крайний отросток рога соприкасается с крупом. Небольшой глаз и ноздря показаны с помощью небольших выемок. Фигура вписана в пространство рамки емко, тем самым незаполненным оказались лишь небольшие участки вокруг нее. Она соприкасается с рамкой в области ног, окончаний отростков рогов, хвоста и носа. Поверхность узкой рамки делится надвое с помощью углубленной бороздки.

Таким образом, в технике ажурного литья у кимаков выполнялись различные предметы, украшающие костюм или воинское снаряжение. Практически всегда они имели рамки, в пределах которых располагалось ажурное изображение. Также имеются украшения, выполненные в виде каких-либо фигур, в данном случае, птиц (подвески с изображением двух противостоящих птиц). В таких случаях, эффект ажурности получался за счет прорезей различной формы и тонких перемычек, соединявших отдельные части предмета (рис. 1, 1).

В первую очередь, следует обратить внимание, что для получения художественного эффекта задействованы как внутреннее заполнение пространства, так и оформление края изделия. Край изделий зачастую выполнен в виде рамки, которая ограничивает изображение. При изготовлении предметов, выполненных в технике ажурного литья, активно использовались растительные мотивы. Они создавали ощущение изящности и легкости предмета. Такие предметы смотрелись более выигрышно, нежели изделия, выполненные в технике литья.

Художественный эффект достигался за счет наложения ажурного изображения на какую-либо основу – ткань, кожу. В результате создавалось впечатление объемного рисунка, имеющего ощущение перспективы. Она произвольно менялась в зависимости от угла зрения. Особенно этот эффект присущ для бляшек, используемых в оформлении пояса и некоторых застежек-подвесок. Рамки с высокими наклонными бортиками у этих изделий увеличивали впечатление объемности изображения. Таким образом, эти предметы имели своеобразные художественные особенности, позволяющие предположить, что

не только экономия металла привела к появлению технологии ажурного литья, как это было высказано Г. Г. Король и Л. В. Коньковой [2007, с. 30].

Фон также играл важную роль в достижении определенной глубины изображения. В данном случае, возможно проявление «негативно-позитивного» соотношения элемента и фона, как это характерно для казахского традиционного орнамента, где «по мере продолжительности и смене точек восприятия происходит и смена их значений» [Муратаев, 2011, с. 183].

Как художественный прием, ажурность присутствует в искусстве степных племен на протяжении длительного времени: от эпохи ранних кочевников вплоть до этнографического времени. Ажурное литье является еще одним способом увеличения художественного эффекта, к таковым в рассматриваемое время относятся также амальгирование бронзовых и серебряных изделий целиком или частично, инкрустация железных изделий вставками из серебра.

Литература

Арсланова Ф.Х. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII–XII вв.) // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1968. С. 98-111.

Арсланова Ф.Х. Курганы с трупосожжением в Верхнем Прииртышье // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата: Наука, 1972. С. 356-76.

Арсланова Ф.Х. Женские погребения IX–X вв. с бусами из Казахстанского Прииртышья // Вопросы археологии Казахстана. Алматы; М.: Гылым, 1998. Вып. 2. С. 97-109.

Арсланова Ф.Х. Женские украшения кимаков и кыпчаков / Арсланова Ф.Х. Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. Материалы и исследования по археологии Казахстана. Т. III / под общ. ред. З. Самашева, сост. Б.М. Хасенова. Астана: Филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2013. С. 28-92.

Большая энциклопедия в 62 томах. Т. 51. М.: Терра, 2006. 591 с.

Конькова Л.В., Король Г.Г. Формирование и развитие традиций в обработке художественного металла в степной Евразии эпохи средневековья // АЭАЕ. 2001. № 1. С. 94-100.

Король Г.Г., Конькова Л.В. Производство и распространение раннесредневековой торевтики малых форм в Центральной Азии // РА. 2007. № 2. С. 25-32.

Муратаев К. Очерки истории и теории прикладного искусства Казахстана / История искусств Казахстана в трех томах. Алматы: Өнер, 2011. Т. 1. 192 с.

Самашев З.С. Памятники средневековых кочевников верховий р. Каракаба в Казахском Алтае // Алтай в кругу евразийских древностей. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. С. 379-409.

Трифонов Ю.И., Ахинжанов С.М., Ермолаева А.С. Белокаменка. Памятники средневековых кочевников // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС: коллективная монография. Алма-Ата: Наука, 1987. С. 141-144.

Трифонов Ю.И., Самашев З.С. Сандыккала. Памятники средневековых кочевников // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС: коллективная монография. Алма-Ата: Наука, 1987. С. 230-233.

Otarov G., Besetaev B. Medieval nomadic Eastern Kazakhstan (based on the Tuyetas and Ayau materials) // Мир древних тюрков. Каталог выставки. Нур-Султан: ТОО «Экспонат», 2019. С. 41-48.

Г. Л. Иванов

КУРУМЧИНСКАЯ КУЛЬТУРА БАЙКАЛЬСКОЙ СИБИРИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ДАЛЬНЕЙШИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

В работе описывается история изучения и выделения курумчинской культуры Предбайкалья, датируемой второй половиной I тыс. н.э. Суть этого явления до сих пор вызывает среди археологов споры.

Ключевые слова: керамика, стоянка, погребально-ритуальный комплекс, культурный слой

Байкал Сібірінің құрымшы мәдениеті: қазіргі жай-күйі мен әрі қарай зерттеудің келешегі

Мақалада б.д. I мыңж. 2-ші жартысымен мерзімделетін Байкал алдындағы құрымшы мәдениеті сипатталады. Бұл құбылыстың мәні археологтар арасында әлі күнге дейін дау тудыруда.

Түйін сөздер: керамика, тұрақ, ғұрыптық жерлеу кешені, мәдени қабат

Kurumchi culture of Baikal Siberia: current state and further prospects of study

The publication describes the history of the study of the Kurumchi culture of the Cisbaikalia dating back to the second half of I millennium AD. The essence of this phenomenon is still controversial among archaeologists.

Keywords: pottery, camp, funeral-ritual complex, cultural layer

История изучения курумчинской культуры. В 1912–1916 гг. археологию Байкальской Сибири начинает исследовать петербургский этнограф, антрополог и археолог, сотрудник Музея археологии и этнографии РАН Бернгард Эдуардович Петри. Затем, в 1918–1937 гг., окончательно обосновавшись в Иркутске в качестве профессора только что открывшегося здесь Университета, Б. Э. Петри разрабатывает и публикует первую периодизацию археологических памятников Западной части Байкальской Сибири.

Весь дописьменный период прошлого Байкальской Сибири разделяется на два больших отрезка – каменный и железный века, бронзовый век как отдельный археологически этап здесь он не признавал [Петри, 1922; 1928]. Железный век, в свою очередь, разделяется на поздний и ранний. Последний период был достаточно подробно описан и проанализирован.

В период раннего железного века в Западной части Байкальской Сибири проживают «курумчинские кузнецы» - смешанная общность полуоседлых ремесленников и скотоводов [Петри, 1922; 1923; 1928].

Опорными памятниками для подобного вывода послужили материалы собственных полевых исследований Б. Э. Петри в долине реки Мурин, в Курумчинском ведомстве (название взято отсюда) и в пещерах на западном побережье озера Байкал. В долине реки Мурин ученым были проведены раскопки поселенческого комплекса в окрестностях деревни Шохтой (стоянка Шохтой 1). Результаты исследований в пещерах интерпретированы как остатки зимних стоянок (Большая и Малая Байденские пещеры) [Петри, 1916, с. 143; 1928, с. 59–60].

Элементами культуры раннего железного века («курумчинских кузнецов»), по Б. Э. Петри, являются:

1. самостоятельное производство железа как сырья, так и целого ряда готовых изделий (установленное на основании раскопок поселения Уту-елга и иных стояночных комплексов);

2. скотоводство как основа экономики (установлено на основании анализа фаунистических останков, собранных на стоянках);

3. сообщество предбайкальских номадов железного века состоит из двух частей – кузнецов и скотоводов, отсюда два типа поселенческих комплексов – землянки и пещеры;

4. носители культуры железного века – непосредственные предки якутов, что устанавливается на основании ряда аналогий между археологическим и этнографическим материалом [Петри, 1922, с. 23–25; 1923; 1928, с. 55–59].

Три первых пункта вышеизложенной концепции практически не вызвали реакции в археологическом сообществе Сибири 1920-х гг., но последнее утверждение о происхождении якутского народа от курумчинцев дало ряд критических отзывов – высказывалась необходимость исследования погребального обряда курумчинцев, а так же широкое распространение т.н. керамики курумчинцев по Сибири в эпоху железа [Стрелов, 1926; Подгорбунский, 1928].

В итоговой публикации по археологии Байкальской Сибири Б. Э. Петри критикам не ответил, но основные положения вышеизложенной теории повторил. Были высказаны и нововведения – большая часть известных погребально-ритуальных памятников, а так же петроглифы и т.н. «городища» (сооружения из земляных или каменных валов и рвов) отнесены к позднему железному веку [Петри, 1928, с. 64–65].

В конце 1920-х Б. Э. Петри практически полностью переключился на этнографические исследования и больше публикаций по археологии не делал, хотя полевые исследования он продолжает.

В середине 1920-х гг. в археологии Сибири начинает свою многолетнюю деятельность непосредственный ученик Б. Э. Петри – будущий академик Алексей Павлович Окладников. В 1930–1950-х гг. выходит ряд публикаций по различным аспектам археологии Восточной Сибири. Вопрос об эпохе железа

Окладников не обходит вниманием как курумчинскую культуру [Окладников, 1937; 1948; 1955].

Ученый существенно дополняет характеристику курумчинского этапа, следуя путем, намеченным Б. Э. Петри – он вводит понятие курумчинская культура, очерчивает её ареал, дает описание характерных артефактов и разрабатывает сферу духовно-магических представлений курумчинцев (петроглифы и погребально-ритуальные комплексы). Курумчинцы рассматриваются здесь как непосредственные предки якутов, а набор аналогий дополнен рядом параллелей (способ охоты).

Одновременно А. П. Окладников конкретизирует поставленный Б. Э. Петри вопрос о смене культур Байкальской Сибири на рубеже XII–XIII вв., когда на смену курумчинцам приходит совершенно новая общность с иным культурным обликом, другим набором артефактов (другая керамика), хозяйственным укладом (кочевники без оседлых элементов) и духовной сферой (схематичные петроглифы и другой погребальный обряд) [Окладников, 1955, с. 322–324].

В 1960–1970-х В. В. Свинин исследует археологию побережья озера Байкал, подводя определенные итоги исследования древностей Байкальской Сибири, в том числе и эпохи железа. Основные положения выглядят следующим образом:

- дифференция эпохи железа на три этапа;
- датировка курумчинского этапа V–XI вв.;
- включение в составе курумчинской общности потомков населения Предбайкалья эпохи бронзы [Свинин, 1971, с. 74];
- керамика как основной культурный индикатор.

В статье дается понятие «куруканская керамика» и приводится рисунок типичного сосуда – сложной открытой параболической формы с плоским дном и прочерченным дугообразным декором в зоне венчика [Свинин, 1971, с. 8].

И. В. Асеев, исследовавший археологические памятники Предбайкалья, одновременно с В. В. Свининым рассматривал носителей курумчинской культуры как прямых потомков населения Предбайкалья эпохи бронзы и раннего железного века, в его работах, кроме того, была опубликована часть материалов из раскопок А. П. Окладникова на «городище» Манхай 1 (в долине р. Ангары) и на островах в верхнем течении р. Ангары, содержащих массу артефактов из керамики, металла и кости. Основной массив населения в Предбайкалье сохранялся неизменным, отдельные миграции приносят новые веянья, но курумчинская культура продолжает функционировать вплоть до XII в., когда её носители сменяются другим населением. Основным показателем смены культур, вслед за А. П. Окладниковым, И. В. Асеев считает погребальный обряд.

Так материалы Байкальской экспедиции 1959 г., изданные в 1992 г., в основном свидетельствуют о курыканской культуре и её различных аспектах и признают неразработанной хронологию кочевых культур Предбайкалья [Качалов, Мандельштам, 1992, с. 77].

В 1980–2000-е годы археологические памятники железного века Байкальской Сибири активно исследует Баир Бальжинимаевич Дашибалов. Им с одной стороны вводится в научный оборот огромное количество новых материалов, сопровождаемых абсолютными датировками, а с другой стороны предпринимается попытка внести ясность в понятие «курумчинская культура», в первую очередь, через анализ погребально-ритуальных комплексов. Основным тезисом Б. Б. Дашибалова была датировка функционирования курумчинской культуры с VI по XII вв. и выделение культурных индикаторов из числа различных категорий артефактов – керамические сосуды, наконечники стрел, украшения и т.д. [Дашибалов, 2005, с. 63–64]. В числе прочего Б. Б. Дашибалов активно оперирует понятием «курумчинская керамика» без развернутого описания данного термина [Дашибалов, 1995, с. 117–118, 122, 130]. Интересно, что Б. Б. Дашибалов с одной стороны предлагает рассматривать курумчинскую культуру как естественную преемницу культуры хунну (последние, по его мнению, ушли из Забайкалья в Предбайкалье) и одновременно говорит об её дальневосточных параллелях. Необходимо сказать, что кроме того Б. Б. Дашибалов активно применяет радиоуглеродное датирование при анализе погребально-ритуальных объектов [Дашибалов, Сулержицкий, 2011].

Как итог, концепция единого развития с эпохи бронзы и вплоть до начала II тыс. н.э. вызвала ряд критических откликов и на сегодняшний день развития не получила.

С конца 1980-х гг. эпоху железа Предбайкалья исследует Артур Викторович Харинский. Основными объектами его изысканий являются погребально-ритуальные комплексы и «городища» долины реки Куды и побережья озера Байкал. Кроме того, А. В. Харинский проводит анализ сборов Б. Э. Петри, полученных на поселении Шохтой.

А. В. Харинский в итоге предлагает использовать термин «курумчинский этап», так как в отношении понятия «курумчинская культура» среди ученых нет единого мнения, кроме того исследователь предлагает четко ограничить ареал рассматриваемой культуры бассейном Ангары и Лены (исключив погребально-ритуальные комплексы Приольхонья), а хронологически – концом I тыс. н.э. [Харинский, 2009, с. 59].

Выводы. Таким образом, изучение эпохи железа Западной части Байкальской Сибири собрало внушительную базу археологических источников. Их изучение дает возможность сделать следующие выводы:

1. Отсутствие единого мнения относительно курумчинской культуры как археологического явления среди ученых, исследующих данную тематику.

2. Хронологические рамки вторая половина I тыс. – нач. II тыс. н.э. признается большинством ученых.

3. Отсутствие достаточно долгое время развернутых работ по хозяйственному укладу сообществ, населявших западную часть Байкальской Сибири в курумчинскую эпоху и появление их лишь в 1990–2000-х гг. [Каспаров, 1991; Клементьев, Николаев, 2013, 2017].

4. Различные районы Предбайкалья в археологическом отношении изучены неравномерно, что препятствует построению логически обоснованной схемы культурно-хронологических процессов – так в Приольхонье (центральная часть восточного побережья озера Байкал) известно несколько десятков погребально-ритуальных объектов эпохи железа, но стоянок с четко стратифицированными слоями изучено мало. В других районах – долины рек Куды и Ангары - изучены стояночные комплексы, но погребений открыто мало. Поэтому пополнение источниковой базы и получение новых абсолютных дат для археологических памятников железного века Ангаро-Ленского бассейна – наиболее актуальная задача

Литература

- Асеев И.В.* Прибайкалье в средние века. Новосибирск: Наука, 1980. 149 с.
- Асеев И.В.* Юго-восточная Сибирь в эпоху камня и металла. Новосибирск: изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. 208 с.
- Дашибалов Б.Б.* Поминальные сооружения курумчинской культуры в Прибайкалье // Археологические памятники эпохи средневековья в Бурятии и Монголии. Новосибирск, Наука, 1992. С. 56-87.
- Дашибалов Б.Б.* Находки культуры «курумчинских кузнецов» из раскопок Б.Э. Петри // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тыс. н.э. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. С. 190-207.
- Дашибалов Б.Б.* Археологические памятники курыкан и хори. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. 189 с.
- Дашибалов Б.Б.* На монголо-тюркском пограничье: (Этнокультурные процессы в Юго-восточной Сибири в средние века). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2005. 202 с.
- Каспаров А.К.* Остатки млекопитающих из средневекового городища Манхай в Прибайкалье // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири: сб. науч. тр. Иркутск: ИГУ, 1991. С. 147-156.
- Клементьев А.М., Николаев В.С.* Археологическая характеристика поселения Тоток (Южное Приангарье, Сибирь) // Зоологический журнал. 2013. Т. 92, № 9. С. 1088-1097.
- Клементьев А.М., Николаев В.С.* Домашние и дикие млекопитающие средневекового городища Манхай (по материалам раскопок 2010–2014 гг.) // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2017. С. 152-155.
- Николаев В.С.* Городище Манхай в Предбайкалье // Средневековые древности Приморья. Владивосток: Дальнаука, 2016. Вып. 4. С. 474-490.
- Окладников А.П.* Очерки по истории западных бурят-монголов. Л.: Соцэкгиз, 1937. 428 с.
- Окладников А.П.* Якутия до присоединения к Русскому государству. (История Якутской АССР, т. 1). М.-Л.: АН СССР, 1955. 432 с., ил.
- Петри Б.Э.* Далекое прошлое Бурятского края. Иркутск: Власть труда, 1922. 43 с.
- Петри Б.Э.* Доисторические кузнецы в Прибайкалье: (к вопросу о доисторическом прошлом якутов) // Наука и школа. 1923. № 1. С. 21-39.
- Петри Б.Э.* Далекое прошлое Прибайкалья. Иркутск: Власть труда, 1928. 73 с.
- Подгорбунский В.И.* Заметки по изучению гончарства якутов // Сибирская живая старина. 1928. Вып. 7. С. 127-144.

Свинин В.В. К итогам археологических исследований на Байкале // Ученые записки ВСОГО СССР. Иркутский обл. музей краеведения. 1971. Вып. 4, ч. 1: Вопросы истории Сибири. С. 61-77.

Свинин В.В., Зайцев М.А. Памятники Курумчинской культуры Приольхонья. Иркутск: ИГУ, 1992 156 с.

Стрелов Е.Д. К вопросу о доисторическом прошлом якутов (по поводу брошюры проф. Б.Э. Петри «Доисторические кузнецы в Прибайкалье») // Саха Кескиле. 1926. Вып. 3. С. 5-25.

Сулержиций Л.Д., Дашибалов Б.Б. Радиоуглеродная и археологическая датировка памятников курумчинской культуры // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Иркутск: ИрГТУ, 2011. С. 476-478.

Харинский А.В. Предбайкалье в конце I тыс. до н.э. – сер. II тыс. н.э.: генезис культур и их периодизация. Иркутск: ИрГТУ, 2001. 198 с.

Харинский А.В. Приольхонье в средние века: погребальные комплексы. Иркутск: ИрГТУ, 2001а. 238 с.

Харинский А.В. Курумчинская культура: миф и реальность // Социогенез в Северной Азии: матер. 3-й науч.-практ. конф. (г. Иркутск, 29 марта–1 апреля 2009 г.). Иркутск: ИрГТУ, 2009. С. 49-62.

Л.Ф. Недашковский, М.Б. Шигапов

ПРЕДМЕТЫ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ С ХМЕЛЕВСКОГО I СЕЛИЩА

В статье рассматривается комплекс предметов материальной культуры с золотоордынского Хмелевского I селища второй половины XIII – XIV в., располагающегося в Саратовском Поволжье и изучавшегося в 1995–2010 гг. экспедицией Казанского университета под руководством Л.Ф. Недашковского. Были привлечены разнообразные детали поясных наборов, украшения, сьюлгамы, зеркала, элементы костюма, предметы торговли, культа, быта и орудия труда. Приводятся данные о слиточках, всплеске металла, стеклянных бусах, перстнях, фрагментах сосудов, каменных изделиях и массовом керамическом материале, представленном, в частности, напряслами, лоцилом, неполивной золотоордынской, древнерусской, мордовской посудой. Данный комплекс характеризует материальную культуру малого золотоордынского города Нижнего Поволжья, которая, судя по приведенным материалам, отличалась от материальной культуры расположенного неподалеку крупного города Уека.

Ключевые слова: Золотая Орда, Нижнее Поволжье, материальная культура

Хмелев I қыстауынан табылған материалдық мәдениет жәдігерлері

Мақалада Саратов Еділ бойында орналасқан 1995–2010 жылдары Қазан университетінің экспедициясы Л. Ф. Недашковскийдің басшылығымен зерттелген XIII–XIV ғ. екінші жартысы Алтын Орда кезеңімен мерзімделетін Хмелев I қыстауынан табылған материалдық мәдениет жәдігерлері қарастырылады. Қазба барысында әр түрлі белдік бөлшектері, әшекейлер, айна, киім элементтері, сауда, ғұрыптық заттар, тұрмыс және еңбек құралдары табылды. Сонымен қатар металл құймалар, шыны моншақтар, жүзіктер, ыдыс бөліктері, тас бұйымдары мен алтын орда дәуірінің, ежелгі орыс және мордовск кезеңдерінің керамикалық материалдары туралы мәліметтер келтіріледі. Бұл кешен төменгі Еділ бойындағы шағын Алтын Орда қаласының материалдық мәдениетін сипаттайды, келтірілген материалдар Үкек қаласы маңының материалдық мәдениетінен ерекшеленеді.

Түйін сөздер: Алтын Орда, төменгі Еділ бойы, материалдық мәдениет

© Леонард Ф. Недашковский, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия; Leonard.Nedashkovsky@kpfu.ru

Марат Б. Шигапов, ООО «Поволжская археология», г. Казань, Россия; maratshigapov@gmail.com

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00004. Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 20-09-00004.

Objects of material culture from Khmelevka I settlement

Complex of objects of material culture from the Golden Horde Khmelevka I settlement of the second half of XIII – XIV century, situated in Saratov Volga region and studied by expedition of Kazan University under supervision of L.F. Nedashkovsky in 1995–2010, is considered in the article. Different details of belt sets, wearing-apparel components, syulgamas, mirrors, elements of costume, articles of trade, cult, daily life and work tools were involved. Data on small ingots, splash of metal, glass beads, finger rings, fragments of vessels, stone wares and mass ceramic material, in particular, represented by spindle-whorls, polisher, unglazed Golden Horde, Old Russian, Mordvin pottery, is given. This complex characterizes material culture of the Golden Horde town of the Low Volga region, which judging by the presented materials differed from the material culture of the nearby city Ukek.

Keywords: the Golden Horde, the Low Volga region, material culture

Хмелевское I селище является ближайшими к золотоордынскому городу Укеку остатками городского поселения эпохи державы Джучидов. На месте Хмелевского I селища во второй половине XIII – XIV в. располагался малый город Золотой Орды.

Поселение исследовалось экспедицией Казанского университета 1995–2010 гг., возглавлявшейся Л.Ф. Недашковским [Недашковский, 2011]. В ходе исследований на Хмелевском I селище обнаружены остатки различных ремесленных производств (лощило, всплески металла, обрезки бронзы, керамические и железные шлаки, крица), монеты начала 70-х гг. XIII - конца XIV в., привозные вещи (фрагменты трапезундских амфор) (рис. 8, 20), ближневосточных люстровых сосудов, чаши причерноморского происхождения, фельс Хулагуида Аргуна), орудия земледелия (плужный резак, коса) и рыболовства (грузило), оружие (топоры, наконечники стрел, керамическая бомба), снаряжение коня и всадника (ледоходные шипы, подкова, пряжка и кольцо от сбруи), остатки монументальной архитектуры (обломки кашинных изразцов), металлическая и стеклянная посуда.

С Хмелевского I селища происходит ряд украшений, деталей костюма и зеркал. Вооружение представлено фрагментами двух топоров, четырьмя наконечниками стрел (бронбойным и тремя «срезнями») и фрагментом керамической бомбы. Конское снаряжение – железными рамкой подпружной пряжки, кольцом от узды, подковой и ледоходными шипами. Бытовые изделия и орудия труда – заклепки и фрагменты медных сосудов, литой бронзовой посуды, стеклянных сосудов, обломки медных листов, поливной и неполивной керамики, чугунных котлов, железное чересло, коса, замки, ключи, гвозди, скобы, пробой, ножи и их муфты, напярсла, оселки, грузило, лощило, наперстки, обкладка оселка, кольцо, трубка, оковка, диск, альчик. Предметы торговли представлены держателем коромысла весов и грузиками-пломбами. Из культовых вещей было найдено золоченое 14-гранное ушко энколпиона с эмальями. Также в коллекции представлены слиточки, всплеск металла и неопределенные предметы.

Данный комплекс характеризует материальную культуру малого золотоордынского города Нижнего Поволжья, которая, судя по приводимым материалам, отличалась от материальной культуры расположенного неподалеку

крупного города Уека. Остановимся подробнее на основных категориях предметов материальной культуры с Хмелевского I селища.

Детали поясных наборов. Пряжки. Имеются бронзовая овальнорамчатая пряжка с узким прямоугольным приемником (рис. 1, 1), железные две подтрапециевидные (рис. 1, 3–4), изготовленные из неравномерно науглероженной сырцово-стали, трапециевидная (рис. 1, 2), откованная из цельностальной заготовки и круглая (рис. 1, 5) пряжки.

Бронзовые накладки на ремень: зооморфная в форме стилизованной головы быка (?) в фас (рис. 1, 7), отлитая из оловянистой бронзы; подтреугольная, с пальметтовидным выступом сверху и ажурным вырезом в виде трилистника (рис. 1, 8); фигурная, в виде широкого трилистника, один конец в виде фигурной скобки, на другом – петля (рис. 1, 9); квадратная, на внешней стороне выпуклый орнамент в виде квадрата (рис. 1, 10).

Поясные кольца представлены круглым железным изделием, изготовленным из неравномерно науглероженной сырцово-стали, с крепежными пластинами, служившими зажимами для ремней (рис. 1, 13).

Наконечники ремней: серебряный полуовальный с фигурным концом, с выпуклым орнаментом в виде ромба и окружающих его четырех арок с основой из маленьких выпуклых прямоугольников (рис. 1, 11); бронзовые трапециевидный (рис. 1, 12) и полуовальный (рис. 1, 14), отлитый из многокомпонентного сплава с преобладанием олова над цинком, с концами в виде фигурных скобок.

Украшения головы и рук. Серьга в форме вопросительного знака (рис. 1, 15), изготовленная из «чистой» меди, имеет проволочную оплетку и 14-тигранную бусину.

Бронзовые *перстни* представлены литыми щитковыми: с накладным шатоном для вставки, украшенным двумя боковыми выступами (рис. 1, 16), и с небольшим, слегка приплюснутым щитком (рис. 1, 17), изготовленный из многокомпонентного сплава с преобладанием олова над цинком.

Браслеты представлены двумя пластинчатыми образцами, украшенными орнаментом из выступающих продольных полос и отлитыми из многокомпонентного сплава с преобладанием цинка над оловом (рис. 1, 18–19).

Сюльгамы. Имеются две железные (рис. 1, 21–22) подковообразные сюльгамы (овальная в сечении из неравномерно науглероженной сырцово-стали и с перекрученной железной дугой с язычком из оловянистой бронзы) и игла сюльгамы из свинцово-оловянистой бронзы (рис. 1, 20).

Деталь шумящего украшения: привеска из оловянистой бронзы в форме колокольчика с орнаментом в виде двух узких волнообразных полосок (рис. 1, 23).

Зеркала. С узким высоким бортиком (рис. 1, 26–29): с расплывчатыми изображениями по окружности четырех сидящих человеческих фигур (рис. 1, 28), разделенных четырьмя драконами (2 экз.); с изображениями (рис. 1, 27) аль-бораков (2 экз.); с двумя окружностями в центре, поле занимает сложная

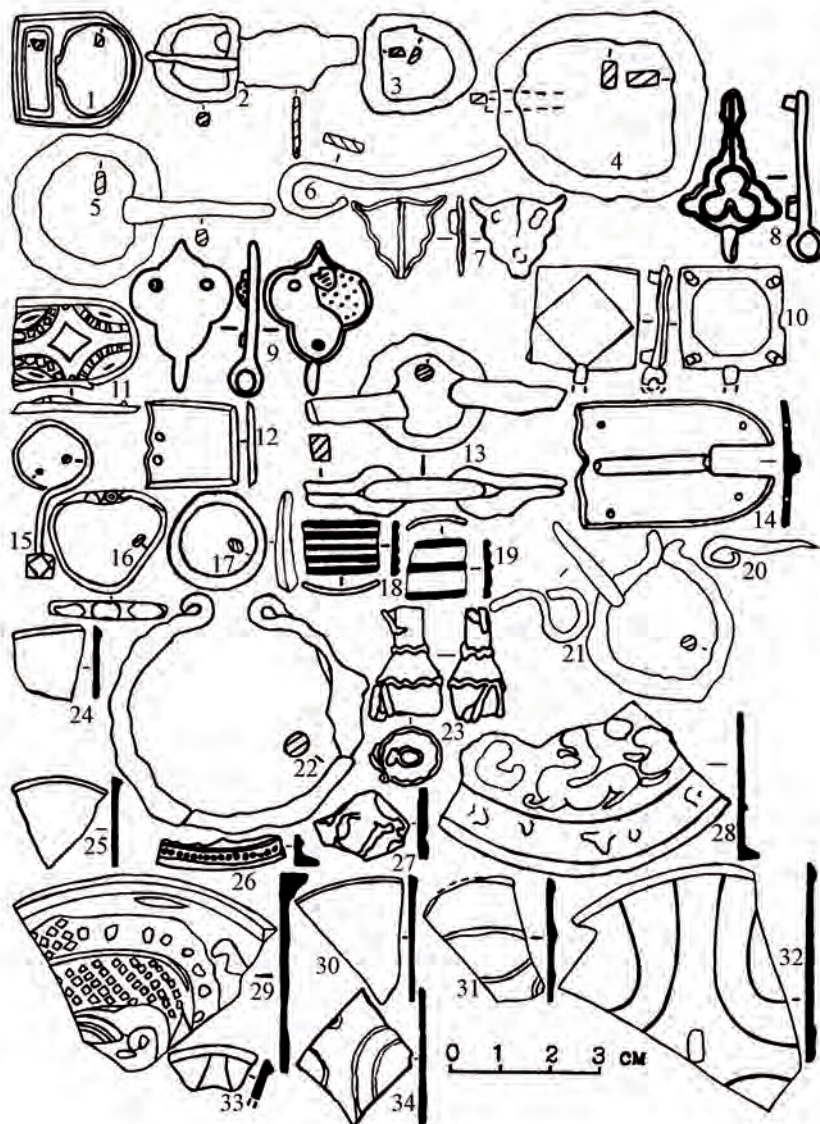

Рис. 1. Пряжки (1–5), язычок пряжки (6), накладки (7–10), наконечники ремней (11–12, 14), кольцо (13), серьга (15), перстни (16–17), браслеты (18–19), язычок сьюльгамы (20), сьюльгамы (21–22), деталь шумящего украшения (23), зеркала (24–34) с Хмельовского I селища. 1, 7–8, 10, 12, 14–20, 23–34 – бронза; 2–6, 13, 22 – железо, 9 – бронза и кожа, 11 – серебро, 21 – железо и бронза. 1, 11–12, 16 – СОМК №/№ СМК 65552, 65551, 65550, 65554 (сборы С.С. Ушакова 1998 г.); 2, 19, 25, 28 – СОМК, раскоп I-2000: 2, 19, 28 – культурный слой (№ 25, -52 см; № 21, -59 см; № 12, -68 см), 25 – яма 4 (№ 74, -86 см); 3–4, 13, 15, 18, 22, 33 – СОМК, раскоп I-1999: 3, 15, 33 – яма 1 (№ 10, -188 см; № 60, -241 см; № 18, -258 см), 4, 18, 22 – яма 2 (№ 9, -140 см; № 27, -215 см; № 17, -144 см), 13 – ямы 2 (№ 30, -226 см) и 4 (№ 58, -133 см); 5–7, 10, 14, 17, 20–21, 23–24, 26–27, 29–32, 34 – СОМК, подъемный материал Л.Ф. Недашковского 2001 (5–6, 20–21, 26), 2000 (7, 14, 17, 24, 34), 1998 (10, 29–32) и 2002 (23, 27) гг.; 8–9 – подъемный материал С.И. Четверикова

плетенка, в которую включены изображения голов различных животных (рис. 1, 26) и человеческой головы в короне (2 экз.); с изображением дракона (рис. 1, 29). Зеркала с низким валикообразным бортиком (рис. 1, 24–25, 30–34): с орнаментом в виде концентрической окружности; без дополнительной орнаментации (рис. 1, 24–25, 30; 4 экз.); с орнаментацией в виде нескольких (рис. 1, 32–34) расположенных одна в другой арок (3 экз.); с концентрической окружностью и четырьмя арками (рис. 1, 31). Все проанализированные зеркала были отлиты из оловянистой бронзы. По количеству экземпляров зеркал с узким высоким бортиком, в процентах от всей коллекции, данные по Хмелевскому I селищу (43,8%), малому городу, ближе к крупному городу Укеку (54,8%). Количество же изделий с низким валикообразным бортиком, найденных на Хмелевском I селище (56,2%), ближе к аналогичным данным по подкурганам захоронениям (64,1%). Судя по распространенности зеркал разных типов, отражающей вкусы местного населения, Хмелевское I селище занимает промежуточное положение между крупным городом Укеком и близлежащими комплексами номадов.

Предметы быта и орудия труда. Железные замки (рис. 2, 2–5, 7–9) представлены типом В (по классификации Б.А. Колчина). Такие замки состояли из скрепленных между собой двух цилиндров и запирающей дужки. Всего найдено 7 экземпляров данных изделий, два из них имеют удовлетворительную сохранность (рис. 2, 2, 4), прочие представлены лишь фрагментами корпусов замков (рис. 2, 3, 5, 7–9). Подвергнутый металлографическому анализу корпус замка был изготовлен при помощи пайки медью. Два замка (рис. 2, 3–4) происходят из ям 2 и 4, датированных монетами 30-х – начала 50-х гг. XIV в.

Бронзовый зооморфный замочек (рис. 2, 1) был, очевидно, выполнен в форме коровки. Подобные изделия известны с Болгарского городища и из Херсонеса [Недашковский, 2000, с. 89].

Ключи. Изделия представлены несколькими типами.

Тип 1 (1 экз.). Медный ключик (рис. 2, 10) был изготовлен из «чистой» меди. Он аналогичен новгородским железным ключам для замков типа Д (по Б.А. Колчину), который датируется XIV – серединой XV в.; схожее с данным изделие было найдено на Увекском городище [Недашковский, 2000, с. 91, 93, рис. 23, 5].

Тип 2 (1 экз.). Ключ к замку типа В (по Б.А. Колчину), с Н-образной рабочей частью (рис. 2, 13) был изготовлен из сырцового чугуна. Предмет найден в яме 4, датированной монетами 30-х – начала 50-х гг. XIV в. Подобные ключи бытовали на поселениях Среднего Поволжья домонгольского и золотоордынского времени, в Древней Руси, Нижнем Поволжье, Старом Орхее [Недашковский, 2000, с. 91, 93, рис. 23, 6].

Тип 3 (2 экз.). Ключи с отогнутой рабочей частью в виде скобы. Лучшее сохранившееся изделие (рис. 2, 11) было изготовлено с применением технологии цементации. Второй предмет из цельной стали был найден в яме 4 раскопа I (№ 53, -79 см).

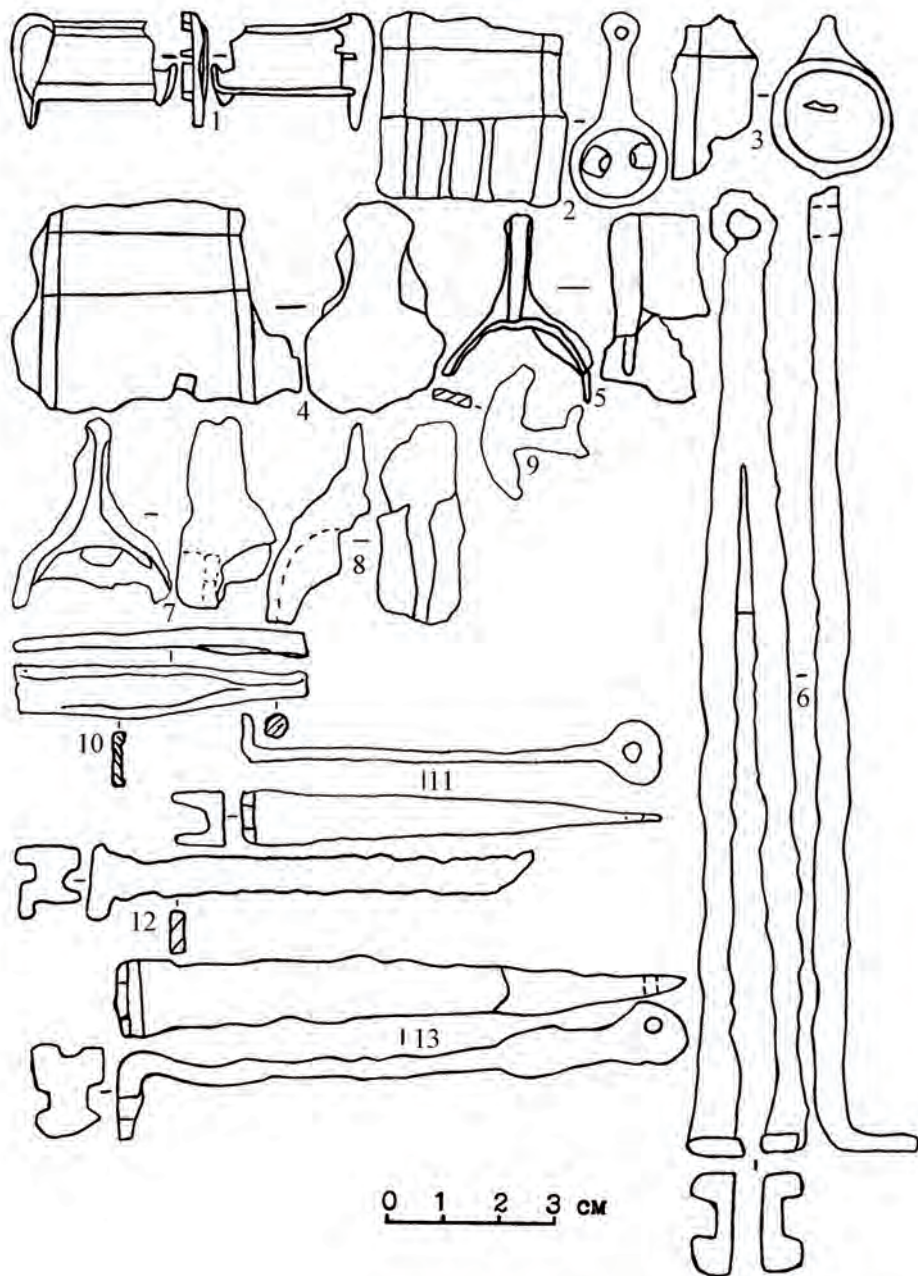

Рис. 2. Бронзовые половинка замочка (1), ключик (10), железные замки (2–5, 7–9) и ключи (6, 11–13) с Хмелевского I селища. 1, 7–11 – СОМК, подъемный материал Л.Ф. Недашковского 1998 (1), 2001 (7, 9) и 2000 (8, 10–11) гг.; 2, 12 – СОМК, раскоп I-2000, культурный слой (№ 46, -87 см; № 38, -57 см); 3–4, 6, 13 – СОМК, раскоп I-1999: 3, 13 – яма 4 (№ 47, -143 см; № 55, -98 см), 4, 6 – яма 2 (№ 13, -187 см; № 31, -232 см); 5 – СОМК, раскоп II-2000, яма 1 (№ 14, -85 см).

Тип 4 (1 экз.). Ключ с рабочей частью в виде буквы Н с двумя выступами (рис. 2, 12) с одной из сторон (один из выступов не сохранился). Этот ключ от замка типа Г (по Б.А. Колчину) был изготовлен из сырцово-стальной стали.

Тип 5 (2 экз.). Ключи с раздвоенной рабочей частью. Хорошо сохранившийся экземпляр имеет окончания в виде двух скоб (рис. 2, 6), он был откован из сырцово-стальной стали. Ключ был найден в яме 2, датированной пулом Узбека 737 г.х. Подобные предметы известны в Древней Руси (ключи к замкам типа Г середины XIII – середины XV в.) и в Среднем Поволжье. Еще один фрагмент ключа этого типа с несохранившимися окончаниями рабочей части, откованный из цельно-стальной заготовки, был найден в 2000 г. в яме 4 раскопа I (№ 77, -111 см).

Представляет значительный интерес тот факт, что все замки и ключи, найденные в сооружениях, происходят из жилища (яма 4 раскопа I – замок и три ключа), жилища, совмещенного с погребом (яма 2 раскопа I – замок и ключ) и крупного подпрямоугольного сооружения (яма 1 раскопа II – замок), вероятно, также жилого по назначению.

Из подъемного материала происходит половинка полой бусины (рис. 3, 1) из «чистой» меди.

Бубенчики (рис. 3, 2–3) представлены двумя двусоставными экземплярами, у одного из которых сохранилось ушко (рис. 3, 3), судя по отверстию имевшееся и у второго изделия (рис. 3, 2). Согласно результатам спектрального анализа, один из предметов (рис. 3, 2) был изготовлен из латуни, а другой (рис. 3, 3) – из многокомпонентного сплава с преобладанием цинка над оловом. Подобные изделия известны в материалах Восточной Европы, Средней Азии и Сибири в IX–XIV вв. [Недашковский, 2001, с. 349–350, 360, рис. 1, 4–6].

Муфты ножей представлены 13 экземплярами (рис. 3, 4–15), как литыми, так и вырезанными из металлического листа. Химический состав девяти исследованных муфт (рис. 3, 6–10, 12, 14–15) говорит о том, что они были изготовлены из «чистой» меди (рис. 3, 7, 9–10) и сложных сплавов (рис. 3, 6, 8, 12, 14–15), как правило, с высоким содержанием цинка.

Наперстки известны в двух экземплярах (рис. 3, 16, 18); один из предметов (рис. 3, 16) был изготовлен из латуни, а другой (рис. 3, 18) – из многокомпонентного сплава с преобладанием цинка над оловом; последнее изделие происходит из ямы 2. *Обкладка оселка* была отлита из латуни (рис. 3, 17), она имеет орнамент в виде трех цветков, один из которых с шестью лепестками, а два – с пятью. *Всплеск металла* (рис. 3, 19), представляющий собой практически «чистую» медь, свидетельствует о бронзолитейном производстве. *Кольцо из дрота* (рис. 3, 20) изготовлено из «чистой» меди. *Трубка* (рис. 3, 21), скрученная из тонкого листа, возможно, является частью обкладки рукояти ножа, подобной найденным на Увекском городище [Недашковский, 2001, с. 353, 361, рис. 2, 32–33]; трубка изготовлена из многокомпонентного сплава с преобладанием цинка над оловом. Золоченое 14-тигранное массивное *ушко энколпиона* с зеленой и красной эмалями (рис. 3, 22) отлито из бронзы. *Неопределенный предмет* (рис. 3, 23) был отлит из многокомпонентного сплава

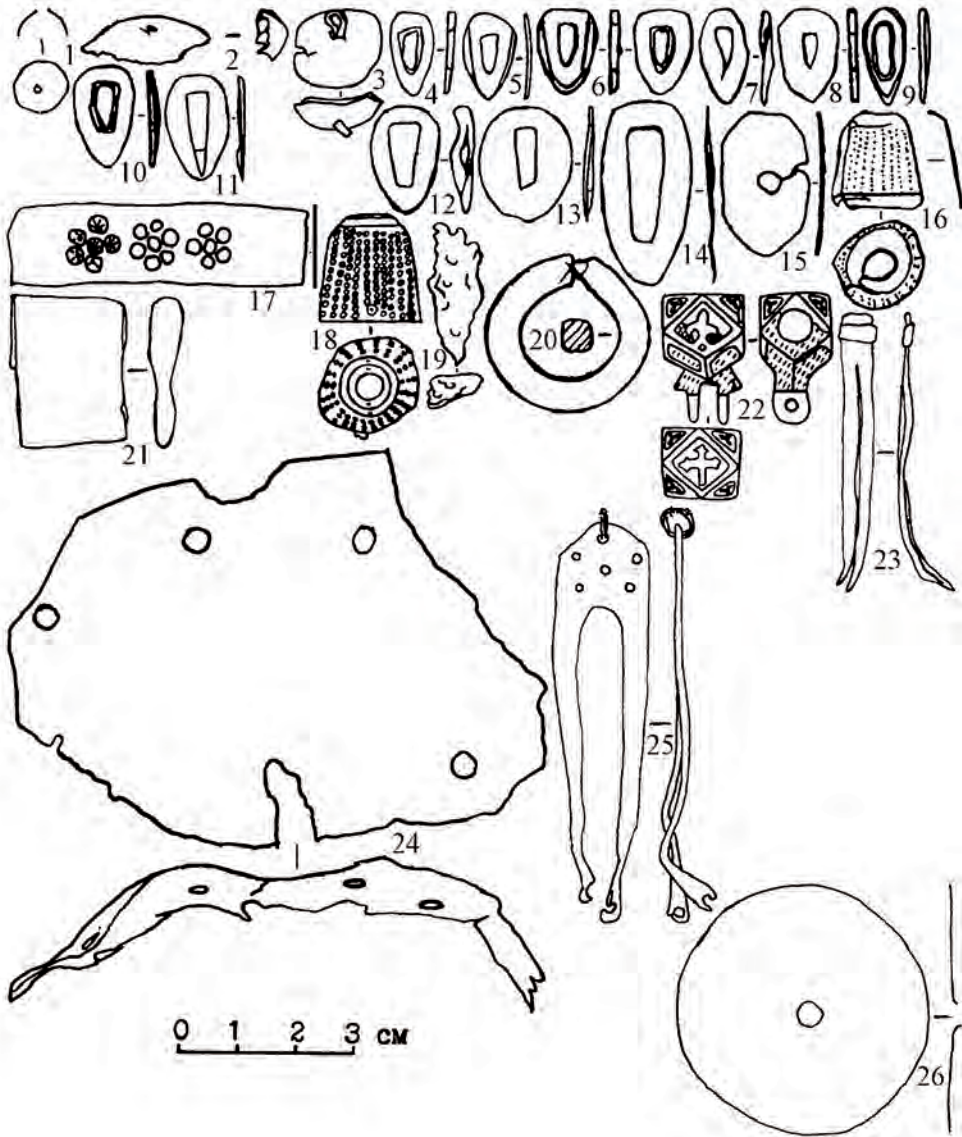

Рис. 3. Бронзовые половинка полой бусины (1), бубенчики (2–3), муфты ножей (4–15), наперстки (16, 18), обкладка оселка (17), всплеск металла (19), кольцо из дрота (20), трубка (21), золоченое ушко энколпиона с зеленой и красной эмалями (22), неопределенный предмет (23), оковка (24), держатель от коромысла весов (25) и диск (26) с Хмелевского I селища.

1–5, 7–17, 20–21, 23, 25–26 – СОМК, подъемный материал Л.Ф. Недашковского 2000 (1–2, 7–8, 10, 12, 14, 16, 20), 2001 (3, 15, 17, 21, 23, 25–26), 1998 (4–5, 11, 13) и 2002 (9) гг.; 6, 19, 24 – СОМК, раскоп I-2000: 6, 19 – культурный слой (№ 14, -47 см; № 68, -50 см), 24 – яма 4 (№ 51, -110 см); 18 – СОМК, раскоп I-1999, яма 2 (№ 38, -223 см); 22 – СОМК № СМК 65558 (сборы С.С. Ушакова 1998 г.).

с преобладанием цинка над оловом. *Оковка* (рис. 3, 24) сундука или шкатулки из ямы 4 имеет шесть отверстий, два из которых были повреждены при поломке предмета; химический состав сплава представляет собой «чистую» медь. *Держатель коромысла весов* (рис. 3, 25) выполнен в виде пластины с вырезом в виде арки, в верхней части сделаны шесть отверстий, в одно из которых продето кольцо; предмет был отлит из оловянистой бронзы. *Диск* (рис. 3, 26) с отверстием мог служить муфтой ножа или шила; химический состав сплава представляет собой свинцово-оловянистую бронзу.

Слиточки (рис. 4, 1–3) имеют дисковидную форму; у двух изделий есть сквозное отверстие в середине. Предметы были отлиты из «чистого» свинца (рис. 4, 2), сплавов свинца с оловом (рис. 4, 1) и олова со свинцом (рис. 4, 3).

Свинцовые грузики-пломбы представлены 15 экземплярами (рис. 4, 4–18). Можно полагать, что свинцовые грузики-пломбы служили для пломбирования тюков с товарами или связок шкур, так как в отдельных случаях внутри сплюсненной втулки аналогичных изделий встречаются обрывки проволочек или ниток. Согласно результатам спектрального анализа 13 изделий (рис. 4, 4–7, 9, 11–18), 10 из них было отлито из «чистого» свинца (рис. 4, 4, 9, 11–18) и лишь три (рис. 4, 5–7) – из сплава свинца с оловом.

Отдел А – усечено-конические, с основанием, в центре которого расположена втулка (рис. 4, 4–5, 9–18). Тип 1 – с вертикальными насечками на боковой поверхности и со штриховкой в виде расходящихся лучей на верхнем основании (рис. 4, 10–14). Тип 2 – с орнаментом в виде миндалевидных насечек по верху основания и насечек на боковой поверхности (рис. 4, 4). Тип 3 – с вертикальными насечками на боковой поверхности и со штриховкой в виде расходящихся лучей, отходящей от пояса из выпуклых «жемчужин» на верхнем основании (рис. 4, 5). Тип 4 – с вертикальными насечками на боковой поверхности и орнаментом в виде завитков на верхнем основании (рис. 4, 9). Тип 5 – орнамент в виде сетчатой штриховки, заполняющей четыре треугольника на верхнем основании (рис. 4, 15–16). Тип 6 – изделия плохой отливки без орнамента (рис. 4, 17–18), у одного экземпляра конус был разрезан на четыре лепестка, которые затем были отогнуты к основанию (рис. 4, 18).

Отдел Б. В виде плоской шайбы без выраженной втулки (рис. 4, 6–8). Тип 1 – усеченно-конической формы с орнаментом в виде насечек на боковой поверхности (рис. 4, 6). Тип 2 – в виде кружка с валиками по краю и в центре, с орнаментом в виде насечек на боковой поверхности (рис. 4, 7). Тип 3 – в виде шайбы с орнаментом из двух зон с насечками, во внешней из которых между насечками имеются кружки (рис. 4, 8).

Альчик (рис. 4, 19) был отлит из сплава свинца с оловом. Астргалы, в том числе их свинцовые отливки, использовались для игры в бабки.

Ножи (рис. 4, 20–31, 5) были широко распространенными, часто используемыми орудиями. Всего было обнаружено 27 ножей, большинство находок (17 экз.) происходят из раскопов, причем ряд из них (рис. 4, 29–30, 5, 2, 5–6, 8, 10–11, 13) – из ям, датируемых монетами 30-х – начала 50-х гг. XIV в. Многие ножи сохранились фрагментарно, лишь шесть экземпляров

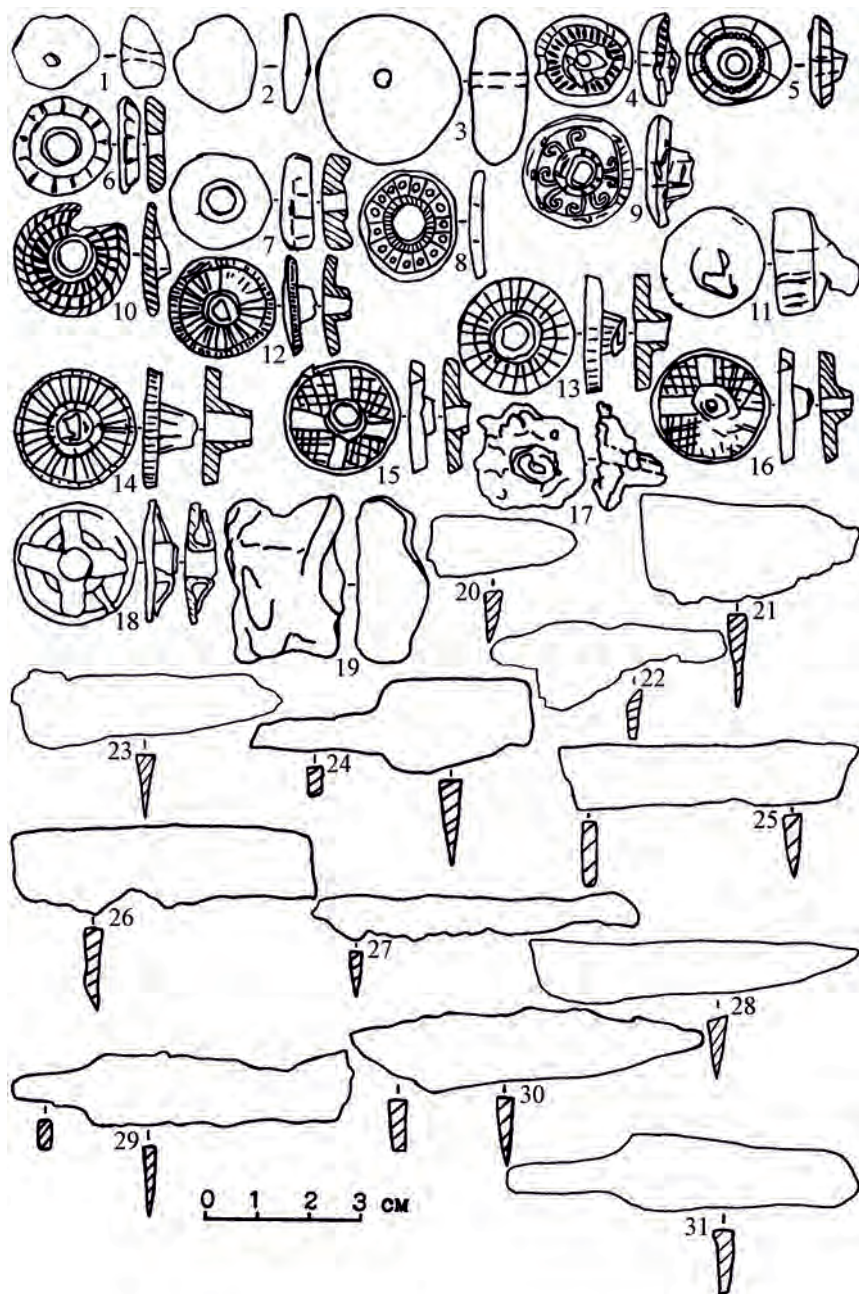

Рис. 4. Слиточки (1–3), грузики-пломбы (4–18), альчик (19) и железные ножи (20–31) с Хмелевского I селища.

1–4, 6–19, 21, 24–27 – СОМК, подъемный материал Л.Ф. Недашковского 2000 (1–2, 6–7, 11–16, 18, 24, 26), 2001 (3, 17, 21, 27), 1999 (4, 9), 1998 (8, 10, 25) и 2002 (19) гг.; 5, 29–30 – СОМК, раскоп I-1999: 5 – яма 1 (№ 42, -157 см), 29–30 – яма 2 (№ 16, -174 см; № 44, -243 см); 20 – СОМК, раскоп III-2001, культурный слой (№ 1, -41 см); 22 – СОМК, раскоп II-2000, культурный слой (№ 10, -69 см); 23, 28, 31 – СОМК, раскоп I-2000: 23 – яма 5 (№ 47, -89 см), 28, 31 культурный слой (№ 29, -61 см; № 33, -53 см).

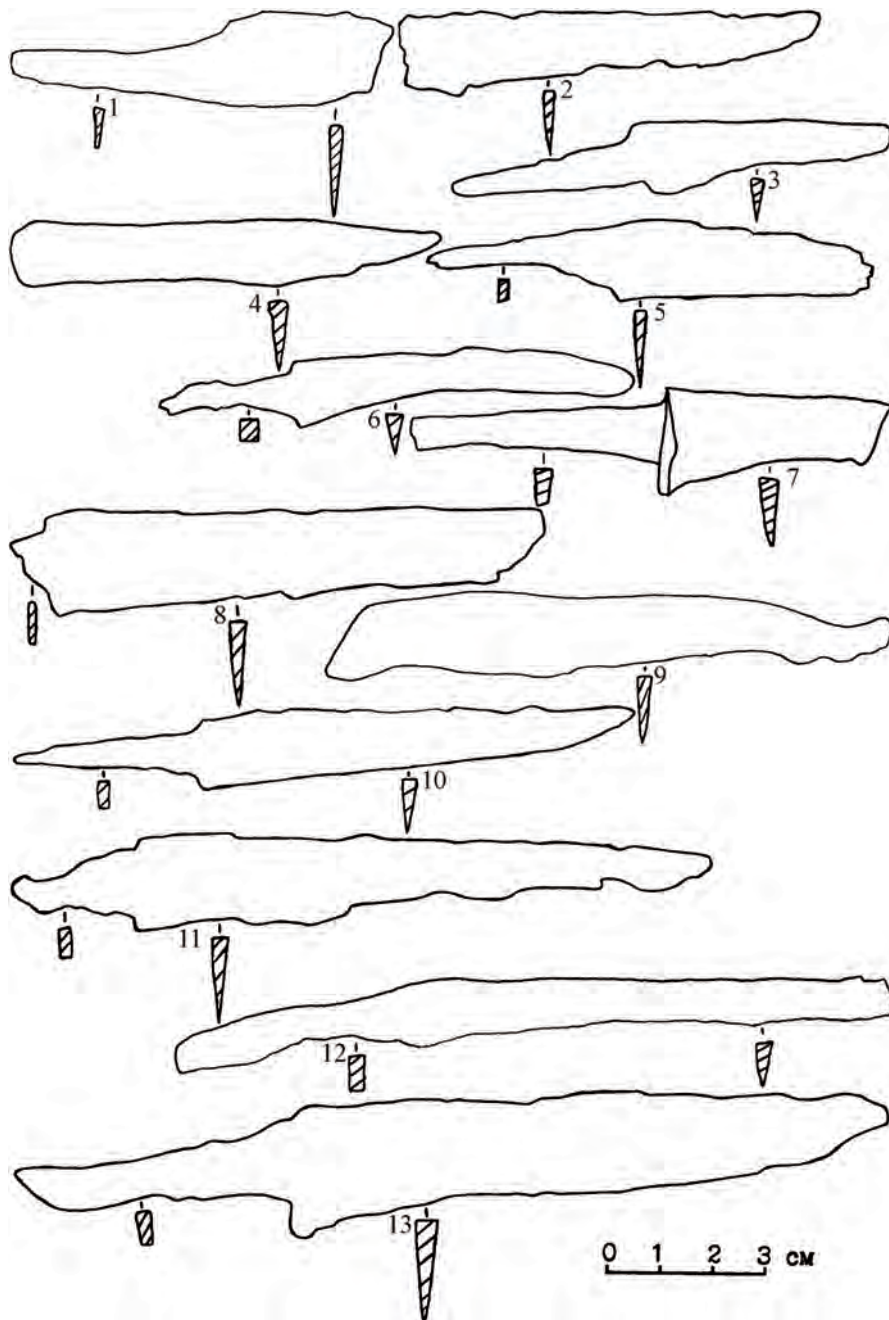

Рис. 5. Железные ножи с Хмелевского I селища.
 1, 9 – СОМК, раскоп I-2000: 1 – культурный слой (№ 35, -49 см),
 9 – яма 5 (№ 55, -125 см); 2, 5–6, 8, 10–11, 13 – СОМК, раскоп I-1999:
 2, 10–11, 13 – яма 2 (№ 11, -144 см; № 28, -215 см; № 37, -224 см; № 15, -149 см),
 5–6, 8 – яма 4 (№ 54, -99 см; № 36, -64 см; № 32, -103 см);
 3–4, 7, 12 – СОМК, подъемный материал Л.Ф. Недашковского 2000 (3)
 и 2001 (4, 7, 12) гг.

представлены практически целыми формами (рис. 5, 3, 6, 10–13). По функциональному назначению можно выделить ножи универсальные и специальные (столярные). Изделия первой группы имеют прямую спинку (рис. 4, 20–29, 31; 5, 1–4, 7–13), а второй - горбатую (рис. 4, 30; 5, 5–6). Два ножа (рис. 5, 5, 12) могли служить в качестве бритв. Проанализированные металлографически ножи были откованы из заготовок неравномерно науглероженной сырцово́й стали (3 экз.), из цельносталльных заготовок (12 экз.), из пакетного металла (3 экз.) а также с использованием техник цементации (3 экз.), V-образной наварки (1 экз.) и варки стальной лезы в основу лезвия, откованную из простого кричного железа (1 экз.). Аналогии ножам имеются на многих средневековых памятниках Восточной Европы [Недашковский, 2001, с. 353, 361–362, рис. 2, 34–44; 3, 5, 8].

Гвозди (23 экз.) представляют собой средство крепежа (рис. 6, 1–18) и являются частыми находками на золотоордынских поселениях. Исследованные металлографически гвозди были откованы из кричного железа (4 экз.), из сырцово́й неравномерно науглероженной стали (13 экз.), из цельносталльных заготовок (5 экз.), из заготовки пакетного металла (1 экз.), причем два из перечисленных - с использованием технологий цементации (1 экз.) и термообработки (1 экз.).

Скобы (9 экз.) применялись для скрепления деревянных конструкций. Изготавливались они (рис. 6, 19–24, 28) из тонкой прямоугольной в сечении железной планки, концы которой загибались под прямым углом и заострялись. Скобы были сделаны из кричного железа (2 экз.), из неравномерно науглероженной сырцово́й стали (4 экз.) и из цельносталльной заготовки (1 экз.). Примечательно, что скоба (рис. 6, 22) и пробой (рис. 6, 27) были найдены в яме 4, представляющей собой жилище.

Пробои (рис. 6, 25–27) представляли собой массивные железные стержни с петлей, заостренные на конце. Исследованные металлографически пробои (2 экз.) были откованы из пакетованных заготовок.

Неопределенные железные предметы. Прямоугольные в сечении предметы (рис. 7, 2–3, 7, 11), в том числе найденные в ямах 2 и 4, могли быть фрагментами скоб; проанализированный предмет (рис. 7, 11) был изготовлен из кричного железа. Предмет из ямы 2 с узким окончанием и широким противоположным обломанным концом (рис. 7, 1) мог быть фрагментом черешка ножа. Предметы из ям 4 и 5 в виде конусовидных втулок, расплюснутых и заостренных на концах в виде лопаточек (рис. 7, 4–5), могут быть частями столярного или какого-то другого ремесленного инструмента; были изготовлены из неравномерно науглероженной сырцово́й стали и из цельносталльной заготовки соответственно. Предмет из ямы 2 в форме плоской пластины с маленьким прямоугольным вырезом (рис. 7, 6) мог быть щитком пряжки, грубо выполненным «ильтаханом» или фрагментом бытового изделия, например врезного замка. Предметы в виде несомкнутых колец (рис. 7, 8–10) могли быть фрагментами пряжек или колец от упряжи; изготовлены из неравномерно науглероженной сырцово́й стали. Изделия из железного

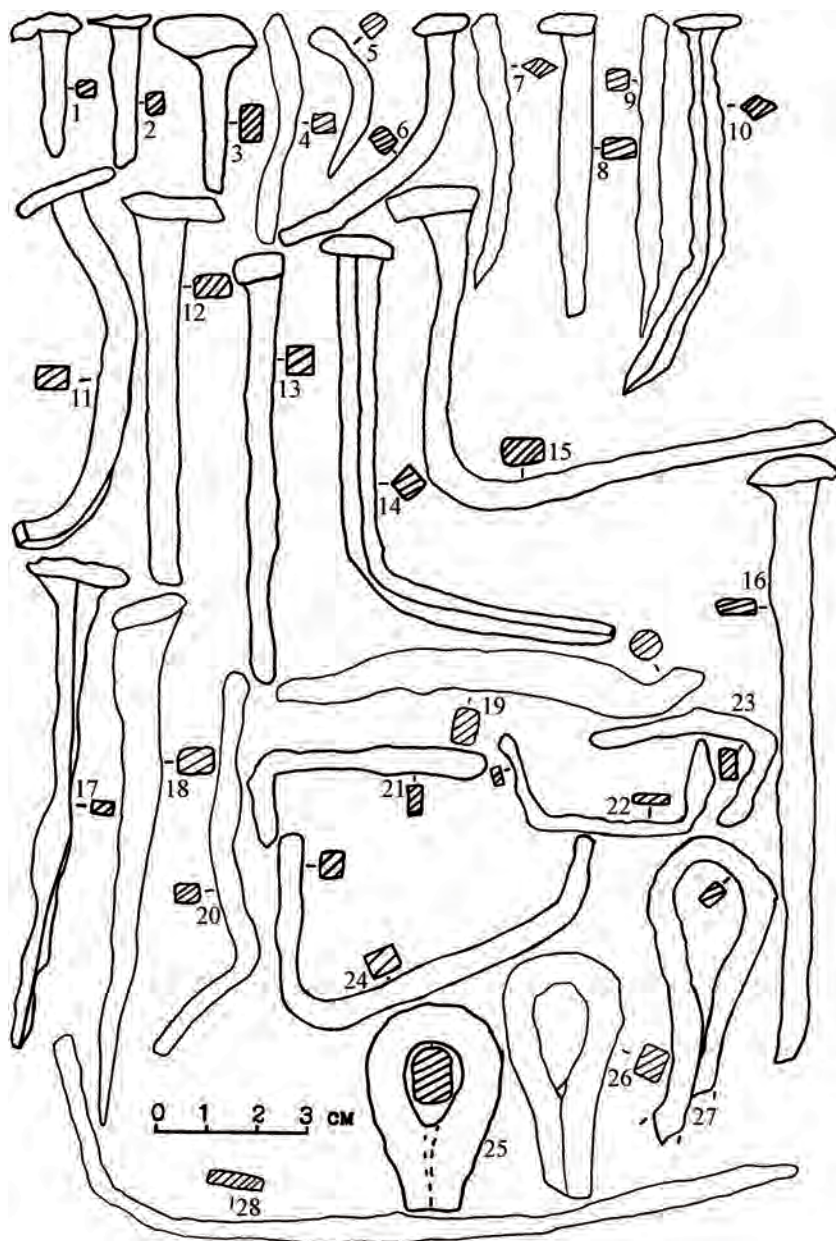

Рис.6. Железные гвозди (1–18), скобы (19–24, 28) и пробы (25–27) с Хмелевского I селища.

1–2, 4, 7, 10 – СОМК, раскоп II-2000, яма 1 (№ 4, -46 см; № 7, -50 см; № 13, -66 см; № 9, -70 см; № 11, -76 см); 3, 6, 8–9, 12–16, 19, 21, 23, 25–26, 28 – СОМК, подъемный материал Л.Ф. Недашковского 2001 (3, 6, 8–9, 12–16, 19, 21, 23, 26, 28) и 2000 (25) гг.; 11, 17, 22, 24, 27 – СОМК, раскоп I-1999: 11, 24 культурный слой (№ 2, -38 см; № 1, -52 см), 17 – яма 5 (№ 52, -126 см), 22, 27 – яма 4 (№ 51, -211 см; № 5, -78 см); 5, 18, 20 – СОМК, раскоп I-2000, культурный слой (№ 26, -64 см; № 72, -101 см; № 27, -54 см).

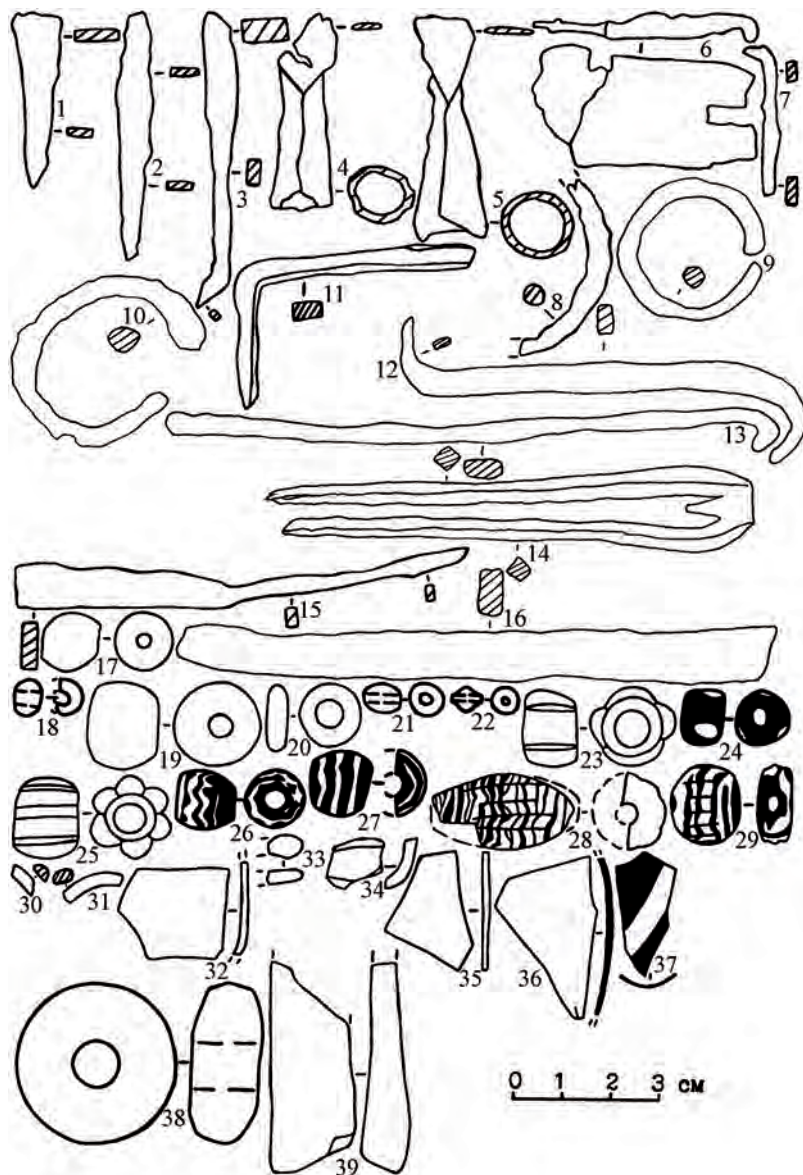

Рис. 7. Неопределенные железные предметы (1–16), стеклянные бусы (17–29), фрагменты перстней (30–31), сосудов (32–37), каменные напрасло (38) и оселок (39) с Хмелевского I селища (1–18, 21–22, 24, 26–39) и Хмелевского I могильника (19–20, 23, 25).

1–8, 15, 30–31, 35–37, 39 – СОМК, раскоп I-1999: 1–2, 6–7, 30–31, 35, 37 – яма 2 (№ 29, -214 см; № 35, -221 см; № 25, -214 см; № 45, -264 см; № 21, -204 см; № 20, -204 см), 3, 5, 36 – яма 4 (№ 50, -74 см; № 39, -77 см; № 40, -77 см), 4, 39 – яма 5 (№ 56, -129 см; № 53, -134 см), 8 – яма 1 (№ 8, -190 см), 15 – культурный слой (№ 4, -53 см). 9–10, 12–14, 16–18, 22, 24, 26–29, 32–33, 38 – СОМК, подъемный материал Л.Ф. Недашкова 2001 (9–10, 12–14, 16–17, 29, 32–33), 1997 (18), 1995 (22, 24, 26–27, 38) и 2000 (28) гг.; 11, 34 – СОМК, раскоп I-2000, культурный слой (№ 13, -51 см; № 1, -14 см); 19–20, 23, 25 – СОМК, сборы В.А. Шахматова 1908 г., № СМК 52003 (АО 817); 21 – сборы М.И. Куракина

дрота, загнутого с одного или двух концов (рис. 7, 12–13), являются, вероятно, крюками; первый предмет имеет загибы с двух концов, второй - с одного конца. Предмет в виде двух сомкнутых с одного конца штырей (рис. 7, 14), возможно, является пробоем. Прямоугольный в сечении предмет (рис. 7, 15), состоящий из узкой и широкой частей, является, вероятно, штырем. Железный предмет из прямоугольного в сечении дрота (рис. 7, 16) является, вероятно, заготовкой.

Стеклянные изделия. *Стеклянные бусы* (рис. 7, 17–29). Крупными именуются бусы, у которых высота или диаметр больше 10 мм, средними – от 6 до 10 мм.

Группа I. Бусы, изготовленные способом навивки.

Подгруппа А. Без дополнительной орнаментации, одноцветные.

Отдел I – круглые в поперечном сечении.

Тип I (1 экз.) – шарообразные. Вид 1 – черные; крупная бусина (рис. 7, 17).

Тип II (2 экз.) – зонные. Вид 1 – черные; представлен одной средней бусиной (рис. 7, 18). Вид 2 – зеленые прозрачные и полупрозрачные; представлен крупной бусиной с Хмелевского I могильника (рис. 7, 19).

Тип IV (1 экз.) – кольцевидные. Вид 1 – зеленые прозрачные; представлен крупной бусиной с Хмелевского I могильника (рис. 7, 20).

Тип V (1 экз.) – эллипсоидные. Вид 1 – черные; средняя по размерам бусина (рис. 7, 21).

Тип VI (1 экз.) – битрапецидные. Вид 1 – бирюзовые непрозрачные, средняя бусина (рис. 7, 22).

Отдел III – ребристые, образующие в поперечном сечении розетку.

Тип I (6 экз.) – зонные. Вид 1 – синие прозрачные (3 экз.), крупные бусины с Хмелевского I могильника (рис. 7, 23). Вид 2 – коричневые полупрозрачные (3 экз.), крупные бусины с Хмелевского I могильника (рис. 7, 25).

Подгруппа Б. Бусы орнаментированные.

Бусы с пятнистым узором.

Отдел I – круглые в поперечном сечении.

Тип II (1 экз.) – зонные. Вид 1 – черные; одна крупная бусина с желтыми пятнами (рис. 7, 24).

Бусы со спиральным узором. Орнаментированы тонкой стеклянной нитью, идущей по спирали от одного отверстия к другому.

Отдел I – круглые в поперечном сечении.

Тип I (2 экз.) – шарообразные. Вид 1 – черные; две крупных бусины с белыми спиральями (рис. 7, 26–27).

Тип III (1 экз.) – эллипсоидные. Вид 1 – черные; одна крупная бусина с красными и белыми спиральями (рис. 7, 28). Волнистая спираль многократно обвивает бусину, местами она вздернута.

Отдел II – бусы, уплощенные в поперечном сечении.

Тип I (1 экз.) – дисковидные, близкие к кругу в продольном сечении. Вид 1 – черные; крупная бусина с желтой спиралью (рис. 7, 29).

Фрагменты *стеклянных перстней* (рис. 7, 30–31). Перстни одноцветные плосковыпуклые, образующие в сечении полукруг, с ровной поверхностью

без щитка (или с несохранившимся щитком); представлены одним голубым непрозрачным (рис. 7, 30) и одним бирюзовым непрозрачным (рис. 7, 31) изделиями из ямы 2 раскопа I.

Фрагменты *стеклянных сосудов* (рис. 7, 32–37).

Группа I. Бесцветные стекла.

Имеются конусообразное вогнутое голубоватое донце (рис. 7, 32) и фрагмент тонкой округлой в сечении сине-черной ручки (рис. 7, 33).

Стенки сосудов. Цвет стенок сосудов зеленоватый прозрачный – 3 экз. (рис. 7, 35–36; раскоп II, 2000, культурный слой, № 3, гл. -35 см), темно-синий – 1 экз. (рис. 7, 34), бесцветный – 1 экз. (раскоп I, 2000, яма 4, № 54, гл. -116 см). Пять фрагментов стенок сосудов происходят из раскопок Л.Ф. Недашковского: раскоп I, верхний горизонт культурного слоя (2000, № 1, гл. -14 см), яма 2 (1999, № 20, гл. -204 см; рис. 7, 20), яма 4 (1999, № 40, гл. -77 см, 2000, № 54, гл. -116 см; рис. 7, 36), раскоп II, 2000, № 3, гл. -35 см.

Группа II. Монохромные прозрачные стекла с цветным декором.

Ко второй группе следует отнести фрагмент светло-фиолетового полупрозрачного сосуда с орнаментом в виде накладных белых нитей (рис. 7, 37), происходящий из ямы 2.

Представляется не случайным, что стеклянные изделия относительно хорошо представлены в находках с Хмелевского I селища, с крупного поселения городского типа.

Изделия из камня и керамика. *Каменное напрясло* (рис. 7, 38) было выточено из известняка; предмет повторяет форму керамических напрясел. *Каменные оселки* (рис. 7, 39; 8, 1) изготовлены из розоватого сланца, в одном случае – с черными включениями (рис. 8, 1). *Каменное рыболовное грузило* (рис. 8, 2) из известняка, поверхность изделия покрыта процарапанными знаками.

Золотоордынская неполированная гончарная керамика (рис. 8, 10–19, 21–23; 9) присутствует лощеная (рис. 8, 16; 2) и нелощеная (рис. 8, 10–15, 17–19, 21–23); посуда хорошего (рис. 8, 10–14, 16–18, 21–23; 9) обжига количественно преобладает над плохо обожженной (рис. 8, 15, 19) керамикой. Коричневой посуды (рис. 8, 11–19, 21–22; 9) больше, чем красной (рис. 8, 10, 23).

Имеются кувшины, туваки, миски, крышки (рис. 8, 15), фляги (рис. 9) нелощеные горшковидные сосуды хорошего обжига с одной ручкой (рис. 8, 21–23). Два из горшковидных сосудов коричневые (рис. 8, 21–22), а третий – красный, с рисунком на ручке, нанесенным до обжига (рис. 8, 23). Неполированная керамическая фляга (рис. 9) снабжена двумя ручками, прикрепленными к краю венчика и плечу.

Золотоордынская керамика иногда дополнена красным ангобом (рис. 8, 10; 9). Керамика украшена орнаментом в виде горизонтальных линий (рис. 8, 10, 12–14, 16–19; 9), многорядной (рис. 8, 12, 14; 9) и однорядной (рис. 8, 13, 19) волны, оттисков гребенчатого штампа (рис. 9), фестонов и оттисков палочки (рис. 8, 17); есть сосуды, покрытые лощением (рис. 8, 16; 9), в том числе го-

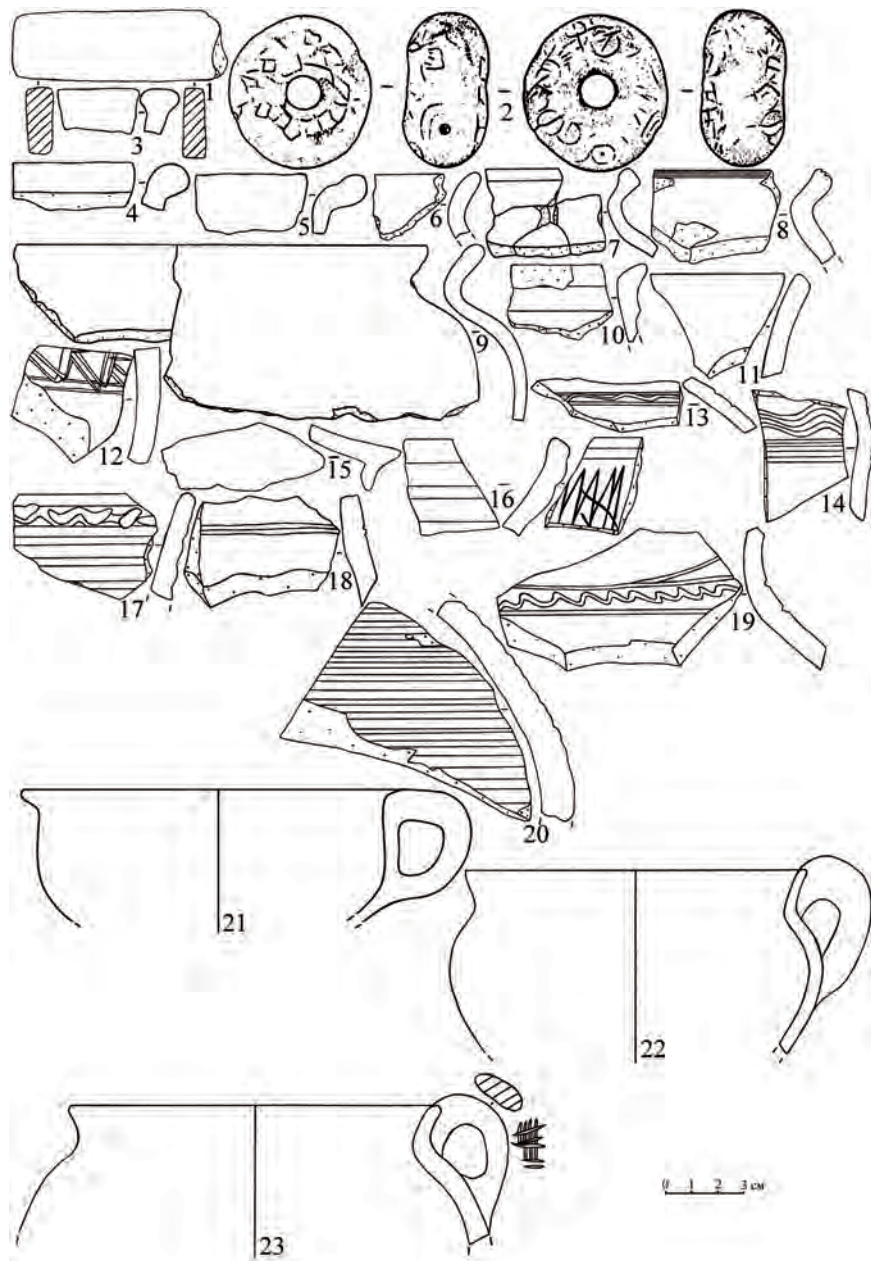

Рис. 8. Каменные оселок (1), рыболовное грузило (2), древнерусская (3–9), золотоордынская (10–19, 21–23) керамика и фрагмент трапезундской амфоры (20) с Хмелевского I селища.

1–2, 6, 8, 10–21, 23 – СОМК, подъемный материал Л.Ф. Недашковского 1998 (1–2, 12, 20, 23), 1997 (6, 8, 21) и 1995 (10–11, 13–19) гг.; 3–5 – СОМК, раскоп III-2001, культурный слой; 7, 9 – СОМК, шурф Л.Ф. Недашковского 1995 г.; 22 – СОМК, раскоп I-2000, культурный слой

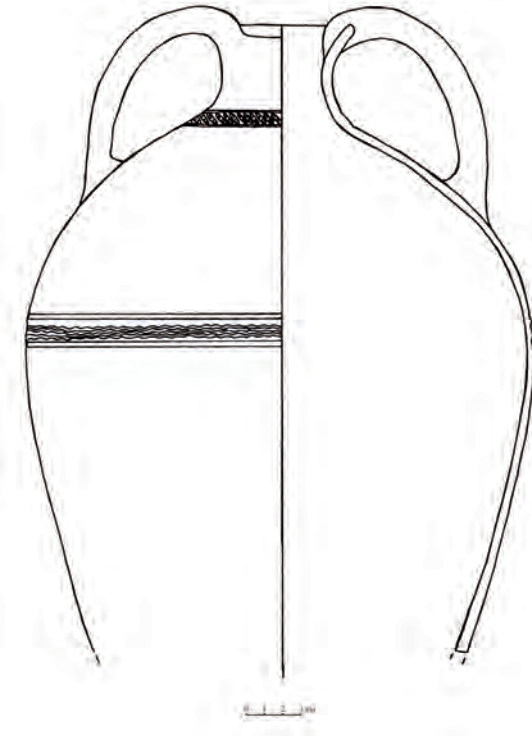

Рис. 9. Золотоордынская красноглиняная неполированная фляга из ямы 4 раскопа I-2000 с Хмелевского I селища

горизонтальным и вертикальным (рис. 9), а также в виде зигзагообразных вертикальных линий (рис. 8, 16).

Керамические напояла из стенок сосудов (6 экз.) округлые (рис. 10, 1–3, 7). Сосуды, использованные для изготовления напоял, были лощеными (рис. 10, 2) и нелощеными (рис. 10, 1, 3, 7), обожжены хорошо (рис. 10, 2–3, 7) или имели плохой обжиг (рис. 10, 1). Напояла имеют красный (рис. 10, 1–2) и коричневый (рис. 10, 3, 7) цвет.

Керамическое лоцило (рис. 10, 4) имеет коричневый цвет, хороший обжиг, лощение и орнамент. *Керамическое изделие* (рис. 10, 8) светло-коричневого цвета без лощения, плохого обжига, с примесью мелкого песка было найдено в яме 2; предмет мог использоваться как подсвечник или чернильница.

Фрагменты древнерусской керамики (рис. 10, 5–6, 9–11) с примесью в тесте дресвы и песка (рис. 10, 5, 10–11), а также только песка (рис. 10, 6, 9); цвет посуды коричневый или серый. На тулове некоторых изделий нанесен орнамент в виде горизонтальных линий (рис. 10, 6, 11). Данная посуда является преимущественно кухонной, так как зачастую наружная сторона ее покрыта сажей и нагаром.

Фрагменты мордовской посуды (рис. 10, 12–13) с примесью шамота в тесте встречаются редко.

Сравним приведенные материалы с изделиями тех же категорий, происходящими с Увекского городища [Недашковский, 2000, с. 27–93, 106–107, 109, 111; 2001], на месте которого располагался крупный город Увек. В материалах с Хмелевского I селища, в отличие от Увека, всего одно серебряное украшение, а золотые полностью отсутствуют. Обращает на себя внимание четырехкратное преобладание в материалах селища железных пряжек, отсутствующих на Увекском городище (там вообще известны всего две железные детали поясных наборов), над бронзовыми. Единственное поясное кольцо с селища также железное, а на городище найдены лишь бронзовые и серебряные кольца. Железными являются и сохранившиеся сюльгамы с

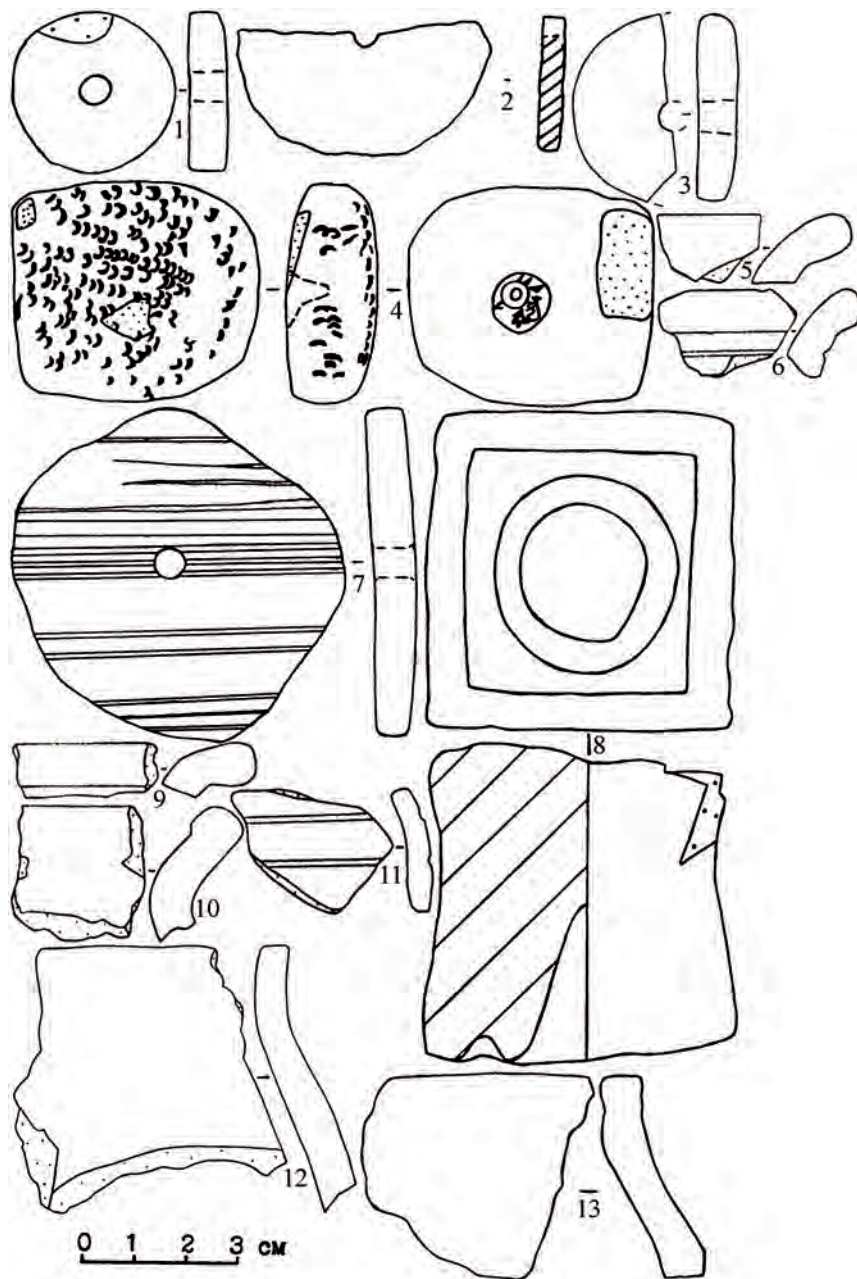

Рис. 10. Керамические напярсла из стенок сосудов (1–3, 7), лоцило (4), изделие (8), фрагменты древнерусской (5–6, 9–11) и мордовской (12–13) посуды с Хмелевского I селища.

1 – СОМК, сборы М.И. Куракина 1984–1985 гг., № НВСП 31558; 2 – СОМК, раскоп I-2000, культурный слой (№ 28, -41 см); 3–5, 7, 9–12 – СОМК, подъемный материал Л.Ф. Недашковского 2010 (3), 1995 (4–5, 9–12) и 2002 (7) гг.; 6 – СОМК, шурф Л.Ф. Недашковского 1995 г.; 8 – СОМК, раскоп I-1999, яма 2 (№ 7, -90 см); 13 – СОМК, раскоп III-2001, культурный слой

Хмелевского I селища, все сьюлгамы с городища - бронзовые. Зафиксировано отсутствие железных накладок и наконечников ремней на Хмелевском I селище, в Укеке из 46 таких украшений железное - только одно. В материалах с селища, в отличие от Укека, отсутствуют копья, булавы, кистени, кинжалы, боевые ножи, стремена, серебряные сосуды, металлические пуговицы, детали бронзовых светильников, чашечки весов, весовые гирьки (однако имеется держатель коромысла весов), литейные формы (хотя найдены всплеск металла и слиточки), стеклянные подвески, браслеты и вставки перстней. Обращает на себя внимание количественное преобладание в материалах городища топоров, керамических бомб, заклепок от металлических сосудов, бронзовых замочков, бубенчиков, муфт ножей, предметов христианского культа, рыболовных грузил, стеклянных бус, перстней и сосудов. Напротив, отмечается массовость ножей, гвоздей, скоб, пробоев и свинцовых грузиков-пломб в материалах Хмелевского I селища, а также наличие в его материалах железных подпружной пряжки и кольца от узды, отсутствующих на Увекском городище.

Литература

Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 224 с.

Недашковский Л.Ф. Металлические изделия и литейные формы с Увекского городища // Древние ремесленники Приуралья: матер. Всероссийской науч. конф. (г. Ижевск, 21–23 ноября 2000 г.) / Отв. ред. В.И. Завьялов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. С. 349-364.

Недашковский Л.Ф. Исследования Хмелевского I селища // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гум. науки. 2011. Т. 153. Кн. 3. С. 39-50.

Ю. С. Худяков, А. Ю. Борисенко

ЖЕЛЕЗНЫЙ ДВУХЛОПАСТНОЙ НАКОНЕЧНИК СТРЕЛЫ РЕДКОЙ ФОРМЫ ИЗ ЧУЙСКОЙ ДОЛИНЫ КЫРГЫЗСТАНА

В статье анализируется достаточно редкая, оригинальная находка железного черешкового наконечника стрелы с двухлопастным в сечении пером, которая была найдена на территории Кыргызстана. Она была обнаружена на площади археологического памятника, известного под названием Сретенского городища. Данный археологический памятник находится на территории Чуйской/Шуйской долины в северной части Республики Кыргызстан. Найденный на Сретенском городище железный черешковый наконечник стрелы был проанализирован в настоящей статье в соответствии с разработанной автором в предшествующие годы научной методикой формальной типологической классификации предметов вооружения дистанционного боя. У этого наконечника стрелы отмечены такие формальные признаки, как материал, из которого он был изготовлен, определен способ насада, проанализированы характерные особенности сечения и формы пера. По этим формальным признакам было определено, что исследуемый наконечник стрелы изготовлен из железа, он снабжен укороченным черешковым насадом, обладает двухлопастным в сечении пером удлиненно-шестиугольной формы. У данного наконечника выделяется остроугольное острие, удлиненно-шестиугольное перо и покатые плечики, выделенный упор.

Ключевые слова: железный черешковый наконечник стрелы, двухлопастное перо, Сретенское городище, Шуйская долина, Кыргызстан

Кыргызстанның Шу өңірінен табылған сирек пішінді, темірден жасалған екі қыры жебенің ұшы

Мақалада Қырғызстан аумағында өте сирек табылатын археологиялық жәдігер, екі қыры қимасында қауырсын тәрізді, темірден жасалған шегелі жебенің ұшы талданады. Ол Сретен қаласы деп аталатын белгілі ескерткіштің алаңынан табылды. Аталған археологиялық ескерткіш Қырғызстан Республикасының солтүстік жағындағы Шу өңірінде орналасқан. Сретен қаласынан табылған темір шегелі жебенің ұшы аталған мақалада авторлардың алдыңғы жылы жүргізген қашықтықтан ұрыс қару-жарақ заттарын формальды типологиялық сыныптау ғылыми әдістемесіне сәйкес талданады. Осы жебе ұшының мынандай формальды белгілері, оның дайындалған материалы, саптау тәсілі анықталып, қимасы мен пішініне тән ерекшеліктері толық талданады. Осы формальды белгілері зерттеліп отырған жебе ұшының темірден жасалғандығы, қысқа шегесіне сапталғандығы, екі қыры қимасында ұзындау алты бұрышты пішінді қауырсын секілді екендігі анықталды. Аталған жебенің ұшы өткір,

---

© **Юлий С. Худяков**, *Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, Россия*; khudjakov@mail.ru,

Алиса Ю. Борисенко, *Новосибирский государственный университет г. Новосибирск, Россия*; aborisenko2@mail.ru

ұзын алты бұрышты қауырсын пішінде, иығы көлбеу, тіреуі бөлініп тұрғандығы анық байқалады.

Түйін сөздер: темірден жасалған шегелі жебе ұшы, екі қырлы, Сретен қаласы, Шу өңірі, Қырғызстан

Iron two-foot tip of arrow of a rare form from Shu valley of Kyrgyzstan

The article analyzes rather rare, original find of an iron tanged arrowhead with a two-bladed cross-sectional feather, which was found on the territory of Kyrgyzstan. It was discovered on archaeological site, known as Sretensky settlement. This archaeological site is located on the territory of the Chui Valley in the northern part of the Republic of Kyrgyzstan. The iron petiolet arrowhead found at Sretensky settlement was analyzed in this article in accordance with the scientific methodology developed by the author in previous years for the formal typological classification of distance armament supplies. This arrowhead has such formal features as the material from which it was made, the method of attachment is determined, and the characteristic features of the cross-section and shape of the feather are analyzed. According to these formal features, it was determined that the studied arrowhead is made of iron, it is equipped with a short stalk attachment, and has a two-bladed cross-sectional feather with an elongated hexagonal shape. Acute-angle point, elongated-hexagonal feather and inclining arms, and isolated stop are exposed at this tip.

Keywords: iron tanged arrowhead, two-bladed feather, Sretensky settlement, Shu valley, Kyrgyzstan

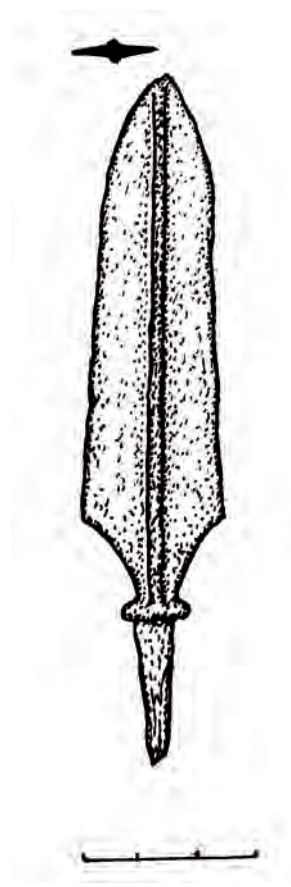
Важным, информативным источником по истории военного дела, в том числе средств ведения дистанционного боя, находившихся на вооружении у древнего и средневекового кочевого и оседлого населения, обитавшего на территории Кыргызстана, являются разнообразные археологические находки предметов вооружения, в числе которых значительно преобладают в количественном отношении металлические, прежде всего, железные, наконечники стрел. Среди железных наконечников, которые могут относиться к хронологическим периодам раннего железного века, гуннскому времени и эпохе Средневековья, найденных в предшествующие годы на территории Республики Кыргызстан, представлены различные формы стрел. Отдельные железные черешковые наконечники стрел с трехгранным в сечении пером появились на вооружении еще у древних сакских кочевников в течение позднего этапа раннего железного века, соответствующего хронологическому периоду V–III вв. до н.э. [Бернштам, 1952, с. 190–191]. Значительным разнообразием форм отличаются многочисленные железные наконечники стрел, обнаруженные в погребальных памятниках кенкольской культуры, относящихся к гуннскому историческому периоду, включающему археологические памятники древних кочевников первой половины I тыс. н.э. на территории Кыргызстана и соседних регионов Казахстана [Кожомбердиев, Худяков, 1987, с. 81–88]. В археологических памятниках культуры древних тюрков, относящихся к эпохе раннего Средневековья, изученных в течение предшествующих лет на территории Тянь-Шаня и Семиречья/Жетысу, выявлены разнообразные железные наконечники с трехлопастным, трехгранным, ромбическим, овальным и плоским в сечении пером различных форм [Табалдиев, 1996, с. 44]. На территории ряда районов Кыргызской Республики, включающих ее южные земли, было обнаружено

некоторое количество железных плоских, трехгранных, четырехгранных и прямоугольных по сечению пера наконечников стрел, которые могут относиться к эпохе развитого Средневековья [Акматов, 2014, с. 211–214]. Среди железных наконечников, которые были выявлены в составе сопроводительного инвентаря погребальных памятников эпохи развитого Средневековья, на территории Тянь-Шаня и Жетысу, представлены разнообразные стрелы с плоским, линзовидным, прямоугольным и ромбическим в сечении пером различных форм [Табалдиев, 1994, с. 170, рис. 14, 1–15; Табалдиев, Солтобаев, 1995, с. 108–124].

Наряду с типичными и достаточно широко распространенными, многочисленными формами, среди разнообразных железных стрел, в истории развития комплекса предметов вооружения дистанционного боя на территории Тянь-Шаня и Жетысу в течение исторических периодов древности и Средневековья применялись отдельные, довольно редкие типы наконечников. В течение последних лет на площади средневековых городищ, которые расположены на территории Шуйской долины в пределах территории современного Кыргызстана, были найдены некоторые находки достаточно разнообразных предметов материальной культуры местного населения, проживавшего на этих поселениях городского типа в течение исторических периодов раннего и развитого Средневековья. Из железа местные кузнецы, проживавшие на поселениях городского типа в пределах Жетысу, изготавливали различные виды металлических предметов, в том числе орудия труда и разнообразные предметы наступательного и защитного вооружения [История, 1984, с. 279]. В течение всей эпохи Средневековья на вооружении у кочевых воинов на Тянь-Шане и в Жетысу были распространены стрелы с железными наконечниками, различавшимися между собой сечением и формой пера [История, 1984, с. 338].

Среди различных археологических находок, обнаруженных в течение предшествующих лет на площади средневекового Сретенского городища, которое находится на территории Чуйской долины в пределах северной части Республики Кыргызстан, был найден довольно своеобразный, весьма редкий по своему конструктивному оформлению, железный черешковый наконечник стрелы, который снабжен двухлопастным в сечении, удлинненным пером. У этого наконечника выделяется остроугольное острие, перо вытянутой, удлинненно-шестиугольной формы, покатые плечики и выделенный упор, а также имеется сравнительно небольшой, достаточно короткий черешок. По вертикальной оси пера этого наконечника, по всей длине, вдоль его центральной части, от острия до упора, с обеих сторон стрелы, между двух пластинчатых лопастей выделяется выступающее, приостренное, четырехгранное в сечении, граненое ребро (рис. 1). Длина пера этого наконечника – 9,4 см, ширина пера – 2,5 см, длина черешка – 2,4 см.

В течение предшествующих лет археологических исследований, в процессе которых были проведены раскопки на некоторых древних и средневековых памятниках, исследованных на территории Притяньшанья в пределах территории Кыргызстана, кыргызстанскими учеными неоднократно были обнаружены железные черешковые наконечники стрел, различающиеся между собой

*Рис. 1. Железный
двухлопастной
наконечник со
Сретенского городища
в Шуйской долине
Кыргызстана*

по сечению и форме пера [Табалдиев, 2011, с. 304]. Некоторые из этих, найденных в ходе раскопок, железных наконечников стрел из археологических памятников эпохи раннего Средневековья имели трехлопастное перо, в то время как другие стрелы располагали трехгранным, плоским, округлым или ромбическим в сечении пером [Табалдиев, 1996, с. 43–46, рис. 2, 10–13; 5, 3–8; 8, 4–7; 11, 4–9; 25, 4]. В предшествующие годы археологами в процессе раскопок на памятниках древнетюркской культуры на территории Тянь-Шаня и Жетысу также были обнаружены наконечники стрел с трехлопастным, трехгранным, ромбическим, округлым, линзовидным и плоским в сечении пером [Худяков, Табалдиев, 2009, с. 110–115, рис. 94, 1–6, 8–17]. Отдельная группа находок, хорошо сохранившихся, железных наконечников стрел ранее была отнесена специалистами по истории оружия и сотрудниками Кыргызского государственного исторического музея в г. Бишкеке к комплексу железных наконечников стрел тянь-шаньских кыргызов, относящихся ко времени существования на территории Центрально-Азиатского историко-культурного региона Кыргызского каганата, которые были обнаружены археологами в предшествующие годы на территории Кыргызстана [Худяков, Борисенко, 2018, с. 101–103]. В памятниках средневековых кочевников, относящихся к первым векам II тыс. н.э., исследованным на территории Тянь-Шаня и Жетысу, кыргызскими учеными были обнаружены железные наконечники с разнообразным, плоским, линзовидным или зигзагообразным в сечении пером [Табалдиев, 1996, с. 120–121, рис. 38, 1; 40, 1–4, 7, 8; 43, 3–8].

В настоящее время данной, рассматриваемой в рамках настоящей статьи, достаточно редкой, в определенной степени, оригинальной находке железного двухлопастного наконечника стрелы, которая была обнаружена на площади Сретенского городища, среди предметов вооружения дистанционного боя, обнаруженных в предшествующие десятилетия на территории Притяньшанья, не было найдено совершенно точных, подобных вещественных аналогий. В процессе изучения многих железных предметов вооружения дистанционного боя в средневековых комплексах на территории Кыргызстана не было выявлено подобных стрел с аналогичным, двухлопастным в сечении, пером. В составе исследованных ранее наборов предметов вооружения дистанционного боя среди предметных комплексов, полученных в процессе раскопок на археологических памятниках древних и средневековых носителей разных культур кочевого и оседлого населения,

обитавшего на территории горных районов Тянь-Шаня и сопредельных земель в пределах Жетысу, представлены отдельные наконечники, до некоторой степени похожие на рассматриваемую находку по форме своего пера.

В этой связи можно высказать определенное предположение, что достаточно близкий по своему внешнему абрису железный наконечник стрелы, однако с несколько иным, по своей конфигурации, уплощенно-ромбическим в сечении пером, был в свое время обнаружен в процессе раскопок одного из курганов на археологическом памятнике Чап, который был отнесен исследователями к культуре кочевников эпохи развитого Средневековья, изученных на территории Тянь-Шаня [Табалдиев, 1996, рис. 43, 5]. Вполне возможно, что этот железный наконечник из памятника Чап может восходить к некоторым образцами двухлопастных наконечников стрел удлиненно-шестиугольной формы, подобным той редкой находке, которая была обнаружена на Сретенском городище, и рассматривается в настоящей статье. На основании высказанного предположения, исследуемую находку можно предварительно отнести к комплексу предметов вооружения дистанционного боя местного населения, обитавшего на территории Жетысу в течение рассматриваемой эпохи развитого Средневековья.

Литература

Акматов К.Т. Новая коллекция железных наконечников стрел в Государственном историческом музее Кыргызской Республики // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 3. Археология и этнография. С. 209-217.

Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА СССР. М.; Л.: изд-во АН СССР. 1952. № 26. 346 с.

История Киргизской ССР. С древнейших времен до середины XIX в. Фрунзе: «Кыргызстан», 1984. Т. I. 798 с.

Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С. Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 75-106.

Табалдиев К.Ш. Погребения из Кичи-Ача (Центральный Тянь-Шань) // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н.э.: сб. науч. ст. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. С. 165-189.

Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А. Предметы вооружения из погребений центрального Тянь-Шаня (I половина II тысячелетия н.э.) // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. С. 108-124.

Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек: «Айбек», 1996. 256 с.

Табалдиев К.Ш. Древние памятники Тянь-Шаня. Бишкек: V.R.S. Company, 2011. 320 с.

Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю. Коллекция железных наконечников стрел эпохи Кыргызского Великодержавия из Кыргызского национального музея в Бишкеке // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17. № 7. Археология и этнография. С. 99-106.

Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Древние тюрки на Тянь-Шане. Новосибирск: изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. 292 с.

Б. А. Железняков

МАТЕРИАЛЫ ПО НАСЛЕДИЮ ЛАМАИЗМА В ТАМГАЛЫ XVII–XVIII вв.

Тамгалы – самый известный и один из наиболее исследованных памятников наскального искусства в Центральной Азии, номинация (Список всемирного наследия ЮНЕСКО, 2004 г.) которого имеет отношение к изображениям центрального ущелья эпохи средней бронзы, которые могут иметь отношение к крупному ритуальному центру. Среди изобразительных памятников поздних эпох особое значение имеют посетительские изображения, свидетельствующие о посещении (паломничестве) места носителем определенной традиции, о потребности оставить символику своей культуры. Главным отличием относительно редких, но ярких посетительских изображений могут быть факторы резкого «отличия» из зачастую плотного ряда многочисленных изображений. Весьма тонкий, но важный пласт наследия Тамгалы представляют джунгарские/жонгарские надписи и изображения. В публикации поднимаются дискуссионные вопросы относительно атрибуции известного изображения «лучевого» божества (?) на V группе петроглифов Тамгалы, резко отличающегося от изображений «солнцеголовых» персонажей. Приводятся веские аргументы в пользу того, что наиболее вероятным периодом его выбивки может быть именно период казахско-жонгарских войн.

Ключевые слова: ламаизм, Тамгалы, сакральные места, эпиграфика, изображения

XVII–XVIII ғ.ғ. Таңбалыдағы ламаизм мұрасы бойынша материалдар

Таңбалы – Орталық Азиядағы жарғас өнері ескерткіштері ішінде айтарлықтай белгілісі және жете зерттелгендерінің бірі, ондағы ірі ғұрыптық орталыққа қатысы болуы мүмкін, орта қола дәуіріне жататын, шатқалдың орталық бөлігіндегі жарғас бейнелерінің (2004 ж. ЮНЕСКО-ның Бүкіләлемдік мұра тізімі) номинацияға тікелей байланысы бар. Кейінгі дәуірлердегі бейнелеу ескерткіштерінің ішінде, ерекше маңызға ие келімсектердің бейнесі өз мәдениетінің символикасын қалдыру қажеттілігінен туындағанын және белгілі бір дәстүрді тасымалдаушылардың келіп-кету (мінажат ету) орны екендігін дәлелдейді. Басты ерекшелігі соншалықты болмағанымен, келімсектердің белгілі бейнелері көптеген жарғас бейнелері қатарында ерекше «өзгеріс» болуы мүмкін. Болмашы болса да, Таңбалы мұрасының маңызды қабаттарының бірі – жоңғар жазулары мен бейнелері. Басылымда «күн басты» кейіпкер бейнесінен қатты ерекшеленетін Таңбалы петроглифтерінің V тобындағы белгілі

© Борис А. Железняков, *Институт археологии им. А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан*, boriszheleznyakov@mail.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, ИРН проекта BR05236565

«сәуле» құдайы (?) бейнесінің атрибуциясына қатысты пікірталасты мәселе көтеріледі. Оның тасқа түсірілген уақытының айтарлықтай нақтылауға көмектесетін, яғни қазақ-жонғар соғысы кезеңіне тура келетін дәлелді аргументтер келтіріледі.

Түйін сөздер: ламаизм, Таңбалы, киелі орын, эпиграфика, бейне

Materials on the heritage of Lamaism in Tamgaly of the XVII-XVIII centuries

Tamgaly is the most famous and one of the most explored sites of rock art in Central Asia, whose nomination (UNESCO World Heritage List, 2004) relates to images of the central gorge of the Middle Bronze Age, which may relate to the large ritual center. Among the memorable images of the late epochs, special importance is given to the visitors' images, showing the visit (pilgrimage) of the place by different cultures and traditions of appurtenants, the need to leave the symbols of their culture. The main difference of relatively rare but bright visitor images may be the factors of sharp "difference" from often dense series of numerous images. A very thin but important layer of Tamgaly heritage is represented by Junggar inscriptions and images. The publication raises discussion questions, regarding the attribution of the known image of the "beam-headed" deity (?) on the V group of Tamgaly petroglyphs, which is completely different from the images of the "sunhead" characters. There are strong arguments that the most likely period of its carving-out may be the period of the Kazakh-Junggar wars.

Keywords: Lamaism, Tamgaly, sacral places, epigraphic, images

О значении исследований Тамгалы для становления науки о петроглифах Казахстана. Тамгалы – наиболее исследованный в Центральной Азии памятник наскального искусства, включенный в Список Всемирного наследия в 2004 г., а заповедник-музей работает с 2003 г. Этому предшествовала масштабная работа по подготовке Досье Номинации памятника, где неопределимы усилия Е. Х. Хорош, А. Е. Рогожинского, А.-С. Хиген, Л. Ф. Чарлиной и целого коллектива единомышленников. Исследования и документация памятника, проведенные в начале 2000-х гг., опираются на итоги исследований 1970–1980-х годов А.Н. Марьяшева, А. Г. Медоева, Б. Ж. Аубекерова, А. С. Ермолаевой, Ю. А. Мотова [Марьяшев и др., 1979] и других первопроходцев этого памятника, прежде всего А. Г. Максимовой [Максимова, 1958].

Те публикации служат источником, в том числе по навсегда исчезнувшим петроглифам еще до начала 70-х гг. прошлого столетия. В связи с этим стоит напомнить, что развитие петроглифоведения в Казахстане происходило во многих случаях параллельно с изучением Тамгалы в 70-80-е гг. прошлого столетия, решением вопросов хронологии и культурной принадлежности изображений [ИАС, 2019]. Параллельно в Тамгалы решались вопросы создания музея под открытым небом, экскурсионного маршрута, сохранения культурного ландшафта [Иманбекова, Яценко, 2004], сохранения петроглифов, их консервации и презентации [Алтынбеков, Чарлина, 2011]. Специального внимания древностям, оставленным жонгарами в Тамгалы, не уделялось, за исключением монографии А. Е. Рогожинского, о чем речь пойдет ниже. В книге этого исследователя подробно освещаются вопросы, связанные с изучением, сохранением и презентацией петроглифов Тамгалы, археологических памятников, особенно в начале 2000-х гг. [Рогожинский, 2011].

В последние годы некоторые типы изображений переоцениваются (переучитываются). Особыми для памятника всегда останутся образы «солнцеголовых», например, несмотря на сохранение количества изображений «солнцеголовых» в Тамгалы – 30, одно изображение – заменено. Кроме того, добавлены три «луноголовых» (включая, одно изображение на могильной плите) [Рогожинский, 2011, с. 188, рис. 151.6] и, по всей видимости, «быкоголовый». Тем самым, количество антропоморфных персонажей возросло до 34 [Железняков и др., 2016, с. 88]. Это далеко не новые антропоморфные персонажи для интерпретации подобных изображений: «быкоголовые» известны по исследованиям каракольской культуры Алтая, изученной, в частности, В.Д. Кубаревым, а «луноголовых» персонажей можно встретить во множестве в Аккайнаре [Байпаков и др., 2009; Hermann, 2015] (где, в том числе, выбито четыре надписи: «Ом-Мани-Падме-Хум») [Херманн, 2016, с. 57], Актереке [Hermann, Zheleznyakov, 2016; Железняков и др., 2017], Каракыре [Потапов, 2007], Кулжабасы [Марьяшев, Железняков, 2013], чему посвящены соответствующие исследования, в том числе уже упомянутые А. Н. Марьяшева, А. Е. Рогожинского [Рогожинский, 2009], А. А. Горячева [Горячев, Егорова, 2011], Л. Херманна, С. А. Потапова, других исследователей. Помимо дополнений данных по петроглифам древности, пополняются они и по жонгарскому ламаизму периода XVII–XVIII вв., которые также помогают актуализировать тему почитания и сакральности Тамгалы, как святого места, святилища, которая фактически не прерывалась на протяжении более трех тысячелетий.

На скалах, образующих каньон, в глубине которого протекает ныне небольшая и солоноватая речка Тамгалы, в значительном количестве выбиты, в полном смысле, шедевры наскального искусства практически всех эпох, начиная с/и, в первую очередь эпохи средней бронзы, составляющих основу этого уникального памятника. Петроглифы средней бронзы составляют самую многочисленную и логически обусловленную, плотную часть изображений центрального ущелья Тамгалы, занимающих там, практически, все удобные для выбивок и другими методами нанесения рисунков патинированные с ровными сколами и относительно крупные плоскости на этих скалах. По-видимому, можно выдвигать предположение с достаточной степенью уверенности об изображениях на скалах ландшафта, составлявших природное святилище эпохи средней бронзы. Выявление посетительских изображений и надписей, их историческая и мифологическая интерпретация однозначно помогут актуализировать сакрализацию Тамгалы, наметят общие подходы в подобных же исследовательских процессах на других памятниках, проследят традицию почитания этого сакрального места.

О традиции почитания (паломнического посещения – сакрализации) Тамгалы

Тамгалы – не самый многочисленный по числу изображений памятник петроглифов региона мелкосопочника Чу/Шу-Или/Иле, где зафиксированы десятки крупных и мелких скоплений петроглифов, но при этом компактный и

яркий, характеризует мифологию и изобразительную культуру, прежде всего, эпохи средней бронзы, андроновской общности на одном из самых ярких этапов развития. Это уже было оценено в номинации Тамгалы. Уникальность Тамгалы проявляется и в значительном числе уникальных посетительских изображений. «Избранничество» для поздних посетительских изображений и надписей Тамгалы сравнительно со многими другими исследованными памятниками наскального искусства региона, по-видимому, определялось как относительно живописным ландшафтом, так и поистине шедеврами наскального искусства, среди которых выделялись образы «солнцегловых». Очевидно, это была «выигрышная» тема для поздних посетителей сравнительно с быками, лошадьми и архарами, даже размерами в несколько метров, сотнями и более, изображенными на скалах других памятников, например, Кулжабасы, Аккайнара, некоторых других крупных памятников, где посетительских изображений меньше.

Так уж сложилось, что европейские исследователи хотят, но не могут однозначно говорить о религиозной природе европейского наскального искусства (традиция изображений, например, в Скандинавии прекратилась еще за несколько веков до распространения там христианства, судя по заключениям ученых) [Hugen, Bengtsson, 1998, p. 159–174]. Главным образом, по причине значительного хронологического разрыва исследовательского процесса современности от времени создания петроглифов, отсутствия иных прямых свидетельств о том, что на местах массового нанесения на скалы изображений совершались некие ритуалы. Но вполне свободно говорят о «сакральных местах», которые могли «моделировать» мир или значительные территории и ландшафты на крайне ограниченном пространстве (памятника), воссозданном и смоделированном в мифе [Hugen, Bengtsson, 1998, p. 57]. Ученым с Востока, видимо, значительно проще, они однозначно трактуют религиозную природу, например, буддийских изображений, того же всемирно известного памятника Лунмэн (где сохранились тысячи изображений, начиная с V–VI вв. н.э.), большинства других памятников не только буддийского наследия. Это происходит потому, что эта изобразительная традиция жива и сегодня. В то время как суть расположения в ландшафте (на скалах) буддийских изображений и эпохи древности, например, эпохи бронзы не изменилась: на удобных для обзора и подходящих для нанесения поверхностях скал и отдельных камней. К моменту прихода ламаизма с жонгарами на территории Жетысу изобразительная традиция эпохи бронзы и раннего железного века уже давно была изжита, но надписи и иногда изображения жонгаров «интегрировались» в сакральном ландшафте с ранними петроглифами. А, судя по тому, что в ламаизме доля шаманизма была очень велика, ритуалы могли также во многом совпадать.

Тем самым, вводная часть статьи – не только обращение к истории изучения памятника Тамгалы, о которой написано немало, не только стремление разобраться в дефиниции «культурный ландшафт» археологического комплекса Тамгалы [Железняков, 2013], сколько попытка приблизиться к обоснованию восприятия сакральной природы этого святилища у древних и средневековых

посетителей Тамгалы. Тем самым понять высокий сакральный статус, который может быть «прочитан» по основным сюжетам петроглифов глазами посетителей, начиная с периода поздней бронзы, петроглифы которых уже существенно отличаются от петроглифов предшествующей эпохи [Рогожинский, 2011, с. 192–193]. Тем более отличаются от них изображения последующих исторических эпох. Еще больше выделяются посетительские изображения Тамгалы, одними из ярких примеров могут служить: изображение сэнмурва гунно-сяньбийского времени на V группе [Миклашевич, 2010, с. 141–142] или изображение алтаря огня со служителем в балахоне и большом головном уборе периода поздней античности на IV группе [Железняков и др., 2016, с. 104].

Петроглифы поздних (по отношению к средней бронзе) исторических этапов в Тамгалы составляют, обычно, отдельные локальные скопления, плоскости и изображения. Обычно немногочисленные и относительно «плотные» синхронные группы, комплексы зафиксированы в боковых отщелках урочища (VI группа, Сункарсай – восточное ущелье горы Тамгалы или отщелок IV, по локализации А. Н. Марьяшева, Кояндысай и другие локальные местонахождения петроглифов (комплексы и субкомплексы, по локализации А. Е. Рогожинского)). В центральном ущелье есть единичные шедевры, не относящиеся к средней бронзе. Например, на V группе петроглифов это, прежде всего, уникальные изображения раннего сакского периода, например, «клювовидные олени», олени в позе «летающего галопа», выбивавшиеся таким образом, чтобы не затеряться на фоне ранних шедевров, между занятых поверхностей скал, к которым в сакскую эпоху относились с большим почтением, редко подновляя или изменяя раннее изображение. Петроглифы разных эпох в Тамгалы успешно локализовал А. Е. Рогожинский [2011, с. 181–217].

Говоря о локализации петроглифов отдельных периодов, в периферии Тамгалы можно найти места компактного проживания племен в те или иные периоды, ведения хозяйственной или иной деятельности, в том числе и, по-видимому, ритуальной. Не до конца оцененным и исследованным на территории заповедника-музея может считаться период казахско-жонгарских войн и связанные с этим молитвенные надписи, находимые повсюду в Жетысу, а в редких случаях и изображения. Безусловно, традиция почитания таких мест как Тамгалы доживает до современности, независимо от жонгаров, но уже без многих изображений и надписей, о которых речь пойдет ниже и классифицировать эти признаки наличия древнего святилища – сложнее.

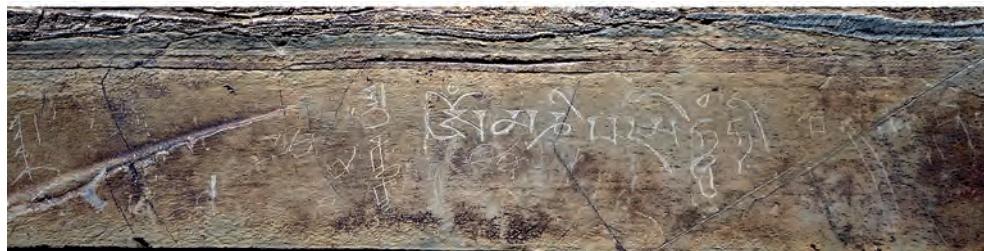
До недавнего времени хорошо известная в Тамгалы вертикальная надпись «Ом-Мани-Падме-Хум» (выполненная ойратским письмом) в центральном ущелье, на центральной – IV группе петроглифов, относилась к «посетительским» надписям, сделанным во второй половине XVII – начале XVIII в. [Рогожинский, 2011, с. 323, рис. 261, а, б]. Менее известна надпись того же содержания, выполненная уже тибетским письмом в ущелье Бесшал на южном краю буферной зоны заповедника «Тамгалы» [Рогожинский, 2011, с. 215], также относится к периоду казахско-жонгарских войн.

Подобных надписей в Шу-Илейских горах множество, сосредоточены на скальных выходах у водных источников, особенно родников, исхоженных коротких троп, обычно на скоплениях наскального искусства. По-видимому, они маркируют некие узловыe пункты на путях и тропах жонгаров того времени, которые совпадали с древними путями. Волна распространения буддизма в Восточном и Юго-Восточном Казахстане (XVII – середина XIX в.) была связана с крупномасштабными миграциями западномонгольских племен и принятием ими тибетской формы буддийского учения [Ерофеева, 2018, с. 219–227].

В 2014 г. при обследовании северной части территории буферной зоны заповедника-музея «Тамгалы» Б. А. Железняковым и Л. Херманном в соседнем с ущелье с Шошкалы были найдены надписи – буддийские молитвы: «Ом-Мани-Падме-Хум»: две (горизонтальные) выполнены тибетским письмом (рис. 1.1; 1.2) и две вертикальные, выполненные ойратским (рис. 1.3) [Железняков и др., 2016, с. 106, ил. 22, 8.1, 8.2, 8.3]. Надписи процарапаны тонким острым предметом на патинированной вертикальной поверхности песчаника единой плоскости, разделенной тонкими слоями (осадочных пород), где нанесение изображений невозможно. Рядом с приведенным изображением ойратской надписи тем же острым предметом прочерчено изображение двух козчиков (размеры бóльшего – 10 см). Рисунки крайне схематичные, силуэтные, выполненные в одну линию, но позволяют представить наличие изобразительной традиции у жонгаров. Животные изображены в боковой проекции: только две ноги, прочерченные также одной линией, как и туловище. Маленькая головка, наличие бугорка на туловище выше передней ноги могут

Рис. 1.1 Буддийская молитва: «Ом-Мани-Падме-Хум», прочерченная тибетским шрифтом в проходном к Шошкалы ущелье (северная часть заповедника-музея «Тамгалы»). 40-е гг. XVII – 60-е гг. XVIII вв.

Рис. 1.2. Буддийская молитва: «Ом-Мани-Падме-Хум», прочерченная тибетским шрифтом на той же плоскости

Рис. 1.3. Прочерченные изображения козликов и вертикальная ойратская надпись: «Ом-Мани-Падме-Хум», знак

свидетельствовать о собственном стиле или о некой разновидности животного, которая подчеркивает местность, памятную для народа. Рога изображены без «должного почтения» к этой важнейшей детали изображений подобных животных в прежние эпохи. Особенности изображения задней ноги, вместе с тем, говорят о неизжитой традиции «звериного» стиля в восточных регионах Центральной Азии. Справа от одной тибетской надписи схематичным значком прочерчено изображение архара размерами около 1 см. Поверхность плоскостей – небольшая по размерам до 45 см в длину, но пустынный загар на идеально ровной поверхности позволял нанести небольших размеров надписи (знаки-буквы около 1 см) и сопутствующие рисунки. Рисунки (козлов), безусловно, «сопровождают» надписи и синхронны им, как относительно крупные, так и схематичные, мелкие. Кроме того, есть еще надпись/и в ойратской графике,

она/и плохо различима/ы (прочерчена слишком тонкой линией), возможно различимы лишь некоторые из знаков.

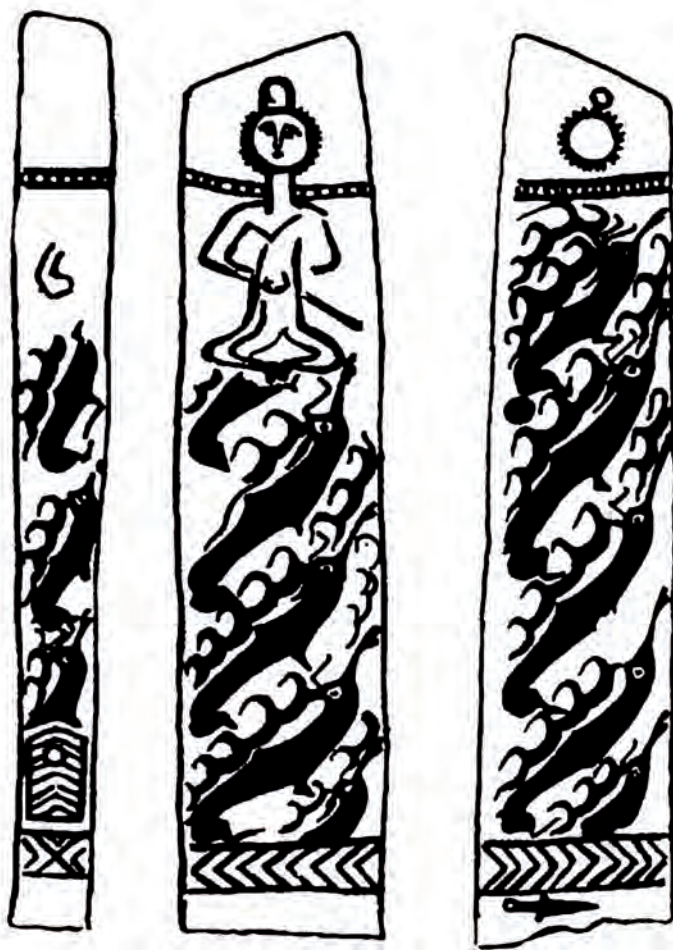
Данная находка значительно расширила сведения о памятниках ламаизма в Тамгалы и микрорегионе периода XVII–XVIII вв., кроме того, они еще нуждаются в дополнительном исследовании. Это не просто распространенные надписи, интересна техника нанесения – прочерченные граффити – крайне редкая для Жетысу традиция. Очевидно, жонгарами были подсмотрены подобные же более ранние гравировки на гладких и патинированных поверхностях песчаника, возможно, рядом с Тамгалы.

К дискуссионному изображению в Тамгалы. На группе петроглифов V Тамгалы выбито достаточно крупное изображение сидящего с соединенными ступнями божества или знатного шамана, вокруг головы которого изображена солнечная корона в молитвенной позе (рис. 2). На основании того, что поза и корона аналогична изображению на оленном камне из Западной Монголии,

Рис. 2. Изображение божества, шамана (?) (по: [Рогожинский, 2011, с. 202])

А. Е. Рогожинским делается утверждение, что это изображение датируется ранним средневековьем и имеет отношение к древним тюркам [Рогожинский, 2011, с. 202–203], делая сноску на монографию Волкова [Волков, 2002, с. 51, табл. 35.1]. Приведем это изображение и в нашей публикации (рис. 3). Отметим, что солнечная корона была изображена ранее этого антропоморфного изображения, притом на двух сторонах оленного камня.

*Рис. 3. Изображение антропоморфа в «солнечной короне»
(по: [Волков, 2002, с. 51, табл. 35.1.]*

Результаты проведенных консультаций с Л. Херманном, Р. Сала и Ж.-М. Деомом говорят о том, что и эти исследователи считают, что тамгалинское изображение относится к периоду казахско-жонгарских войн. Антропоморфное изображение в солнечной короне на оленном камне из Монголии, хоть и служит определенным аналогом нашему изображению, но, скорее, на наш взгляд, более

близкий культурно-исторический аналог можно найти в книге о петроглифах Забайкалья, относящийся к монгольскому ламаизму (?) (рис. 4), находящийся на памятнике наскального искусства Бага-Заря [Окладников, Запорожская, 1969, с. 125]. Мы не настаиваем на точности интерпретации, поскольку и у А. П. Окладникова после его интерпретации также стоит знак вопроса. Ноги на забайкальском изображении даны не полностью, как на тамгалинском (ноги подогнуты и соединены ступнями). Вопросы в трактовке, конечно, остаются, но, на наш взгляд, логично предположить, что это более правильная аналогия.

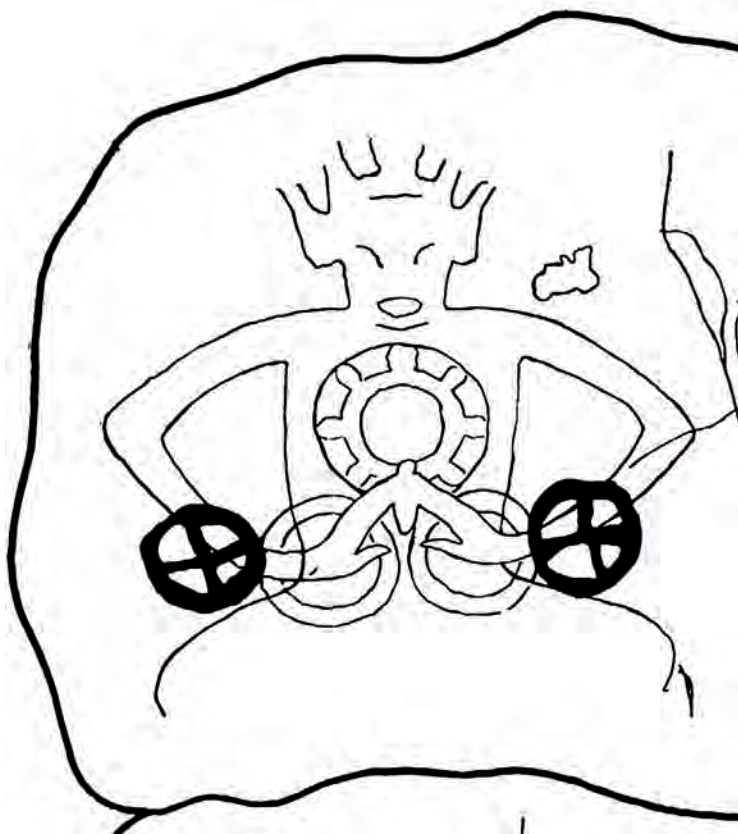

Рис. 4. Антропоморфное изображение из Бага-Заря (Забайкалье)
(по: [Окладников, Запорожская, 1969, с. 138])

Очевидно, что (значительная) часть изображений ламаизма могла отличаться от изображений канонического буддизма Тибета, Индии и других регионов традиционного распространения буддизма. Видимо, и в учениях ламаизма в значительной степени присутствовали элементы древних местных традиций, в том числе и пантеона. Возможно, именно поэтому в жонгарском ламаизме использовались два языка, как тибетский, так и ойратский.

Еще одно изображение антропоморфа в солнечной короне (с редкими лучами) в молитвенной позе(?) (с воздетыми вверх руками) можно встретить в горах Ладакха (Северная Индия, Гималаи) (рис. 5) [Bruneau, 2010, p. 64]. Если, наше предположение верно, то и в Гималаях, где гораздо больше чисто буддийских изображений (чему, в частности посвящена публикация, из которой взято фото и многих других), можно встретить скорее языческие изображения.

*Рис. 5. Антропоморфное изображение из Ладакха (Северные Гималаи)
(по: [Bruneau, 2010, p. 36])*

Тем самым, возможно, под влиянием «солнцеголовых» Тамгалы у посетителей, возможно, периода казахско-жонгарских войн, возникла потребность изобразить антропоморфное божество в своей (до конца не оформившейся изобразительной традиции монгольского ламаизма). Для Жетысу подобные изображения – совсем уж диковинка, поскольку не относились к местам формирования мирооззрения и методам выражения – стилистике выражения.

Заключение

Наследие периода казахско-жонгарских войн, к которому могут быть отнесены и значительная часть точно относится новые, публикуемые здесь материалы, были обнаружены в последние годы на территории заповедника-музея «Тамгалы». Значительная часть наследия состоит из эпиграфики и сопровождавших немногочисленных весьма знаковых изображений.

Последние данные по этому наследию представляют определенный интерес для исследователей этого этапа распространения ламаизма в Шу-Илейских горах и Жетысу. Как известно, жонгары владели регионом Жетысу с 1640-х до 1729–1730 гг., но и потом до 1780-х гг. (полной победы над жонгарами) казахское владение регионом было неустойчивым. С первой половины XIX в. уже кокандцы начинают устраивать набеги на регион. Часть наследия фактически Новой истории Казахстана в Шу-Иле может быть отнесена к казахам, определенная часть к жонгарам.

С другой стороны, эта публикация свидетельствует о том, что жонгары – носители ламаистской традиции, еще не до конца освободившиеся от своего язычества, не нашли лучшего места для выбивки своего «лучеликого» изображения в молитвенной, сидячей позе с соединенными ногами. На наш взгляд, поза, а также мощный торс может отражать идеальный образ жонгарского воина: сильного и «просветленного», притом не только «светом» буддизма, но и древней традиции.

Ламаистское наследие Нового времени, устройство сакральных мест ими связывает с многовековым наследием буддизма Восточной и Южной Азии. В этой связи, изучение наследия жонгаров может связать вопросы организации сакрального ландшафта Нового времени и древности, пусть и относящихся к различным традициям. В этом случае о наличии древнего святилища в Тамгалы можно судить, в том числе, и по косвенным данным подобного «признания» всеми подобными народами, населявшими Жетысу, а также редкими, но статусными посетителями, оставлявшими свои автографы на скалах Тамгалы.

Литература

Алтынбеков К., Чарлина Л.Ф. Презентация петроглифов Тамгалы и Тамгалыгас (Илийский Капшагай) и задачи практической консервации. // Сборник материалов Международного семинара-тренинга по историко-культурному наследию стран СНГ, проведенного 19–23 сентября 2011 года в городе Алматы (Казахстан). Алматы, 2011. С. 94-99.

Байпаков К.М., Марьяшев А.Н. Петроглифы Ак-Кайнара. Алматы: Credos, 2009. 104 с.

Волков В.В. Оленные камни Монголии. М.: Научный мир, 2002. 248 с.

Горячев А.А., Егорова Т.А. Художественное своеобразие и семантический анализ образов «солнцеголовых» эпохи бронзы Тамгалы в свете материалов письменной и изобразительной традиций древних цивилизаций // История и археология Семиречья. Алматы, 2011. Вып. 4. С. 27-47.

Ерофеева И.В. Принятие новой религии правящей элитой ойратских племен. // Байпаков К.М., Ерофеева И.В., Казизов Е.С., Терновая Г.А. История религий в Казахстане (древность и средневековье). Алматы: ServicePress, 2018. 553 с.

Железняков Б.А. К дефиниции понятия культурный ландшафт (применительно к памятникам наскального искусства Жетысу) // Труды Казахского НИИ Культуры. Культурный ландшафт как объект наследия: сб. матер. междунар. науч.-практ. семинара (г. Алматы, 26–27 сентября 2013). Алматы, 2013. Т. 2. С. 18-24.

Железняков Б.А., Садуакасулы А., Херманн Л. Новые петроглифы Тамгалы и Чуили // Древности Жетысу. Памятники археологии Жамбылского района. Алматы, 2016. С. 88-109.

Железняков Б.А., Садуакасулы А., Херманн Л. Петроглифы Актерека // Оразбаевские чтения-IX: матер. междунар. науч.-метод. конф. Алматы, 2017. Ч. I. С. 45-52.

ИАС. История и археология Семиречья: сб. ст. и публикаций. Алматы, 2019. Вып. 6. 242 с.

Иманбекова К.И., Яценко Е.Л. Организация туристических маршрутов на памятниках комплекса Тамгалы // Памятники наскального искусства Центральной Азии. Общественное участие, менеджмент, консервация, документация. Алматы, 2004. С. 145-147.

Марьяшев А.Н., Ермолаева А.С., Мотов Ю.А. Новые петроглифы урочища Тамгалы // Вестник АН КазССР. 1979. № 8. С. 50-54.

Марьяшев А.Н., Железняков Б.А. Древности Кулжабасы. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. 154 с.

Максимова А.Г. Наскальные изображения ущелья Тамгалы // Вестник АН Каз. ССР. 1958. № 9 (162). С. 109-111.

Миклашевич Е.А. Влияние торевтики на формирование стилей наскального искусства Южной Сибири, Средней и Центральной Азии // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии (Труды САИПИ. Вып. VI). Барнаул: Азбука, 2010. С. 135-144.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. Л.: Наука, 1969. Ч. 1. 217 с.

Рогожинский А.Е. Наскальные изображения «солнцеголовых» из Тамгалы в контексте изобразительных традиций бронзового века Казахстана и Средней Азии // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Бишкек: Илим, 2009. Вып. 4. С. 53-74.

Рогожинский А.Е. Петроглифы археологического ландшафта Тамгалы. Алматы: SignetPrint, 2011. 342 с.

Потанов С.А. Древнее святилище Каракыр. Алматы: Китап, 2007. 176 с.

Херманн Л. Наскальное искусство местности Аккайнар Чуили // Древности Жетысу. Памятники археологии Жамбылского района. Алматы, 2016. С. 52-72.

Bruneau L. Le Ladakh (état de Jammu et Cachemire, Inde) de l'Âge du Bronze à l'introduction du Bouddhisme: une étude de l'art rupestre. Université Paris I-Panthéon-Sorbonne. 2010. Т. 4. Annexes. 64 p.

Hermann L. Rock art of the Akkainar, Kazakhstan (Almaty oblys) // INORA. 2015. 73. P. 5-13.

Hermann L., Zheleznyakov B. The rock art site of Akterek, Kazakhstan // INORA. 2016. 76. P. 14-21.

Hygen A.-S., Bengtsson L. Rock Carvings in the Borderlands. Bohuslan and Ostfold. Savedalen: Warne Forlag, 2000. 224 p.

И. В. Крупко

АРХЕОЛОГИЯ И КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ: ХРОНОТОП, АКТОРЫ, ПРОСТРАНСТВО

В статье представлены некоторые возможности междисциплинарного синтеза, исследуются структурные характеристики хронотопа традиционной казахской культуры как одной из базовых, организующих моделей семиосферы сакрального. Для кросс-культурного расширения и верификации исследования привлечены не только нарративные, письменные и этнографические источники, но и археологические материалы. В настоящей работе показано как традиционная казахская культура кодирует пространство, время и действие. Для доказательства существования хронотопа не только как аналитической категории нашего исследования, но как реального жизненного контекста, успешно функционирующего в традиционной культуре, в статье приведен пример выхода за границы хронотопа и последствия этого выхода для нарушивших «законы жанра». Таким образом, магия символа традиционной культуры существует в границах хронотопа, воплощаясь не только в телесных кодах, обрядах и моделях поведения, но и кодирует пространство: архитектуру, артефакты и окружающие их символические действия (в качестве доказательства кросс-культурной универсальности этих архетипических моделей мы привели археологические примеры из средневекового прошлого оседлых культур на территории Казахстана).

Ключевые слова: религии, традиционная казахская культура, хронотоп, ритуальные практики, археология

Археология және мәдени антропология: хронотоп, акторлар, кеңістік

Мақалада пәнаралық синтездің кейбір мүмкіндіктері көрсетілген, дәстүрлі қазақ мәдениетінің хронотоптарының құрылымдық сипаттамалары сакральды семиосфераның негізгі ұйымдастырушылық модельдерінің бірі ретінде қарастырылған. Зерттеулерде кроссмәдениеттің кеңеюі мен расталуы үшін тек баяндау, жазбаша және этнографиялық дереккөздер ғана емес, сонымен қатар археологиялық материалдар да тартылады. Аталған жұмыста қазақтың дәстүрлі мәдениеті кеңістікті, уақыт пен әрекетті қалай кодтайтыны көрсетілген. Біздің зерттеуіміздің аналитикалық категориясы ретінде ғана емес, дәстүрлі мәдениетте сәтті жұмыс істейтін нақты өмірлік контекст ретінде хронотоптың бар екендігін дәлелдеу үшін мақала хронотоптың шекарасынан шығып, «жанр заңдарын» бұзғаны үшін осы шығу салдары туралы мысал келтіреді. Олай болса, дәстүрлі мәдениет символының сиқыры хронотоптың шекараларында болады, ол тек дене кодтары, салт-дәстүрлер мен мінез-құлық модельдерінде ғана емес, сонымен бірге кеңістікті де кодтайды: сәулет, артефакттар және олардың айналасындағы символдық әрекеттер (осы архетиптік модельдердің кроссмәдениеттің эмбебаптығының дәлелі

ретінде біз Қазақстандағы отырықшы мәдениеттердің ортағасырлық өткенінен археологиялық мысалдар келтіреміз).

Түйін сөздер: діндер, казактың дәстүрлі мәдениеті, хронотоп, салт-дәстүр, археология

Archeology and cultural anthropology: chronotop, actors, space

The article explores some perspectives of interdisciplinary research and structural characteristics of chronotope of the traditional Kazakh culture as one of the basic organizing models of the sacred semiosphere. For cross-cultural expansion and verification of the research, not only narrative, written and ethnographic sources were used, but also archaeological materials. This paper shows how traditional Kazakh culture encodes space, time, and action. To prove the existence of the chronotope, not only as an analytical category of our study, but as a real life context that successfully functions in traditional culture, the article gives an example of going beyond the boundaries of the chronotope and the consequences of this exit for violating the “laws of the genre”. Thus, the magic of the symbol of traditional (in our case, Kazakh) culture exists within the boundaries of the chronotope, embodied not only in body codes, rites and models of behavior, but also encodes space: architecture, artifacts and the symbolic actions surrounding them (as evidence of cross-cultural universality of these archetypal models, we have given archaeological examples from the medieval past of settled cultures in Kazakhstan).

Keywords: religions, traditional Kazakh culture, chronotope, ritual practices, archaeology

Хронотоп традиционной культуры существует в космологичной гармонии природы и социума, проецируя свои иерархии на окружающее пространство и определяя человеческие отношения. Сфера сакрального в традиционной культуре четко систематизирована и регламентирована в пространственно-временном отношении к событию, где каждая его деталь семантически функциональна. В попытках разглядеть и проникнуть в семиосферу сакрального в казахской культуре мы неизбежно сталкиваемся с проблемой аутентичности, пульсирующей под несколькими слоями социальной памяти в сложном переплетении гибридного, колониального и самобытного. В кривых зеркалах политики памяти традиционная культура узнает себя благодаря колониальному анамнезу и после обретения независимости заимствует структуры, зеркально перекодируя смыслы и обращая их против культуры-гегемона [Ионов, 2009, с. 47]. Однако на следующем этапе деколонизации оптика исследования смещается с легитимации автохтонности/древности/государственности/травмы и в дискурсивном поле открывается возможность понимания аутентичного.

Концепт «хронотоп», введенный в литературоведение и культурную антропологию М. Бахтиным и означающий «пространственно-временной континуум» культуры, горизонт событий, жизненный контекст со временем разросся до парадигмы социогуманитарных наук: «...существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, мы будем называть *хронотопом* (что значит в дословном переводе — «время-пространство»... нам важно выражение в нем неразрывности пространства и времени (время как четвертое измерение пространства)...» [Бахтин, 1975] (выделено автором –

прим. ред.). Развивая это концептуальное наследие М. Бахтина и возможности, открытые им, мы предлагаем использовать «хронотоп» как объясняющую модель сюжетного пространства-времени в историко-антропологическом исследовании сакральных практик казахской культуры, проводимом в настоящей работе и показать, как хронотоп определяет восприятие событий и диктует модели поведения.

Чтобы доказать существование хронотопа не только как аналитической категории нашего исследования, но как реального жизненного контекста, успешно функционирующего в традиционной культуре, мы приведем пример выхода за границы хронотопа и последствия этого выхода для нарушивших «законы жанра».

В качестве примера используем логику народного ислама XVIII–XIX вв., ставшего важным элементом культурной идентичности казахов. Будучи импортированной из арабского мира, исламская религия распространилась по территории современного Казахстана, органично сливаясь с локальными верованиями и культами, образуя синкретическую систему взаимодействия мусульманских символов и аутентичных магических практик. Однако иногда при наложении двух символических полей – исламского и аутентичного (символического поля «народной религии») – возникала зона несовпадения двух культур и их конфликт. В настоящей работе нас интересует только один пример этого конфликта, причиной которого был выход за границы хронотопа традиционной казахской культуры (магического контекста) исламских религиозных агентов, действовавших по сценарию религии, проводниками которой они были.

1. *«...Нередко случается (я сам однажды имел возможность это наблюдать), что читающему Коран гостю-татарину предлагают покинуть юрту, так как в ней нет покойников и хозяин опасается, как бы чтение Корана не вызвало пагубные последствия. Бормоча проклятия, правоверный с искаженным презрением и насмешкой лицом вышел из юрты, уселся шагах в пятидесяти от нее и там продолжал чтение»* [Радлов, 1989, с. 329].

2. *«Киргизы тогда верили, что если во время лета наступят продолжительные дожди, а зимой – постоянные бураны, то это происходит от постоянного чтения муллами Корана, по поверию их, т.е. народа, через то заряжается воздух. В одно время, зимою, когда Шуришала-мулда читал по умершим Коран, то чуть не подвергся пытке и сожжению»* [Казахские чиновники..., 2014, с. 307] (выделено автором – прим. ред.). Примеры далеко не единичны и подтверждаются фольклорными материалами. Попытки объяснения распространенности таких случаев были. Например, Е. Бекмаханов цитирует этот источник как доказательство слабого влияния ислама в регионе и объясняет это сохранившимся институтом «бақсы», т.е. невытесненностью исламскими служителями – казахских шаманов, продолжающих занимать ключевые позиции на религиозном поле [Бекмаханов, 1947, с. 390]. Однако, на наш взгляд, дело не ограничивается только этим.

Приведенные примеры иллюстрируют базовую специфику народной религии (в данном случае «народного ислама»), главная функция которой – оформление отношений человека и реальности в точках наиболее интенсивного экзистенциального напряжения (рождение, смерть, свадьба, лечение больного и т.д.). Не менее важным является управление календарными обрядами, воспроизводящими космические циклы и поддерживающими порядок во вселенной мифологического мышления, а также различными магическими практиками, направленными на помощь индивиду и коллективу в повседневности (вызов дождя - «тасаттық», скапуломантия и т.п.). Все эти функции разделены между разными категориями служителей культа, магов, гадателей, проводников сакрального и др., отвечающих за разные сферы реальности. С распространением ислама на территории Казахстана (VIII–XIX вв.) часть этих функций берут на себя агенты мусульманской религии. Однако зона конфликта возникает, когда проводник сакрального (мулла), действия которого должны в соответствии с мифопоэзисом народной религии активизироваться только в случае чьей-либо смерти, рождения, потребности изменить погоду и т.д., выходит за пределы своих функций и продолжает действовать вне хронотопа сакрального. Немедленной реакцией традиционной культуры на это является отторжение и вытеснение подобного несовпадения как опасной возможности возникновения ситуации (хронотопа), когда, к примеру, читать молитву по умершему действительно понадобится. Иногда контекст не так насыщен метафизикой, и люди просто иронично воспринимают служителей культа, превысивших свои магические полномочия: *«Самые муллы, посылаемые в степь по делам народным, не смеют настоятельно им показать важность сего полезного и благотворительного учреждения, ибо, когда сии наскучат своим нравоучением, то плети и презрение соделаются неминуемою за сие наградою»* [Гавердовский, 2005, с. 202] *«Какое представление о святости религии и Корана имеют киргизы иллюстрирует лучший всего следующий случай, который произошел в Акмолинской губернии. Один киргиз, которого обвинили в краже скота, должен был поклясться перед судом, что у мусульман происходит так, что они, приложившись лбом, целуют его. И когда призванный для приведения его к клятве мулла протянул ему Коран, тот, будучи явно в плохом настроении, схватил Коран, стал бить им по ушам священнослужителя до тех пор, пока Коран не превратился в клочья. В наказание за кощунственное осквернение святости Корана, оскорбление муллы и судебной палаты он был приговорен к покупке мулле нового Корана»* [Шварц, 2006, с. 180] (выделено автором – прим. ред.).

В исторической памяти казахстанского общества религиозная идентичность связывается, в первую очередь, с исламом, выполняя этнодифференцирующую функцию, несмотря на то, что религии откровения («религии книги», авраамические религии) принципиально отличаются от традиционных открытостью к своим потенциальным адептам из любой этнической группы. Однако чаще всего в широких массах ислам фигурирует как неотъемлемая часть культурного, символического, а иногда и политического

капитала, являясь важным элементом этнонациональной идентичности. При этом забывается, что институционализация ислама на территории Казахстана произошла не в последнюю очередь благодаря религиозной политике Российской империи, воплотившей сценарий «этнографического зеркала», когда с целью налаживания отношений со степной элитой, империей осуществлялось строительство мечетей, мектебов, медресе, назначение мулл и других религиозных служителей (из татар – наиболее лояльных своих проводников, как тогда казалось имперской администрации) – и, в конечном счете, населению Степи был предъявлен убедительный образ религиозной идентичности, ставшей со временем восприниматься как аутентичность. Однако первоначально ислам проник на территорию Казахстана с VIII в. вместе с волнами арабской экспансии. Средневековье здесь было отмечено строительством культовых сооружений и мемориальных комплексов, архитектура которых представляла собой синкретическую модель как местных, так и импортированных традиций. Среди погребальных сооружений и ритуально-мемориальных комплексов также часто встречаются образцы синкретизма, воплощенные в материальной культуре населения этого региона. Несмотря на материальное воплощение, ислам как система религиозных идей, канонов, символов, табу и моделей поведения распространилась в широкие массы, не проникнув туда на догматическом уровне, слившись с «народными религиями», местными верованиями, системами смыслов и практик, образуя «народный ислам». Механизмы и алгоритмы мышления, актуализировавшие народное взаимодействие с исламом, работали и работают по законам фольклорного мышления, не говоря о том, что и в самом догматическом исламе вполне легитимно существуют и действуют персонажи семитской демонологии. Дискурс казахстанской историографии (характерный для постсоветского региона сценарий), говоря о религиях на территории Казахстана, также допускает анахронизм, опрокидывая в прошлое модель описания современного «толерантного» пост-секулярного общества, утверждая, что с древности здесь сосуществовали миролюбивые религии, дополняя и взаимообогащая друг друга. Разумеется, это утверждение вызывает много вопросов. Во-первых, религия как учение или сформировавшаяся цельная система идей с собственной космологией, теогонией, социальной моделью, нормативным канонem и т.д. по определению не может не отрицать все другие модели, противоречащие ей хоть немного, иначе ее границы будут размыты и утратится контроль над собственными адептами: почему они должны выбирать именно эту религию, если все религии хороши? Во-вторых, утверждения типа «все религии призывают к миру и добру» расходятся с эмпирическим материалом исторической науки в диаметрально противоположные стороны. Однако генезис подобного рода утверждений понятен: это типичный образец интеллигентского дискурса о религии, воспитанный в секулярном (или в атеистическом) обществе, где религия не играет той роли, что была у нее в традиционной культуре, а значит, открыто поле интерпретаций, когда интеллигент может насыщать понятия «религиозность» или «духовность» собственными, вполне светскими смыслами.

И если в пост-секулярной культуре эпохи модерна, на онтологическом уровне пропустившей мимо летный период секулярности, религия является монополистом на рынке добродетелей, значит, необходимо кратко описать генезис подобной монополизации как универсального явления. В архаических обществах религия (ее ранние формы, мифопоэтические представления, магический праксис) является способом диалога с окружающей реальностью с вполне прагматической целью выживания и благополучия (успех на охоте, излечение болезни, благополучные роды, обряды плодородия, поддержание миро(мифо)порядка с помощью календарных обрядов). С этой целью генерируются символические системы и системы табу, выстроенные в соответствии с мифологией, базовыми законами восприятия и потребностями человеческой психики, помогающие человеку в точках наиболее интенсивного экзистенциального напряжения и создающие иллюзию поддержки извне. Таким образом, архаические религиозные системы управляют человеческими судьбами, апеллируя к естественному порядку вселенной архаического микро- и макрокосмоса, а не к абстрактному нормативному канону, потому что «так надо, потому что хорошо или плохо». Это продолжается до тех пор, пока аппарат служителей культа не срывается с формирующимся государством, использующим религиозную монополию на знание и управление реальностью, со временем эволюционируя в регулятора моральной жизни общины.

Таким образом, говоря о хронотопе сакрального в казахском обществе, мы говорим с текстом культуры и контекстом, определяющим возможность существования первого.

Не менее интересным является воплощение хронотопа сакрального не только в телесных практиках и описанных нами поведенческих моделях, но и в архитектуре средневекового города. В качестве примера мы приведем трехступенчатый алтарь, открытый в ходе раскопок 2018 г., проводившихся на средневековом городе Кастек при участии автора настоящей статьи (археологические данные используются здесь как доказательство существования хронотопа, несмотря на разницу в эпохах и типах культур).

В глиняном трехступенчатом алтаре из средневекового города Кастек воплощается трехуровневая модель мира. «Нижний мир» в архитектуре алтаря ассоциирован с напольным очагом, «средний» и «верхний» миры – две ступени жертвенника. В данном случае архитектура является текстом культуры, прочесть который могут ее адепты. Знаковая система, закодированная в устройстве этого алтаря, диктуется не только его архитектурой, но и функциональностью. Исходя из устройства жертвенника-алтаря, можно предположить, что он использовался для воскурений. Несколько лет ранее возле аналогичного алтаря был найден керамический сосуд с семенами конопли. Археологические исследования последних лет подтверждают именно эту функцию аналогичных алтарей (на Памире и в Индостане, встречаются также в Южной Сибири (Туве, Минусинской и Кузнецкой котловинах, в Жетысу) [Нуржанов, Терновая, 2014; Нуржанов, 2018] и психостимулирующих растений. Таким образом, мы видим, что алтарь воплощает свою сакральную функцию портала в другие миры не

только архитектурно (три ступени мироздания), но и с помощью психоактивных растений, воскуряя которые служители культа становились психопомпами и проводниками в сферы сакрального. Вместе физическое пространство алтаря и окружающая его система спиритических практик активируют хронотоп сакрального в единстве места и действия.

В задачи настоящей статьи входит введение в культурную антропологию Казахстана концепта – **«обратная зеркальность инобытия»** (выделено автором – прим. ред.), позволяющего понять знаковую систему, действующую в телесных практиках/кодах в сфере сакрального и воплощенную в артефактах материальной культуры. Концепт помогает понять ту часть семиосферы сакрального в казахской культуре, которая так или иначе связана с лиминальными состояниями перехода, когда актер балансирует между мирами.

Главными субъектами/объектами лиминальности в традиционной казахской культуре были невеста, баксы и покойный, соответствующие трем переходным состояниям: смены социального статуса и рождения в новой семье в качестве новой дочери, психопомпа и смерти. И если баксы (шаман) является субъектом, то невеста и покойный существуют в семиосфере сакрального как объекты воздействия лиминальных обрядов. Иной мир воспринимается как зеркально противоположный, и, в соответствии с этим, традиционная культура выстраивает свои ритуалы. Во время свадебных мероприятий девушка окружалась целой системой знаков, символизирующих ее переходное состояние: закрытие лица, песни «сынсу», по трагической тональности сходные с «жоқтау» (в их функции входит статусная коррекция личности келін: символическая смерть в прежней семье и новое рождение в статусе замужней женщины), и ключевая в этом контексте метафора культуры – зафиксированное некоторыми этнографами в XX в. общение с ней через зеркало как с существом из иного мира. Аналогичные практики окружают и покойного на границе инобытия (характерно использование в качестве погребального инвентаря айбалта – топора, заменяющего покойному камчу).

Еще одним археологическим артефактом, воплощающим обратную зеркальность инобытия в материи, является сосуд X в. (эпоха Караханидов) из средневекового городища Кастек. Его конструкция предполагает свое использование не в качестве предмета быта, но как ритуальный артефакт инобытия: герметичный изнутри слив сделан у ручки. Предположительно, этот сосуд использовался в ритуальных практиках взаимодействия со сферой сакрального (обряды, контакты с духами, магические практики). Сосуд представляет собой семиотический код, характерный для всего, что сообщается с «иными мирами», где все становится зеркально обратным (разбитая в погребении ритуальная чаша восстанавливается, покойный сидит на быке задом наперед, с невестой во время свадебных обрядов общаются через ее отражение в зеркале и т.д.).

Таким образом, магия символа традиционной (в нашем случае казахской) культуры существует в границах хронотопа, воплощаясь не только в телесных кодах, обрядах и моделях поведения, но и кодирует пространство:

архитектуру, артефакты и окружающие их символические действия (в качестве доказательства кросс-культурной универсальности этих архетипических моделей мы привели археологические примеры из средневекового прошлого оседлых культур на территории Казахстана). Религиозная идентичность в казахской культуре представляет собой сложный, многослойный, ситуативный этнометафизический континуум уникального и универсального.

Литература

Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 234-407.

Бекмаханов Е. Казахстан в 20-40-е годы XIX века. Алма-Ата. Казахское объединённое Государственное издательство, 1947. 390 с. URL: <http://bibliotekar.kz/kazakhstan-v-20-40-gody-xix-veka-e-bekmah/glava-2-socialnye-otnoshenija-kazahov.html> (дата обращения: 31.01.2020 г.).

Гавердовский Я.П. Прибавление к дневным запискам доктора 7-го класса Большого // История Казахстана в русских источниках в 12 томах. Алматы: «Дайк-пресс», 2005. Т.5 – 484 с.

Ионов И.Н. Новая глобальная история и постколониальный дискурс // История и современность. 2009. № 2. С.33-60.

Казахские чиновники на службе Российской империи: сборник документов и материалов / отв. ред. Г.С. Султангалиева, сост. Г.С. Султангалиева, Т.Т. Далаева, С.К. Удербаяева. Алматы: Қазақ университеті, 2014. 418 с.

Нуржанов А.А. Повседневность средневекового городища Кастек в сакральных артефактах // Маргулановские чтения–2018: матер. междунар. науч.-практ. конф. (г. Актобе, 13 апреля 2018 г.). Алматы; Актобе: Актюбинский региональный государственный университет им. К. Жубанова, 2018. С. 85-96.

Нуржанов А.А., Терновья Г.А. К вопросу об обрядовой практике жителей Жетысу (Семиречья) в VIII–IX вв. // Труды «IV» XX Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань: Отечество, 2014. С. 312-316.

Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. Пер. с нем. Примеч. и послесл. С.И. Вайнштейна. М.: Наука, 1989. 749 с.

Шварц Ф. Туркестан – ветка индогерманских народов // История Казахстана в западных источниках в 12 томах. Алматы: Мәдени мұра, 2006. Т. 5. С. 175-238.

ҚЫСҚАРТУЛАР ТІЗІМІ

Список сокращений

Абай ат. ҚазҰПУ –	Абай ат. Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Алматы қ.
АДІУ –	Археологія і давня історія України, Киев
АлтГТУ –	Алтайский государственный технический университет, Барнаул
АлтГУ –	Алтайский государственный университет, Барнаул
АН СССР –	Академия наук СССР
АО –	Археологические открытия, М.
АСГЭ –	Археологический сборник Государственного Эрмитажа, Л., СПб.
АЭАЕ –	Археология, этнография и антропология Евразии, Новосибирск
БГПУ –	Барнаульский государственный педагогический университет
БНЦ СО РАН –	Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН, Улан-Удэ
БФАН СССР –	Башкирский филиал Академии наук СССР, Уфа
ВААЭ –	Вестник археологии, антропологии и этнографии, Тюмень
ВАУ –	Вопросы археологии Урала, Свердловск/Екатеринбург, Ижевск, Сургут
ВГПИ –	Воронежский государственный педагогический институт
ВДИ –	Вестник древней истории, М.
Вестник НВГУ –	Вестник Нижневартковского государственного университета
ВКО –	Восточно-Казахстанская область
ВолГУ –	Волгоградский государственный университет, Волгоград
ВСОГО СССР –	Всесоюзное географическое общество СССР
ВЦИК –	Всероссийский центральный исполнительный комитет
ГА РФ –	Государственный архив Российской Федерации
ГАИМК –	Государственная академия материальной культуры

ГАИМК НКП –	Государственная академия истории материальной культуры Народного комиссариата просвещения
ГАНИИЯЛ –	Горно-Алтайский научно-исследовательский институт языка и литературы
ГИМ –	Государственный исторический музей, М.
ГУЛАГ ОГПУ –	Главное управление лагерей, трудовых поселений и мест заключения Объединённого государственного политического управления
ГЭ –	Государственный Эрмитаж
ДГУ –	Днепропетровский государственный университет
ДНЦ РАН –	Дагестанский научный центр РАН, Махачкала
ДонГТУ –	Донецкий государственный технический университет
ЕНУ им. Л.Н. Гумилева –	Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
ЗВОРАО –	Записки Восточного отделения Российского археологического общества, СПб.
ЗКО –	Западно-Казахстанская область
ИА НАНУ –	Институт археологии Национальной академии наук Украины, Киев
ИА РАН –	Институт археологии РАН, М.
ИАК –	Императорская археологическая комиссия
ИАЭт СО РАН –	Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Новосибирск
ИВ РАН –	Институт востоковедения РАН, М.
ИГАИМК –	Известия Государственной академии истории материальной культуры, Л., Л.-М.
ИГУ –	Иркутский государственный университет
ИИАЭ АН КазССР –	Институт истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова АН КазССР
ИИМК –	Институт истории материальной культуры РАН
ИМКУ –	История материальной культуры Узбекистана, Ташкент
ИрГТУ –	Иркутский государственный технический университет
ИТЛ –	Исправительно-трудовой лагерь
ИЭА РАН –	Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, М.

ҚазМУ –	Әл-Фараби атындағы Қазақ мемлекеттік университеті, Алматы
КазНИИК –	Казахский научно-исследовательский институт культуры, Алматы
КарГУ –	Карагандинский государственный университет
КГПИ –	Костанайский государственный педагогический институт
КГПИ –	Куйбышевский государственный педагогический институт
КГПУ –	Красноярский государственный педагогический университет
КемГУ –	Кемеровский государственный университет
ККНИИГН –	Каракалпакский научно-исследовательский институт гуманитарных наук
Колл. –	коллекция
КСИА –	Краткие сообщения Института археологии РАН, М.
КСИИМК –	Краткие сообщения Института истории и материальной культуры, М.;Л.
ЛНИАО –	Ленинградское научно-исследовательское археологическое объединение
ЛО ИА АН СССР –	Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
ЛФ ЦЭНДИСИ АН СССР –	Ленинградский филиал Центра научно-технической деятельности, исследований и социальных инициатив
МАЭ ОмГУ –	Музей археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского
МИА –	Материалы исследования по археологии СССР, М.; Л.
МИАР –	Материалы исследования по археологии России, М.
МИТТ –	Материалы по истории туркмен и Туркмении, М.; Л.
МИЦАИ –	Международный институт центрально-азиатских исследований, Самарканд
МКТУ –	Международный казахско-турецкий университет им. Х.А. Ясави, Туркестан

МХЭ –	Материалы Хорезмской экспедиции, М.
НА ИИМК РАН –	Научный архив Института истории материальной культуры РАН
НАВ –	Нижневолжский археологический вестник, г. Волгоград
НАН –	Национальная Академия наук
НГУ –	Новосибирский государственный университет
НИС –	Научно-исследовательский сектор
НИЦИА «Бегазы-Тасмола» –	Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола», Алматы
ОАВЕС –	Отдел археологии Восточной Европы и Сибири
ОГПУ –	Оренбургский государственный педагогический университет
ОИФН РАН –	Отделение историко-филологических наук РАН
ОҚАЭ –	Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясы
Оп. хр. –	Опись хранения
ПАВ –	Петербургский археологический вестник
ПГСГА –	Поволжская государственная социально-гуманитарная академия
ПИМК –	Проблемы истории материальной культуры, Л.; СПб.
ПТКЛА –	Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии
РА –	Российская археология, М.
РАН –	Российская Академия наук
РАНИОН –	Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РГО –	Русское географическое общество
РИО –	Редакционно-издательский отдел
РМК ММЕ ҒЗЖИ –	Республикалық мемлекеттік кәсіпорын «Материалдық мәдениет ескерткіштерін ғылыми-зерттеу және жобалау институты»
РО –	Рукописный отдел
РФФИ –	Российский фонд фундаментальных исследований
СА –	Советская археология, М.

САИ –	Свод археологических источников
САИПИ –	Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства
СамГПУ –	Самарский государственный педагогический университет
СГСПУ –	Самарский государственный социально-педагогический университет
СГЭ –	Сообщения Государственного Эрмитажа, Л., СПб.
СМАЭ –	Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)
СМИЗО –	Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, М.; Л.
СМНЦ РАН –	Самарский научный центр РАН
СНВ –	Самарский научный вестник
СНК РСФСР –	Совет народных комиссаров Российской Советской Федеративной Социалистической Республики
СНК СССР –	Совет народных комиссаров Союза Советских Социалистических Республик
СОМК –	Саратовский областной музей краеведения
СПбФ АРАН –	Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
СЭ –	Советская этнография, М.
ТГЭ –	Труды Государственного Эрмитажа, Л., СПб.
ТиПАИ –	Теория и практика археологических исследований, Барнаул
ТКЛА –	Туркестанский кружок любителей археологии
ТХАЭЭ –	Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, М.
ТЭ –	Тохаристанская экспедиция
ТюмГНГУ –	Тюменский государственный нефтегазовый университет
УАВ –	Уфимский археологический вестник
УАС –	Уральское археологическое совещание
УИВ –	Уральский исторический вестник, Екатеринбург
УНЦ РАН –	Уфимский научный центр РАН
ҰҒА –	Ұлттық Ғылым Академиясы

ФГБОУ ВО РАНХиГС –	Федеральное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
ФИА им. А.Х. Маргулана –	Филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана, Астана, Нур-Султан
ФНИ ГАН РФ –	Фундаментальные научные исследования Государственных академий наук РФ
ХАЭЭ –	Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция
ЦИКР “Рифей” –	Центр историко-культурных реконструкций «Рифей», Челябинск
ЧГПУ –	Челябинский государственный педагогический университет
ЧелГУ –	Челябинский государственный университет
ЭВ –	Эпиграфика Востока, М.
ЭО –	Этнографическое обозрение, М.
ЮНЦ РАН –	Федеральный исследовательский центр «Южный научный центр Российской академии наук», Ростов-на-Дону
ЮУрГУ –	Южноуральский государственный университет, Челябинск
INORA –	International Newsletter on Rock Art, France
JAS –	Journal of Archaeological Science, USA

МАЗМҰНЫ СОДЕРЖАНИЕ

Бас редактордан	15
От главного редактора	19
From Chief editor	23

АРХЕОЛОГИЯ ҒЫЛЫМЫ ТАРИХЫНАН Из истории археологической науки

<i>Маргулан Д.А.</i> А. Х. Маргулан и его вклад в исследование памятников Улытау-Жезказганского региона	27
<i>Бедельбаева М.В.</i> Образы наскального искусства Казахстана в научном наследии А. Х. Маргулана	33
<i>Әуезов Қ.Ж.</i> Ұлытау-Жезказған өлкесінің ежелгі металургия мен тау-кен ісінің зерттелу тарихы (XX ғасырдың 30–50 жылдардағы материалдары бойынша)	46
<i>Смирнов Н.Ю.</i> Экспедиция профессора П. С. Рыкова в Центральный Казахстан в 1933 г. Причины и история организации	52
<i>Аржанцева И.А.</i> Начальный этап работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в Казахстане (архивные материалы 1946–1951 гг.)	67

АРХЕОЛОГИЯДАҒЫ ПӘНАРАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР Междисциплинарные исследования в археологии

<i>Аяпова Д.Б.</i> Археологиядағы эксперимент және оның түрлері	81
<i>Горащук И.В.</i> Роль технологических исследований каменного инвентаря в построении культурно-хронологических схем	90
<i>Яковлева Е.С., Рахимжанова С.Ж., Лачкова М.К.</i> Неолитическая керамика лесостепного Притоболья: некоторые технологические аспекты в историко-культурном контексте	102
<i>Гаврилов Д.А., Мамиров Т.Б.</i> Педостратиграфия энеолитического памятника Деркул I	115
<i>Корякова Л.Н.</i> Особенности изучения образа жизни в археологии	127
<i>Мимоход Р.А., Загородняя О.Н.</i> Свидетельства ранений и убийств в посткатакомбном мире (XXII–XVIII вв. до н.э.)	137
<i>Антонов М.А., Ермолаева А.С.</i> Опыт создания трехмерной графической реконструкции теплотехнических сооружений поселений Атасу и Талдысай	152
<i>Панковский В.Б., Саргизова Г.Б.</i> Кейінгі қола дәуіріндегі Талдысай қонысының сүйек және мүйіз индустриясын жүйелеу	160

<i>Косинцев П.А., Варфоломеев В.В., Кисагулов А.В.</i> Новые материалы по животноводству населения Казахского мелкосопочника в конце эпохи бронзы	169
<i>Тишкин А.А., Омаров Г.К., Жунисов Ф.Т.</i> Рентгенофлюоресцентный анализ древних изделий из археологического собрания Зайсанского историко-краеведческого музея (Восточный Казахстан)	180
<i>Ержанова А.Е., Горячев А.А., Горацук И.В.</i> Каменные орудия с древних поселений северных склонов Иле Алатау	187
<i>Бахшиев И.И., Усачук А.Н.</i> Стержни полорогих животных из материалов позднебронзового поселения Оло Хаз в Башкирском Зауралье как маркер производственной специализации	197
<i>Григорьев А.П., Купцова Л.В.</i> Антропологические материалы раннего железного века из курганного могильника у с. Самородово в Оренбуржье	204
<i>Тажекеев А.А., Дарменов Р.Т., Назаров А.Ж.</i> Полевая консервация и укрепление сырцовых памятников в Приаралье	211
<i>Hürke H., Arzhantseva I. A., Tazhekeev A. A., Bronnikova M., Modin I. N., Panin A. V.</i> Interdisciplinary fieldwork at Jankent: Exploring early medieval urbanization on the lower Syrdarya	219
<i>Талеев Д.Ә., Шагирбаев М.С.</i> Бурнооктябрьск 1 (Жылкышытөбе) каласының остеологиялық материалдары	230
<i>Бочаров С.Г., Яворская Л.В.</i> Кожевенное производство золотоордынского города Маджар (Северный Кавказ) по результатам археологических и археозоологических исследований	242
<i>Нечвалода А.И., Баймуханов Н., Табалдиев К., Баимбетов Г.</i> Человек из Боз-Адыра: краниология, портретная реконструкция лица по черепу, палеогенетика индивида из средневекового некрополя на Тянь-Шане	253
<i>Петров П.Н., Камышев А.М.</i> Новый чагатаидский монетный двор XIII – XIV вв. (к нумизматике городища Кара-Джигач)	266
<i>Жолдасов Т.М.</i> Археологиялық қазба жұмыстары негізінде жүргізілген зерттеулер бойынша XV–XVI ғғ. басындағы Түркістан аумағындағы ақша айналымы	286
<i>Воякин Д.А., Сорокин Д.В.</i> Новые методы в области исследования археологических памятников – геомагнитное сканирование	294
<i>Гимранов Д.О., Косинцев П.А., Казизов Е.С.</i> Археозоологические материалы из раскопок буддийского монастыря Аблайкит	305

АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ДЕРЕКТЕРДІ ТАЛДАУ **Интерпретация археологических источников**

<i>Усманова Э.Р.</i> Об одном предмете из андроновского обихода	315
<i>Сараев В.В.</i> Алтарь с чашевидным углублением в долине реки Узын-Каргалы	323
<i>Чернов М.А.</i> К вопросу о погребальной обрядности по новым данным могильника эпохи бронзы Мадьярсай-1	333

<i>Джасыбаев Е.А., Тулегенов Т.Ж., Чекин А.Г.</i> Костяная пластина из Орнекского могильника: к вопросу об аналогиях изображениям голов хищных птиц	340
<i>Махортых С.В.</i> Изображения свернувшегося хищника VII–VI вв. до н.э. на Древнем Востоке	349
<i>Аникеева О.В.</i> Сакральная подвеска из филипповского кургана, как отражение древнеиранского культа, адаптированного ранними кочевниками Южного Урала	365
<i>Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю.</i> Бронзовый и биметаллический наконечники стрел из Чуйской долины в собрании музея «Раритет» в Кыргызстане	378
<i>Зуев В.Ю.</i> Датировка клинкового оружия финала скифской эпохи и находки фрагментов гераклейских амфор в Приуралье (заметки к дискуссии)	383
<i>Грудочко И.В.</i> Курганы с «усами»: эпоха поздней древности и раннего средневековья урало-казахстанских степей (IV–VII вв. н.э.)	392
<i>Бондарев А., Бондарев М., Досымбаева А.</i> Методы изучения и сохранения тюркского наследия на территории Казахстана	403
<i>Искандерова А.Д.</i> Стекло средневекового Хорезма	411
<i>Нуржанов А.А.</i> Средневековые города Таласской долины в эпоху Чагатаидского государства (XIII–XV вв.)	428
<i>Хасенова Б.М.</i> Ажурное литье кимаков: художественные особенности	436
<i>Иванов Г.Л.</i> Курумчинская культура Байкальской Сибири: современное состояние и дальнейшие перспективы изучения	443
<i>Недашковский Л.Ф., Шигапов М.Б.</i> Предметы материальной культуры с Хмелевского I селища	449
<i>Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю.</i> Железный двухлопастной наконечник стрелы редкой формы из Чуйской долины Кыргызстана	469
<i>Железняков Б.А.</i> Материалы по наследию ламаизма в Тамгалы XVII–XVIII вв.	474
<i>Крупко И.В.</i> Археология и культурная антропология: хронотоп, акторы, пространство	487
Қысқартулар тізімі – Список сокращений	495

Научное издание

Маргулановские чтения – 2020:
материалы международной научно-практической конференции
«Великая Степь в свете археологических
и междисциплинарных исследований»
(г. Алматы, 17–18 сентября 2020 г.).
Т. 1

Компьютерная верстка и дизайн – Ольга Кузнецова
Портрет К.М. Байпакова на с. 9 – фото О.В. Белялова.

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии им. А.Х. Маргулана
050010 г. Алматы, пр. Достык, 44
Подписано в печать 23.06.2020. Формат 84×108 ¹/₁₆
Усл. п. л. 29,9. Гарнитура «Times New Roman». Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии «Хикари»